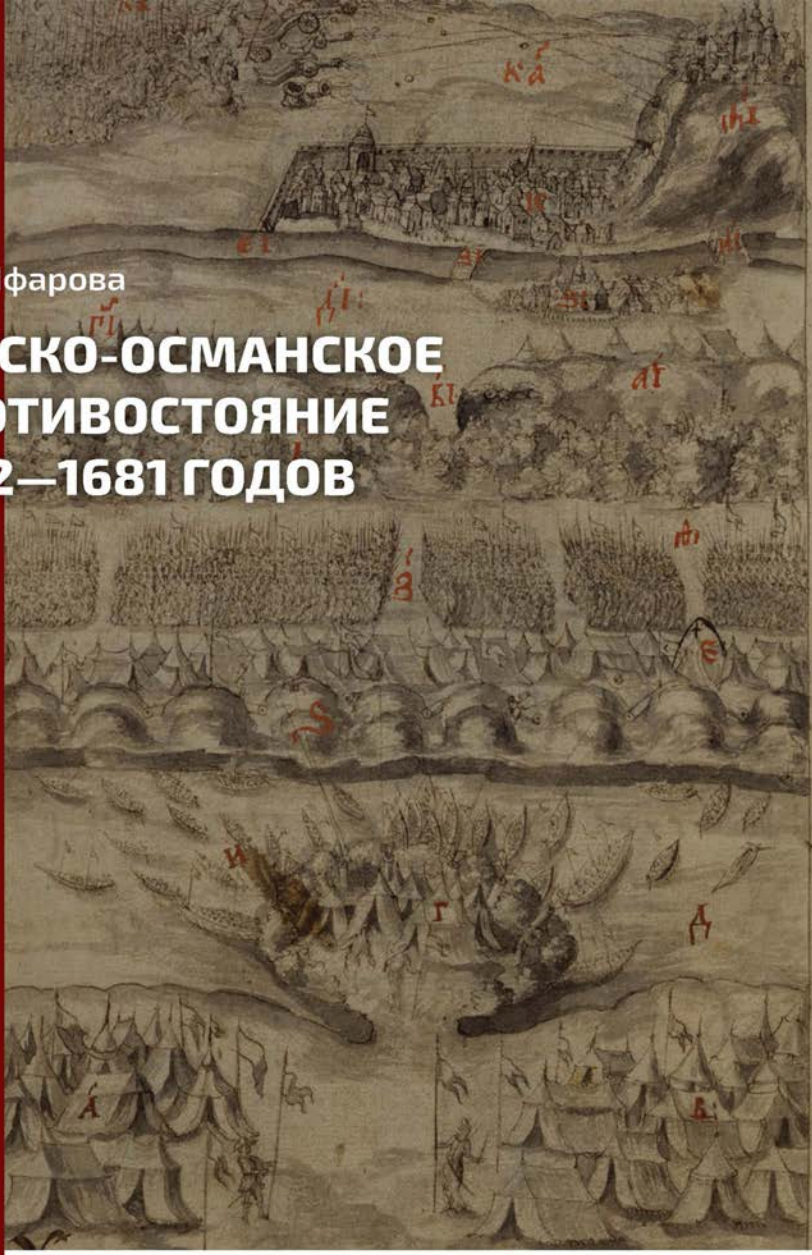
М. Р. Яфарова

РУССКО-ОСМАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ 1672—1681 ГОДОВ



КОНКУРС ТРУДОВ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М. Р. Яфарова

РУССКО-ОСМАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ 1672—1681 ГОДОВ

Книга посвящена первому прямому русско-турецкому конфликту 1672—1681 гг., открывающему череду русско-турецких войн конца XVII—XIX в. Начавшись как серия локальных столкновений, направленных прежде всего на борьбу за влияние в Поднепровье, противостояние постепенно переросло в один из крупнейших и наиболее кровопролитных военных конфликтов в восточно- и центральноевропейской истории последней четверти XVII в. При анализе военных и дипломатических усилий сторон значительное внимание сфокусировано на изучении целей, которые ставили перед собой Москва и Стамбул, представлений о возможных путях их достижения, выявлении объема информации, которым обладало московское правительство о противнике. Исследование основано на большом комплексе русских и отчасти османских источников — прежде всего архивных документов Посольского и Разрядного приказов.

НАУКА
— 1727 —

ISBN 978-5-02-041123-4

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

КОНКУРС
ТРУДОВ МОЛОДЫХ
УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ

М. Р. Яфарова

РУССКО-ОСМАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ 1672—1681 ГОДОВ

Москва
Наука
2024

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
Я89

Институт российской истории
Российская академия наук

Рецензенты:
доктор исторических наук *Н. Н. Петрухинцев*
доктор исторических наук *С. М. Шамин*

Ответственный редактор *Б. Н. Флоря*

Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние 1672–1681 годов. — М. : Наука, 2024. — 567 с. — ил.

ISBN 978-5-02-041123-4

Книга посвящена первому прямому русско-турецкому конфликту 1672–1681 гг., открывающему череду русско-турецких войн конца XVII — XIX в. Начавшись как серия локальных столкновений, направленных прежде всего на борьбу за влияние в Поднепровье, противостояние постепенно переросло в один из крупнейших и наиболее кровопролитных военных конфликтов в восточно- и центральноевропейской истории последней четверти XVII в. При анализе военных и дипломатических усилий сторон значительное внимание сфокусировано на изучении целей, которые ставили перед собой Москва и Стамбул, представлений о возможных путях их достижения, выявлении объема информации, которым обладало московское правительство о противнике. Исследование основано на большом комплексе русских и отчасти османских источников — прежде всего архивных документов Посольского и Разрядного приказов.

Для специалистов в области отечественной истории и читателей, интересующихся этой темой.

ISBN 978-5-02-041123-4

© Яфарова М. Р., 2024
© ФГБУ «Издательство “Наука”», редакционно-издательское оформление, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Становление государственных границ на юге Восточной Европы в раннее Новое время было длительным и противоречивым процессом. Территории крупных государств, на которых присутствовали их войска и действовала администрация, отделяли друг от друга обширные и довольно слабо заселенные земли. Наличие таких значительных пограничных зон привело к тому, что нормы международных отношений, сложившиеся в этом регионе, отличались от тех, которые в XVII в. оформились в других частях Европы.

Население этого пограничья имело собственных выборных или наследственных предводителей, которые могли быть связаны с представителями соседних держав сложными отношениями зависимости. Условия этой зависимости не всегда были строго определенными и могли пониматься сторонами неодинаково. Между казачьими сообществами Украины[1] и Юга России, кочевниками Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья, жителями Крыма и населением Северного Кавказа постоянно происходили крупные и мелкие вооруженные конфликты, сопровождавшиеся периодически взаимными набегами и уводом пленных. Это привело к тому, что здесь долгое время оставались нечетко разграниченными состояния мира и войны: вооруженные конфликты на пограничье не всегда приводили к официальному началу военных действий и разрыву дипломатических сношений между государствами. Это, как представляется, нашло отражение в Соборном уложении 1649 года. В п. 1. гл. 7 «О службе всяких ратных людей Московского государьства» говорилось, что воен-

---

[1] Под «Украиной» в данной работе подразумевается территория, на которую в середине XVII в. распространялась гетманская власть Богдана Хмельницкого.

ные действия могут вестись в случае, если «война зачнется, или в которое время изволит государь кому своему государеву недругу мстити недружбу, и укажет послати на них своих государевых бояр и воевод, а с ними всяких чинов ратных людей»[2].

Как известно, территории России и Османской империи до второй половины XVII в. на российской юго-западной границе непосредственно не соприкасались, и противоборство велось прежде всего с Крымским ханством.

Ситуация стала меняться с середины XVII в., когда на Украине началось казачье восстание против польских властей и этот регион превратился в центр противоборства между несколькими державами. Как известно, война между Россией и Речью Посполитой (1654–1667) завершилась Андрусовским перемирием, разделившим Украину по Днепру. Ни одна из сторон, однако, не отказалась при этом от претензий на всю ее территорию. Эти события вызвали активное вмешательство Крымского ханства, а с конца 1660-х годов также и Османской империи, в свою очередь заявившей претензии на эти земли. Поскольку все соперничавшие державы посылали в этот регион крупные армии, возникли предпосылки для первого прямого вооруженного столкновения между Москвой и Стамбулом.

Военное противостояние, развернувшееся в Поднепровье в 1670-х годах, завершает эпоху в русско-турецких отношениях, когда борьба за влияние в регионе между Россией и Османской империей была опосредованной, и открывает череду русско-турецких войн конца XVII – XIX в.

Переходный характер этих событий особенно ясно виден в том, что, как будет показано ниже, ни среди исследователей, ни даже в самих источниках нет полной ясности, как следует датировать первый[3] русско-турецкий конфликт между Россией и Ос-

---

[2] Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 82.

[3] Автор не рассматривает Астраханскую экспедицию 1569 г. как первую русско-турецкую войну, считая ее пограничным конфликтом (см. об этом подробнее: *Орешкова С.Ф.* Немировский конгресс: От двусторонних османо-российских отношений к Восточному вопросу. М., 2015. С. 32–33; *Беннигсен А.* Турецкий поход на Астрахань в 1569 г. по материалам «Реестров важных дел» Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей. Казань, 2009. С. 145–167; *Гёкбильгин Т.* Османский поход на Астрахань

манской империей. Постоянная необходимость организации обороны южных границ привела фактически к тому, что в Москве довольно легко давали указания «чинить промысл» на границе, не рассматривая это в качестве открытой полномасштабной войны. По сути, в этот период русское правительство сложившиеся подобным образом взаимоотношения с Крымским ханством перенесло, как представляется, и на Османскую империю. Как подчеркивает Б.Н. Флоря, царь и его советники в период, непосредственно предшествовавший прямому столкновению, явно не считали, что их южные границы обеспечены какими-то международными соглашениями[4].

Историография вопроса и источниковая база. Взаимоотношения держав в южной части Восточной Европы давно привлекают внимание исследователей, особенно в странах, которые имели прямое отношение к этому региону. За последние несколько десятилетий в России, Турции, Польше, а также в Европе и в США появилось множество работ, посвященных истории международных отношений и дипломатии, военных действий, культурного взаимодействия между Россией, Речью Посполитой, Османской империей и Крымским ханством в восточноевропейском регионе.

На этом фоне первый русско-турецкий конфликт последней четверти XVII в. остается недостаточно изученным. До настоящего времени его история становилась предметом специального монографического исследования лишь однажды[5], в начале XX в.; в основу этой работы легли исключительно опубликованные источники.

Историография первого русско-турецкого конфликта обширна, но исследуемая тема затрагивалась в отдельных статьях, а также в рамках обобщающих работ. При этом к наиболее проработанным сюжетам относятся события, происходившие прежде всего во время Чигиринских походов 1677–1678 гг. Учитывая зна-

в 1569 г. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей. Казань, 2009. С. 167–174).

[4] *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 85.

[5] *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война: Чигиринские походы 1677–1678 гг. СПб., 1911.

чительное количество работ, посвященных частным проблемам или затрагивающих русско-османский конфликт опосредованно, во введении будет рассмотрена только обобщенная картина развития представлений об этом конфликте в историографии. Дискуссионные вопросы будут разобраны в основном тексте работы.

Историография конфликта двух государств в XVIII в. представлена работами Г.З. Байера[6], Г.Ф. Миллера[7], П.А. Левашова[8], А.И. Ригельмана[9]. Историками XVIII в. были введены в научный оборот некоторые значимые источники по истории Чигиринских походов, в том числе и дневниковые записи шотландца на русской службе и очевидца событий П. Гордона. Однако изложение фактического материала в данных работах носит описательный характер, авторы имеют свойство цитировать и пересказывать имеющиеся в их распоряжении источники, часто не указывая их.

В XIX в. интерес к истории русско-турецких взаимоотношений и, в частности, Чигиринских походов значительно возрос. Д.Н. Бантыш-Каменскому[10] на достаточно широком круге архивных и летописных источников удалось конкретизировать события во время прямого вооруженного столкновения в 1677–1678 гг., кроме того, некоторое внимание автор уделил крымским походам в Поднепровье в 1679–1680 гг.

Во второй половине XIX в. вышли в свет фундаментальные работы, касающиеся прежде всего общих вопросов взаи-

---

[6] *Байер Г.З.* Краткое описание военных случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу // Древние азовские и крымские известия. СПб., 1782.

[7] *Миллер Г.Ф.* О малороссийском народе и о запорожцах // Исторические сочинения о Малороссии и Малороссиянах Г.Ф. Миллера бывшаго историографа российского писанныя на русском и немецком языках и хранящияся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел. М., 1846.

[8] *Левашов П.А.* Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков и их военных тут дел, начавшихся в половине X века и почти беспрерывно через 800 лет продолжающихся, с приложением нужных примечаний и разных известий касательно Крыма и берегов Черного моря. СПб., 1792.

[9] *Ригельман А.И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. М., 1847.

[10] *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России: В 3 т. М., 1830.

моотношения России и Османской империи в рассматриваемый период.

В 1857 г. А.Н. Поповым[11] впервые была опубликована специальная работа, прямо посвященная Чигиринским походам 1677–1678 гг., в которой автор опирался на архивные материалы, прежде всего Малороссийского приказа, а также таких источников, как «Дневник» П. Гордона, «Летопись...» С. Величко[12] и сведения сотрудника французского посольства в Стамбуле Ф. де Ла Круа. Автор довольно подробно реконструировал основные моменты первого Чигиринского похода, воссоздал событийную канву, связанную со вторым Чигиринским походом, обращая внимание преимущественно на тактические ошибки русского командования.

Общая событийная канва первого русско-турецкого конфликта была рассмотрена в трудах С.М. Соловьева[13], который на основании обширных материалов Посольского приказа значительно расширил сведения по дипломатическим отношениям России в этот период, в частности российско-польским и российско-турецким взаимоотношениям, дал подробное описание и анализ политических событий последней четверти XVII в. Удалось автору также уточнить некоторые детали военных действий во время прямого столкновения русско-османских войск в 1677–1678 гг.

Н.И. Костомаров[14] ввел в научный оборот значительный комплекс материалов московских приказов, прежде всего Малороссийского, часть которого была напечатана под его редакцией в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России». Автор детально рассмотрел борьбу России сначала с правобережным гетманом П. Дорошенко, а затем и с Османской империей и дал подробный очерк Чигиринских походов, где борьба вокруг гетманской крепости показана им, с одной стороны, на фоне непростых русско-украинских отношений, с другой — как совместное выступление русско-украинских сил против османского

[11] *Попов А.Н.* Турецкая война в царствование Феодора Алексеевича // Русский вестник. 1857. Т. 8. Ч. 1. С. 143–180; Ч. 2. С. 285–328.

[12] *Гордон П.* Дневник. 1677–1678. М., 2005; *Величко С.В.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Киев, 1851. Т. 2.

[13] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VI. Т. 11–12; Кн. VII. Т. 13–14.

[14] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина. Историческая монография. 1663–1687. СПб., 1905.

вторжения. В его работе также даны характеристики украинских гетманов и запорожского атамана И. Серко. Особое внимание автор уделил фигуре Ю. Хмельницкого, его окружению и мерам, предпринятым им для подчинения Правобережной Украины.

Историю колонизации степной окраины Российского государства одним из первых рассмотрел Д.И. Багалей[15]. Первым фундаментальным трудом по истории Крымского ханства является исследование В.Д. Смирнова[16]. История русско-польских отношений представлена в работе Е.Е. Замысловского[17]. Д.И. Эварницкий[18] одним из первых обратился к истории запорожского казачества. В работе И.Д. Беляева[19] впервые в русской историографии была предпринята попытка подробного описания обороны Киева в 1679 г. Используя архивные материалы, прежде всего Разрядного и Малороссийского приказов, автор рассмотрел действия одного из командующих русскими войсками, боярина П.В. Шереметева, по укреплению древнерусской столицы, попытался оценить итоги этой военной кампании. Исследованием, посвященным исключительно первой русско-турецкой войне, стала упомянутая выше работа офицера и исследователя Памира Н.И. Косиненко[20]. Представления автора сформировались на опубликованных источниках, казацких летописях и «Дневнике» П. Гордона, без привлечения архивных материалов. Без должной их критики это в целом привело к большим неточностям в работе. Логика изложения автора была подчинена главной задаче исследования — анализу русского военного искусства того времени и тактических просчетов русского командования в борьбе

---

[15] *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.

[16] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.

[17] *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. Ч. 260. № 1. С. 1–23; Ч. 261. № 2. С. 161–198.

[18] *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков: В 3 т. СПб., 1892–1897.

[19] *Беляев И.Д.* Поход боярина Петра Васильевича Большого Шереметева в Малороссию в 1679 году // Русский архив. 1915. Т. 5. С. 13–31.

[20] *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война...

с османами. В трудах М.С. Грушевского[21] в целом рассматривается история Войска Запорожского как государственного образования. В освещении русско-турецкого конфликта автор вольно следует за изложением Н.И. Костомарова, подчеркивая, что Османская империя испугала московское правительство.

Дореволюционной историографией был внесен значительный вклад в изучение взаимоотношений между Россией и Османской империей в последней четверти XVII в. В частности, исследователями были обозначены основные моменты военного конфликта, поставлены вопросы о значении Чигиринских походов в контексте русско-турецкого противостояния, освещены взаимоотношения Москвы и казацких гетманов, а также достаточно подробно рассмотрены дипломатические контакты между Россией, Турцией и Речью Посполитой. Действия русского командования оценивались на основе того, были ли они успешны, причем «успешность» понималась исходя из общих представлений авторов о целях московского правительства, которые специально не изучались.

После революции 1917 г. интерес к этой проблематике возродился не сразу. Началом всестороннего исследования южного (турецкого) направления внешней политики России в XVI–XVII вв. можно считать выход работ Н.А. Смирнова[22] и А.А. Новосельского[23].

Хронологические рамки фундаментального труда Н.А. Смирнова охватывают период с конца XV в. по конец XVII в. Автор, опираясь на широкий круг источников, которые впервые были введены в научный оборот, — архивные материалы приказов («крымские», «турецкие», «донские» посольские книги, фонд Разрядного приказа), статейные списки русских послов — акцентировал свое внимание на изучении истоков и предпосылок, исторических тенденций развития отношений России и Турции

---

[21] *Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа. Киев, 1911; *Он же.* Иллюстрированная история Украины. Киев, 1918.

[22] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв.: В 2 т. М., 1946. (Учен. зап. Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова; Вып. 94).

[23] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948; *Он же*. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 13–98.

в эпоху раннего Нового времени. Важное место в работе было отведено истории русско-турецкой войны, которую автор, как упоминалось выше, ограничивает 1677–1678 гг. Несмотря на это, историком были довольно подробно освещены предыстория первого русско-турецкого конфликта, походы русских войск к Азову и к Чигирину в 1672–1676 гг. и обсуждение подписания Бахчисарайского мирного договора 1681 г. Свое исследование автор открыл подробным описанием социально-политического и экономического положения в самой Османской империи, что позволяет составить более полную картину военного конфликта последней четверти XVII в.

Практически следом за работой Н.А. Смирнова вышел в свет первый том монографии А.А. Новосельского, в котором автором с опорой на архивные материалы Посольского, Разрядного и Малороссийского приказов были рассмотрены ход и характер крымско-татарских нападений на южнорусскую окраину, а также показано развитие политической и военной ситуации в Крымском ханстве. Второй том незаконченного труда А.А. Новосельского охватил период с 50-х годов XVII в. по 1682 г. Ученым был выявлен и представлен в хронологической последовательности богатый архивный материал, характеризующий в первую очередь русско-крымские отношения этого периода. Большой интерес представляют собранные им данные по крымским набегам в период русско-турецкого конфликта.

Военные столкновения между Россией и Турцией в последней четверти XVII в. в советский период рассматривались также в работе Я.Е. Водарского[24], которому с привлечением новых архивных материалов Разрядного и Малороссийского приказов удалось существенно расширить круг имеющихся в распоряжении исследователей фактических данных о столкновениях между русскими и османскими войсками. Автор пытался показать Чигиринские походы как победу русских войск над турецкой армией, благодаря которым Порта не рискнула продолжать войну.

Роль запорожского казачества в борьбе с турецко-татарской армией в 70-х — начале 80-х годов XVII в. подробно исследова-

---

[24] *Водарский Я.Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 518–531.

ла О.М. Апанович[25]. Источниковую базу ее работы составили архивные материалы фондов Посольского и Разрядного приказов, а также казацкие летописи и опубликованные в XIX в. актовые материалы. Автором было подробно освещено на основании введенных в научный оборот новых материалов Разрядного приказа военное выступление запорожских казаков в 1678 г., благодаря которому были разбиты османские корабли, направлявшиеся с припасами в Чигирин. Большое внимание она уделила мерам, предпринятым османским правительством в 1679 г., а именно строительству крепостей на Днепре, которые должны были служить плацдармом для наступления турецкой армии на Украину.

Работы В.П. Загоровского[26] посвящены созданию двух засечных черт, история их строительства показана на богатом фактическом материале, прежде всего Разрядного и Посольского приказов, в тесной связи с военно-политической обстановкой на юге России. При описании проводимых правительством инженерных работ автор остановился на общей характеристике положения дел на южном пограничье, подробно осветил предпринятые в 1673–1676 гг. московским правительством действия в Приазовье и татарские набеги на территорию Белгородского разрядного полка в 1677–1681 гг. Исследователь также подчеркнул постоянную угрозу крупного татарского набега как в 1678 г., так и в 1679 г., которую должно было учитывать московское правительство; подробно рассмотрел татарский набег 1680 г.

В советский период вышли крупные работы, посвященные взаимоотношениям России с европейскими странами в изучаемый период[27]. Русско-крымские отношения после под-

---

[25] *Апанович О.М.* Запорізька Січ у боротьбі з турецько-татарською агресією. Київ, 1961.

[26] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969; *Он же.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.

[27] *Мохов Н.А.* Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961; *Семенова Л.Е.* Валашско-русские связи конца XVII – начала XVIII вв. М., 1963; *Белов М.Н.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII веках: (Экономика, политика, культура). М., 1966; *Власова Л.В.* Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII – начале XVIII в. Кишинев, 1980, и др.

писания Андрусовского договора освещают работы С.Ф. Фаизова[28].

Советская историография значительно продвинулась в исследовании первой русско-турецкой войны. Прежде всего, были пересмотрены суждения дореволюционных ученых относительно боеспособности русской армии, была значительно доработана хронология военных действий, на введенных в научный оборот новых архивных источниках были существенно расширены сведения о подготовке к военным кампаниям и их ходе. Также были подробно изучены международные отношения в рассматриваемый период.

На современном этапе изучение русско-турецких взаимоотношений и первого русско-османского столкновения продолжилось. Дипломатические вопросы и история взаимоотношений России, Речи Посполитой, Османской империи и Крымского ханства получили развитие в работах Б.Н. Флори[29], С.Ф. Орешн-

---

[28] *Фаизов С.Ф.* Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667–1677 гг.: (От Андрусовского перемирия до начала первой русско-турецкой войны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985; *Он же.* Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг.: (Обзор боевых действий) // Славянский сб. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 98–116, 166–169.

[29] *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе (1667–1671 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 76–108; *Он же.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 108–148; *Он же.* Россия, Ян Собеский и гетман Михаил Пац в 1674–1675 гг. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59) С. 5–11; *Он же.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 76–87; *Он же.* Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673–1676) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 61–75; *Он же.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия... С. 74–88; *Он же.* О русских проектах антиосманской коалиции (1679–1680 г.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 71–90; *Он же.* Русско-польские отношения во время Чигиринских походов (1677–1678 г.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. № 1 (79). С. 45–67; *Он же.* Османское насту-

ковой[30], К.А. Кочегарова[31], Г.А. Санина[32]. Изучение различных аспектов русско-турецких и русско-казацких взаимоотношений было предпринято Г.В. Ходыревой[33], В.М. Зарубой[34], П.А. Ава-

---

пление на Правобережной Украине (1674 г.) и русско-польские отношения // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 94–104, и др.

[30] *Орешкова С.Ф.* Османская империя в первой половине XVII в.: Социально-экономическое положение, внутренняя и внешняя политика // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1. С. 6–28; *Она же.* Османская империя во второй половине XVII в.: Внутренние проблемы и внешнеполитические трудности // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 5–24; *Она же.* Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 34–46; *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция: Проблема формирования границ. М., 2006; *Орешкова С.Ф.* Немировский конгресс...

[31] *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 года: Заключение договора о Вечном мире 1686 г. М., 2008; *Он же*. Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович в 1679–1680 гг.: (Заметка в связи с выходом очередного тома «Дневника» П. Гордона) // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 489–504; *Он же*. Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // Славяноведение. 2011. № 2. С. 3–18; *Он же.* Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М., 2012; *Он же.* К истории пребывания в России гетмана П.Д. Дорошенко в 1679–1685 гг. // Славяноведение. 2013. № 2. С. 17–33; *Он же.* Украина и Россия во второй половине XVII века: Политика, дипломатия, культура: Очерки. М., 2019, и др.

[32] *Санин Г.А.* Советская историография внешней политики России XVII в. // Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981; *Он же.* Антиосманские войны в 70–90-е гг. XVII в. и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Россия — Украина: История взаимоотношений. М., 1997.

[33] *Ходырева Г.В.* Борьба России и Турции за украинские земли 1677–1678 гг. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 9. С. 191–202; № 10. С. 104–116; *Она же*. Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Она же*. Российско-турецкие переговоры 1681–1682 годов о ратификации Бахчисарайского мирного договора // Отечественная история. 2003. № 2. С. 151–162.

[34] *Заруба В.М.* Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993; *Він же.* Укра-

ковым[35], Д.В. Сенем[36] и др. Анализу деятельности Посольского приказа и штата его основных служащих в XVII в. посвящены работы Н.М. Рогожина[37], а также вышедший коллективный труд, посвященный переводчикам Посольского приказа в XVII в.[38] Различными внешнеполитическими сюжетами, а также изучением иностранной прессы занимается С.М. Шамин[39]. Среди работ, затрагивающих различные аспекты военной истории и преобразований в военной сфере России, Речи Посполитой, Османской империи в XVII в., следует назвать исследования А.В. Малова[40],

---

їнське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII ст. Дніпропетровск, 2003.

[35] *Аваков П.А.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье // Славяноведение. 2020. № 4. С. 14–29, и др.

[36] *Сень Д.В.* Донское казачество и османский Азов: Культура пограничных отношений // Казачество в тюркском и славянском мирах. Ростов н/Д., 2018. С. 225–235; *Он же*. Эволюция русско-крымско-османских отношений и «новый пограничный порядок»: Сопротивление и конформизм на южном пограничье (рубеж XVII–XVIII вв.) // Ежегодные научные чтения Калмыцкого науч. центра РАН — VIII. 2019. С. 58–64; *Он же*. Русско-крымско-османское пограничье: Пространство, явления, люди (конец XVII — XVIII в.): Избранные труды. Ростов н/Д., 2020, и др.

[37] *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003. См. также: *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.

[38] *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021.

[39] *Шамин С.М.* Иностранная пресса о борьбе России и Турции за Украину в 1676–1681 годах: (по материалам курантов) // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 138–152; *Он же.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. СПб., 2011; *Он же.* Куранты времени правления Федора Алексеевича: К проблеме заинтересованности Московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013; *Он же.* Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020, и др.

[40] *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677–1678 гг. // Гордон П. Дневник. 1677–1678. М., 2005. С. 185–204; *Он же*. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006; *Он же*.

Н.Н. Петрухинцева[41], О.А. Курбатова[42], В.С. Великанова[43], И.Б. Бабулина[44], Р. Мерфи[45], В.В. Пенского[46], Б. Дэвиса[47], Кэ-

---

Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006; *Он же*. Основные проблемы строительства Вооруженных сил России. 1613–1689 гг. М., 2022, и др.

[41] *Петрухинцев Н.Н.* От Чигирина до «Восточных походов» Петра I: Военные и социальные структуры Белгородского разряда в Турецких войнах последней четверти XVII в. // Белгородская черта: Сб. статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2020. С. 71–88; *Он же*. Военные и социальные структуры «черкасских» городов Белгородского разряда в 1679–1680 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 491–495; *Он же*. Служилые «города» по р. Воронежу на рубеже 1670–1680-х гг.: Состав военных формирований и оборонительные функции // История: Факты и символы. 2019. № 4 (21). С. 81–92; *Папков А.И., Петрухинцев Н.Н., Хитров Д.А.* Белгородская черта: Истории, фортификация, люди. Рыбинск, 2020, и др.

[42] *Селезнев Ю.В., Курбатов О.А.* Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск. 860–1700 гг. Т. 1: Справочник. М., 2019.

[43] *Великанов В.С., Нечитайлов М.В.* «Азиатский дракон перед Чигирином...»: Чигиринская кампания 1677 г. М., 2019 (стоит отметить, что данная работа в целом подтвердила выводы автора исследования, которые были ранее сделаны в диссертационой работе: *Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017); *Великанов В.С.* Чигиринский поход 1674 г.: Неудачная попытка установления российского контроля над Правобережьем // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 28–49; *Он же*. Организация и численность Белгородского разрядного полка в годы русско-турецкой войны 1672–1681 гг. // Сб. статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2019. Вып. 4. С. 35–43, и др.

[44] *Бабулин И.Б.* Война за возвращение Украины. 1668–1669 гг. М., 2021.

[45] *Murphey R.* Ottoman warfare 1500–1700. New Brunswik, 1999.

[46] *Пенской В.В.* Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV – XVIII вв.: От дружины к регулярной армии. М., 2004; *Он же.* От лука к мушкету: Вооруженные силы Российского Государства во 2-й половине XV – XVII вв.: Проблемы развития. Белгород, 2008.

[47] *Davies B*. The Second Chigirin Campaign: Late Muscovite Power in Transition // The Military and Society in Russia. 1450–1917. Leiden, 2002; *Idem.* Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe. 1500–1700. L.; N.Y., 2007.

рол Б. Стивенс[48], М. Вагнера[49] и др. Изучению политической и придворной истории московского двора в 1667–1682 гг. посвящены работы Н.Ф. Демидовой[50] и П.В. Седова[51], деятельности государственных учреждений — О.В. Новохатко[52].

Османскому владычеству в Подолии посвящена работа Д. Колодзейчика[53]. Значительное внимание исследователей уделено истории Войска Запорожского; здесь нужно назвать работы Т. Чухлиба[54], Ю. Мыцыка[55], М. Крикуна[56], В. Смолия[57], О. Сокир-

---

[48] *Belkin S. even C.* Russia's Wars of Emergence 1460–1730. L.; N. Y., 2013. (Modern Wars in Perspective).

[49] *Wag r M.* Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676: W 2 t. Zabrze, 2009.

[50] *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; *Она же*. Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700): Биогр. справочник. М., 2011.

[51] *Седов П.В.* Оборона Чигирина в 1677 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 485; *Он же*. Закат Московского царства. СПб., 2008.

[52] *Новохатко О.В.* Разряд в 185 году: (Исследование о деятельности Разрядного приказа в 1676/77 году). М., 2007; *Она же*. Формирование разрядных шатров в первом Чигиринском походе 1676/77 года // Отечественная история. М., 2008. С. 47–63. *Она же*. Россия: Частная переписка XVII века. М., 2018.

[53] *Kołodziejczyk D*. Podole pod panowaniem tureckim: Ejalet Kamieniecki 1672–1699. Warszawa, 1994.

[54] *Чухліб Т.* Козаки і монархи: Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. Київ, 2009; *Він же.* Козаки та яничари: Україна у християнсько-мусульманских війнах 1500–1700 рр. Київ, 2010; *Він же*. Гетьмани України: Війна, політика, кохання. Київ, 2016.

[55] *Мицик Ю.* До історії ординського нападу на Слобожанщину 1680 р. // Зб. Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія. Харків, 1999. Т. 8. С. 205–214; *Він же*. Чигирин — гетьманська столиця. Київ, 2007.

[56] *Крикун М.* Турецкій похід у Правобережну Україну 1674 року // Вістнік Львівского ун-ту. Серія історична. 1999. Віп. 34. С. 123–164. *Он же*. Між війною і радою: Козацтво правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. Київ, 2006.

[57] *Смолій В., Степанков В.* Петро Дорошенко: Політичний портрет. Київ, 2011.

ко[58], А.С. Алмазова[59] и др. Также следует отметить работы украинского историка-эмигранта Д.И. Дорошенко[60], которые рассматривают участие русских войск в событиях 1670–1680-х годов как попытку захвата Москвой власти в Поднепровье.

В целом исследователями была накоплена обширная источниковая база, основательно изучена общая событийная канва. Как военная, так и дипломатическая сторона конфликта реконструированы довольно детально. Получили достаточно подробное отражение в литературе состав и состояние русской армии этого периода, усилия русского правительства по сбору войск и обеспечению безопасности границ. В значительной мере рассмотрен и международный контекст описываемого столкновения — проанализированы взаимоотношения России с Речью Посполитой, Крымским ханством, Османской империей, странами Западной Европы (достаточно подробное освещение получили посольства в эти страны); есть работы, посвященные тем сведениям, которые собирались в Европе о событиях, происходивших в России. В последние годы большое внимание привлекает взаимодействие между Москвой и казачьими лидерами.

Отдельно следует остановиться на вопросе датировки первой русско-турецкой войны.

Некоторые авторы, в частности А.Н. Попов[61] и Н.А. Смирнов[62], ограничили хронологические рамки войны Чигиринскими походами 1677–1678 гг., т. е. прямым столкновением между османской армией и русско-казацкими войсками. Н.И. Костомаров также выделил столкновения русско-турецких войск в этот период в «Первую Чигиринскую войну» и «Вторую Чигиринскую

---

[58] *Сокирко О.* Лицарі другого сорту: Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2006.

[59] *Алмазов А.С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-казацких отношений (1672–1687 гг.). М., 2015; *Он же*. Российские воеводы в Гетманщине во второй половине XVII века: Степень изученности темы и нерешенные проблемы // Россия и Украина XVII–XX вв. М., 2016. Т. 16 (163). С. 24–48.

[60] *Дорошенко Д.І.* Гетьман Петро Дорошенко. Нью-Йорк, 1985; *Він же*. Нарис історії України. Київ, 1992. Т. 2.

[61] *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 1. С. 146; Ч. 2. С. 285–328.

[62] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 125, 173.

войну» соответственно[63]. Однако большинство современных историков рассматривают верхнюю хронологическую границу шире, считая ее завершением заключение Бахчисарайского мира в 1681 г.

Значительно бóльшие расхождения вызывает датировка начала войны. Так, Н.И. Косиненко считал, что нижней хронологической границей является 1674 г., когда совместный поход русско-казацких войск к Чигиринской крепости привел к появлению на Правобережье турецких войск[64]. Советские историки сначала передвинули дату начала конфликта ближе к первому Чигиринскому походу. Я.Е. Водарский указывал две разные даты: 1676 г. (эта дата вынесена в название раздела) и 1677 г., когда Османская империя направила на Украину войска для взятия Чигирина[65]. Г.П. Мещеряков в «Советской исторической энциклопедии» взял в качестве отправной точки этого военного конфликта 1676 г., связав его с переходом осенью этого года в русское подданство П. Дорошенко[66]. По всей видимости, статья в «Советской исторической энциклопедии» оказала влияние на закрепление в исторической науке датировки первой русско-турецкой войны 1676–1681 годами, которая впоследствии нашла отражение в многочисленной учебной литературе. Ее же придерживается ряд современных авторов, в частности украинский исследователь В.М. Заруба, который, однако, отмечал что русско-казацкие военные действия на правом берегу Днепра в 1674–1676 гг. были «de jure... войною с Турцией»[67], а также Д. Колодзейчик[68].

В начале 1980-х годов В.П. Загоровский вновь сдвинул нижнюю хронологическую границу войны, датировав начало кон-

---

[63] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 290, 296.

[64] *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война... С. 12.

[65] *Водарский Я.Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война... С. 518, 521, 530.

[66] *Мещеряков Г.П.* Русско-турецкие войны 17–19 вв. // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стб. 374.

[67] *Заруба В.М.* Українське козацьке військо... С. 6, 29.

[68] *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. P. 188–189.

фликта весной 1673 г., «когда по приказу турецкого султана крымский хан Селим-Гирей бросил в атаку на русские земли "весь Крым"»[69]. Этой же датировки придерживается Н.Н. Петрухинцев[70]. Многие современные российские исследователи склоняются к 1672 г. как времени начала военных действий, указывая при этом на разные события в качестве начальной точки отсчета; некоторые называли летний период, когда произошли военные столкновения донских казаков и калмыков с турками[71]; другие — осень, когда был зачитан указ на Постельном крыльце и появились царские указы Алексея Михайловича о сборе войск для действий против османов[72] (иногда точная дата прямо не указывалась)[73]. Эта точка зрения широко распространена в современной литературе и имеет серьезные основания. Ее сторонники обращают внимание на то, что указ о подготовке к выступлению против османов, который по сложившейся традиции может считаться официальным началом военных действий, был зачитан на Постельном крыльце; крымские посланники, находившиеся в Москве, были отправлены в Вологду; значительные силы русско-казацких войск действовали на территории, которую Османская империя считала своей; в свете османской угрозы из Москвы были готовы выступить крупные силы, которые мог возглавить лично

---

[69] *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 79.

[70] *Петрухинцев Н.Н.* «Начало славных дел»: Первые преобразования Петра I в контексте внешней и внутренней политики России (1682 — рубеж XVII–XVIII вв.): (Очерки по истории ранних реформ Петра). М., 2022. С. 36.

[71] *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 17; *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII — начала XVIII века. СПб., 2022. С. 134–135, и др.

[72] *Богданов А.П.* В тени Петра Великого. М., 1998. С. 108–109, и др.; *Лобин А.Н.* Подготовка похода на Азов: Малоизвестный эпизод русско-турецкой войны 1672–1681 годов // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. СПб., 2010. Ч. 2. С. 29–30; *Великанов В.С., Нечитайлов М.В.* «Азиатский дракон перед Чигирином...». С. 22.

[73] Напр.: *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин... С. 185; *Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 285, и др.

царь. Более того, с точки зрения рядовых участников процесса, задействованных в Приазовье и Поднепровье, военные действия, по сути, не прекращались на протяжении 1672–1681 гг.[74]

Однако существует и другая точка зрения. Известный османист С.Ф. Орешкова, опираясь отчасти на позицию османской стороны, хронологические рамки войны определяет 1677–1681 годами[75]. Б.Н. Флоря в новейших своих работах утверждает, что Россия во время польско-турецкого конфликта 1672–1676 гг. в войне с Османской империей «открыто не участвовала»[76].

В турецкой историографии вопрос о датировке решается иначе. Исследователи подчеркивают, что Османская империя официально вступила в войну с Россией в апреле 1678 г.[77] Авторы делают акцент на том, что именно с этого времени конфликт превратился для Стамбула в полномасштабную войну, поскольку прежде походы против Российского государства не возглавлялись

---

[74] Как представляется, это нашло отражение в том, что к концу конфликта в Москве были склонны (прежде всего для собственных подданных) рассматривать все события последнего десятилетия войной, которую начала Османская империя. Так, в черновике грамоты Федора Алексеевича кн. В.В. Голицыну, датированном 1681 г. и составленном по случаю заключения Бахчисарайского мира, говорилось, что «в прошлых годех со 181-го году», т. е. с 1672/1673 гг., «при державе отца нашего... Алексея Михайловича... турской салтан всчал войну и при нашей... Феодора Алексеевича... державе присылал войною под Чигирин и к иным нашим государевым малоросийским городом везиря своего и пашей розных владенья своего земель со многочисленными ратми и крымского хана с ордами» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 338. Л. 96–98; позднее грамоты были разосланы воеводам по городам. См., напр.: Ярославские губернские ведомости. Неофициальная часть. № 20. 1851. С. 191). Тем не менее обращает на себя внимание, что переломным моментом в отношении двух стран называется 1678 г. — поход великого визиря Кара Мустафы-паши на Чигирин.

[75] *Орешкова С.Ф.* Немировский конгресс... С. 40.

[76] *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 94.

[77] *Uzunçarşılı İ.H.* Osmanlı tarihi. Ankara, 1988. 3 cilt. 2 kısım. S. 380; Çehrin seferi. Merzifonlu Kara Mustafa Paşa'nın 1678'de gerçekleştirdiği ve Çehrin Kalesi'nin alınmasıyla sonuçlanan sefer // TDV İslam Ansiklopedisi. 8 cilt. S. 249–251; *Öztuna Y.* Büyük Türkiye Tarihi. İstanbul, 1983. 5 cilt. S. 437.

лично султаном или великим визирем (Sefer-i Hümâyûn)[78]. Кроме того, накануне похода 1678 г. султан объявил джихад[79] (важный атрибут войн, которые вела непосредственно Порта).

В целом, сосредоточившись на реконструкции событийной канвы, исследователи значительно меньше обращали внимание на представления, мотивы, внутреннюю логику действий противоборствующих сторон. Итоги тех или иных решений оцениваются исходя из их последствий, без рассмотрения мотивов их принятия и планов на конкретную кампанию. При этом практически неизученным остается вопрос о том, какой информацией о действиях и намерениях противника обладала каждая из сторон, как это влияло на принимаемые решения. Остается неясным и то, в какой степени реализовывались первоначальные замыслы и как затем оценивались итоги их реализации современниками. При преимущественно «событийном» освещении происходившего основное внимание историков оказывается приковано к крупнейшим военным столкновениям и важнейшим переговорам. Между тем сопутствующие им события, даже те из них, которые имели существенное значение для итогов противостояния (как, например, военные и дипломатические усилия 1679–1680 гг.), оказываются в тени и требуют дополнительного освещения. Как представляется, без учета данных сюжетов трудно оценить масштаб вооруженного противостояния, особенно османского похода 1678 г.

Выбранный ракурс исследования предполагает привлечение обширного комплекса преимущественно архивных источников. При этом наряду с достаточно хорошо изученными документами Российского государственного архива древних актов, Разрядного (ф. 210), Посольского (ф. 89) и Малороссийского приказов (ф. 229), важное значение для работы имеют документы Белгородского и Московского столов Разряда, которые на сегодняшний день изучены меньше; многие из них впервые вводятся в научный оборот.

---

[78] *Öztuna Y.* Büyük Türkiye Tarihi... S. 433–434, 437; Bir gazavat-nâme türü olarak Hüseyin Behcetî'nin Mi'râcü'z-zafer Adlı Zafer-nâmesi (H.1088/M.1678). Isparta, 2010. S. 19.

[79] Bir gazavat-nâme... S. 1–23, 115 etc.

Тематически в этом корпусе архивного материала можно выделить следующие группы документов:

1. Переписка московского правительства с князьями Г.Г. Ромодановским, В.В. Голицыным, М.А. Черкасским и другими воеводами, а также с гетманом И. Самойловичем. Этот обширный комплекс позволяет увидеть разработку планов военных действий, исследовать цели, которые ставило перед собой русское правительство, оценки хода военных действий, которые давали ее непосредственные участники.

Как известно, многие из этих решений обсуждались в Боярской думе, протоколов заседаний которой в распоряжении ученых нет. Однако имеются многочисленные документы, проходившие по ведомствам разных приказов. За основу были взяты материалы Белгородского, Московского и Севского столов из обширного фонда Разрядного приказа (ф. 210). Разрядный приказ, как известно, был важнейшим в системе центральных учреждений России и ведал руководством военными делами, управлением южными городами, а также служилыми людьми. Сношения с гетманской администрацией шли через Малороссийский приказ, в документах которого сохранилась переписка гетмана И. Самойловича. Обширный комплекс документов этого учреждения был опубликован еще в XIX в. в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России» Н.И. Костомаровым и его коллегами[80]. Данное издание дополняется архивными материалами по малороссийской истории, собранными Д.Н. Бантыш-Каменским и опубликованными О. Бодянским в 1858 г.[81]

Документы этого круга содержат разнотипную информацию — от коротких, чисто технических распоряжений до длинных, детализированных обсуждений военных планов и дипломатических замыслов. Стоит подчеркнуть, что, не будучи предназначены для посторонних глаз, они иногда содержат весьма откровенные характеристики развития ситуации, успехов и неудач. Особенно это касается переписки с гетманом И. Самойловичем, поскольку тот обладал значительной автономией, в том числе и в военных делах, и Москва считала необходимым давать

---

[80] АЮЗР. 1677–1678. СПб., 1884. Т. 13.

[81] Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским и изданные О.[М.] Бодянским. М., 1858. Ч. 1.

ему развернутые объяснения относительно своих планов и действий. Они отчасти восполняют значительную лакуну — почти полное отсутствие источников, которые позволяли бы увидеть механизм принятия решений в самой Москве.

2. Документы, связанные с дипломатическими контактами с Османской империей и Речью Посполитой. Это прежде всего дела Посольского приказа из фондов «Сношения России с Польшей» (ф. 79), «Сношения России с Турцией» (ф. 89), «Сношения России с Крымским ханством» (ф. 123).

Среди этих документов наибольший интерес представляют наказы дипломатам, их отписки и статейные списки, которые, с одной стороны, позволяют представить позицию царского правительства по отношению к определенным событиям, с другой — рассмотреть внешние атрибуты, связанные с церемониалом встреч посольства.

3. Расспросные речи информаторов и взятых в плен турок и татар о положении дел в Османской империи и в турецкой армии. В частности, благодаря им московское правительство узнавало о противнике. Это, в свою очередь, дает понять, каким объемом информации обладали в Москве. Эта группа документов часто содержит уникальные, порой непроверяемые сведения. Тем не менее информация, связанная с выступлением османских войск, их перемещением, численностью, всерьез рассматривалась в Москве и влияла на общее планирование кампаний.

Стоит, однако, подчеркнуть, что архивные материалы, использованные в работе, отнюдь не исчерпываются тремя этими тематическими группами документов, а сами эти группы выделяются довольно условно: так, внутри реляции гетмана И. Самойловича о сборе и выдвижении войск могут находиться расспросные речи взятых в плен языков и т.д. Более того, следует отметить, что речь идет о крупных делопроизводственных комплексах, в которые вкраплены также документы, относящиеся к законодательным и актовым материалам. Русское делопроизводство XVII в., как известно, было основано на строгих правилах документооборота, в рамках которых отправляемые и получаемые документы учитывались как отправителями, так и получателями; многие бумаги имели дату, их движение сопровождалось делопроизводственными пометами. Все это делает возможной достаточно детальную реконструкцию деятельности русско-казацкого командования.

Для работы были также использованы материалы Австрийского государственного архива (Osterreichisches Staatsarchiv), а именно придворного и государственного архива дома Габсбургов, в котором отложились документы различных учреждений Священной Римской империи германской нации, в том числе связанные с дипломатическими взаимоотношениями с другими государствами. В «турецких делах» наряду с официальной перепиской собраны отчеты и реляции австрийских дипломатов, находившихся в Стамбуле в исследуемый период, прежде всего резидента Й.К. фон Киндсперга (резидент в Стамбуле в 1672–1678 гг.) и сотрудника посольства П.Ф. фон Хоффманна (1678–1679 гг.) и др. Они имели возможность вести разведку и собирать сведения о происходивших событиях при османском дворе. Эти события фиксировались на нескольких языках (преимущественно немецком, итальянском, латинском), а также зашифрованным письмом и затем отправлялись в Вену. Данные материалы позволяют расширить представления о планах Османской империи во время русско-турецкого противостояния и осветить реакцию стамбульского двора на этот конфликт.

Для рассмотрения международного резонанса, вызванного Чигиринским походом 1678 г., были использованы материалы европейской прессы (в частности, «Иностранные ведомости [куранты] и газеты» [ф. 155]).

Помимо архивных документов большую ценность представляет значительный круг опубликованных источников, позволяющих существенно дополнить наши представления о происходившем.

Ряд законодательных актов, относящихся к событиям 1672–1681 гг., представлен в «Полном собрании законов Российской империи»[82]. Кроме того, важные материалы опубликованы в таких сборниках, как «Древняя российская вивлиофика»[83], «Собрание государственных грамот и договоров»[84], «Акты исторические»[85], «Дополнение к актам историческим»[86]. Организация

[82] ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 1: 1649–1675; Т. 2: 1676–1688. СПб., 1830.

[83] ДРВ. М., 1791. Ч. 17.

[84] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1825. Ч. IV.

[85] АИ. СПб., 1842. Т. 5.

[86] ДАИ. СПб., 1859. Т. 7.

обороны Киева в 1679 г. и связанные с ней правительственные указы нашли отражение во втором томе публикации служебной Разрядной книги[87].

Среди источников нарративного характера были использованы прежде всего казацкие летописи Самовидца[88], Г. Грабянки[89] и С. Величко[90], в которых освещены события 1672–1681 гг. В трудах казацких летописцев прослеживается стремление обнаружить и определить причины османского вторжения на Украину в последней четверти XVII в., а также попытка связного освещения военных действий во время Чигиринских походов. Однако в целом ценность их работ снижает тенденциозность, погрешности в датах и фактах, то, что их авторы нередко приносят точность и достоверность в жертву «художественной» витиеватости изложения.

Из источников личного происхождения в работе использован дневник Патрика Гордона (1635–1699), который автор вел с 1655 по 1699 г. Первая полная научная публикация дневника П. Гордона на русском языке была сделана Д.Г. Федосовым в 2003–2009 гг.[91] Большая информативность «Дневника» обусловлена прежде всего тем, что П. Гордон занимал высокое положение в русской армии во время Чигиринских походов 1677–1678 гг. Кампанию 1677 г. полковник со своим драгунским регементом провел в составе армии кн. Г.Г. Ромодановского. Ход военных операций освещен им с двух точек зрения: личной, как участника действий полевой армии, и со стороны Чигиринского гарнизона — по донесениям коменданта крепости, генерал-майора Афанасия Траурнихта и записок инженер-полковника Якоба фон Фростена. Во время подготовки к кампании 1678 г. П. Гордон был назначен инженером в Чигирин, где в его обязанности входило восстановление старых и возведение новых укреплений перед новым нашествием османов. По старшинству он был вторым ли-

---

[87] Книги Разрядныя, по официальным оных спискам, изданныя с высочайшего соизволения II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1855. Т. 2.

[88] Літопис Самовидця. Київ, 1971.

[89] Летопись Григория Грабянки. Киев, 1854.

[90] *Величко С.В.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Киев, 1851. Т. 2.

[91] *Гордон П.* Дневник...

цом в Чигиринском гарнизоне после воеводы И.И. Ржевского и после его гибели возглавил оборону[92].

Важным источником являются «Расспросные речи полуголовы московских стрельцов Алексея Матвеева сына Лужина об обороне Чигирина»[93], опубликованные П.В. Седовым. Они дополняют сведения о Чигиринской осаде 1677 г. и позволяют скорректировать свидетельства П. Гордона. А. Лужин был очевидцем чигиринской осады 1677 г., в некоторых столкновениях с османами он принимал участие лично. В то же время, как отмечает П.В. Седов, расспросные речи А. Лужина являются «победной реляцией» участника боевых действий по поручению своего командира А. Траурнихта, и в этом случае трудно ожидать от него сведений о просчетах своего начальника[94].

Из европейских авторов, описывающих события Чигиринских походов 1677–1678 гг., опираясь непосредственно на личные наблюдения, следует назвать С. Проского[95] и Ф. де Ла Круа[96].

Дневник военных действий во время похода 1678 г., который вел польский резидент Самуэль Проский непосредственно в армии великого визиря Кара Мустафы-паши, является одним из важнейших источников личного происхождения по истории Чигиринского похода 1678 г. Его фрагмент, охватывающий события с 7 июня по 27 октября 1678 г., был опубликован в сборнике документов, относящихся к посольству Я. Гнинского. С. Проский подробно описывает продвижение турецкой армии из Исакчи в Чигирин и обратно, состояние турецко-татарского войска, стратегическую обстановку и тактические действия обеих сторон во время боевых действий. Кроме того, значительный интерес представляет описание польским резидентом взятия Канева осман-

---

92 *Гордон П.* Дневник... С. 138.

93 Расспросные речи полуголовы московских стрельцов Алексея Матвеева сына Лужина об обороне Чигирина // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 500–507.

94 *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 485.

95 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń // Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego, wojewody chehniriskiego, do Turcji w latach 1677–1678. Warszawa, 1907. T. 20. S. 359–378.

96 *La Croix F. de*. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie. P., 1689.

скими войсками осенью 1678 г. Стоит отметить, что в повествовании С. Проского иногда нарушена хронология. Речь идет не о различиях в календарных стилях, а именно об ошибках в датах. К примеру, польский резидент сообщает, что воевода И.И. Ржевский был убит 8 августа, тогда как это событие произошло 3 августа[97]. Сложно объяснить, с чем связана такая неточность, однако сопоставление данных С. Проского с другими источниками позволяет восстановить последовательность событий.

Ф. де Ла Круа был сотрудником французского посольства в Османской империи. Находясь в Стамбуле, благодаря своему положению он имел свободный доступ ко многим министрам султана Мехмеда IV, был хорошо знаком с великим визирем Кара Мустафой-пашой. Все собранные данные он отправлял во Францию в виде рапортов, где они докладывались французскому королю. В своей книге, изданной в Париже в 1689 г., автор освещает военные действия Порты против Польско-Литовского государства, России и Священной Римской империи, а также положение при турецком дворе во время этих кампаний. Подробно де Ла Круа описал Чигиринские походы 1677–1678 гг., причем замысел османов утвердить Ю. Хмельницкого на гетманство в Чигирине автор откровенно называет авантюрой.

Свидетельства де Ла Круа и Проского интересны прежде всего потому, что авторы были непосредственными наблюдателями происходивших событий и освещали положение и настроения османской армии и турецкого правительства в этот период. Кроме того, они представляли страны, не участвовавшие в конфликте, и стремились донести до своих правительств достоверную информацию о нем. Сопоставление этих свидетельств с русскими источниками позволяет существенно расширить представление о ходе военных действий в 1677–1678 гг.

Несколько особняком стоит частная переписка кн. В.В. Голицына с одним из своих приближенных, М. Боевым, и членами Боярской думы, опубликованная в «Грамотках»[98]. В ней описана политическая борьба, в которой принимал участие кн. В.В. Голицын, и подробности принятия некоторых военных решений во время кампании 1677 г.

---

[97] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 371, 372.

[98] Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969.

Ценным источником по истории внутриполитической ситуации в Турции и польско-турецких переговоров являются донесения Яна Гнинского[99], холмского воеводы, который находился в качестве посла Речи Посполитой в Османской империи в 1677–1678 гг.

Для освещения событий с османской стороны были привлечены работы хронистов Османской империи — Фындыклылы Мехмеда-аги[100], который был тесно связан с военными делами Порты в исследуемый период, и Рашида Мехмеда Эфенди[101], чья хроника появилась позднее. Следует упомянуть также о таком видном жанре в османской литературной традиции, как ġazã-nãme[102], который представлял собой официальную торжественную поэму о подвигах первых лиц Османского государства, «отражал дух османской Священной войны». Gazã-nãme писалась по результатам успешных военных кампаний, специально нанятому для ее создания литератору дозволялось присутствовать в действующей армии для освещения событий. Для таких памятников характерен определенный литературный канон, в значительной степени сказывающийся на их содержании: речь идет о торжественном восхвалении успехов османского оружия.

В целом комплекс источников, использованных в работе, позволяет детально увидеть действия русских властей в ходе конфликта и понять их логику, представить себе тот объем информации, которым обладало русское правительство, рассмотреть позицию русского правительства, отраженную как в документах военного, так и посольского ведомств по отношению к Османскому государству и нарастающему русско-турецкому конфликту.

---

[99] Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... T. 20.

[100] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa, Zeyl-i Fezleke ZEYL-İ FEZLEKE (1065-22 Ca.1106 / 1654-7 Şubat 1695). İstanbul, 2012.

[101] Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi. TÂRÎH-İ RÂŞİD ve ZEYLİ. (1071–1141 / 1660–1729). 1 cilt. (1660–1703). İstanbul, 2013.

[102] Напр.: Bir gazavat-nâme...; V*uslatī Alī Bey*. Gazā-nāme-i Çehrīn. Ankara, 2003; *Hajda L.A.* Two ottoman Gazanames concerning the Chyhyryn Campaign of. 1678 (Ukraine, Europe, Middle East). Ph.D. Harvard Univ., 1984.

* * *

Цель настоящего исследования — реконструировать логику действий русского правительства и командования на протяжении всего конфликта, представив целостную картину русско-турецкого противостояния 1672–1681 гг. Для этого были рассмотрены вопросы, ранее широко не освещавшиеся в историографии: к каким целям стремилась Москва на разных этапах конфликта; каким объемом информации о ходе военных действий, о намерениях и силах противника обладала; как выстраивала взаимодействие с проводниками своей политики в Поднепровье, прежде всего с командующими разрядных полков, а также с гетманом И. Самойловичем и казацкими сообществами. Поскольку исследование сосредоточено прежде всего на событиях, развернувшихся в Поднепровье, за его рамками остались сюжеты, связанные с общей обороной всей российской границы на протяжении конфликта; подробно не затрагивались действия запорожских и донских казаков, ситуация на Северном Кавказе.

Работа построена по хронологическому принципу. Сезонный характер войны (как известно, османы могли осуществлять крупные операции за Дунаем только в теплый период) предопределил то, что военные действия четко распадаются на кампании, активизируясь весной и замирая осенью. Этой логике было подчинено изложение. В истории первого русско-турецкого противостояния можно обозначить несколько поворотных событий, которые определяют деление текста на главы. В первой главе рассматривается период 1672–1676 гг., закончившийся сложением клейнодов правобережным гетманом П. Дорошенко. Вторая глава охватывает события Чигиринского похода 1677 г. — первого прямого вооруженного столкновения между Москвой и Стамбулом. В третьей главе рассматривается Чигиринский поход 1678 г., который состоялся после официального объявления войны Османской империей России. В четвертой и пятой главах освещены события 1679–1680 гг. Шестая глава посвящена переговорам о мире и Бахчисарайскому договору.

Все даты в тексте даны по старому стилю, в том числе и при использовании европейских источников.

* * *

Выражаю глубокую признательность своему учителю Б.Н. Флоре.

Хотелось бы также поблагодарить коллег из Центра источниковедения истории России ИРИ РАН за доброжелательную атмосферу и советы: А.А. Горского, М.Ю. Андрейчеву, А.А. Бондаренко, К.В. Вершинина, А.В. Духанину, К.А. Максимовича, С.А. Маслову, О.И. Хоруженко, И.Н. Шамину.

Работа была начата в период учебы автора на кафедре истории России до начала XIX в. МГУ им. М.В. Ломоносова, в то время, когда там работали такие специалисты, как Д.Ю. Арапов, А.А. Горский, Б.Н. Флоря. Автор искренне признателен преподавателям кафедры, в особенности рецензентам на раннем этапе работы — Н.В. Козловой и А.Е. Тарасову.

Благодарю за важные замечания, советы и помощь С.Ф. Орешкову, Н.Н. Петрухинцева, П.В. Седова, оппонентов диссертационной работы; Е.Н. Швейковскую, благожелательное внимание которой чувствовалось на протяжении всей работы; С.М. Шамина за ценные и полезные обсуждения; Энсара Кёзе за предоставленные османские источники и помощь в работе с ними; А.В. Малова за критические замечания, позволившие улучшить текст; П.А. Авакова за готовность делиться архивными находками. Большое значение имели рекомендации и поддержка коллег, на разных этапах участвовавших в обсуждении различных сюжетов: А.В. Белякова, А.В. Виноградова, А.Г. Гуськова, В.Д. Жукова, М.А. Зинько, К.А. Кочегарова, П.В. Лукина.

На одном из этапов работа была поддержана исследовательским грантом РФФИ (№ 19-09-00496).

Глава I

СОБЫТИЯ 1672–1676 гг. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ И В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

К середине 1660-х годов Москва и Варшава, исчерпав вооруженный конфликт, начавшийся с вмешательства Москвы в события, связанные с восстанием Б. Хмельницкого, искали мира и пытались стабилизировать положение в Восточной Европе. Заключение Андрусовского перемирия в 1667 г., которое одновременно являлось и договором о «взаимной обороне», в том числе в случае агрессии со стороны Османской империи и Крыма, значительно повлияло на международную ситуацию в восточноевропейском регионе[1]. В Москве и в Варшаве полагали, что заключение союза между ними побудит Османскую империю отказаться от вмешательства в восточноевропейские дела. Так считал, к примеру, в этот период руководитель Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокин[2].

Примечательно, что Россия и Польско-Литовское государство допускали наступление мира в Восточной Европе с усилением влияния османского правительства на внешнеполитические дела

---

[1] *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim... S. 218.

[2] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 280–291. Б.Н. Флоря установил, что в этот период А.Л. Ордин-Нащокин рассматривал заключенный Московский договор как выражение согласия польско-литовской стороны на мирное присоединение Правобережья к России в том случае, если ее население откажется от союза с «бусурманами». Об этом же было доложено царю Алексею Михайловичу (*Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина... С. 282).

Крымского ханства. Это нашло отражение в 19-й статье Андрусовского договора, согласно которой предполагалось обратиться к турецкому султану Мехмеду IV с просьбой, чтобы он, «прежнее приятство подтвердив, хану крымскому приказал в соседстве спокойно пребывати, и жестоко заказал, чтоб до войны никакого случая не давал»[3]. Трудно не отметить некоторую противоречивость этой позиции: добиваясь более активного участия османов в событиях в регионе, авторы договора в то же время намерены были заставить Порту отказаться от прямого вмешательства в восточноевропейские дела[4]. Добиться этого предполагалось, заключив соглашение о совместном выступлении в случае необходимости против турецко-татарских сил[5]. Подписанный вслед за перемирием Московский договор 1667 г. определил конкретные условия русско-польского взаимодействия, в частности он запретил заключение сепаратных договоров с крымскими и турецкими властями: «...буде бы салтан Турской, хотя хан крымской по одному у великих государей дружбы искал, тогда одна сторона без другой ни в какие договоры вступати не имеют, а то имеет быть за общим согласием и уговором»[6].

Эти два соглашения должны были изменить внешнеполитическую ситуацию в Восточной Европе. Однако эти расчеты не оправдались. У турецкой стороны подобный расклад на северных границах своего государства вызвал беспокойство и повлиял на основной вектор османской политики; известие о русско-польском договоре в Стамбуле было принято враждебно[7]. Как отмечал польский исследователь З. Вуйцик, завершение войны между Речью Посполитой и Россией с тенденцией превращения Андрусовского перемирия в соглашение «антимусульманское» создавало реальную угрозу не только турецким планам в северном Причерноморье, но и безопасности самой Османской империи

---

[3] ПСЗ. Т. 1. № 398. Стб. 665. См. также: *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе... С. 76.

[4] *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия... С. 74.

[5] ПСЗ. Т. 1. № 398. Стб. 665–666.

[6] Там же. № 420. Стб. 730.

[7] *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе... С. 77; *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 75–78.

и Крымского ханства: очевидно, что Турция не могла смотреть на это равнодушно, и именно тогда и зародилась идея войны с Польско-Литовским государством и Россией, причем с каждым из этих государств в отдельности[8]. Кроме того, к этому времени Османская империя смогла справиться с кризисными явлениями, апогей которых пришелся на середину XVII в.[9] Реформы великого визиря Мехмеда-паши Кёпрюлю (1656–1661), продолженные его сыном Фазылом Ахметом-пашой (1661–1676) и зятем Кара Мустафой-пашой (1676–1683), позволили преодолеть тенденцию к децентрализации, упорядочить государственный аппарат и восстановить финансовую систему[10]. Одновременно они вызвали нужду в новых территориях, требовавшихся для восстановленной тимарной системы. В значительной степени это привело к заметному увеличению интереса османского правительства к восточноевропейскому региону и повлекло за собой новую волну экспансионистской политики и череду войн со странами Центральной и Восточной Европы[11].

Эти явления совпали с устремлениями части запорожского казачества. Андрусовское соглашение, как известно, вызвало резкое недовольство и среди казаков, поскольку не учитывало претензии соперничавших правобережного и левобережного гетманов на все наследие Богдана Хмельницкого и одновременно создавало возможности для усиления власти Москвы и Варшавы на оставшихся под их контролем территориях[12]. Переход под власть Порты в 1669 г. правобережного гетмана П. Дорошенко[13], ставив-

---

[8] *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976. S. 15; *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim... S. 50

[9] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе... С. 84.

[10] *Орешкова С.Ф.* Османская империя во второй половине XVII в. ... С. 17–18.

[11] История Османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. Т. 1. С. 42.

[12] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе... С. 84.

[13] Ему были присланы такие символы власти османского вассалитета, как бунчук, барабан и знамя (см.: АЮЗР. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 755–759. Кроме того, П. Дорошенко становился вассалом Осман-

шего своей целью воссоединение Правобережной и Левобережной Украины под своей гетманской булавой, привел к тому, что османы оказались прямо вовлечены в восточноевропейские дела, а окончание Кандийской войны в начале осени 1669 г. высвободило их основные военные силы. При этом уже к весне 1672 г. произошло серьезное ослабление позиций сторонников проосманской ориентации в правобережном обществе. Найденные Б.Н. Флорей письма П. Дорошенко османским сановникам показывают, что в этот период против него активно выступало подвластное ему население, в будущем гетман ожидал вмешательства со стороны польско-литовских властей и просил помощи у турок[14].

Несмотря на то, что Речь Посполитая в этот период не предпринимала открытых активных шагов для подчинения Правобережного гетманства[15], в 1672 г. объектом османской агрессии стали территории, находившиеся под контролем Польско-Литовского государства[16].

В 1672 г. начался поход османских войск во главе с султаном Мехмедом IV против Речи Посполитой. Во время этой военной кампании османские войска овладели Каменцем-Подольским, оккупировав близлежащие территории, осадили Бучач и Львов. Следует отметить, что армия султана не столкнулась с серьезным военным сопротивлением в связи с внутриполитическим кризисом в Речи Посполитой. Успех османов в Подолии и на Украине привел к заключению в октябре 1672 г. Бучачского мирного договора, согласно которому Подолия с центром в Каменце-Подольском перешла в состав Османской империи, образовав Каменец-Подольский эялет[17]. Речь Посполитая признала османский сюзеренитет над большей частью Киевщины и Брацлавщины, при этом

ской империи, равным по статусу правителям Молдавии и Валахии (см.: *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... P. 181).

[14] *Флоря Б.Н.* Неизвестные письма гетмана Петра Дорошенко апреля 1672 г. // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 43–46.

[15] *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия... С. 74.

[16] По мнению исследователей, османская сторона вручила документы, которые принято рассматривать как официальное объявление войны, в декабре 1671 г. (см.: *Wagner M.* Wojna polsko-turecka... T. 1. S. 173–174).

[17] *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim... S. 61–68.

владения Петра Дорошенко сохранили автономию[18]. Она также обязывалась выплачивать султану 22 тыс. золотых ежегодно[19]. Желание Османской империи утвердиться в Восточной Европе, по мнению исследователей, связано с несколькими причинами, главная из которых — потребность приобрести новые земли для земельных раздач, что и реализовывалось на присоединенных землях. Кроме того, важную роль играла необходимость обеспечить надежный контроль над Крымским ханством и Дунайскими княжествами и стремление воспрепятствовать набегам казаков на османские владения[20]. С.Ф. Фаизов подчеркивал, что Турция и Крымское ханство рассматривали Украину как «чрезвычайно желательное приобретение для укрепления своих позиций в Восточной и Юго-Восточной Европе»[21].

Причем уже в это время османские власти заявляли и о своих правах на Поднепровье, а в турецком лагере обсуждались планы похода на Левобережную Украину и даже южные границы России, правда, только силами Крымского ханства. Так, по словам толмача В. Даудова, направленного весной 1672 г. с царской грамотой в Стамбул, турецкий султан после взятия Каменца-Подольского интересовался у находящегося в османском плену сына боярского П. Татаринова, «есть, де, около царского величества украиных

---

[18] *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... P. 187. Расспросные речи о положении П. Дорошенко в этот период см.: *Шамин С.М.* Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия... С. 232–233.

[19] *Wagner M.* Wojna polsko-turecka... T. 1. S. 288–292; Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 166–167; *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 110; *Орешкова С.Ф.* Османская империя во второй половине XVII в. ... С. 21. Бучачский мир не был ратифицирован польским сеймом (см.: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 111; *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... P. 188).

[20] Как отмечают исследователи, османское правительство пыталось защитить пограничное население от набегов и грабежей, но не всегда успешно. Значительные проблемы при этом создавали войска крымских татар, меры по контролю за которыми редко были эффективными (см.: *Uyar M., Erickson E.J.* A military history of the Ottomans: from Osman to Ataturk. Santa Barbara, California, 2009. P. 84).

[21] *Фаизов С.Ф.* Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667–1677 гг. ... С. 10.

городов от Белагорода до Волги-реки вал великой, и как тот вал и каким многолюдством строен, и царское величество над своими народы гараздо ль владетелен или так, как полской король; и есть-ли чрез тот вал путь, где б хану крымскому и ордам иво переходить»[22]. Очевидно, речь идет о Белгородской черте — укрепленной линии на южных рубежах России, которая заставляла крымского хана искать новые «пути» к русской территории через Украину.

Подобные разговоры о том, как «царскому величеству учинить разоренье болшое, чтоб и впредь ему, салтану, и крымскому юрту было в великую славу», Мехмед IV вел, конечно же, и с крымским ханом, при этом последний говорил султану, что «от Севска и от Путивля учинить... разоренья немочно; в тех городех зело многолюдно, и городы крепки и воды великие», поэтому крымцам следовало «переходить от тамбовской стороны, и городы, де, там худы и немноголюдно гораздо»[23]. Известно также, что «под Каменцом-Подолским Дорошенко дал роспись, как под Киивом промышлять, и с которую стороны подкопы копать и пушки весть»[24]. По существу, с 1672 г. османы стали рассматривать возможность захвата всей Украины. При этом важно, что они считали Россию более серьезной силой, чем Речь Посполитая.

В то же время в конце 1660-х — начале 1670-х годов Стамбул и Бахчисарай на фоне ухудшения польско-османских отношений демонстрировали дружелюбие московской стороне. В частности, турецкий султан Мехмед IV заверял царя Алексея Михайловича в своей дружбе[25], а с крымским ханом Адиль-Гиреем был заключен в 1670 г. мирный договор[26]. Тем не менее московская сторона продолжала всерьез рассматривать вероятность османской угрозы своим границам[27].

---

[22] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 62 об. – 63.

[23] Там же. Л. 64 об. – 65.

[24] Там же. Л. 49–49 об. См. также: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 110; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 127.

[25] *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия... С. 75–76.

[26] *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... P. 180–181; *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 83–90.

[27] *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе... С. 99.

1. События 1672 г.

В развернувшейся польско-турецкой войне Россия предприняла ряд шагов по обеспечению безопасности собственных границ и выполнению некоторых своих обязательств по отношению к Речи Посполитой.

В первую очередь следует рассмотреть, как в Москве представляли сложившуюся геополитическую обстановку на своих юго-западных рубежах после заключения Андрусовского перемирия. После возвращения посольства стольника А.И. Нестерова и дьяка И.Ф. Вахромеева, направленного в Стамбул в 1667 г., русское правительство исходило из того, что «его салтаново величество... писал, и в ответе ближние ево люди... говорили», что османы не стремятся вмешиваться в дела восточноевропейского региона: «...его салтаново величество с великим государем... в прежней дружбе и любви пребывать неотменно желает, для чего и хану крымскому с обоими великими государи [т. е. и с королем Речи Посполитой. — *М.Я.*] пребывать спокойно приказал, чтоб он, хан, сам войною... не ходил, и братье своеи, царевичам и мурзам, и татаром заказ учинил под крепким повеленьем, чтоб они, потому ж в обои государства... войною не ходили и никакова разоренья не чинили»[28]. Для соблюдения подобного баланса сил в Москве также были готовы идти на определенные компромиссы: во-первых, выплачивать Крыму «извычные поминки», а во-вторых, запретить калмыкам, донским и запорожским казакам совершать набеги на территории Османской империи; это было реализовано в конце 1660-х — начале 1670-х годов[29]. Как представляется, именно такое русско-польско-османское взаимодействие московское правительство стремилось поддерживать.

Между тем уже в 1671 г. хрупкое равновесие было нарушено прежде всего нежеланием Крымского ханства поддерживать мирные соглашения: «...как учинился на Крымском Юрте ханом Салим-Гирей-хан и ходил войною его царского величества в черкаские городы; а после того на подданных, на горских черкас, в Большую Кабарду и под Терской город, за что от тех царского величества подданных и сам отпор восприял и до Крыму шол с

---

[28] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 455–455 об.

[29] Там же. Л. 455 об. – 456 об.

великим уроном»[30]. В Москве при этом были недовольны тем, что Порта не вмешивалась в сложившуюся ситуацию[31].

Еще до начала военных действий между Османской империей и Польско-Литовским государством русская сторона попыталась воздействовать на турецкое правительство дипломатическим путем. Весной 1672 г. в Стамбул с царской грамотой были посланы толмач В. Даудов и подьячий Н. Венюков.

Отправление посольства В. Даудова стало результатом выполнения обязательств, взятых на себя русской стороной на русско-польских переговорах 1672 г.[32] Расчет русского правительства состоял в том, что перед угрозой русско-польского союза Османская империя откажется от вмешательства в восточноевропейские дела. В грамоте, направленной Мехмеду IV, подчеркивалось, что после заключения Андрусовского договора «ваше салтаново величество с нами... в соседственной дружбе не толко что сам изволил пребывать, и х крымскому хану указ свой послал под заповедью, чтоб он на украинные городы сам войною не ходил и царевичей, и мурз, и татар не посылал»[33]. В то же время грамота требовала отказа от войны с Речью Посполитой и предупреждала о намерении России поддержать Польско-Литовское государство; ее общий тон был довольно резок, представляя собой, по сути, ультиматум. В Москве подробно расписали меры, которые будут предприняты русской стороной в случае начала военных действий против Речи Посполитой[34]. Однако, как представляется,

---

[30] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 456 об. – 457. Стоит отметить, что весной 1672 г. крымский хан Селим-Гирей предпринял попытку подтвердить заключенный в 1670 г. с прежним крымским ханом Адиль-Гиреем мир (см.: ПСЗ. Т. 1. № 519. Стб. 886–888).

[31] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 457.

[32] *Флоря Б.Н.* Переговоры между Россией и Речью Посполитой... С. 61.

[33] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 9 об.

[34] В частности, в грамоте говорилось, что «ненавистник Дорошенко, забыв своего королевскому величеству обещание, изменил и поддался вам [турецкому султану. — *М.Я.*]..., и руки на християн безстыдно поднять дерзает, и вас [турецкого султана. — *М.Я.*]... к войне возбуждает. А ваше, де, салтаново величество сь его королевским величеством хотите за него, Дорошенка, всчать войну. И мы... по обязателству з братом нашим,... сь его королевским величеством, о том к вам... писать должность имеем такую, чтоб вам... для нашие государские братцкие исконные дружбы и любви з братом

на данном этапе Россия реально не рассматривала вероятность открытого столкновения между основными армиями Российского и Османского государств, и данную грамоту, соответственно, нельзя расценивать как объявление войны. Речь шла только о возможных пограничных военных действиях, которые должны были осуществляться отрядами казаков, калмыков и ногайцев. Стоит отметить, что документы были доставлены после окончания военных действий в Подолии, поэтому данная инициатива не повлияла на ход событий[35]. Однако к этому времени также выяснилась неспособность Речи Посполитой сопротивляться османскому вторжению, в этой связи Стамбулу сложно было не брать в расчет российскую позицию, представленную в царской грамоте.

Само посольство В. Даудова столкнулось с определенными трудностями. Его нахождение в Азове по пути в Стамбул совпало по времени с тем, что донские казаки «розмирились» с гарнизоном турецкой крепости. Если изначально посланник был встре-

---

нашим,... с великим государем Михайлом,... за изменника ево Дорошенка войну велеть отставить и войска свои салтанские отвратить, и х крымскому хану послать свое повеление, чтоб он в соседстве с обоими нами, великими государи [российским и польским. — *М.Я.*], спокойно пребывал. А естьли вы, брат наш [турецкий султан. — *М.Я.*],... от той войны, которую хотите з братом нашим [польским королем Михаилом. — *М.Я.*]... за изменника его [Дорошенко. — *М.Я.*] всчать, не отставите и весть не преставите, и мы, великий государь,... яко государь християнский и, имея з братом нашим [польским королем Михаилом. — *М.Я.*]... учиненной мир, освидетелствовався Господем Богом и сослався со всеми окрестными великими государи христианскими, учнем против вас промысл чинить, и наше... повеленье к донским атаманом и казаком пошлем под крепким указом, чтоб они з Дону на Черном море всякой военной промысл имели. А калмыцким и нагайским, и едисанским войскам неотступной промысл иметь велим горным путем, где случай воинской употребляти будем. Да мы... учнем писать ко окрестным... христианским братьем нашим, которые с вами [турецким султаном. — *М.Я.*]... в соседстве пребывают, чтоб и они сердцем христианским с нами обоими великими государями [российским и польским. — *М.Я.*], яко з братьею своею, против ваших... войск стояли и отпор давали, сколко милосердый... Бог помочи подаст» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 11–12).

[35] *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия... С. 79.

чен торжественно[36] и имел аудиенцию у азовского бея, то начало казаками военных действий против Каланчинских башен, которые располагались в устье Дона, привело к тому, что В. Даудов был задержан и отправлен под караул на два месяца. Его положение усугубилось тем, что появившиеся в Азове перебежчики сообщили, что он привез на Дон царскую грамоту, чтобы «казаки розмирились вскоре и Азов взяли б»[37].

Учитывая сложившиеся обстоятельства, прибытие посольства в Стамбул в январе 1673 г. османской стороной было воспринято негативно: по отношению к В. Даудову, по его словам, «ныне никакой чести нет»[38]. Связано это было с тем, что, по сведениям турок, «донские казаки Каланчи збили и Азову и иным турским местам чинят великие шкоды»[39]. К турецкому султану В. Даудов допущен не был, однако позднее уже в Эдирне (Адрианополе) великий визирь Фазыл Ахмед-паша «грамоту принял с учтивостью,... а после, де, того спустя малое время отвели [Даудову. — *М.Я.*] двор доброй»[40]. Тем не менее ответная грамота царю Алексею Михайловичу была направлена только от великого визиря. В ней также в резкой форме отмечалось, что в Москве «восхотели есте великому вашему другу и любителному соседу [Польско-Литовскому государству. — *М.Я.*] пособити и защитити его, писали есте многие непристойные слова»[41]. Османы настаивали, что русская сторона не стремилась сохранить мир: «...никакова разсуждения о мире не имели есте, которой нужно короли почитают и хранят яко вещество тишины народов»[42]. В конечном итоге русско-турецкие отношения, по мнению османов, зависели от дальнейших действий Москвы: «Вы же аще будете друзи или

---

[36] Так, его «из Азова встретили за Каланчинскими башнеми, от Азова версты за две, а встретил и принял азовской началной человек Араслан-ага в стругах со многими ратными людми з знамены и с пушки. А по берегу Дону-реки стояли чарбачей [т.е. “чорбаджи” — янычарский офицерский чин в Османской империи. — *М.Я.*] на конех со многими ж конными и пешими ратными людми з знамены и с ружьем» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 37).

[37] Там же. Л. 38 об.

[38] Там же. Л. 46.

[39] Там же. Л. 53.

[40] Там же. Л. 53 об.

[41] Там же. Л. 71 об.

[42] Там же. Л. 73 об.

недрузи нам, в кой ни есть путь пойдете, с сей стороны такожде тожь увидите»[43].

Однако превентивными дипломатическими предупреждениями Москва не ограничилась. Согласно Второму Московскому договору, заключенному в апреле 1672 г., который, подтверждая в целом пункты договора 1667 г., фактически приостановил некоторые обязательства до новых переговоров[44], Россия должна была оказать Польско-Литовскому государству военную помощь вспомогательными отрядами: «...войсками калмыцкими, татарскими, нагайскими и иными ордами своими, сухим путем, такожде донскими козаками морем»[45]. Нарастающий внутриполитический кризис в Речи Посполитой, о котором было известно в Москве[46], заставил русских политиков воздерживаться от военно-политических соглашений, и дальнейшие русско-польские дипломатические контакты не привели к договоренности о совместных военных действиях против Османской империи[47].

Стоит также обратить внимание, что в 1672–1673 гг. Москва «обновила» шертные отношения с отдельными народами Предкавказья и Причерноморья, что позволило активно вовлечь в противостояние с Османской империей калмыков и кабардинцев, а также часть ногайской орды[48]. Конотопские статьи, подписанные

---

[43] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 73 об.; см. также: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 123–124. Стоит отметить, что в целом действия Москвы в этот период были восприняты Портой негативно: Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 172.

[44] Так, в третьем пункте соглашения, не отменяя «договоров присягою укрепленных», оно откладывало решение вопроса о помощи «ратными людьми» и «нетворении договоров одному государю без другаго с ханом крымским и с салтаном Турским» на неопределенное время. См.: ПСЗ. Т. 1. № 513. С. 879.

[45] Там же. С. 880.

[46] *Флоря Б.Н.* Посольство И.И. Чаадаева в Речь Посполитую и судьба русско-польского союза // Исторический вестник. М., 2013. Т. 6 (153). С. 8–17.

[47] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 76–87.

[48] См., напр.: Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг. Элиста, 2003; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 99; Кн. 4а. Л. 34 об.

в 1672 г., должны были обеспечивать верность нового гетмана Левобережной Украины Ивана Самойловича и Войска Запорожского[49].

Еще в марте 1672 г. на Дон с государевым жалованьем и царской грамотой к атаману Корниле Яковлеву был направлен дворянин И.С. Крюков. В посланной с ним грамоте, в частности, сообщалось о намерениях крымского хана «для разорения... [Андрусовского. — *М.Я.*] покою» выступить в военный поход против Речи Посполитой и подчеркивалось, что, если «те ханские войски, какие в тамошних украинных городех разоренья учинят, тогда и нашим, великого государя, сей стороны Днепра жителем, также и украинным городом тако ж разоренье учинят, и к вам, атаманом и казаком, на кровопролитие и на разоренье путь отворен будет»[50]. В этой связи в Москве ожидали, что после того, как на море сойдет ледяной покров, донцы выйдут в поход и будут, «в которых местех мощно, разоренье чинить, чтоб такими... промыслы хан конечно войска свои от войны отставил»[51]. К калмыцким тайшам «к Дувару и к Боку, и к нагайским мурзам» одновременно был послан царский указ, в котором им предписывалось «для унятия того ж хана войны, итти сухим путем на Крым, чтоб он, хан,... войну оставить велел»[52]. Из приведенных текстов видно, что в Москве рассчитывали, что предпринятые меры побудят хана отказаться от войны с Речью Посполитой. Кроме того, царское правительство в этот период считало, что основная угроза для России исходит от Крымского ханства. Однако эти действия не воспринимались как часть военной кампании, в которой войска Российского государства выступали бы как союзники Речи Посполитой. Напротив, целью этих «воинских промыслов», типичной части жизни пограничья, было не допустить разорения российских территорий.

Однако позднее, в грамоте, написанной в конце апреля 1672 г. и направленной к донским казакам с В. Даудовым, чей путь в Стамбул пролегал через земли донского казачества, инициатором военных действий против Речи Посполитой прямо назван турец-

---

[49] ПСЗ. Т. 1. № 519. Стб. 888–899.

[50] АВД. Т. 1. № 50. С. 79.

[51] Там же. С. 79–80.

[52] Там же. С. 80.

кий султан, при этом отмечалось, что основной целью Порты был разрыв Андрусовского договора: «...для разорвания того ж меж нами, великим государем,... и меж великим государем, его королевским величеством, покою с повеления турского салтана немалые турские войска чрез реку Дунай переправились»[53]. В этой связи донцам указывалось, «обослався з запорожским атаманом кошевым, для отвращения турских и крымских войск, и, не допуская разореньем и кровопролитием на наши царского величества сей стороны Днепра, так же и на украиные городы войны, по прежнему на Черное море стругами выходить, и турского салтана и крымского хана жителем разоренье чинить, чтоб такими вас, донского войска, промыслы салтан Турской и хан крымской войска свои от войны отставить велели»[54]. Аналогичный указ получили также запорожские казаки[55].

Как представляется, в данных грамотах, с одной стороны, звучит беспокойство о безопасности собственных границ. В Москве, по всей видимости, допускали, что в случае успеха на польском театре военных действий турки и прежде всего крымцы разорят российские территории. Активные действия казаков, таким образом, должны были отвлечь османские силы от похода к русским границам. Одновременно предпринятые меры должны были способствовать тому, чтобы османская сторона отказалась от войны с Польско-Литовским государством.

Летом 1672 г. казацкие и калмыцкие отряды предприняли походы на Азов и Крым. 8 июля после получения царской грамоты, направленной с В. Даудовым, донские казаки официально «размирились» с азовским гарнизоном[56]. В конце июля на Дон с царской грамотой приехал толмач Иван Кучумов с указанием, чтобы «атаманы и казаки для промыслу над турскими и над крымскими жители шли на море, так же и сухим путем случались с калмыки и з запорожцы, промысль чинили над ними общей»[57]. Однако известно, что в течение месяца активных военных

[53] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 29.

[54] Там же. Л. 30–30 об. См. также: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 121; *Загоровский В.П.* Белгородская черта... С. 285.

[55] *Фаизов С.Ф.* Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне... С. 99.

[56] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 38.

[57] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 7 об.

действий казаки не предпринимали, ограничившись вылазкой для взятия «языков» под Азовом: «...на море и сухим путем для промыслу на турских и на крымских жителей не ходили, а ходили всем Доном, что было казаков в Черкаском городке, всего с 7000, да калмыков охочих Дуварова да Аюкина кочевья человек с 500 для языков под Азов»[58]. Эта операция закончилась неудачно, поскольку в Азове «про их поход уведали и от них постереглись, и просидели в то время в осаде»[59]. Кроме того, привлечение калмыцких отрядов столкнулось с определенными трудностями. Если изначально речь шла о том, что совместно с донцами будут действовать 15 тыс. калмыков во главе с Дуваром-тайшой[60], то «потом, де, Дувара мурзы ево розговорили, чтоб с казаки под Азов сам не ходил, а чтоб итти с ними ево охочим калмыком»[61].

Основные военные действия произошли только в конце августа: «...донские казаки пришли под башни августа в 20 день и били августа по 30 день. А от башен отошли сентября в 1 день»[62]. Казаки осадили Каланчинские башни, организовав систему шанцев в 40 саженях от башен: «...ходили под Каланчинские башни и те башни осадили, и шанцы покопали»[63]. Стоит отметить, что Каланчинские башни, возведенные турками в начале 1660-х годов на берегах Дона близ Азова и контролировавшие донскую дельту, вызывали недовольство в Москве, которая рассматривала их строительство как посягательство на безопасность собственных границ[64].

Благодаря успешной разведке в распоряжении донцов оказались сведения о малочисленности турецкого гарнизона и отсут-

---

[58] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 8.

[59] Там же. Л. 8 об.

[60] Им удалось заключить соглашение, чтобы «им быть меж себя в совете и для промыслу итти под Азов сопча, и на том дал Дувар казаком аманатов: сына своего да 4-х человек лутчих людей» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 8 об. – 9). Однако когда основные силы калмыков повернули назад, аманатов они забрали.

[61] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 9.

[62] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 40 об.

[63] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 41.

[64] Однако в этот период основная угроза, по мнению Москвы, исходила от Крымского ханства, см. подробнее: АВД. Т. 1. № 38. С. 63–64; № 39. С. 64–65; № 40. С. 65–66; № 41. С. 67–68.

ствии подкрепления из Турции[65]. Это позволило казакам не беспокоиться о возможных ответных действиях со стороны османов: «...те донские казаки под Каланчинскими башнями стояли две недели, и одну башню ис пушек збили и людей, которые в ней сидели побили, а другую башню во многих местех испробили, и у азовцев проезд из Азова к тем башням отняли»[66]. Казакам удалось воспользоваться благоприятной ситуацией, но закрепить успех не позволила погода: казаков «из шанцов вытопило водою, и донские казаки за тем тех Каланчинских башен не взяли, и от тех башен отступили»[67].

В Москве известие об осаде Каланчинских башен было воспринято с энтузиазмом, донским казакам предписывалось, чтобы «служа нам, великому государю, над теми башнями и над Азовом всякой воинской промысл и впредь чинили»[68]. Как представляется, московское правительство рассматривало вероятность того, что османы не смогут оперативно пополнить гарнизон Азовской крепости, и казаки, когда наступит удачный момент, смогут закрепиться в башнях, чтобы «во время неприятелских приступов сидеть в тех башнях было безстрашно»[69]. Более того, им предлагалось совершать вылазки против Азовской крепости в том случае, если «у турков в Азове безопасное житье»[70].

Известно, что осенью донцы вместе с калмыцкими отрядами Аюки совершили несколько вылазок под Азов[71]. В. Даудов сообщал, что они «побрали в полон турков с 400 человек да 9000 стад

---

[65] Казаки «посылали для языков на взморья атамана Фрола Миняева, а с ним казаков двесте человек, и он, Фрол, взял языков, азовских татар, пять человек, и те татаровя в роспросе и с пытки сказали, что в Азове неболшие люди, а прибылых никаких людей нет, а в Каланчинских башнях азовцов всего двесте человек» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 41).

[66] Там же.

[67] Там же. Л. 41 об.

[68] Там же. Л. 43.

[69] Там же. Л. 43–43 об.

[70] Там же. Л. 43 об.

[71] Там же. Л. 79 об. – 80. Для этого с Дона от казаков в калмыцкие улусы прибыли посланцы, прося подкрепления, и «тайша, де, Аюка посылал с теми казаками под Азов с боем людей своих две тысячи» (АИ. Т. 4. № 229. Стб. 499–500).

отогнали всякого скота»[72]. Однако сами казаки в отписках указывали цифру в 40–50 человек, а также то, что у «азовцов многие конские стада отогнали и всякую им тесноту и разоренье чинят»[73]. Кроме того, донцам удалось на море уничтожить турецкий корабль «с товары и сь ягоды» и «иные суды»[74]. Такой успех был обусловлен тем, что турецкий гарнизон, имея информацию о намерениях донских казаков «итить на Черное море воевать Магмет салтанова величества украинные городы»[75], не ожидал крупного похода на саму крепость.

Военные акции под Азовом стали наиболее масштабным военным предприятием в русском пограничье в 1672 г. Однако эти нападения запоздали, они не могли побудить хана вместо похода на Речь Посполитую отправить свои войска на помощь Азовской крепости. В целом же стоит согласиться с польским исследователем З. Вуйциком, который отмечал, что «помощь донских и запорожских казаков не оказала влияния на ход польско-турецкой войны»[76], однако нужно иметь в виду, что их цель, по сути, заключалась не только в разорении причерноморских территорий, но и в необходимости защитить российские пограничные регионы, отвлекая на себя внимание.

В начале сентября, в разгар вторжения османских войск на территорию Речи Посполитой, риторика царских грамот к донским казакам и калмыкам существенно изменилась — в Москве в разворачивающемся польско-турецком конфликте теперь видели прямую угрозу российским границам. В грамотах обращалось внимание на то, что османские войска «с ызменником з Дорошенком» не только разоряют города, «людей в полон емлют и невинное кровопролитие чинят», но «хотят приходить и на наши царского величества городы войною жь»[77]. Как представляется, с этого периода царские указания идти на «отвращение той неприятельской войне» следует рассматривать прежде всего как попытку не допустить начала русско-турецкой войны, а не пре-

[72] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 52.

[73] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 80, 102.

[74] Там же. Л. 102 об.

[75] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 38–38 об.

[76] *Wójcik Z.* Miedzy traktatem Andrusovskim a wojna turecka. Stosunki polsko-rosyiski. 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 302.

[77] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 19.

кратить польско-турецкий конфликт. В грамоте, адресованной к калмыцким тайшам, предпринятые летом 1672 г. Москвой действия объяснялись тем, что в столице не хотели «тех турских и крымских войск допустить на наши царского величества сее стороны Днепра, так же и на украиные городы войною и разореньем»[78].

Одновременно в Москве постоянно получали сведения о текущих действиях османской армии в Польско-Литовском государстве. К началу осени 1672 г., после взятия Каменца-Подольского, напряжение на русско-польской границе стало нарастать. В этот период нежинский воевода С. Хрущов писал Алексею Михайловичу, что «турский салтан стоит от твоих великого государя малоросийских городов не в далних местех»[79]. В начале октября он же, ссылаясь на расспросные речи грека Родьки Иванова, сообщал, что «у турского салтана есть намерение, пленив, де, землю Полскую... итти войною под Киев и под иные твои великого государя малоросийские городы», подчеркивая, что в случае осады Нежину «от неприятеля... боронитца нечим»[80]. Донские казаки также опасались ответного крымско-турецкого похода: «...крымской хан и турской салтан со всею своею потугою от Каменца Подолского хочет вернутьца и к нам, холопям твоим, притить хочет на разорение войною, и твою государеву вотчину хочет в конец разорить»[81].

Последним в ряду этих тревожных сообщений стало письмо польского короля Михаила Вишневецкого царю Алексею Михайловичу, в котором он информировал российскую сторону о взятии Каменца и предупреждал о желании османов двинуться на Россию[82]. В Москве к этим известиям отнеслись со всей серьезностью, ожидая, по всей видимости, в ближайшее время движения османских войск в глубь Украины, и начали, судя по царскому указу, направленному в начале октября 1672 г. кн. Г.Г. Ромодановскому, активно готовиться к возможной войне. Ситуация также осложнялась тем, что, по получаемым сведениям, российское

---

[78] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 22 об.
[79] ДАИ. Т. 6. № 64. Стб. 250.
[80] АЮЗР. Т. 11. № 20. С. 50–51.
[81] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 73–73 об.
[82] АЮЗР. Т. 11. № 22. Стб. 54–55.

правительство в этот период не могло рассчитывать на активные боевые действия Речи Посполитой против османов[83].

На фоне многочисленных сообщений о намерении османов вместе с П. Дорошенко двинуться к Киеву и левобережным владениям России, а также о турецких гонениях на христиан и разорениях церквей, были разработаны планы обширной мобилизации. Так, в царской грамоте владимирскому воеводе Т.И. Шаховскому от 6 октября 1672 г. вкратце излагались события польско-турецкой кампании и пересказывались сведения польского короля о том, что султан послал «из Каменецка во многие многия места свои силы войною... и тщится с теми своими многочисленными войски государство его королевскаго величества обовладеть и далее войною в окрестные християнские государства вступить, паче ж на наше... государство тщится войною». В этой связи городовому воеводе предписывалось, чтобы «против того веры христианския гонителя салтана Турского и хана Крымского, на оборону святыя церкви и всех православных христиан на защищение, со всеми своими силами поход свой готовить велели, и царевичам и бояром нашим, и околничим, и думным и ближним людем, и столником, и стряпчим, и дворяном московским, и жилцом, и детем боярским, и рейтаром, и всяких чинов служилым людем указали быть на нашу великого государя службу готовым же, и лошади кормить и запасы готовить, также и пехоте солдатом и стрелцом потому ж готовиться»[84]. Указ о месте сбора войск и дате выступления планировалось прислать позже. Аналогичные грамоты были получены и другими городовыми воеводами[85]. 8 октября 1672 г. подобный указ был направлен воеводе Белгородского разряда[86] кн. Г.Г. Ромодановскому, однако от него требовалось в случае прихода «воинских людей» предпринять активные действия — двинуть войска на малороссийские города, где «промысл на оборону против неприятелей, с... гетманом собча, со всяким бережением и расмотрением чинить»[87].

[83] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия... С. 84–85.

[84] ДАИ. Т. 6. № 64. Стб. 251. См. также: ПСЗ. Т. 1. № 531. С. 911.

[85] ДАИ. Т. 6. № 64. Стб. 252.

[86] О Белгородском разряде в этот период см.: *Петрухинцев Н.Н.* От Чигирина до «Восточных походов» Петра I... С. 71–88.

[87] ДАИ. Т. 6. № 64. Стб. 252.

Кроме того, имея сведения о том, что «хан крымской из Крыму вышел под Каменец-Подолской со всеми орды, и в Крыму... мало кого осталось служивого люду татар»[88], и стремясь отвлечь внимание крымских сил, 7 октября 1672 г. царь указал запорожским казакам и калмыкам «над крымскими людми промысел всякий чинить»»[89]. Всерьез стала рассматриваться возможность организации похода на полуостров, для этого запорожцам следовало прислать в Москву нескольких людей, «которые б знали путь на Крым сухим путем, а на Черное море водяным путем достаточно»[90]. Однако на военную обстановку в целом данные действия не оказали значительного влияния.

На этот же период пришлась еще одна дипломатическая инициатива русского правительства — с целью создания антиосманской коалиции в октябре 1672 г. ко всем влиятельным европейским дворам и в Рим были направлены посольства во главе с П. Менезием (в Священную Римскую империю, Рим, к венецианскому дожу, бранденбургскому и саксонскому курфюрстам), А. Виниусом (в Англию, Францию, Испанию), Е. Украинцевым (в Швецию, Данию и Голландию)[91]. О намерении заручиться поддержкой европейских держав в борьбе с Османской империей сообщалось в царских грамотах, разосланных воеводам на места: «А в окрестные государства к братьям нашим, к великим государем, мы... писали, чтоб и они,... видя над государством брата нашего, его королевского величества, от тех общих христианских неприятелей, турского салтана и крымского хана, войну и разорение, и хвалящихся гордостию своею всех нас, великих государей, на государства разорением, паче ж на святыя церкви и на веру

[88] АЮЗР. Т. 11. № 22. Стб. 54–56.

[89] Там же. № 21. Стб. 52.

[90] Там же.

[91] См. об этом подробнее: *Белов М.Н.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. ... С. 58–83; *Галактионов И.* Украина в дипломатических планах России, Польши, Крыма и Турции в конце 60-х гг. XVII в. // Славянский сб. Саратов, 1985. С. 41–59; *Замысловский Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888; *Форстен Г.В.* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века // ЖМНП. СПб., 1904. Сентябрь; *Казакова Н.А.* А.А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39. С. 348–364.

христианскую, помочь своими ратными людми от наступления их бусурманского учинили, не отлагая никакими меры»[92]. Как представляется, в Москве всерьез отнеслись к растущей османской угрозе и пытались минимизировать риски. О серьезности этих намерений, в частности, свидетельствует просьба Алексея Михайловича к шведскому королю Карлу XI о содействии в этом вопросе. В грамоте от 11 октября 1672 г. царь просил его обратиться «к королевскому величеству Французскому, да к королевскому величеству Аглийскому, чтоб они на страх тем салтанским войскам войну свою, которую ныне имеют с Галанскими Статы, прекратили, и те свои оружия обратили на общаго всех християн неприятеля, на турского салтана»[93]. Однако дипломатические усилия в этот период успеха не имели. Из-за сложившейся международной ситуации в Европе инициатива русской стороны натолкнулась на значительное противодействие со стороны французской дипломатии, издавна связанной торговыми отношениями с Портой. Военный конфликт между Францией и Голландией, принявший общеевропейский масштаб, привел к тому, что в предстоящем военном столкновении с Османской империей Россия могла рассчитывать только на собственные силы[94].

В то же время в Москве продолжали получать тревожные и противоречивые вести о действиях турок в Польско-Литовском государстве и их дальнейших намерениях. Согласно одним сообщениям, которые, как показали дальнейшие события, соответствовали действительности, турецкий султан с войсками двинулся к Дунаю «на зимовлю», а «Дорошенко, отпровадивши турков за Хотен, с ханом и з ордами повернул к Чигирину»[95]. Однако большая часть получаемых известий говорила о нарастающей османской угрозе.

Вопрос о получении «подлинных» известий о дальнейших намерениях турок и П. Дорошенко приобрел на этом фоне исключительное значение. В начале ноября киевским воеводой кн. Г.А. Козловским в Москву была направлена целая серия расспросных речей о планах османов после взятия Каменца-Подоль-

---

[92] ДАИ. Т. 6. № 64. Стб. 251.

[93] Там же. № 138. Стб. 460.

[94] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 112.

[95] АЮЗР. Т. 11. № 24. Стб. 58.

ского[96]. К примеру, киевский мещанин, который был с П. Дорошенко под Каменцом, сообщал, что слышал от турок и казаков, что «конечно турской салтан войною будет под Белую Церковь и под Киев, а вскоре ль, того неведомо»[97]. Другой киевский мещанин, Лавр Васильев, утверждал, что в Ставищах читал универсал П. Дорошенко, в котором говорилось, что «из Полши турки и орда пойдет на Украину вскоре»[98]. Согласно сообщению переяславского полковника Дм. Райчи переяславскому воеводе А. Апухтину, «конечно хан крымской с татары и Петр Дорошенок с турки и с казаками из Полши идут войною к Днепру». Сам кн. Г.А. Козловский подчеркивал, что Киев и Переяславль не готовы к обороне — «ратных людей малолюдство, в приход неприятелских людей теми малыми людми в осадное время обнять городов неким, потому что Киев и Переясловль городы болшие»[99]. Также позднее он информировал, что османские войска разоряют церкви и чинят «всякое поругательство» христианскому населению[100].

Данные обстоятельства подтолкнули власти в начале ноября 1672 г. направить кн. Г.Г. Ромодановскому еще одну грамоту с указанием незамедлительно выдвинуть войска на Украину, однако с оговоркой: «...как... Иван Самойловичь... о помочи отпишет»[101]. Таким образом, воеводе Белгородского разряда следовало действовать совместно с И. Самойловичем, причем на последнего возлагалась основная разведывательная деятельность. Интересны также источники, на которые ссылается грамота: это донесения киевского воеводы кн. Г.А. Козловского, черниговского воеводы И.А. Желябужского и нежинского протопопа Симеона Адамовича. Все они были едины в том, что П. Дорошенко вместе с турецкими и татарскими войсками в ближайшее время пойдет к Киеву и на Левобережную Украину[102].

Более того, в Москве получали информацию о том, что существовала угроза перехода населения Левобережной Украи-

[96] См., напр.: АЮЗР. Т. 11. № 25, 27.

[97] Там же. № 25. Стб. 61.

[98] Там же. № 27. Стб. 67–68.

[99] Там же. № 26. Стб. 66

[100] Там же. № 31. Стб. 74–76.

[101] Там же. № 28. Стб. 70.

[102] Там же. Стб. 69–70. О предпринятых кн. Г.Г. Ромодановским мерах по организации обороны южной границы см.: Там же. № 29. С. 72–73.

ны в подданство П. Дорошенко. По словам кн. Г.А. Козловского, правобережный гетман на левой стороне Днепра рассылает «многие свои прелесные писма» с требованием присоединиться к нему, при этом угрожая, что в противном случае он пойдет «на переясловскую сторону войною»[103]. Учитывая, что в ходе восстания гетмана И. Брюховецкого в 1668 г. были перебиты русские гарнизоны в нескольких казацких городах[104], киевский воевода прямо подчеркивал сложность ситуации, опасаясь, чтобы «переясловские стороны в городех казаки и всякие жители, по прелести Петра Дорошенка, шатости не учинили и над городами Киевом и Переясловлем, и Острем; и над... ратными людми в малолюдстве какие порухи не учинилось»[105]. Глава московских стрельцов Матвей Сипягин, вернувшись из Киева, сообщил в Малороссийском приказе о своем разговоре с архимандритом Киево-Печерского монастыря Иннокентием Гизелем и михайловским игуменом Феодосием. По его словам, они говорили, что «опасны в малороссийских жителех великие шатости в тех людех, которые живут за Переясловлем, в Пещаной, в Ирклееве, в Бубнове, в Домонтове и в иных, которые близко к Чигирину, чтоб, де, дорошенковы прелести не склонились и турского войска не устрашились». Речь идет о поселениях на территории Переяславского полка, которые осенью 1666 г. подняли восстание и поддержали П. Дорошенко. В этой связи сюда следовало направить царские войска и «тех малоросийских жителей ратными людми укрепити»[106]. Подобной позиции придерживался и нежинский протопоп С. Адамович[107]. В то же время подчеркивалась лояльность И. Самойловича российским властям. С. Адамович прямо заявил главе Посольского приказа А.С. Матвееву, что верит, что левобережный гетман «не помыслит изминити»[108].

Бесспорно, русское правительство было встревожено полученными сведениями и в сложившихся обстоятельствах решило

---

[103] АЮЗР. Т. 11. № 32. Стб. 77.

[104] См. об этом: *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина... С. 292–375.

[105] АЮЗР. Т. 11. № 32. Стб. 77–78.

[106] Там же. № 33. Стб. 80–81.

[107] Там же. Стб. 82–83.

[108] Там же. Стб. 83.

подтвердить мобилизацию войск для защиты границ. 27 ноября 1672 г. на Постельном крыльце был зачитан новый указ царя Алексея Михайловича, в котором подчеркивалось, что Османская империя «на государство Московское тщится идтить войною»[109]. В этой связи Алексей Михайлович принял решение выступить в поход лично, для чего в Путивле предполагалось строительство «государьского» двора «нынешним зимним путем, не отлагая до иного времяни», также ратным людям было указано «быть на свою государеву службу готовым, и запасы свои отпускать в Путивль по нынешнему ж зимнему времени, не отлагая никоторыми меры до иного времени»[110]. Б.Н. Флоря справедливо отмечает, что данный документ следует рассматривать как указ о службе ратных людей, которым предписывалось готовиться к зимней кампании 1672–1673 гг.[111] 30 ноября 1672 г. он был разослан городовым воеводам; в нем прямо указывалось, что царь, «слыша о том нахождении салтана Турского, со всеми силами его, возрастающего на разорение святых православных церквей, изволил на оборону святыя церкви и православных христиан на избавление... идтить своею государскою особою против неприятеля своего, турского салтана»[112]. Как покажут дальнейшие события, указы о сборе ратных людей будут в дальнейшем корректироваться в зависимости от получаемых сведений о планах османов.

В этот же период было принято решение об отправке войск в Киев и назначении воевод. В царской грамоте от 2 декабря 1672 г. гетману И. Самойловичу сообщалось, что воеводой в Киев был назначен боярин кн. Ю.П. Трубецкой «со многими ратными конными и пешими людми», в Чернигов — стольник кн. С.А. Хованский, в Нежин — стольник кн. С.Ю. Звенигородский, в Переяславль — стольник кн. В.А. Волконский[113]. Такое решение было обосновано двумя причинами: во-первых, по имеющимся в распоряжении Москвы сведениям, «салтан Турской с войски своими

---

[109] ДАИ. Т. 6. № 64. Стб. 252.

[110] Там же; ПСЗ. Т. 1. № 535. Стб. 914; № 537. Стб. 916.

[111] *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия... С. 87. См. также: *Аваков П.А.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье... С. 17.

[112] ДАИ. Т. 6. № 64. Стб. 253–254.

[113] АЮЗР. Т. 11. № 35. Стб. 89.

и с ханом крымским намерились итти под... Киев и на сю сторону Днепра в... малороссийские городы войною», во-вторых, сам гетман И. Самойлович просил увеличить контингент русских войск на Левобережной Украине[114]. В этой грамоте также отмечалось, что поход царя Алексея Михайловича «со всеми... подданными» теперь предполагался только в том случае, если «салтан Турской от того своего намерения не престанет и под Киев войною со всеми своими силами на разорение святых божиих церквей и малороссийских городов (пойдет)»[115]. В Москве, видимо, тогда слабо представляли себе особенности ведения войны с османами, которые могли осуществлять крупные операции за Дунаем только в теплый период, и поэтому не исключали возможность прихода к Киеву турецкого султана с войсками зимой. Однако к началу декабря 1672 г. такое развитие событий стало рассматриваться как менее вероятное[116].

Была ли реальная угроза нападения османских войск на Киев в 1672 г.?

Турецкий султан и основные османские войска покинули территорию Речи Посполитой осенью 1672 г., что соответствовало практике, как упоминалось выше, вести военную кампанию только в теплое время года, которая последовательно соблюдалась турецким командованием[117]. Между тем зимой 1672 г. существовала реальная угроза нападения на Киев правобережного гетмана П. Дорошенко и крымской орды. Из статей П. Дорошенко, представленных гетману И. Самойловичу уже после перехода первого в российское подданство, становится известно, что после взятия Каменца-Подольского в разговоре с великим визирем он заявлял о готовности «около Киева чинити промысл», несмотря на наступление зимнего времени. Правобережный гетман подчеркивал, что имеет «столко войска, как и в Киеве», и был готов приложить всяческое «радение»; от османов, в свою очередь, требовалось приказать крымскому хану, «чтоб ему помочь чинил»[118]. В разосланных им на левый берег Днепра универсалах

---

[114] АЮЗР. Т. 11. № 35. Стб. 89.

[115] Там же. Стб. 89–90.

[116] Там же. № 39. Стб. 105.

[117] *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim... S. 46.

[118] АЮЗР. Т. 12. № 213. Стб. 817.

это намерение подтверждалось[119]. Однако уже 24 ноября 1672 г. правобережный гетман писал киевскому воеводе кн. Г.А. Козловскому о том, что «во всех временах гетманства моего не чинил к недружбе его царского... величества людем причины» и в целом хочет «быти в советной дружбе»[120]. Такая резкая перемена была связана с невозможностью осуществить намеченную операцию. По словам брацлавского полковника П. Лисицы, поход на Киев был «совсем... наготове» и не состоялся только из-за сильного разлива Днепра[121].

18 декабря состоялось заседание Боярской думы, на котором обсуждались военные планы на 1673 г. Прежде всего интересно посмотреть на объяснение причин общей тревоги — подчеркивалось, что успешная военная кампания османов против Речи Посполитой привела к расширению экспансионистских планов Порты: «...видя то, салтан Турской, что ему в походех его учинились всякия находки, возгорделся, что ему тое крепостию во многия государства путь учинился, приложил в то дело неуклонную мысль, что ему не токмо Польское государство разорить и завладеть, но и всеми окрестными христианскими государствы завладеть, паче же тщится на Московское государство войною и разорением, и в письмах своих ко окрестным государем меж иными делы явил»[122]. Далее уточнялось, что по «подлинным вестям» наступление османов теперь ожидали весной 1673 г.: «...турской салтан совершенно уклонился к военной готовости, и нынешнею весною хочет итти под Киев войною, и малороссийские городы, и северскую Украину разорить, и святыя церкви обругать, и все христианство изкоренять совершенно намерил»[123]. Как видно, московскому правительству, учитывая неудачи поляков в войне с османами в 1672 г., рисовалась довольно тревожная картина.

Дума решила направить на юго-западную границу дополнительные войска, чтобы «тот неприятель в малороссийские городы... и северскую Украину и далее в Русь безвестно не пришел и разорения не учинил». Для этих войск предполагалось «в помощь

---

[119] АЮЗР. Т. 11. № 25. Стб. 61.

[120] Там же. № 38. Стб. 99.

[121] Там же. № 54. Стб. 153.

[122] ПСЗ. Т. 1. № 547. Стб. 929–930.

[123] Там же. Стб. 930.

нашей государской казне» «деньги или даточные взять со всего нашего государства с поместий их и вотчин»[124]. Однако действия правительства данными мерами не ограничились, Алексей Михайлович по-прежнему намеревался лично возглавить армию. При этом если раньше речь шла о том, что царь выступит в поход только после получения известий о подходе к Киеву турецкого султана, то теперь он собирался выступить, «упреждая его [турецкого султана. — *М.Я.*] злое намерение», «ко обороне против того неприятеля». Царь должен был отправиться, «не отлагая», к Путивлю, послав предварительно основные войска «со многими ратьми, конными и пешими полки». Для реализации данного проекта было принято решение о сборе дополнительного налога на содержание армии — «по полтине» со двора и по десятой деньге с посадского населения[125].

Как видно, уже в 1672 г. в Москве не исключали прямого военного столкновения с Портой и всерьез были обеспокоены возникшей османской угрозой. В какой-то степени стоит согласиться с С.М. Соловьевым, отмечавшим, что уже в 1672 г. царское правительство осознавало, что «тяжесть турецкой войны грозила обрушиться на одну Москву», ввиду чего все его внимание было обращено на юг[126]. В этой связи были предприняты соответствующие меры по предотвращению возможной турецкой агрессии и мобилизованы значительные ресурсы Российского государства. Желая защитить свои границы, Москва вступила в противостояние с османами, и в 1672–1676 гг. возникло, по сути, несколько локальных конфликтов, развернувшихся на трех театрах военных действий: Азовском, Крымском и на правом берегу Днепра. Однако в этот период русское правительство не стремилось к прямому столкновению с турецкой стороной; и действительно, события развивались так, что этого столкновения между основными армиями двух держав тогда не произошло.

---

[124] ПСЗ. Т. 1. № 547. Стб. 930.

[125] Там же.

[126] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VI. Т. 12. С. 433.

2. Военные действия на Правобережье

2.1. 1673 и 1674 годы

Как известно, при заключении Бучачского договора Речь Посполитая не учла интересов России, проигнорировав спорный статус переданных ею османам территорий. В этой связи русская сторона констатировала, что часть условий Андрусовского договора перестала действовать. В начале 1673 г. московская сторона, реализуя свои притязания на Правобережье, известила Варшаву о том, что русско-казацкие войска будут Дорошенко «из-под ига агарянскаго отвращать со всем поспольством и с городы под его царского величества высокую руку»[127].

В начале 1673 г. слухи о готовившемся этой же весной походе османов на Киев и Украину продолжили форсироваться. Архимандрит Киево-Печерского монастыря И. Гизель в начале января 1673 г. писал гетману И. Самойловичу, что получил от греческих купцов, побывавших в турецком войске, сведения о намерении османов выступить под Киев «не ожидаючи травы», при этом «бусурманин мыслит, чтоб перед войсками его царского величества, безо всякого себе отпору, мог приближитися»[128]. По сведениям лубенского сотника, крупные силы крымцев были сосредоточены в Чигирине: «...татаровя пришли под Чигирин, а мурза, де, со многими людми в Чигирине стоит, а хотят переходить на сю сторону Днепра»[129].

16 января к гетману И. Самойловичу был послан подьячий С. Щеголев, которому указывалось «наодине» обсудить с левобережным гетманом вопросы, связанные с обострившейся ситуацией в Поднепровье и деятельностью П. Дорошенко. По сути, ему предстояло собрать более полную информацию о позиции жителей правого берега Днепра для дальнейших действий в регионе. У правительства к этому времени уже была информация от левобережного гетмана о том, что генеральный есаул Я. Лизогуб «со всем городом Каневым» желает быть в российском

---

[127] АЮЗР. Т. 11. № 111. Стб. 368–370. См. также: *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 76.

[128] АЮЗР. Т. 11. № 41. Стб. 111.

[129] Там же. № 44. Стб. 120.

подданстве, и в Москве, видимо, пытались выяснить, на какие пророссийские силы в среде правобережного казачества можно опереться в случае военных действий на правом берегу Днепра. Кроме того, власти также хотели, чтобы И. Самойлович выяснил «намерения» П. Дорошенко, «не ищет ли того, как бы ему от турскаго салтана отлучитца»[130]. При этом если российское правительство не исключало вероятность мирного перехода П. Дорошенко в российское подданство, то гетман И. Самойлович такую возможность полностью отрицал. По его словам, правобережный гетман «еретик и турскому салтану поддался вовся». Самойлович опасался, что Дорошенко использует переговоры, чтобы оттянуть приход русских войск, а сам тем временем будет просить помощи у османов, и подошедшие ему на выручку войска впоследствии «трудно будет выживать... из городов»[131]. В качестве альтернативы И. Самойлович предлагал немедленный совместный поход с кн. Г.Г. Ромодановским, с которым он бы «на ту сторону Днепра перешод, войну учинили, и он бы, де, Дорошенко, конечно пропал»[132]. Следует также сказать, что у кн. Г.Г. Ромодановского, по всей видимости, сложились хорошие отношения не только с новым гетманом, но и со многими казацкими полковниками: «...кто какова чину малоросийского краю люди бывают у него, и он с ними такожде ставитца, и им, де, такая поступка всем любителна»[133].

Благодаря поездке подьячего С. Щеголева в начале весны 1673 г. в распоряжении московского правительства оказались сведения о том, что правобережные жители были недовольны господством османов в регионе и, «видя утеснение от турских людей, Дорошенка и их всех проклинают и всяко зло мыслят, и Дорошенко, де, конечно, от того скучает, что поддался турскому салтану, да не ведает, что чинит»[134]. Известно, что к этому времени в некоторых центрах правобережных полков стали возникать османские поселения (предполагалось даже выселение правобережных жителей), строиться мечети. Это происходило в услови-

---

130 АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 157.

131 Там же. Стб. 160.

132 Там же. Стб. 160.

133 Там же. Стб. 175.

134 Там же. Стб. 166.

ях, когда Правобережье не проявляло неподчинения османской власти. Более того, Порта хотела пересмотреть условия, на которых Правобережное гетманство перешло под ее власть, в частности намереваясь ввести выплату дани[135]. Несмотря на эти факторы, П. Дорошенко продолжал последовательно придерживаться османской ориентации.

Такую позицию разделяли не все представители правобережной старшины. Для некоторых достаточно широкая автономия в составе России казалась предпочтительнее условий, которые была готова предложить османская власть[136]. В частности, Я. Лизогуб настаивал на отправке на правый берег Днепра «многих ратных людей» и отмечал, что «ни один город на той стороне Днепра, кроме Чигирина, не будет стояти, все сдадутца»[137]. В то же время он подчеркивал возможность выступить против П. Дорошенко только в случае прихода царских войск: «...толко в нынешнее время без наступления его царского... величества многих войск от Дорошенка отлучитца... никоторыми меры невозможно»[138]. Таким образом, весной 1673 г. перед российским правительством возникала перспектива присоединить Правобережье, добившись перехода в русское подданство пророссийски настроенных правобережных полков, готовых даже выступить против П. Дорошенко; не исключалась и возможность мирного перехода под царскую власть самого правобережного гетмана.

Как представляется, не последнюю роль в принятии этого решения могли сыграть сведения, привезенные в Москву В. Даудовым, чей обратный путь из Стамбула пролегал через территории правобережных казачьих полков. По его словам, «как, де, он ехал черкаскими городами тое стороны Днепра, и ево, де, везде по городом и по селам, и по местам полковники и ясаулы, и рядовые казаки, и мещане, встречая, принимали, и поили, и кормили, и подводы давали доволно. И многие жители с малых робят провожали версты по три и по четыре со слезами, а молят Бога, чтоб

---

[135] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Об османской «альтернативе» в истории Украины второй половины XVII века // Восточнославянские исследования. 2023. № 2. С. 20–24.

[136] Там же. С. 25.

[137] АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 170.

[138] Там же. Стб. 173.

быть у царского величества в подданстве, и того, де, они непрестанно желают и государской милости к себе ожидают»[139]. Более того, В. Даудов, находясь в Чигирине у П. Дорошенко, присутствовал при его разговоре с паволочским полковником Г. Гамалеей, который выражал недовольство проосманской ориентацией гетмана: «...с воли, де, твоей ныне мы половино турчанами застали, а совершенными турчанами быть и впредь салтана слушать не хотим»[140]. При этом сам правобережный гетман «плакал» русскому посланнику, что его «почитают за изменника..., естъли Бог изволит и сам, де, я у царского величества буду»[141]. Как видно, у московского правительства были весомые основания полагать, что правобережные полки перейдут под власть российского царя.

Одновременно важным вопросом для Москвы оставалось выяснение настроений малороссийских жителей. С. Щеголеву, к примеру, поручалось «проведывать тайно» об отношении малороссийских жителей к увеличению контингента царских войск[142]. По словам подьячего, из разных источников ему стало известно, что местное население поддерживает усиление киевского гарнизона, и в случае осады города «они все за Киев умирати готовы»[143]. Однако переброска войск привела также к усилению для малороссийских жителей налогового бремени, особенно подводной повинности. Киевский полковник К. Солонина жаловался, что часть ратных людей «имали подводы многие», кроме того, стрельцы «дворы и огороды пожгли и разорили, и сена без остатку потравили и воровство чинили, крали и силно отымали»[144]. Эти известия сильно обеспокоили московские власти, и в последующих грамотах к воеводам подчеркивалась необходимость уберечь местных жителей от возможного разорения. В то же время у российского командования не было полного доверия и к казачьей верхушке Левобережья. В отписке царю кн. Ю.П. Трубецкой сообщал о своей встрече 1 февраля по дороге на Киев, в районе Сосниц, с гетманом И. Самойловичем, и «все черкасы

---

[139] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 59 об. – 60.
[140] Там же. Л. 62.
[141] Там же. Л. 61–61 об.
[142] АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 173.
[143] Там же. Стб. 176.
[144] Там же. Стб. 174, 176.

обещались... служить верою и правдою до самых смертей»[145]. Однако киевский воевода, прибыв в город 13 февраля, старался держаться обособленно и свести к минимуму взаимодействие с левобережными казаками: «...боярин и воеводы неприступны,... полковником на двор и с двора ездить не велит»[146].

К началу весны у московского правительства на южном направлении имелось два альтернативных сценария ведения военных действий — гетман И. Самойлович предлагал организовать поход Войска Запорожского и армии под командованием кн. Г.Г. Ромодановского на Крым или, в случае невозможности этого, просил «подвесть» в российское подданство П. Дорошенко или «на него итти войною»[147]. Из Москвы были посланы статьи к кн. Г.Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу, согласно которым поход на Крым объединенных русско-казацких войск следовало «ныне до времени отставить»[148]. Вместо этого было принято решение направить объединенную армию к Днепру и вступить в переговоры с гетманом П. Дорошенко, «призывая ево, Дорошенка, и все войско будучее при нем под... царского величества высокодержавную руку»[149]. Из данных инструкций видно, что московское правительство рассматривало несколько возможных вариантов развития событий на Правобережье. В случае добровольного перехода П. Дорошенко под царскую власть предполагалось сохранение казацких вольностей, при этом в статьях подчеркивалась готовность царя защищать правый берег Днепра от османского вторжения. В случае отказа от переговоров воеводе и гетману предписывалось начать военные действия против П. Дорошенко. Однако в Москве были готовы вести переговоры с отдельными правобережными полковниками, добиваясь избрания нового гетмана на правом берегу Днепра; или при желании правобережной старшины выбрать И. Самойловича гетманом «на обоих сторонах Днепра», что свидетельствует о стремлении Самойловича уже в этот период подчинить правый берег Днепра.

---

[145] АЮЗР. Т. 11. № 48. Стб. 129.

[146] Там же. № 55. Стб. 175.

[147] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 505; АЮЗР. Т. 11. № 56. Стб. 196–197.

[148] АЮЗР. Т. 11. № 56. Стб. 196.

[149] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 505 об.; АЮЗР. Т. 11. № 56. Стб. 196–197.

В таких условиях «чинить промысл над Дорошенко» следовало совместно с перешедшими на российскую сторону правобережными полками[150]. В Москве, по всей видимости, рассчитывали присоединить Правобережье прежде всего дипломатическими средствами, одновременно ведя переговоры с П. Дорошенко и правобережной старшиной, но не исключали при этом и силовое решение.

Известно, что в 1673 г. до начала весенней распутицы русско-казацкие войска под командованием кн. Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича, «собрався во многой силе», соединились у Пирятина (территория Лубенского казацкого полка) и направили к Днепру полковника рейтарского строя П. Стромичевского, переяславского полковника Дм. Райчу и нежинского полковника Ф. Уманца[151]. Им предписывалось «призывать» в русское подданство генерального войскового есаула правобережного гетмана Я. Лизогуба[152]. Однако осуществить намеченные планы не удалось: «...над Петром Дорошенком никакова промыслу не учиня, за распалением Днепровым болшие воды, и видя, что Дорошенко и Лизогуб к подданству еще не склоняются, для того от Пирятина отступили»[153]. К такому решению подтолкнули также набеги крымских татар в районе Белгородской черты, которые «учинили всякое разорение»[154]. Примечательно, что, по наблюдениям С.М. Шамина, в этот период в полку кн. Г.Г. Ромодановского существовала проблема с расспросами крымцев (а следовательно, и получением оперативной информации) из-за отсутствия толмачей татарского языка[155]. Однако, судя по последующим событиям, эта проблема была оперативно решена.

Весной 1673 г. польский сейм не утвердил условия Бучачского мира с Турцией и проголосовал за продолжение войны[156].

---

[150] АЮЗР. Т. 11. № 56. Стб. 196–203.

[151] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 506.

[152] Там же. Л. 506 об.

[153] Там же. Л. 506 об. – 507.

[154] Там же. Л. 506 об.

[155] *Шамин С.М.* Переводчики на Турецкой войне: Абрахман Тевкелев в полку князя Г.Г. Ромодановского (1674) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 574.

[156] *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 94.

С этого времени османские власти были вынуждены сосредоточить внимание на защите своих новых владений в Подолии[157]. В сложившихся условиях в Москве было принято решение не торопиться с выступлением армии к Днепру и наблюдать за развитием польско-турецкого конфликта. Летом 1673 г. русское правительство не исключало возможности организации похода во главе с царем Алексеем Михайловичем для помощи Польско-Литовскому государству[158]. Однако, по мнению Б.Н. Флори, в этот период есть «все основания говорить о скрытой борьбе России и Речи Посполитой за обладание Правобережьем»[159].

Одновременно, несмотря на заверения П. Дорошенко о желании поддерживать дружественные отношения с Киевом и Левобережьем[160], в летний период в Москву постоянно поступали сведения о намерениях правобережных казаков идти «через реку Днепр на переяславскую сторону войною»[161]. О возникающих конфликтах левобережных жителей и царских войск с правобережными казаками П. Дорошенко сообщал киевский воевода кн. Ю.П. Трубецкой.

Благоприятные условия для начала активных действий сложились, по мнению московского правительства, в конце осени 1673 г. Разгром османских войск под Хотином в ноябре 1673 г. и отход турок к Дунаю поставили правобережного гетмана в уязвимое положение. Одновременно в начале декабря стало известно о смерти польского короля Михаила и наступлении в Речи Посполитой периода бескоролевья.

В начале января 1674 г. войска под командованием кн. Г.Г. Ромодановского прибыли в местечко Веприк под Гадячем и после подавления И. Самойловичем мятежа в Полтавском полку[162] дви-

---

[157] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 110–111; *Орешкова С.Ф.* Османская империя во второй половине XVII в. ... С. 21.

[158] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 507 об. – 508 об.

[159] *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 94.

[160] АЮЗР. Т. 11. № 67. Стб. 226.

[161] Там же. № 83. Стб. 276.

[162] Речь идет о переходе полтавского полковника Д. Гуджола на сторону П. Дорошенко и его последующем смещении, см. подробнее: Синбирский сб. М., 1845. Т. 1. № 87. С. 87–88; *Великанов В.С.* «Заднепровский поход

нулись к Днепру[163]. По словам прибывшего из армии белгородского воеводы гонца, общая численность войск, действующих в Поднепровье, была значительной: «...в полке, де, у боярина и воевод... ратных людей конницы и пехоты с 30 000 человек, да у гетмана Ывана Самойловича казаков з 20 000 человек, да к боярину... февраля в 1-м числе пришли ис Киева два приказы стрелецкие»[164].

Русско-казацкая армия перешла Днепр севернее Чигирина, в районе Бужина[165], и близлежащие правобережные городки сразу стали переходить в русское подданство. Так, в отписке царю кн. Г.Г. Ромодановский сообщал, что в конце января «города Крылова духовного и мирского чину все жители и все посполство» били челом царю, чтобы «велел их приняти под свою царского величества самодержавную высокую руку в вечное подданство»[166]. Однако не обошлось и без демонстрации силы — двигаясь на юг, «ратные люди и черкасы, идучи заднепровскою стороною, городы Вороновку, Бужын, Боровицы розорили и выжгли, и в уездех... всякое розоренье чинят»[167]. Надежды на дипломатию не оправдались: П. Дорошенко отказался вести какие-либо переговоры с кн. Г.Г. Ромодановским (по словам последнего, «пересылки от него к нам... никакие ни о чем не бывало») и укрепился в Чигирине, «собрав... из Вороновки, из Бужина, из Боровицы и иных ближних околных городов... жителей»[168]. 31 января кн. Г.Г. Ромодановский выслал к Чигирину отряд окольничего П.Д. Скуратова, а гетман «посылал переясловского полковника Дмитрашку Райчу с полками», у которых под Чигиринской крепостью произошло столкновение со сторонниками П. Дорошенко: «...на том бою...

---

182 г.» войск князя Г.Г. Ромодановского и переяславская рада 1674 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 66.

[163] *Великанов В.С.* «Заднепровский поход 182 г.»... С. 63–74.

[164] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 758. Л. 696. На основании смотра в Белгородском полку находилось 19 тыс. человек (см.: *Великанов В.С.* «Заднепровский поход 182 г.»... С. 67).

[165] Местечко Бужин располагалось примерно в 20 км севернее Чигирина, в настоящее время эта территория затоплена Кременчугским водохранилищем.

[166] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 758. Л. 692.

[167] Там же.

[168] Там же.

ратные люди многих черкас побили... и секли их до городской стены, и посады все около Чигирина выжгли»[169].

Русско-казацкое командование не решилось в этот раз осаждать крепость, так как опасалось прихода крымской орды; сыграла роль и многочисленность гарнизона[170]. От Чигирина войска двинулись к Черкассам, к которым армия подошла 3 февраля. По словам кн. Г.Г. Ромодановского, в городе укрепился генеральный обозный П. Дорошенко Иван Гулак «и вся старшина с казаки и с мещаны стояли в упорстве многое время и с... ратными людми учинили бой». В этой связи было принято решение начать штурм города — «Большой» город был взят в этот же день. 4 февраля «ратные люди взяли в Черкаском другой город, а обозной дорошенкова Иван Гулак... с казаки и с полку, и с мещаны сели в осаде в третьем городе». Белгородский воевода и гетман приказали «готовитца к приступу и по городу бить из норяду, и метать гранаты»[171]. После непродолжительного боя черкасские жители сдались и принесли присягу царю.

9 февраля 1674 г. армия подступила к Каневу, который сдался без сопротивления, как и обещал годом ранее генеральный есаул Я. Лизогуб. 10 февраля все население города было приведено к присяге. Как видно, часть правобережных полков подчинялась, не вступая в бой. Из Канева также были направлены «листы» «во все городы и места», в частности к корсунскому и уманскому полковникам с предложением перейти под власть московского государя[172]. К Корсуни при этом был направлен отряд во главе с полковником М. Кияшко, который сообщил, что корсунцы «замкнувся, в городе сели в осаду»[173]. Однако стоит также отметить, что, несмотря на оказанное в некоторых городах сопротивление, стало ясно, что число сторонников правобережного гетмана и приверженцев проосманской ориентации в украинском обществе сокращается. Правобережные жители П. Дорошенко «многие проклинают за то, что он в подданстве у турка, и многие на сю сторону идут с женами и детми»[174].

[169] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 758. Л. 693.
[170] АЮЗР. Т. 11. № 113. Стб. 378.
[171] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 758. Л. 701–703.
[172] АЮЗР. Т. 11. № 113. Стб. 372, 375.
[173] Там же. Стб. 375.
[174] Там же. Стб. 378.

Вести войну зимой было непросто. По словам гетмана И. Самойловича, «конных кормов взяти негде, а что было на возах в войске себе и лошедям корму, во всем до сего времяни изошло, и много коней без корму поморили и покидали»[175]. Ситуация осложнялась тем, что на правом берегу Днепра часть местных жителей «места, кроме крупных городов, и всякие живности, до приходу боярина и воевод и гетманского, все пожгли»[176]. Чтобы избежать недовольства и бегства войск, кн. Г.Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович 11–12 февраля переправились на Левобережье и встали напротив Канева. На правом берегу Днепра, в Каневе, «для береженья города» было оставлено 4 тыс. казаков из разных полков, однако И. Самойлович отмечал, что в городах должны находиться также царские войска, потому что «казаки люди непостоянные,... обнадежа, тотчас розбегутца»[177].

Одновременно представители правобережной старшины провели войсковую раду в Корсуни, где присутствовали главные военные силы Правобережного гетманства во главе с братьями П. Дорошенко[178]. В этой связи к Корсуни в конце февраля было направлено 4 тыс. казаков во главе с генеральным есаулом Ив. Лысенко[179]. Поход оказался удачным. Татарские отряды, действовавшие вместе с братом П. Дорошенко, Григорием, были разбиты. В начале марта сторонники П. Дорошенко бежали из Корсуни, а находившиеся в городе полки присягнули на верность царю[180]. В русское подданство перешли Ржищев, Стеблов, Камен-

---

175 АЮЗР. Т. 11. № 113. Стб. 373.

176 Там же. Стб. 376.

177 Там же. 24 февраля в Москве узнали о взятии Канева, 25 февраля к кн. Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу были направлены царские грамоты, в которых, в частности, воеводе предписывалось ввести гарнизоны в Канев и Черкассы. В Каневе воеводой назначался кн. М.Г. Ромодановский, сын кн. Г.Г. Ромодановского, в Черкассы — И. Вердеревский. Гетману также указывалось направить в эти города начальных людей и казаков «сколко человек пригоже, по своему разсмотрению» (АЮЗР. Т. 11. № 114. Стб. 380; *Великанов В.С.* «Заднепровский поход 182 г.»... С. 69).

178 *Флоря Б.Н.* Об османской «альтернативе» в истории Украины... С. 27.

179 Там же. С. 28.

180 Там же.

ный Брод и другие соседние городки и местечки Каневского и Корсунского полков[181].

В Переяславль, где в это время находились кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович, с письмом о готовности правобережного казачества принести присягу царю были направлены казацкие посланники. Русско-казацкое командование настаивало на проведении рады до наступления весенней распутицы, «не дожидаясь зимнему пути разрушения и водного расположения»[182]. В целях безопасности было решено провести собрание на Левобережье, в Переяславле.

В середине марта 1674 г. состоялась выборная казацкая рада, на которой новым гетманом «обоих сторон Днепра» был избран И. Самойлович. На территории Правобережья И. Самойловичу не подчинились только Чигирин и Паволочь, однако часть старшины Паволочского полка приняла участие в Переяславской раде[183]. В раде также принял участие М. Ханенко, соперник П. Дорошенко в 1669–1674 гг. на Правобережье, признанный гетманом на части территории, принадлежащей Речи Посполитой; он также сложил свои клейноды и принес присягу на верность царю. России удалось добиться формального объединения Левобережья и Правобережья под царской властью. Следует согласиться с Б.Н. Флорей, что этот крупный успех был достигнут дипломатическими средствами, использование военной силы определяющего значения не имело[184]. Однако решения Переяславской рады не означали немедленного перехода всего Правобережья в российское подданство. П. Дорошенко не признал их и пытался вернуть население под свою власть. При этом, надеясь выиграть время до прихода обещанного османского подкрепления, он вступил в переговоры с кн. Г.Г. Ромодановским. Переговоры велись до апреля 1674 г., когда к нему на выручку прибыло 4 тыс. крымцев во главе с Джамбет-Гиреем, и он открыто заявил о верности турецкому султану и неприятии решений рады. В то же время российскому правительству предстояло добиться фактическо-

[181] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 243.

[182] АЮЗР. Т. 11. № 118. Стб. 389

[183] *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 78.

[184] Там же. С. 78.

го низложения П. Дорошенко, который продолжал находиться в Чигирине, что Москва и попыталась реализовать в 1674–1676 гг. Однако стоит иметь в виду, что все это происходило в условиях продолжавшейся войны между Речью Посполитой и Османской империей, собравшей для этого войска на Днестре. Крупных русских военных сил на Правобережье не было, и Москва в этот период не видела необходимости направлять их для защиты правого берега Днепра[185].

П. Дорошенко, рассчитывая удержать власть, опирался на османские силы. В своем универсале к корсунскому полковнику от 20 апреля 1674 г. он откровенно писал, что готов выступить против Москвы, так как ожидает прихода на правый берег Днепра турецко-татарских войск: «...царство Турское, королевство Полское междо собою к згоде пришед, и панство крымское никуды инуды, токмо против Москвы все свои силы хотят двигнути и уже на подъему суть. ... И мы... уже не будем в домех сидети»[186]. При этом, призывая корсунцев подчиниться его власти, он угрожал им разорением, которое мог учинить, очевидно, только османскими силами[187].

Из царской грамоты к И. Самойловичу видно, что в Москве не оставляли надежды на мирное разрешение конфликта с П. Дорошенко, но также были готовы вести против него военные действия[188]. Однако в этот период Дорошенко, получив помощь из Крыма, сам начал активно действовать на Правобережье, «послав брата своего, Андрея, из Чигирина с частию войска и с тою ордою чрез листы свои прелщати,... чтоб они... к бусурманской державе и к его регименту привратились»[189]. Показательно, что в перешедших на сторону правобережного гетмана местечках Баклии и Орловки П. Дорошенко «жителей с женами и с детми отдал... татаром, а старшине, которые в тех местечках были, живым глаза буравами вывертели»[190]. После этого русско-казацкое

---

[185] *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 96.

[186] АЮЗР. Т. 11. № 134. Стб. 439.

[187] Там же.

[188] Там же. № 137. Стб. 446–452.

[189] Там же. № 140. Стб. 460.

[190] Там же. № 141. Стб. 462.

командование, находившееся под Переяславлем, начало рассматривать прежде всего силовое решение конфликта, направив в конце апреля часть войск на правый берег Днепра, в частности под Чигирин[191]. Кроме того, для действий против П. Дорошенко в мае были направлены войска во главе с полковником рейтарского строя М. Беклемишевым и переяславским полковником Дм. Райчей с пятью казацкими полками, к которым присоединились и казаки правобережных полков: черкасского, уманского, каневского, торговицкого и корсунского. Эти войска 10 июня 1674 г. под местечком Смелое разбили войска П. Дорошенко и крымских султанов «во шти тысечах орды»[192], после чего крымцы отступили к Каменцу-Подольскому[193]. В это же время П. Дорошенко удалось укрепить Жаботин и Медведовку, при попытке взять Жаботин Дм. Райча потерпел неудачу[194].

К этому же времени, как казалось Москве, прояснились планы Польско-Литовского государства. Пришедший к власти весной 1674 г. Ян Собеский, с одной стороны, выразил намерение продолжить войну с Османской империей, с другой — подтвердил статьи Андрусовского договора. Очевидно было, что при таких обстоятельствах Речь Посполитая «будет вынуждена примириться» с деятельностью России на Правобережье[195]. На решении московского правительства выступить в этот период против П. Дорошенко, по мнению Б.Н. Флори, также сказалась информация, полученная из писем П. Дорошенко, направленных в Крым с послом И. Мазепой, о невозможности обороняться против русско-казацких войск без поддержки крымцев и турок[196].

Позиция московского правительства относительно действий на Правобережье летом 1674 г. представлена в ходе переговоров с польским послом С. Венславским. Русская сторона подчеркивала, что уступка Украины османам привела к тому, что Москва была

---

[191] АЮЗР. Т. 11. № 134. № 137. Стб. 452.

[192] Там же. № 150. Стб. 492.

[193] Там же. № 176. Стб. 594.

[194] Там же. № 151. Стб. 505–506.

[195] *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 95–96.

[196] Там же. С. 96. См. также: *Крикун М.* Між війною і радою... С. 357–360.

вынуждена, защищая собственные границы, выступить против П. Дорошенко, в результате чего Правобережная Украина оказалась под властью царя. Также примечательно, что в этот период в Москве считали, что русско-османская граница соприкасается на Дону и в Азове, а с 1674 г. — на Днестре[197].

Однако летом 1674 г. в отношениях между Речью Посполитой и Османской империей произошли перемены. Речь идет, по словам Б.Н. Флори, о заключении своеобразного польско-турецкого соглашения о ненападении на время начавшихся переговоров о мире[198], которое позволяло направить османские войска на Правобережье. Таким поворотом событий впоследствии русская сторона оказалась, конечно, недовольна.

В этой связи, воспользовавшись тем, что османские войска все-таки собирались у границ Речи Посполитой, армия кн. Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича в начале июля перешла Днепр под Черкассами и 23 июля осадила Чигирин. По сведениям, которые были в распоряжении русско-казацкого командования, П. Дорошенко с небольшим количеством войск укрепился в Верхнем городе Чигирина, в то время как из Нижнего города «многие люди бегут к гетману в войско, и сказывают, что в Чигирине ныне голод болшой, и люди зело скучают и на него, Дорошенка, шумят, чтоб не погубил их, и город и их боярину и гетману сдал»[199]. Те города, которые еще подчинялись П. Дорошенко, в частности Жаботин, Медведевка «со всеми теми поветами», принесли присягу московскому царю[200]. В Паволочь был отправлен Лубенский полк[201]. Для защиты Поднестровья был послан московский дворянин И. Лутовинов с донскими и яицкими казаками и переяславский полковник Дм. Райча с частью левобережных и правобережных полков, «опричь черкаского и торговицкого»[202]. По наблюдениям Б.Н. Флори, правобережные полки признали И. Самойловича своим гетманом, а также активно участвовали в

---

[197] *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 80.

[198] *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 97.

[199] АЮЗР. Т. 11. № 159. Стб. 534.

[200] Там же. № 165. Стб. 546.

[201] Там же. № 159. Стб. 530.

[202] Там же. № 165. Стб. 545.

военных действиях на его стороне[203]. Очевидно, что в этот период у Москвы были основания рассчитывать на быстрое и полное утверждение власти И. Самойловича на всей территории правого берега Днепра.

Однако уже в середине июля гетману И. Самойловичу от подольского полковника стало известно о намерении турок двинуться на Украину и «землю пустошити огнем и мечем и под Киев просто итти»[204]. П. Дорошенко вновь запросил помощь у своего сюзерена и крымского хана[205]. После начала осады Чигирина из расспросных речей пленных татар русско-казацкое командование также узнало, что турецко-татарские силы переходят Днестр и хотят «итти всеми силами под Умонь и под Киев, и к Дорошенку на выручку»[206]. В этой связи расчеты на быстрое взятие Чигирина не оправдались, у П. Дорошенко появилась надежда снова укрепить свою власть с помощью османов, и он стоял «в упорстве... и сдачи от него отнюдь на чаят»[207]. Блокировав частично крепость, объединенные войска возвели шанцы и стали над ней «военныи... вымышляти способы», однако, по словам кн. Г.Г. Ромодановского, осада шла тяжело, в армии было малолюдно, а находившиеся под Чигирином ратные люди «оскудали и одолжали великими долгами, и лошадми опали, и ружье и служилую рухледь испродали и проели»[208]. Согласно казацким расспросным речам, они к городу практически не приступали, так как «чаяли приходу к Чигирину хана крымского с ордою»[209].

В июле 1674 г. на Днестре, как известно, сосредоточились 50-тысячная турецкая армия во главе с султаном Мехмедом IV и крымские войска Селим-Гирея. Получив информацию об измене правобережных полков, османские власти приняли решение о на-

---

[203] *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 80.

[204] АЮЗР. Т. 11. № 157. Стб. 522–523.

[205] Синбирский сб. Т. 1. С. 214–217. П. Дорошенко просил хана Селим-Гирея, чтобы тот «с силою своею изволил поспешити, как скорее», так как «против неприятеля не можем стояти».

[206] АЮЗР. Т. 11. № 164. Стб. 542.

[207] Там же. Стб. 541.

[208] Там же. Стб. 541–543.

[209] Там же. № 198. Стб. 655; *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 94–104.

правлении войск для подавления казацкого восстания[210]. Данная операция изначально рассматривалась как карательная, даже при добровольной сдаче населения планировались казни и другие акции устрашения. Командовать операцией поручалось бейлербею Алеппо Ибрагиму-паше с бейлербеем Румелии Мехмедом-пашой, с ними первоначально было направлено всего несколько янычарских «орт»[211], однако через некоторое время турецкая армия была увеличена из-за сопротивления населения[212]. Крымский хан был направлен непосредственно к П. Дорошенко[213].

Посланный в Приднестровье переяславский полковник Дм. Райча (для защиты населения прежде всего от татарских набегов, но не от османской армии) в начале августа направил к реке Юж. Буг двухтысячный отряд, который, соединившись с казаками А. Мурашко, перебил первые османские разъезды под Ладыжином. Однако позднее к городу подошли «великие зело и неисчетные» турецко-татарские войска и выжгли город; часть местных жителей с казаками укрылись в замке[214]. Дм. Райча, оставив 800 человек для обороны города, отошел к Корсуни и затем к Каневу. Также были возвращены русско-казацкие войска, осаждавшие Паволочь[215]. Правобережье оказалось фактически беззащитно.

9 августа татарские разъезды появились под Чигирином. Ожидая прихода значительных османских сил «к Киеву и к Дорошенку на выручку киевской стороны городами», кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович приняли решение сжечь лагерь и 10 августа отступить к Черкассам[216]. 12 августа русско-казацкие войска пришли под Черкассы «безо всякого неприятелского насилства в целости» и встали обозом[217]. Однако 13 августа они были атако-

---

210 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 662.

211 Ibid.

212 Ibid. S. 663.

213 *Wagner M.* Wojna polsko-turecka... T. 2. S. 58–60; Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 183; *Крикун М.* Між війною і радою... С. 361–362; *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 98.

214 *Крикун М.* Між війною і радою... С. 365–376.

215 АЮЗР. Т. 11. № 189. Стб. 631–634.

216 Там же. № 195. Стб. 649.

217 Там же. № 190. Стб. 636.

ваны объединенными силами П. Дорошенко и крымцев. После боевых действий, длившихся «весь день до вечера», противники были отброшены и отступили к Чигирину.

Османы, в свою очередь, пытались покончить с сопротивлением на Украине. Османское командование, в частности, «многие городки за Богом [р. Южный Буг. — *М.Я.*] и по сей стороне Бога, ... добыл и людей в них вырубил, а иных в полон побрал, а иные городы сами сдались, не дождався... помочи, толко Умань, Лысянка и Корсунь, кроме Канева и Черкас, держатся еще»[218]. 17 августа в Москву из-под Черкасс писал гетман И. Самойлович, предупреждая, что, если от российского правительства не будет помощи, правобережные полки, кроме Канева и Черкасс, оказавшиеся без поддержки перед лицом османской угрозы, снова перейдут на сторону турок. И. Самойлович считал необходимым направить еще одну армию на Украину, так как сам не решался открыто выступить против османских войск: «...против таких сил великих есмы в малолюдствии, а к тому далние от нас городы, тогда трудно было нам им помочи давать»[219]. Сам гетман и кн. Г.Г. Ромодановский планировали укрепиться в какой-нибудь крепости, «чтоб с сими войсками могли сдержать, когда все силы бусурманские на нас навалят»[220]. По показаниям стрельца А. Зиновьева, побывавшего в русско-казацкой армии, местному населению «на гетманское, де, войско надеетца... нечего: из полков бегут беспрестанно»[221]. Некоторые города, в частности Ладыжин, который выдержал несколько приступов османских войск[222], Умань и Канев, оказывали сильное сопротивление; османские войска при этом понесли серьезные потери[223]. Это показывает в целом отношение правобережного населения к османам. Однако, как и предупреждал И. Самойлович, целый ряд городов, в том числе Брацлав, подчинились османам.

---

218 АЮЗР. Т. 11. № 189. Стб. 637.

219 Там же. Стб. 637–638.

220 Там же. Стб. 637–638.

221 Там же. № 193. Стб. 642.

222 Подробнее об осаде Ладыжина см.: *Крикун М.* Між войною і радою... С. 365–376.

223 *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 101.

В этих условиях русская армия, первоначально вставшая у Черкасс, переправилась на левый берег Днепра, когда выяснилось, что помощи с польской стороны не будет[224]. Известно, что 19 августа войска во главе с кн. Г.Г. Ромодановским были в Судже, 21 августа они выступили в Сумы[225]. Османская армия после овладения Ладыжином и Уманью и понесенных потерь двинулась к Днестру и перешла реку в двадцатых числах сентября[226].

Стоит отметить, что отход русско-казацкой армии от Чигирина и переход на левый берег Днепра не остались незамеченными османской стороной, которая увидела в этом проявление слабости[227].

События, развернувшиеся на Украине летом 1674 г., а также прямая угроза Киеву поставили перед московским правительством вопрос о дальнейших действиях русско-казацких войск и организации обороны против османов. В середине августа 1674 г. снова зашла речь о личном выступлении Алексея Михайловича с войсками на Украину, «предуготовляти» этот поход предписывалось кн. Ю.А. Долгорукову «со многими ратными, конными и пешими, людми»[228]. Предполагалось также участие окольничего кн. К.О. Щербатова, которому надлежало ожидать в Путивле смоленскую шляхту; кн. И.А. Хованскому предписывалось быть в полной готовности с Новгородским полком[229]. Известно, что кн. Ю.А. Долгоруков в первых числах сентября был уже «у руки», однако в середине сентября стали приходить известия об уходе османской армии с территории Украины[230]. Царское правительство не решилось воспользоваться отходом турецких войск для возобновления военных действий против П. Дорошенко. С одной стороны, причиной этого стала «усталость» от длительного не-

---

224 АЮЗР. Т. 11. № 202. Стб. 667; *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 100.

225 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 827. Л. 476–477.

226 *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 101.

227 Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 185.

228 АЮЗР. Т. 11. № 196. Стб. 651.

229 *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 99.

230 Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1036; *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 101.

сения военной службы в войсках Белгородского разряда, которая повлекла за собой проблемы со снабжением и дезертирство[231]. С другой — в этот период оставалась неясной позиция Польско-Литовского государства[232]. В Москве опасались, что польско-литовское правительство заключит мир и даже союз с османами. Польскому послу С. Венславскому осенью 1674 г. выговаривалось, что войска Речи Посполитой не двинулись на Украину, когда там находилась османская армия. В этом случае польская сторона не могла просить помощи России в продолжившейся польско-турецкой войне. Также заявлялось, что до весны русские войска не будут переправляться за Днепр[233].

Политический успех, сопутствовавший России на правом берегу Днепра в начале года 1674 г., был нивелирован турецко-татарским походом на Правобережье. Османам удалось вновь утвердить власть П. Дорошенко над некоторыми правобережными полками[234], при этом большая часть Правобережья оказалась разорена. Кроме того, у османского правительства сформировалось представление о нежелании русских войск вступать в бой с турецко-татарской армией за эти территории.

2.2. 1675 и 1676 гг.

В конце 1674 — 1675 г. московское правительство не спешило предпринимать активные военные действия на Правобережье, наблюдая за развитием польско-турецкого противостояния.

Между тем на землях, подвластных П. Дорошенко, в частности на территориях Черкасского и Корсунского полков, распо-

---

231 *Флоря Б.Н.* Трудности государственной власти при использовании вооруженных сил в России второй половины XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2023. № 3 (93). С. 94–95.

232 *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине... С. 102.

233 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 12. С. 495.

234 Стоит отметить, что начало поляками осенью 1674 г. военных действий против османов привело к тому, что часть правобережных городков признала королевскую власть (см. подробнее: *Крикун М.* Між війною і радою... С. 57–60).

ложились пришедшие на помощь гетману крымские войска[235]. Известно, что часть населения Правобережья могла оказаться у крымских татар при прямом попустительстве П. Дорошенко. Так, весной 1675 г. «про Корсунь сказывают, что хану отдан, дабы ясырь детми выбрал себе»[236]. Очевидно, это не могло способствовать популярности гетмана. Об ухудшении положения жителей Правобережья свидетельствует массовый отток населения, прежде всего на левый берег Днепра. По свидетельству бунчужного Л. Полуботка, часть населения даже идет «доброволно в орду и конечно не имеют чем кормитца, от голоду пухнут»[237]. Уже в конце января 1675 г. московскому правительству было известно, что «с тое стороны Днепра жители на сю сторону бегут непрестанно с женами и детьми»[238]. В дальнейшем в 1675–1676 гг. переселение на Левобережье приняло массовый характер[239].

Кроме того, в начале 1675 г. в Москве постоянно получали сведения о готовившемся крупном крымском набеге на левый берег Днепра. На Ингуле, недалеко от Чигирина, собралась 30-тысячная крымская орда во главе с двумя султанами[240]. Для обороны Левобережья гетман И. Самойлович направил в Лубны с конным войском генерального хорунжего Г. Карповича. 20 февраля крымские войска во главе с нуреддином[241] Сафа-Гиреем и «с хановыми сынами» переправились на Левобережье и стали под Ирклеевом, и «посылают... под Лубны и под Прилуки, и под розные сее стороны городы в загоны татар, и те, де, загонные татаровя многих людей по деревням берут в полон и деревни разоряют»[242]. Крупное столкновение татарских отрядов с казацкими войсками произошло под Лубнами, часть орды удалось разбить[243]. Кроме того, в Москве, как и ранее, постоянно ожидали прихода к Киеву ту-

---

[235] АЮЗР. Т. 12. № 13. Стб. 43.

[236] Там же. № 36. Стб. 107–109.

[237] Там же. № 14. Стб. 45.

[238] Там же. № 9. Стб. 33.

[239] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 83–84.

[240] АЮЗР. Т. 12. № 10. Стб. 33.

[241] Нуреддин — титул в Крымском ханстве, третий наследник престола.

[242] АЮЗР. Т. 12. № 29. Стб. 85.

[243] Там же. № 23. Стб. 64–65.

рецко-татарских войск. Новым киевским воеводой был назначен кн. А.А. Голицын.

На протяжении лета 1675 г. у московского правительства постепенно зрело решение об организации нового похода на Правобережье. Не исключалась при этом и возможность соединения войск с польско-литовской армией, однако такое развитие событий не находило поддержки у гетмана И. Самойловича, который был сторонником продолжения военных действий против П. Дорошенко[244]. В царских грамотах от 2 июля кн. Г.Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу предписывалось, «обослався и случася», двинуть войска к Днепру, при этом часть войск следовало направить за Днепр «меж Киевом и Каневым»[245]. Однако в Батурине медлили, так как гетман не был уверен в необходимости немедленного выступления войск. Летом 1675 г. ходили слухи, что между Османской империей и Речью Посполитой идут переговоры о заключении не только мира, но и союза против России.

В начале августа 1675 г. стало известно, что османская армия наместника Алеппо Ибрагима-паши двинулась на Львов. П. Дорошенко остался на Правобережье с незначительными силами без поддержки османских сил[246]. Кн. Г.Г. Ромодановский писал в Москву, что власти гетмана подчиняется сравнительно небольшая территория с городами Богуслав, Тарговице, Корсунь, «а козацтва в них мало, только одни мещане», и те постоянно уходят за Днепр, и у Дорошенко «никакова войска в зборе нет»[247]. 6 августа из Москвы был направлен указ о выступлении войск к Днепру. Авангард во главе с переяславским полковником В. Сербиным и компанейским полковником И. Новицким был направлен на Правобережье в середине августа, где разбил войска П. Дорошенко под Мошнами[248]. 17 августа гетман И. Самойлович выступил из Батурина[249], 7 сентября русско-казацкие войска

---

[244] *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 76–87.

[245] АЮЗР. Т. 12. № 69. Стб. 199.

[246] *Дорошенко Д.І.* Гетьман Петро Дорошенко... С. 550.

[247] Цит. по: *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 85.

[248] Там же.

[249] АЮЗР. Т. 12. № 72. Стб. 214.

сошлись «меж Галицы и Прилук», и 18 сентября основные силы подошли к Днепру напротив Канева.

Кн. Г.Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович решили остаться на левом берегу, ограничившись отправкой на Правобережье крупного отряда под командованием генерального есаула Ивана Лысенко и генерал-майора Ф. Ульфа. В сложившихся условиях свои надежды П. Дорошенко продолжал возлагать на помощь османов. С этой целью летом 1675 г. в Турцию был направлен войсковой канцелярист П. Дорошенко В. Кочубей. Как он сообщал впоследствии, после перехода на Левобережье, ему было поручено добиться в Стамбуле присылки войск султана и крымского хана, «дабы с ним шли на Заднеприе мстить обиды его и на его сторону людей перегониты». Однако П. Дорошенко было отказано в помощи до тех пор, пока турки «с ляхами расправятца»[250]. Стоит отметить, что его положение к этому времени существенно осложнилось, он фактически полностью лишился поддержки не только местного населения, но и ранее лояльной ему правобережной старшины. По словам В. Кочубея, полковники корсунский, тарговицкий, уманский и брацлавский пишут гетману, что «все люди хотят итти на Заднеприе, и он к ним пишет, что тотчас хан с ордами и турки идет с ним воевать Заднеприя, и тем страшит людей, чтоб удержались от упрямства... токмо... все люди возгнушали оным, и никто от... замыслов его не желателны суть, и в самом Чигирине ни полковника, ни обозного и от менших казаков нет ему желателного, кроме братии его да писаря, и судьи»[251]. Лояльные ранее П. Дорошенко гарнизоны, стоявшие в Корсуни, Богуславе, Черкассах, Мошнах, не имея возможности организовать собственную защиту, перешли за Днепр, «оставя те городы пусты». К гетману, «не могучи тамо обжитца, с тамошними жители... перешли... и... знаки войсковые,... сдали» полковники корсунский Ф. Кандыба и уманский Н. Синенко[252]. Позднее И. Самойлович сообщал в Москву, что «от самого Днестра даже до Днепра нигде и духа человеческого нет, кроме где крепость ляцкая [Белая Цер-

---

250 АЮЗР. Т. 12. № 80. Стб. 233.

251 Там же. Стб. 236.

252 Там же. № 62. Стб. 268.

ковь. — *М.Я.*]»[253]. Как справедливо обратил внимание Б.Н. Флоря, поход объединенных войск послужил еще одним толчком для массовых переселений жителей, желающих найти защиту у российских властей[254].

Действия османов осенью 1675 г. оказались достаточно успешными, было занято несколько городов в бассейне Днестра, сражение армии Яна Собеского с османскими войсками произошло в нескольких километрах от Львова[255]. Окончание осенью 1675 г. боевых действий между османскими и польско-литовскими войсками и отход турок за Днестр поставили перед русско-казацким командованием вопрос о дальнейших действиях в Поднепровье. Для Москвы приоритетной задачей оставалась защита Киева и левого берега Днепра от османского вторжения, кроме того, важную роль играли настроения малороссийского населения. Поэтому, чтобы «сеи стороны поднепрских городов малоросийских людей болши, стоя, не разоряли и войск ваших государских, московских и казацких, без дела не изнужали», было решено закончить военную кампанию и распустить войска. В своей отписке царю кн. Г.Г. Ромодановский подчеркивал, что это решение было принято совместно с гетманом И. Самойловичем и связано прежде всего со стремлением, «чтоб государевым ратным людем за нынешним осенним запоздалым временем стоя водным местем не изнужитца»[256]. Русско-казацкая армия пробыла на Днепре до 9 октября и пошла «в те места, где преже сего стояли», а затем была распущена по домам[257].

В свою очередь, П. Дорошенко, желая выиграть время до прибытия в Поднепровье османских войск, совершил очередной политический маневр, присягнув 10 октября 1675 г. на раде в Чи-

---

[253] АЮЗР. Т. 12. № 93. Стб. 271; *Заруба В.М.* Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького у 1648–1782 рр. Дніпропетровськ, 2007. С. 59, 97; *Дорошенко Д.І.* Гетьман Петро Дорошенко... С. 550–552.

[254] *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 76–90.

[255] *Wagner M.* Wojna polsko-turecka... T. 2. S. 121–203.

[256] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 827. Л. 101–102.

[257] АЮЗР. Т. 12. № 93. Стб. 268; *Флоря Б.Н.* Переговоры между Россией и Речью Посполитой... С. 71.

гирине на верность царю[258]. Однако у российских властей деятельность П. Дорошенко доверия не вызывала, тем более, что в Москву продолжали поступать сведения о попытках гетмана запросить помощь у турецкого султана и хана. Москва ожидала, что он добровольно отправится к кн. Г.Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу и «на верное и вечное подданство... обещание свое при них» учинит[259]. П. Дорошенко, однако, медлил, не теряя надежды удержать власть. Присланные турецким султаном символы власти (по всей видимости, не все, поскольку две булавы он отдал уже осенью 1676 г.[260]) он отправил в Москву вместе со своим тестем П. Яненко[261]. Как отмечал Самовидец в своей летописи, «отзываючися слугою царского величества», он «по старому посилал до турчина и хана тое літо»[262]. Таким образом, несмотря на решение Дорошенко о переходе в российское подданство, противостояние на Правобережье продолжилось. В результате к началу 1676 г. правобережный гетман оказался фактически в политической изоляции. По словам И. Самойловича, у него «не толко гетманити не над кем, но и с полки водити нет кем»[263].

После смерти царя Алексея Михайловича в конце января 1676 г. московское правительство в целом продолжило предыдущий политический курс, сосредоточив основное внимание на военных действиях в Поднепровье. Связано это, с одной стороны, с продолжавшимися колебаниями П. Дорошенко, с другой — с тем, что в Москву стали регулярно доходить сообщения от пленных татар о намерениях Крыма, «не ожидая весны..., в зимнее время» идти войной на левый берег Днепра, так как султану стало известно о том, что «Дорошенко... его защищения отступил»[264]. Стоит отметить, что данные сведения получались от рядовых крымцев, в то время как османские источники указывают, что

---

[258] АЮЗР. Т. 12. № 94. Стб. 273–275.
[259] Там же. № 128. Стб. 402.
[260] Там же. № 204. Стб. 766.
[261] Там же. Стб. 761.
[262] Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 122.
[263] АЮЗР. Т. 12. № 93. Стб. 271.
[264] Там же. № 130. Стб. 414.

П. Дорошенко оказался в фокусе пристального внимания Порты уже после того, как сложил свои клейноды[265].

К началу весны обстановка накалилась. 2 марта 1676 г. П. Дорошенко сообщал И. Самойловичу, что он получил сведения о переходе османских войск через Дунай. При этом султан, «оставя поляков, под Киев сам итти хочет, а несколько пашей с ханом на Кош и на все полянки послать и вконец разорить, а оттуда под Чигирин, под Черкасы и под Канев, и под Киев»[266]. Однако стоит иметь в виду, что к этому времени Мехмед IV назначил бейлербея Озю-Силистры Ибрагима-пашу главнокомандующим османскими войсками, которые должны были действовать против поляков[267], сам султан при этом проводил время в различных увеселениях[268]. В этой связи информацию правобережного гетмана следует рассматривать скорее как отвлекающий маневр, который заставил бы русско-казацкие силы сфокусироваться на защите Киева. Кроме того, П. Дорошенко извещал гетмана, что не считает возможным в данный момент выехать на Левобережье, так как, оставив на правом берегу своих людей «с женами и с имением..., зде на погибель, имел бы возвратясь не найтить»[269]. Очевидно, что это был всего лишь предлог, и П. Дорошенко продолжал рассчитывать на внешнюю поддержку. К таким же выводам пришли в Москве и в Батурине, беспокоясь прежде всего о том, что П. Дорошенко «лукавым вымыслом заднепрских жителей переманить на ту сторону Днепра по прежнему»[270].

В этой связи гетман И. Самойлович, зная, что в распоряжении П. Дорошенко не было никаких крупных военных сил, в начале 1676 г. самостоятельно направил к Чигирину черниговского полковника В. Дунина-Борковского с отрядами выборных конных казаков из нескольких полков, а также Сумский полк Г. Кондратьева и компанейский полк Ф. Молчана, пытаясь в очередной раз за-

---

265 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 688; Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 195–196; *Cantemir D.* The History of the Growth and Decay of the Othman Empire. Pt. 1. P. 281.

266 АЮЗР. Т. 12. № 154. Стб. 535.

267 Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 193.

268 *Cantemir D.* The History of the Growth and Decay of the Othman Empire. Pt. 1. P. 281.

269 АЮЗР. Т. 12. № 154. Стб. 536.

270 Там же. № 161. Стб. 567–568.

ставить П. Дорошенко капитулировать. Однако тот проявил упорство и крепость не сдал. После этого, по словам И. Самойловича, он приказал, «потому что воинская пришла пора, уступить и по домам... разойтись»[271]. Гетман в своей отписке царю объяснял решение отвести войска от Чигирина тем, что о взятии крепости не было царского указа[272]. Сам Дорошенко подчеркивал, что властям нужно подумать об организации военных действий против турок, когда они узнают о том, что он отослал знаки султанской власти в Москву: «...лутче бы о отпоре, когда станут спрашивати и доискиватись тех санжаков, прежде времени обще с ними размышлять, а нежели оными нам досаждати»[273].

Весной 1676 г. также продолжали поступать в Москву сообщения о планах османов предпринять поход на Киев. В начале мая гетману И. Самойловичу была направлена царская грамота с указанием «о неприятелех, о салтане Турском и о хане крымском, проведывать подлинно, где они ныне и куды их чаят нынешняго лета воинского походу»[274]. Особое внимание ему, однако, следовало уделить выяснению планов П. Дорошенко: «...не имеет ли он с салтаном Турским и с ханом Крымским какой пересылки и совершенно ль он отстал от босурманской обороны или еще при том держитца»[275].

Неопределенность позиции П. Дорошенко привела к тому, что 8 мая кн. Г.Г. Ромодановский из Курска[276] направил к нему по царскому указанию с грамотами адъютанта рейтарского строя Ф. Горяйнова. Гетману предлагалось, «объявляя верность свою», с войсковыми клейнодами выехать на левый берег Днепра «на верное и вечное подданство»[277]. Однако встреча Ф. Горяйнова в Чигирине в середине мая оказалась весьма красноречивой: он был посажен под караул. Сам Дорошенко заявлял, что «ожидает... к Чигирину орды вскоре»[278]; при этом известно, что именно в это

---

[271] АЮЗР. Т. 12. № 166. Стб. 605.

[272] Там же.

[273] Там же. № 165. Стб. 600.

[274] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 5. Л. 1.

[275] Там же. Л. 2.

[276] Стоит отметить, что административный центр Белгородского разряда в этот период находился в Курске.

[277] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 8. Л. 7.

[278] Там же. Л. 9.

время у него находился татарский посол, которого он «в тайне, никому не показывая, в дому своем держит»[279]. Примечательно, что в ответном письме кн. Г.Г. Ромодановскому П. Дорошенко объяснял задержание посланника формальными причинами: «...ни для каких причин у себя держу толь долго, толко что в нынешних днях о всех сторон надеюсь ведомостей, и что откуду придет, тотчас..., не задерживая, со всякою честию отпущу»[280].

Как видно, очередная попытка весной 1676 г. дипломатическим путем добиться перехода П. Дорошенко в российское подданство закончилась неудачно. Он стремился удержаться у власти, и в Крыму, по всей видимости, ему обещали поддержку[281]. Позднее, после возвращения 12 июня в Курск Ф. Горяйнова, в распоряжении белгородского воеводы оказался «лист» П. Дорошенко, в котором его отказ перейти на сторону Москвы объяснялся следующим образом: «...без ведома всего Войска Запорожского не поедет и ехать ему ис Чигирина никоторыми мерами немошно, и гетманство здать без Войска Запорожского недостойно, но всячески, де, безчестно»[282]. Очевидно, это снова была формальная отговорка. Это понимал и кн. Г.Г. Ромодановский, который настаивал: «...знатно, что от нево впредь никакова добра не чаят»[283].

Однако наибольшее беспокойство у русского правительства вызывали весенние донесения резидента в Речи Посполитой В. Тяпкина, по сведениям которого Польско-Литовское государство было плохо готово к предстоящим военным действиям с Османской империей, а в его правительственных кругах были сильны антирусские планы[284]. В этой связи И. Самойловичу указывалось «быть к воинскому делу в готовости», одновременно кн. Г.Г. Ромодановскому с «ратными людми велено збиратца и быть потому ж в готовости»[285]. Таким образом, в 1676 г. в Москве снова приняли решение о совместном выступлении русско-казацких войск под командованием кн. Г.Г. Ромодановского и гетма-

[279] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 8. Л. 17.

[280] Там же. Л. 20.

[281] АЮЗР. Т. 12. № 167. Стб. 609.

[282] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 8. Л. 43.

[283] Там же.

[284] *Флоря Б.Н.* Переговоры между Россией и Речью Посполитой... С. 72–73.

[285] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 5. Л. 2.

на И. Самойловича. В Москве допускали свободу действия командования, разрешив командующим, в случае необходимости принятия срочных решений, не ждать указаний царя. Так, воеводе Белгородского разряда предписывалось после пересылок с гетманом выступить «на уреченные места, где они межд себя з гетманом с Ываном Самойловичем по отсылкам назначат или где случай воинской употребляти будет без мотчания, не описываясь о том великому государю»[286]. В том случае, если информация о выступлении турецко-татарских сил на Киев подтвердится и они «учнут сближатца к малоросийским городам», кн. Г.Г. Ромодановскому указывалось, «посоветовав з гетманом с Ываном Самойловичем... с ратными людми и с воинском Запорожским итти к Днепру или куды пристойно»[287].

В конце мая, по сообщениям киевского воеводы кн. А.А. Голицына и донесениям В. Тяпкина, неприятельский приход планировался под Киев и на левый берег Днепра[288]. Однако в этот период, несмотря на предписание собирать войска, в Москве медлили с прямым указом о выступлении к Днепру, по всей видимости, из-за отсутствия ясности, куда пойдет собранная на Дунае весной 1676 г. османская армия. Русское правительство исходило из того, что гетман И. Самойлович и кн. Г.Г. Ромодановский будут вести активную разведку, и в том случае, если османский поход к Киеву подтвердится, они незамедлительно выступят в поход[289]. Кроме того, им также следовало выявлять лазутчиков и изымать у них «прелестные листы», которые необходимо было направлять в Москву[290]. Одновременно для обороны Киева, в котором, по словам кн. А.А. Голицына, ратных людей было мало и в «приход неприятелских людей города обнять некем»[291], из Москвы были направлены «в прибавку» два приказа московских стрельцов М. Колобова и Л. Лопухина[292].

---

[286] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 5. Л. 3; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 848. Л. 621.

[287] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 848. Л. 622.

[288] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 5. Л. 4.

[289] Там же. Л. 5–6.

[290] Там же. Д. 8. Л. 27.

[291] Там же. Д. 6. Л. 2. Согласно донесению кн. А.А. Голицына, на начало мая гарнизон Киева составлял 4586 человек (Там же. Л. 1).

[292] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 6. Л. 3.

В середине июня в распоряжении московского правительства по-прежнему не было информации о планах и точном расположении турецкого султана и крымского хана, кроме сведений о 4 тыс. татар, которые «стоят в Сороке»[293]. Однако в конце июня кн. Г.Г. Ромодановский направил в столицу «лист» наместника Пивского монастыря Исакия, в котором упоминались «подлинные из Чигирина от желателных нашей стороны некоторых особ вести»: крымский хан «сам с ордами имеет... сюда [на левый берег Днепра. — *М.Я.*] рушити» и «под Киев ударить»[294]. Ситуация осложнялась появившимися слухами о скором заключении польско-турецкого мира, после которого турецкий султан и польский король «имеют намеривать итти под Киив»[295]. Тревожные известия, по всей видимости, поставили вопрос об усилении армии на юго-западных рубежах. Воеводой в Путивль был назначен кн. В.В. Голицын (с ним в полку «по наряду» должно было находиться 8,9 тыс. человек[296]), который прибыл в город 20 июля[297]; в Рыльск — стольник М. Плещеев с 2,5 тыс. человек[298]. Кн. В.В. Голицыну предписывалось находиться в постоянных ссылках с кн. Г.Г. Ромодановским и И. Самойловичем. Однако в кампании 1676 г. против П. Дорошенко он не участвовал, более того, белгородский воевода, как представляется, не стремился вовлекать его в дела Поднепровья, отписываясь ему до начала сентября о том, что «никаких вестей... нет»[299].

9 июля 1676 г. в своей отписке царю гетман И. Самойлович просил «о явственном... указе, как... с Дорошенком поступати»[300]. В этой связи московское правительство принимает принципиальное решение о выступлении против правобережного гетмана. 19 июля кн. Г.Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу был направлен указ о выдвижении «к Днепру и за Днепр». Командующим армии следовало «над Дорошенком чинить промысл» для

---

293 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 8. Л. 43, 44.

294 Там же. Л. 48–49.

295 Там же. Д. 10. Л. 5 об.

296 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 848. Л. 606.

297 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 505. Л. 10.

298 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 848. Л. 606.

299 См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 505. Л. 34, 122, 134, 200.

300 АЮЗР. Т. 12. № 190. Стб. 686.

того, чтобы «в подданство привесть, и впредь к расширению злого его намерения не допустить»[301].

25 июля белгородский воевода направил к И. Самойловичу стольника Г. Косагова для согласования дальнейшего совместного выступления к Днепру. После его возвращения 6 августа было принято решение о начале похода[302].

Одновременно в распоряжении русско-казацкого командования оказались «подлинные» известия по отпискам из Киева и из иных мест, «что турского салтана паши с турецкими со многими силами с конными и с пешими людми и крымской хан с татары, собрався, пришли к Чигирину и идут х Киеву, и хотят приходить на сю сторону Днепра... войною вскоре»[303]. Это вызвало серьезные опасения кн. Г.Г. Ромодановского, считавшего, что находившиеся в его распоряжении войска Белгородского разрядного полка не смогут противостоять основной османской армии. В своей отписке он сообщал, что «в полку по списком... налицо ратных людей самое малое число, и теми ратными людми не только над неприятелскими людми поиск и промысл учинить, и отпор учинить некем»[304]. 31 июля был издан царский указ, по которому служилым людям, по вестям, что «турского салтана паши и крымской хан с татары, собрався, хотят приходить войною х Киеву и на иные места», указано быть на государевой службе[305]. По царской грамоте от 7 августа им предписывалось «итти с болшим поспешением», и в случае неявки на службу городовым воеводам грозило «быть в опале, а людем вашим по сыску в жестоком наказанье, а иным и в смертной казни безо всякие пощады»[306]. Как видно, в Москве всерьез рассматривали османскую угрозу своим территориям.

В начале августа 1676 г. слухи о походе к Чигирину крупных татарских сил во главе с крымским ханом и возможном их переходе на Левобережье продолжали муссироваться[307]. Также актив-

---

[301] АЮЗР. Т. 12. № 190. Стб. 686.
[302] Там же. № 199. Стб. 722.
[303] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 505. Л. 51–52.
[304] Там же. Л. 52.
[305] Там же. Л. 50.
[306] Там же. Л. 53, 55.
[307] АЮЗР. Т. 12. № 199. Стб. 717.

но циркулировали толки о том, что турки, заключив мир с Я. Собеским, собираются, «сшодчись с поляки, итти войною под Киев и на малоросийские городы болшим собранием»[308]. В этой связи кн. Г.Г. Ромодановский сообщал в Москву, что в случае нападения на Киев он совместно с И. Самойловичем будет «против тех неприятелей стоять и отпор им чинить». Если известия окажутся ложными, то русско-казацкая армия направится на правый берег Днепра «над Чигириным и над Дорошенком промысл чинить»[309].

Положение прояснилось только к концу лета — в конце августа османская армия перешла Днестр и направилась в сторону Львова, где собирались главные силы Польско-Литовского государства[310]. В ходе осенней кампании 1676 г. главные военные силы Речи Посполитой во главе с королем Яном Собеским были окружены османскими войсками у Днестра и оказались в тяжелом положении, в частности, из-за превосходства османской артиллерии[311]. Ситуация для русско-казацких войск, таким образом, складывалась благоприятная, они выступили в поход к Днепру против П. Дорошенко.

Войска под командованием кн. Г.Г. Ромодановского выдвинулись из Курска 11 августа и пришли в Суджу, находившуюся в 100 км от Курска, 15 августа[312]. 30 августа войска кн. Г.Г. Ромодановского соединились с казаками гетмана И. Самойловича в районе с. Берестовка (совр. Сумская область) и двинулись к Днепру 1 сентября[313].

Согласно смотренным спискам от 2 сентября 1676 г., фактическая численность армии кн. Г.Г. Ромодановского составляла 32 258 человек, в том числе в Белгородском полку — 19,3 тыс. чел. (среди них черкасов — 3,9 тыс. чел.), в Севском — 3,3 тыс. чел., полков нового строя — 4,3 тыс. чел.[314]; учитывая войска гетмана И. Самойловича, численность русско-казацкой армии достигала 50 тыс. человек. Обращает на себя внимание, однако, количество

---

308 АЮЗР. Т. 12. № 200. Стб. 722.

309 Там же. № 199. Стб. 717–718.

310 *Wagner M.* Wojna polsko-turecka... T. 2. S. 243–244.

311 Ibid. S. 278.

312 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 848. Л. 488.

313 Там же. Л. 55–56.

314 Там же. Л. 613–623.

нетчиков в этой кампании: 14,3 тыс. чел. (из них в Белгородском полку — 4,3 тыс. чел., черкасов — 2,4 тыс. чел., в Севском полку — 2,8 тыс. чел., 4,6 тыс. чел.)[315]. При этом на протяжении 1673–1676 гг. неявка на службу носила массовый характер и требовала от государства принятия жестких мер[316]. С одной стороны, это явление было связано с усталостью от ежегодной длительной военной службы[317]. Как справедливо замечает Н.Н. Петрухинцев, нагрузка на структуры Белгородского разряда в этот период была постоянной[318]. С другой — с началом военных преобразований, в частности с переводом населения южных городов в солдаты[319]. О тяжелом положении на службе солдат Белгородского полка в этот период свидетельствует копия их заручной челобитной: «...служат, де, его великого государя службы многие годы, и от частых походов и от нужны служб оскудели и одолжали, и лошадми опали, и платъем обносились, а жены их и дети скитаютца меж двор, а отцы, де, их и братья, и сродники, от которых взяты они в салдаты, служат ж городовую службу и платят стрелецкие и ямские денги, и четвериковой хлеб, и всякие подати. И от того, де, тем их отцом и братем на службу им, салдатом, помогать стало нечем, а которые, де, их братья-салдаты тех ж городов служат в московских в выборных полкех, и тем, де, дают его государево жалованье, месячные кормы беспрестанно. А им государева жалованья не дают, и от того, де, они и достоль разорились»[320]. Однако, как видно, основное недовольство было связано с нехваткой жалованья и неравным положением с солдатами московских выборных полков. Кроме того, как представляется, это могло зависеть от внешнеполитической обстановки — в 1678–1680 гг., когда

---

315 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 848. Л. 629, 633, 635, 637.

316 См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Трудности государственной власти... С. 92–98.

317 Там же. С. 95–98.

318 *Петрухинцев Н.Н.* От Чигирина до «Восточных походов» Петра I... С. 75.

319 *Петрухинцев Н.Н.* Военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние на военные формирования Липецкого края // Вехи минувшего: Учен. зап. ист. ф-та: К юбилею А.В. Райкова. Липецк, 2014. Вып. 8. С. 126.

320 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 848. Л. 343.

конфликт с Османской империей перешел в открытую войну, количество нетчиков на службе сократится.

В то же время численность войск, поддерживающих П. Дорошенко, была к этому времени незначительна. Согласно сведениям киевского воеводы кн. А.А. Голицына, при гетмане оставалось «сердюков человек з двести, и те голодни и наги, и многие пошли на прокормления на переясловскую сторону в розные городы, а иные сердюки, по десяти и по дватцати человек, пошли по розным дорогам для розбою, для того, что им Дорошенок платы и хлебы не дает и дать нечево»[321]. Кроме того, «чигиринские жители, казаки и мещане, многие бегут на переясловскую ж сторону от голоду»[322].

Одновременно стало понятно, что крымские татары отказались поддерживать П. Дорошенко: он «посылал в Крым к хану дважды, чтоб он, хан, прислал к нему орды на помочь, и хан, де, крымской посланником дорошенковым отказал, что татар к Дорошенку не пошлет. И ныне при Дорошенко татар нет»[323]. Однако примечательно, что он пытался скрыть это, для чего «вместо татар выбрав казаков шездесят человек, поставил на поли обозом от Чигирина в дву верстах и велел им ездить по-татарски шубы навыворот блиско Днепра для того, что бутто у него, Дорошенка, татаровя есть»[324].

2 сентября на Правобережье из основной армии были направлены передовые части во главе с полковником Г. Косаговым и бунчужным Л. Полуботком общей численностью 15 тыс. человек[325]. Основные силы российских войск подошли к Днепру 9 сентября, часть из них стала переправляться на другую сторону реки. Правобережные городки Крылов и Вороновка сразу присягнули на верность московскому царю[326], однако под Черкассы, Жаботин и Медведовку были направлены военные отряды[327].

---

321 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 505. Л. 71–72.

322 Там же. Л. 72.

323 Там же. Л. 71.

324 Там же.

325 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 15. Л. 1–1 об.; Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 505. Л. 216; АЮЗР. Т. 12. № 202. Стб. 729.

326 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 15. Л. 1 об.

327 Там же. Л. 5; АЮЗР. Т. 12. № 202. Стб. 732.

8 сентября войска Г. Косагова и Л. Полуботка подошли к Чигирину и «учали ссылками ратных людей чинить промысл»[328]. П. Дорошенко, окончательно лишившись поддержки правобережной старшины и потеряв надежду дождаться помощи от османов, капитулировал практически без сопротивления: он со всеми чигиринскими жителями «веру учинили и в винах своих добили челом»[329]. Примечательно, что к кн. Г.Г. Ромодановскому и к гетману И. Самойловичу П. Дорошенко сначала направил своего двоюродного брата К. Тарасенко и писаря М. Воехеевича с «листом» и статьями, «чтоб ему разорения никакова не было»[330]. Только после получения через несколько дней ответных статей он, «а з Дорошенком всякого чину людей з 2000», 19 сентября прибыл в обоз к воеводе и гетману и «привез с собою войсковые клейноты, булаву, знамя, бунчук, пушки, и положил перед боярином и воеводами и перед гетманом»[331]. Стоит отметить, что И. Самойлович в своем «листе» царю прямо подчеркивал, что П. Дорошенко «отдал мне и всему Войску Запорожскому клейноты и старшинство с себя сложил»[332]. Согласно расспросным речам присутствовавших при отречении П. Дорошенко посланников И. Самойловича и стольника И.И. Ржевского, на верность русскому царю присягнули чигиринские, субботинские, черкасские, медведовские, жаботинские, крыловские и вороновские жители и старшина[333].

Как видно, речь идет о той территории, которая еще подчинялась П. Дорошенко. К этому времени жители таких крупных центров правобережных полков, как Корсунь и Умань, в значительной степени переселились на левый берег Днепра. По всей видимости, казачьи институты на правом берегу Днепра пришли в упадок, а о функционировании некоторых полковых админи-

---

328 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 15. Л. 1 об.; Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 505. Л. 217.

329 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 15. Л. 2; АЮЗР. Т. 12. № 202. Стб. 729.

330 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 15. Л. 2. См. также подробнее: Там же. Л. 5 об. – 6.

331 Там же. Л. 2 об.; см. также: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 505. Л. 218.

332 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 15. Л. 6 об.

333 Там же. Л. 2 об. Об этом же сообщал гетман И. Самойлович (см.: Там же. Л. 5 об.).

страций нет достаточных сведений[334]. В этих условиях, как представляется, оставшееся на Правобережье население избегало выбирать «сторону», поскольку под их стенами могли появиться как русские, так и османские войска. Османы при этом могли прибегать, как известно, к массовым акциям устрашения. После 1674 г. И. Самойлович, видимо, понимал, что защитить эти территории сложно, и не настаивал на исполнении данных ранее обязательств. Отсутствие контроля над удаленными территориями на Правобережье, однако, не отменяло главного — осенью 1676 г. И. Самойлович объединил в своих руках власть над Левобережьем и частью Правобережной Украины, став, по сути, единственным претендентом в этот период на все наследие Б. Хмельницкого.

Через несколько дней в Чигиринскую крепость вошли царские войска под командованием сына кн. Г.Г. Ромодановского — кн. М.Г. Ромодановского, а также казачьи полки во главе с гетманом И. Самойловичем. После торжественной встречи войск и «молебного пения» П. Дорошенко передал командованию «городовые ключи и всякой наряд»[335].

В Чигирине был размещен русско-казацкий гарнизон: известно, что кн. Г.Г. Ромодановский направил в крепость около 1200 солдат под началом И.К. Захарова, а гетман — черниговского полковника В. Дунина-Борковского с 1 тыс. казаков[336]. Однако русско-казацкое командование размещение конкретно этих войск рассматривало в качестве временной меры, считая: «...впредь надобно будет, чтоб... [Чигирин] осмотрен был лутше какими подлинными... государскими людми»; И. Самойлович, в свою очередь, будет «ведать, каких там прислать людей»[337]. Также осенью о занятии Чигирина русскими войсками был уведомлен польский король Ян Собеский[338].

---

[334] Напр.: *Заруба В.М.* Адміністративно-територіальний устрій... С. 59, 97 и т.д.; АЮЗР. Т. 12. № 62. Стб. 268.

[335] АЮЗР. Т. 12. № 203. Стб. 746. О дальнейшей судьбе П. Дорошенко см. подробнее: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 250–356.

[336] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 15. Л. 3, 6 об.

[337] Там же. Л. 6 об. – 7.

[338] *Шамин С.М.* Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия... С. 112.

В конце сентября 1676 г. также стало понятно, что османского похода на Украину и под Киев не будет. Турецкие войска действовали против армии Речи Посполитой, и «на Украину везиру и пашам с турки войною итти не велено»[339]. В октябре 1676 г. был заключен Журавенский мир, закончивший польско-турецкую войну 1672–1676 гг. В нем с некоторыми изменениями повторялись условия Бучачского договора: за Османской империей закреплялось Подольское воеводство с Каменецкой крепостью, а также значительная часть Правобережной Украины. Речь Посполитая, таким образом, перестала прямо участвовать в борьбе за Украину[340]. В то же время Журавенский мир открывал возможность в войне с Турцией добиться признания прав России на Правобережье.

В этой связи встал вопрос о роспуске русско-казацких войск. В отписке царю, которую получили в Москве 27 сентября, кн. Г.Г. Ромодановский сообщал, что «приходят, де, к ним полку их ратные люди з болшою докукою и бьют челом великому государю, что пришла ныне пора осенняя, хлебных запасов и конских кормов взять негде, и сами, де, они от безпрестанных походов изнужились, и платьем ободрались, и многие лошадми опали, и всем оскудали. А неприятелских людей нет»[341]. Об этом же говорил гетман И. Самойлович, подчеркивая, что «на той стороне... все пустыня опричь самого Чигирина и околних городков», и дальнейшее пребывание в регионе войск приведет к тому, что «здешних жителей вконец разорити»[342]. 30 сентября было «велено всех роспустить»[343]. Исходя из того, что армия кн. В.В. Голицына была распущена из Путивля 5 октября[344], можно предположить, что роспуск армии кн. Г.Г. Ромодановского произошел также в начале октября.

Позиция Москвы в отношении находившегося под властью П. Дорошенко Правобережья отличалась в этот период некоторой

[339] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 848. Л. 472.

[340] *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 89.

[341] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 848. Л. 212–213.

[342] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1676. Д. 15. Л. 7 об.

[343] Там же. Л. 6 об. – 7; АЮЗР. Т. 12. № 202. Стб. 735.

[344] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 414–416.

противоречивостью. Как представляется, русское правительство понимало, что принятие им османского подданства, направленного прежде всего против Речи Посполитой, было попыткой сохранить на правом берегу Днепра казачий уклад и завоевания эпохи Б. Хмельницкого. Последующее поражение Польско-Литовского государства в войне с Османской империей и ее фактический отказ от открытого продолжения борьбы за Правобережье, казалось, давали возможность именно для такого развития событий. В то же время османский сюзеренитет для жителей Правобережья де-факто означал тесное взаимодействие с Крымским ханством, без которого П. Дорошенко на определенном этапе его правления стало сложно сохранить власть. В свою очередь, это влекло за собой невозможность препятствовать уводу людей с этих территорий в плен.

Постепенно как старшине, так и жителям Правобережья становилось ясно, что политическая ориентация, выбранная Дорошенко, учитывая нарастающее присутствие Османской империи в восточноевропейском регионе, мало совместима с сохранением привычного общественного уклада. На этом фоне как жители, так и старшина подвластных Дорошенко казачьих полков стали возлагать свои надежды на Москву и Левобережное гетманство, тем более что контакты жителей «обеих сторон Днепра» были весьма тесные, несмотря на разделившие их в 1667 г. границы. Кроме того, события 1672–1676 гг. показали, что на Украине велась не только война за территорию, но и за население правого берега Днепра. Как покажут дальнейшие события, в Москве это понимали и в определенный момент сделали эту борьбу приоритетной.

П. Дорошенко пытался бороться с нарастающими прорусскими настроениями, но сама эта борьба, в которой он опирался прежде всего на крымских татар, приводила к растущему отторжению его власти правобережным обществом, что выражалось как в контактах правобережного казачества с И. Самойловичем, так и в массовом уходе за Днепр. В этих условиях перед И. Самойловичем, который не без оснований видел в происходящих событиях возможность укрепить свою власть на обеих сторонах Днепра, встала задача добиться активной поддержки Москвы в борьбе за Правобережье.

В то же время, заявляя о своих претензиях на все наследие Б. Хмельницкого и, следовательно, на Правобережье, московское

правительство изначально проявляло осторожность. Уже к 1674 г. стало ясно, что число сторонников П. Дорошенко и приверженцев проосманской ориентации в украинском обществе сократилось, практически полностью исчезнув в 1676 г. В этих условиях добровольное возвращение под власть царя части правобережного казачества давало надежду на сравнительно бескровное закрепление этих территорий в составе России. Именно поэтому действие русских войск на правом берегу Днепра долгое время ограничивались преимущественно демонстрацией силы. Переход части Правобережья в состав Российского государства в 1676 г., по представлениям русских правительственных кругов, был развитием именно этого сценария. Однако и Османская империя тоже считала эти земли своими и намерена была воевать за них. Поэтому отречение П. Дорошенко от гетманства и его переход под власть России напрямую сталкивали Москву и Стамбул, и разрешить накопившиеся противоречия можно было только в прямом военном столкновении.

3. Крымское направление

Как известно, в 1672–1676 гг. силы Крымского ханства активно действовали на территории Восточной Европы, при этом уход основных сил крымских татар в Польско-Литовское государство делал полуостров уязвимым, и Москва рассматривала возможность организовать крупный поход на Крымский полуостров[345].

Нужно отметить, что идея наступательной войны против Крыма существовала у московского правительства давно. В 1645 г. царь Алексей Михайлович направил посольство в Речь Посполи-

---

[345] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994; *Максимов Н.Н.* Проект русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1672–1676) // Славянский сб. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 77–90. О военных действиях в Крыму в этот период см. подробнее: *Фаизов С.Ф.* Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне... С. 98–116; *Тепкеев В.Т.* Отношения Крымского ханства с Калмыцким ханством в XVII в. // История крымских татар. Казань, 2021. Т. 3. С. 289–290, и др.

тую с предложением заключить наступательный союз против Крыма[346]. Позже, в 1663 г., план завоевания Крымского полуострова был составлен хорватским богословом Ю. Крижаничем, который создал труд «Политика», находясь в ссылке в Сибири. В 51-й и 52-й главах «Политики» содержится проект завоевания Крыма в союзе с Польско-Литовским государством, однако автор считал, что «важным препятствием делу может служить то обстоятельство, что перекопские татары находятся под покровительством турецким и мы, завоевывая крымцев, должны ожидать, что турки придут им на помощь... Ведь турки не могут прийти на Русь иначе, как на Преднепровскую Украину, но там их встретят поляки»[347]. Важность активных действий на крымском направлении понимали и за пределами России. Так, в 1679 г. греческое духовенство через находившегося в османской столице московского иеромонаха Тимофея советовало русским властям вместо Поднепровья послать войска в Крым и Азов, поскольку «доколе Крым цел стоит и Азов,... царского величества земля не есть без страху от него»[348].

С 1672 г. русское правительство во взаимодействии с донскими и запорожскими казаками, калмыками и черкесами постоянно предписывало им «над турскими войски и над Крымом и над крымскими юрты промысл и поиск чинить с великим усердством»[349]. К этому же времени относится указание запорожцам прислать «знающих казаков, которые для промыслу над Крымом морской и сухой путь знали»[350]. Появившиеся в Москве казаки Я. Алексеев и Т. Гончар подробно изложили варианты возможного наступления на Крым[351], одновременно заявляя, «чтоб, де, с ними для того промыслу быть великого государя ратным московским и городовым людем... да колмыком 5000 человек», при этом

---

[346] *Бережков М.Н.* План завоевания Крыма, составленный в царствование государя Алексея Михайловича ученым-славянином Юрием Крижаничем. СПб., 1891. С. 50–51.

[347] Там же. С. 50–51.

[348] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 244 об. – 245.

[349] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках Документы и материалы: В 2 т. М., 1957. Т. 1. № 214. С. 336. (Далее: КРО).

[350] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 105–105 об.

[351] Там же. Л. 105 об. – 106 об.

добавляя, «что, де, ратных людей больши будет, и от того паче промысл их будет лутче»[352].

Запорожцы настаивали, что «для самой им крепости» необходимо организовать оборону находящейся под их властью правобережной крепости Кодак. Связано это было с тем, что в тот период существовала опасность крымского вторжения в Сечь[353]. Запорожские казаки просили, чтобы в город были направлены Миргородский или Лубенский полки, а «великого, де, государя ратных руских людей в Кодак ненадобно, а быть бы с ними на Коше и в крымском промыслу»[354]. Кроме того, запорожцы настаивали, что осуществить поход на Крым без И. Серка, отправленного в ссылку после конфликта с И. Самойловичем, невозможно, так как «у них на Запорожье счасливых атаманов нет»[355]. Просьба была, видимо, услышана, И. Серко уже в середине 1673 г. участвовал в походах на Крым и против османских крепостей.

К началу 1673 г. обстановка в регионе резко обострилась. Гетману И. Самойловичу писал кошевой атаман Лукьян Андреев с ведомостью, что крымский хан собирается направить в Сечь двух пашей с «великою силою бусурманскою и с тягостию пушечною»[356]. В Москве также получили эту информацию, и было принято решение о необходимости оказать помощь запорожским казакам. Для этого была направлена грамота И. Самойловичу, в которой ему указывалось послать на «вспоможенье» в Сечь и в Кодак воинских охочих людей с хлебными и пушечными запасами, чтобы «те городы, Кодак и Сечю, теми людми осадить до приходу хана крымского и от неприятельских людей в целости одержать»[357]. Позже И. Самойловичу предписывалось отправить к запорожским казакам начальных людей с казаками, которым

---

[352] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 106 об. – 107.

[353] По словам генерального есаула Я. Лизогуба, П. Дорошенко во время похода в Речь Посполитую обещал крымскому хану «город Сечь да Кодак отдать... во владенье». В начале 1673 г. к правобережному гетману были направлены крымские гонцы с претензией, что П. Дорошенко отказывается выступить в совместный поход против запорожцев (см.: АЮЗР. Т. 11. № 55. Стб. 169).

[354] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 107.

[355] Там же. Л. 107–107 об.

[356] АЮЗР. Т. 11. № 42. Стб. 112.

[357] Там же. № 46. Стб. 126–127.

предстояло помогать в организации обороны[358]. Гетман послал в Кодак казаков Полтавского полка[359]. Более того, как отмечает Б.Н. Флоря, в этот период запорожские казаки уже сами просили направить в крепость ратных людей[360]. В Москве с таким раскладом были согласны[361].

Одновременно русское правительство не оставляло идеи организовать крупный поход на Крым с участием ратных людей. Известно, что в 1673 г. до наступления весенней распутицы войска под командованием кн. Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича выступили и соединились у Пирятина (территория Лубенского полка), «собрався во многой силе»[362]. Однако в Москве было принято решение поход на Крым объединенных русско-казацких войск «ныне до времени отставить»[363], предполагая, как говорилось выше, что сложился благоприятный момент для подчинения Правобережья.

В итоге в 1673 г. состоялось несколько пограничных столкновений. Войска крымского хана Селим-Гирея совершили поход на русские приграничные территории и сумели прорваться через укрепления Белгородской черты. Были разорены Новооскольский, Верхососенский и Усердский уезды[364]. В ответ запорожские казаки во главе с И. Серко напали на Очаков, сумев захватить пленных. Кроме того, в 1673 г. Аюка-тайша посылал «ратных своих людей в Крым войною, и воевали, де, улусные ево люди Крым и крымские улусы, и малебашов»[365]. Примечательно, что в этот период Крымское ханство также стремилось обезопасить

---

[358] АЮЗР. Т. 11. № 46. Стб. 126–127.

[359] *Флоря Б.Н.* Трудности государственной власти... С. 93.

[360] Там же.

[361] Там же.

[362] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 506.

[363] АЮЗР. Т. 11. № 56. Стб. 196.

[364] *Загоровский В.П.* Белгородская черта... С. 285–286; *Он же.* Изюмская черта... С. 81, 285–286; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. ... С. 106; *Чепухин А.Г.* Защита Приосколья во время русско-турецкой войны 1672–1681 гг. // История военного дела: Исследования и источники. 2016. Т. 8. С. 38–84.

[365] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 34. О действиях калмыков см., напр.: *Тепкеев В.Т.* Отношения Крымского ханства с Калмыцким ханством в XVII в. ... С. 290.

свои границы. К примеру, в апреле 1673 г. крымцы присылали посланников к калмыцкому хану «о мирном договоре, чтоб он, Аюкай, с крымским ханом помирился»[366]. Однако калмыки заключать такой договор не захотели.

В 1674 г. было осуществлено выступление калмыков на Перекоп. В июле после переговоров с ханом Аюкой кабардинский князь на русской службе К.М. Черкасский, переправясь через Волгу, «Донака-тайшу з 2000 калмыков послал для промыслу на крымские улусы в Перекоп»[367]. Как упоминалось выше, в этот период крымцы находились на Правобережье с турецкими войсками и на полуострове не оставалось значительных сил, однако известия о крупных разорениях в Крыму отсутствуют. Интересно замечание узденя кн. К.М. Черкасского, Камгута, о враждебных взаимоотношениях между крымцами и черкесами: «...крымские владельцы ево князь Каспулатовых узденей и черкаских мурз побивают и кабаки [речь идет о поселениях кабардинцев. — *М.Я.*], которыми он, князь Каспулат, владел, отняли и хотят, разоря ево князь Каспулатово владенье, уйтить в Крым»[368].

К 1675 г. у московского правительства укрепилось мнение, что сложилась благоприятная ситуация для организации крупного похода на Крымский полуостров. Уже в начале этого года кн. К.М. Черкасскому указывалось идти «со всеми своими улусными людьми по весне для промыслу и себе для добычи... на крымские улусы войною без всякого отговору»[369]. О серьезности намерений московского правительства свидетельствует аудиенция кн. К.М. Черкасского у главы Посольского приказа боярина А.С. Матвеева, которая состоялась в начале лета 1675 г. в Москве. Из записи этого разговора следует, что русское правительство хотело воспользоваться сложившейся ситуацией на полуострове, когда «крымской хан и нурадын [имеется в виду нуреддин. – *М.Я.*], и калга[370] со всеми ордами вышел в Украину, и ныне стоят на Подолью, а иные крымские люди в тех местех и зимовали, и от того все и от великие нужды обезсилели и от бескормицы обес-

---

366 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 482.

367 КРО. Т. 1. № 217. С. 342.

368 Там же. № 218. С. 344.

369 Там же. № 220. С. 346–347.

370 Калга — титул в Крымском ханстве, второй наследник престола.

конели». Благодаря этому, по словам А.С. Матвеева, «промыслу ныне над Крымом быть вельми способно»[371], и он настаивал на немедленном выступлении ратных людей «из Астарахани и с Терка, и с Уфы» под командованием кн. К.М. Черкасского, а также войск калмыцкого хана, на Крым, потому что «остаетца время немногое, только три месяцы — июнь, июль, август»[372].

Свое видение подготовки к крымскому походу представил и кн. Г.Г. Ромодановский. По его мнению, выступать в поход нужно рано — весной в «самое Светлое Воскресенье», при этом следовало увеличить численность армии и к ратным людям Белгородского и Севского полков прибавить рейтар «добрые езды 15 000 человек, в них же б и шляхта смоленская, пехоты тож, и башкирцам да и калмыком указ свой государской послать»[373]. Предполагалось, что войско с обозами будет добираться до Крыма не менее трех недель, а «итить ниже посолской дороги на Арель [Орель — левый приток Днепра. — *М.Я.*] и на Самару [левый приток Днепра. — *М.Я.*] для того, чтоб войску в водах и в дровах утруждения не было»[374].

Однако общий сбор войск затянулся. В апреле 1675 г. во время предварительных переговоров калмыцкий хан Аюка согласился участвовать в походе против крымцев, однако уже летом 1675 г. передумал, отговариваясь возможными набегами башкир на свои улусы. Отправленный им отряд в 1000 человек также повернул вскоре обратно. В итоге в Крым в конце августа отправился небольшой отряд во главе с кн. К.М. Черкасским. При подходе к полуострову при нем осталось «ратных людей... астараханских и терских, и уфинцов и саратовцов 546 человек, да калмык 100 человек»[375], позднее к ним присоединились запорожские казаки

---

371 КРО. Т. 1. № 222. С. 348–350.

372 Там же. С. 348–350. Кроме того, в июне 1675 г. кн. Г.Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу было указано подготовить план похода на Крым и написать в Москву, «в которое время и которым путем, и сколко недель ходят до Крыму, и с которого места итти, и с ними сколким и каким ратным людем быть, и в которых местех воинские и хлебные запасы готовить» (АЮЗР. Т. 12. Стб. 143; *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 121).

373 АЮЗР. Т. 12. № 48. Стб. 145.

374 Там же.

375 КРО. Т. 1. № 222. С. 352–353.

вместе с кошевым атаманом И. Серко[376]. Войскам удалось вступить на Крымский полуостров, разрушив крымские заставы, и затем, продвинувшись на 30 км, они «крымские улусы воевали, жгли и секли и в полон имали»[377]. 27 сентября нападавшие покинули полуостров, при этом атаковавший их при отходе крымский отряд во главе с тремя султанами был разбит[378].

После этого похода в московских правящих кругах с еще большим энтузиазмом стали рассматривать возможность наступательной войны против Крыма. Думный дьяк Григорий Богданов обратился к узденям кн. К.М. Черкасского с просьбой «свою братью узденей наговаривать», чтобы они «на Крым ходили почасту и промысл над неприятели чинили со всяким радением»[379]. Более того, в декабре 1675 г. был подготовлен царский указ, согласно которому кн. Г.Г. Ромодановскому с Севским и с Белгородским полками и «с ыными прибылыми многими ратными конными и пешими людми да... войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману Ивану Самойловичю с Войском Запорожским итти... на Крым войною»[380]. Воеводе предписывалось собраться с войсками в Белгороде, а гетману — в Батурине, «а собрався, сходитца и случатца под Колонтаевым у реки Мерла», при этом совместное выступление должно было начаться весной, «как учнет конской корм поспеватъ»[381]. Предполагалось, что в данном походе также будут участвовать 4 рейтарских полка, 2 выборных солдатских полка А. Шепелева и М. Кровкова, 8 стрелецких приказов[382].

---

376 КРО. Т. 1. № 222. С. 352.

377 Там же. С. 353; *Максимов Н.Н.* Проект русского наступления на Крым... С. 82–85.

378 КРО. Т. 1. № 222. С. 352–354. См. подробнее: *Тепкеев В.Т.* Отношения Крымского ханства с Калмыцким ханством в XVII в. ... С. 290; *Торопицын И.В.* Участие астраханских юртовских татар в походе в Крым в 1675 г. под началом князя К.М. Черкасского // Современные тенденции развития науки и технологий: Периодический науч. сб. по материалам XX Междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 30 ноября 2016 г. 2016. № 11-8. С. 30–36.

379 КРО. Т. 1. № 222. С. 352–353.

380 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 827. Л. 276.

381 Там же. Л. 276–277. См. также: Там же. Д. 848. Л. 616–618.

382 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 827. Л. 279.

После смерти царя Алексея Михайловича в январе 1676 г. московское правительство отказалось, хотя и не сразу, от идеи этого похода. Известно, что в начале мая кн. Г.Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу был направлен царский указ нового царя Федора Алексеевича, согласно которому им еще предписывалось, чтобы они «со всеми ратными людми збирались и были в готовости»[383]. Однако в Москве понимали, что данное направление не является приоритетным, если у османской стороны будет «намерение итти войною под Киев, и учнут зближатца к малоросийским городом», военные действия необходимо было вести только в Поднепровье[384]. Сыграло свою роль и то, что в июле 1676 г. царь наложил опалу на боярина А.С. Матвеева[385], который был сторонником активных действий против Крымского ханства, и отстранил его от руководства Посольским приказом.

В целом, в 1672–1676 гг., несмотря на обсуждение царскими сановниками возможности организации похода против Крыма, крымское направление все же было для русского правительства периферийным. Москва действовала традиционным для нее способом, привлекая для защиты собственных границ и устрашения крымцев отряды калмыков, запорожцев и черкесов. Сложно представить, чтобы крупный поход с участием ратных людей мог быть подготовлен и реализован на фоне нарастающего напряжения в Поднепровье; и, как показали развивавшиеся события, в Москве ставка была сделана на подчинение правого берега Днепра. В то же время Крым воздержался в 1674–1676 гг. от сколько-нибудь крупных набегов на южные границы России, так как в первую очередь был заинтересован в обеспечении безопасности собственных границ[386].

---

383 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 827. Л. 621.

384 Там же. Л. 624–625.

385 *Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 247.

386 *Фаизов С.Ф.* Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667–1677 гг. ... С. 15.

4. Азовское направление

Азовская крепость, расположенная в устье Дона, являлась главным форпостом османов на севере и контролировала выход к Азовскому морю. Начиная со второй половины XVII в. военно-политические интересы России и Османской империи в Приазовье пересекались все чаще, и впоследствии азовское направление стало одним из важных театров военных действий между Османской империей и Россией[387].

При этом стоит иметь в виду, что в начале 60-х годов XVII в. строительство османами Каланчинских башен в дельте Дона вызвало резкое недовольство царского правительства, которое привело к организации совместного похода ратных людей и казаков на Дон в 1661 г.[388] Таким образом, к началу 1670-х годов у России, по сути, имелись территориальные претензии к Османской империи, а также опыт крупного пограничного столкновения в Приазовье. Однако стоит подчеркнуть, что этот конфликт рассматривался обеими сторонами, даже несмотря на произошедшие военные действия, видимо, как эпизод, связанный с пограничным размежеванием.

Подробно, в том числе на архивных источниках, военные действия на азовском направлении 1673–1676 гг. были рассмотрены в специальных исследованиях П.А. Авакова[389], а также в работах В.П. Загоровского[390], Н.А. Смирнова[391] и др. Тем не менее хотелось бы обратить внимание на некоторые особенности военных действий в этом регионе.

---

[387] См., напр.: *Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М.* Русско-турецкая война 1686–1700 гг. М., 2022; *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII — начала XVIII века. СПб., 2022; *Петрухинцев Н.Н.* «Начало славных дел»...

[388] См. подробнее: АВД. Т. 1. № 38. С. 63–64; № 39. С. 64–65; № 40. С. 65–66; № 41. С. 67–68. Причем в этот период основную угрозу русское правительство видело в действиях Крымского ханства.

[389] *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I...; *Он же.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье... С. 14–29.

[390] *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 80–86.

[391] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 127–130, 132–133.

Как было показано выше, изначально русское правительство не ожидало в 1672 г. от донских казаков крупных военных успехов, речь шла, по сути, об «обычном» казацко-турецком противостоянии: захваты и сожжение османских судов и набеги на гарнизон Азова и, возможно, Крымский полуостров. Однако частичное разрушение Каланчинских башен и отчасти удачные действия казаков в Приазовье привели к тому, что в Москве стала рассматриваться возможность развить этот успех[392].

В этой связи значительный интерес представляют сохранившиеся материалы переговоров донских казаков во главе со станичным атаманом Фролом Минаевым с представителями Посольского приказа в Москве. Они проходили в конце декабря 1672 г. после заключения Бучачского мира, в тот период, когда русское правительство ожидало османского похода на Киев в следующем году. Основной акцент в переговорах был сделан, таким образом, на нарастающую угрозу со стороны Османской империи: «...царскому величеству, так и всем окрестным государем ведомо, что он же, салтан, хочет всчать войну сь его царским величеством»[393]. От казаков ожидали предложений о возможных действиях против турок на азовском направлении. Еще ранее, осенью 1672 г., донцы выражали готовность «чинить промысл» и просили царя, чтобы он «для промыслу над Азовом и над Каланчинскими башнями хотя малыми людми помочь учинить указал»[394]. При этом они считали, что если в походе будет задействовано 20 тыс. ратных людей, то они бы «промышлять начали над Азовом, и в то, де, время не токмо в Азове, но и Царегороде страх был бы великой»[395]. Поэтому перед русским правительством встал вопрос о том, «какой на отвращение той неприятельской войне над турскими и над крымскими местами промысл учинить, и ратные... люди в тот промысл надобны ль, и сколко тех ратных людей надобно»[396].

---

[392] В январе 1673 г. на Дон было направлено царское милостивое слово и жалованье в размере 3 тыс. руб., хлебные и пушечные запасы (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 107 об. – 108).

[393] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 96 об.; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 128.

[394] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 64 об.

[395] Там же. Л. 104.

[396] Там же. Л. 96 об.

Важно, что в Москве в этот период не рассматривали организацию военных действий непосредственно против Азовской крепости[397]. По замыслу правительства, предполагалось овладеть только Каланчинскими башнями, укрепить их и «посадить в те крепости самых добрых и надежных людей, чтоб чрез те крепости впредь на море, на промысл и Крыму на вред был свободной путь»[398]. В принятии этого решения, как представляется, сыграла свою роль полученная от атамана Фрола Минаева информация о том, что в Азове и на Каланчинских башнях находилось около 4 тыс. человек (из них ок. 1 тыс. янычар), и при этом до весны у турок не предвиделось подкрепления[399].

Как видно, в Москве рассчитывали на неготовность азовского гарнизона, однако еще до начала приготовлений к походу противнику удалось отчасти восстановить Каланчинские башни: «...те башни закрепили землею, насыпав в мехи, а Казачей ерек[400] засыпали и укрепили турами»[401]. Стоит отметить, что информация о действиях донских казаков в Приазовье быстро достигла Стамбула[402]. Однако находившийся в Турции В. Даудов сообщал, что всю информацию о планах и намерениях московского правительства османский двор получал из донесений П. Дорошенко. Правобережный гетман, по всей видимости желая склонить турок к войне против России, писал в Стамбул, что объединенные русско-польские войска в 1673 г. «хотят на салтана и... на хана (крымского) и на Дорошенко войсками наступить», в том числе отправить на Дон 70 тыс. человек[403]. Турки, стремясь «подстраховаться», приняли решение реконструировать укрепления Каланчинских башен и Азова, отправив весной «с каменьем и с ызвестью 33 судна», а также янычар, по разным источникам, от 1,5 до 3 тыс. человек[404].

---

397 *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 136.

398 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 96 об. – 97.

399 Там же. Л. 102, 103 об.

400 Казачий ерик — рукотворная протока в дельте Дона, которая использовалась казаками для военных действий над Азовом и для выхода в море.

401 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 49.

402 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 13. Л. 53 об.

403 Там же. Л. 55 об. – 56.

404 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 137; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 758. Л. 3. См. подробнее о принятых мерах: *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 137.

Османская империя, таким образом, сделала ставку на оборону своих укреплений, пытаясь одновременно привлечь для действий в приграничье подвластных туркам башкир и ногаев[405].

В начале 1673 г. в Москве было принято решение отправить на Дон войска под командованием думного дворянина И.С. Большого Хитрово и стольника и полковника Г.И. Косагова. Кроме того, в этой военной кампании следовало задействовать калмыцкие и черкесские отряды[406].

В марте 1673 г. донскому атаману К. Яковлеву была направлена царская грамота с указанием, чтобы донские казаки «над турским салтаном и над крымским ханом, отвращая их от войны, где мочно, всякой промысл чинили»[407]. Действовать им предписывалось совместно с ратными людьми «во всем по совету», а также следовало объявить воеводе И.С. Хитрово «мысль свою войсковую, каким обычаем над Каланчинскими башнями промысл чинить, чтоб общею... службою турского салтана от войны унять»[408]. Как представляется, речь идет о том, что разрушение Каланчинских башен, которые контролировали дельту Дона, позволило бы донцам свободно выходить в Азовское и Черное моря и при необходимости участвовать в военных действиях против турецких судов или Крымского ханства, сковывая их силы на полуострове. После взятия башен на их месте предполагалось построить и укрепить «город»[409]. В середине июня царская грамота к донским казакам конкретизировала задачи, предписывая, чтобы они «собрався со всем войском обще, над Коланчинскими башнями, так же и над иными месты и над крымскими юрты всякой воинский промысл чинили»[410]. При этом, если воевода с ратными людьми «похочет итти на море, и для морского ходу» следовало послать на Дон в войско из Воронежа «30 стругов морских, до 50 труб струговых выделанных»[411]. Важным представляется

[405] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 137 об. Как отмечает П.А. Аваков, ожидание прибытия 20-тысячной крымской конницы и черкесских отрядов не оправдалось (*Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 137).

[406] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 3. Л. 154–154 об.

[407] Там же. Кн. 4. Л. 247 об.

[408] Там же. Л. 248–248 об.

[409] Там же. Л. 308.

[410] Там же. Л. 475.

[411] АВД. Т. 1. № 52. С. 83–84.

наблюдение П.А. Авакова, что таким образом московское правительство «не стремилось к эскалации конфликта, а, наоборот, преследовало миротворческую цель»[412].

Также И.С. Хитрово делегировались дипломатические полномочия, чтобы вести переговоры с азовским командованием[413]. В этой связи большой интерес представляет образцовое письмо[414], которое было ему направлено в лагерь и должно было быть отправлено азовскому бею в том случае, если войска захватят Каланчинские башни. В нем, как представляется, была представлена официальная позиция Москвы по отношению к задуманным военным действиям на Дону.

В письме подчеркивалось, что «государь наш, его царское величество, з государем вашим, сь его салтановым величеством, всегда в дружбе неотменно пребывать желает же и к недружбе желания с стороны царского величества никакова нет, а нас, своих царского величества думного дворянина и воевод с ратными людми, указал великий государь... послать на Дон для того, чтоб прежняя его царская величества земля, на которой поставлены Каланчинские башни, очистить, а дале для военного промыслу на Черное море и на крымские улусы до указу великого государя... итти не велено»[415]. Дальнейшие военные действия предусматривались, если «салтаново величество на государство его царского величества и его королевского величества войною сам пойдет или крымского хана пошлет, и войны весть не престанут, и взятых городов полскому королю отдать не велит или царского величества на украиные города войною ково пошлет». В этом случае им велено выходить в Черное море и «чинить всякой промысл» над Азовом[416]. Как видно, в случае успеха и захвата Каланчинских

---

412 *Аваков П.А.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье... С. 19; *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 138–139.

413 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 20. Для этого он должен был писаться «наместником Шацким».

414 Важно отметить, что данное образцовое письмо было написано в июне 1673 г. после получения в Москве грамоты от великого визиря, о которой говорилось выше (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 451 и след.).

415 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Д. 4. Л. 458 об. – 459.

416 Там же; см. также: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 129.

башен воеводе И.С. Хитрово предстояло настаивать, что данное мероприятие не было недружественным со стороны России, Москва только реализовывала свои претензии на земли, которые считала своими. В то же время письмо содержало требования не участвовать в войне против Российского и Польско-Литовского государств.

И.С. Хитрово прибыл в Воронеж 26 февраля 1673 г., Г. Косагов — 13 марта[417]. В июне войска общей численностью 7,4 тыс. человек подошли на судах к Черкасску[418]. Однако сразу «чинить промысл» над Каланчинскими башнями оказалось невозможно, так как выяснилось, что «в реке Дону вода самая болшая и около Каланчинских башен сухих мест нет»[419]. Между тем напротив Черкасска было построено новое земляное укрепление — «Ратный городок»[420].

Осада Каланчинских башен началась только 5 августа и продолжалась в течение трех недель, до 26 августа. Войскам[421] под командованием И.С. Хитрово и Г. Косагова удалось закрепиться в 300 саженях от башен, построив земляной городок, а также сделать шанцы на расстоянии 100 сажен: «...и из шанец из галанских и ис полковых пушек по многие дни по башне и из верховых пушек гранатных нарядными ядры в день и по ночам беспрестанно стреляли»[422]. Такая тактика позволила частично разрушить одну из башен. Кроме того, донским казакам удалось прокопать Казачий ерик и окопаться вместе с ратными людьми на Каланчинском острове — самом крупном в дельте Дона, чтобы перекрыть азовцам возможность водным путем пополнять гарнизон Каланчинских башен: «...отнять судовую перемену, которые переменяютца из города в башнях»[423]. Данный военный маневр оказался успешен, а пытавшиеся отбить остров османские отряды были раз-

---

[417] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 280–280 об.

[418] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 137.

[419] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4. Л. 571 об.

[420] *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 138.

[421] Известно, что численность ратных людей составляла 4,9 тыс. человек (см.: *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 139). Численность донских казаков, в свою очередь, достигала 5 тыс. человек (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 78).

[422] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 46 об.

[423] Там же. Л. 66–66 об.

биты. В то же время войскам не удалось перерезать сухопутный маршрут, и из Азова могли вести «перемену в башни телегами и конми степью»[424]: конных отрядов у осаждавших не было.

Сам воевода И.С. Хитрово также писал в Москву о тщетности осадных мероприятий. По его словам, османам удалось хорошо организовать оборону: «...в башнях и около башен в валах посажены турецкие многия люди яныченя, и осыпаны около башен валы земляные великие, и около валов выкопаны рвы глубокие и напущены водою». Кроме того, сами турки вели активную оборону, «стреляли безпрестанно и на шанцы выходили»; не способствовала успеху и погода[425]. По словам Г. Косагова, главной причиной отхода стал дефицит снарядов: войска «как ядер не стало, и от башен отступили»[426].

Следует обратить внимание и на то, что в 1673 г. Москве не удалось привлечь на службу калмыков. В кампании 1673 г. калмыцкий хан Аюка не участвовал, «на... службу не поспешил, а прислал он... Мазана-батыря с товарыщи, а с ним калмык с 400 человек»[427]. Калмыцкий военачальник, однако, был «в войске не многое время, и аманатов... не дал, и под Азов... не пошел, и похвалялся сечь [казаков]. И пограбя казаков, которые были на карауле, пошел прочь»[428]. Впоследствии Аюка объяснял свои действия тем, что донские казаки убили на переправах 67 калмыков, возвращавшихся из Крыма, «и животы их пограбили», и «он, де, Аюкай затем и не пошол, что ему стало в досаду»[429]. Столкновения, периодически происходившие между донскими казаками и калмыками, мешали выполнению боевых задач, и из Мо-

---

424 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 66 об.

425 Там же. Л. 46 об. – 47.

426 Там же. Л. 86 об.

427 Там же. Л. 68 об. В своей отписке кн. К.М. Черкасский сообщал, что Аюка-тайша послал на службу великого государя «Мазана-батыря, а с ним ратных людей 5000 человек». Численность калмыков в данном случае явно завышена. См.: КРО. Т. 1. № 216. С. 339.

428 АВД. Т. 1. № 53. С. 85.

429 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 34–34 об. Однако известно, что 1 августа 1673 г. Аюка-тайша и кн. К.М. Черкасский «пошли на службу великого государя на горского владельца на Чеполова, да на нагайского Каракасая-мурзу». И в том походе «у тех мурз многих людей побили и животинные стада отогнали» (см.: КРО. Т. 1. № 216. С. 340).

сквы было принято решение направить грамоты на Дон и в Запорожье, чтобы казаки «впредь с калмыки ссор и задоров никаких не чинили»[430].

Осада Каланчинских башен, таким образом, окончилась неудачно, и воевода И.С. Хитрово не стал отправлять в Азов образцовое письмо[431].

Стоит отметить, что османская сторона рассматривала военные столкновения в Приазовье в качестве пограничного конфликта. Согласно турецкой хронике, несколько тысяч «казацких грабителей» (Kazak eşkıyâsı) приходили с артиллерийским орудием и после неудачной осады в отчаянии отступили обратно[432]. Как видно, в Стамбуле не считали, что в нападении на Азов участвовали русские войска. Тем не менее Портой было принято решение о посылке дополнительных отрядов в регион, и азовский гарнизон был увеличен до 6 000 человек[433]. В то же время крымский хан не оказал поддержки крепости, хотя азовцы дважды просили о помощи[434].

На обратном пути в Черкасский городок русское командование приказало казакам М. Самаренина, отправившимся на стругах на промыслы над турецкими и крымскими городами, «в Миюсе зделать для зимовья городок»[435]. По всей видимости, данным указанием воевода И.С. Хитрово и Г. Косагов стремились отчасти реализовать царский наказ, согласно которому на месте Каланчинских башен следовало возвести укрепление. Так, И.С. Хитрово заявлял, что если устроить тот городок, то «великому государю будет годно»[436]. По мысли командования, на р. Миусс городу «быть пристойно и на море ходить оттуды свободно, а Крыму от тово города будет великая напасть»[437].

Однако обращает также на себя внимание, что неудачная кампания 1673 г., по всей видимости, вызвала недовольство донских

---

[430] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 34 об. – 35.

[431] Там же. Л. 45 об.

[432] Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 173.

[433] *Аваков П.А.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье... С. 20.

[434] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 73 об.

[435] Там же. Л. 87, 73 об.

[436] Там же. Л. 87 об.

[437] Там же. Л. 87.

казаков. Прибывший с Дона 24 сентября в Москву станичный атаман Иван Харитонов в расспросе заявил, что «лутчи, де... итти мимо Каланчинских башен под Азов, и Азов, де, имать будет легче тех башен»[438]. Не понравилось донским казакам также указание построить на р. Миусс городок; И. Харитонов подчеркивал его невыгодное положение: «...от Черкасково, де, казачья городка Миюс-река два дни езды степью, а переправ никаких нет, а к Азову, де, карабли и каторги ходят морем мимо устья Миюса-реки»[439].

В 1674 г. на Дон было решено отправить войска во главе со стольником кн. П.И. Хованским и думным дворянином Я.Т. Хитрово «для промыслу над Озовым и над Крымом сухим и водяным путем»[440]. В их распоряжении находилось 5,6 тыс. человек, в том числе два рейтарских полка[441], видимо, учитывая опыт прошедшей кампании, правительство решило усилить войска на Дону за счет конницы. В низовья Дона они прибыли в сентябре 1674 г.[442]

Одновременно с посылкой на Дон ратных людей 9 апреля был отправлен царский указ кн. К.М. Черкасскому, чтобы он выступил со своими людьми, так как «время пришло то, что над турскими войски и над крымскими юрты промысл и поиск чинить»[443]. Военные действия против Азова происходили в условиях, когда Османская империя вела войну с Речью Посполитой. В этой связи предполагалось задействовать часть отрядов одновременно против Азовской крепости и Крыма. Кн. К.М. Черкасскому надлежало на царскую службу «калмыцкого Аюкая-тайшу на то привести, чтоб он шел сам с всеми своими калмыцкими улусными людьми... на Крым и на Крымские юрты войною нынешнею весною,

---

438 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 80 об. Вместе с тем в челобитной К. Яковлева и всего Войска Донского к главе Посольского приказа А.С. Матвееву наряду с указанием о невозможности захватить Каланчинские башни отмечалось, что для взятия Азова необходимо 40 тыс. пехоты и 20 тыс. конницы (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 86; см. также: *Аваков П.С.* «Азовский проект» Петра I... С. 140).

439 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 82.

440 КРО. Т. 1. № 214. С. 336.

441 *Аваков П.А.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье... С. 20.

442 *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 144.

443 КРО. Т. 1. № 214. С. 336.

не отлагая до иного времени»[444]. На этот раз Аюка снова лично не выступил в поход, отправив с кн. К.М. Черкасским «улусных своих людей 7000 человек»[445], из которых 2000 тысячи, как упоминалось выше, были отправлены к Перекопу. В этой связи кажется сомнительным тезис В.П. Загоровского о том, что уже «в начале 1674 г. России изменили кочевые калмыки»[446], принимая во внимание, что нападения калмыцких отрядов на порубежные территории происходили и раньше.

28 августа на Дон прибыл кн. К.М. Черкасский с кочевыми отрядами. Интересным представляется тот факт, что при встрече с воеводой И.С. Хитрово кн. К.М. Черкасский «о делех и о промыслу над неприятели ничего с ним не говаривал»[447]. Однако под Черкасском его встретил донской атаман К. Яковлев «с лутчими людми», с которым он виделся и «о промыслу над неприятели меж собою» говорил. При этом было спланировано совместное выступление на Азовскую крепость[448]. Связано такое развитие событий было, как представляется, с одной стороны, как говорилось выше, с недовольством донских казаков ходом военных действий, с другой — с тем, что в 1673 г. И.С. Хитрово после снятия осады с Каланчинских башен запретил совместный поход донцов и калмыков под Азов[449]. В целом время для похода было выбрано удачно — от пойманных «языков» казакам стало известно, что «которые, де, каторги приходили к Азову для обереженья с воинскими людми, и они, де, починевали у города худыя места, и башни и роскаты и пошли за море августа в 22 день»[450].

В конце августа 1674 г. под Азов авангардом была послана «судовая пехота» донских казаков численностью в 2000 человек,

---

444 КРО. Т. 1. № 214. С. 336.

445 Там же. № 217. С. 342. Из 7 тыс. калмыков 2 тыс. были отправлены в Крым, см.: Там же. С. 342.

446 *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 84.

447 КРО. Т. 1. № 217. С. 342.

448 Там же. С. 342, 343.

449 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 81. Это был не первый конфликт И.С. Хитрово с донскими казаками, см.: АВД. Т. 1. № 40. С. 65–66; № 41. С. 67–68.

450 АВД. Т. 1. № 56. С. 90.

а также стольник и полковник Г. Косагов со стрельцами (1000 человек)[451]. Они соединились с отправившимися степью 150 узденями кн. Черкасского и 5000 калмыков в 20 верстах от Азова[452]. В этот же день у них состоялся бой с азовскими и турецкими «прибылыми» людьми, «и на том бою азовцов и турков побили, и стада конские и скотские отогнали многие, да в полон взяли... азовцов и турков человек с 15»[453]. Из Азовской крепости, в свою очередь, было совершено две вылазки. По мнению П.А. Авакова, данный поход, несмотря на отсутствие ощутимых стратегических последствий, оказался самой крупномасштабной операцией на данном направлении[454]. Как видно, военные действия были совершены преимущественно силами калмыков и донских казаков. Это не помешало, однако, тому, что между калмыками и казаками снова произошло столкновение: калмыки, «не додержав договору своего и шерти», возвращаясь с низовьев Дона к себе в улусы, «били ударом на казачий городок и на Паншин, и казаков многих перерезали»[455].

Прибытие кн. П.И. Хованского в начале сентября 1674 г. в Черкасский городок[456] привело к тому, что было окончательно решено, что строительство крепости в устье р. Миусс нецелесообразно[457]. Г. Косагов некоторое время оставался в «Ратном городке» в качестве товарища новых воевод, однако уже в конце 1674 г. был направлен в Москву[458].

В 1675 г. на Дон на смену И.С. Хитрово был послан с ратными людьми стольник и воевода кн. И.М. Кольцов-Мосальский. В его распоряжении находилось 3,2 тыс. человек, всего к лету

---

451 КРО. Т. 1. № 217. С. 343.

452 Там же.

453 Там же.

454 *Аваков П.А.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье... С. 22.

455 АВД. Т. 1. № 57. С. 92.

456 Там же. № 56. С. 90–91.

457 *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 144. (О планах строительства в дельте Дона городков см.: *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 144–145; *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 85.)

458 *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 144.

1675 г. на Дону общая численность ратных людей могла достигать 7,8 тыс. человек[459].

По сути, в 1675–1676 гг. противостояние в Приазовье практически сошло на нет[460], обе стороны лишь совершали небольшие набеги для захвата «языков» и пленных. Общую обстановку в регионе, как представляется, красноречиво рисуют расспросные речи взятого в плен турецкого янычара Хусейна, «жителя Царяграда». По его словам, в 1675 г. «турские люди и азовские жители ожидали государевых ратных людей к Озову для промыслу», и в этой связи турецкий султан «для береженья Озова послал было янычан с началными людми тритцать две катарги [как представляется, число судов сильно завышено, поскольку позднее, к примеру в 1679 г., их численность достигала менее десятка. — *М.Я.*]. И те, де, катарги к Озову было пришли, и как, де, уведали то, что Озов з донскими казаки мирны, и те, де, катарги пошли назад»[461]. Таким образом, обе стороны рассматривали военные действия в этом регионе как локальные. Поэтому, когда казачьи нападения прекратились, это позволило туркам считать, что «казаки снова мирны». Кроме того, пленный янычар добавлял, что «турской, де, салтан, крымской хан и паши ... все желают того, чтоб великий государь с ними был в миру, а войны не желают»[462]. В 1676 г. на Дон был направлен воевода И.Ф. Волынский, которому следовало над «турскими и крымскими людьми» чинить промысл, однако прежде всего на него возлагалось ведение переговоров с Крымским ханством, которое в этот период оказалось невозможным[463]. Летом 1677 г. правительство нового царя Федора Алексеевича приняло решение об отзыве всех русских войск из-под Азова[464], сосредоточив все внимание на Поднепровье.

---

[459] *Аваков П.А.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье... С. 23.

[460] См. об этом периоде: *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 82–85; *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 145–148.

[461] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 827. Л. 18–19

[462] Там же. Л. 21.

[463] См. подробнее: *Барсуков А.П.* Род Шереметьевых. СПб., 1904. Кн. 8. С. 250–257; *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 148–149.

[464] *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 86.

Военные действия в Приазовье интересны прежде всего тем, что в 1673 г. русское правительство, стремясь воспользоваться действиями донских казаков после частичного разрушения Каланчинских башен, предприняло попытку закрепиться возле Азова. Однако неудача в этой кампании привела к тому, что русская сторона довольно быстро отказалась от крупных военных действий в этом регионе. В 1674 г. на Азовскую крепость, по сути, был совершен набег прежде всего силами калмыков и донских казаков, а в 1675–1676 гг. военные действия практически замерли.

Дипломатическая позиция по сложившейся ситуации была представлена позже, после Чигиринского похода 1677 г. Москва события 1672–1676 гг. представляла преимущественно как защиту собственных границ.

Направленному в конце декабря 1677 г. в Стамбул стольнику А. Поросукову, согласно наказу, при разговоре с османскими сановниками следовало говорить следующее: «На Дон... воеводы с ратными людми посыланы для оберегания украинных городов, потому что азовские жители и хан крымской безвесно приходят к украинным городам и чинят обиды. И о тех обидах великий государь... ко государю вашему к его салтанову величеству в розные времена в своих царского величества грамотах писывал, чтоб по исконному обещанию и по крепкой дружбе то азовским жителем и хану крымскому было возбранено, и по тем многим присылкам с стороны салтанова величества исправления тому не учинено. Для того великий государь... ратем своим государским на Дону велел побыть, чтоб азовские жители и хан крымской в непослушании салтанова величества тайными своими воинскими походы его царского величества людем обиды не чинили, а не для промыслу над Азовым»[465]. Отдельно посланнику предписывалось объяснить действия ратных людей во время осады Каланчинских башен в 1673 г., при этом произошло заметное по сравнению с 1673 г. изменение — они уже не оспариваются у турок. Так, «под башнями ево государские ратные люди хотя и стояли, и то учинено для того, что в тех башнях была многая пехота и, выходя ис тех башен на казацкие городки, часто приходили войною, и чтоб в тех башнях тех людей до войны не допускать. И что ни учинилось, то все от непослушания азовских жителей и хана крымского, что

[465] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 53 об.

они салтанова величества указу не послушали и войну всчинали, а великий государь... за обнадеживанием исконные дружбы никакой причины к войне с салтановым величеством не учинил, толко от наступления их, были ратные люди на Дону ко осторожности украинных городов, а не для чего иного»[466]. Как видно, официальная позиция Москвы заключалась в том, что в Приазовье произошел локальный конфликт, который при этом был спровоцирован азовским гарнизоном и крымцами при попустительстве турецкого султана.

Итоги периода

Политическая ситуация, сложившаяся на Украине после заключения Андрусовского перемирия, начала существенно меняться с 1672 г., когда Османская империя перешла к прямой военной экспансии на территории Речи Посполитой. Изучение документов показывает, что московское правительство довольно хорошо представляло себе развитие событий на правом берегу Днепра. Стремительные успехи османов, приведшие к отторжению от Речи Посполитой большей части Правобережья и Подолии и образованию Каменец-Подольского эялета, вызывали в Москве серьезные опасения. Уже в конце 1672 г. русское правительство допускало, что крупные османские силы во главе с турецким султаном могут атаковать Киев и левобережные владения России, и предполагало, что для отражения такого вторжения могут потребоваться значительные военные усилия, вплоть до выступления в поход самого царя.

Заключение Бучачского мира между Польско-Литовским государством и Османской империей привели к тому, что русская сторона перестала в целом считать условия Андрусовского договора, относящиеся, в частности, к разграничению земель в Поднепровье, действительными.

Происходившие в этот период на окраинах России и Османской империи военные действия, по сути, являлись локальными конфликтами, которые должны были не позволить Стамбулу и Бахчисараю, по замыслу Москвы, сосредоточить значительные силы на границах России. Царское правительство в этот период впервые столкнулось с тем, что стало регулярно получать «под-

[466] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 53 об. – 54.

линные» сведения о планирующихся походах к своим границам войск во главе с ханом и султаном и, очевидно, должно было на это реагировать. Общее давление на южные границы России в этот период возросло, однако не было равномерным — пик крымских набегов пришелся на 1673 г., в 1674–1676 гг. речь шла о действиях на пограничье только небольших крымско-калмыцких отрядов[467].

Позиция московского правительства на Правобережье первоначально была, однако, довольно осторожной. Не отказываясь от претензий на все наследие Б. Хмельницкого, Москва в то же время исходила из того, что приоритетом является защита Левобережья и Киева. Дело при этом осложнялось тем, что планы османов и степень их вовлеченности в украинские дела долгое время оставались неясными. С одной стороны, в Москву поступали известия об их планах идти на Киев и даже Левобережье. С другой — официального военного конфликта между двумя странами не было. В Москве могли надеяться, что османы удовлетворятся захватом Подолии и не будут вести борьбу за далекое и сильно обезлюдившее к этому времени Правобережье.

Вплоть до 1674 г. русское правительство не предпринимало активных военных действий, поскольку П. Дорошенко в этот период еще пользовался определенной поддержкой правобережной старшины. Ситуация изменилась в 1676 г., когда окончательно утративший поддержку П. Дорошенко сдался русско-казацким войскам, ранее подчинявшиеся ему территории признали власть И. Самойловича. Опираясь на это признание и рассчитывая на значительную поддержку левобережного казачества, в Москве решились перейти к следующему шагу по утверждению своей власти на Правобережье, поставив русский гарнизон в Чигирине.

По Журавенскому договору Речь Посполитая бóльшую часть Правобережной Украины уступала Османской империи и Польско-Литовское государство переставало участвовать в борьбе за Украину. К этому же времени стало ясно, что Порта намерена добиться возвращения под свою власть земель бывшего гетмана П. Дорошенко с помощью военного вмешательства. На очереди была попытка силового решения вопроса о судьбе Правобережья уже между Османской империей и Россией.

---

[467] *Чепухин А.Г.* Защита Приосколья... С. 48–70.

Глава II

ЧИГИРИНСКИЙ ПОХОД 1677 г.

Чигиринский поход 1677 г. стал первым прямым крупным столкновением между русской армией и османскими войсками и является уникальным, внутренне противоречивым событием, проводящим грань меж двух эпох в международных отношениях в этом регионе. Как было показано выше, в этот период с османской стороны война официально объявлена не была, а русская сторона, как будет показано далее, могла исходить из того, что конфликт может быть улажен дипломатическими методами на фоне демонстрации готовности к военным действиям. Тем не менее зимой 1676–1677 гг. русскому правительству начинает поступать информация, что Порта намерена провести на территории бывшего гетманства Дорошенко крупную военную операцию. Первые предупреждения о готовившемся турецком вторжении московское правительство получило сразу же после заключения Журавенского мира от польского короля Яна Собеского, аналогичные сведения представил и гетман И. Самойлович[1]. Стоит отметить, что в Москве понимали, что по «тем их мирным договорам Украина и Запорожье туркам уступлена»[2], и уже из царской грамоты запорожским казакам от 24 января 1677 г. следует, что русское правительство ожидало в текущем году османские войска на «малоросийские и украинные городы» и было, по их словам, к этому готово: «...против тех неприятелей... цар-

---

[1] АЮЗР. Т. 12. № 213. Стб. 813–814; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 135.

[2] АЮЗР. Т. 13. № 4. Стб. 15–17.

ского величества войска в готовности»[3]. Тем не менее подготовка к предстоящему столкновению заняла всю первую половину 1677 г. как у московского, так и у османского правительства.

1. Подготовка московского правительства к кампании 1677 г.

Нависшая угроза над Чигирином и Киевом вынудила российское правительство предпринять целый комплекс мер, направленных на подготовку к отражению османской угрозы. Обращает на себя внимание, что в разворачивающемся противостоянии у русско-казацкой стороны на протяжении всего конфликта отсутствовали планы наступательной войны. Связано это, как представляется, прежде всего с позицией гетмана И. Самойловича. Как отмечалось выше, в условиях, когда на правом берегу Днепра функционирование некоторых центров полковой администрации было под вопросом, а над оставшимся населением Правобережья нависла османская угроза, И. Самойлович не мог обеспечить защиту этих территорий из-за их удаленности и сложности с размещением войск. Более того, требует дополнительных исследований позиция левобережной старшины в этот период, поскольку ее часть, по всей видимости, считала, что на правом берегу Днепра не осталось казацкого населения, а имеющееся будет тяготеть к Речи Посполитой. Так, в «листе» киевского сотника М. Степановского к киевскому полковнику К. Солонине отмечалось, что «от полской стороны, которые есть места не Украина..., а те волости и подданные там панов полских, не казаки живут, как то: Винница, Бряславль, Калник, Немиров, Белая Церковь и иные по Канев, и те все к Полши належати будут»[4]. В этой связи основные действия были направлены на удержание стратегически важных территорий вокруг Чигирина и Черкасс и, конечно, Киева.

---

[3] АЮЗР. Т. 13. № 4. Стб. 15–17. Немалую роль в таком утверждении сыграло, конечно, желание российского правительства не допустить участия запорожских казаков в предстоящем конфликте на османской стороне и склонить их к оказанию помощи Москве. Однако в данном случае показательно изначальное стремление Москвы защищать эти территории.

[4] АЮЗР. Т. 13. № 104. Стб. 450.

В то же время в историографии одним из спорных вопросов остается оценка деятельности русско-казацкого командования и обстоятельства движения войск к Чигирину. Среди исследователей по-разному объясняются причины, по которым русско-казацкие войска подошли к Днепру только 24–25 августа, в то время как первые турецко-татарские разъезды появились под Чигирином уже 30 июля[5]. Н.А. Смирнов считает, что прежде всего такое развитие событий связано с тем, что Москва стремилась максимально централизовать управление боевыми действиями; не последнюю роль играли и местнические споры среди военачальников[6]. По мнению Н.И. Косиненко и П.В. Седова, причина такой задержки проистекала из самого состояния российских войск и невозможности ведения активной наступательной войны[7]. В целом большинство исследователей сходятся во мнении, что русско-казацкие войска действовали во время первого похода медленно и нерасторопно[8].

В течение польско-турецкой войны 1672–1676 гг., как было показано выше, в Москве каждый год ждали появления турецко-татарских сил под Киевом и их перехода на левый берег Днепра, и неудивительно, что русское правительство живо интересовалось польским военным опытом. Свидетельства такого интереса, в частности, отражены в донесениях русского резидента в Варшаве В. Тяпкина. Так, в беседе 31 июля 1674 г. коронный подканцлер А. Ольшевский рассказывал ему о польской стратегии следующее: «...прошлой осени его королевское величество, гетманом будучи, учинил — не сходился на бой до самой груды и зимности потому, что турки сами и лошеди и верблюды зело нужны и в ту пору жестоки битца, пока тепло бывает, то есть в августе и сентябре месяцах. А как стужа и груда настанет,... поганцы в ту пору ослабеют сами, и кони их худы будут»[9].

Похожий разговор состоялся у В. Тяпкина и с литовским гетманом М. Пацем, одним из высших сановников Речи Посполитой

---

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 354; АЮЗР. Т. 13. № 78. Стб. 287.

[6] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 137–138.

[7] *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война... С. 42; *Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 290.

[8] См. также: *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 1. С. 166 и след.

[9] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 160. Л. 363 об. – 364.

и видным лидером оппозиции, 2 сентября 1674 г. М. Пац считал, что для того, чтобы добиться успеха, русской армии необходимо «уступать в крепкие места, а наипаче обозами стать на той или на другой стороне Днепра в окопах, и с турком бою отнюдь давать не велеть аж до ноября месяца потому, что народ и кони их нужны, а как на них придет осенняя стужа, грязь и груда, ненастье, тогда у них все лошади пропадать учнут, а и сами изнужатца нуждами непогоды осенней, тогда б с ними время дать битвенное поле»[10]. Как видно, информация о способах ведения войны против османов попадала не только от близких к Яну Собескому людей, но и от враждебных польской короне литовских магнатов, что свидетельствовало об искренности советов. В распоряжении московского правительства, таким образом, оказались рекомендации польской стороны относительно военных действий против Порты, суть которых можно свести к следующему: необходимо задерживать турок на укрепленных позициях до ноября, ослабляя их боеспособность, и только потом давать сражение.

В начале 1677 г. понимание неизбежности военного столкновения с османами поставило перед московским правительством вопрос о планировании будущей военной кампании и разработке стратегического плана военных действий. Стоит иметь в виду, что предстоящая кампания принципиально отличалась от походов русско-казацкой армии за Днепр в 1674–1676 гг. Российской армии предстояло выступить не против осажденного замка, а, вероятно, столкнуться с армией противника в полевых условиях. Успех кампании в этот период во многом зависел от правильного определения цели похода турецко-татарской армии и оперативного получения информации.

Московское правительство в такой ситуации стремилось максимально сократить время задержки получаемых сведений. С этой целью от Москвы до Севска и малороссийских городов в тот период была устроена особая скорая почта по Калужской дороге. В материалах Разряда отложилась роспись «которых городех и местех по Колужской дороге поставлены почтовые лошеди по пяти лошадей на стану»:

---

[10] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 160. Л. 419 об.

Московские подводы:
— «первой стан на Москве;
— другой стан от Москвы в 35 верстах в деревне Пахре;
— третей стан в селе Спаском от деревни Пахры 25 верст;
— четвертой у Покрова пресвятые быть от Спаского 25 верст;
— пятой в селе Неденном от Покрова 24 версты;
— шестой в деревне Гурьеве от Неденного 20 верст;
а от деревни Гурьевы до Колуги 20 ж верст;
Колужские подводы поставлены:
— первой стан в Колуге;
— другой в Лихвине от Колуги 30 верст;
— третей стан в Белеве от Лихвина тритцать верст;
а от Белева до Болхова сорок верст;
Болховских поставлено:
— первой стан в Болхове;
— другой стан в Новой слободке от Болхова сорок верст;
— третей стан в Карачеве от Новой слободки тритцать верст;
— четвертой стан в селе Чаянок от Карачева сорок пять верст;
— пятой стан в деревне Любокше от села Чаянок тритцать верст;
а от Любокши до Севска сорок верст;
В Севске постановлено:
— первой стан в Севске;
— другой стан в селе Лемише;
от Севска тритцать верст, а от Лемиши до Глухова тритцать верст»[11].

К этому следует добавить расстояние от лежавшего почти на границе Глухова до самого Днепра, составляющее более 250 км. Как видно, московское правительство просто не могло оперативно руководить военными действиями. К примеру, «скорые» гонцы гетмана И. Самойловича доставляли гетманские письма из Батурина в Москву (около 550 км) в среднем за 6 дней[12], поскольку гонец преодолевал за один день расстояние в 80–90 верст[13]. Распоряжения поступали в армию примерно с двухнедельной задержкой.

---

[11] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 168–170.

[12] См., напр.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Стб. 15. Л. 1, 7.

[13] По мнению А.Н. Вигилева, редкий гонец преодолевал в день расстояние в 150 верст, обычно оно равнялось 70–80 верстам. См.: *Вигилев А.Н.* История отечественной почты. М., 1977. Ч. 1.

В этой связи планы военных действий могли претерпевать существенные изменения при получении «подлинных вестей», которые требовали оперативного реагирования. Именно поэтому воеводам предписывалось действовать не только согласно царскому указу, но и корректировать его «смотря по вестям» и «своим разсмотрением». Важную роль играло и взаимодействие воевод и гетмана: так, кн. Г.Г. Ромодановскому, к примеру, следовало иметь постоянные пересылки с гетманом И. Самойловичем, и «буде по вестям доведетца ему,... приступить ближе к малороссийским городом или в малороссийские городы итить, и ему... с теми полки о походе велено чинить по совету с тобою [гетманом И. Самойловичем. — *М.Я.*]..., чтоб в военном деле и ни в чем мотчанья не было»[14]. Это свидетельствует о том, что в Москве осознавали невозможность полностью подчинить действия воевод центральному управлению и предоставляли им право принимать собственные тактические решения, исходя из требований момента[15].

Уже в конце февраля 1677 г. к гетману И. Самойловичу был направлен стольник С. Алмазов, которому поручалось выяснить точку зрения гетмана относительно возможного турецкого вторжения и обороны Киева и Чигирина. В первую очередь Москву интересовали вопросы общей целесообразности защиты Чигирина, обеспечения «осадных» и «прибыльных» людей в крепости хлебными запасами, а также возможности ее удержания без участия московских ратных людей, так как основной упор русское правительство хотело сделать на оборону Киева. Такое стремление не было случайным — на протяжении 1672–1676 гг. Москва постоянно интересовалась настроениями малороссийских жителей, боясь, как уже отмечалось выше, повторения ситуации 1668–1669 гг. Это было тем более важно, что после размещения на Правобережье русских войск у них, конечно, не могли не возникать трения с местным населением. П.В. Седов отмечает, что в

---

[14] АЮЗР. Т. 13. № 19. Стб. 84.

[15] Ср.: Н.А. Смирнов полагал, что «даже крупные и опытные военачальники, как Ромодановский и В.В. Голицын, должны были каждый свой шаг согласовывать с думными дьяками, сидевшими в “Московском штабе”. А для проведения большой военной операции из Москвы присылали специальных дьяков с подробной инструкцией; они должны были наблюдать за строгим ее выполнением» (см.: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 138).

конце 1676 – начале 1677 г. местные жители предупреждали о готовящемся выступлении против русского гарнизона в Чигирине[16].

2 марта 1677 г. в Батурине состоялся тайный разговор стольника С. Алмазова с гетманом И. Самойловичем. Гетман в ответ на заданные ему вопросы сказал, что «во одержании города Чигирина и к промыслу хлебных запасов» оставляет решение за царем, однако подчеркивал, что весной османский поход на Украину непременно состоится. По словам И. Самойловича, «Чигирин Украине город надобной и от Крыму защищение, и неприятелю всякому страх... и, естли, де,... достанетца в руки неприятелские, тогда, де, и сее стороны доброволно сами поддадутца турку, которые отдалены Чигирина». Более того, он заявлял, что если в Чигирине не будет царских войск, то он и «на малоросийских жителей без ратных... людей не надежен»[17]. По мнению гетмана, могли перейти на сторону противника Полтавский, Лубенский, Прилуцкий и Миргородский полки. Опасения И. Самойловича усиливались тем, что совсем недавно, в 1676 г., произошла неудачная попытка бывшего стародубского полковника П. Рославца сместить его. Безусловно, гетман был заинтересован в успехе предстоящей военной кампании и укреплении своего авторитета.

Свое мнение о том, какой способ ведения войны будет наиболее эффективным в борьбе с османами, гетман И. Самойлович подробнее изложил в инструкции судье И. Домонтову, отправленной в начале марта 1677 г. для доклада московскому государю[18].

Данная записка интересна прежде всего тем, что предложенный И. Самойловичем план действий в значительной степени лег в основу мероприятий, проводимых русско-казацким командованием по противодействию турецкому походу в 1677 г. При этом стоит иметь в виду, что в распоряжении исследователей на данный момент, частично из-за фрагментарной сохранности и утраты документов некоторых центральных приказов, отсутствуют источники, позволяющие восстановить целостную картину подготовки к военным кампаниям того периода. В этой связи о некоторых действиях и решениях правительства можно судить только опосредованно.

---

[16] См. подробнее: *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 489–490.

[17] АЮЗР. Т. 13. № 8. Стб. 29–30.

[18] Там же. № 11. Стб. 37–47.

В своей инструкции гетман И. Самойлович подчеркивал неизбежность османского вторжения и настаивал, что его основной целью будет именно Чигирин. Общую стратегию боевых действий гетман, как и ранее польское правительство, видел в изматывании противника с помощью затягивания военных действий, при этом акцент делался на успешную оборону Чигирина. На казацкую крепость падала основная задача у своих стен «неприятеля во все лето задержать», действия русско-казацкой армии предполагались только осенью: «...хотя к Днепру на осень, для пострахи ему, а своим, в осаде будучим, для выручки приближить; а в осень, когда неприятелские силы надотрутца и изнужився назад к своим рубежам пустым местом уходити похотят, потому что на пустыни зимовать ему не мошно, тогда бы возможно за Днепр с свежим войском переправясь,... его бить»[19]. Как видно из данной инструкции, перед русскими и гетманскими войсками не ставилась задача разбить османскую армию в открытом сражении, речь шла о сковывании основных турецких сил гарнизоном крепости в течение длительного времени в расчете на то, что с наступлением осеннего периода османская армия вынуждена будет покинуть малолюдные и холодные правобережные степи. Отступающий враг при этом становился уязвим для ударов подошедших из-за Днепра свежих русско-казацких сил. Здесь, конечно, стоит иметь в виду, что подобная тактика требовала от русско-казацкого командования получения постоянной оперативной информации о действиях неприятеля, а также постоянной полной боевой готовности войск на случай непредвиденных ситуаций.

По мнению П.В. Седова, такой способ войны «проистекал из реальных возможностей войск»[20]. Однако, очевидно, дело было не только в этом. С одной стороны, появление на Украине османов предполагало активное участие крымцев, которые могли действовать отдельно от основной турецкой армии и отправиться в поход на малороссийские города на левом берегу Днепра и русские города «на черте»[21]. Четырьмя годами ранее, в 1673 г., как упоминалось, крымская орда Селим-Гирея уже прорывала укрепления Белгородской черты, разрушив участок земляного

---

[19] АЮЗР. Т. 13. № 8. Стб. 41.

[20] *Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 289.

[21] АЮЗР. Т. 13. № 28. Стб. 124; № 35. Стб. 151 и след.

вала восточнее Нового Оскола[22]. В данном же случае речь могла идти о совместном выступлении крупных, возможно, соединенных сил турецко-татарских войск непосредственно на российские города. В.П. Загоровский подчеркивал, что угроза прорыва из-за «проломного места» крупных сил врага в этот период стала весьма реальной[23]. В то же время и в Москве, и в Батурине не были полностью уверены в лояльности как части левобережных, так и правобережных жителей. Сам гетман подчеркивал необходимость присутствия московских войск из-за «шатости» казаков, которые «отчаяли бы надежды о целости своей, и одне в Запороги, а иные к полякам уходили из Украины, а иные к туркам и в иные в какие государства посторонние шли б»[24]. По всей видимости, в этом также следует искать объяснения того, что русско-казацкое командование не спешило вступать в открытое столкновение с османами.

Стоит также отметить, что стремление не допустить вторжения османского войска на левый берег Днепра, «от которого было бы недобро,... не токмо Украине Малой Росии, но и Великой»[25], гетман прямо связывал с защитой Чигирина. Именно поэтому, по мнению И. Самойловича, нужно и возможно было удерживать правобережную крепость. Для успешной реализации данного плана необходимо было, по мысли гетмана, в первую очередь, увеличить гарнизон Чигирина: к двум тысячам московских ратных людей, «которые ныне по указу государскому обретаются» в Чигирине, надо было прибавить еще 1000 человек с хлебными и воинскими запасами. Со своей стороны он сообщал, что собирается направить в крепость 3000 казаков со всеми запасами[26]. Также в Чигирин из Москвы следовало послать инженера, «которой бы, к крепости применяясь, неприятелские подкопы перенимал»[27]. Имея в виду желание турок привлечь население Украины на свою сторону, гетман предусмотрительно советовал московскому государю заручиться поддержкой казаков Нижнего города. Для этого, как он писал, московскому правительству не-

[22] *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 81.
[23] Там же. С. 91.
[24] АЮЗР. Т. 13. № 11. Стб. 39.
[25] Там же. Стб. 42.
[26] Там же. Стб. 40.
[27] Там же. Стб. 43.

обходимо прислать «с 50 000 литовского счоту», для дачи жалованья казакам, чтобы «неприятель, пришод под Чигирин, не улучил бы в замыслах своих утешения», а также жалованные грамоты[28]. Самойлович также считал, что в походе против турецкой армии обязательно должны принимать участие калмыки и башкиры, которые своими набегами могли нанести значительный урон отступающему противнику[29].

Обсуждение замысла предстоящей кампании совпало с получением в Москве тревожных сведений о скором движении османских войск от Дуная. В этой связи «по вестям из Киева и из ыных малоросийских городов» 12 марта 1677 г. был издан царский указ о назначении воевод на службу. В Курске с Севским и Белгородским полками предписывалось быть кн. Г.Г. Ромодановскому со своим сыном, стольником кн. М.Г. Ромодановским, в Белгороде «в товарыщах их» — окольничему И.И. Ржевскому и его сыну, стольнику А.И. Ржевскому[30]. В Путивль назначался кн. В.В. Голицын, «а с ним в товарыщах» — околничий кн. Г.А. Козловский, думный дворянин А.В. Толстой и дьяк И. Ляпунов. В Рыльске стольникам и воеводам кн. А.И. Хованскому и А.П. Соковнину предписывалось «быти... в товарыщах сходными воеводы з боярином и воеводою со князем Васильем Васильевичем Голициным»[31]. Предполагалось, что на Украине, как и ранее, прежде всего должна была действовать армия под командованием кн. Г.Г. Ромодановского «с прибылыми московскими ратми и с рейтарскими, и салдатскими полки, и с стрелецкими приказы»[32]. Однако дело осложнилось конфликтом в верхах русского командования — в результате придворной борьбы русские силы, действовавшие на южном направлении, оказались разделены[33].

---

[28] АЮЗР. Т. 13. № 11. Стб. 41.

[29] Там же. Стб. 41–42.

[30] Однако практически сразу воеводою в Белгород был направлен думный дворянин И.П. Лихарев, который вместе со стольником И.И. Лихаревым 1 апреля уже выехал на службу (*Новохатко О.В.* Разряд в 185 году... С. 157).

[31] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 1–2.

[32] АЮЗР. Т. 13. № 19. Стб. 84.

[33] Назначение кн. В.В. Голицына сразу ознаменовалось серией местнических конфликтов, из чего можно предположить, что изначально традиционный указ о безместии, важный для военных предприятий, издан

не был (*Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков: Местничество в пространстве социально-политических отношений и на театрах военных действий в России раннего Нового времени. М., 2020. С. 231). Стоит иметь в виду, что в условиях местничества порядок назначения на службу подразумевал, что назначенный «в сход» человек никогда не будет занимать более высокую должность, чем тот, к кому он был указан «в товарыщах». Уже в конце марта (до 29-го числа) сходным воеводой кн. В.В. Голицына в Рыльске вместо кн. А.И. Хованского был назначен окольничий И.В. Бутурлин (см.: АЮЗР. Т. 13. № 19. Стб. 83). Однако наиболее ярким примером может служить местническая борьба кн. Г.Г. Ромодановского и кн. В.В. Голицына. Так, летом кн. М.Ю. Долгоруков сообщал кн. В.В. Голицыну, что «о князь Григорьи намере еще не стало, и розделилися бояре пополам: иные говорят, чтоб ему быть с тобой, а иные стоят за нево, чтоб не быть с тобою. Да гетман... велел бить челом, чтоб князь Григорью с тобой не быть в товарыщах, а князь Григорью, чаю, с тобой не быть, быть всем порознь» (см. подробнее об этом: *Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут... С. 231–233; Временник Общества истории и древностей российских. 1851. Кн. 10. С. 30–31; *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1888. С. 547–558). Наличие соперничающих военачальников на южной границе едва ли способствовало успешному исходу военных действий. Кн. Г.Г. Ромодановский и кн. В.В. Голицын во время летней кампании практически не взаимодействовали, хотя в Москве предполагали постоянные пересылки воевод «о вестях». Кн. Голицын, к примеру, жаловался царю, что белгородский воевода «ни о каких вестях августа с 13-го августа ж до 29-го числах к нам... не писывали» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 723–724). Нужно сказать, что военный опыт кн. Г.Г. Ромодановского и кн. В.В. Голицына был несопоставим. Кн. В.В. Голицын, родившийся в 1643 г., состоял на придворной службе с 15 лет. Его первое крупное назначение в армии относится к 1675 г., когда он был послан на Украину, чтобы прикрывать тыл армии кн. Ромодановского. Взлет служебной карьеры Голицына связан с правлением Федора Алексеевича — он был первым, кого молодой царь пожаловал в бояре 4 мая 1676 г. (*Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 111–112). Одновременно с первым воеводским назначением он получил и почетный дипломатический титул наместника Черниговского, введенный специально для него (*Лавров А.С.* Голицын Василий Васильевич // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 44. С. 78–81). Очевидно, что кн. В.В. Голицын, будучи царедворцем, военного опыта практически не имел. Напротив, военная карьера кн. Г.Г. Ромодановского началась в 1653 г., когда он впервые, находясь в чине стольника, был послан в Малороссию для уча-

Иногда исследователи в кампании 1677 г. отводят главенствующую роль кн. В.В. Голицыну, называя его командующим «Большого» полка, при этом некоторыми авторами также указывалось, что он имел право писать «к коронному и к литовскому гетмоном» и напрямую взаимодействовать с сановниками Речи Посполитой[34]. Из материалов Разряда следует, что Большой полк в этот период не собирался, и точно такое же право на ведение переговоров с Речью Посполитой в этот же период получали кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович[35]. По сути, изначально армии должны были действовать автономно, однако уже в августе предполагалось, что кн. В.В. Голицын, ссылаясь с гетманом И. Самойловичем, «по вестям» будет идти «на помощь» гетманским войскам и армии кн. Г.Г. Ромодановско-

---

стия в Переяславской раде в составе посольства В.В. Бутурлина. Начиная с этого периода более двадцати лет его карьера была неразрывно связана с историей Украины. Он был активным участником русско-польской войны, в 1656 г. был пожалован в окольничие, после чего назначен воеводой в Белгород. В 1658–1659 гг. во главе Белгородского разрядного полка руководил военными действиями против И. Выговского, затем участвовал в Конотопской битве, в военном походе против Яна Казимира. В 1665 г. был пожалован в бояре. После избрания гетманом Левобережья И. Самойловича в течение 1674–1676 гг. русско-казацкие войска во главе с воеводой Белгородского разряда и И. Самойловичем действовали на Правобережье против П. Дорошенко (*Маркевич А.Н.* Ромодановский Григорий Григорьевич // РБС. Т. 17: Романова — Рясовский. Пг., 1918. С. 84–112). Очевидно, объяснение назначения кн. В.В. Голицына следует искать в его знатном происхождении и в расстановке сил при царском дворе. Известно, что он пользовался покровительством наиболее влиятельных в думе бояр, кн. Долгоруковых и Милославских (*Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 235, 295–299. 288).

[34] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 833. Л. 1–6; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 136; *Бушкович П.* Петр Великий... С. 113.

[35] АЮЗР. Т. 12. № 63. Стб. 246. Стоит при этом отметить, что после окончания войны в некоторых источниках стала появляться информация, что кн. В.В. Голицын командовал в 1677 г. Большим полком (см., напр.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 708. Л. 13), это, как представляется, связано в первую очередь с возвышением в те годы кн. Голицына и его желанием «затушевать» собственное неучастие в этой кампании.

го[36]. Эта размытая формулировка позволяла обойти вопрос о старшинстве двух командующих, но в то же время сыграла, как будет показано далее, определенную роль в ходе этой кампании.

В этот же день, 12 марта, на Постельном крыльце был объявлен указ о службе ратных людей. Стоит обратить внимание на формулировку причины сбора войск: «...в феврале и в марте месяце в розных числех ведомо... учинолось по отпискам ис Киива околничего и воевод Алексея Петровича Головина с товарыщи и из ыных мест про приход воинских людей х Киеву и на малороссийские городы»[37]. Как видно, на начало марта 1677 г. московское правительство все-таки рассматривало Киев в качестве главной цели предстоящего османского похода и, видимо, ожидало перехода турецкой армии на левый берег Днепра.

Царский указ предписывал служилых людей «всех по списку... пересмотреть и разобрать»[38]. Тем из них, кому «по росписке доведетца быть ныне на его государеве службе», о том, «кому у ково в полкех быть и на которой срок, где стать», следовало ждать указ «вскоре». До этого им следовало «наперед себя» отправить запасы зимним путем в установленные города и «со всем быть наготове»[39]. 29 марта из Москвы были посланы грамоты городовым воеводам[40], согласно которым служилым людям предписывалось встать «по местам в полкех... мая в 9-м числе»[41]. Воеводам поручалось провести смотры и разборы ратных людей, а также жестко следить за наличным составом армии; в случае неявки на службу им велено «у тех имать людей и крестьян и держать в тюрме, покамест они из домов своих поедут»[42].

С чем был связан такой ранний срок сбора войск? Из различных донесений следовало, что выступление османской армии состоится, когда «явитца трава из земли»[43]. В конце марта в Мо-

---

[36] См., напр.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 737–738.

[37] Там же. Л. 3–4.

[38] Без «росписи» могли служить московские чины, «которые со 179 [1671. — *М.Я.*] году написаны в те чины из городов» (Там же. Л. 6).

[39] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 3–10.

[40] Там же. Л. 68–71.

[41] Там же. Л. 74.

[42] Там же. Л. 78.

[43] Там же. Д. 847. Л. 25.

скве получили сведения от гетмана И. Самойловича, что турецкий султан не распускал османскую армию на зиму, и она была готова «со всеми своими силами,... кой час весна настанет, итти неотменно под Киев или под Чигирин». В этой связи гетман настаивал, что царским войскам нужно «быти во всякой готовости, чтоб во время великой нужды все силы против его могли двигнутись»[44]. В этот же период московское правительство получило точную информацию о назначении Ю. Хмельницкого гетманом по приказу турецкого султана[45]. Весной 1677 г., таким образом, перед русским правительством встал не только вопрос отражения наступления османских войск, но и недопущения распространения влияния османского ставленника. Сам И. Самойлович считал, что Ю. Хмельницкий мог, «приближився в Украину, денежною дачею и различными всякими мерами войска запорожского к себе»[46] переманить. При этом отсутствие «подлинных» сведений о том, куда направится османское войско, и ориентировочной даты его появления на Украине заставляло московские власти организовывать спешный сбор войск.

29 марта 1677 г. Москва проинформировала гетмана И. Самойловича о сделанных назначениях, а также представила ответ на его предложения[47]. Новое появление на политической арене Ю. Хмельницкого, по всей видимости, подтолкнуло царя и его окружение к необходимости полноценной организации обороны Чигирина; в столице ожидали, как представляется, что он обязательно захочет занять свою «вотчину». В Чигирин назначался генерал А. Траурнихт с тремя приказами московских стрельцов. И. Самойловичу указывалось отправить в крепость не три тысячи казаков, а четыре тысячи «добрых и военных людей» со всеми запасами. Кн. Г.Г. Ромодановскому была направлена грамота с предписанием организовать в Чигирин провоз хлебных запасов.

В Москве также рассматривали вероятность прихода турецко-татарских сил до появления основной армии на Украине. В этом случае гетманским полкам требовалось действовать таким образом, чтобы османы, «не займуя Киева, на сю сторону Днепра безсвестно не пришли и разорения какова не учинили». При этом

---

[44] АЮЗР. Т. 13. № 9. Стб. 33; № 12. Стб. 48.

[45] Там же. № 12. Стб. 48; № 19. Стб. 82.

[46] Там же. № 12. Стб. 48.

[47] Там же. № 19. Стб. 80.

гетману сообщалось, что войскам кн. Г.Г. Ромодановского предписывалось стоять «в близости малороссийских городов» только при наличии «подлинных» вестей, чтобы «ратные люди малороссийских городов жителем утеснения никаково не учинили»[48]. Стоит отметить, что Москва ожидала от И. Самойловича, которому следовало «обнадежить» местное население, обеспечения лояльности малороссийских жителей.

Также по царскому указу в составе гетманских войск было приказано находиться вспомогательным русским силам — А. Гамолтону с драгунским полком и «с обыклыми запасы»[49]. На нужды казацких полков планировалось выделить 5 тысяч «литовского счета», одновременно в Путивль был послан царский указ об изготовлении медных чехов[50]. Также в мае по царскому указу было велено послать «гетману золотые червонные на 10 тысячь рублев, которые посланы в Нежин..., на дачю охочих полков казаком»[51]. Предложения Самойловича о привлечении к войне народов восточной и южной части России были реализованы только частично. Царские грамоты были посланы только к калмыцким тайшам, чтобы они «с улусными своими людми в тот воинской промысл шли». Башкир к участию в походе привлекать не собирались ввиду того, что им «в том воинском промыслу, для ссор их с калмыки, быть не мочно»[52]. Кроме того, гетману И. Самойловичу было дано распоряжение «по своему розсмотренею» на Днепре изготовить суда для скорейшей переправы ратных людей во время похода на правую сторону Днепра[53].

Как видно, вся деятельность московского правительства весной 1677 г. в значительной степени определялась поступающей оперативной информацией о намерениях турок. Большую часть этих сведений сообщал гетман И. Самойлович, по словам которого, о «замыслех... по должности моей служебничей об них извесно чинить не преставал»[54]. В его распоряжении находилась,

[48] АЮЗР. Т. 13. № 9. Стб. 87–88.
[49] Там же. Стб. 90.
[50] Там же. Стб. 86.
[51] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 6. Л. 40.
[52] АЮЗР. Т. 13. Стб. 82–87.
[53] Там же. Стб. 88.
[54] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 16. Л. 2.

по-видимому, крупная сеть лазутчиков, одномоментно гетман мог направить около ста «охочих людей» для «восприятия ведомостей о неприятелских бусурманских замыслех»[55]. Однако стоит иметь в виду, что речь шла именно о лазутчиках, наблюдавших движение войск, но не об информаторах, которые могли бы сообщить что-либо достоверное о планах османского командования. Кроме того, информацию гетману предоставляли казачьи полковники, архимандрит Киево-Печерского монастыря И. Гизель, немировский староста Степан Куницкий, который часто посылал своих людей «для проведыванья подлинных вестей в Волоскую землю»[56], а также выходцы из плена и взятые в плен крымские татары. Киевский воевода боярин кн. И.Б. Троекуров также направлял в Москву ценные сведения об османской армии[57].

Получение вестей об отсутствии весной движения османских войск к Днестру привело к тому, что уже 9, а затем и 30 апреля были разосланы грамоты городовым воеводам, в которых служилым людям предписывалось встать в полках не в мае месяце, а «на Троицын день, июня 3-го числа»[58]. Также важно, что в царских грамотах уточнялась причина и цель похода: «...турской салтан намерение свое имеет, соединясь с крымским ханом и с войски своими, итить к Чигирину и х Киеву войною, и по тем вестям указали мы... бояром и воеводам итти на... службу наспех»[59]. Как видно, уже в начале апреля московское правительство не только предполагало османский поход к Чигирину, но и определяло защиту казацкой крепости как задачу, сопоставимую по важности с обороной Киева.

Для определения возможных путей наступления на Украину 10 апреля 1677 г. в Посольском приказе думный дьяк Ларион Иванов расспросил П. Дорошенко. По мнению бывшего гетмана, Османская империя могла развивать наступление на украинскую территорию по трем направлениям: из Эдирне (Адрианополя) через Каменец-Подольский, через турецкую крепость Тягин (совр. Бендеры) на Днестре или через Запорожье по Днепру[60]. О том,

[55] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 11. Л. 19.

[56] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 321.

[57] См., напр.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 20 и след.

[58] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 215.

[59] Там же.

[60] АЮЗР. Т. 13. № 20. Стб. 92–93.

как в конце мая — начале июня 1677 г. в русской армии представляли замыслы турецкого султана, можно судить по дневниковой записи П. Гордона от 14 мая: султан «послал большие силы, особенно пехоту, в Белгород [турецкая крепость Аккерман на Днестре. — *М.Я.*], а также множество боевых припасов морем в Килию. Кроме того, он велел патриарху Иерусалимскому дать позволение Юрасю Хмельницкому покинуть монастырь, возвел его в князья Украины и в гетманы, отдав ему всех пленных, захваченных в 1674 г., когда [султан. — *М.Я.*] взял Умань и Ладыжин. С оными, числом 5000, [Хмельницкий. — *М.Я.*] перешел Днестр и должен был получить из Каменца пушки и боевые припасы. Ему предстоит соединиться с двумя пашами и некоторым числом татар, с каковыми силами он, по слухам, подступит к Киеву или Чигирину, но большинство считало, что он сперва пойдет в Запорожье, надеясь привлечь тамошних казаков на свою сторону»[61].

К концу весны 1677 г. в распоряжении правительства оказались сведения «по вестовым письмам из городов Малыя Росии» о возможном появлении крымских татар на черте и движении турецкой армии к Киеву и Чигирину[62]. Так, согласно отписке гетмана И. Самойловича, «конечно турской салтан имеет быти под Киев и под Чигирин со всеми силами своими, а хану приказал итти Муравскими шляхами сею стороною Днепра меж городов малоросийских для удобнейшего прокормления»[63]. Гетмана в этой ситуации волновало прежде всего наличие достаточного количества войск в Чигирине и Киеве, «чтоб неприятель нас поспешением своим не упредил и над теми... крепостми в малолюдстве земств, промыслу себе помышленного... не учинил»[64]. Такое беспокойство было небезосновательным — к этому времени генерал А. Траурнихт со стрелецкими приказами, направленный в Чигирин, еще не добрался даже до Днепра. Стоит также обратить внимание, что сведения о выступлении крымцев «для прокормления» на малороссийские города и Белгородскую черту исходили исключительно от крымских татар и были связаны с общей обстановкой на полуострове. Так, по информации выходцев из Крыма,

---

[61] *Гордон П.* Дневник... С. 9.

[62] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 451.

[63] АЮЗР. Т. 13. № 34. Стб. 147.

[64] Там же.

«в Крыме голод великой, хлебы все выгорели, не токмо, де, хлеба, трав нет. И на той стороне Днепра [на Правобережье. — *М.Я.*] от жаров великих травы выгорели ж»[65].

Эти известия заставили московское правительство предпринять ряд дополнительных мер, в том числе перебросить на южный театр военных действий дополнительные силы. По царскому указу от 30 мая последовали новые назначения воевод: в Смоленске с Новгородским полком предписывалось быть боярину кн. В.Д. Долгорукову, стольнику В.М. Дмитриеву и дьяку Г. Богданову, в Туле — окольничему кн. С.Ф. Львову[66], во Пскове — стольнику кн. П.И. Хованскому, на Дону «для крымские размены» — стольнику И. Волынскому[67]. Непосредственно после этого новым командующим предписали переместиться к югу: 1 июня кн. В.Д. Долгорукову и кн. С.Ф. Львову указывалось «итить в сход» к кн. В.В. Голицыну «на которые места пристойно»[68]. 4 июня в Москве было принято решение о дополнительном усилении войск на южной границе: вместо Пскова кн. П.И. Хованский был назначен воеводой во Мценск, ему передавались войска, которые должны были находиться под руководством кн. С.Ф Львова в Туле, всего 3588 человек[69]. По всей видимости, такие перестановки командного состава были связаны с борьбой отдельных группировок при царском дворе[70]. 5 июня 1677 г. были разосланы грамоты городовым воеводам, согласно которым «турского салтана войски идут под... малороссийские городы к Чигирину и х Киеву войною, и приход, де, их к тем городом чаят вскоре, а крымский хан с крымскими и с нагайскими, и Белогородцкие орды с татары хочет приходить войною Муравскою сакмою к Белогородцкой

---

[65] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. 10. Л. 6.

[66] «А у него в полку городовым дворяном и детем боярским замосковных и понизовых, и резанских, и украинных, и заотцких городов, которые во 184-м и в нынешнем во 185-м [имеется в виду 1676 г. — *М.Я.*] годех были на государеве службе в Путивле и в Рылску, и в Белогородцком полку» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 435).

[67] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 434–437 (о деятельности И. Волынского в Крыму см.: *Барсуков А.П.* Род Шереметевых... Кн. 8. С. 250–257).

[68] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 437.

[69] Там же. Л. 438, 442.

[70] *Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 287–289.

черте и под украинные городы»[71]. Стоит отметить, что войска на Белгородской черте были также заранее извещены о возможном неприятельском наступлении. В начале июня кн. Г.Г. Ромодановский разослал по городам на черте отписки, в которых сообщал, что, по информации запорожского гетмана И. Серко, «крымской хан с ордами идет войною под государевы украинные городы Муромским шляхом и будет на сих часех вскоре»[72]. Однако крупного похода крымцев в этот период не произошло, только отдельные отряды действовали в районе Нового Оскола и других городов[73].

Впервые более-менее точные сведения о выступлении турецкой армии были получены российскими властями от пленных турок, которых схватили на Пруте посланные гетманом для «проведывания вестей» охочие казаки. 11 июня в Москве стало известно, что турецкий султан не собирается участвовать в походе лично: «...салтан в Царегороде, везирь в Андрианополе»[74]. В то же время сообщалось, что на Правобережье появится Ибрагим-паша, османский военачальник, бейлербей Озю-Силистры, который командовал в походе 1676 г.: «...войска турские с шайтаном Ибраимом-пашею, которые с ним зимовали, и ныне они в Бабе [совр. Бабадаг, Румыния. — *М.Я.*],... а слышал, что войска при Шайтане много»[75]. Взятый в плен литовский татарин также подтверждал, что султан находился в Стамбуле, при этом «шайтан Ибрагим-паша над самым Дунаем в Сакчи [совр. Исакча, Румыния. — *М.Я.*] городе с войсками, и мост чрез Дунай под Сакчем один, а хотят, де, итить чрез Дунай»[76]. Из свидетельств этого же времени охочего казака также следовало, что Ю. Хмельницкий направляется «прямо к Чигирину, и, звоевав Чигирин», намеревается «осесть с войсками турскими» в крепости[77]. После этого в Москве подтвердили решение «на отвращение» тех неприятелей направить дополнительные войска для обороны границ:

---

[71] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 451.

[72] ДАИ. Т. 7. Стб. 206.

[73] К примеру, 23 июня крымцы приходили под Новый Оскол «и били по хуторам и за валом по полям, и животину отогнали и по полям, и робят в полон человек с семь поймали» (ДАИ. Т. 7. Стб. 207).

[74] РГАДА. Ф.124. Оп. 1. 1677. Д. 11. Л. 6.

[75] Там же.

[76] Там же. Л. 13.

[77] АЮЗР. Т. 13. № 38. Стб. 156–157.

кн. П.И. Хованского, которому было пожаловано боярство, и окольничего кн. С.Ф. Львова с «прибылыми» полками во Мценск, однако кн. В.Д. Долгорукову с думным дворянином Б.И. Ординым-Нащокиным было указано собираться с Новгородским полком еще южнее, в Брянске[78].

В то же время стольнику А. Карандееву, отправленному к гетману 21 июня, было поручено встретиться с кн. Г.Г. Ромодановским, чтобы втайне выяснить, возможно ли в случае измены малороссийских войск русскому гарнизону держаться в Чигирине в Верхнем городе одним против турок и казаков. Воевода дал удовлетворительный ответ, одновременно высказав доверие малороссийским жителям, что, по мнению А.Н. Попова, несколько успокоило московский двор[79]. В целом решение вопроса о возможности полагаться на лояльность малороссийских жителей в Москве возложили на гетмана И. Самойловича, именно ему следовало «обнадеживать» украинское население «царского величества милостию и обороною... чтоб они ни на какие прелести не склонялись, а были б на... великого государя... милость и оборону надежны»[80]. Консолидировать население пыталось также духовенство. Известно, что в начале мая 1677 г. среди жителей обеих сторон Днепра был распространен универсал «митрополии Киевской администратора» Лазаря Барановича, в котором он призывал свою паству молиться о победе над османами, желая, чтобы «Бог... ухоронил нас от наступуючого меча бесурманского, жебы при Божией помощи силы великого государя нашого..., силою звыше укрепившися, всеконечную над турком могли одержати победу»[81].

В сложившейся ситуации Москву прежде всего волновал казацкий гарнизон Чигирина. Известно, что весной 1677 г. в Чигирине вспыхивали конфликты между царским и казацким гарнизонами[82]. Чигиринский полковник, в частности, жаловался гетману И. Самойловичу, что «воевода нынешней чигиринский [полковник М.О. Кровков. — *М.Я.*] не хочет ему и войску, там пребы-

---

[78] АЮЗР. Т. 13. № 42. Стб. 162.

[79] *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 1. С. 157–158.

[80] АЮЗР. Т. 13. № 42. Стб. 165.

[81] АЗР. Т. 5. № 105. Стб. 142–143.

[82] *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 488–490.

вающему, ис казны нашей войсковой, в замке Чигиринском обретающейся, пушек, пороху, ядер, селитры и серы выдавать...»[83]. В этой связи гетман лично просил царя, чтобы он указал идущему к Чигирину А. Траурнихту, чтобы он «советно с ним жил, дабы безопасно было тем неприятельскому наступлению дати отпор, потому что ни на чом так, как на обилии воинских запасов и на добром согласии належати будет»[84].

Усиливая казачий гарнизон, И. Самойловичу надлежало отобрать для отправки в город «своих добрых, знатных и надежных и домовых людей», которые «во время неприятелского наступления были б надежны, и город Чигирин могли держать в обороне»[85]. Следуя указу, он «радея о задержании целости Украины Малыя Росии», направил в крепость прежде всего охочие войска и «для обороны от неприятелей послал им через Ивана Дорошевича [войскового канцеляриста. — *М.Я.*]... шесть тысячь рублев, приказав ему, чтоб приехав в Чигирин, роздал по два рубли на всякого человека охочего полку»[86]. После этого приехавший в конце мая в Чигирин И. Дорошевич привел казацкий гарнизон к присяге: «...в соборной церкви в прибытии полковника чигиринского и иных московских людей от всех от мала до велика изрядна присяга учинена, и денги по росписи розданы». И. Самойлович подчеркивал в своей отписке царю, что казаки говорили, «что готовы праведному государю и господину гетману служить и умирать»[87].

Остановиться следует и на мерах, предпринятых для укрепления Киева и Чигирина. В марте в Киеве был произведен осмотр всех городских укреплений, а также составлена опись того, что необходимо было исправить[88]. По распоряжению Иноземного

---

[83] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 13. Л. 6.

[84] Там же.

[85] АЮЗР. Т. 11. № 46. Стб. 190.

[86] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 2. Л. 5.

[87] Там же. Д. 13. Л. 11–13.

[88] «Всего в Болшом городе по стене валу осыпалось на 155 саженех. Во 87 саженех вал и бой худ. На 404 саженех тарасы и обламы ветхи, а иные розвалились, на 27 сажен в бояраке клатки рубленые и острог згнили. На 27 саженех доведетца зделать взруб. На 21 сажени доведетца зделать острог. Башня доведетца зделать 3-х сажен. В Меншом городе: довелось выкласть дерном половину вывода мерою 20 сажен, да бой полы 3-я аршина. На 26 саженех тарасы и обламы ветхи. У двупроезжих ворот и у дву калиток при-

приказа там постоянно находились иностранные инженеры, которым поручено было проводить работы по укреплению, изготовлять запасы и размещать войска[89]. «В прибавку» к прежним ратным людям в Киев были посланы из Севска «полковник с начальными людми и с драгунским полком, да с Москвы столник и полковник Борис Корсаков, полковник и голова Давыд Баранчеев с стрелецкими приказы», численностью около 2100 человек[90]. Общая численность киевского гарнизона насчитывала теперь, таким образом, около 6 тыс. человек[91].

Однако основные усилия были направлены на укрепление и оснащение Чигиринской крепости. Как уже говорилось, после капитуляции П. Дорошенко в Чигирин был назначен царский воевода и в Верхнем городе оставлен гарнизон с ратными людьми. Первым комендантом крепости стал подполковник московского выборного полка И.К. Захаров[92]. Таким образом, в Верхнем городе, где не было населения, находился русский гарнизон, а в Нижнем — войска гетмана И. Самойловича. Одни другим не подчинялись.

Активная подготовка Чигирина к обороне началась после прибытия туда 29 октября 1676 г. полковника М.О. Кровкова, временно возглавившего гарнизон[93]. Им было направлено в Москву несколько донесений о неудовлетворительном состоянии крепостных стен и укреплений[94], вследствие чего из Москвы 20 февраля был послан царский указ гетману И. Самойловичу с распоряжением о том, чтобы жители малороссийских городов

творов и через ров подъемных мостов нет. У проезжихь ворот притворов и подъему мосту нет. У калитки притворов нет и мост не доделан. У калитки дверей нет» (цит. по: *Попов А.Н.* Турецкая война. Ч. 1. С. 172–173).

[89] *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 1. С. 147–148.

[90] АЮЗР. Т. 12. № 21. Стб. 99; *Гордон П.* Дневник... С. 9.

[91] *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 134.

[92] *Малов А.В.* Смотренный список начальных людей московских выборных солдатских полков 1692 г. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 439.

[93] *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 488–489.

[94] Там же. С. 487–488. См. также: *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин... С. 192–193.

заготовили лес и другие необходимые припасы для починки укреплений[95]. Но гетман еще в январе 1677 г. направил в крепость генерального хорунжего Г. Карповича с черкасами, которого назначил также наказным гетманом и чигиринским полковником[96]. Ему было поручено заготовить древесину для восстановления укреплений, при этом надлежало «дать половину... ратным людем на починку Верхнева города и на избы и на анбары, а другою половиною... починивать и вновь, где надобно, делать... болшой город»[97]. М.О. Кровкову было предписано немедленно приступить к починке всех чигиринских укреплений совместно с Г. Карповичем, однако в начале апреля 1677 г. на его место был назначен крещеный иностранец, генерал-майор А. Траурнихт, с тремя стрелецкими приказами — Г. Титова, Н. Борисова и И. Дурова, общей численностью 2,2 тыс. человек[98]. 10 апреля войска отправились из Москвы, 4 мая они уже были в Севске, однако Чигирина достигли только в конце июня[99]. Такое «мотчание» связано было, как говорил подьячий В. Юдин 4 мая на встрече с гетманом И. Самойловичем, с тем, что «ныни путь вешней, воды полые, а реки великие, за перевозы поспешить никоторыми меры невозможно; а войско великое и пушек и запасов с ними много»[100]. А. Траурнихту из Москвы также в помощь был отправлен инженер Я. фон Фростен[101].

Известно, что в конце мая 1677 г. в крепости велась активная работа по укреплению города, «от гамалеева двора до башни, по левой, тарасы делают и ров копают, рву ширины саженью, господина Кожуховского [П. Кожуховский — сердюцкий полковник,

---

[95] АЮЗР. Т. 13. № 9. Стб. 31–32.

[96] *Величко С.В.* Летопись событий в Юго-Западной России... Т. 2. С. 398, 451, 455; Літопис Самодця. Київ, 1971. С. 189, 282–283.

[97] АЮЗР. Т. 13. № 8. Стб. 28.

[98] *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 490; *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин... С. 195. При этом М.О. Кровков с находящимися с ним солдатами покинул крепость, 26 июля 1677 г. он упоминается в составе армии, находящейся с кн. Г.Г. Ромодановским, см.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 788. См. также: *Великанов В.С., Нечитайлов М.В.* «Азиатский дракон перед Чигирином...». С. 142.

[99] АЮЗР. Т. 13. № 21. Стб. 99.

[100] Там же. № 30 Стб. 131.

[101] Там же. № 19. Стб. 84.

направленный в Чигирин. — *М.Я.*] измеренные, семь сажен, а в глубину, может, быть пятнатцать»[102]. Рассматривалась даже возможность наполнить ров водой[103]. В целом Чигирин, несмотря на не самый значительный гарнизон, активно укреплялся, а из окрестных городов, в том числе и из Киева, в крепость направлялись продовольствие и строительные материалы[104]. По данным П. Гордона, окружность города с каменной стеной и частоколом составляла 982 сажен (чуть более 2 км)[105]. До подхода османских войск крепость была отремонтирована и приведена в боевую готовность[106].

В начале лета 1677 г. с гетманом И. Самойловичем велись переговоры по уточнению плана предстоящей кампании. Для этого 21 июня из Москвы к И. Самойловичу был отправлен стольник А. Карандеев, который прибыл в Батурин 6 июля[107]. Гетман настаивал на необходимости объединения украинских сил с российским войском, при этом он просил царя поручить кн. Г.Г. Ромодановскому устроить мост на Днепре. По мысли И. Самойловича, русско-казацкая армия, подойдя к Днепру, должна будет разделиться на две части: Ромодановский, оставаясь на левом берегу, будет охранять переправу, в то время как гетман со своими полками и частью русских войск перейдет Днепр и будет действовать на Правобережье[108]. В конце июня оставалось неясным, каковы планы крымского хана, в частности не исключалась возможность его похода в Поднепровье отдельно от турецкой армии; это заставляло Самойловича просить московское правительство сосредоточить часть войск под Переяславлем[109].

К июлю ситуация начала проясняться. В своей грамоте к царю в середине июля гетман И. Самойлович сообщал, что турецкое войско пришло под Тягин к Днестру и переправляется через него мостами и «конечно неотменная ведомость о их намерениях, что

---

[102] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 13. Л. 8.
[103] Там же. Л. 9.
[104] *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 1. С. 147.
[105] *Гордон П.* Дневник... С. 28.
[106] *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 505.
[107] АЮЗР. Т. 13. № 46. Стб. 181.
[108] *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 1. С. 158.
[109] АЮЗР. Т. 13. № 63. Стб. 244.

будет под Чигирин, а буде, де, им... посчастилось там, под Чигириным, тогда имеет быть под Киев»[110]. Также извещалось, что крымский хан вышел из Крыму «со всею ордою»[111]. Уже 14 июля в Киеве кн. И.Б. Троекуров получил из Немирова от С. Куницкого известие о том, что османская армия переправилась через Днестр. Он писал: «...турское войско все чрез реку Днестр перешли, а идет с теми турскими войски Шейтан-паша да Юраска Хмелницкой, и с ними волоской и мултьянской владетели, и венгерские войски, да два салтана крымских и белогороцких с ордою под Чегирин, и полские пановы»[112]. «Венгерские» войска — это, по всей видимости, войска вассала османов, князя Трансильвании М. Апафи, что же касается польских «панов», то, скорее всего, это были наемники. 19 июля об этом было уже известно кн. В.В. Голицыну, который писал «о вестях» в Москву[113]. Из отписки С. Куницкого следовало, что турецкое войско простояло на берегу Днестра шесть дней в ожидании татар белогородской орды, которые вместе с калгой и частью крымцев зимовали на Белогородчине[114], и, соединясь с ними, двинулось к Чигирину 13 июля, «а намерение у них под Чигирин стать в шестнатцать дней»[115]. 19 июля гетман сообщал кн. Г.Г. Ромодановскому, что османская армия стоит у реки Юж. Буг в ожидании крымского хана[116]. 30 июля лазутчик, побывавший в Каменце-Подольском, сообщал, что «турские, де, войски и орда пришли по Черной же лес июля в день 26-й, а от Чигирина до Черной лес тритцать верст»[117]. По другим сведениям, «Хмельницкий с турскими войски пришол

---

[110] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 15. Л. 8.

[111] Там же. Д. 10. Л. 6.

[112] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 291.

[113] Там же.

[114] Совр. Буджак — область на юге Бессарабии, занимающая южную часть междуречья Дуная и Днестра.

[115] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 321–322. По разным данным, численность Белгородской орды была от 15 000 до 40 000 человек (см. также: АЮЗР. Т. 13. № 28. Стб. 124–126).

[116] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 207. (Нужно отметить, что к Юж. Бугу подошла Белгородская орда, сын крымского хана, Азамат-Гирей, переправясь под Крыловом, стал под Чигирином «меж Днепра и Тясмин», см.: Там же. Л. 229–231.)

[117] Там же. Д. 847. Л. 49.

под Черной лес июля в 29 день, а орда июля ж в 30 день шла через Борщеговку во весь день»[118]. Османская армия двигалась медленно, большая часть теплого времени года прошла без войны, что свидетельствует о том, что Ибрагим-паша не ожидал серьезного сопротивления.

Как видно из приведенных данных, в Москве были хорошо информированы о продвижении османской армии. При этом полной уверенности в том, что планы османов разгаданы верно, у московского правительства не было даже в конце июля. Об этом свидетельствует царская грамота от 24 июля к гетману. Из ее содержания видно, что на этот момент рассматривалось несколько возможных вариантов развития событий, а следовательно, и несколько предполагаемых планов военных действий.

В случае, если «подлинные вести объявятца, что неприятель пойдет под Киев и под Чигирин», И. Самойловичу и кн. Г.Г. Ромодановскому следовало «сшедчись вместе,... междо собою говорить и мыслить накрепко, которыми месты итти пристойно к Днепру, и однем ли путем, или порознь, кому куды лутчи, и в котором месте у Днепра стать обозами», а затем двигаться с войском к Бужину и «итить бы... к Чигирину по сю сторону реки Тясмины; а войскам бы нашим [кн. Г.Г. Ромодановского. — *М.Я.*], для сохранения сея стороны Днепра... стоять на сей стороне Днепра на вашем месте, с которого вы за Днепр пойдете и для целости моста»[119].

Если, как думали в Москве, турецко-татарская армия пойдет Муравским шляхом на армию кн. В.В. Голицына, который по просьбе гетмана И. Самойловича был послан с полками в Переяславль «для осторожности от того неприятеля», то гетману и кн. Г.Г. Ромодановскому следовало помогать ему и «отпор тому неприятелю чинить», а если на Чигирин и Киев, то кн. В.В. Голицыну «против того неприятеля велено помогать и промысл чинить». В том случае, если будет «подлинная» весть, что неприятельская армия не появится под Чигирином или появится в малых силах, то военачальникам надлежало действовать следующим образом: «...итти со всеми... ратными людми к Чигирину тотчас, которыми месты пристойно». Указывалось, чтобы затем они «над Днепром у мосту учинили крепости, какие пристойно,

---

[118] РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 54.

[119] АЮЗР. Т. 13. № 63. Стб. 244.

и оставили полков своих ратных людей и казаков по своему рассмотрению»[120]. При этом гетману и кн. Г.Г. Ромодановскому было предписано от своего имени писать к коронному и литовскому гетманам, чтобы их войска выступили совместно с русско-казацкими войсками против османов[121]. П. Гордон, недовольный медлительностью командования, также свидетельствовал: «Ежедневно приходили сведения о сборе турецких войск на Днестре и о цели их похода на Чигирин, что в точности передавалось в Москву и боярину Ромодановскому, а также гетману, кои едва сему верили, невзирая на множество ясных уведомлений из разных мест»[122].

Только в конце июля 1677 г. русско-казацкому командованию стало точно известно о намерениях османов идти к Чигирину: «Юраско Хмелницкой и с ним семь пашей с турскими войски, и Белогородцкая орда переправились реку Бог [Юж. Буг. — *М.Я.*] на песочном броду и идут подлинно под Чигирин, а хан, де, крымской с ордою идет Муравским шляхом»[123].

Итак, московское правительство к началу лета 1677 г. развернуло основные силы своих войск, имело ясный план военных действий, а к концу июля 1677 г. получило точные сведения о намерениях противника.

2. Османские планы во время кампании 1677 г.

Согласно официальной позиции Порты, Османская империя получила территории Правобережной Украины в результате войны с Речью Посполитой и по праву обладала ими: «...мы на Украине достигли своею государскою саблею, и мочью город Чигирин подвели под свою руку»[124]. Переход правобережного гетмана в российское подданство поставил перед османским правительством в первую очередь вопрос о возвращении утраченных областей, находившихся ранее под его властью. Учитывая, что

---

120 АЮЗР. Т. 13. № 63. Стб. 245.

121 Там же. Стб. 245–246.

122 *Гордон П.* Дневник... С. 20.

123 РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 25.

124 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 114.

османское войско выступило в поход 1677 г. без официального объявления войны[125], стоит согласиться с С.Ф. Орешковой, которая отмечает, что организованные после 1672 г. походы османских войск на территорию Украины принимают характер карательных экспедиций, свойственный для «политики усмирения непокорных внутри империи, а не для новой экспансии в ранее непривычном для османов северо-восточном направлении»[126]. В кампании 1677 г., в представлении османского руководства, речь шла о закреплении полученных по польско-турецкому договору территорий, а не о повторной войне за них. При этом важно, что даже во время движения османских войск к Днестру в турецком лагере, по некоторым данным, не было слышно о вражде с Москвой[127].

По словам сотрудника французского посольства в Стамбуле Ф. де Ла Круа, известия о присяге П. Дорошенко на верность русскому царю до Порты дошли с задержкой «в силу расстояния и неблагоприятного времени года»[128]. Взятые в плен рядовые турки утверждали: что П. Дорошенко «Чигирин здал, ведомости у них» появились только зимой 1676–1677 гг.[129] Информация при османском дворе была получена от крымского хана Селим-Гирея, и в это же время было принято предварительное решение о начале будущей кампании[130]. Весной 1677 г. Ибрагим-паша был назначен командующим (сердаром) османскими войсками[131].

По всей видимости, в начале 1677 г.[132] по приказу турецкого султана Мехмеда IV Ю. Хмельницкий был расстрижен, ему были

---

[125] Как уже говорилось ранее, Османская империя объявила войну России только в апреле 1678 г. (см.: *Uzunçarsili İ.H.* Osmanli tarihi... 3 cilt. S. 380).

[126] В частности, это выражается в переброске войск отдельных эялетов, расположенных довольно далеко от театра военных действий. См.: *Орешкова С.Ф.* Османская империя во второй половине XVII в. ... С. 21.

[127] Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... T. 20. S. 7.

[128] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 159–160.

[129] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 11. Л. 7.

[130] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 688; Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 197.

[131] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 689.

[132] Точной даты расстрижения Ю. Хмельницкого в распоряжении исследователей нет, однако имеется письмо Кара Мустафы-паши каймакаму Осману-паше, датированное концом января 1677 г., с требованием найти бывшего казацкого гетмана (см.: *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and

вручены знаки гетманской власти: «...его от порабощения свободив и обыклые войсковые клейноты, также и денег доволно дав, гетманом своим салтан Турской учинил; и передом с ордами и с частию турского войска в Украину послать имеет»[133]. Ему был пожалован титул «князь Сарматский»[134]. Согласно донесениям резидента в Речи Посполитой В. Тяпкина, «салтан Турской приказал святейшему патриарху Константинополскому ростричь и разрешити от иноческа предприятия Юраска Хмелницкого, потом же учинил ево гетманом Запорожским и господарем над всею Украиною, и дал ему булову и бунчюк гетманской»[135]. Турецкий исследователь Х. Узунчаршылы называл в качестве инициаторов освобождения Ю. Хмельницкого константинопольского патриарха и переводчика дивана А. Маврокордато[136]. Примечательно, что сам османский ставленник, по всей видимости, не был рад своему выдвижению. По словам сына приближенного к Ю. Хмельницкому Евстафия Гиновского-Астаматия[137], с которым удалось поговорить одному лазутчику, «Хмелниченко говорит так: “Лутче мне в неволе сидеть, нежели на пустыни жить, потому что вся Украина разорена”»[138]. Однако ситуация, по всей видимости, изменилась к лету 1677 г., поскольку у Ю. Хмельницкого появилась

Poland-Lithuania... P. 189; *Babinger Fr.* Das Archiv des Bosniaken Osman Pascha: Nach den Beständen der Badischen Landesbibliothek zu Karlsruhe herausgegeben und erläutert. B., 1931. P. 47). Имея в виду, что в турецкий лагерь на Дунае он прибыл в марте 1677 г., можно предположить, что данное событие произошло в феврале 1677 г. (см.: АЮЗР. № 78. Стб. 285; *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 174).

133 АЮЗР. Т. 13. № 12. Стб. 48.

134 Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 148 Turcica. 1678 (Jän.–März). S. 122 um.

135 Цит. по: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 32.

136 *Uzunçarsili İ.H.* Osmanli tarihi... 3 cilt. S. 379.

137 См. подробнее о нем: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 21–54; *Он же.* Евстафий Гиновский-Астаматий и османская власть над Правобережной Украиной в 1677–1678 годах // Славяноведение. 2017. № 2. С. 64–84.

138 См. подробнее: *Кочегаров К.А.* Евстафий Гиновский-Астаматий... С. 72–76, 80–84.

своего рода политическая программа, направленная, в частности, на формирование устойчивых границ его гетманства[139].

Основными целями кампании для Порты были возвращение контроля над территориями бывшего гетманства П. Дорошенко и утверждении в Чигирине Ю. Хмельницкого[140]. Тем не менее, по различным слухам, приходившим в Москву зимой и в начале весны 1677 г., османские войска могли «рушиться» как на Киев, так и на Чигирин[141]. Согласно сообщению папского нунция при Яне Собеском Ф. Мартелли, турки даже рассматривали возможность направить войска против России не со стороны Киева и Украины, а со стороны Азовского моря. По мнению польского историка З. Вуйцика, такое решение могло быть связано с двумя причинами: с одной стороны, османы не хотели иметь дело с Киевом и Левобережной Украиной, на которые претендовали поляки, с другой — хотели предотвратить возможный союз между Россией и Персией[142].

Однако освобождение Ю. Хмельницкого отражало решение османского правительства направить основной удар против Чигиринской крепости. Сыграло свою роль ее стратегическое значение. Будучи одной из крупнейших на Украине, она контролировала обширную территорию Правобережья, открывавшую путь на Россию (через ряд удобных переправ через Днепр) и Речь Посполитую. В случае похода на Киев или левый берег Днепра она не могла быть оставлена османами у себя в тылу.

По словам турецкого путешественника Э. Челеби, Чигирин — «это прочная крепость, имеющая три ряда стен. ...Цитадель ее стоит на крутой скале. Вокруг крепости три ряда непроходимых рвов. Стоит она слева от Днепра и справа от Тясмина, и здесь обе реки встречаются друг с другом. Крепость расположена на обширном острове, налево и направо от него перекинуты наплавные деревянные мосты. В цитадели стоят дома солдат-казаков,

---

139 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 15. Л. 11–12.

140 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 690; Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 197.

141 Сведения об этом постоянно посылал в Москву гетман И. Самойлович, которому, в свою очередь, становилось известно об этом от лазутчиков и купцов, побывавших в Молдавской земле (см., напр.: АЮЗР. Т. 13. № 7. Стб. 25–26; № 9. Стб. 33).

142 *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji... S. 107.

все крытые тёсом, с огородами и садами. Там же арсенал, великолепные пушки, монастырь с колокольней, похожей на башню». В Нижнем городе, по сведениям Э. Челеби, было «десять тысяч крытых дранкой домов с верхними этажами. Были видны двадцать семь колоколен. ...Тот, кто увидит имеющиеся вокруг этой крепости орудия войны и [разные] дьявольские приспособления, рогатки, щиты, ядерные щипцы и самострелы, придет в изумление»[143]. Кроме того, в течение ряда лет Чигирин выступал в качестве гетманской резиденции Богдана Хмельницкого, а впоследствии и других гетманов — Ивана Выговского, Юрия Хмельницкого и Петра Дорошенко, обладание им могло давать одному из претендентов на гетманскую булаву дополнительное влияние на казацкую старшину. Гетман И. Самойлович в своих донесениях царю подчеркивал важность как Чигирина, так и Киева для казаков: «При ком Чигирин и Киев, при том и они, де, все должны в вечном подданстве и верности в тишине жити»[144]. Следует подчеркнуть, что если для русского правительства особое значение имел Киев, древняя столица и важнейший религиозный центр, то для османов политическим центром региона представлялся Чигирин, резиденция гетманов (о чем прямо говорилось в османской хронике[145]), в то время как Киев во второй половине XVII в. такой резиденцией не был.

Выбор Чигирина, как представляется, был связан в первую очередь с обещаниями Ю. Хмельницкого «без войны Чигирин и Киев и Украину добыть»[146]. Как сообщал весной 1677 г. В. Тяпкин, османы посылают его с пашами под Чигирин, чтоб «чигиринцы и прочие все украинские народы, памятучи и любя отца ево, Юраскова, Богдана Хмелницкого, приняли ево, Юраска, себе за гетмана и были в верном подданстве у турского салтана»[147]. Пленные турки говорили в расспросах вполне откровенно, что «под Чигирин пошли для того, что Юраско и Астамаченко обе-

---

[143] *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. 1: Земли Молдавии и Украины. М., 1961. С. 82–83.

[144] АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 323.

[145] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 689.

[146] АЮЗР. Т. 13. № 52. Стб. 208.

[147] Цит. по: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 32.

щали им, сколь скоро под Чигирин придут, тотчас чигиринцы им здадутца»[148]. Другие это подтверждали: Ибрагим-паша «приходил, де, он под Чигирин не для того, чтоб иво разорить, приходил для того, чаял, что здадут ево ему без бою, и естли б иво ему здали, то б посадить ему на Петрово место Дорошенка Юраска Хмелницкого, чтоб им впредь было тут пристанище[149]. Предполагалось, что Хмельницкий, утвердившись в Чигирине, будет давать дань султану[150].

Интересно сообщение запорожского казака, побывавшего на Днестре и слышавшего от татарского толмача и казаков Ю. Хмельницкого о возможных разногласиях в среде османского командования: «...перешед Днестр, турское войско хочет итти под Киев, а крымской хан и Юраско Хмелницкой под Чигирин»[151]. Возобладала, как известно, вторая точка зрения. По словам пленных турок, «Юраська» обнадеживал их: «...которого, де, времяни под Чигирин они придут и ему, де, чигиринские и всех малороссийских городов черкасы поддадутца, а с московскими, де, войски учинят они перемирие»[152]. Те же сведения приводят крымские татары: «Про Хмелницкого таков слух в Крыму, что просился у турского салтана из неволи на волю, обещая ему без войны привратить Чигирин, Киев и Украину»[153]; «а Юраска, де, Хмелницкой Ибрагима-пашу обнадеживает, что, если они Чигирин возмут и его Юраска в нем посадят, тогда, де, и переясловская сторона со всеми городами тотчас ему поддадутца, и в то, де, время мочно турком и татаром на сей стороне Днепра в городех и зимовать, потому что городы великие и людные»[154].

Польский посол Ян Гнинский, побывавший на пути в Стамбул в турецком лагере на берегу Дуная, сообщал, что могилевский

---

148 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 29. Л. 19.

149 Там же. Л. 30.

150 Там же. Д. 24. Л. 9.

151 АЮЗР. Т. 13. № 53. Стб. 216.

152 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 236. (Действительно, гарнизон Киева осенью 1676 г. насчитывал всего 4586 человек, см.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 1–3.)

153 АЮЗР. Т. 13. № 58. Стб. 214.

154 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 35; см. также: АЮЗР. Т.13. № 51. Стб. 205.

полковник[155], назначенный Ю. Хмельницким, утверждал, что казаки примут османского ставленника, как заднепровцы, так и запорожцы[156]. С этой целью на территории Украины распространялись «листы» от имени Ю. Хмельницкого, которые призывали население оказывать ему помощь в получении гетманства. За эту помощь султан обещал защищать Украину и «оделить новыми милостями, если они [казаки. — *М.Я.*] вспомнят о своем долге»[157].

Османский ставленник направил универсалы в Кальник, Немиров, Умань и другие городки, и «о преклонении к себе пишет и всякую целость и ласку от салтана обещает». По всей видимости, таким образом он пытался реализовать свою политическую программу, направленную на подчинение этих территорий. Обращает на себя внимание, что такие города, как Немиров и Кальник, несмотря на остававшиеся там по договоренностям 1676 г. с османами польские гарнизоны, входили в состав турецкой Подолии — Каменецкого эялета. Ю. Хмельницкий пытался добиться их переподчинения[158]. В ответ некоторые «городы, приклонившися, послали с поклоном подлинно на встречю ко Хмелницкому»[159]. Задача Ю. Хмельницкого заключалась также в том, чтобы переманить к себе подданных И. Самойловича[160]. Кроме того, эмиссарам Ю. Хмельницкого следовало не только получать точную информацию о положении «московитов», но и организовать возделывание земли казаками, чтобы, если Порта будет вовлечена в войну, ее армия не столкнулась с голодом[161]. Летом 1677 г., таким образом, некоторая часть жителей на Правобережье и, видимо,

---

[155] Вероятно, некоторые шаги по укреплению власти Ю. Хмельницкого и формированию границ его гетманства оказались на какое-то время успешными (*Кочегаров К.А.* Евстафий Гиновский-Астаматий... С. 73–74). Однако могилевский полковник не упоминается среди сторонников Ю. Хмельницкого в 1678 г., в 1681 г. территория могилевского полка продолжала оставаться в составе Каменецкого эялета (*Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim... S. 142).

[156] Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 7.

[157] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 180–181; АЮЗР. Т. 12. № 38. Стб. 158.

[158] *Кочегаров К.А.* Евстафий Гиновский-Астаматий... С. 75–76.

[159] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 13. Л. 22–23.

[160] АЮЗР. Т. 13. № 12. Стб. 48.

[161] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 181.

в Подолии формально признала власть Ю. Хмельницкого. В то же время можно говорить о том, что никаких масштабных мер, направленных на расширение территории, признававшей власть Ю. Хмельницкого, османы в этот период не предпринимали.

Положение Ю. Хмельницкого в османской армии особо интересовало московское правительство. В освещении его положения источники и исследователи в целом едины — он был несамостоятельной[162], зависящей от воли прежде всего великого визиря фигурой, без собственных значительных военных сил и сильного политического влияния. В Москве получаемые в этот период известия были схожи. Так, по сведениям пленного татарина, «с Юраском Хмелницким казаков с 400 человек, и тех дал ему салтан по ево челобитью, которые были у него в неволе, а взяты в полон в Умани и в Ладыжине, да и еще, де, к тому повелено ему збирать себе волных людей турков и татар, и волохов, и мултян, и казаков. А сколко, де, он себе волницы зберет, и на тех людей указал салтан давать ему жалованье из своей салтанской казны»[163]. Схожие свидетельства приводил молдавскому «челяднику» есаул Ю. Хмельницкого Коваленко: «...казаков при Хмелницком с полтораста человек, и сами не могут видать, что в том начале конец будет, для того, что Хмелницкого князем называют, а воли никакой не давают, стоит в особом намете близ Ибраим-паши, а караул стоит янычана... Также и в людех и в денгах воли себе не имеет»[164]. Другие пленные это подтверждали: «Юраско Хмелницкой и Стаматенко в войске были и ходили все за караулом»[165]. Такие же сведения приводил перебежчик: «...живет... своим двором за караулом, а ныне, де, в походе в обозе с вязирем был ж толко, де, стоял блиско вязира своею полаткою за сторожею ж, а стерегут ево турки, чтоб он не утек»[166]. О несамостоятельном положении Ю. Хмельницкого хорошо знали и в среде украинского казачества. Так, каневский полковник Давид Пушкаренко писал гетману И. Самойловичу, что турецкое войско и орда «имеют при

---

[162] О круге связанных с ним лиц в этот период см. подробнее: *Кочегаров К.А.* Евстафий Гиновский-Астаматий... С. 69–72.

[163] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 31.

[164] АЮЗР. Т. 13. № 53. Стб. 213.

[165] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 29. Л. 33.

[166] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 340.

себе невольника своего Хмелниченка»[167]. В Москве гетманские посланцы также сообщали, что «держит его везирь при себе близко и около его безпрестанно караул. Ездить ему, опричь везиря, никуды неволно, а к везирю ездить он по призыву за караулом же. А казаки у него те, которые отпущены из неволи от турков; и отзываетца он Сармацким князем поневоле, как ему велят писатца, так и пишетца»[168].

Однако И. Самойлович настаивал, что османы рассматривали возможность не только вступить в борьбу с русско-казацкими войсками, но и намеревались двинуть войска на Киев и левый берег Днепра: «...всеми силами, учиня с ляхи сгоду, имели под Киев и на сю сторону Днепра войну обратити»[169]. Из полученных им сообщений немировского старосты С. Куницкого также следовало, что османы собирались укрепиться на Правобережье и в первую очередь хотели возвести на Украине ряд крепостей, в том числе и недалеко от Киева: «...буде Чигирин добровольно здаться, то Хмелниченка на нем оставити, а буде чрез мечь взят будет, то турками осадить и везде над Днепром городы и городки свои имети даже до Киева»[170]. Согласно другому донесению старосты, Ю. Хмельницкий хочет укрепиться только на Правобережной Украине: в Немирове и «по самую Случь-реку [Южная Случь, правый приток Горыни. — *М.Я.*], яко договоры с умершим отцом его постановили»[171].

В то же время поступающие в Москву данные ясности не вносили, поскольку были довольно противоречивы. Например, по расспросным речам пленного татарина, по которым о планах Османской империи можно судить лишь с оговоркой, следовало, что поход состоится на Чигирин и, возможно, Киев: «Пойдет прежде Ибрагим-паша с турскими воиски и хан крымской с ордами под Чигирин, а ис-под Чигирина пойдут под Киев все вместе. А надвое войски свои не розделять, и когда Чигирин осадят накрепко, и турские люди под город в шанцы введены будут и промысл чинить учнут, и тогда, де, хан крымской хочет орды свои роспустить

---

[167] АЮЗР. Т. 11. № 64. Стб. 249.
[168] АЮЗР. Т. 13. № 149. Стб. 642.
[169] АЮЗР. Т. 12. № 213. Стб. 813.
[170] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 15. Л. 10.
[171] Там же. Л. 11–12.

в загоны под Черкасы и под иные малороссийские городы, которые на той стороне Днепра, чтоб тамошних жителей за Днепр не упустить»[172]. Также он совершенно однозначно сообщал, что в 1677 г. похода на Левобережье османами не планировалось: «А на сю, де, сторону Днепра вскоре не пойдут, потому ведают, что у Днепра будут царского величества войска»[173]. Ян Гнинский сообщал, что если казаки добровольно признают власть Ю. Хмельницкого и он вступит на гетманство в Чигирине, то турецкая армия не будет участвовать в военных действиях и проведет лето под селом Картан на Дунае. В противном случае османы захватят Чигирин и, скорее всего, Запорожье[174].

Однако, судя по имеющимся сведениям, большая часть крымских татар изначально желала перенести военные действия под Киев и на Левобережье. «Выходец с полону» Г. Грудиненко в расспросе сообщил, что слышал в Крыму, что «намерение, де, у турского салтана, взяв Чигирин и, оставя в нем турецких людей, итти под Киев»[175]. В распоряжении московского командования также были сведения от пленного татарина, что после взятия крепости, при условии поддержки казаков, турки «хотят остаться зимовать в Чигирине, при том, что крымскому хану и полякам зимовать на левой стороне Днепра»[176]. По всей видимости, продолжали ходить слухи о заключении польско-турецкого союза, поскольку он же сообщал, что «когда салтана Турского войска и хана крымского орды пойдут войною под Киев и Киев возмут, и пойдут на ту сторону Днепра, и он [польский король. — *М.Я.*], де, тогда и своим войскам итить за Днепр велит, и будут они с татары вместе зимовать на переясловской стороне»[177]. По такой информации русскому правительству было трудно судить о планах османского командования, татары-информаторы такими знаниями не обладали, передавая в основном слухи. Известия о польско-османском союзе были недостоверны, и «зимовать» в Чигирине, как показал последующий ход событий, османы не собирались.

---

[172] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 34.
[173] Там же.
[174] Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 7.
[175] РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 13–14.
[176] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 37.
[177] Там же. Л. 29.

Грек И. Сербенин, побывавший в Крыму для выкупа русских полоняников, также сообщал, что у крымских татар намерение такое: «...оставя гетманом Юраску Хмелницкого, пойдут под Киев. А переясловской, де, стороны жители з городами им поддадутця, и оне, де, будут зимоват в малоросийских городех»[178]. Объяснение этому приводит другой крымский татарин, добровольно пришедший в начале июля в Чигирин: «...в прошедшем, де, году в Крыму был великой голод, да и в предыдущей, де, год того ж голоду татаровя чают, потому что и в нынешнем году на пшеницу и на ячмень напал червь и из корени все хлебы вывалились; и татаровя, де, на то смотря говорят: лутче, де, нам в неприятелской стороне головы свои сложить, а нежели в Крыму с голоду помереть»[179]. Ситуация для них осложнялась тем, что Ибрагимом-пашой был дан указ «чтоб турки и татаровя казаков в полон отнюдь не имали; а буде бы кто полоненика привез, и за то б ему паша велел голову отнять»[180]. Такой запрет, как и ранее, в 1672 г., касался территорий, которые должны были отойти Османской империи. Надо учитывать, что все сведения были получены от рядовых участников, которые могли быть не посвящены в планы османского командования.

Тем не менее вполне ясно, что в 1677 г. турецкое командование видело свою главную цель в закреплении за османами территорий, входивших в состав гетманства П. Дорошенко после заключения Бучачского мира, утверждении Ю. Хмельницкого в Чигирине и «наведении порядка» на своих границах[181]. Об этом же позднее говорил польский король Я. Собеский[182].

Кроме того, расположение Чигиринской крепости вблизи территории Запорожской Сечи, которая могла угрожать османской армии с тыла или совершать набеги на крымских татар, заставило турецкое командование в качестве приоритетной задачи рассматривать также подчинение Запорожья. Об этом предупреждал

---

[178] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 373–374.

[179] АЮЗР. Т. 13. № 50. Стб. 99.

[180] Там же. № 89. Стб. 370.

[181] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 688–689.

[182] Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand, Czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 122.

гетмана еще осенью 1676 г. П. Дорошенко: «...от турского салтана есть вымысл, чтоб как запорожцов на ханову и турскую руку перезывати, а преже, чтоб с запорожцы приходил к союзу»[183]. Таким образом, перед самым началом и во время Чигиринских походов Османская империя стала искать непосредственных контактов с запорожцами. Этот сюжет был специально исследован К.А. Кочегаровым, согласно наблюдениям которого, позиция Сечи могла повлиять на исход русско-турецкого конфликта[184]. Для этого, с одной стороны, была налажена переписка Ю. Хмельницкого с кошевым атаманом И. Серко, в которой Хмельницкий склонял последнего поддержать его в борьбе за гетманство[185]. Кроме того, казыкерменский бей Хусейн Муравский, выступавший в качестве эмиссара Порты по украинским делам, стал активно участвовать в заключении перемирия между крымско-турецкой стороной и Запорожской Сечью[186]. В случае враждебных действий со стороны запорожских казаков османы предполагали перед осадой Чигирина двинуть свои войска на Сечь. Пленный татарин сообщал, что Ю. Хмельницкий через посланцев передавал кошевому, что «естъли он з запорожцами к нему не придет, то подлинно все силы бусурманские обратятца на них в Запороги. И для того, де, Серко с Крымом и с турскими городками помирился. А у турков, де, подлинно было намерение, что итить прежде на Запороги»[187].

Важным является выяснение вопроса о том, как османское командование оценивало тяжесть предстоящего похода и то сопротивление, с которым им предстояло столкнуться.

Нужно отметить, что, по ранним сведениям турок, гарнизон состоял только из 3000 казаков и 1500 ратных людей[188]. Ян Гнинский также отмечал, что приближенные Ю. Хмельницкого были убеждены, будто «в Чигирине только немного Москвы, и то замок

---

[183] АЮЗР. Т. 12. № 224. Стб. 848.

[184] *Кочегаров К.А.* Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом... С. 4.

[185] Источники малороссийской истории... С. 266–267; *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 1. С. 154–155.

[186] *Кочегаров К.А.* Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом... С. 4.

[187] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 431.

[188] Там же. Л. 35.

весь выгорел»[189]. Опираясь на данные сведения, Ибрагим-паша планировал в три дня взять Чигирин, а затем Киев, который «хуже Чигирина и взять иво мочно вскоре»[190]. Другой источник это подтверждает: паша «чаял, что он Чигирин возмет вскоре, а не чаял такой крепости; в Полше, де, он в полторы недели взял городов с 70 великих и не таких малых»[191]. По словам пленных татар, турецкий сераскер (главнокомандующий) был намерен сначала добиваться мирной сдачи Чигирина: «...пришед, Имбрагим-паша учнет говорить, чтоб чигиринские жители здались», только в случае отказа «он, де, паша, учнет со всех сторон приступать и, достав Чигирин, пойдет со всеми силами под Киев»[192]. Киев, по представлению турок, был укреплен плохо — его гарнизон насчитывал не больше 6 тыс. человек, хлебных запасов и пушек в нем было мало[193]. В Крыму были сведения в мае 1677 г., что «в Киеве и в Чигирине ратные люди все пехота, а конницы нет»[194]. Ф. де Ла Круа, опираясь на сведения, полученные при стамбульском дворе, сообщал, что Ибрагим-паша «был крайне удивлен, обнаружив значительные силы в Чигирине»[195].

Османская империя после успешных военных действий против Речи Посполитой в 1676 г. не только не рассчитывала на серьезное сопротивление со стороны русских войск, но и первоначально вообще не предполагала появления русской армии на Правобережье[196]. По словам пленного татарина, турки считали, что появления крупных сил под Чигирином не будет: «...за Днепр на выручку Чигирину и Киеву турки и татаровя отнюдь не чают, и говорят так: Москва, де, учнут у Днепра стоять, а мы, де, учнем к Киеву приступать; а из-за Днепра, де, ничего они нам не сделают». Кроме того, по его словам, находящиеся в крепости московские войска «покинуть хотят» Чигирин и сбежать на левый берег

---

189 Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 7.

190 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 36; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 136.

191 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 29. Л. 7.

192 РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Стб. 173. Л. 20.

193 *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 136.

194 АЮЗР. Т. 13. № 34. Стб. 149.

195 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 186.

196 Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 7.

Днепра[197]. Ян Гнинский, в свою очередь, добавлял, что, находясь среди османских войск, не слышал об угрозе со стороны московских сил, «видимо, потому, что они хотят наперед договариваться»[198]. Очевидно, что такие представления были распространены в османской армии среди рядовых воинов. Позже, когда реальное положение дел начало проясняться, это привело к значительному падению морального духа османов. Так, турецкий пленный сообщил, что «многие, де, янычане, идучи от Дуная к Чигирину, с дороги сбежали, для того что ведомость у них была, что город Чигирин крепок, и дачею его не здадут, и отпор, де, из него станут чинить жестокой, не так как было в Полше»[199].

В то же время с польской точки зрения регион, на который претендовала Османская империя, представлял собой пустынные поля, с незапамятных времен непригодные для жизни[200]. Это, в свою очередь, влекло за собой дополнительные сложности с логистикой, которые на данном этапе османами не были учтены. Так, к примеру, на пути к Чигирину «у них от безводицы попадало много скота»[201].

Итак, Османская империя изначально представляла себе ситуацию, сложившуюся на Правобережье, весьма неточно. По убеждению османов, на начальном этапе кампании 1677 г. ни в Чигирине, ни вообще на Правобережье не было и не ожидалось появления крупных контингентов русских войск. Совершенно не учитывалась османским правительством и позиция И. Самойловича, который был провозглашен гетманом обеих сторон Днепра. Не вызывает сомнения, что на начальном этапе подготовки к кампании 1677 г. османы не посчитали нужным своевременно получить информацию о положении дел в Поднепровье и о возможных военных действиях со стороны России, рассчитывая на быстрый успех. Более того, даже во время осады Чигирина они испытывали недостаток информации. Так, уже по итогам кампании, турецкий командующий вменял в вину крымскому хану, что он «не посылал прежде времени орд на Заднеприе и не брал

---

197 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 36.

198 Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 7.

199 АЮЗР. Т. 13. № 89. Стб. 369.

200 Monuments historiques... P. 147.

201 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 29. Л. 16.

ведома о войсках московских и казацких, а дал ведомость тогда, как все силы, пришед к Днепру, стали переправливатца»[202], что, в свою очередь, свидетельствует о существующих противоречиях между турками и крымскими татарами. Стоит отметить, что тема турецко-крымских взаимоотношений также волновала русское правительство, и при расспросе пленных часто стал встречаться вопрос: «...у турков с татарами советно ль»[203].

Теперь следует рассмотреть вопрос о численности османской армии во время похода 1677 г.

Командовать в кампании 1677 г. было поручено бейлербею Озю-Силистры Ибрагиму-паше, опытному военачальнику, который командовал армией в кампании 1676 г. против Речи Посполитой, и крымскому хану Селим-Гирею I[204].

Само войско, которое не было распущено и осталось зимовать в Бабадаге на Дунае после удачного похода 1676 г. на Речь Посполитую, увеличено не было. Из показаний пленных турок становится ясно, что «войско... переправилось конное и пешее то ж, которое было под Журавнами,... а прибавки, де, к тому войску и убавки из того войска никакой не бывало». Исключение составляет только присланный на Дунай Ю. Хмельницкий с отрядом казаков[205]. При этом османское командование не спешило с выступлением своей армии — турецкие войска перешли Дунай только в конце июня, а до этого «паша, идучи под Чигирин, пришел в Сакчю на Дунай к мосту и в Сакче с войском збирался месяца с три»[206]. По сведениям пленных турок, путь от Дуная до Чигирина занял в общей сложности около месяца: от Дуная турки шли на Тягин 10 дней, «от Тягина до Богу [Юж. Буг. — *М.Я.*] реки шли 8 дней,... и до Чигирина от Богу реки шли 8 ж дней»[207]. При этом в районе Днестра они несколько дней ждали прихода Белгородской орды и пошли от Днестра 13 июля. По словам пленных, османское командование время выступления выбрало не случай-

[202] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 28. Л. 10.

[203] Там же. Д. 24. Л. 7.

[204] Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 201.

[205] АЮЗР. Т. 13. № 78. Стб. 286.

[206] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 29. Л. 16.

[207] Там же. Д. 28. Л. 15–16; по другой информации, 10 дней (Там же. Л. 16).

но, «чтоб им от Днестра шесть на десять дней под Чигириным стать»[208]. Следует при этом отметить отсутствие сопротивления на пути османской армии к Чигирину, что также могло убедить османов в быстром успехе похода. В то же время численность оставшегося здесь населения, по всей видимости, была невелика.

Какова была численность турецкой армии, направленной под стены Чигирина в 1677 г.?

Свидетельства источников и мнения исследователей по этому вопросу расходятся[209]. Связано это с особенностью османского делопроизводства: турецкие «дефтеры» этого времени фиксировали общий списочный состав армии, но не давали сведений о наличном войске в каждом походе. В силу этого численность османских войск, непосредственно принимающих участие в Чигиринских походах, можно определить лишь приблизительно на основании имеющихся сведений в источниках.

Прежде всего необходимо понимать, каким мобилизационным потенциалом обладала Османская империя и какое количество войск она могла выставить на европейском направлении во второй половине XVII в. Решению этой проблемы поможет определение численности турецкой армии, выступившей в военной кампании 1683 г., поскольку многие исследователи сходятся во мнении, что это была крупнейшая операция, осуществленная османами в Европе в последней четверти XVII в.[210] Исследователями установлено, что мобилизационный максимум Порты в этот период достигал порядка 120 000 тыс. собственно турецких войск[211]. При этом наиболее вероятными, как представляется,

---

[208] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 15. Л. 7–8.

[209] К примеру, А.Н. Попов считает, что турецкое войско насчитывало от 40 до 80 тыс. человек, а татарское — от 15 до 20 тыс. (*Попов А.* Турецкая война... Ч. 1. С. 159). По мнению О.М. Апанович, османская армия достигала 100 тыс. человек (*Апанович О.М.* Запорожска Січ... С. 279), по мнению В.М. Зарубы — турецко-татарские силы составили от 60 до 90 тыс. человек (*Заруба В.М.* Украинское казацкое войско... С. 39).

[210] *Wimmer J.* Wiedeń, 1683. Warszawa, 1983. S. 175; *Uyar M., Erickson E.J.* A military history... P. 99.

[211] *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг.: (От осады Вены до Карловицкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. М., 2001. Ч. 2. С. 253, 290; *Wimmer J.* Wiedeń... S. 174–176.

являются данные военного деятеля, состоявшего на службе австрийского императора, Л. Марсильи. Он оценивал общую численность выставленных турецких войск, без учета вассальных контингентов, в 75 тыс. человек[212], что в целом также подтверждается современной историографией[213].

Согласно османским источникам, прежде всего хроникам, численность турецких войск в 1677 г. достигала 40 тыс. человек[214]. С бейлербеем Озю-Силистры Ибрагимом-пашой в походе участвовали также войска из следующих эялетов: европейских — Боснии и Румелии, азиатских — Диярбакыра, Анатолии, Карамана, Аданы, Сиваса[215].

При этом сохранилось много сведений пленных турок о количестве войск под Чигирином в 1677 г., которые эти данные подтверждают. Так, «турского войска конных и пеших тысячь с пятьдесят и Юраско Хмелницкой, а с ним, де, казаков уманских, и у них городков, которые блиско к Умани, с тысяча человек, да с теми ж пашами волоской и мутьянской владетели с своими войски... ханов сын да нарадын салтан с ордою, а орды, де, с ними тысячь с семь... да с теми пашами пришло дватцать пушак полковых»[216]. По другим данным, с османским сераскером «четырнатцать пашей,... а с теми, де, со всеми пашами турков конных сорок тысяч, да пехоты янычен дватцать тысяч, да с мултянским и волоским господари мултян двенатцат, волох шест, всего осмя-

---

212 Численность янычар, которые «ходят на войны» — 19 346 человек (число же всего войска капыкулу, «как инфантерии и кавалерии, которые ходят в поход» — 29 956 чел.), провинциальные войска, «определенные ходить в поход», — всего 44 827 чел., см.: *Марсильи Л.Ф. де.* Военное состояние Османской империи с ее приращением и упадком: В 2 ч. СПб., 1737. С. 140–142.

213 Р. Мёрфи, обобщая в своем исследовании данные по турецкой армии на протяжении XVI–XVII вв., пришел к выводу, что Османская империя, предполагая относительно высокий уровень мобилизации, могла выставить около 70 тыс. человек (из них 50 тыс. — тимариотов-сипахов). См.: *Murphey R.* Ottoman warfare 1500–1700. New Brunswik, 1999. P. 50.

214 Çehrin seferi. Merzifonlu Kara Mustafa Paşa'nın 1678'de gerçekleştirdiği ve Çehrin Kalesi'nin alınmasıyla sonuçlanan sefer // TDV İslam Ansiklopedisi. 8 cilt. S. 250.

215 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 689.

216 РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 85–86.

тцати тысячи»[217]. Иногда пленные могли поименно назвать некоторых пашей: «...было... пашей человек с пятнатцать и в том числе имяны они знают 4 человек Тефтейадар-паша, Емалы-паша, Караман Амет-паши сын, Караг Мамет-паша, Кючют Мамет-паша... а войска с ними было тысячь с тритцать»[218]. Другой взятый в плен под Чигирином «язык» приводил следующие цифры: «...войск турских и волоских и мултянских, конниц и янычан, 30 000 с нурадыном салтаном, да с ханским сыном Крымским татар 900 человек, да Белогородцкой орды 15 000, да с Юраском 300 человек черкас»[219]. По данным сбежавшего из плена Я. Маркова, который был у «кадия, по рускому, судия их турецкой войсковой», в османском войске «шесть пашей..., а с пашами турков конных тысячь с шесть да енычен пеших тысячи с четыре, да с теми пашами волоской и мутьянской владетели, а при них валах и мутьян конных тысячи, де, с три, и Юраско Хмелницкой, а с ним, де, казаков с тритцать человек, да ханов сын с ордою»[220]. Как видно, разные источники оценивают численность турецких войск примерно одинаково, она составляла порядка 30–40 тыс. человек.

Тем не менее поступали, конечно, и завышенные сведения о численности войска. По словам киевского мещанина Ивашко Михайлова, побывавшего в Немирове в начале июля, у Ибрагима-паши войска «тысяч со ста да шесть пашей да Юраско Хмелницкой, да с ним же крымской солтан с татары, а татар с ним тысяч з дватцать, а полковых, де, у них толко тритцать пушек»[221].

Ф. де Ла Круа оценивает турецкую армию, выступившую в поход на Украину, также в 40 тыс. человек[222]. П. Гордон в своем «Дневнике» приводит две оценки численности турецкой армии: первая: в 40 000 — конницы, янычар и прочей пехоты: 20 000, молдаван и валахов: 12 000, а также татары; вторая — которая, по мнению Гордона, «ближе всего к истине»: «...лишь 15 000 янычар и пехоты, 30 000 [конных] турок и валахов и около 20 000 татар. У них имелось всего 28 орудий, 8 из коих стреляли 30- или

---

[217] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 235.
[218] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 29. Л. 28.
[219] АЮЗР. Т. 13. № 73. Стб. 274.
[220] РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 69–70.
[221] Там же. Л. 24.
[222] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 186.

36-фунтовыми ядрами, а прочие — легкие полевые пушки»[223]. Преобладание у турок полевой артиллерии ясно свидетельствует о том, что они не рассчитывали на длительную осаду крепости и значительное сопротивление гарнизона.

Учитывая мобилизационные возможности Порты, о которых говорилось выше, можно предположить, что наиболее близки к истине сведения пленных турок и численность собственно турецкой армии составляла около 30–35 тыс. человек. При этом численность янычарской пехоты была невелика: в походе участвовало 20[224] янычарских орт из 196[225]. Если верить расспросным речам пленного турка, «в приказах (в ортах) по 70, и по 100, и по 200, и по 250, и по 300 человек, а болши 300 человек нет»[226], т. е. численность едва ли превышала 4000 человек. Учитывая татар, чья численность не превышала 20–25 тыс. человек[227], и вспомогательные вассальные войска, общее число османских воинов в первом Чигиринском походе могло достигать 55–60 тыс.

Османское правительство позаботилось о достаточном обеспечении армии съестными припасами, которым занимались подвластные туркам государства: «И на то, де, войско велено изготовить хлебных запасов за турским обозом: волохом — три тысячи, мутьяном и венграм — по шти тысячю»[228]. По словам пленных турок, их армия с момента осады Чигирина была обеспечена пушечными запасами и различными съестными припасами на два месяца, это вполне согласуется с тем, что под перевозку припасов было выделено 500–600 телег[229]. При этом запасы, которые

---

223 *Гордон П.* Дневник... С. 28.

224 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 689.

225 Yeniçeri. Osmanlı askerî teşkilâtında özel konumlu, maaşlı, dâimî yaya ordusu // TDV İslam Ansiklopedisi. 43 cilt. S. 450–462.

226 АЮЗР. Т. 13. № 78. Стб. 286.

227 По расспросным речам, численность Белгородской орды, присоединившейся к османам на Днестре, составляла около 15 тыс. человек (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 321–322), с сыном крымского хана, соединившегося с войсками у Юж. Буга было около 1000 татар (АЮЗР. Т. 13. № 73. Стб. 274), с крымским ханом пришло под Чигирин не более 10 тыс. человек (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 373–374).

228 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 289.

229 Там же. Л. 289.

они привезли под Чигирин, «муку, ячмень, сухари... имали над Дунанем в городе Сакчи, а в тот, де, город привезены были те запасы ис Турской земли»[230]. Очевидно, по замыслу турецкого командования основная кампания должна была закончиться в течение теплого времени года. В то же время часть скота, сопровождавшая в походе османское войско, пала от безводицы по пути в Чигирин[231].

Все сказанное подтверждает сделанный ранее вывод, что в 1677 г. Порта предполагала, что на Правобережье их ожидают лишь немногочисленные отряды местных казаков, и считала, что установление на этой территории власти Юрия Хмельницкого не потребует больших усилий или даже может произойти бескровно. Стоит иметь в виду, что на части Правобережья в 1677 г. не нашлось значительных сил, которые приветствовали бы восстановление турецкого господства. Те правобережные городки вокруг Чигирина и Черкасс, которые «поддалися турку», сразу после отступления османской армии снова вернулись в российское подданство[232]. В то же время в походе принимали участие войска, которые в успешной войне с Речью Посполитой заняли многие города «без затруднения»[233]. Этой армии оказалось достаточно, чтобы принудить Я. Собеского к выгодному для Порты миру.

3. Военные действия

Продвижение русских войск к Чигирину восстанавливается по отпискам воевод. Русские войска начали двигаться к Днепру только после того, как были получены убедительные доказательства того, что целью османского похода будет Чигирин. Так, 16 июля кн. Г.Г. Ромодановский писал царю, что «ратных людей передовые полки отпустили июля в 15-м числе, а сами с... ратными с конными и пешими людми, которые... в зборе пойдем июля в 18-й день и з гетманом с Иваном Самойловичем будем сходитца

---

230 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 24. Л. 11.

231 Там же. Д. 29. Л. 16.

232 Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 127.

233 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 29. Л. 7; АЮЗР. № 89. Стб. 369.

Чигиринская кампания 1677 г.

за Сумами верх реки Сулы»[234]. 19 июля в Курск к боярину и воеводе кн. Г.Г. Ромодановскому была прислана царская грамота, по которой ему было велено «ис Курска итить в малороссийские городы, не описываясь к тебе, великому государю, впредь о том ничем»[235]. В этот же день воеводе писал гетман И. Самойлович, что «ведомо ему учинилось от татарина, которой ушел ис Казыкерменя, убив турченина,... Шайтан, де, паша и Юраска Хмелницкой с турскими войски стоят у реки Буга, ожидают к себе крымского хана с ордою, а как, де, ...они сойдутца подлинно пойдут войною под Чигирин»[236]. Кн. Г.Г. Ромодановский с Белгородским и Севским полками двинулись из Курска к Судже 20 июля[237]. Гетман со своими войсками вышел из Батурина 1 августа[238].

Присутствие на театре военных действий нескольких несоподчиненных армий привело к тому, что войска собирались неравномерно, однако служилые люди Белгородского полка прибыли на службу практически полностью. Согласно росписи войск, сделанной 26 июля (т.е. до столкновения с турками), в распоряжении кн. Г.Г. Ромодановского находилось 42 195 человек, в том числе в Белгородском полку – 19,6 тыс. чел., в Севском полку – 3,9 тыс. чел., с генералом и сходным воеводой В.А. Змеевым — 4,7 тыс. чел., «в выборных салдацких полкех и в стрелецких приказех» — 5,6 тыс. чел., «черкас» Сумского и Ахтырского полка — 7,7 тыс. чел.[239] Количество «нетчиков» составило 6,2 тыс. чел.[240], что более чем в два раза ниже, чем в 1676 г.[241] При этом, как отмечает П.В. Седов, московские выборные полки и московские стрелецкие приказы имели высокую мобилизационную дисциплину,

---

234 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 206.

235 Там же. Л. 205.

236 Там же. Л. 207.

237 Там же. Л. 207, 222.

238 *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 1. С. 161.

239 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 787–790. См. также: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 310. Л. 562–574 (стоит иметь в виду, в росписях присутствуют небольшие расхождения в цифрах). Подробнее о сборе и состоянии войск см.: *Великанов В.С., Нечитайлов М.В.* «Азиатский дракон перед Чигирином...».

240 РГАДА. Ф. 210. Оп. 19. Д. 310. Л. 573–574.

241 В 1676 г. количество «нетчиков» в Белгородском полку составило почти 28 % против 11 % в 1677 г.

однако среди дворян и детей боярских число нетчиков преобладало и составляло 51 % от общего числа[242].

Общее число казаков И. Самойловича, согласно расспросным речам, было «тысяч с двадцать, и полки при нем Киевской, Черниговской, Нежинской, Стародубской, Прилутцкой, Лубенской, Гадицкой, да канпанейщиков его с 1000 человек, да сердюков то ж число; а Переясловской, Миргородцкой, Полтавской стоят для береженья у Днепра»[243]. В целом это была довольно большая боеспособная армия, имеющая значительный опыт ведения войны на Украине.

Первые татарские разъезды появились под Чигирином 30 июля. Командующий чигиринским гарнизоном А. Траурнихт сообщал киевскому воеводе, что в этот день приходили «с крымскою сторону татаровя и запорожские казаки под Чигирин, и на полях чигиринских жителей черкасы, которые жали хлеб, многих порубили и в полон з женами и з детми побрали»[244]. Основные силы турок (без крымского хана) подошли к крепости 3 и 4 августа и «стали табарами на крымской стороне за рекою Тясмою» «около всего Чигирина, болшого и малого городов, меж вод, шатрами, от городовой стены в полуверсте»[245]. При этом сначала к Чигирину подступили конные войска: «...турки, де, и орда, и волохи, и мутьяне, конница пришли под Чигирин наперед обозу августа 3-го числа»; пехота «турская с обозом и с пушки пришли к Чигирину и стали за пять верст от Чигирина» позже[246]. Они осадили крепость с юго-западной стороны. Что касается крымского хана, то, по словам грека Ивана Сербенина, побывавшего в Крыму для выкупа полоняников, он вышел из Крыма 3 августа, «а с ним татар тысяч с десять», и прибыл к Чигирину 10 августа[247].

Крепость не была изолирована от внешнего мира — гарнизон Чигирина совершал регулярные вылазки, а также имел непрерывное сообщение с кн. Г.Г. Ромодановским и И. Самойловичем. По

---

[242] *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 491–492.

[243] АЮЗР. Т. 13. № 78. Стб. 274.

[244] РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 51.

[245] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 354; АЮЗР. Т. 13. № 78. Стб. 287.

[246] РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 69.

[247] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 373–375.

словам казаков, «осада, де, у Чигирина не круг всего города, толко, де, с крымской стороны. А за Тясмою, от Черкас, осадных людей около Чигирина нет, толко, де, проезжают загонные люди, и проезду и проходу не дают»[248]. Об этом же сообщал гетман И. Самойлович: на левой стороне р. Тясмин «от Черкас везде стояли орды с нурадын салтаном»[249].

К началу осады, как уже упоминалось выше, в Чигирине находились стрельцы трех стрелецких полков общей численностью 2,2 тыс. человек. Кроме того, гетманом Самойловичем было прислано несколько полков[250]: весной он направил в крепость Петра Кожуховского, «полковника охотного пехотного, с его полком в Чигирин с тысечью человек»[251]. В середине августа, согласно гетманскому «листу», направленному в осажденный Чигирин для поднятия боевого духа, в гарнизоне присутствовали чигиринский полковник Г. Карпович, а также полковники Г. Василенко, Г. Ясиковский, Д. Рубан и Я. Жураховский[252]. По словам И. Самойловича, весной Я. Жураховского он «учинил» полковником «над выборными из полку Нежинского с сотнями с глуховской, с конотопскою, воронковскою, королевецкою и коропскою; также и другого [Д. Рубана. — *М.Я.*] над выборными токмо уже со всех полков казаками; также и третьяго охотного пехотного полковника с его ж полком, Герасима Васильева, под которыми полковники будет с полпяты тысечи людей с мушкеты и со всякими запасы, кроме Черниговского полку. И над теми всеми полковники и над людми дал есмь старшинство хорунжему нашему войсковому генералному, Григорью Карповичю, полковнику нынешнему Чигиринскому»[253]. Были и другие пополнения[254], а также перед приходом турок в Чигирин успели войти еще 500 казаков Полтавского полка[255]. Общая численность защитни-

---

[248] АЮЗР. Т. 13. № 77. Стб. 282.

[249] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 36.

[250] Там же. Д. 15. Л. 4.

[251] АЮЗР. Т. 13. № 32. Стб. 140. Вероятно, П. Кожуховского через некоторое время заменил Г. Ясиковский.

[252] АЗР. Т. 5. № 106. Стб. 144.

[253] АЮЗР. Т. 13. № 32. Стб. 140.

[254] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 33.

[255] *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 490.

ков крепости, таким образом, могла составлять около 7,5–8 тыс. человек[256].

О том, как был укреплен Чигирин к приходу турок, дают представление введенные в научный оборот П.В. Седовым расспросные речи полуголовы московских стрельцов А. Лужина, который говорил, что «город был Верхней с крымской стороны до приходу турских людей зделан новой, рублен в две стены и насыпан хрещом, а поверху обламы и рублены ж тарасы и насыпаны хрещом же, и башни, и роскаты нове. И из башни ж для крепости засыпали стрелцы землею ров подле того города глубиною сажени в полтрети, а инде, де, и менши, шириною сажень в шесть. И места во рву песочное, только, де, окола Спаские башни по обе стороны сажень будет по 15 ломать, и огнем выжен камень дичь глубиною сажени з две и больше. А Нижней город с крымской ж стороны рублен был в две стены и насыпан землею. А ров таков же, что и у Верхнева города»[257]. За сравнительно короткий промежуток времени гарнизону собственными силами удалось не только восстановить старые укрепления, но и возвести новые. В то же время крепость, по словам П. Гордона, была не очень хорошо обеспечена орудиями и боеприпасами[258].

Итак, османы подступили к Чигирину утром 4 августа, но «того дни над городом промыслу не чинили»[259]. Однако гарнизон, по словам переяславского казака, начал действовать против турок без промедления: «...выходили великого государя ратные люди и казаки из города к турским людем на выласку двожды и бились с турки со многим великим боем... ратные люди турков побили многих и пришли в город в целости»[260]. Вылазку оценивал как успешную и полуголова московских стрельцов А. Лужин[261].

---

256 См.: *Великанов В.С., Нечитайлов М.В.* «Азиатский дракон перед Чигирином...». С. 143. По другим данным, количество обороняющихся достигало 12 тыс. человек (см.: *Водарский Я.Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война... С. 522; *Заруба В.М.* Украинское казацкое войско... С. 36) или 9 тыс. человек (*Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 490).

257 Расспросные речи полуголовы московских стрельцов... С. 505.

258 *Гордон П.* Дневник... С. 26.

259 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 29. Л. 29.

260 РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 80.

261 *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 493.

В ночь с 4 на 5 августа турки передали А. Траурнихту «лист» от Ибрагима-паши с требованием сдать крепость и со всеми войсками перейти на левый берег Днепра[262]. После отказа за два часа до рассвета турки открыли огонь «ис пушек и из мелково ружья» по Верхнему городу и Спасской башне[263], а также «учинили шанцы и вкопались в землю»[264]. По словам пленных турок, к Чигирину они приступали «трижды в 4-м числе, в 5-м числе, и в 6-м числе... и на тех вылосках побито турков пятнатцать человек»[265].

Интересными являются сведения выходцев из плена о том, почему, придя под Чигирин, они пытались приступать к городу без подкопов: «Юраско Хмелницкой говорил Ибрагиму-паше, чтоб он подкопами города Чигирина разорять не велел, потому что то старинная иво вотчина, а мочно, де, тот город взять приступами и без подкоков». После этого к Ибрагиму-паше приходили другие паши «с великим шумом», чтобы он велел вести к городу подкопы, что он и сделал[266]. Едва ли столь опытный военачальник, как Ибрагим-паша, нуждался в подобных советах. Скорее речь идет о том, что численность гарнизона и его намерение обороняться были неприятной неожиданностью для турецкого войска,

---

[262] «Вы московские люди войсковые буде же в замке Чигиринском христианского народу и над войска начальные московскими и казацкими обретающиеся. Ведомо вам чиним это наияснейший цесарь и наисильнейший на свете междо манархи пан мой милостивой, что своею саблею и силою завоевал Украину. А как Дорошенко в государство Московское ушел, вы пуст город обретше, в замок чигиринской вошли. И тако наияснейший царь мой милостивой, Юрья Хмельницкого власного дедича прислал, чтоб пан властвовал и был владетелем над всею Украиной от границы до границы. Для чего, чтоб вы с нами не бьючись город нам отдав и сами с чем ни есть пришли есте, с тем народ, в свою землю, возвратились. Будте надежны того дня чего от хана крымского также и от нас самих и от всего войска во здравии, безо всякого умаления отойдете. А буде не послушаете нас и тако за Божиею помощию, мечем и огнем побеждены будете. А опосле не досадуйте, что вам прежде времени не дали ведать» (цит. по: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 139).

[263] *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 493.

[264] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 29. Л. 29.

[265] РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 87.

[266] РГАДА. Ф. 124. 1677. Д. 24. Л. 8–9.

а отчасти и для командования[267]. Первые действия осаждающих исходили из того, что сопротивление гарнизона будет недолгим и нестойким, однако упорная оборона крепости сразу внесла свои коррективы. Османы отмечали, что «нигде они против себя таких жестоких неприятелей в бою не видали, как московские ратные люди бьются из Чигирина»[268]. Кроме того, вести подкопы османам было трудно, так как «место пещаное и многие рвы песком засыпало, а в ыных, де, местех был камень хрящ»[269].

7–9 августа османы начали активно приступать к Чигирину, практически доведя осадные работы до крепостных стен. По словам А. Лужина, в эти дни «была стрелба ис пушек, и верховыми гранаты, и из мелково ружья на обе стороны днем и ночью беспрестанно»[270]. Согласно расспросным речам побывавших в Чигирине казаков, «ходили турки к Чигирину на приступ и приступали жестокими приступы, и ис пушек стрельба была беспрестанная по три дни... ратные люди на тех приступех турков побили многое число, и видя то, что их побито многое число, а над городом поиску никакова не учинили, по вытрубке отобрав от города тела, отступили от Чигирина верст с пять и стали обозом»[271]. Другой казак подтвердил, что «у турок было два приступа, а после, де, тех приступов в ночи... ратные люди и казаки ходили на вылоску под турской табор, и которой, де, был у них отводной караул, и тот караул ратные люди скрали и вошли в табор... Многих турков побили и пришли в город целости. И после той выласки турки отступили от Чигирина верст с пять»[272]. В течение следующих пяти дней значительных приступов к Чигирину не было[273].

Одновременно часть крымцев после начала осады Чигирина пошла под Черкассы. Об этом писал киевскому воеводе кн. И.Б. Троекурову 4 августа из Черкасс полковник Б. Алистратенко: «...он, де, в Черкасех с черкасскими жители сидят в оса-

---

[267] См., напр.: *Cantemir D.* The History of the Growth and Decay of the Othman Empire. Pt. 1. P. 291.

[268] РГАДА. Ф. 124. 1677. Д. 24. Л. 8–9.

[269] Там же. Л. 9.

[270] *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 501.

[271] РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 80; см. также: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 26. Л. 2.

[272] РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 73.

[273] Там же. Л. 81.

де»[274]. 6 августа он сообщал переяславскому полковнику И. Лысенко, что чигиринский полковник Г. Карпович «обнадеживал» его помощью гетмана И. Самойловича, и «на... радение господина гетмана несумнительно в помочи, для того и ныне стоим», добавляя при этом, что «бутто скотина заперты сидим»[275]. Затягивание военных действий в Поднепровье привело к тому, что «неприятелские силы Чигирин вкруг обошед, околние городки разоряют и Черкас добывают», так что было затруднительно вести разведку: «...нынешним временем гонцов невозможно посылать к Чигирину, везде орда»[276]. При этом в некоторых городах Правобережья, в частности в Черкассах, во время боев под Чигирином жители, охваченные страхом перед османской армией и «от непосылки государевых ратей и гетмана Ивана Самойловича, пришли во отчаяние и никакому обнадеживанию не верят и хотят поддатца турком». И. Лысенко даже сообщал, что Ю. Хмельницкий рассылал универсалы, в которых было написано, что «город Черкасы жители и казаки поддались Юраске Хмелницкому, что к ним турки и орда пришли, а им, де, черкаским жителем помочи нет»[277]. 16 августа к И. Лысенко также писал каневский полковник Д. Пушкаренко о том, что «город Черкасы турки засели, а под Каневым турки и орда есть ж, а стоят на реке Русове, а людей каневского уезду взяв, отпускают. И в каневских жителех шатость»[278]. Однако, по сведениям ржищевского атамана, под Канев приходили только крымские татары «ис Крыму, а не ис Хмелницкого войска... сказывают, что их немного было, ста с три»[279].

Очевидно, что некоторые крупные правобережные города были готовы обороняться и рассчитывали на содействие гетмана И. Самойловича. В то же время после похода османов на Украину в 1674 г. население узнало о жестокости турецкого войска и не было уверено в способности русской армии защитить их. Этим и попыталось воспользоваться османское командование. До начала боев под Чигирином некоторые города Правобережья, как

---

274 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 355.
275 РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 62.
276 Там же. Л. 66.
277 РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 84.
278 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 375.
279 РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 60.

уже отмечалось выше, «поддались» Ю. Хмельницкому. Однако к этому периоду их покинула большая часть жителей[280]. И. Самойлович опасался, что османы могли подкупить остальные городки и казаков «денежную дачею», о чем и предупреждал в своих грамотах[281]. «Шатость» каневских жителей, по всей видимости, объясняется посланными к ним «листами» Ю. Хмельницкого с увещеванием поддаться туркам: «...ясневелможний паша сарыаскер чрез нас совестию обезается своею, склонность вашу увидев и дружбы, по заступлению своему к салтанову величеству, из неволи свободить обещает»[282]. Османская армия уже подступала к Чигирину, в то время как русско-казацкие войска были далеко за Днепром. Каневцы не стали переходить на сторону османов, приняв решение оборонять город, однако Черкассы, по утверждению Самовидца, «поддались» туркам[283].

Позднее гетман И. Самойлович предпринял ряд шагов, направленных на предотвращение в будущем подобных ситуаций. Черкасский полк был ликвидирован, а старшина арестована[284]. Гетман сообщал в Москву, что черкасских и «белозерских» жителей, перешедших во время осады Чигирина на неприятельскую сторону, «не презрил есмь их предкновения, но предваряя, дабы впредь нихто из християн з бусурманы соединятися не дерзали, хотя тот полк черкаской старинной, отнял было есмь от них ту честь полковническую и привратил их к полку Черниговскому; так же самого бывшаго полковника черкаского и иных черкаских и белозерских старшину, для наказания, оттуды поимал и ныне их держати велю в Батурине в крепком вязении»[285]. Возникновение этого своеобразного «филиала» левобережного Черниговского полка на правом берегу должно было не только устрашить правобережную старшину от перехода на сторону противника, но, кроме того, тесно связывало «обе стороны Днепра» и делало черниговцев заинтересованными в удержании этих территорий.

---

[280] *Заруба В.М.* Адміністративно-територіальний устрій... С. 52, 97.

[281] АЮЗР. Т. 13. № 11. Стб. 40–41.

[282] Там же. № 65. Стб. 264.

[283] Літопис Самовидця... С. 127.

[284] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 127.

[285] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 53–54; АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 392.

Стоит отметить, что вопрос о возможной измене казацких полков сильно тревожил русское правительство, и гетману предписывалось предпринять меры, чтобы «впредь християнство не разделялось и к бусурманом не прилучалось, и тем бы бусурманов на християн не вооружали»[286].

Между тем русско-казацкие войска к моменту начала осады Чигирина были далеко от Днепра. Гетман И. Самойлович 4 августа, приближаясь к Ромнам, получил известие из Чигирина о том, что турки уже показались в виду крепости[287]. Через три дня, когда его полки прошли Сулу и стояли на Белой Воде, новый гонец привез ему известия о начале осады[288]. Войска кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича соединились 10 августа «меж Псла и Хорола в урочищах на речке Артополоте», более чем в 100 верстах от Днепра, и направились в сторону Днепра[289].

Какие сведения поступали к воеводам из осажденного города?

10 августа кн. Г.Г. Ромодановскому писал из Чигирина генерал-майор А. Траурнихт, что «пришли... войною Ибраим-пашашайтан, а с ним турецкие и волоские, и мултянские войска, и Юраска Хмелницкой. И под город Чигирин от крымские стороны приступают днем и ночью безпрестанно и от тех, де, приступов утесненье им великое»[290]. Однако почти сразу воевода и гетман получили информацию об активной обороне Чигиринской крепости. Некоторые свидетельства подчеркивали, что «неприятели силно на Чигирин наступая, великую чинят трудность»[291]. 12 августа в обоз был прислан из Чигирина «черкашенин», который в расспросе сказал, что 7 августа ратные люди выходили на вылазку и «турков многих побили и в языцех взяли 11 человек и наметы турецкие побрали и возвратились в Чигирин в целости»[292]. Интересно также его замечание об отсутствии у осажденных сведений о передвижении русско-казацких войск: «...про

---

286 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 12.

287 *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 1. С. 161.

288 Там же. С. 161–162.

289 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 229.

290 Там же. Л. 229; Ф. 210. Оп. 6д. Книги Белгородского стола. Кн. 99. Л. 407 об.

291 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 35.

292 АЮЗР. Т. 13. № 73. Стб. 273.

войско великого государя в Чигирине ведомости, что они идут, нет; для того из Чигирина для подлинные ведомости и послан; и в турском, де, войске про войско великого государя ведомости нет же, что идут к Чигирину, толко та ведомость, что сбираютца»[293]. С этим черкашенином кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович писали к А. Траурнихту, чтобы «он сидел крепко и отпор неприятелю давал..., а они со всеми войски идут к Чигирину наскоро»[294]. 13 августа писал к гетману И. Самойловичу уже чигиринский полковник Г. Карпович с казаком Т. Семеновым, «что турские и татарские войска пришли под Чигирин, к Верхнему и Нижнему городам, шанцы учинили в ближних местех и поткопы копают, и из гранат и ис пушак в город от них стрелба безпрестанная, а ханской, де, сын с ордою, переправясь под Крыловым, стал под Чигириным меж Днепра и Тясмина»[295]. Как видно, русско-казацкое командование довольно оперативно получало информацию о положении дел в осажденной крепости.

Почему русско-казацкие войска не слишком спешили добраться до Днепра?

Как представляется, ответ на данный вопрос следует искать в уверенности воеводы и гетмана в том, что Чигирин до подхода русско-казацкой армии выдержит осаду. Так, 13 августа кн. Г.Г. Ромодановский писал царю, что «в Чигирине... ныне ратных людей немалолюдство. До приходу под Чигирин неприятелских людей по согласию со мною... послал гетман Иван Самойлович в прибавку к прежним казаков многих людей с полными их запасы. И Верхней, и Нижней городы всякими крепостьми укреплены»[296]. К имеющимся силам в Чигирин белгородским воеводой был дополнительно отправлен «на вспоможенья от неприятелей по совету з гетманом с Ываном Самойловичем... драгунского строю подполковник Фадей Тумашев с началными людми и з драгуны восмъсот человек, а гетман Иван Самойлович послал от себя сердюцкой полк и от Лубен»[297].

---

[293] АЮЗР. Т. 13. № 73. Стб. 274.

[294] Там же.

[295] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 230.

[296] Там же. Л. 231.

[297] Там же. Л. 233–234; см. также: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 833. Л. 22.

В Разряде сохранился расспрос Ф. Тумашева о его посылке в Чигирин. По его словам, он был направлен в Чигирин 15 августа с 800 драгунами Севского и Белгородского полков, и «пришод к Днепру, к Чигиринской Дуброве, пометав лошади и платья, шли к Чигирину сквозь татарские таборы полями... и, пришод в Чигирин, от жестоких приступов турских людей... бились,... а лошади, де, которых они у Днепра пометали, у Днепра померли»[298]. В Чигиринскую крепость они прошли 20 августа[299], при этом «пришед, де, к городу знамена роспустили и ударили в барабаны»[300].

До прибытия подкрепления в Чигирин турки непрерывно вели осадные работы. Однако, по словам серба Д. Григорьева, находившегося в этот период в османском лагере, несмотря на то, что «поткопы, де, турки под город вели многие, толко один взорвало блиско города, и стены немного попортило. И ту, де, стену осадные сиделцы тотчас зделали»[301]. 17 августа он видел, как «городовую стену турки ис пушек збили, и учинилась стена ровна з землею», однако османы этим не воспользовались. В целом, как отмечал серб, турки в это время говорили, что «нигде они против себя таких жестоких неприятелей в бою не видали... и ис пушек, де, из Чигирина великая была стрельба и многих людей ис пушек в турских шанцах побивали[302]. По его оценкам, количество погибших турок во время осады достигало 2000 человек[303]. Одновременно гарнизон организовывал регулярные вылазки. По свидетельству А. Лужина, с начала осады до 20 августа «было из города на неприятелей вылазок всех з 10, а на выласки ходили сотники, а с ними стрелцы и козаки охотники»[304]. В то же время постоянная стрельба из пушек, а также метание «страшных гранатов» снижали обороноспособность крепости. И когда, по словам И. Самойловича, ратные люди «сами не возмогли

---

298 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 582–584.

299 *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 497.

300 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 26. Л. 5.

301 Там же.

302 Там же. Л. 5–6.

303 Там же.

304 *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 503; см. также: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 26. Л. 5.

крепости боронить, и для того по несколко сот казаков из Нижнего города всегда переменою к себе призывали»[305].

Приход подкрепления воодушевил чигиринский гарнизон, но в то же время вылазки прекратились, потому что «турки подле городового рву покопали шанцы глубокие до их приходу и покрыли плетнями и хворостом, и камышом, и почали бить и по городу стрелять пуще прежняго»[306].

Стоит отметить, что в этот период в Москве активно собирали сведения об обстановке в Поднепровье. Так, 12 августа в столице был расспрошен стрелец Демка Тимофеев, прибывший из Киева и отправленный, очевидно, до прихода османов, по словам которого, около Киева и на левой стороне Днепра было «все мирно», также «в Чигирине и около Чигирина... было смирно»[307]. 15 августа другой стрелец, Гришка Афанасьев, сообщал, что «на сей стороне Днепра... все смирно... Под Киев приходу турского и татарского при нем никакова не бывало, и про приход ничего не слышат»[308]. Однако уверенность в том, что замыслы османского командования были разгаданы правильно, по-прежнему отсутствовала. Судя по расспросным речам стрельца Д. Тимофеева, в этот период русское правительство рассматривало вероятность движения турецко-татарских войск, собранных у Юж. Буга, «под Киев или под Чигирин, или Каменец-Подольской прежним войскам на перемену»[309].

В Москве, однако, предпочли поторопить воевод. 13 августа со стольником А. Карандеевым была послана царская грамота к воеводе и гетману в связи с появлением турок под Чигирином[310]. В Москве не имели еще сведений о том, достигли ли места своего назначения русско-казацкие войска. Карандееву поручалось «выговаривать» боярину и гетману за медлительность в походе. Исходя из ее содержания, гетману следовало напомнить, что он «обещал государю приходом своим не токмо к Днепру, но и к самому Чигирину помочи подавать и от неприятеля их оборонять,

---

305 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 36.

306 Там же. Д. 26. Л. 6; *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 503.

307 РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 173. Л. 16–17.

308 Там же. Л. 41–42.

309 Там же. Л. 17.

310 АЮЗР. Т. 13. № 69. Стб. 259–262.

а ныне великому князю известно подлинно, что они августа 8-го были около Ромна, а Ромны не только от Чигирина, но и от Бужина в дальних местах», поэтому им следовало поторопиться, «чтоб обнадежить чигиринских сидельцев». Кн. Г.Г. Ромодановскому также предписывалось «с полки поспешать, и неприятеля упреждать, и в Чигирине будучих ратных людей приходом своим обнадежить и неприятелю вдаль простиратца не дать»[311]. Связано это, как представляется, с тем, что московское правительство, не будучи уверенным в планах и действиях турецких войск, стремилось обезопасить Левобережье и другие города близ Чигирина. После того как русская армия подойдет к Днепру и «устроитца ратным ополчением», воеводе было предписано «подлинно» разведать численность османской армии и, исходя из этого, «о крепости и о всяком безопастве от неприятелских замыслов чинить по своему ж разсмотренью». Если переправа на правый берег Днепра окажется возможной, то указано было «Чигирину и в нем... ратным людем всякими мерами помогать, смотря по настоящему делу и по своему разсмотренью,... чтоб,... ратных людей полков своих вам уберечь, а Чигирина и в нем... ратных людей безнадежных не оставить, и неприятелю не выдать, и тем неприятеля не порадовать»[312].

Кн. Г.Г. Ромодановский, в свою очередь, пытался оценить реальные силы подошедшей к Чигирину османской армии. С этой целью были посланы разведывательные отряды для взятия «языков». 15 августа были расспрошены двое пойманных турок, которые сообщили, что с Ибрагимом-пашой в армии находятся 15 пашей, «а с теми, де, со всеми пашами турков конных сорок тысяч, да пехоты янычен дватцать тысяч, да с мултянским и волоским господари мултян двенатцат, волох шест, всего осмятцати тысячи. Да Белогородская орда вся с мурзами... Да с Юраском Хмелницким кумпания ево двести человек... А пушек с ними болших четыре под ними по сороку лошадей ядром в полтора пуда, середних четыре ж пушки под ними по дватцати лошадей ядром в тридцать в шести гривенак, да малых дватцать пушак под ними по четыря лошади, да семь пушак верховых гранатных»[313]. Из

---

311 АЮЗР. Т. 13. № 69. Стб. 260.

312 Там же. Стб. 260–261.

313 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 235–237.

данных свидетельств следовало, что, по представлениям русского командования, турецкая армия была многочисленной и превышала русско-казацкое войско вдвое. Стоит также отметить, что данные этого расспроса, касающиеся турецкой артиллерии, говорят о том, что с османским войском не было значительной тяжелой артиллерии, что согласуется со свидетельством П. Гордона. В распоряжении воеводы и гетмана в середине августа также были сведения от пленных турок, что и в случае взятия, и в случае отступления от Чигирина турецкое войско пойдет за Дунай, «а зимовать никоторыми делы нигде, не переправясь за Дунай, не будут»[314].

Стоит также отметить, что если кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович обладали значительной информацией о противнике, то, по показаниям тех же турецких пленных, «про ратных людей и про гетмана Ивана Самойловича ведомостей никаких... у пашей не было и языков не приваживано»[315].

В существующей литературе ход русско-турецких столкновений на Днепре в последних числах августа освещен достаточно схематично. Между тем он хорошо реконструируется по отпискам князя кн. Г.Г. Ромодановского, а также по расспросным речам пленных и побывавших в русском лагере посланников.

Стоит отметить, что русско-казацкие войска сначала подошли к Днепру в районе Чигирин-Дубровы, и, «пришед, выразумели, что берег днепровый не способен к переправе войскам, и обратились к Бужинской пристани», которая располагалась несколько севернее Чигирина[316]. 24 августа гетман И. Самойлович с казацким войском подошли к Бужинскому перевозу, ночью 25 августа к ним присоединилась армия кн. Г.Г. Ромодановского[317]. В отписке кн. Ромодановского царю сказано, что, подойдя к Днепру, они

---

[314] АЮЗР. Т. 13. № 78. Стб. 288.

[315] Там же. Стб. 289.

[316] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 37. Этот маневр позже воспроизведет в своем дневнике П. Гордон, ошибочно указав, что событие произошло в 1678 г. (*Гордон П.* Дневник... С. 91). Это, в частности, дезориентировало некоторых исследователей, которые кн. Г.Г. Ромодановскому поставили в укор данный маневр (см.: *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 324; *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война... С. 54–56).

[317] АЮЗР. Т. 13. № 79. Стб. 291.

увидели, что «турские... и волоские и мултянские войска и хан крымской со всеми ордами стоят против нас... на той стороне Днепра на берегу»[318]. По показаниям подьячего А. Богданова, находившегося в армии белгородского воеводы с 24 по 27 августа, после того как русско-казацкое войско стало обозом на Днепре, татары «учали розъезжать по берегу человек по 50 и по 100. И в то время гетман велел по ним стрелять из пушек, и убили тех татар 8 человек. И татаровя, де, видя ту стрелбу, отступили и учали ездить от берегу дале, чтоб из пушки не достало». После этого, однако, появились уже турецкие войска «и стреляли из пищалей, и окрики чинят и бранятца, и государевым, де, людем урону никакова не учинили»[319]. По словам И. Самойловича, у них все-таки имелось несколько пушек, из которых они «силно стреляли... через Днепр»[320].

Войсковой товарищ Михайло Васильев, бывший в лагере кн. Г.Г. Ромодановского, описывает боевые действия после подхода турок так: они «привезли с собою 10 пушек, и стали на самом Бужинском местечке, а янычан поставили ниже пушек близко воды, и учали по их обозу из пушек стрелять. И боярин и гетман против тех их пушек велели свои пушки поставить за кустами и за тростником, чтоб им было не видеть, и велели изо всех пушек, что есть у боярина и у гетмана, стрелять». Перестрелка закончилась в пользу русско-казацких войск: «...и послыша турки и орда пушечную многую стрелбу, из пушек убили у них человек дву или болши, сами уступили и пушки свои с того местечка свезли, и янычаня от воды побежали дале в поле и берег им поочистили. А после того янычаня по их обозу стреляли, подбегая из-за кустов и из-за бугров»[321]. Тем временем войска подготовили суда и «малые челны» для переправы и поставили их выше Бужина «против острова, а на том острове кусты»[322]. Янычары открыли огонь из мушкетов по перевозящим суда казакам, так что тем пришлось волочь их по берегу[323].

---

318 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 239.
319 АЮЗР. Т. 13. № 79. Стб. 291–292.
320 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 38.
321 АЮЗР. Т. 13. № 80. Стб. 298–299.
322 Там же. Стб. 299.
323 Там же.

В целом османская артиллерия не смогла на Днепре бороться с русскими пушками, и это дало возможность русско-казацким войскам попробовать переправиться и оттеснить противника.

Подход русско-казацких войск заставил турок усилить обстрел крепости: «...учали из пушек неприятели стрелять и промысл чинить и ночью, не преставая ни на один час, и тем, де, государевых людей утомили без сна; толко, де,... неприятелю отпор чинят и скудости, де, никакой в Чигирине нет»[324]. Кроме того, по словам пленных турок, «как, де, послышали, что... к Днепру идут, послал Ибраим Шайтан паша к Днепру пашу с войском, а с ним 6 пушек, да хана с ордою, чтоб боярина и гетмана с войски на ту сторону Днепра не перепустить»[325].

Наличие в дневное время суток постоянно барражирующих османских отрядов на правом берегу Днепра заставило русско-казацкое командование сменить тактику. Как сообщал в своей отписке царю сам кн. Г.Г. Ромодановский, «в третьям часу ночи, поговоря мы холопи твои з гетманом с Ываном Самойловичем, за Днепр против хана крымского и турских и волоских и мултянских войск и для очищенья пристани послали на трех стругах больших и в... судах московского выборного генерала маеора Агеева полку Шепелева, полуполковника Семена Воейкова того ж полку с салдаты, да салдатцкого ж строю полковника Самойла Вестова со всем иво полком, а гетман Иван Самойлович послал из розных полков казаков»[326]. Переправляться было решено в том месте, где Днепр значительно сужался, а противоположный берег представлял собой «место к пристанищу оборонное, для того, что вошло в Днепр клином, и Днепр в том месте для той отмели не широк, да и кустарники, де, по тому месту есть же и неприятелю близко подойти и чрез Днепр переходу государевым людем помешать будет немочно»[327]. Перед отправкой передового отряда к судам приехали кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович, которые велели им ехать молча, а «гресть и шестами итти не велели, чтоб водою не

---

[324] АЮЗР. Т. 13. № 79. Стб. 293.

[325] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 28. Л. 17.

[326] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 239; см. также: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 708. Л. 1–3.

[327] АЮЗР. Т. 13. № 79. Стб. 291.

холохнуть»[328]. Одновременно для прикрытия переправляющихся судов на противоположный берег были наведены пушки[329].

Суда подплыли беспрепятственно почти к самому берегу, однако, как сообщает войсковой товарищ М. Васильев, застигнутые врасплох «турки и орда учинили окрик и с ними бой, и ратных людей с сей стороны очищали пушками». Однако после оказанного сопротивления, «как турки и орда увидели против себя от ратных людей отпор крепкой, покиня мушкеты свои и седла, с того острова побежали на гору в табор»[330]. Даже склонный скептически относиться к достигнутым без его участия успехам П. Гордон писал, что русско-казацкие отряды «решительно напали на турецкие дозоры, согнали их с постов и, отрядив некоторых на схватку с врагом, немедля взялись за лопаты и заступы, чтобы окопаться. Татар, наседавших с ужасным криком и усиливших свое “Ольда!” и “Алла!”, так приветствовали с другого берега пушками, стрелявшими на шум, что те предпочли умолкнуть, и [турецкая. — *М.Я.*] пехота (около 200 стоявших там дозорных) после получасовой перестрелки при своем отходе, тоже замолчала. Так, с потерей 8 или 10 человек, эта позиция была взята. Остаток ночи был использован для переправы других солдат... Боярин не покидал берега реки и не отводил полков, пока не убедился, что на другой стороне обезопасили себя от внезапной атаки или приступа»[331]. Сам кн. Г.Г. Ромодановский так описал данный эпизод в своей отписке царю: «...у тех... ратных людей как они к берегу пристали с неприятелскими людми с третьяго часа ночи до света были бои болшие, и... на тех боях... ратные люди многих неприятельских людей побили и от берега отбили, пристань и остров, на котором они стояли, очистили, и на том... острове... ратные люди и гетманского полку казаки зашанцовлись и через Днепр переправливаютца днем и ночми безпрестанно, а неприятельские люди стали от Днепра в ближних местех, и у... ратных людей бои безпристанные»[332]. После того как на правом

---

328 АЮЗР. Т. 13. № 80. Стб. 299.

329 Там же. Стб. 299–300.

330 Там же. Стб. 300.

331 *Гордон П.* Дневник... С. 13.

332 РГАДА Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 238а.

берегу оказалось более 4 тыс. человек, к ним были переброшены пушки[333].

На следующий день кн. Г.Г. Ромодановский начал быстро переправлять основные силы русской армии в укрепленный лагерь под Бужином. 27 августа за Днепр переправились «московских выборных салдацкого строю генерал маеор Агей Шепелев, да столник и полковник Матвей Кровков, да драгунского и салдацкого строю полковники Петр Гордан, Артемей Росворм, Яган Олофьгран со всеми своими полками»[334]. В этот же день И. Самойлович посылал охочих полковников И. Новицкого и Павловского с несколькими десятками казаков на правый берег Днепра «для языков». Стоит отметить, что компанейские полки были лучшей частью казацкой армии. После того как они поймали двоих турок, по словам войскового товарища М. Васильева, «те языки закричали ясаком, и орда и турки послыша ясак, прибежали многие тысячи; и полковники тех языков покололи, а живьем их довести до острова не дали, и иных многих бусурман побили». После этого казацким отрядам удалось в целости отойти к обозу, однако «за ними пришло... турков и татар многое число». Завязался бой, который продолжался несколько часов: «...был бой с обеда часа с три; и на том бою... турков и орды побили много, а языков их в полон никого не взяли». Находившиеся на левом берегу войска оказывали переправившимся отрядам огневую поддержку, «и видя турки и орда отпор крепкой и великое опасение, учали уступати, и с того места уступили в поля к Крылову»[335].

28 августа произошло самое крупное за всю кампанию столкновение с османами. Кн. Г.Г. Ромодановский дополнительно отправил за Днепр на «неприятельских людей» полковника Г. Косагова «с копейщики и с рейтары, а гетман Иван Самойлович послал компанейского полковника Илью Новицкого компаний ево с казаками»[336]. На Правобережье, таким образом, была сосредоточена 15–20-тысячная русско-казацкая армия[337]. По словам

---

[333] АЮЗР. Т. 13. № 80. Стб. 300.

[334] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 239а.

[335] АЮЗР. Т. 13. № 80. Стб. 300–301.

[336] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 239а–240.

[337] *Водарский Я.Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война... С. 523.

И. Самойловича, османские войска в этот день «силно наступали на войска наши, на том боку будучие»[338]. Численность османской армии, подошедшей к Днепру, составляла порядка 16 тыс. человек[339].

После переправы Г. Косагов и черниговский полковник В. Дунин-Борковский, взяв с собой «для опасенья и крепости» пехоту, находящуюся на правом берегу Днепра, двинулись в сторону османских сил. Как дальше рассказывает М. Васильев, «часу в шестом дни... ратные люди и Войска Запорожского кампанейшики учинили под турской табор и орду подъезд, и был бой; а на том бою съезжались с турки и с татары многое время». Сохранилось описание боя компанейского полковника И. Новицкого с крымским мурзою: «Новицкий, де, стрелил в того мурзу в груди из пистоли, да не пробил, потому что на нем был пансырь; и у Новицкаго подкнулась лошадь, и мурза в то время с лошади нагнувся и хотел его колоть саблею; и сзади заехал Новицкого полку сотник, того мурзу убил из мушкета. И как того мурзу убили и для его тела кинулось татар человек болши тысячи и тело его ухватили, а им не дали»[340].

О том, что бой был значительный, сообщает также пленный из османского лагеря: «...на Днепре на берегу с турками и с татары был великой бой, и как на берег... многие ратные люди вышли, и паши послали под Чигирин о том ведомость, чтоб Ибрагим-паша ис-под Чигирина шол прочь, а они на Днепре против царского величества войск не устояли, и переправливаютца к ним многие люди»[341]. Как будет показано ниже, нет оснований сомневаться, что в ходе боев турецко-татарская армия понесла заметные потери. Русские источники единодушны в оценке боев 28 августа как самого ожесточенного боя под Чигирином в 1677 г. Это противоречит оценке П. Гордона, который описывает произошедшее как незначительную стычку[342]. Сам П. Гордон в данном сражении лично не участвовал, оставшись у Днепра.

[338] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 41.

[339] *Hammer J.* Histoire de l'empire Ottoman. P., 1838. T. 11. P. 166; *Uzunçarsili İ.H.* Osmanli tarihi... 3 cilt. S. 379.

[340] АЮЗР. Т. 13. № 80. Стб. 301.

[341] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 24. Л. 5.

[342] «Около 8 часов полковник Косагов примерно с сотней конницы и компанщиками выехал на схватку с неприятелем. Оставив большинство лю-

29 августа кн. Г.Г. Ромодановский послал царю рапорт о произошедшем сражении: «...послали мы, холопи твои, за Днепр же столника копейного и рейтарского строю полковника Григорья Косагова с копейщики и с рейтары, а гетман Иван Самойлович послал компанейского полковника Илью Новицкого компаний ево с казаками и у тех, у всех твоих ратных людей, которые за Днепр переправились, с неприятелскими людми бои были большие... и на тех боях... ратные люди многих неприятелских людей побили и гоняли от Днепра на пяти верстах»[343].

Очевидно, что весь день шел маневренный бой. Основные события развернулись под вечер («часу в шестом дни»), когда русские войска двинулись в сторону противника. Здесь, видимо, и произошла схватка, описанная М. Васильевым, после которой османские войска стали отступать к Крылову, преследуемые победителями[344]. И. Самойлович подчеркивает, что османы побежали «срамотно середи дня»[345]. В то же время, наверное, следует поверить указанию П. Гордона, что русские застали лагерь уже оставленным, во всяком случае реляция кн. Г.Г. Ромодановского не упоминает овладение лагерем среди достижений этого дня.

Точные цифры потерь османских войск неизвестны, однако сохранившиеся данные позволяют в целом судить о масштабах произошедших событий. Согласно отписке кн. Ромодановского, «в роспросе... взятые языки сказывают, что на тех же боях побит ханской сын, да и пашей два сына и иные многие знатные

дей, [разделенных] на два отряда, в засаде, они попытались завлечь [врага] под удар, но татары, тоже имевшие сильный отряд с другой стороны кустарника, сделали ту же попытку. После двух часов легких стычек и множества ложных отходов обеих сторон, с малым успехом и без видимых потерь, татары отошли — сперва к своим дозорам на возвышенность, а затем к Чигирину. Русские не осмелились их преследовать, опасаясь западни, однако, после полудня подобрались к самому их лагерю и обнаружили головы христиан, убитых в прошлый понедельник, близ шатра (по-видимому) главнокомандующего» (см.: *Гордон П.* Дневник... С. 17–18. При этом П. Гордон путает хронологию событий, относя данное столкновение к 29 августа).

[343] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 239а–240.

[344] АЮЗР. Т. 13. № 80. Стб. 302.

[345] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 32. Л. 26.

люди»[346]. Об этом же сообщает И. Самойлович[347]. По рассказу М. Васильева, «на том бою убито началных три человека мурз, кроме беев, и турков и татар»[348]. Гибель знатных людей в османском войске подтверждает информатор венского двора Дж.Р. Алеппино, побывавший в Стамбуле. По его словам, у турок были значительные потери как в артиллерии, так и в людях. Среди погибших он называет Ахмеда-пашу из Боснии, Имали Мустафу-пашу и сына анатолийского паши[349]. Пленные, взятые позже, называли значительные цифры потерь: «...турков и янычен тысячи с чатыри под Чигириным убито, а на Днепре множества татар и сиспаев[350] побито також, де, Муртазан-бия великого господина крымского и многих мурз»[351]. По русским данным, османская армия понесла потери около 6 тыс. человек[352]. Французский дипломат Ф. де Ла Круа, писавший уже по итогам всей кампании, рисует картину поражения: «...московиты так решительно атаковали татар, что турки, увидев это, побежали, бросив обозы и оружие, и бежали не останавливаясь ни днем, ни ночью до Буга, а христиане устроили страшную резню этих неверных, перебив более 10 тыс., среди них и княжеского сына, и 8 мурз, и многих забрали в рабство»[353]. Очевидно, что последнее известие отражает уже общую убыль турецко-татарской армии за время осады и отступления. При этом не находит подтверждения в других источниках известие отписки кн. Г.Г. Ромодановского о гибели сына Селим-Гирея I.

Как видно, серия столкновений 25–28 августа так и не привела к генеральному сражению. Противостояние свелось к серии

---

346 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 240.

347 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 32. Л. 41.

348 АЮЗР. Т. 13. № 80. Стб. 301.

349 Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 148 Turcica. 1677 (Oct.–Dez.). S. 87.

350 Имеются в виду «сипахи» — разновидность тяжелых кавалерийских войск в Османской империи. Наряду с янычарами были основным воинским формированием в Османской империи.

351 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 248.

352 *Гордон П.* Дневник... С. 26. Однако П. Гордон высказывает сомнения по этому поводу, отмечая, что, «судя по местам их захоронения, я мог предполагать не свыше 2000 убитых».

353 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 187.

стычек, «поисков», захвату языков, ряду атак на позиции друг друга. Наиболее крупные столкновения пришлись на день 28 августа, когда русско-казацкая армия отбросила турецко-татарские отряды на 5 км от Днепра, при этом в боях погибло несколько представителей турецкой и крымской знати.

Одновременно с военными действиями на Днепре османы предприняли последнюю попытку захватить Чигирин, и «по городу били и стреляли безпрестанно пуще прежняго»[354]. Однако эти усилия не увенчались успехом. Бои 28 августа завершили осаду крепости. Ночью в обоз к кн. Г.Г. Ромодановского вернулся Г. Косагов с известием о том, что «турки и орда... побежали все»[355]. Османские источники сообщают, что после столкновений на Днепре крымский хан Селим-Гирей писал Ибрагиму-паше, что османская армия, осаждающая Чигирин, не сможет устоять перед наступающими русско-казацкими войсками[356]. После получения этого сообщения собрался военный совет османского войска, на котором рассматривалось предложение крымского хана отступить, не дожидаясь подхода русско-казацкой армии. Оно было признано благоразумным, и османы начали отступление в ночь с 28 на 29 августа[357]. Согласно расспросным речам, Ибрагим-паша «пошел из-под Чигирина ночью, толко дождався пашей, которые были у Днепра, и шли всю ночь с великим страхом, опасаясь..., чтоб их не дошли в дороге»[358].

Утром 29 августа в русско-казацкий лагерь на правом берегу Днепра пришли из Чигирина 7 казаков и сообщили, что «под Чигирином турки обоз свой ночью зажгли, и покиня гранаты и всякие хлебные и пушечные запасы, сами от Чигирина побежали прямо

---

354 *Седов П.В.* Оборона Чигирина... С. 505.

355 АЮЗР. Т. 13. № 80. Стб. 302.

356 «Войско исламское, находящееся в окопах и таборе, не может устоять против неверных неприятелей. Если еще два дня продлится осада города, то и победоносное войско, и снаряды, и пушки — все погибнет, и мы, очевидно, оскандалимся. Самое благородное и лучшее будет, если мы выведем из окопов войско и вытащим пушки, да и пойдем прямо по спасительному пути отступления» (цит. по: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты... С. 590).

357 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 691.

358 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 24. Л. 4.

на Ингул. А волоского и мултянского обозу не сожгли, покинули просто, и к Чигирину путь стал чист»[359]. Кн. Г.Г. Ромодановский в своей отписке также сообщал, что «в ночи турского салтана воинской везир Имбраим Шайтан-паша и все при нем будучие под Чигириным паши с турскими и волоскими, и с мултянскими войски, и хан крымской с ордами, видя... ратных людей крепкое наступление и промысл, а в своих войсках великой упадок, отступя от Чигирина и от реки Днепра, покиня под Чигириным пушечные и хлебные многие запасы и буйволы, побежали»[360]. Гетман И. Самойлович также отмечал, что артиллерию турки забрали с собой, хотя бросили «гранаты розные и ядра величкие пушечные, и иные припасы, и всякие запасы к прокормлению»[361]. По словам пленных, турки, «идучи дорогою, на переправах лошади и телеги, и иные воинские и съесные запасы метали многие, и шли семь дней безпрестанно до Буга-реки, и переправились Буг»[362]. Как видно, османская армия бросила продовольственные и пушечные запасы, а также часть обозов, однако артиллерию турки забрали с собой, что свидетельствует о спешном, но все-таки организованном отступлении войска.

Чем было вызвано отступление турок? Турецкий хронист склонен возложить ответственность за отступление на крымского хана, который не смог предотвратить переправу русско-казацких войск на правый берег Днепра; при этом он считал, что в подступающей к Чигирину армии было 100 тыс. человек[363]. По словам русского посланника, находившегося в начале 1678 г. в Стамбуле, А. Поросукова, Ибрагим-паша отчитывался перед великим визирем Кара Мустафой-пашой следующим образом: «Ибрагим-паша везирю сказал, что он, всякими мерами служа салтанову величеству, город Чигирин до приходу боярина и воевод князя Григорья Ромодановского с товарыщи с войски многочисленными московскими и гетмана Ывана Самоловича с войски казацкими к Днепру доставал всякими мерами накрепко денно и нощно... Учинилось от татар ведомо, что пришли к Днепру боярин и вое-

---

[359] АЮЗР. Т. 13. № 80. Стб. 302.

[360] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 239а–240.

[361] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 27.

[362] Там же. Д. 24. Л. 4.

[363] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 691.

воды... во многочисленных войсках московских и казацких, и он, де, Ибрагим, не веря тому, послал к Днепру трех пашей с войски турскими и хана с татары и приказал накрепко, чтоб чрез Днепр переправливатца московских сил не допустили, пока он Чигирин возмет. А потом ведемо ему учинилось, что войска московские и казацкие, переправясь Днепр, из шанцов турков выбили, и паши от Днепра отступили. И хан с татары отступил и ссылался с боярином... и устрашась, он, Ибрагим, хановых ссылок, не взяв Чигирина, уступил»[364]. Собранная А. Поросуковым уже по итогам кампании информация отражает, однако, общие настроения османских политических кругов, в которых основную вину возлагали на крымского хана.

Пленные турки добавляют к этому ряд свидетельств: «...как на берег царского величества многие ратные люди вышли, и паши послали под Чигирин о том ведомость, чтоб Ибрагим-паша из-под Чигирина шол прочь; и они на Днепре против царского величества войск не устояли и переправливаютца к ним многие люди. И хан к Ибрагиму о том посылал же, что мочи его против царского величества войск нет, и он бы шел из-под Чигирина не мешкав»[365]. Аналогичные сведения приводит и другой турецкий пленный: «...хан к Ибраим-паше прислал, чтоб он от Чигирина отступал для того, что к Днепру з боярином и з гетманом пришли войска великие и стоять против их мочи не будет, и что, де, такие ж войска еще стоят в дву местех и хотят обходить их», после этого «убоясь... Ибраим Шайтан-паша турком от Днепра велел отступить к себе под Чигирин, и ис-под Чигирина побежал прежнею своею дорогою»[366].

Очевидно, боевой дух османской армии был довольно сильно надломлен длительной и безуспешной осадой, перспективы которой были крайне неясны, а также отсутствием поддержки со стороны большинства местного населения. Появление армии кн. Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича, демонстрировавшее твердое намерение России отстаивать Чигирин, стало последним толчком к отступлению.

---

[364] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 274–275.

[365] АЮЗР. Т. 13. № 89. Стб. 371.

[366] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 28. Л. 18.

Изначально кн. Г.Г. Ромодановский намеревался, переправясь за Днепр, преследовать отступающих турок: «...пойдем за ними и промысл и поиск станем чинить»[367]. Однако для начала он послал разведывательный отряд, «выбрав донских да Сумского, и Ахтырского полков казаков сто дватцать человек, а гетман... полков комонного охотного полковника Игната Шулгу да с ним казаков сто человек»[368]. 2 сентября им были отправлены московские ратные люди и казаки «из розных полков четыреста человек за Чигирин в далние места для проведыванья о неприятелских людех, которые они месты пойдут для промыслу у переправ над ними»[369]. По словам И. Самойловича, он посылал казаков «на шляхи неприятельские» с целью разбоя, «приказывав им, чтоб неприятельских людей так в таборы турские под Чигирин идущих, яко назад от табор возвращающихся, яко мочно громили»[370].

Из расспросных речей жильца И. Иевлева следует, что первые разведывательные отряды обнаружили неприятелей за р. Малый Ингул и «над неприятели учинили промысл, обозы и конские стада и пушечные припасы отбили. И устрашась от того, пошли неприятели от них дале к Богу [Юж. Буг. — *М.Я.*] реке, а те первые посылные люди с добычею возвратилися в полки к боярину и воеводам... в добром здоровье»[371]. Эти же ратные люди по возвращении в обоз также сказали, что столкнулись в 40 верстах от Чигирина с неприятельским обозом, в котором помимо турок были сербы и валахи. Примечательно при этом, что после боя «волохом и сербом, по их прошению, они, посылные ратные люди, дали свое абещание, да с болшею клятвою, что их отпустят в целости. А турки, де, отделясь своим обозом, бились с ними часа с три... и... ратные люди у тех турков обоз их разбили, и их всех побили наголову, а волохов и сербов по своему обещанию отпустили»[372]. Из приведенных свидетельств можно заключить, что часть войск отбилась от основной армии и разделилась на небольшие отряды,

---

[367] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 240–241.
[368] Там же. Л. 234а.
[369] Там же. Л. 242.
[370] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 23. Л. 7.
[371] АЮЗР. Т. 13. № 82. Стб. 311.
[372] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 242–243а.

не пожелав расстаться со своими обозами. Один из таких отрядов и попал в руки преследователей.

Вслед за первыми отрядами 5 сентября были посланы войсковые части Г. Косагова «с ево копейным да с рейтарским полками, да черкасские два полка Сумского и Ахтырского, а... генерал и сходной воевода Венедикт Андреевич Змеев рейтарского строю полковника Илью Змеева ево полку с рейтары и з драгуны. Да гетман... послал компании своей полковников Илью Новицкого да Ивана Павловского, да переяславского полковника Ивана Лысенка, да миргородского полковника Павла Апостола»[373]. Общая численность отправленных за турками воинов составляла около 4 тыс. человек, причем это была боеспособная, хорошо вооруженная часть войск. Со слов И. Иевлева, Г. Косагов с полками ходил «за Черной Лес к Болшому Ингулу» приблизительно в 70 км от Чигирина, однако османскую армию не догнал[374]. Для проведывания вестей он «посылал от себя посылщиков в далние места; и те посылщики неприятелские всякие запасы и пушечные припасы побирали; а неприятели, устрашась великого государя ратных людей, бежав, и всякие свои запасы и пушечные припасы и чепи,... по дороге метали»[375].

Из приведенных свидетельств следует, что кн. Г.Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович все-таки попытались догнать силы неприятеля при отступлении, хотя только передовыми отрядами. Уже в первых числах сентября в обоз под Чигирин вернулись казаки во главе с И. Шульгой, которые сообщили, что «ходили, де, они до реки Богу [Юж. Буг. — *М.Я.*] и неприятелских людей никого не угнали, бегут днем и ночью и многие обозы з запасы и пушечные ядра и гранаты бросили и ушли к Днестру за многие переправы в далные места»[376]. Возможности нагнать османов становились призрачными. В этих условиях выступление в погоню основной армии было явно нецелеобразным, и кн. Г.Г. Ромодановский приказал свернуть преследование.

Из дальнейших свидетельств пленных турок и татар следует, что крымский хан с ордой шли с турецким войском только три дня до реки Ингул. После этого Селим-Гирей ушел в Крым,

[373] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 243а–244.
[374] АЮЗР. Т. 13. № 82. Стб. 311.
[375] Там же. Стб. 311–312.
[376] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 244.

а турецкие войска направились к Юж. Бугу: «...уходили страхом великим днем и ночью безо отдохновения за Бог-реку, и за Богомрекою три дни спешным уходом полями»[377]. Ю. Хмельницкий ушел с османскими войсками в Молдавию.

Как отмечает Ф. де Ла Круа, армия Ибрагима-паши «оказалась настолько уставшей от продолжительного перехода, что, прибыв к берегу реки [Юж. Бугу. — *М.Я.*], у них не было бы сил переправляться, если бы страх преследования не принуждал их спасаться. Следующим утром они отправились к Бендерам со всей возможной скоростью. Командующий был уверен, что московиты скорее обратят свое оружие против Крыма, чтобы неожиданно ворваться на полуостров, чем вторгнутся в земли султана»[378]. Следует отметить, что известия «Летописи» Величко о том, что запорожцы разрушили мост на р. Юж. Буг в 1677 г. и уничтожили османские корабли с припасами[379], ошибочны и в действительности относятся к 1678 г.

Поражение обострило отношения между турецким командующим и крымским ханом. Расходясь на р. Ингул, по словам татарских и турецких языков, «Имбраим-паша ханови з грозою говорил: есть ли всправе цареве незычливым знать ж, что хощет поднять булвы на Порту, что без ведома салтанского и нашего ссылався с християнским царем Московским, чево прежния ханы учинити не посмели, тое ты таперь чинить хотячи отдать на откуп господ московских Шереметя и князя Рамодановского, но увидишь как тебе за тое воздастца, как салтану турскому о том ведомо учинитца. Жалобу творил такожде и для того на хана, что не послал заранея орды за Днепр и не брал ведомости о войсках казацких и московских, и что в то время ведомо учинил, как все силы к Днепру стали и переправлялися, от тово он с турками стревожился и устрашил чють... И для того хан и он в достойном упрямстве были»[380]. Как видно, у Ибрагима-паши было две главные претензии к Селим-Гирею. Во-первых, он проявил излишнюю самостоятельность и без ведома Порты договорился с

[377] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 248.

[378] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 187–188.

[379] *Величко С.В.* Летопись событий в Юго-Западной России... Т. 2. С. 452–453.

[380] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 247; см. также: РГАДА. Ф. 124. 1677. Д. 28. Л. 10.

Москвой о выкупе важных политических пленников — боярина В.Б. Шереметьева и кн. А.Г. Ромодановского, сына кн. Г.Г. Ромодановского[381]. Во-вторых, не желая усиления Османской империи на Правобережье, крымский хан не торопился выполнять указ османского командования о походе крымской орды на левый берег Днепра для проведывания вестей. Отсутствие у турок объективных представлений о положении дел в Поднепровье стало одной из причин их поражения.

Стоит отметить, что в Москве поведение крымского хана тоже привлекало к себе внимание. У русского правительства сложилось впечатление, что «турской салтан во всяких воинских делех хану крымскому не доверивает, зато будто он великому государю доброхотствует»[382]. В первое время после окончания военных действий кн. Г.Г. Ромодановскому даже предлагалось выяснить «мочно ль... призвать хана в любовь»[383].

Поступали сообщения, что при отступлении крымцы не только «зело голодни позади бегучи все побрали», но и «татаровя, де, крымские осталых турков грабят и побивают до смерти»[384]. Причины этого, видимо, следует искать в общей политической ситуации в регионе. Выше уже говорилось о том, что крымская знать выступала против расширения османского присутствия в Восточной Европе, так как «окруженный с разных сторон владениями султана Крым перестал бы быть нужным империи как военный форпост и мог быть обращен в обыкновенную провинцию»[385]. С этим, по всей видимости, следует связывать пассивность татар во время Чигиринского похода 1677 г. Кроме того, долгий и тяжелый поход, не принесший никакой добычи и закончившийся явным провалом, не мог способствовать росту популярности османской политики среди массы крымских татар.

---

[381] *Барсуков А.П.* Род Шереметевых... Кн. 8. С. 254–260; см. также: *Жуков В.Д., Яфарова М.Р.* Попытка выкупа боярина В.Б. Шереметева и князя А.Г. Ромодановского из крымского плена в 1678 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 38–50.

[382] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 10.

[383] Там же.

[384] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 248; АЮЗР. Т. 12. № 89. Стб. 371.

[385] *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе... С. 88.

Кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович, переправившись через Днепр со всей армией и с легкими обозами, встали под Чигирином 5 сентября. После отступления турок, по словам А. Лужина, Чигирин «во многих местех пробивало, и хрящ, что насыпан был в стене от... стрельбы розметывало»[386]. Стоит отметить, что осадное мастерство турок произвело большое впечатление на русско-казацкое командование. По словам И. Самойловича, «видели есмы вси дивные промыслы неприятелские и шанцы, которыми всю гору перед крепостию и круг крепости, и перед стеною городовою все места отвсюду обступили страшные рвы и ямы неслыханные частые и плетеные, которыми ежедень близ крепости шанцовалися». При этом турки нашли способ противостоять вылазкам из гарнизона: «...хитро в тех рвах... лесами и землею покрывалися»[387].

Перед русско-казацким командованием встал вопрос о восстановлении крепости. О проделанной работе кн. Г.Г. Ромодановский отчитался следующим образом: «Осмотря, де,... около Чигирина турских подкопов и шанец, велели ратным людем полков своих те подкопы и шанцы заровнять и ров вычистить, и на городовую починку полков их ратных люди вывезли лесу 4946 бревен»[388]. Его слова подтверждает жилец И. Иевлев[389]. Впрочем, приближалась зима, непосредственная опасность миновала, поэтому И. Самойлович распустил чигиринских «осадных сиделцев» по домам, оставив казаков «со всякого полку по полтораста человек и с запасами»[390]. До получения царского указа командовать Чигиринским гарнизоном оставался А. Траурнихт.

В то же время А. Траурнихт критиковал в своей отписке киевскому воеводе кн. И.Б. Троекурову предпринятые командованием действия. Так, по его словам, командование «шанцы велели... ратным людем заметать турами и сверху засыпать землею, а из шанцов тех туров не вывозили и подкопов не закрепили, и впредь, де, от тех засыпаных шанцов в приход неприятелских людей будет опасно. А города Чигирина худые места хотели делать вновь и...

---

386 Расспросные речи полуголовы московских стрельцов... С. 505.

387 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 43–44.

388 Там же. Д. 26. Л. 25.

389 АЮЗР. Т. 13. № 82. Стб. 312, 314.

390 Там же. Стб. 314.

ратным людем велели на то городовое дело лесу навозить и, навозя лесу, покинули у реки Тясмы, а иной оставили, розметав по дороге, и города Чигирина делать худых мест вновь и починывать не велели... А города, де, Чигирина делать ныне некому... ратных людей ныне малолюдно, многие, де... в осадное время побиты и ранены, а иные лежат болны»[391].

По всей видимости, на данном этапе после активных столкновений с османской армией кн. Г.Г. Ромодановский предпочел распустить основную часть утомленных длительными военными действиями войск, желая дать отдых армии. Дальнейшая оборона малороссийских рубежей была возложена в том числе на слободских казаков. Так, в Верхнем городе должны были остаться триста казаков Сумского и Ахтырского полков[392]. По указанию гетмана, два конных полка И. Новицкого и Павловского заняли Черкассы и другие городки на правой стороне Днепра, чтобы они «быв там, переимали дороги, лежать на Корсунь, на Канев и на иные городы; а те места меж рек Днепра и Тясмы, и Роси, чтоб всей Украйны было бережно: каневских пристаней остерегать будет каневской полковник; ниже Канева пристаней остерегать будут на Днепре вышепомянутыя кампанейские полковники до Чигирина; ниже Чигирина пристаней учнут остерегать миргородской полковник и полтавской полковник, и от самого Киева Днепр будет во осторожности, и неприятелю нигде переправы не будет»[393].

Очевидно, что отдельные отряды крымцев, не удовлетворенные захваченной добычей, могли попытаться переправиться на левую сторону Днепра. При этом после отступления османских войск, согласно летописи Самовидца, Черкассы, Медведовка, Жаботин, Мошны, Драбовки и другие городки в районе Чигирина и Черкасс, которые «поздавалися были турчинові, то знову гетманові поклонилися, и залоги по тих городах стали»[394]. Таким образом, власть Самойловича над частью Правобережья была восстановлена. Стоит отметить, что, действуя как «гетман обеих сторон Днепра», он все же делает основной акцент на за-

---

391 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 26. Л. 22–23.

392 Там же. Л. 26–27.

393 АЮЗР. Т. 13. № 82. Стб. 314.

394 Літопис Самовидця... С. 127.

щиту Левобережья, что, вероятно, могло быть связано с тем, что на разоренном турками Правобережье оставалось все меньше населения. В то же время в таких городах турецкой Подолии, как Кальник, Бар, Немиров, Меджибож, в это время еще находились польские отряды[395].

Дополнительные заботы были связаны также с тем, что в Польско-Литовском государстве в конце августа «объявилась» моровая язва, из-за чего «все сенатори и купцы, и жители ис Варшавы выехали, а в порубежных их городех люди мало же, все вымерли»[396]. В полках по царскому указу от 31 августа были предприняты соответствующие меры безопасности, а «тех людей, которые приедут из моровых мест, велели отсылать назад, хто откуда приедет, а в полки к себе и в малороссийские, и в севские городы пропускать не велели отнудь»[397].

Убедившись в том, что османская армия не намерена возвращаться к украинским городам, 9 сентября русско-казацкая армия от Чигирина двинулась к Днепру. О причине этого в один голос говорят оба соперничающих воеводы. Посланец кн. Г.Г. Ромодановского сообщал: «...для того, что конского корму на той стороне Днепра нет, все от турских людей разорено»[398]. Кн. В.В. Голицын, в свою очередь, также писал царю: «А на сей... стороне Днепра конскими кормами гораздо скудно, ездят для кормов верст по пятнатцат и болши»[399]. 10 сентября русско-казацкая армия переправилась обратно на левый берег Днепра[400]. Кн. Г.Г. Ромодановский с Белгородским и Севским полками двинулся в Курск, гетман И. Самойлович, распустив свои войска, — в Батурин. 27 сентября по царскому указу воеводе Белгородского разряда вместе с сыном кн. М.Г. Ромодановским следовало быть к Москве, а «ратные люди роспущены по домом»[401].

---

395 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 45 (см. также: *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim... S. 95; *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 42).

396 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 192.

397 Там же. Л. 192–193.

398 АЮЗР. Т. 13. № 82. Стб. 312–313.

399 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 402.

400 АЮЗР. Т. 13. № 82. Стб. 313.

401 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 160.

Однако напряжение вдоль Белгородской черты не спадало в течение всего осенне-зимнего периода. 13 октября валуйский воевода К.И. Лодыженский писал в Москву о том, что 30 сентября приходили «под Валуйки сверху реки Валуя воинские люди колмыки и тотаровя человек с петдесят и болше... И ныне... чают приход тем воинским людем под Валуйку и под иные... украинные городы потому, что те воинские люди от Валуйки стоят в ближних местех»[402]. Валуйский пушкарь С. Потемкин, который привез данную отписку в Москву, также сообщал, что столкновения произошли в районе Нового Оскола: «...воинские люди колмыки, перешод через новоосколской вал на новоосколских полях, новоосколцов служилых людей побили человеков з десять и побив вышли по прежнему за вал, а было, де, тех воинских людей человек с сорок»[403].

7 октября гетман И. Самойлович писал кн. Г.Г. Ромодановскому, что «турской, де, салтан паша, оступя от Чигирина, идучи в свои места, выбрав татар и турков лутчих людей восмедесят человек, з дороги от Тягина послал было для проведыванья под Киев, и регементу, де,... ево гетманского кумпанейщики за Умонью тех татар и турков всех побили на голову и взяли в языках татар и турков пяти человек»[404]. Эти известия свидетельствовали о том, что Порта была намерена предпринять еще один поход на Украину, причем ее интересовала обстановка вокруг Киева.

Итак, кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович, реализуя намеченный еще в начале года план, сумели добиться убедительной победы. Однако нельзя не заметить, что далеко не все составляющие первоначального замысла были реализованы. В частности, в военных действиях участвовали не все силы, которые могло задействовать русское правительство. Не увенчалась успехом попытка привлечь к участию в военных действиях 1677 г. калмыков. Из Москвы с этой целью был послан стряпчий В. Пущин, а воевода и гетман в конце мая по царскому указу отправили от себя к Аюке посланцев Ивана Быховеца и Ивана Маслова, которые в начале июля нашли его близ Яика, «от Астрахани в 2000 верст». Ими была подана боярская отписка и гетманский «лист» «для

---

402 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 214.

403 Там же. Л. 215.

404 Там же. Д. 872. Л. 246.

того, чтоб они... прислали своих калмыцких войск». Аюка сказал, что пошлет с ними 2500 калмыков; посланцам следовало отправиться к Царицыну, куда через 10 дней должны были подойти его «воинские люди». Посланники прибыли в Царицын 22 июля и «на Царицине калмыцких людей ждали они 10 дней. А как десять дней прошли, и за тем сроком ждали их еще 8 дней; и, не дождався калмыков, с Царицына они поехали к боярину и воеводам и гетману прежнею ж дорогою. В войско к Днепру приехали они сентября в 1 числе ныняшнего 186 [1677. — *М.Я.*] году»[405]. О дальнейшей судьбе калмыцких отрядов становится известно из «Дневника» П. Гордона, который писал, что «несколько сотен калмыков дошли до самого Белгорода, дабы оказать нам поддержку в Чигирине, но, будучи холодно встречены князем Петром Ивановичем Хованским, не имевшим указа касательно оных, на обратном пути, возле Тамбова, угнали несколько тысяч голов скота»[406].

Что касается запорожских казаков, то И. Самойлович перед отправкой казацких полков в Чигирин предложил им также прибыть туда[407]. И. Серко отправил в крепость тысячу человек «на многих лодках», однако они поступили в распоряжение гетмана с большим опозданием, когда бои под Чигирином уже закончились[408]. Таким образом, И. Серко вместе с запорожцами не принимали участия в боевых действиях во время первого Чигиринского похода. Связано это, с одной стороны, с тем, что запорожцы заключили перемирие с Крымским ханством, «для того будто, что многие запорожские казаки в Крыме в полону, чтоб их высвободить из Крыму на розмену». Сыграли свою роль и слухи о намерениях турецкого командования двинуть свои войска сначала на Запорожье — Серко задержался в Сечи, «предваряя и отвращая тому неприятелскому намерению, что в то наступление им в целости б быти, и путь отвратить от Запорог в иную сторону»[409]. Именно поэтому, когда крымский хан с ордой 7 сентября «пошол

---

[405] АЮЗР. Т. 13. № 82. Стб. 316–318.

[406] *Гордон П.* Дневник... С. 29.

[407] *Апановіч О.М.* Запорожска Січ... Київ, 1961. С. 281.

[408] Там же. С. 281–282.

[409] АЮЗР. Т. 13. № 46. Стб. 186; *Кочегаров К.А.* Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом... С. 4–5.

в Крым у городках», запорожцы не только не препятствовали им, но и, по словам гетмана Самойловича, «еще пособляли перевозити»[410].

4. Армия князя В.В. Голицына

Отдельно следует сказать про армию кн. В.В. Голицына, которая не принимала участия в боевых действиях.

13 мая кн. В.В. Голицын выехал из Москвы в Севск. Вслед ему 27 мая был послан царский указ о том, чтобы «по прежнему... указу итить к Севску наспех, а пришед в Севск, сождався с товарыщи своими и собрався с нашими государевыми ратными людми из Севска итить к Путивлю по толку, безовсякого мотчанья»[411]. Уже 28 мая кн. Голицын в своей грамоте на имя царя жаловался, что «государевых ратных людей московских чинов в приезде у нас объявились толко двесте два человека, а городовых дворян и детей боярских нихто не бывали. Из Севска в Путивль походу... мотчание чинилось потому, что твои ратные люди в приезде у нас... не мыслили, а городовые дворяне и дети боярские, и рейтарских полков полковники и начальные люди, и рейтары, и смоленская шляхта, и драгуны к нам... в полк не бывали многие»[412]. 12 июня кн. В.В. Голицын прибыл в Севск, где пробыл чуть меньше месяца. Сбор ратных людей в полках Черниговского наместника проходил медленно, об этом свидетельствуют росписи его войска, сохранившиеся в Белгородском столе разряда. Так, «на государевой службе в полку боярина и воеводы князя В.В. Голицына с товарыщи... ратных конных и пеших людей июня с 3 числа по июля 4 число нынешняго 185 [1677. — *М.Я.*] году в приезде налицо... 3972»[413]. 10 июля кн. В.В. Голицын вместе с полком вышел из Севска и направился в Путивль. 24 июля была произведена новая роспись войск, согласно которой в его полку находилось 5706 человек[414].

Как видно из приведенной выше переписи, армия кн. В.В. Голицына была малолюдна, доля полков «нового строя» в ней была

---

410 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 248.

411 Там же. Д. 847. Л. 68–69.

412 Там же. Л. 258.

413 Там же. Л. 260–262.

414 Там же. Л. 299–301.

незначительной. Зато, по наблюдениям П. Гордона, в войске кн. В.В. Голицына состояли «многие князья и знатные вельможи императорского двора»[415].

23 июля в царской грамоте по просьбе И. Самойловича кн. В.В. Голицыну было приказано идти к Переяславлю из-за возможного прихода крымцев Муравским шляхом[416]. С этой же целью 17 августа царская грамота была послана кн. П.И. Хованскому, которому было приказано с ратными людьми «быть на... службе на Белогородской черте... для береженья Белогородского полку городов, которые в черте и по черте, и за чертою и ведать Белогородского полку городов городовые службы всяких чинов людей, полковыми и судными и всякими росправными делы»[417].

От Путивля к Переяславлю вместе с полками кн. В.В. Голицын отправился только 7 августа, объясняя это в своей грамоте царю тем, что «к сходному товарыщу, к боярину и воеводе же к Ивану Васильевичу Бутурлину с товарыщи я, холоп твой Васка, послал дважды августа ж в 1 и 4 числе. Послал к нему нарочно из дворян князя Семена Вяземского, чтоб с твоими государевыми людми ко мне холопу твоему, де, шол без мотчанья. И боярин и воеводы ж с товарыщ мой Иван Васильевич с товарыщи ко мне, холопу твоему, августа по 4 число не бывали, а в том... походе чиница мотчанье»[418]. 15 августа гетман писал кн. В.В. Голицыну, что по царскому указу «разсмотрел, что лутче и пристойние ему итти к Лубнам неприятелей на страх и на отпор. А к Переаславлю б дорогу... отставить»[419]. 16 августа кн. Голицын вместе с ратными людьми пошел от Пустой Торговицы к Лубнам. В нашем распоряжении имеется письмо находившегося в Москве доверенного лица кн. В.В. Голицына, М. Боева, написанное в августе 1677 г.: «Указал великий государь тебе итти с товарыщи своими в Лубны, и на Москве... многие, кто тебе... добра хочет, говорят, что пишет, де, к тебе... гетман по наговору князя Григорья Григорьевича, чтоб тебе итти в Лубны полку своего с ратными малыми людми на бесчестие, а не на поиск, потому что, де, неприятел-

---

415 *Гордон П.* Дневник... С. 18.

416 АЮЗР. Т. 13. № 63. Стб. 244.

417 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 59.

418 Там же. Д. 847. Л. 349–351.

419 Там же. Л. 199–204.

ские люди, крымской хан с ордою, всегда ходит Муравским шляхом на Лубны, и чтоб ты... от такава вымышленого их етманского и князь Григорья Григоревича писма и походу оберегася»[420]. Это отражает, как представляется, настроения, царившие в окружении кн. Голицына.

Явная медлительность кн. В.В. Голицына привела к тому, что 25 августа ему была послана царская грамота, по которой путивльскому воеводе было указано идти в Лубны, «не останавливаясь нигде, на которые места пристойно по своему разсмотренью, устроясь обозом с великим опасеньем и осторожностью. А пришед в Лубны, про неприятельские замыслы и про приход крымского хана с ордою разведывали всякими обычаями накрепко»[421]. В Москве рассматривали два возможных варианта развития событий. В том случае, если крымский хан со своим войском появится под Чигирином, ему указывалось «чинить промысл» вместе с кн. Г.Г. Ромодановским и гетманом И. Самойловичем, «в которых местех пристойно по своему размотренью, потому ж со всякою осторожностью и з береженьем». Если крымцы перейдут Днепр или «пойдут Муравским шляхом к Белогородцкой черте и на украинные городы для войны», от кн. В.В. Голицына ожидали защиты этих территорий[422]. По всей видимости, поход к Лубнам связан с выгодным расположением данного города — от него практически на одинаковом расстоянии находились и Киев, и Чигирин, что позволяло быстро перебросить войска, исходя из требований момента. Интересна грамотка М. Боева от 28 августа, в которой он сообщал кн. В.В. Голицыну, что 26 августа кн. П.И. Хованский писал царю о приходе крымских татар «на государевы городы». Проявляя заботу о своем 34-летнем патроне, М. Боев предупреждал, что ему будет велено идти с войском в Лубны, где «Муравской шлях, и ты... помилуй сам себя, не отходи от государевых городов далече, чтоб неприятелские люди на степи на полки твои не напали»[423].

Лишь 28 августа кн. В.В. Голицын пришел на урочище Артополот, откуда 29 августа двинулся к Днепру. 1 сентября он на-

---

[420] Грамотки... С. 128.

[421] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 199–200.

[422] Там же. Л. 199–204.

[423] Грамотки... С. 129.

ходился в 30 верстах от Днепра, которого достиг только 3 сентября, когда османское войско отступило от Чигирина[424]. 4 сентября к нему писал гетман И. Самойлович и информировал, что они вместе с кн. Г.Г. Ромодановским, переправясь через Днепр, собираются идти «к Чигирину для осматриванья крепостей и от Чигирина за неприятельскими людьми хотят послать в погоню, и, дождався посылки, немедленно пойдут на сю сторону Днепра и войска роспустят»[425]. Кн. В.В. Голицын не стал переправляться на правый берег Днепра и осматривать Чигиринскую крепость, ограничившись отправкой 7 сентября за Днепр разведчиков «для проведыванья про турецкого Ибраим Шайтан-пашу и про крымского хана с войски для промыслу»[426]. 10 сентября посыльные кн. В.В. Голицына вернулись с сообщением о том, что османское войско ушло к Юж. Бугу, и 11 сентября кн. Голицын с войском пошел обратно в Путивль[427]. В тот же день он сообщал царю о своем вкладе в победу: «...учинилось в Чигирине после осадного сиденья в... государевой казне зелейные и свинцовые казны и гранат на мале. И... государевых ратных людей раненых лечить некому и лекарств нет, а прежней лекар, который был послан ис Киева, убит. И я, холоп твой, послал в Чигирин зелья ручного и пушечного пятдесят пуда с четью, свинцу трицат пуд, двесте пятдесят гранад ручных и нарядных с сотником московских стрелцов с Федором Бужинковым, да дву человек лекарей с лекарствы, и велел им тех раненых лечить»[428]. Как уже отмечалось выше, армия кн. В.В. Голицына была распущена в начале октября.

Примечательно, что, по словам П. Гордона, возвращающаяся от Днепра армия под командованием кн. Г.Г. Ромодановского прошла мимо лагеря кн. В.В. Голицына. Оба воеводы предпочли проигнорировать друг друга: «...настаивая на формальностях, не видались друг с другом» «по причине расхождений между ними»[429]. В то же время гетман И. Самойлович, не будучи связанным местническими спорами, встретился с кн. В.В. Голицыным.

---

[424] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 847. Л. 386, 402.
[425] Там же. Д. 850. Л. 757.
[426] Там же. Д. 847. Л. 406; Д. 850. Л. 769–770.
[427] Там же. Д. 847. Л. 412.
[428] Там же. Л. 406–408; Д. 850. Л. 770–771.
[429] *Гордон П.* Дневник... С. 28.

Таким образом, принятое в начале 1677 г. решение о разделении командования привело к тому, что воеводы действовали несогласованно, а часть войск не участвовала в боевых действиях. Действия кн. Голицына прямо критиковал гетман И. Самойлович в своем письме к литовскому гетману М. Пацу. По его словам, русско-казацкие войска, «опричь тех сил, которые з боярином... со князем Голицыным после победы в неделю пришедши, ниже нас в дву милях на Днепром стали, тому поганству были страшны»[430].

После завершения военной кампании перед московским правительством встал вопрос о награждении ее главных участников. Сведения о том, как принималось это решение при царском дворе, можно извлечь из письма М. Боева кн. В.В. Голицыну от 19 сентября. Из него следует, что первоначально наградить собирались только кн. Г.Г. Ромодановского и «говорили ему дать шюба и послать к нему и к ятману з золотыми и полку ево придача», в то время как кн. В.В. Голицына «в службу не ставили, потому что, де,... к бою не поспешил». После этого мать кн. В.В. Голицына ходила хлопотать за него к кн. Ю.А. Долгорукому, одному из покровителей молодого царедворца, «и крику от него было много — зачем, де, к Днепру не поспешил»; также она «посылала многижды бить челом» к И.М. Милославскому, приближенному царя Федора Алексеевича. Хлопоты увенчались успехом, и 16 сентября по царскому указу на боярском заседании вынесли следующее решение: «...послать шюба и з золотыми к князю Григорью Григорьевичю и полку ево учинить придача, также, де, послать и к князю Василю Васильевичю с товарыщи шюбы и з золотыми и полку ево придача. А буде не давать шюбы и з золотыми не посылать к князю Василю Васильевичю, не давать же, де, и князю Григорю Григоревичю, потому что, де, служба князя Василя Василевича такова ж что и князя Григоря Григоревича. Не в далних, де, верстах был от Днепра князь Василей Васильевич, а есть ли бы, де, от неприятелских людей князю Григорю Григоревичю было такое утеснение и он бы, де, и рад был... для вспоможения, а что, де,... к бою не поспел и он, де, вышед ис Путивля, ждал многие дни товарыща своего Ивана Васильевича Бутурлина». Как видно, заслуги кн. Г.Г. Ромодановского и кн. В.В. Голицына в кампании 1677 г.

---

[430] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 31.

были уравнены, и было принято решение наградить воевод одинаково. По словам М. Боева, «постарались» за кн. В.В. Голицына кн. Ю.А. Долгоруков и И.М. Милославский[431].

Среди сторонников кн. В.В. Голицына оказался и один из действительных участников кампании — генерал-майор А. Траурнихт, очевидно считавший, что его заслуги были оценены кн. Г.Г. Ромодановским недостаточно, и рассчитывавший на большее, обратившись к его сопернику. 22 сентября М. Боев сообщал кн. Голицыну, что в Москве о нем «крепко радеет чигиринской воевода Афонасей Траних, а на князя Григорья Григоревича слышет, что ево поносит, что он делал неправду и к государю писал о службе своей неправду»[432]. Из грамоток, написанных А. Траурнихтом кн. В.В. Голицыну, следует, что он хотел получить в лице кн. Голицына заступника перед московским государем, ввиду того что «есть ли неприятелские люди назад к Чигирину поворотятца и мне [А. Траурнихту. — *М.Я.*] в Чигирине сидет будет опасно потому, что город от неприятелских людей розбит весь»[433].

В то же время многим в Москве было ясно, что победа была достигнута опытными военачальниками, кн. Г.Г. Ромодановским и И. Самойловичем. Русское правительство должно были прийти к мысли поручить командование в следующей кампании, которая обещала быть более тяжелой, именно им.

Итоги кампании

В 1677 г. предполагалось, что османская армия под командованием Ибрагима-паши займет Чигирин и утвердит власть Ю. Хмельницкого над правобережными полками. Однако поставленные задачи не были выполнены. Это связано, как представляется, с тем, что турецкое правительство при планировании кампании исходило из совершенно неверной оценки ситуации на Украине, сил и средств, необходимых для реализации задуманного, рассчитывая прежде всего на авторитет Ю. Хмельницкого. Ян Собеский, делая доклад на сейме уже в 1678 г., отмечал, что

---

431 Грамотки... С. 130–131.

432 Там же. С. 132.

433 Там же. С. 148.

столкновение с Москвой произошло вопреки намерениям Порты, которая «стремилась только к этой части Украины [Правобережью. — *М.Я.*], желая утвердить в ней Хмельницкого и не веря, что московиты разорвут дружбу с турками из-за Чигиринской крепости, незаметно начав войну»[434]. Само османское правительство по итогам кампании считало предпринятые им меры по подготовке к этому походу недостаточными[435].

Крушение османских планов было в значительной степени обусловлено тем, что османы плохо представляли себе степень вовлеченности России и Левобережного гетманства в дела Правобережья. Среди казаков не обнаружилось значительной группировки, которая приняла бы последовательную протурецкую ориентацию. Изначально Порта рассчитывала, что османской армии не придется участвовать в масштабных военных действиях и местное население с воодушевлением примет власть Ю. Хмельницкого. В Чигирине и даже в Киеве они предполагали встретиться лишь с немногочисленными силами. В таких условиях они рассчитывали быстро завершить войну, уничтожив центры сопротивления и принудив остальных казаков к повиновению. Для достижения этих целей, по мысли Порты, должно было хватить конца лета 1677 г. Есть основания согласиться с мнением С.Ф. Орешковой, что кампания 1677 г. планировалась в Стамбуле не как военная операция против сильного соседнего государства, а как карательный поход против бунтовщиков на окраинах империи. В Стамбуле полагали, что Россия не пойдет на полномасштабную войну с Османской империей.

Кроме того, фактором, предопределившим неудачу турок, стала двойственная позиция крымского хана. Как представляется, планы крымских татар выглядели несколько иначе. В литературе было установлено, что хан не мог приветствовать османские планы закрепления на Украине, которые ставили под вопрос автономию ханства в составе империи. К этому можно добавить, что в 1677 г. татары значительно лучше турок представляли себе реальное положение дел. Поэтому, когда стало понятно, что османские войска не могут быстро взять Чигирин, а попытка Порты

---

[434] Monuments historiques... P. 122.

[435] Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 201–202.

установить сюзеренитет над Правобережной Украиной не нашла поддержки казацкого населения, крымский хан Селим-Гирей предпочел избежать генерального сражения с русско-казацкими войсками и, как подчеркивают некоторые источники, вынудил Ибрагима-пашу отступить. Однако стоит отметить, что, несмотря на уход османской армии, она не была разбита.

Московское правительство, напротив, было довольно хорошо информировано о готовящемся вступлении турок на правый берег Днепра. Еще в марте И. Самойловичем и кн. Г.Г. Ромодановским был предложен план ведения будущей кампании, который был поддержан в Москве и далее последовательно реализовывался. Гетман точно предвидел, что целью будущего похода станет Чигирин, именно поэтому его следовало укрепить и снабдить сильным гарнизоном, чтобы сковать осадой силы османов. Тем временем основные силы русской армии и Левобережного гетманства должны были не допустить переправы отрядов противника через Днепр. В конце лета, когда турецкие силы «надотрутца», русско-казацкая армия должна была двинуться к Чигирину и вынудить осаждающих к отступлению. Представляется, что этот план был основан на довольно точной оценке сложившейся ситуации. В Батурине и в Москве понимали, что армия Ибрагима-паши, недавно разгромившая польские войска, — серьезная сила и исход полевого сражения с ней неизвестен. В то же время быстро взять подготовленный к осаде Чигирин не удастся, а «зимовать на пустыне ему не мочно», и турки с неизбежностью вынуждены будут отступить.

Анализ известий о действиях противника, имевшихся в руках русского командования, показал, что и в Москве, и в Батурине были хорошо информированы о движении османской армии. Русские и гетманские войска не двигались с места, пока не убедились, что целью похода Ибрагима-паши является именно Чигирин. Только во второй половине июля, когда стало ясно, что это так, они выступили к Днепру. Источники не дают оснований присоединиться к часто высказываемым в адрес кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича обвинениям в медлительности. Очевидно, крупное полевое сражение с армией Ибрагима-паши не входило в их планы, речь идет о том, что русская армия должна была появиться на Правобережье в тот момент, когда положение турецкой армии станет критическим, и подтолкнуть ее к отходу.

Вопрос о каких-либо наступательных действиях не рассматривался.

Оборона Чигирина длилась больше трех недель, при этом гарнизону удалось успешно отразить многочисленные приступы османов. Поворотным пунктом в кампании стали бои, развернувшиеся после подхода русской армии к Днепру 25 августа и продолжавшиеся до 28 августа, когда русскими войсками был занят один из вражеских лагерей. Серия столкновений не переросла, тем не менее, в генеральное сражение. Нежелание крымцев участвовать в таком сражении прослеживается в источниках достаточно ясно; очевидно, и турецкие войска к тому моменту тоже были слишком утомлены и деморализованы тяжелой и бесперспективной осадой, чтобы пойти на него. Ночью 29 августа хан и Ибрагим-паша начали отступление. Имея в тылу силы свежего противника, турецко-татарская армия бросила обоз и значительную часть припасов и отходила с максимально возможной скоростью. Отставшие отряды настигались русскими войсками или даже уничтожались татарами, отношения которых с турками резко обострились.

Итак, кампания закончилась стратегической победой российской стороны. При этом у гетмана И. Самойловича сложилось впечатление, что русско-казацкие войска могут успешно противостоять противнику: «...как уже поганских сил отведали есмы, не была бы... трудность стояти против оных»[436].

Тем не менее и в Москве, и в Стамбуле должны были проанализировать ее итоги.

В Стамбуле, видимо, осознали, что поражение было вызвано изначально неверной оценкой положения дел — во всяком случае, относительно мягкое (по османским меркам) наказание командования (Ибрагим-паша был заключен в Семибашенный замок, а Селим-Гирей временно лишился трона) наталкивает именно на такой вывод. Принимая решение о продолжении борьбы за Украину, Порта должна была задействовать значительно большие силы. Следовало готовиться к тяжелой борьбе, не рассчитывая на поддержку местного населения. Очевидным также стало, что крымские татары участвуют в войне неохотно, и было необходимо принудить их к этому. Кроме того, события 1677 г. показали,

---

[436] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 30.

что для успешных действий в Поднепровье потребуется, как минимум, все лето, причем крупная армия не может находиться на разоренном Правобережье без больших запасов продовольствия и конских кормов, а также организованного подвоза.

Ряд уроков предстояло извлечь и русскому правительству. Далеко не все силы, участие которых в войне предполагалось согласно первоначальному плану, были реально задействованы. Не удалось вовлечь в военный конфликт с Портой запорожцев. В этой связи правительство Федора Алексеевича должно было задуматься об исправлении этих ошибок. Не оправдал себя расчет на независимые действия в кампании нескольких не подчиненных друг другу армий, войска под командованием кн. В.В. Голицына, как было показано, не участвовали в сражениях. Кроме того, неурегулированность местнических взаимоотношений кн. Г.Г. Ромодановского и кн. В.В. Голицына привела к заметной несогласованности их действий. В этой связи сразу после окончания боевых действий царь Федор Алексеевич лично дал указания кн. М.Ю. Долгорукову, чтобы кн. Г.Г. Ромодановский «украинные городы оберегал по своему разсмотренью». В Москве, таким образом, приняли решение о том, что воевода Белгородского разряда «будет Украину ведать и оберегать» единолично[437], давая ему в некотором роде карт-бланш на ведение дальнейших военных действий с Османской империей.

[437] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 850. Л. 794.

Глава III

ЧИГИРИНСКИЙ ПОХОД 1678 г.

Отступление турок от Чигирина поставило в Москве вопрос о дальнейшей судьбе крепости. Перед российским правительством также встала задача выяснить намерения османов в предстоящем году, а также разработать план будущей военной кампании.

1. Действия московского правительства осенью 1677 — зимой 1678 г. и разработка плана будущей кампании

Какие действия были предприняты московским правительством после окончания боевых действий в Поднепровье?

В грамотке М. Боева кн. В.В. Голицыну от 19 сентября сообщалось, что при дворе нет единого мнения по вопросу о том, «быть ли Чигирину или ево разорить»[1]. Как отмечает А.Н. Попов, Боярская дума, рассмотрев вопрос о предстоящей войне с турками, склонялась к тому, что Чигирин следует разрушить и срыть его укрепления, уделив, таким образом, основное внимание защите Киева[2].

Для решения данного вопроса 22 сентября к кн. Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу «для... великого государя дел» и с милостивым словом был послан стольник В.В. Тяпкин, 2 октября он прибыл в Суджу к воеводе Белгородского разряда. Ему следо-

---

[1] Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969. С. 131.

[2] *Попов А.Н.* Турецкая война в царствование Феодора Алексеевича // Русский вестник. 1857. Т. 8. Ч. 1. С. 285.

вало узнать по наказным статьям мнение воеводы и гетмана, по таким вопросам: «...мочно ли тот город держать, или его разорить? И буде держать город Чигирин, для чего, и что из того держанья великому государю... прибыль и целой Украйне пожитку и обороны чаять?»[3] Кн. Г.Г. Ромодановский считал дальнейшую оборону крепости важнейшей задачей. По его словам, «Чигирина свести ни которыми мерами невозможно для того, что не отворить воинские ворота бусурманом, и естли Чигирин свесть, то и все городы заднепръские будут под бусурманскою рукою, и от того сей стороне будет великое разорение. А которые городы по Ворксле и по Пслу, и по Хоролю, и по Суле, и по Удаю [речь идет о Левобережье. — *М.Я.*], и на те городы приходы будут безпрестанные. А городы худые и необоронные. И естли над теми городами что учинитца, то и во всем малоросийском народе без замешанины не будет. Да и запорожцы смотрят того, чей будет Чигирин, того будут и они. И естли Чигирин свесть, а турки осадят своими людми, то заднепръские городы будут к Чигирину, и Киев держать будет опасно, а неприятелю над Киевым промысл чинить будет способно»[4]. Однако для этого необходимо усилить гарнизон крепости: «...прислать в Чигирин своих государских ратных людей с прибавкою, а гетман своих полков казаков пришлет же.... А естли Чигирин свесть, то от бусурман война продолжитца, и ко успокоению с великим трудом приводить будет»[5]. После этого разговора Тяпкин отправился в Батурин, куда приехал 6 октября.

Относительно дальнейшей судьбы крепости гетман также был весьма категоричен: Чигирин необходимо удержать. Подчеркивая важность обороны крепости для казацкого населения, гетман заявлял: «...естли Чигирину содержатца во всякой настоящей крепости и обороне вечно, тогда, де, и все украинские городы и Киев и прочие грады по обе стороны Днепра будут за великим государем... пребывати вечно и постоянно во всякой верности»[6]. После «совета» с гетманом В.В. Тяпкин отправился в Киев к воеводе кн. И.Б. Троекурову, где, осмотрев укрепления города, получил подводы для отправки в Чигирин.

---

[3] АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 319.

[4] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 254–254 об.

[5] Там же. Л. 255.

[6] АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 322–323.

На обратном пути, в Батурине, И. Самойлович вручил стольнику В.В. Тяпкину «статьи», в которых обосновывал, почему Чигирин не должен быть разрушен и «что за прибыли из него будут как великому государю, так и всей Малоросии Украйне»[7]. Примечательно, что кошевой атаман И. Серко советовал И. Самойловичу сжечь Чигирин. Его совет состоял в том, чтобы не защищать разоренный неприятелями город, а оборонять Киев: «Лучше бы жителей всех тамошних из города [Чигирина. — *М.Я.*] вывести, а самый замок сжечь, потому что поганый на пожарное место не пойдет, да и нам на две доли войско неудобно разделять»[8]. Однако И. Самойлович с таким видением ситуации согласен не был. Гетман подчеркивал в своих грамотах царю важное географическое и стратегическое положение Чигирина[9].

По мнению И. Самойловича, если турки укрепятся в Чигирине и на правой стороне Днепра, то все Правобережье было бы «под бусурманскою рукою, и Киев бы держали уже опасно, также неприятелю промысл чинить над Киевом... удобно. И на сей уже стороне Днепра, также по розных реках, имянно, по Ворскли, по Пслу, по Суле и по Удаю многим городом невозможно будет... задержатись, для того, что приходити будут на них бусурманы непрестанно, тех городов оборонити жителем немочно»[10]. При этом из-за малолюдности Правобережья и скудости его природных ресурсов турки, по мысли гетмана, должны были бы «промышлять» на левом берегу Днепра — «запасов и всяких доходов турецкой салтан из своих краев посылать в Чигирин не будет, а будет имать всякие запасы с городов и с сел сее стороны Днепра, ему же

---

[7] АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 335–341.

[8] *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков... Т. 2. С. 560–561.

[9] «Над самыми всеми украинными городами сея страны лежит, и уезды с селами все вместе: понеже те все реки не вдали, одна от другия в Днепр поблиз Чигирина поуходили, се есть, начав снизу река Ворскл, над которою живет полк многолюдной Полтавской; другая река Псел, над которою живут два полка, Гадицкой и Миргородцкой; третья река Сула, над которою живет полк Лубенской, с четвертою Удаем, по которой живет полк Прилуцкой, а полк Переясловской весь по-над Днепром. Те все помянутые реки от городов царского пресветлого величества взялись и текут в Днепр, и от Путивля порубежного города до Чигирина болши тридцати миль нет» (АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 336).

[10] АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 341.

учнут послушание всякое отдавать всех тех городов жители поневоле»[11]. Как видно, для гетмана оставалось приоритетным не только не допустить османского вторжения на левый берег, но и всячески предупредить распространение влияния турок на население Левобережья. Особенно сильно И. Самойловича беспокоила фигура Ю. Хмельницкого. Он считал, что если османский ставленник «засядет в Чигирине с своими бунтовники, тогда, де, все народы, которые из-за Днепра на сю сторону вышли, все пойдут изнова за Днепр к нему, Юраску, и их трудно будет задержать»[12]. Именно поэтому русско-казацким войскам, по его мнению, необходимо продолжать оборонять Чигирин, не позволяя туркам закрепиться в крепости.

И. Самойлович также наметил «по обсылкам» с кн. Г.Г. Ромодановским предварительный план военных действий. В стратегическом отношении он не претерпел существенных изменений — русско-казацкая армия должна заставить османские войска отступить с территории Украины, снова сковав их силы под Чигиринской крепостью. Так, гетман писал: «А как приход войны своей под Чигирин намерит, и силы своей много повторе там, как ныне, уронит, также и казны утеряет. И тако надежда на Бога, что изнова бы не добых его, со стыдом назад отступил бы, и так напрасно тружаясь дважды, не похотел ли бы престати своего злобного к войне на християнство намерения»[13]. Однако детали его реализации значительно изменились.

Выступление русско-казацких войск планировалось начать уже весной, чтобы «вскоре после Петрова дни [29 июня. — *М.Я.*] могли стати у Днепра». Такое решение объяснялось прежде всего тем, что после событий лета 1677 г. оба командующих понимали, что Чигиринский гарнизон не способен сдерживать численно превосходящих неприятелей под своими стенами на протяжении всего летнего периода. И. Самойлович подчеркивал, что, если бы в 1677 г. «всеми силами царского величества московского и казацкими, при нас будучими, на отсечь им к Днепру не поспешили,

---

[11] АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 329.

[12] Там же. Стб. 329.

[13] Там же. Стб. 329, 337–338.

никогда б тем наступлениям неприятелским не выдержали в Чигирине»[14].

В отличие от плана кампании 1677 г., гетман настаивал на том, чтобы на этот раз московское правительство прислало «ратных пеших полков сею зимою тысяч десять, со всякими полковыми осадными и подкопными и гранатными запасы». Сам И. Самойлович пришлет «своих казаков то ж число»[15]. Такое существенное различие в численности гарнизона также связано с опытом обороны Чигирина в 1677 г., когда пяти тысяч казаков оказалось недостаточно для обороны всей крепостной стены – они смогли оборонять только те стены Нижнего города, которые выходили на «полевые стороны». В данном случае «осадным сидельцам» повезло, что и сами османы не окружили крепость полностью и наступали только с одной «полевой» стороны. В предстоящей же военной кампании, по данным разведки и пленных, на стороне османов должны были принимать участие более многочисленные войска. Для восстановления разрушенных частей крепости, чтобы прибывший в Чигирин гарнизон «не изнурить и из сил не выбить», И. Самойлович и кн. Г.Г. Ромодановский предполагали послать на два месяца свои полки: гетман — Полтавский и «иной которой ближней полки», а воевода — слободские Сумский и Ахтырский полки[16].

Итак, кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович изначально единодушно выступали за дальнейшую оборону Чигирина, обладание которым рассматривали как залог безопасности Киева и всей Украины. Очевидно, что единая точка зрения двух командующих оказала влияние на позицию московского правительства. В то же время продолжало существовать мнение, по которому Чигирин следовало не только разрушить, но и построить новую крепость «близко Днепра»[17]. Связано это было, по всей видимости, с тем, что к этому времени в Москву вернулся А. Траурнихт с «начальными людми», которые стали сообщать, что Чигиринская крепость «слишком мала и совершенно разрушена турками, а новых укреплений построить невозможно»[18].

---

[14] АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 329, 338.

[15] Там же.

[16] Там же. Стб. 331.

[17] Там же. № 92. Стб. 390.

[18] *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 291.

Описанные выше колебания правительства, как представляется, были прежде всего связаны со сведениями о состоянии крепостных укреплений Чигирина и отсутствием уверенности в их быстром восстановлении. Когда оба командующих заверили, что удержание Чигирина возможно, в Москве с аргументацией воеводы и гетмана согласились. Царь Федор Алексеевич, «милосердуя о целости християнского народа, не щадя своей государской многочисленной казны, указал для тех всех причин, описанных в статьях... город Чигирин держать»[19]. Кроме того, воеводе и гетману предписывалось разработать план будущей кампании: «...как ево укрепить и починить, и сколким его государским ратем в нем быть, и каким, и о том бы, съехався... с... гетманом, посоветовать»[20]. В целом позиция Москвы в этот период и, в частности, желание оборонять правый берег Днепра противоречит устойчивой традиции украинской историографии, согласно которой Москва хотела отказаться от Чигирина и лишь позиция гетмана И. Самойловича заставила ее сражаться[21].

20 октября из Москвы к кн. Г.Г. Ромодановскому в Курск и к И. Самойловичу в Батурин был отправлен стольник А. Карандеев с царским указом, по которому следовало воеводе Белгородского разряда «по обсылкам назначив место, сьехатца з гетманом с Ываном Самойловичем и говорить о тех делех, которые надобны к сохранению святых божиих церквей и к целости малоросийского народа впредь от замыслов неприятелских Креста Святаго»[22]. Речь шла о разработке дальнейшего плана боевых действий и прежде всего выработке мер по восстановлению Чигиринской крепости. В то же время перед воеводой и гетманом снова были поставлены вопросы о целесообразности укрепления Чигирина и возможности организации обороны в другом месте. В Москве исходили из «худшего» сценария, когда русско-казацкой армии придется действовать на нескольких направлениях: «...буде впредь... турские и крымские силы придут под Чигирин или по серкову промыслу и по совету ево через Запороги х Ко-

---

[19] РГАДА. Ф. 89. Оп.1. Кн. 14. Л. 255 об.

[20] Там же.

[21] См., напр.: *Дорошенко Д.І.* Нарис історії України. Київ, 1992. Т. 2. С. 89–90.

[22] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 29; АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 381.

даку и муравским шляхом к Белугороду, и в украинные городы или, не займуя, пойдут и на малоросийские городы, и в то время, как ему з государевыми ратными людми и з гетманом случатца и Чигирин выручать, и во все места, где будет неприятель помогать, и как Серка от того неприятеля в то время отрывать, ведая ево в том непостоянство,... для тех вышеписанных причин, невозможно ль вместо старого Чигирина занять иное место, где пристойно, чтоб было у реки Днепра для скорой помочи... ратным людям»[23]. Русское правительство на данном этапе, как представляется, старалось собрать наиболее полную информацию о положении в Поднепровье и рассматривало все возможные способы организации обороны.

3 ноября А. Карандеев прибыл в Курск, где встретился с кн. Ромодановским. Воевода Белгородского разряда предложил в качестве места встречи с гетманом — Рыльск[24], после чего стольник направился в Батурин. 10 ноября он встретился с И. Самойловичем, с которым, а также с частью генеральной старшины (генеральным судьей И. Домонтовым, писарем С. Прокоповым, бунчужным Л. Полуботком, черниговским полковником В. Дуниным-Борковским), 17 ноября отправился в Рыльск[25]. 22 ноября «на разговорех» между кн. Г.Г. Ромодановским и гетманом Войска Запорожского был выработан совместный план предстоящей военной кампании.

Одновременно с подготовкой плана военных действий велась тщательная разведка намерений османского правительства. Осенью по указу гетмана И. Самойловича казацкими полковниками из «охочих» казаков были организованы отряды для добычи турецких и татарских «языков». Собранную информацию он направил царю в грамоте, из которой следовало, что неприятельские войска «расположились над Дунаем в Исмаиле, в Килии и во иных тамошних побережных местех, также и в Белогородчине»[26]. В Крыму ходили слухи, что во второй поход отправится «сам везирь турской с прибавками войск их поганских под Чигирин... и своего злого намеренея довершати имеют; понеже желеют о том

---

[23] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 6–7.

[24] Там же. Л. 31–32.

[25] Там же. Л. 36.

[26] Там же. Л. 36; АЮЗР. Т. 13. № 91. Стб. 380.

зело, что прошлого лета опоздали было под Чигирин с своим приходом, чрез которое опоздание ничего не учинили»[27]. Таким образом, в основу плана легло предположение, что османы появятся на Украине весной, а их войско будет существенно увеличено, были также предположения об участии в походе турецкого султана[28].

Съехавшись в Рыльске, кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович еще раз пришли к согласию, что Чигирин необходимо оборонять: «...того города Чигирина никакими мерами покинуть невозможно, иного места у Днепра занять не успеть, потому что неприятель к весне готовитца всеми силами»[29]. По результатам этой встречи воевода также писал в Москву, что Чигирин «свесть — то волной перелаз чрез Тясмин попустить бусурманом, а на иное место ближе к Днепру перенести ево невозможно для того, что на весне ожидать к Чигирину неприятельского приходу вскоре, а гетман Иван Самойлович о том о всем по общему вашему совету к великому государю писал же»[30].

О том, каковы были стратегические планы воеводы и гетмана, дает представление «лист», написанный И. Самойловичем к московскому царю из Рыльска[31]. В нем, как и в 1677 г., главное внимание было уделено обороне Чигиринской крепости. Гетман подчеркивал, что царь своим решением «в ласковом призрении нас, Войско Запорожское и народ малоросийской украинской, сохраняя, изволяете город Чигирин в своей государской держати обороне»[32]. Он еще раз подчеркивал невозможность разрушить Чигирин и построить вместо него у самого Днепра новую крепость, ввиду того что, когда османы «неотлагателно наступати помышляют, тому делу так скоро статца немочно: понеже на строение новаго города много времяни надобно. А так, что имели бы из самого основания новый город начати строити, а не привести его пред приходом неприятелским в совершение, то изволнейше старой Чигирин, которой отчасти имеет и доброе осно-

[27] АЮЗР. Т. 13. № 91. Стб. 380.

[28] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 43, 58.

[29] Там же. Л. 37.

[30] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 255–255 об.

[31] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 40–55; АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 387–394.

[32] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 43.

вание, починивати, и лутчее его будет в совершение укрепление приводити»[33]. Поэтому тем полкам, которые будут назначены в Чигирин со всеми запасами, необходимо было выдвинуться заранее, чтобы они «зимним путем, лдами, туды поспешили, чтоб ранее в Чигирин пришед, могли пред приходом неприятелским тот город, как надобно, построити и к обороне надобные крепости починити»[34].

При этом в «листе» подчеркивалось, что командующим гарнизона следует назначить «кого от синклита своего государского, что было кому тамо в городе устройствовати и замышляти вашими ратними государскими людми»[35]. Сильные разрушения крепостных укреплений и необходимость их скорейшего восстановления также требовали присылки инженера, но, как отмечал И. Самойлович, «толко чтоб был в том мастерстве умеющей и совершенной, а не таков, что прошлого лета в Чигирине был»[36]. Предполагалось, что для починки укреплений воеводой и гетманом будут направлены вспомогательные части из основной армии[37].

С выступлением русско-казацких войск, как было сказано, на этот раз гетман и воевода затягивать не планировали, намереваясь прийти к Днепру «пред приходом неприятелским». Тех ратных людей, которые должны быть посланы «в прибавку» к армии кн. Г.Г. Ромодановского, следовало отправить заранее «нынешним зимним путем», чтобы «за зимние пред всяким половодием дороги в сих порубежных украинских местех в готовости стали»[38]. По мысли кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича, османский командующий, обнаружив под Чигирином многочис-

---

[33] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 48; АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 390.

[34] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 44; АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 390.

[35] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 44–45; АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 388–389.

[36] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 45; АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 389. (По-видимому, недовольство И. Самойловича деятельностью Я. фон Фростена было связано с тем, что этот инженер ограничился только восстановлением старых стен и башен. См.: *Федосов Д.Г.* Полковник и инженер против Блистательной Порты // Гордон П. Дневник 1677–1678. М., 2005. С. 140.)

[37] АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 389.

[38] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 44; АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 388.

ленную вражескую армию, не будет разделять свои войска. В том случае, если турки все-таки пойдут не только «под Чигирин, но и во иные ваши государские страны, в украинные или в малороссийские городы», гетман и воевода предполагали действовать, «поразумеваясь по вестям, туды ж против их с войски... государскими, при нас обретающимися, управляти, чиня защищение... государству»[39].

Для скорейшей переправы русско-казацких войск через Днепр нужны были многочисленные суда, поэтому И. Самойлович просил московского государя указать, чтобы «100 байдаков добрых спустить от Брянска, которые могут Десною в Днепр, а Днепром на место, где надобно будет». На них ранней весной к Бужинскому перевозу должны будут отправиться два стрелецких приказа, которым будет указано укрепить лагерь на правой стороне Днепра[40].

В инструкции гетмана И. Самойловича, посланной с судьей И. Домонтовым в декабре 1677 г. для доклада московскому государю[41], к вышеуказанным статьям был сделан ряд дополнений. В первую очередь И. Самойлович при подготовке похода снова особое внимание уделил калмыкам, которых «надобно... имети себе в помочь». На этот раз предпринятые меры по организации их выступления должны были включать следующее: в походе калмыцкие войска должны будут сопровождать специально назначенные «провожатые», для того чтобы «их прямо... на потребное место проводили, потому что они, калмыки, ныне без провожатых ходя, много безчисленного разорения в людех и во имениях починили, также междо слобоцкими украинскими, как междо полку Полтавского городами». Также на всем протяжении пути им необходимо было высылать «харчи» из близлежащих городов. При этом калмыки, по мысли И. Самойловича, как и государевы ратные люди, должны были выступить зимой, чтобы «доколе реки не розойдутца... к весне подоспели, так как бы мы скоро с боярином и с войсками, при нас будучими, к Днепру во время надобья прибудем, и они стали там без замедления»[42].

---

[39] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 47.

[40] АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 386.

[41] Там же. № 93. Стб. 398–405.

[42] Там же. Стб. 402–403.

Важное место в подготовке к предстоящему отражению османского похода отводилось вовлечению в боевые действия запорожских казаков. В начале октября И. Самойлович прямо объявил В.В. Тяпкину, что И. Серко «поддался турку», ввиду чего «султан прислал казыкерменскому бею 30000 червонных золотых, чтоб подкупить Серка с козаками»[43]. Также гетман сообщил в Москву, что за «недоброжелательство» запорожских казаков отказал им в выдаче хлебных запасов. Московское правительство понимало, что в кампании 1677 г. запорожцы фактически принимали участие на стороне Османской империи и Крымского ханства: И. Серко «в нынешнее военное время чинил с ханом крымским перемирье»[44]. В царской грамоте гетману И. Самойловичу подчеркивалось, что кошевой «не токмо во время наступающих неприятелей под Чигирин помочи не подал, но и над бежащим неприятелем, ханом крымским и ордою, как он бежал из-под Чигирина, никакого верного поступку в службе своей не показал, и неприятеля на такой великой переправе воинским обычаем не бил, но еще, приятствуя ему и в переправе чрез Днепр, помочи подавал, и казаком в челнах татар возить приказал»[45]. И. Самойловичу было предписано «по тамошним подлинным ведомостям и по своему разсмотренью» выдать им хлебные запасы, если они «обратятца на верную... службу»[46]. В посланном «листе» гетман обещал Серко «отвратить» от османов и «впредь... во всем уговаривати»[47].

Однако до отправки хлебных запасов на Кош, по царскому указу, к И. Серко в октябре 1677 г. был послан подьячий Е. Шестаков, с которым гетман отпустил своего посланца, войскового товарища А. Золотаря. Шестаков прибыл в Сечь 11 декабря. На Раде, согласно наказу, он напоминал И. Серко, что «великий государь... их, атамана и все Войско Низовое своею государскою милостию и жалованьем призирал и ныне по тому ж призирает», и указывал, что благодаря действиям русско-казацких войск «ра-

---

[43] АЮЗР. Т. 13. № 83. Стб. 330; см. также: *Кочегаров К.А.* Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом... С. 5.

[44] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 12.

[45] АЮЗР. Т. 13. № 87. Стб. 354.

[46] Там же. Стб. 356.

[47] Там же. № 92. Стб. 390.

зорения ему, кошевому и всеми низовому войску не допущено»[48]. Между тем И. Серко «против тех неприятелей не токмо под Чигирин с войском запорожским не пришол, но и над бежащим ханом крымским с ордою, которой с великим страхом бежал ис-под Чигирина, и чрез Днепр не сыскивая перевозу, друг друга упреждая, плыли, промыслу воинского не чинил»[49]. Кошевой атаман отвечал, что запорожцы не участвовали в военных действиях под Чигирином, потому что турецко-татарская армия «прежде Чигирина» собиралась двинуться на Сечь. Именно поэтому запорожские казаки заключили перемирие с Крымским ханством; кроме того, они хотели, чтобы «у всего войска Низового из Сечи окупили полоняников татар, потому что войско было голодно и добычи никакой, и запасов не было»[50]. Прежде всего кошевого атамана заботила безопасность Сечи, а также обеспечение своего войска хлебными запасами. В этой связи И. Серко был готов весной нарушить перемирие с Крымским ханством и действовать против турецко-татарских войск, если царь бы «указал к ним на оборону от неприятелей прислать своих... ратных людей», а гетман — казаков «Полтавской полк да запасы»[51].

Таким образом, кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович настояли на дальнейшей обороне Чигирина. Ими был разработан подробный план предстоящей кампании, который учитывал недостатки, проявившиеся в ходе организации боевых действий во время летней кампании 1677 г.

После встречи в Рыльске кн. Г.Г. Ромодановскому было предписано ехать в Москву вместе с сыном, кн. М.Г. Ромодановским, и «видеть... великого государя пресветлые очи»[52]. После его приезда в столицу была созвана Боярская дума и вновь был поставлен вопрос о том, следует ли защищать Чигирин[53]. Получив информацию от белгородского воеводы, «великий государь..., слыша о том чигиринском устроении прилежное ваше радение, хотя то содержание Чигирина и с великими и неизчетными его

---

[48] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 30. Л. 21.

[49] Там же. Л. 21–22; АЮЗР. Т. 13. № 99. Стб. 425–426.

[50] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 30. Л. 25; АЮЗР. Т. 13. Стб. 427–428.

[51] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 30. Л. 28–29; АЮЗР. Т. 13. Стб. 428.

[52] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 153–154.

[53] *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 296.

царского величества казны убытками, однако, не щадя ничего для целости святых божиих церквей и для покою християнского, и унятия крови, и не презирая ни в чем вашего доношения, указал... Чигирина оберегать и всякое вспоможение ему чинить и от неприятелских замыслов оборонять вам, бояром и воеводам»[54].

В предлагаемый воеводой и гетманом план боевых действий был внесен ряд изменений. Главное из них заключалось в призыве на службу пеших и конных полков в разное время. «Пехотным салдацким полком и стрелецким приказом, прежним и нынешним, прибылым, со всякими воинскими запасы» было сказано «итти в Куреск же по нынешнему последнему зимнему пути». В то же время «столником и стряпчим и дворяном московским и жилцом и городовым дворяном и детем боярским и низовым ратем и рейтаром и драгуном» следовало «стать на указных местех на Троицын день [т.е. в конце мая – начале июня. — *М.Я.*] нынешнего 186 [1678. — *М.Я.*] году, для того, что таким великим конным ратем по зимнему пути стоять будет негде, и конских кормов добыть будет невозможно, и от того прежде времени и не видевся с неприятелем изнужатца»[55]. Кроме того, калмыцким отрядам также было «зимним путем поспешити... невозможно». В дальнейшем такое решение, отчасти оправданное сложностями с продовольствием, все же вносило значительные затруднения при сборе ратных людей и сковывало впоследствии действия кн. Г.Г. Ромодановского, в частности, вынужденным ожиданием калмыков.

Все остальные вопросы были решены в соответствии с предложенным воеводой и гетманом планом. Последовали, как будет показано ниже, новые назначения на должности чигиринского воеводы и инженера. Итак, московское правительство и гетман еще осенью и в начале зимы 1677–1678 гг. выработали план боевых действий, имея в виду, в первую очередь, военное разрешение конфликта.

С другой стороны, неудача османских войск под Чигирином в 1677 г. могла, по мнению московского правительства, подтолкнуть Порту к поиску мирного разрешения конфликта. В этой

---

[54] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 256 об. – 257.

[55] АЮЗР. Т. 13. № 93. Стб. 397.

связи русская сторона предпочла воспользоваться ситуацией и прояснить планы османов на будущий 1678 г. В ноябре 1677 г. в Москве было принято решение о возобновлении прерванных в начале 70-х годов XVII в. дипломатических связей с османским правительством[56]. И. Самойлович скептически отнесся к данной инициативе русского правительства, отмечая, что «зело хвално и разсмотрително, что,... хотя быти мирен, [великий государь. — *М.Я.*] изволяет гонца своего с своею государского грамотою посылати к салтану Турскому, призывая его к смиренею,... однако на то не обнадеживаясь, надобно быти остерегателным от его превратства, чтобы здесь не учинил такова обману, как учинил в полских странах»[57]. Кроме того, он считал, что такое решение приведет к тому, что султан «возгордитца», а своего «злаго намерения не престанет»[58].

2. Официальная позиция Москвы после похода 1677 г. Посольство А. Поросукова в Османскую империю

Решение об отправлении посольства было принято 19 ноября 1677 г. на заседании Боярской думы[59]. В Стамбул должен был направиться стольник А. Поросуков вместе с подьячим Ф. Старковым и толмачом турецкого языка Г. Волошаниновым[60].

Примечательно, что в начале декабря 1677 г. на заседании думы рассматривался вопрос о том, нужно ли посылать отдель-

---

[56] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 127.

[57] АЮЗР. Т. 13. № 93. Стб. 400.

[58] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 51.

[59] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 12.

[60] Выбор А. Поросукова, как представляется, был не случайным. С одной стороны, у него уже имелся опыт посольской поездки в Стамбул в 1669–1670 гг. (см. подробнее: *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 88–89), с другой — по всей видимости, речь шла не только о дипломате, но и о человеке военном, способном вести разведывательную деятельность. Отчасти такое предположение может подтверждаться его участием в 1699 г. в военных действиях с Портой в качестве главы московских стрельцов (*Воронков Н.* Парасуков Афанасий // РБС. Т. 13: Павел, преподобный — Петр. СПб., 1902. С. 311). РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 15–19.

ную грамоту от царя Федора Алексеевича великому визирю Кара Мустафе-паше, а также «поминков к салтану и везирю жалованья»[61]. К примеру, в 1672 г. царская грамота великому визирю направлена не была, однако на этот раз бояре вынесли решение об отправлении такой грамоты, «а на роздачю для государевых дел приговорили... послать... на четыреста рублев соболей»[62]. Кроме того, в этот же день думой была рассмотрена окончательная редакция наказа А. Поросукову и внесены в него некоторые поправки, в частности включены пункты о проведывании вестей про Ю. Хмельницкого[63].

Основной вариант грамоты Федора Алексеевича к султану Мехмеду IV был составлен 6 декабря. Начальная ее часть посвящена краткому обзору русско-османских отношений первой половины XVII в., когда московские государи и османские султаны «имели великую братцкую дружбу и любовь, и послы и посланники, и гонцы ссылались почасту». Речь прежде всего идет о 1628–1630 гг., когда в Москву приезжал османский посол Ф. Кантакузин с предложением о заключении русско-турецкого союза против Речи Посполитой[64] и возвращении Азова, захваченного донскими казаками в 1637 г., в османское подданство[65]. Далее Федор Алексеевич извещал Мехмеда IV о кончине Алексея Михайловича и своем вступлении на престол, и ввиду этого, «воспомянув с его салтановым величеством исконную дружбу и любовь предков наших великих государей царей и великих князей российских, восхотели также дружбу укрепить и утвердить, и послы и посланники ссылатца без урыву». «И того ради мы, великий государь... ко обновлению той исконной любви, послали к его к Магмет салтанову величеству посланного нашего, Афонасья Поросукова, государство ваше возвестить и о исконной дружбе напомянуть»[66]. Упоминался в тексте и поход османов к Чигирину в 1677 г., однако московское правительство было склонно рассмат-

---

[61] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 23 об.

[62] Там же. Л. 23 об.

[63] Там же. Л. 23 об. – 24 об.

[64] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20–30-е гг. XVII в. // Россия и христианский Восток. М., 2004. Вып. 2–3. С. 248–288.

[65] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 26 об. – 28.

[66] Там же. Л. 29.

ривать его как следствие недопонимания между Стамбулом и Москвой. В грамоте Федора Алексеевича говорилось, что летом 1677 г. «его салтаново величество присылал в наши царского величества украинные городы пашей своих с войски и хана с татары войною под Чигирин, и того никогда мы, великий государь..., с стороны брата нашего его салтанова величества по укреплению исконные дружбы не чаяли», поэтому сразу же добавлялось: «Но еще надобно было всегда быть нашего царского величества недругу недругом и искать всякого добра, как о том свидетелствуют любителные его салтанова величества грамоты, каковы присланы к деду нашему государеву [царю Михаилу Федоровичу. — *М.Я.*] и ко отцу нашему государеву [царю Алексею Михайловичу. — *М.Я.*]»[67]. В конечном итоге Федор Алексеевич предлагал Мехмеду IV подумать о восстановлении добрососедских отношений: «И буде ваше салтаново величество по исконной дружбе с нами, великим государем с нашим царским величеством, восхощете пребывати в братцкой дружбе и любви, и в частых обсылках, и мы, великий государь наше царское величество, по тому ж с вашим салтановым величеством ту исконную дружбу содержати желаем. А как нам обоим великим государем та исконная братцкая дружба и любовь обновить, и о том бы иметь посолские пересылки на обе стороны против прежняго»[68].

Грамота к великому визирю в целом повторяла основные положения грамоты, написанной к Мехмеду IV, однако имела одно существенное добавление. Москва призывала Кара Мустафу-пашу быть посредником при переговорах и попытаться склонить султана к миру: «Магмет салтанова величества ко всякому добру наговорить, чтоб его салтаново величество по исконной дружбе с нами, великим государем с нашим царским величеством, в братцкой крепкой дружбе и любви и в ссылках, а плен и войну отставил». При этом в грамоте прямо указывалось, что, если визирь согласится с таким предложением, то из Москвы «за твою, болшого везиря, службу и радение учнем к тебе держать наше царского величества жалованье по твоей службе, и служба твоя и раденье у нас, великого государя, в забвенье не будет»[69]. Как

---

[67] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 29–30.

[68] Там же. Л. 32–32 об.

[69] Там же. Л. 37–37 об.

видно, русское правительство пыталось заручиться поддержкой высших османских сановников и допускало, что такой фигурой может стать великий визирь. Однако, как показали дальнейшие события, выбор оказался ошибочным, именно Кара Мустафа-паша стал главным противником ведения переговоров с Москвой в этот период.

Из приведенных выше текстов следует, что грамоты должны были служить толчком для начала переговоров между Москвой и Стамбулом, и только в том случае, если султан имел «склонность к миру». Кроме того, примечательно, что ни в грамоте к султану Мехмеду IV, ни в грамоте к великому визирю Кара Мустафе не поднимался вопрос о принадлежности Украины[70]. В этой связи более полное представление о целях посольства в Стамбул может дать наказ А. Поросукову.

Наказ был дан 5 декабря 1677 г., он включал основные статьи, описывающие внешнюю сторону предстоящего посольства (маршрут, передачу грамот османским сановникам и т. д.), и статьи, данные в запас, в которых излагались ответы на возможные вопросы османского правительства и раскрывались детали посольской миссии. В целом А. Поросукову следовало вести переговоры с визирем и пашами «остерегательно, чтоб привесть обоих великих государей в прежнюю братцкую дружбу и любовь»[71]. Если великий визирь будет настаивать, что военные действия спровоцировала Россия, приняв «под свою царского величества руку Дорошенка со всею Украиною», то А. Поросукову следовало отвечать, что он направлен в Стамбул с грамотами, а «о делех ему ни о каких говорить не наказано. Толко то он, Афонасей, от его царского величества ближних людей слышел, что великий государь его царское величество братцкой дружбы и любви з братом своим Магмет салтановым величеством в любителных ссылках быти навеки неподвижно»[72].

Кроме этого, А. Поросукову предписывалось сказать визирю, что «из древних лет Украина, которая зовется Малою Росиею, пребывала под державою благочестивых государей царей и вели-

---

[70] Единственным исключением является ее упоминание в царском титуле.

[71] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 61 об.

[72] Там же. Л. 52 об. – 53.

ких князей росийских и киевских предков его царского величества, и не в которое время от подданство предков ево государевых поотлучилась. И в прошлом во 162-м [1654. — *М.Я.*] году Войска Запорожского гетман Богдан Хмелницкой учинился в подданстве... у великого государя [Алексея Михайловича. — *М.Я.*]..., а ныне по тому в подданстве у сына ево государева [Федора Алексеевича. — *М.Я.*]... А буде бы Дорошенко, изменя великому государю..., и похотел быть в подданстве у салтанова величества, и салтанову было величеству, памятуя предков своих укрепленную исконную дружбу с великими государи цари и великими князи росийскими, не токмо такова изменника принимать, но и помочи на таких изменников не давать, как о том обнадежены великие государи московские прежних салтанов дружбою и обещателными укрепленными грамотами: что всякому недругу быти недругом, а искать всякого добра, как о том свидетелствуют его салтанова величества грамоты. И то ныне надобно крепко содержать и исправить, и старой дружбы не терять»[73]. Здесь стоит обратить внимание на некоторые нюансы. В наказе никак не упоминалась Речь Посполитая и борьба России с ней за украинские земли. Царский наказ непосредственно апеллировал к Переяславскому договору 1654 г., игнорируя Андрусовское перемирие 1667 г., закрепившее разделение Украины на Левобережное и Правобережное гетманства между Россией и Польско-Литовским государством. Такой подход не был случаен, он отвечал конкретным целям, стоявшим перед Москвой в этот период. Польско-турецкая война 1672–1676 гг., как отмечалось выше, открывала перед московским правительством возможность утвердить свою власть на территории Правобережной Украины без участия Речи Посполитой. Более того, после уступки поляками Правобережья османам (по договору 1676 г.) об этой территории можно было искать соглашения лишь с Османской империей.

Интерес представляет восьмой пункт наказа, в котором рассматриваются полномочия А. Поросукова на ведение переговоров с османским правительством: «...ему от царского величества наказано ли о тех делех, о чем с ним в его царского величества грамотах к салтанову величеству писано, закрепити или будут для того присланы особые послы». Русским дипломатам в этом

---

[73] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 55 об. – 56 об.

случае следовало подчеркнуть, что их миссия заключается только в том, что присланы они «к салтанову величеству з грамотою, и его великого государя здоровье видети, а царского величества здоровье ему, великому государю, возвестити, и о дружбе и о любви напомянути. А как меж их обоих великих государей прежняя братцкая дружба обновити, и о том с ним от царского величества не наказано. О том бы великий государь их салтаново величество к брату своему, к великому государю к его царскому величеству, писал и наказал с своими послы»[74].

Итак, несмотря на то, что А. Поросукову следовало доказывать необоснованность притязаний Стамбула на Украину, посланники не получили полномочий на ведение переговоров с османским правительством. Цель посольства заключалась в уведомлении о вступлении на престол Федора Алексеевича и напоминании об «исконной дружбе». Но в то же время османской стороне предлагался своего рода «почетный» мирный выход из создавшейся ситуации. По мысли русского правительства, ответное посольство с предложением о мирном разрешении конфликта должно было быть направлено турецкой стороной. Кроме того, не предполагалось специальных подарков членам османского правительства и самому султану. Стоит отметить, что такая практика не была распространена. К примеру, во время отправки посланников в 1669–1670 гг. в Стамбул в знак уважения к султану было направлено пять пленных янычар[75]. Также примечательно, что, уведомляя кн. Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича об отправлении посольства, царь Федор Алексеевич подчеркивал, что если султан «тое посылкою возгордитца, и от войны не престанет» (как видно, в Москве сразу рассматривали такой вариант развития событий), то он «восприимет силное и непобедимое оружие... учнет святыя церкви и православных християн боронить... и начинающих рати да погубит всемогущею своею десницею»[76].

Как представляется, все вышесказанное свидетельствует о том, что в Москве не рассматривали дипломатическую часть миссии как основную. По всей видимости, речь в первую очередь

---

[74] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 61–61 об.

[75] *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 88.

[76] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.

шла о проведывании османских планов и сборе информации об армии, которая могла двинуться на Украину в 1678 г. Этот вопрос будет рассмотрен ниже.

12 декабря посольство во главе с А. Поросуковым выехало из Москвы. Его путь пролегал через Батурин и Переяславль на Сороку, Яссы и Силистру, а затем — Стамбул. Выбор «сухого» пути через земли молдавского господаря был, безусловно, связан со сбором информации об османской армии.

Однако трудности возникли у посланников практически сразу. В начале февраля 1678 г. османское командование решило задержать посольство в городе Бабадаг: «...з двора не спускать и кормов давать не велеть,... а для покупки харчевова и конского корму приказано з двора спускать одново толмача, и то за караулом»[77]. Кроме того, у посланников пытались изъять грамоты, адресованные султану и великому визирю, которые предписывалось отдать лично османским сановникам. Только путем уговоров и подарков дипломатическая миссия смогла двинуться дальше. Обращает на себя внимание, что в пограничных регионах Османской империи, в которых уже начались приготовления к летней кампании, отношения двух стран уже рассматривались как враждебные: «...подвод и дорожного корму давать ему не указано для того, что с великим государем их Мегметь-салтан... имеет войну»[78].

Несколько иначе сначала дела обстояли по прибытии в османскую столицу. 5 марта дипломаты прибыли в предместья Стамбула, где султан «велел ево... встретить со всякою учтивостию»[79]. Посланникам и здесь не было назначено поденного корма, ввиду того что о его даче «Афонасью указу от салтанова величества нет»[80]. Кроме того, больше недели они провели «за крепким караулом, и никово на двор и из двора людей ево не спускали»[81]. У такого отношения были определенные причины — «задержали ево... для того, чтоб он войск их [турецких. — *М.Я.*] не ведал», так как часть османской армии уже собирались выступать в Силистру. Только 14 марта дипломаты были переведены в Стамбул

---

77 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 38.

78 Там же. Л. 44 об.

79 Там же. Л. 45 об.

80 Там же. Л. 46 об.

81 Там же. Л. 47.

в греческую слободу, и «для береженья» к ним было поставлено 20 янычар.

Стоит отметить, что в Москве были готовы к тому, что посольство сначала будет допущено к великому визирю и только потом попадет на аудиенцию к султану. Однако переводчик дивана Александр Маврокордато заранее уведомил А. Поросукова, что великий визирь пожелал нарушить привычный русским посланникам протокол приема посольства у сановника: «...у салтанов, де, Турских древней обычай, когда от которых окрестных государей до солтанов Турских приходят послы и посланники, и гонцы, и наперед они бывают на дворе на приезде у везиря, и по их мусулманскому обычаю везирю кляняютца к ногам и целуют ево в полу, а не быв у везиря, до солтанова величества не допускают. И он бы Афонасей, как будет на приезде з грамотою царского величества у везиря, потому ж поклонился к ногам ево везирским и поцеловал в полу»[82]. Такое намеренное умаление чести иностранного посланника свидетельствует о том, что турки изначально не были заинтересованы в переговорах.

А. Поросуков, в свою очередь, ответил, что будет соблюдать только посольский обычай, а «кланятца к ногам... и целовать в полу ево, везиря, не годитца»[83]. Далее последовали угрозы османской стороны о «тесноте» и «бесчестии»[84].

24 марта 1678 г. состоялся прием русского посольства великим визирем Кара Мустафой-пашой в османском лагере недалеко от Стамбула. О том, как был принят русский гонец у великого визиря, становится известно из статейного списка самого А. Поросукова, а также показаний Ф. Яковлева, который был проводником посольства в Стамбул. Согласно его рассказу, когда он «перед везиря вошел в шатер, тогда везирю поклонился по обычаю и от подьячего взял Афонасей великого государя грамоту, пошел блиско к везирю, а везирь в то время сидел, а около ево стояли человек с 100 и болши многие урядники солтанские и ево везирские. И как Афонасей подшед блиско везиря, тогда ево, Афонасья, взяли под руки 2 человека копычи-баши [начальника дворцовых слуг. — *М.Я.*] и, приведчи к везирю, наклоняли трожды к ногам

---

[82] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 52–52 об.

[83] Там же. Л. 53.

[84] Там же. Л. 54.

ево с великою нуждою. И Афонасей, не уклонясь, везирю говорил: “Для чево силно ево, Афонасья, везирю наклоняют? А он, почитая ево, везиря, и так по обычаю поклонился. И такова чину ни у которых великих государей, чтоб силою принуждали послов или посланников, или посланных кланятца в ноги”. И переводчик говорил: “Чего ради он, Афонасей, воли такова великова человека противен чинитца, и к ногам ему не кланетца и в полу не целует? А ему, де, визирю всех окрестных государей мусулманских и христианских не токмо посланные, но и великие послы укланяютца к ногам и в полу целуют, а он, Афонасей, от государя своего прислан до государя их Магмет солтанова величества в малой особе”. И Афонасей говорил, что ему, Афонасью, иных государей нетокмо посланные, но и великие послы не образец, и к ногам везирю кланятца и в полу ево целовать ему, Афонасью, непригоже для того, что прислан он от великого государя от его царского величества ко государю их, Магмет солтанову величеству, а не к нему, везирю. И везирь велел великого государя... грамоту у Афонасья принять посольскому дьяку реиз Магмет афенди [министру иностранных дел. — *М.Я.*]. И Афонасей говорил, чтоб он, везирь, великого государя... грамоту принял у него, Афонасья, сам, и везирь великого государя грамоту принять хотел сидя. И Афонасей говорил, чтоб он, везирь, великого государя... грамоту принял со учтивостию стоя. И везирь приказал у Афонасья царского величества грамоту взять чауш-баше [начальнику личной гвардии. — *М.Я.*], да посольскому дьяку силно. И по приказу везирскому помянутой чауш и дьяк царского величества грамоту у Афонасья взяли силою и поднесли везирю. И везирь велел ему, Афонасью, ехать на подворье, а грамоту отдал для переводу переводчику»[85].

О вызывающем поведении Кара Мустафы-паши сообщал также Ф. Яковлев: «Афонасей учал править посольство, а везир сидит. И видя то, Афонасей, что везир сидит, а не встанет, велел говорить толмачю своему их турскому толмачю, чтоб он везирю сказал: прислан он, Афонасей, от великого государя с его царского величества грамотою ко государю их к салтанову величеству, и к нему, везирю, его великого государя грамота прислана же, и он, везир, против великого государя грамоты не встанет и слушает посолства сидя. И толмач турской, тех слов везирю не сказав,

[85] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 56 об. – 59 об.

великого государя грамоты у Афонасья из рук вырвал и отдал чауш-баше, а чауш-баша отдал ее думному дьяку, и думный дьяк великого государя грамоту держал при персех, прижав обеемя руками накрест»[86]. Как представляется, вызывающее поведение Кара Мустафы-паши подчеркивает его решимость продолжать военные действия на Украине.

При этом из сведений сотрудника французского посольства в Стамбуле Ф. де Ла Круа становится понятно, что великий визирь, по всей видимости, описывал прием русского посольства несколько в ином свете, очевидно, с целью склонить высших османских сановников к объявлению войны. Французский дипломат, в частности, писал, что поведение гонца было воспринято Кара Мустафой как вызывающее: «Представ перед везиром, он поднял глаза к маленькому окну над головой министра, из которого султан мог наблюдать за работой дивана и, предполагая, что султан находится там, обратился к нему: “Эта грамота великого государя для тебя, султан Магомет”. Произнеся его титулы, он отдал письмо и отправился к выходу, без всяких церемоний, кроме того, что стража проводила его»[87].

В итоге А. Поросуков сумел добиться аудиенции лишь у великого визиря Кара Мустафы-паши, к султану он не был допущен, посланная с ним грамота к Мехмеду IV была отобрана насильно[88].

В конце марта в Стамбуле было проведено очередное совещание, в котором участвовали муфтий, великий визирь, янычар-ага и «прочие ближние паши». Некоторые, как пишет Ф. де Ла Круа, склонялись к тому, чтобы заключить мир, утверждая, что «ведение войны в этих пустынях опасно для армии»[89]. Однако Кара Мустафа-паша настаивал на необходимости военных действий, не желая мириться с неудачей в прошлой кампании[90]. На совете было принято окончательное решение выступить против России. Об этом заседании Дивана русским дипломатам стало известно от Константинопольского патриарха Дионисия и переводчика А. Маврокордато почти сразу же.

---

[86] АЮЗР. Т. 13. № 137. Стб. 598–599.

[87] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 191–192.

[88] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 69.

[89] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 194–195.

[90] Ibid. P. 195–196.

Как сообщал А. Поросуков в Москву, «салтан же Турецкой с везирем и с пашами, и з ближними людми советовал и объявил везирю и пашам, что имеет он свое намерение особою своею итти с войски под Киев, а взяв Киев, учинить на Днепре в крепких местех городы великие и осадить турскими людми». «А учиня, де, на Днепре городы, — передают источники слова султана, — не токмо Чигирин возму, но и всю Украину под владение свое приведу и государство свое далеко распространю, такеж и завоеванные государства от предков наших салтанов Турских к государству Московскому отберу». Как видно, Мехмед IV намеревался поставить на Днепре турецкие городки и осуществить захват всей Украины. Однако османские сановники настаивали, чтобы к Днепру направился великий визирь Кара Мустафа-паша. Интересно при этом объяснение причины такого решения: «...буде бы везирь с войски от войск великих московских и побежден будет, тогда их народу бусурманскому в небытности салтановой от оных государств не таков будет зазор, и чтоб им послать везиря под Киев и Чигирин, не дожидаясь травы, для раннего проходу к Днепру на весну. И салтан на их мысль склонился»[91]. Решение о том, что великий визирь поведет войска в поход, было принято, однако его официальное утверждение сердаром (главнокомандующим) должно было состояться позднее, после официального выступления османских войск[92].

Как сообщал А. Поросукову Константинопольский патриарх Дионисий, изначально планировалось, что грамоту Федору Алексеевичу направит только великий визирь: а «салтан, гордости ради своея поганской, со ответствованием к великому государю... грамоты своей посылать не указал»[93]. Данное сообщение вызвало серьезную обеспокоенность русских посланников, поскольку такое действие не только демонстрировало враждебность османского правительства, но и умаляло царскую честь. 1 апреля 1678 г. А. Поросуков направил подьячего Ф. Старкова к реиз-эфенди, который подтвердил, что «от салтана царскому величеству грамоты не будет»[94]. В этой связи было решено воспользоваться со-

---

[91] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 275 об. – 276 об.

[92] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 699, 701.

[93] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 80.

[94] Там же. Л. 87 об.

ветом переводчика дивана А. Маврокордато, по словам которого, А. Поросукову следовало послать подарки от себя «салтанова величества к ближним людем, которые до посолских дел належат, и везирь их слушает: к Мустафе Магмет-афенди, к янычар агасы Усман-паше, к посолскому диаку к Магмет реиз-эфенди, к чауш баши, х кегаю [заместителю. — *М.Я.*] везирскому. А они могут о том везиря наговорить, что к царскому величеству с ним, Афонасьем, солтан свою грамоту со ответствованием пошлет»[95]. В конечном итоге, благодаря предпринятым усилиям (на подарки ушло 300 золотых червонцев и разнообразный мех[96]) русскому посольству удалось добиться получения грамоты к Федору Алексеевичу и от турецкого султана.

В апреле 1678 г. Порта официально объявила войну России[97]. 6 апреля А. Поросуков был на отпуске у Кара Мустафы-паши. Великий визирь объявил, что 20 апреля султан выступит на малороссийские города[98]. Посылать послов или гонцов в Москву вместе с русскими посланниками османское правительство категорически отказалось[99].

В грамотах турецкого султана и великого визиря, которые получили в Москве 1 июня 1678 г., подчеркивалось, что «причиною недружбы» стал украинский вопрос. Московское правительство было, по мнению османов, зачинщиком начавшихся в 1677 г. военных действий, поскольку оно приняло в свое подданство гетмана П. Дорошенко. По словам Стамбула, в 1677 г. Ибрагим-паша «принимать Украину послан был к крепости Чигиринской», однако русские «боем огнь недружбы возбудили»[100]. При этом подчеркивалось, что Правобережная Украина досталась Порте в результате военных действий против Речи Посполитой и права

---

[95] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 89.

[96] Известно, что для этих целей А. Поросукову пришлось тайно занимать у греков, «у проводинских жителей», 350 золотых червонцев: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 90 об.

[97] *Uzunçarşılı İ.H.* Osmanlı tarihi. Ankara, 1988. 3 cilt. 2 kısım. S. 380; Çehrin seferi. Merzifonlu Kara Mustafa Paşa'nın 1678'de gerçekleştirdiği ve Çehrin Kalesi'nin alınmasıyla sonuçlanan sefer // TDV İslam Ansiklopedisi. 8 cilt. S. 249–251.

[98] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 95–95 об.

[99] Там же. Л. 89.

[100] Там же. Кн. 15. Л. 119 об.

турецкого султана на данные территории, таким образом, обоснованы[101]. Также московскому правительству предлагалось направить послов в 1678 г. в движущийся к Днепру обоз турецкой армии с предложением мира и уступкой Чигиринской крепости и всего правого берега Днепра[102]. Из этого следует, что османы отказывались первыми делать шаги в сторону мирного урегулирования конфликта и оспаривали права России на территорию Правобережья.

Стоит отметить, что правящие европейские круги тоже понимали, что с этого момента отношения Москвы и Стамбула изменились. Так, нунций в Речи Посполитой Ф. Мартелли писал в апреле 1678 г. генеральному секретарю Святого престола А. Чибо, что «теперь московиты оказались вовлечены в очень опасную для них войну против турок»[103]. Об этом же сообщал польский посол Я. Гнинский[104].

Следует сказать, что в историографии установилось мнение, что посольство А. Поросукова было неудачным, ему не удалось добиться мирного разрешения конфликта и склонить османское правительство к мирному соглашению[105]. Однако, как показал анализ посольской документации, перед русскими посланниками такой задачи и не ставилось. Повод для отправления посольства был выбран довольно формальный, речь шла скорее об уточнении намерений противника. Но в то же время можно предположить, что русская сторона таким образом предлагала османам своего рода «почетный» мирный выход из создавшейся ситуации.

Итак, к апрелю 1678 г. нараставшее русско-османское противостояние достигло своего пика и, учитывая, что обе стороны на данном этапе всерьез не рассматривали возможность ди-

---

[101] В сохранившейся копии итальянского перевода султанской грамоты к царю Федору Алексеевичу, которая была отправлена в Вену, Украина прямо называется «моей» провинцией, которая была завоевана: «...conquistata con la scimmitarra, ferro..., et è la provincia mia» (Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 148 Turcica. 1678 (Apr.–Jul.). S. 11).

[102] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 115 об. – 117 об.

[103] Monuments historiques... P. 125.

[104] См., напр.: Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 348.

[105] См.: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 145–146; *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 150.

пломатического разрешения конфликта, обернулось началом официальных военных действий. В Москве, по-видимому, исходили из того, что неудача османских войск в 1677 г. вынудит турецкое правительство отказаться от притязаний на территорию Правобережной Украины и подтолкнет его к переговорам. Такое представление оказалось неверным. Кара Мустафа-паша, желая осуществить реванш, добился поддержки в Диване и объявления в апреле 1678 г. войны России. Военный конфликт 1678 г. был неизбежен.

3. Подготовка османского правительства к кампании 1678 г.

Поражение османских войск под Чигирином в 1677 г. нанесло удар по престижу Порты и было тяжело воспринято османским правительством. Согласно османскому хронисту Фындыклылы, в конце сентября об отступлении армии к Бендерам стало известно в Стамбуле, и Мехмед IV был очень недоволен исходом кампании[106]. Сведения о поражении турок осенью также распространились в европейских политических кругах, в которых обсуждали, как «московиты» смогли с большим успехом снять осаду Чигирина[107].

Еще при отступлении армии Ибрагима-паши к нему был направлен султанский чауш с приказом расквартировать часть войск на Дунае. Так, по словам взятого в плен тимарного сипахи А. Усейного, «все спаги роспущены были, и зимовали по домом, а иные, де, турские войска с пашею, 16 приказов янычан зимовали по Дунаю, а салтан турской зимовал в Царегороде»[108]. Артиллерия и обозы при этом были оставлены на Днестре[109].

10 октября по указу султана состоялось общее собрание (meclis-i meşvere) с великим визирем Кара Мустафой-пашой, на котором присутствовали все виднейшие гражданские и военные

---

[106] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 691–692.

[107] Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 148 Turcica. 1677 (Oct.–Dez.). S. 87.

[108] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 15–16.

[109] АЮЗР. Т. 13. № 103. Стб. 448.

чиновники. После долгих переговоров было принято предварительное решение о походе против России. Предполагалось, что султан также выступит с войсками и дойдет до Дуная[110]. Польский посол Я. Гнинский, находившийся в это время в Стамбуле, добавлял, что османы были намерены значительно увеличить для этой кампании свое войско и улучшить снабжение[111].

Приготовления начались незамедлительно. Были изданы фирманы о подготовке к походу войск и военных припасов, в частности пушечных ядер и пороха[112]. Как опять же сообщал осенью Я. Гнинский в своем письме к польскому королю Яну Собескому, для будущей войны из Стамбула морем отправили 40 орудий, началось комплектование корпуса янычар, который должен был быть послан в Крым. Правда, его отплытие затягивалось, поскольку многие янычары погибли под Чигирином и найти нужное количество желающих оказалось сложно. Польский посол также сообщал, что «в Азию и Румелию выслано 60 чаушей с фирманами: выгонять на войну даже ветеранов»[113].

До ноября месяца Ибрагим-паша находился в Бендерах и занимался приготовлениями к будущему походу, а затем выдвинулся в Бабадаг. В ноябре бейлербеем Озю-Силистры был назначен Кийор Хусейн-паша, который также возглавил войска, размещенные на Дунае[114]. Для будущей войны из Багдада был вызван Каплан-паша — знатный военачальник, который был назначен бейлербеем Диярбакыра[115].

Очевидно, что османскому двору причины неудачи похода были не вполне ясны, и было необходимо в этом разобраться до начала будущей кампании. С этой целью Ибрагим-паша был вызван к Мехмеду IV, который находился в окрестностях Стамбула на охоте. Бывший бейлербей Озю-Силистры в своем докладе основными причинами поражения назвал появление русско-ка-

---

[110] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 692; Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 201–202.

[111] Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 254.

[112] Bir gazavat-nâme... S. 111.

[113] Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 248.

[114] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 692–693.

[115] Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 148 Turcica. 1677 (Oct.–Dez.). S. 87; Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 248–249.

зацких войск на правой стороне Днепра (причем их численность оценивалась в 100 тыс. чел.) и двойственную, граничащую, по его мнению, с изменой, позицию крымского хана, сообщившего, что необходимо немедленно отступать от Чигирина. Ибрагим-паша был назван «неверным», отправлен в Стамбул и заключен в Едикуле[116]. Стоит отметить, что довольно точные сведения удалось собрать об этом и А. Поросукову, который сообщал в своем вестовом письме в Москву, что Ибрагим-паша был «по указу салтанскому взят с прочими пашами из Бабы..., и распрашиван накрепко, для чего он, не взяв Чигирина и не дав поля, с войски московскими и казацкими отступил»[117]. При этом «хотели, де, ево, Шайтан Ибраим-пашу, казнить смертию»[118]. Однако, согласно данным русского посланника, «везирь з ближними салтанскими людми у салтана Ибрагима с пашами от смертной казни упросили. И указал салтан Ибрагима с товарыщи в Царегороде посадить в турму, в Едикуля, и заковать в кандалы»[119].

Крымский хан Селим-Гирей был смещен со своего престола[120]. Ему вменялось в вину, что он поздно привел войска, а также не собирался активно участвовать в будущем походе[121]. На его место был поставлен Мурад-Гирей, «торжественное наречение которого произошло в январе 1678 г.»[122]. Вступление нового хана на престол повлекло за собой также новые назначения калги и нуреддина, ими стали Тохтамыш-Гирей и Саадет-Гирей соответственно. Как представляется, замена смертной казни заключением в Семибашенный замок (стоит отметить, не очень длительным) и смена Селим-Гирея сопряжены с тем, что в Стамбуле связывали неудачу кампании 1677 г. не только с ошибками командующих, но и с явными просчетами в организации самого похода.

---

116 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 693–694; Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 202.

117 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 274.

118 РГАДА. Ф. 124. 1678. Д. 10. Л. 15.

119 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 275–275 об.

120 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 694.

121 Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 202; Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 251, 289.

122 *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты... С. 591.

Меньшую вину за поражение в кампании 1677 г. возлагали на Ю. Хмельницкого, которому сначала на «волоской границе, в Кишеневе зделан двор от Тягина в 5 милях»[123], а затем «на зиму постановлено у Волоской землі, над Дністром, в Сороці, з его козаками, до которого козаки почали избиратися з тамтих городов подолских, и слободи на его імя закликано коло Богу на спустошених містах»[124]. По сведениям И. Самойловича, Хмельницкий также находился в Сороке и «при нем казаки есть небольшое число, человек со 100, те которые были взяты в неволю... и Астаматий, и калницкой полковник Коваленко при нем»[125]. При этом его положение изменилось, поскольку во время кампании 1678 г. он уже самостоятельно отправится на соединение с османскими войсками у Южного Буга. Важно, что Ю. Хмельницкий не находился в этот период на Правобережье, а казаков для него набирали в Подолии. На Правобережье, таким образом, отсутствовали турецко-татарские силы, однако И. Самойлович не рассматривал возможность занять территорию до Юж. Буга. Связано это было, как представляется, с уверенностью в приходе османских сил в 1678 г. и невозможностью организовать здесь оборону.

При этом стоит отметить, что у османского правительства, несмотря на начавшиеся военные приготовления, в конце 1677 г. еще не было окончательной ясности, куда направятся собранные войска. Как говорили османские сановники польскому послу, дойдя до Днестра, у них будет два пути: на Польско-Литовское государство или на Москву[126]. Связано это было с тем, что мир с Речью Посполитой еще не был ратифицирован османским правительством, и Порта рассматривала возможность участия поляков в предстоящем конфликте, причем на стороне как России, так и Турции. Эта неопределенность сохранялась до начала весны 1678 г., но не мешала подготовке к походу.

В январе 1678 г. на военном совете османы рассматривали несколько возможных путей наступления на Украину, в частности через Бендеры к Чигирину и через Бар, Немиров, Белую Цер-

---

[123] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 36–37.

[124] Літопис Самовидця... С. 128.

[125] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 5. Л. 3.

[126] Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 280.

ковь к Киеву[127]. Османское правительство тщательно готовилось к предстоящей военной кампании: «...войска, де, салтан указал, конечно, собрать против походов прежних салтанов, как ходили под Вавилон и Египет всеми государствы владения своего и с великими пушечными наряды»[128]. Всем войскам было велено «собиратца на срок апреля к 23-му числу к походу с везирем Кара Мустафою-пашею, и збирались, де, турские войска в Бабе и в Сакче» на Дунае[129]. Однако примечательно, что, по словам Я. Гнинского, мобилизация войск шла тяжело, жители Анатолии не хотели идти на войну, хотя на их сбор было направлено трое пашей. Более того, он подчеркивал, что в случае повторного поражения здесь могли вспыхнуть бунты[130].

Для переправы начали сооружаться мосты на Дунае, ниже Галата, и на Днестре против Тягина[131]. Ответственным за строительство мостов был назначен бейлербей Озю-Силистры Кийор Хусейн-паша[132]. Вопросы снабжения армии османы, как и в кампании 1677 г., отчасти возлагали на валахов и молдаван, которым необходимо было заготовить 3000 возов с запасами[133]. Рассматривалась, как и позднее, возможность создания продовольственной базы на Днепре в Казыкермене, через которую можно было бы доставлять запасы в Чигирин. В целом был подготовлен значительный запас провизии (которого, как выяснится, все-таки не хватит), кроме того, за армией должна была двигаться большая отара овец, по некоторым данным, в несколько сотен тысяч голов[134].

В своем статейном списке А. Поросуков указывал, что в начале весны стало известно, что «солтан и везирь с войски своими из Царягорода вышли за 2 версты и стоят в поле в шатрах»[135]. Однако стамбульскому двору были не чужды колебания. Как сообщал русскому посланнику переводчик дивана А. Маврокордато, вой-

---

127 Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 300.
128 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 276 об.
129 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 16.
130 Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 272.
131 АЮЗР. Т. 13. № 122. Стб. 532.
132 Bir gazavat-nâme... S. 114.
133 АЮЗР. Т. 13. № 147. Стб. 636.
134 Monuments historiques... P. 147.
135 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 45 об.

ны с Россией турки побаиваются, так как легко могут потерять славу, добытую в войне с Речью Посполитой[136]. Кроме того, к Мехмеду IV в начале зимы писал крымский хан, «чтоб он, салтан, лехко войск московских себе не ставил и не равнял бы великого государя... к королю полскому. Потому что в королевстве Полском не токмо меж сенатори, но и по селам и деревням всякой шляхтич равен чинитца государю своему и имянуют себя королем, а великий государь Московский, царь самодержавный, и на всякое его государское повеление нетокмо силы московские и казацкие, но и бусурманские всегда готовы»[137].

Однако в марте после длительных переговоров с Речью Посполитой Журавенский договор был ратифицирован османским правительством[138]. Польско-литовская сторона не смогла добиться уступок, и Правобережье, за исключением Белой Церкви и Паволочи, было утверждено за Османской империей. В начале апреля, как уже отмечалось выше, османы приняли окончательное решение о начале военных действий против России. Стоит отметить, что в предстоящей кампании на кону стояла репутация великого визиря, который, по словам австрийских дипломатов, пообещал подчинить Чигирин и одержать победу над неприятелями[139].

Османы планировали в несколько дней взять Чигирин, при этом Мехмед IV угрожал визирю казнью, если он не сможет завоевать крепость. Также предполагалось, что защитникам крепости сначала предложат сдаться, после чего она будет взята[140]. Кроме того, они были намерены по-прежнему утвердить Ю. Хмельницкого гетманом. Военные действия, по словам польского резидента С. Проского, османы хотели завершить в течение шестидесяти дней; затем по указу султана Кара Мустафе-паше нужно было вернуться в Силистру до начала зимы[141]. Однако, как свидетельствовал близкий к османскому двору Мегмет-ага, взятый в плен

---

136 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 99 об.; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 146.

137 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 277–277 об.

138 Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 309.

139 Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 149 Turcica. 1678 (Aug.–Oct.). S. 6.

140 Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 203.

141 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 364

в одном из сражений 1678 г., османы, быстро захватив Чигирин, «имеют мост чинити на Днепре» для дальнейшего похода на Левобережье[142]. Польский резидент этого тоже не исключал[143]. Таким образом, при благоприятном развитии ситуации речь могла идти о попытке захвата всей Украины.

По плану османского командования, в Чигирин должны направиться две армии: первая, основная, под командованием великого визиря, вторая — под началом бейлербея Диарбакыра Каплана-паши. Важными являются сведения С. Проского и Ф. де Ла Круа о враждебных отношениях визиря Кара Мустафы-паши с Капланом-пашой. По словам польского резидента, «везир приказал ему следовать за собой потихоньку. Одни говорят, чтобы войско было храбрее, ожидая большого за собой подкрепления, другие же понимали, что истинная причина в том, чтобы вперед добыть Чигирин»[144]. Французский дипломат, в свою очередь, отмечал, что Кара Мустафа-паша хотел сокрушить своего соперника[145].

Стоит отметить, что польские политические круги весьма скептически отнеслись к стремлению турок утвердиться на правом берегу Днепра. По мнению Я. Гнинского, Ю. Хмельницкий не сможет там себя ни защищать, ни обеспечивать продовольствием, и цена его содержания перевесит возможную пользу для Порты[146]. Кроме того, он подчеркивал, что Подолия к этому времени опустела и, по сути, превращена войной в дикое поле[147]. Положение Чигирина такжебыло, по его мнению, неудобным для турок из-за расположения между пустынным Правобережьем и враждебно настроенной Россией[148].

20 апреля османская армия официально выступила в поход[149]. Османский придворный поэт Хусейн Бехчети, который также отправился к Днепру, описывал торжественный выход войск из

---

142 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 66–67.

143 Samuela Proskiego Dyaryusz... S. 364.

144 Ibid. S. 364.

145 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 206–207.

146 Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 349–350.

147 Ibid. S. 350; *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim... S. 95.

148 Monuments historiques... P. 147.

149 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 699.

Стамбула, говоря, что оно было подобно изображению на «древних картинах»[150]. В кампании 1678 г. участвовали многие знатные представители османской власти[151], в ней также принял участие Вани Мехмед Эфенди — один из известнейших исламских проповедников времен правления Мехмеда IV, который поддерживал боевой дух османской армии. Его присутствие было связано с объявленным ранее джихадом[152].

Первоначально османские войска символически повел лично султан, однако он дошел только до Дуная, где в середине мая Кара Мустафа-паша был официально назначен сердаром (главнокомандующим войсками)[153]; сам же Мехмед IV оставался в Силистре до конца кампании 1678 г.

В двадцатых числах мая великий визирь выступил с армией и 4–5 июня прибыл в Исакчу на правом берегу Дуная, где пробыл 2 дня, пока наводили мосты[154]. Через Дунай он переправился 6 июня[155]. Войско под командованием Кара Мустафы-паши двигалось в Чигирин торжественно, военачальники подчеркивали свою уверенность в победе, чтобы поднять боевой дух османской армии[156]. Помимо османских хроник, поход детально описывает в своем дневнике С. Проский. Так, по его сообщениям, 13[157] июня османские войска прибыли в Бендеры торжественной процессией: «Перед везирем ехало 43 аги со всеми дворами. После них шло несколько десятков кадиев и эфенди. Между ними несли санджак (знамя), потом вели ездовых коней... Сам везир ехал на расстоянии выстрела из лука на рыже-саврасом коне в красных одеждах без подшитого соболями воротника, в белом атласном халате, в трехгранном тюрбане, в том, в котором заседает в диване. Около него на конях — 4 янычара под леопардовыми шкурами с перьями, которые носят санджакбеи. За ним также на расстоянии выстрела из лука ехал везирский каймакам с двором под знаменами

---

150 Bir gazavat-nâme... S. 112.

151 Ibid. S. 113.

152 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 692; Bir gazavat-nâme... S. 115.

153 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 699.

154 Ibid. S. 701.

155 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 197–198.

156 Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 203.

157 Согласно османскому хронисту Фындыклылы, 15 июня (Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 701).

с музыкой в 60 коней; за ними парами везирская молодежь в панцирях с пиками... Когда приехал везир к городу, из замка был дан залп из довольно большой пушки раз двадцать и более»[158].

Стоит отметить, что, учитывая ошибки 1677 г., Кара Мустафа-паша организовал активную разведывательную деятельность. По его приказу в сторону Чигирина был направлен заранее татарский ага Али-ага со 180 крымцами[159]. Примечательно, что об этом стало известно и русской стороне. Москва также знала, что ему предписывалось расписать «по станам» дорогу от Днестра до Чигирина[160]. Для этого Али-ага сначала прибыл к Ю. Хмельницкому в Бендеры, откуда были направлены пятьдесят «черемис[161] и казаков» во главе с двоюродным братом Хмельницкого, Иваном Яненко, для выполнения этого приказа[162].

В течение середины июня османская армия переправлялась через Днестр. Согласно расспросам пленных, будучи на Днестре, великий визирь писал к крымскому хану с требованием, чтобы тот шел к нему[163]. В самом конце османы стали перевозить орудия: «...сначала большие пушки в два локтя, длиною в 22 сажени; одни тянули 20 пар буйволов, другие — 18 пар, и наименьшие — по 16. На каждой такой пушке был отдельный пушкарь со знаменем. Полевых же орудий — 80, под каждым по 4 лошади, мортир — около 30, возов с припасами и со всем оборудованием для копания мин и ломания стен — около 500»[164]. Как видно, в сравнении с 1677 г. произошел значительный рост огневой мощи османской армии: увеличилось число крупнокалиберных орудий, появились различные приспособления, предназначенные для проведения осадных работ.

---

158 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 363.

159 Bir gazavat-nâme... S. 115.

160 АЮЗР. Т. 13. № 128. Стб. 558–559.

161 Так казаки называли татар-липок — литовских татар, переселившихся на Украину и перешедших на османскую сторону с началом польско-турецкой войны 1672–1676 гг. (см. подробнее: *Кочегаров К.А.* Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович в 1679–1680 гг.: (Заметка в связи с выходом очередного тома «Дневника» П. Гордона) // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 490–491).

162 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 486.

163 Там же. Д. 1157. Л. 10–11.

164 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 364–365.

18 июня в османский лагерь вступил валашский господарь с отрядом в 200 всадников. По словам С. Проского, в лагере говорили, «что всех валахов должно было быть 8 тыс.». 20 июня после полудня «представился перед везиром господарь мултянский в 4-х тыс. Имел хоругви... почти все с огнестрельным орудием и пушками,... вместо драгунов было 2 тыс. людей с мушкетами, с барабанами и манерой драгунской. Было и две хоругви татар-липок, было много поляков (по всей видимости, наемников. — *М.Я.*)»[165]. После того как османы переправились через Южный Буг, к ним подошел также Ю. Хмельницкий с казаками[166].

Стоит отметить, что после переправы через Южный Буг османским войскам предстояло передвигаться по достаточно пустынной и безводной местности, поэтому перед основной армией вперед двигались вспомогательные войска, которые копали колодцы[167]. За три дня до прихода к Чигирину, 6 июля, турецкие войска соединились с крымскими татарами: «...не доходя, де, до Чигирина за 3 днища, с везирем сошелся хан крымской с ордами»[168]. По этому случаю в османском лагере был устроен пир[169], крымский хан получил деньги и подарки[170].

Стоит упомянуть также об одном любопытном действии османов в это время — за «три перехода» до Чигирина ими было основано новое поселение (махалля), которое получило название «Küçük Önkol»[171]. Другой топоним приводит османский придворный поэт Хусейн Бехчети — «Küçük Tâslık»[172], что позволяет предположить, что речь идет об основании поселения в каменистой местности на р. Ташлык, левом притоке Тясмина, в 55 км от Чигирина. Это было важное и вдохновляющее для османских

---

165 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 365.

166 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 202.

167 Monuments historiques... P. 147.

168 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 16.

169 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 367–368. Стоит отметить, что польский резидент датирует это событие 8 июля, что является ошибкой, поскольку часть османских войск к этому времени уже подошла к Чигирину.

170 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 701.

171 Ibid. S. 701.

172 Bir gazavat-nâme... S. 308.

воинов действие, которое повысило боевой дух[173]. К сожалению, никакой дополнительной информации о существовании данного поселения найти не удалось (наверняка оно было заброшено после ухода турок от Чигирина), однако такая символическая акция, как представляется, свидетельствует о том, что турки намеревались утвердиться в регионе и обживать его.

Итак, официально османы выступили в поход в начале весны, что, собственно, и предполагало русское командование, уже в мае ожидавшее их прихода на Украину[174]. Однако в мае османская армия находилась еще на Дунае, в середине июня она только переправлялась через Днестр. Связано это было со значительными приготовлениями к кампании[175]. Кроме того, сохранились расспросные речи каневского казака, побывавшего «в войске при Юраске Хмелницком». Он сообщал, что Ю. Хмельницкий и Коваленко говорили султану, чтобы он «рано весною под Чигирин не ходил для того, что, де, в полкех... ратные люди и Войска Запорожского казаки, дожидая ево, салтана, под Чигирин приходу месяца два или три, изнужась, и обоз запасов поедят, отступали в домы свои, а болши, де, тово стоять не будут. А как, де, те... ратные люди и казаки отступят и изнужатца, и он, де, бы салтан, пришод под Чигирин, учинил по воли своей, Чигирин взял, оставил в нем Юраску Хмелницкого и пошел под Киев»[176]. К сожалению, приведенные сведения единичны и не могут достоверно свидетельствовать о стремлении османов намеренно дезинформировать русское командование о своем раннем выступлении, однако такой вариант нельзя полностью исключить.

Решив продолжать борьбу за Украину, Порта должна была задействовать значительно бóльшие, чем в предшествующей кампании, силы. Османы учли свою главную ошибку — они понимали, что не найдут поддержки у местного населения, и рассчитывали только на силу своего оружия. Как сообщал казацкий лазутчик, «ныне он, Юраско, говорит, что уж чигиринцы ему не сдадутца, доставать его будет войною; да и войска, де, чает он, в

---

[173] Bir gazavat-nâme... S. 308–309.

[174] См., напр.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 848. Л. 316 об. – 317 об.; АЮЗР. Т. 13. № 116. Стб. 502.

[175] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 699–700.

[176] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 13.

Чигирине ныне много»[177]. Кроме того, на этот раз османы активно стремились получить сведения о намерениях и действиях своих противников, для чего постоянно, как уже отмечалось, ловили «языков»[178].

Вопрос о численности османской армии, приведенной Кара Мустафой-пашой в 1678 г., весьма сложен, что связано как с многообразием источников, так и с различными подходами к подсчетам. Среди многих современников было распространено представление о «тьмачисленности» турецкой армии, в литературе же высказывались противоречивые оценки. Так, Н.А. Смирнов считал, что турецкая армия «была немногочисленной, самое главное, чрезвычайно пестрой по своему составу» и плохо организованной[179]. По мнению Н.И. Косиненко, всего в турецкой армии вместе с татарами и казаками Ю. Хмельницкого было до 115 тыс. человек, 176 орудий разных калибров и свыше 100 тыс. обозов[180]. Е. Стецюк определяет количественный состав турецко-татарской армии во втором Чигиринском походе в 200 тыс. человек[181]. В.М. Заруба высказывает предположение, что численность османской армии в кампании 1678 г. достигала 130–140 тыс. воинов, вместе с конницей крымского хана[182]. Б. Дэвис пишет о 70-тысячной турецкой армии, без учета крымско-татарской конницы[183], и т.д.

Официальных росписей, подобных русским, которые фиксировали бы наличную численность армии, османское делопроизводство того времени не имело, так что, как уже упоминалось выше, она может быть восстановлена лишь приблизительно. Большинство исследователей пытаются определить численный

---

177 АЮЗР. Т. 13. № 127. Стб. 560.

178 Об этом не раз сообщали С. Проский и Ф. де Ла Круа (см., напр.: Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 361, 368; *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 199).

179 *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 151.

180 *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война... С. 58.

181 *Стецюк К.І.* З історії боротьби російського і українського народів проти агресії шляхетської Польщі й султанської Туреччини у другій половині XVII ст. // Український історичний журнал. 1983. № 3. С. 25–41.

182 *Заруба В.М.* Украинское казацкое войско... С. 57–58.

183 *Davies B.* The Second Chigirin Campaign... P. 99.

состав османской армии исходя из общих представлений о масштабе происходивших событий и максимальной численности турецкой армии. В этой связи разумно обратиться непосредственно к источникам.

Ф. де Ла Круа говорил об общей численности турецких войск с конницей крымского хана и казаками Ю. Хмельницкого в 111 тыс. человек, не считая передового отряда, в который входили войска четырех пашей и 4 тыс. янычар[184]. К сожалению, сведения сотрудника французского посольства, который, как уже говорилось, мог собирать информацию непосредственно при дворе, не включают, скорее всего, другие вассальные контингенты. Поэтому имеет смысл обратиться к расспросным речам «переезщиков», взятых в плен языков и другим донесениям. Однако здесь необходимо учитывать специфику используемых источников — часто языки и перебежчики называли также цифры, отражавшие не реальную, а «списочную», максимальную численность участвовавших в кампании контингентов войск.

В распоряжении российского командования имелись противоречивые сведения относительно общей численности османской армии. В разгар военных действий «перед бояры и воеводы» взятые в плен турки сообщали, что «с везиром, де, турских и татарских, и волоских, и мултянских и розных земел войск конных и пеших с триста тысяч человек»[185].

П. Гордон со ссылкой на серба-перебежчика пишет о 182 тыс. человек турецко-татарской армии; учитывая, что «погонщики, возницы, пионеры и многие прочие — все христиане, согнанные из европейских владений турок», не участвовали в боевых действиях, то получается, что, по его оценке, собственно турецкая армия составляла порядка 77 тыс. человек[186]. По

---

[184] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 200–201.

[185] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 66–67.

[186] Общая роспись войск выглядит следующим образом: «15 000 янычар и столько же солдат, называемых сеймены, 15 000 пионеров, 30 000 сипахов придворной конницы, прочей гвардии 15 000, при артиллерии и боевых припасах 2000, с господарями или князьями Молдавии и Валахии около 10 000 человек. У них имеются 4 огромных орудия, влекомых 32 парами буйволов каждое, 27 других тяжелых орудий разных размеров для батарей, 130 полевых пушек, 6 мортир, стреляющих гранатами по 120 фунтов, и 9 поменьше, стреляющих гранатами по 30–40 фунтов и более; 8000 подвод

свидетельству Яна Гнинского в письме к Яну Собескому, собственно турецкая армия невелика, общее число ее не превышает 50 тыс. человек, впечатление же сильного войска создается за счет огромного обоза[187]. Польский резидент С. Проский численность турок оценивал в 60 тыс. человек[188]. Взятые в плен татарские языки говорили о том, что «с везирем, де, турков будет с 50 или с 60 тысяч»[189]. Казак Александр Лукьянов (сообщивший о себе, что «родом, де, он волошенин») доносил: «Турского войска пехоты будут тысяч с 10 000, конницы тысяч с 70; обоего конницы и пехоты будет тысяч 80»[190]. Особого внимания заслуживает свидетельство приближенного к турецкому двору Магмет-аги, взятого в ходе кампании в плен: «Тефтедар-паша имеет 3000 возов всякого запасу. Янычан сказывает 20 000, спагов с красными чалными 27 000, 4 полка: 1-й с красными, 2-й с зелеными, 3-й с белыми, 4-й с жолтыми знаменами, тех всех вместе с 10 000 сказывают... А с... пашами... с 20 000 турков»[191].

Оценки численности янычарской пехоты колеблются от 10 до 40 тыс. человек. «Переещик Мишка» слышал, что «янычан у них» 40 тыс. человек[192]. По показаниям «челедника» Федора Яковлева, господарь молдавский сообщал, что турки приведут с собой войска «невеликие, янычар болши 20 000 не будет»[193]. Такую же численность называет и приближенный к османскому двору Мегмет-ага. Как было показано выше, цифра в 20 тыс. человек,

---

и 5000 верблюдов, груженных боевыми припасами и воинским инструментом, 8000 погонщиков и 100 000 подвод с провиантом» (*Гордон П.* Дневник... С. 56). (Нужно учитывать при этом, что численность придворных сипахи у шотландца явно завышена. Как было выяснено выше, их число не превышало 16 тыс. чел. и при мобилизации значительно снижалось.)

187 Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego... S. 357.

188 Monuments historiques... P. 145.

189 АЮЗР. Т. 13. № 142. Стб. 619.

190 Там же. № 148. Стб. 638–639.

191 Там же. Стб. 635. Численность «спагов с красными чалными» явно преувеличена. Кочибей Гомурджинский писал в своих «рисале», что в середине XVII в. «сипахиев красного знамени 300 бёлюков, а в них 5000–6000 воинов» (см.: *Тверитинова А.С.* Второй трактат Кочибея // Учен. зап. Ин-та востоковедения. М., 1953. Т. 6. С. 232).

192 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 344.

193 АЮЗР. Т. 13. № 137. Стб. 597.

по-видимому, соответствует мобилизационному максимуму янычарского корпуса, который Османская империя была способна привлечь для участия в дальних походах. Один перебежчик предоставил сведения, что «пехотных полков яначан было 40 полков, а в полку не поровну: по тысячи, а в ыном по пятисот и по триста человек и менши»[194]. Особый интерес представляют расспросные речи пленного из янычарской среды — «турского салтана пятово приказу янычанина» Ибраима Исупова. Он говорил: «...у турского, де, салтана во всей ево державе янычан 192 приказа, а людей, де, в приказех в лутчих, в пяти приказех, по 500 человек, а в ыных по 300 и по 200 человек. И с того, де, числа с вязирем было под Чигириным 60 приказов, а во всех во штидесяти приказех их янычан с 15 000, а досталные приказы все в россылках по городом... А как, де, они пошли под Чигирин при салтане, де, осталос янычан приказов з двенатцат»[195]. Как представляется, данные сведения близки к реальности, кроме того, они отчасти согласуются со свидетельствами Ф. де Ла Круа[196]. Несмотря на некоторые расхождения, можно предположить, что войска янычарской пехоты составляли порядка 12–15 тыс. человек. Весь корпус капыкулу, учитывая конные и артиллерийские части, возможно, доходил до 20–25 тыс. человек.

При определении возможной численности провинциального войска необходимо ориентироваться на состав участвующих в походе бейлербеев[197].

---

[194] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 336.

[195] Там же. Л. 349–350.

[196] По данным Ф. де Ла Круа, в османской армии находилось 70 орт (рот) янычар. См.: *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 207–209.

[197] Под управлением бейлербея находился эялет (провинция) — самая крупная административная единица в Османской империи. К концу XVI в. существовало 29 эялетов. Во время военных кампаний бейлербеи возглавляли провинциальную армию эялета. Незадолго до ее начала бейлербеям сообщалось, куда будет совершен поход, и где будет собираться войско. Те, в свою очередь, должны были сообщить о походе сипахи-тимариотам. При этом последние оставляли каждого десятого из своих джебелю на месте, обеспечивая, таким образом, бесперебойный ход сельскохозяйственных работ (см.: История османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. Т. 1. С. 176–177, 304).

Следует отметить, что по русским источникам, в частности по расспросным речам, невозможно точно установить, что при упоминании «паши» имеется в виду именно бейлербей-паша, т.е. наместник провинции. В то же время, если имя паши называется в связке с названием провинции, то можно предположить, что речь может идти все-таки о бейлербее или о крупном военачальнике, с которым находились войска из данного региона. Примечательно, что московская сторона при расспросе пленных постоянно интересовалась количеством участвовавших в кампании пашей, поэтому в русских источниках часто фигурируют разноречивые цифры.

К примеру, Васька Андреев, уроженец Умани, рассказал: «А были, де, в турских войсках начальные люди 1 везир, а с ним пашей болших с конным войском 20 человек, а с пашами, де, турского войска не поровну — с лутчим 20 000 человек, а у иных по 2000 и по 1000 человек. А слухом, де, он слышел, что турских людей было со 100 000»[198]. В расспросных речах Арыслана, «турского Делеверя-паши служилого человека», говорилось: «...с везиром в обозех было турских пашей 12 человек, а конных, де, турок под вязирем тысячи с три и болши, а с пашами — у лутчого у Каплан-паши три тысячи, а иных по две и по одной тысяче, а у иных сот по пяти и менши, а у иных и по сту человек»[199]. Приближенный к османскому двору Мегмет-ага, будучи в русском плену, сообщал, что в походе участвуют «Кара Магмет-паша, Осман-паша, Узу Гусейн-паша, Эмир-паша, Дели и иные два с ними, которых имян не знает. А с теми пашами вышереченными с 20 000 турков... С везирем под Чигириным пашей с 15, Сейды-паша, Эмир-паша и иные»[200]. Другой турецкий пленник только перечислил известных ему пашей, а именно: «Али-паша, Усман-паша, Улу Сеит-паша, Исмаил-паша, Емир-паша, Кара Мемет-паша, Каплан-паша, Делевор-паша, Агмет-паша, дефтедар Магамет и войска их всякого с теми пашами было тысяч со ста и болши»[201].

Точную информацию об участвующих бейлербеях дают османские источники, которые, в частности, фиксируют этот ти-

---

198 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 336.

199 Там же. Л. 347.

200 АЮЗР. Т. 13. № 148. Стб. 635.

201 Там же. № 157. Стб. 692.

тул. Согласно хронике Фындыклылы, в кампании 1678 г. лично участвовали следующие бейлербеи: из европейской части империи — Боснии (дефтедар Ахмед-паша), Румелии (Али-паша), Озю-Силистры (Кийор Хусейн-паша), из азиатской части — Диярбакыра (Каплан Мустафа-паша), Алеппо (Кара Мехмед-паша), Анатолии (Ахмед-паша), Сиваса (Ахмед-паша), Аданы (Ибрагим-паша), Мараша (Эмир Мехмед-паша). Также упоминаются войска из Темишвара, Буды, Египта, Карса, «Курдистана»[202]. Этот список дополняет другой османский источник, работа придворного поэта Хусейна Бехчети. По его данным, с великим визирем Кара Мустафой-пашей также находились бейлербеи из центральной части Османской империи: Бурсы (имя не указано), Карамана (имя не указано), кроме того, присутствовали войска из регионов: Салоник, Никополя (совр. Болгария), Аланьи, Нигде (Осман-паша)[203].

В европейских источниках титул «бейлербей», как правило, не присутствует. Тем не менее обстоятельный перечень имен пашей дает П. Гордон, в списке[204] которого чаще всего указана только их территориальная принадлежность. По его данным, во втором Чигиринском походе участвовал в общей сложности 21 паша. Некоторые из них являлись крупными провинциальными военачальниками, но часть была санджакбеями — правителями санджаков, военно-административных единиц Османской империи, которые входили в состав эялетов. Такова же ситуация со списком[205] поль-

---

[202] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 685–735.

[203] Bir gazavat-nâme... S. 113–114 etc.

[204] «Эмир-паша Аданский, Хусейн-паша Болуский, Кара Мехмет Везир-паша Диарбекирский, Мустафа Везир-паша Силистрийский, Халил-паша Сивасский, Ахмет-паша Марашский, Хасан-паша Софийский, Хусейн Везир-паша Дамасский, Хиез ала-паша Текийский, Бекир-паша Алеппский, Осман-паша, Хасан-паша Армитский, Ибрагим Арасп Везир-паша Будайский, Ахмет Везир-паша Темешварский, Хайдер-паша Боснийский, Бей Большого Каира, Шейхоглы Ахмет-паша Агрийский; кроме того, Капланпаша, Эрцек-паша, Эскишер-паша и Делефер-паша». См.: *Гордон П.* Дневник... С. 99.

[205] «Ахмет-паша из Анатолии, Ахмет-паша из Сувара, Халил-паша из Карамании, Смаил-паша из Аданы, Сейд-Облу-Ахмет-паша из Текии, Эмир-паша из Мураша, Жентур-Хусейн-паша из Эмира, Кара Мехмет-паша из Алеппо, Кафис-паша из Бурсы, Халил-паша из Румелии, Кийор-Хусейн-

ского резидента С. Проского. Стоит отметить, что и П. Гордон, и С. Проский в некоторых случаях правильно указали не только название эялета, но и корректно воспроизвели имена османских военачальников, в том числе и сложные составные (впрочем, иногда имена и провинции перепутаны):

Османские источники	Список П. Гордона	Список С. Проского
	Бейлербеи	
Бейлербей Боснии дефтедар Ахмед-паша	Хайдер-паша Боснийский	Дефтедар Ахмед-паша из Боснии
Бейлербей Румелии Али-паша	Хасан-паша Софийский	Халил-паша из Румелии
Бейлербей Озю-Силистры Кийор Хусейн-паша	Мустафа везир-паша Силистрийский	Кийор Хусейн-паша из Силистрии
Бейлербей Диярбакыра Каплан-Мустафа-паша	Кара Мехмет везир-паша Диарбекирский	Каплан-паша прибыл в османский лагерь позже, возможно, поэтому он не представлен в списке, хотя затем упоминался при описании военных действий[206]
Бейлербей Алеппо Кара Мехмед-паша	Бекир-паша Алеппский	Кара Мехмет-паша из Алеппо
Бейлербей Анатолии Ахмед-паша		Ахмет-паша из Анатолии
Бейлербей Сиваса Ахмед-паша	Халил-паша Сивасский	Ахмет-паша из Сувара
Бейлербей Аданы Ибрагим-паша	Эмир-паша Аданский	Смаил-паша из Аданы

паша из Силистрии, Ахмет-паша из Никополи, Дели-паша из Хирсеку, Атавиз-паша из Салоник, везир тевтедар Ахмет-паша из Боснии и з другими; Жакол-паша, Боник-паша, Дзиахмет-паша, Алай-паша, Мустафа-паша, Хафиз-Ахмет-паша; Ниде-бей, Босна-бей, Мисир-бей, Эли-санджакбей из Азии, санджакбей из Румелии, а также другие» (см.: Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 366; по всей видимости, приведенные польским резидентом сведения получили распространение в Европе, так как списки, совпадающие с его данными, обнаруживаются и в других источниках: см.: Monuments historiques... P. 151).

[206] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 370.

Продолжение таблицы

Османские источники	Список П. Гордона	Список С. Проского
Бейлербей Мараша Эмир Мехмед-паша	Ахмет-паша Марашский	Эмир-паша из Мураша
Бейлербей Бурсы		Кафис-паша из Бурсы
Бейлербей Карамана		Халил-паша из Карамании
Точно не установленные		
Военачальник из Темишвара	Ахмет Везир-паша Темешварский	
Военачальник из Буды	Арасп Везир-паша Будайский	
Военачальник из Карса		
Военачальник из Египта	Бей Большого Каира	Мисир-бей

Как видно, в кампании 1678 г. участвовали не менее 15 бейлербеев и крупных османских военачальников, чьи войска собирались соответственно из европейских и азиатских провинций, в том числе и значительно удаленных от театра военных действий. Тем не менее численность провинциального войска не могла достигать 100 тыс. человек, не превышала она и численности, как упоминалось выше, мобилизованного потенциала (ок. 50 тыс. чел.). Скорее всего, ее размер составлял около 30–35 тыс. человек.

Что касается вассальных контингентов, то данные об их численности разнородны. Перебежчик Василей Андреев приводил следующие сведения: с господарями конных войск «с волоским — 10 000 человек; с мултянским — 5000 человек; с сербским — 6000 человек; арнаутов — 3000 человек. А с ханом, де, крымским — 50 000 человек, а велено, де, было ему собрать 100 000, и он, де, не собрал болши 50 000»[207]. Другой «переещик» слышал, что «у волоскова господаря служилых людей будет болши дватцати тысяч, толко, де, ныне с везирем было волохов с 10 000 человек, а всех, де, ратных людей турской салтан ему имать не

[207] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 336–337.

велел»[208]. По сведениям гетмана И. Самойловича, в османской армии находилось 15 тыс. валахов и молдаван, 10 тыс. албанцев и сербов, 50 тыс. крымских татар[209]. Интересные сведения приводит английский дипломат в Стамбуле П. Рико: «Было утверждено во едином древнем договоре между турок и татар, что султан, когда пойдет на войну, тогда повинен хан итти с ним, имея при себе сто тысящ татар, а когда пойдет на войну первый везир или какой иной начальник, бывает хан свободен, и посылает своего сына или какого офицера почтенного с 40 000 или с 50 000 человек, которые не имеют инаго жалованья, толко добычю, которую чинят»[210]. По данным Ф. де Ла Круа, с Ю. Хмельницким было 4000 казаков, однако более достоверными являются сведения С. Проского, лично отправившегося в лагерь Ю. Хмельницкого «посмотреть на силу и готовность казацкую». Он сообщал, «что не нашел и сотой части того, что обещали в Стамбуле. Вместо двух тысяч едва было 200»[211].

Приведенные данные позволяют предположить, что собственно турецкая боеспособная армия насчитывала 55–65 тыс. человек, а учитывая вассальные контингенты, армия под командованием Кара Мустафы-паши состояла из 100–120 тыс. человек. Имея при этом в виду, что валахи, молдаване и сербы выполняли в основном вспомогательные функции, общая численность боеспособной турецко-крымско-татарской армии может быть оценена около 85–90 тыс. человек.

Важным для оценки масштабов кампании 1678 г. является вопрос о том, находилась ли под Чигирином практически та же турецкая армия, которая спустя пять лет будет разгромлена коалицией европейских держав под Веной. П. Гордон в своем «Дневнике», перечислив турецких пашей под Чигирином, сделал прибавку: «...те же, кои были под Веной»[212]. Впоследствии Д.Г. Федосов в предисловии к «Дневнику» П. Гордона, развивая мысль шотландского генерала, отмечал, что силы осаждавших Чигирин и Вену, как и обстоятельства осады, были вполне сопоставимы:

[208] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 345.

[209] АЮЗР. Т. 13. № 147. Стб. 636–643.

[210] *Рикот П.* Монархия Турецкая, описанная через Рикота, бывшаго английского секретаря при Оттоманской Порте. СПб., 1742. С. 76.

[211] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 364.

[212] *Гордон П.* Дневник... С. 99.

время года то же; главный удар османов был обрушен на цитадель (Чигиринский замок и венский Бург), обороняющиеся войска проявляли стойкость (Чигирин держался дольше месяца, Вена — почти два). В обеих кампаниях участвовали казацкие войска, кроме того, в обоих случаях к осажденным подступала основная армия. «Даже возвышенности, на которых развернулись эти битвы (Стрельникова гора и Каленберг), лежат почти на равном расстоянии от самих крепостей (около 3 миль), и в обоих походах важнейшее значение для стратегии и тактики имели великие реки (Днепр и Дунай)»[213].

Поскольку состав османской армии в кампании 1683 г. в значительной степени известен, имеется возможность сопоставить список участвующих в походах военачальников. Есть основания считать, что достаточно точно по территориальному признаку при сравнении идентифицируются некоторые эялеты, представленные в походах 1678 и 1683 гг.[214] бейлербеями и крупными военачальниками, а именно: европейские — Босния, Буда, Румелия, Темешвар, Озю-Силистрия; азиатские — Адана, Алеппо, Анатолия, Диярбакыр, Египет, Сивас, Мараш, Караман. Таким образом, есть определенные основания согласиться с Д.Г. Федосовым — в обоих походах лично участвовала значительная часть высшей военной и административной элиты Османской империи, а пред-

---

[213] *Федосов Д.Г.* Полковник и инженер против блистательной Порты... С. 3.

[214] Согласно османскому хронисту Фындыклылы, в походе 1683 г., в частности, участвовали следующие 18 пашей: из европейских провинций — бейлербей Озю-Силистры (Мустафа-паша), бейлербей Канижи (Сейдизаде Мехмед-паша), бейлербей Румелии (Кючук Хасан-паша), бейлербей Янины (Ахмед-паша), бейлербей Эгри (Сейхоглы Али-паша), бейлербей Боснии (Хызыр-паша), бейлербей Буды (Коджа Арнавуд Ибрагим-паша), бейлербей Варата (Гюрджю Мехмед-паша), бейлербей Уйвара (Арнавуд Хасан-паша); из азиатских — бейлербей Дамаска (Сары Хусейн-паша), бейлербей Сиваса (Халил-паша), бейлербей Мараша (Ахмед-паша), бейлербей Алеппо (Кюрд Бекир-паша), бейлербей Карамана (Шишман Мехмед-паша), бейлербей Диярбакыра (Кара Мехмед-паша), бейлербей Анатолии (Ахмед-паша), бейлербей Аданы (Дели Эмир Мехмед-паша), войска из Египта (см.: Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 800–900; см. также роспись османских войск, сделанную в начале июня 1683 г. под Секесфехерваром: *Wimmer J.* Wiedeń... S. 174–176).

ставленные провинции давали больше половины списочного состава провинциальных войск[215]. При этом были мобилизованы воинские контингенты из отдаленных частей империи, в том числе и элитные войска из Египта, что бесспорно свидетельствует о важности походов для османского правительства. Однако нужно учитывать, что при многих сходных чертах событий 1678 и 1683 гг. имеются и существенные различия. В 1683 г. речь шла об осаде столицы Священной Римской империи, к концу которой Вена находилась в критическом положении. Чигирин, хоть и имел важное стратегическое значение, оставался всего лишь крупной пограничной крепостью. Кроме того, нужно подчеркнуть, что поражение османам в 1683 г. под Веной нанесла широкая коалиция государств — армии Священной Римской империи, Речи Посполитой, союзных Габсбургам немецких князей, в то время как Россия участвовала в противостоянии с Портой без поддержки союзников.

Таким образом, утверждения некоторых исследователей о малочисленности турецкой армии в 1678 г., костяк которой якобы составляли татарские отряды, представляются необоснованными[216]. Армия, вступившая в 1678 г. на территорию Украины, представляла собой главные силы Порты, набранные из основных провинций Османской империи, в том числе и отдаленных от театра военных действий.

4. Подготовка московского правительства к кампании 1678 г.

4.1. Подготовка Чигирина к обороне

Центральным в подготовке к военной кампании был вопрос о Чигирине: «...как бы его укрепити и после прешедших неприятелских наступлений починити»[217]. После продолжительной

[215] *Murphey R.* Ottoman warfare 1500–1700. P. 38–42. См. также: *Рикот П.* Монархия Турецкая... С. 224–234.

[216] См., напр.: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 151; *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 158.

[217] АЮЗР. Т. 13. № 92. Стб. 389.

осады, как уже отмечалось выше, крепость была сильно повреждена, однако ее интенсивное восстановление началось не сразу. Гетманский посланник, отправленный в Москву после перехода русско-казацкой армии на левый берег Днепра в сентябре 1677 г., сообщал, что «ныне Чигирина не крепили для того, что люди изнужились; да и крепить его ныне нельзя, потому что его и сделают, и то все от дождей валитца; а будучи под ним турки дерево испробили, а камень разбили и подкопами раскопали, а крепить его и делать будет все вновь весною»[218].

20 октября в Чигирин прибыл В.В. Тяпкин с милостивым словом к «осадным сидельцам», который озвучил приказ о перемене воеводы и находящихся там полков, — на смену А.И. Траурнихту 25 октября прибыл стольник и полковник Б. Корсаков, который временно принял командование гарнизоном[219]. Во время своего пребывания в качестве чигиринского воеводы Б. Корсаков описал имеющуюся в крепости артиллерию и другое имущество[220] и в ноябре прислал в приказ «Малыя России росписной список», согласно которому в крепости была значительная нехватка ядер и других запасов[221]. Начиная с декабря месяца (и особенно в январе) последовала череда царских указов, связанная с организацией обороны Чигирина. В Москве старались учесть все предложения русско-казацкого командования в разработанном ими плане военных действий, несмотря на сопряженные с этим трудности и расходы: «...слыша о том Чигиринском устроении прилежное ваше радение, хотя то содержание Чигирина и с великими и неизчетными его царского величества казны убытками, однако не щадя ничего для целости святых божиих церквей и для покою християнского, и унятия крови, и, не презирая ни в чем вашего доношения, указал [царь. — *М.Я.*] так учинить, как о том пространно в статьях ваших написано»[222].

Кн. Г.Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович считали важным условием успешной организации обороны Чигиринской

---

[218] АЮЗР. Т. 13. № 92. № 82. Стб. 313.

[219] Там же. № 83. Стб. 326, 328.

[220] Отрывки из «Росписного списка» опубликованы В.А. Ленченко. См. подробнее: *Ленченко В.А.* История и топография Чигирина // Гордон П. Дневник... С. 179–180.

[221] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Стб. 624–627.

[222] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 256 об. – 257.

крепости назначение туда способного выполнить это сложнейшее поручение воеводы. По их словам, в Чигирин следовало направить «самого знатного и честного человека»[223]. Выбор пал на окольничего и воеводу И.И. Ржевского, наместника Медынского, киевского осадного воеводу в 1674–1677 г. Очевидно, что это назначение связано с его большим военным и административным опытом — он служил на различных воеводских должностях непрерывно с 1649 г., причем с 1665 г. на Украине, и пользовался популярностью среди казаков[224]. Новому воеводе было указано «с своей... службы ис Киева итти на свою... службу в Чигирин ныне по зимнему пути безо всякого мотчанья, а с ним быть... столнику и полковнику Давыду Баранчееву с приказом и со всеми ево приказными воинскими припасами»[225]. Кроме того, киевскому воеводе кн. И.Б. Троекурову следовало по царскому указу «отпустить с ним же в Чигирин на корм своим... ратным людем, в Чигирине будучим, хлебных запасов дватцать тысяч четвертей на подводах малоросийских городов жителей, которых пришлет... гетман Иван Самойлович, и велено, де, ему тот хлеб за собою вести с великим береженьем, чтоб тот хлеб до Чигирина довести в целости ему, околничему»[226]. Также по царскому указу в конце декабря 1677 г. инженером в Чигирин был назначен П. Гордон[227]. Как отмечает сам П. Гордон, в некоторых указах он именовался «полковником и инженером», однако «пожелал избавиться от последнего, что не является моим призванием и не добавляет почета полковнику, хотя знание [инженерного дела] и потребно самым выдающимся, особливо военным лицам»[228]. С ним предписывалось отправиться из Севска драгунского полка стольнику и полковнику М. Лупандину, а также головам московских стрель-

---

[223] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 31. Л. 37.

[224] Известно несколько очень лестных характеристик, данных ему жителями Нежина, где он был воеводой в 1665–1672 гг. Также известны его давние хорошие отношения с кн. Г.Г. Ромодановским и И. Самойловичем, с которыми он вместе участвовал в Конотопской Раде (см.: *Корсакова В.* Ржевский И.И. // РБС. Т. 16: Рейтерн–Рольцберг. СПб., 1913. С. 158–159).

[225] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 103–104; Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 11. Л. 26.

[226] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 105.

[227] АЮЗР. Т. 13. № 100. Стб. 442.

[228] *Гордон П.* Дневник... С. 33.

цов М. Коптеву и И. Нелидову с двумя городовыми стрелецкими приказами[229].

Было принято решение о формировании дополнительных солдатских (8,2 тыс. чел.) и стрелецких (7,6 тыс. чел.) полков[230]. Московские стрелецкие приказы были отпущены из Москвы в Чигирин 1 февраля[231]. Кроме того, воеводой в Киев на смену кн. И.Б. Троекурову назначался кн. М.А. Голицын; со стрелецкими приказами он был отпущен из Москвы 13 февраля[232]. Для организации переправы через Днепр в Брянск была послана царская грамота, по которой было указано закупить у «промышленных людей» 100 байдаков, речных плоскодонных судов. Хлебные запасы в Чигирин было указано вывести из Киева «дватцать тысячь чети малоросийских жителей на подводах»[233]. В начале января 1678 г. в Москве по докладной выписке кн. Г.Г. Ромодановского рассматривался вопрос о выделении для будущей кампании значительных полковых припасов[234]. Однако трудности военного времени начинали сказываться уже в этот период. Так, кн. Г.Г. Ромодановский просил царя в стрелецкие приказы и в московские прибавочные полки «под наряд и под всякой обозной строй» (для перевозки одной пушки требовалось 4 лошади[235]) давать лошадей из Москвы, поскольку «в Севском и в Белогородском полках таких лошадей нет, и взять не с ково, а которые лошади бывают в походех... собраны с великою нуждою»[236]. Тем не менее вопросы снабжения попытались оперативно решить, и уже в конце января «посылают с Москвы в Куреск гранатных 1000 да пушечных 5000 ядер по кружалом и по росписи»[237].

К этому же периоду относится любопытная переписка Москвы с гетманом И. Самойловичем, в которой последний по-

---

229 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 11. Л. 18; *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 155.

230 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 409.

231 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 5. Л. 77.

232 Там же. Л. 77.

233 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 257.

234 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 349–352.

235 Там же. Л. 384.

236 Там же. Л. 406.

237 Там же. Л. 624–627; подробнее о высылке полковых припасов: Там же. Д. 869. Л. 129–140.

дробно излагал предпринятые им меры для привлечения на войну подвластных ему казаков. Прежде всего он предполагал, что в предстоящей кампании будут задействованы все казаки Войска Запорожского: «...приказали есмы всем людем войсковым в воинскую готовость во всех полках, под регементом нашим обретающихся, ко отпору неприятелскому приготовитися»[238]. При этом он подчеркивал, что «пойдут казаки все, сколко их во всех полках по росписи есть, а хто в нынешней поход с ним, гетманом, не пойдет, и те казацким имянем отзыватися никогда не будут»[239]. Для содержания «охочего» войска (и на другие расходы) по согласованию с казацкой старшиной и Москвой И. Самойловичем вводилась «аренда» (т.е. монопольное право торговли, продававшееся на откуп)[240] на винную, табачную и дегтярную продукцию сроком на год: «...во время нынешние неприятельские бусурманские тяшкие войны на обмышление денег для потешения войска охочего, при нас ныне будучего, или для заплаты оному, и на иные росходы и надобья, наши войсковые постановити в Украине, в Малоросии, аренду, которую мы за постановлением и за згодным соизволением всее старшины войсковые и всех полковников, на нынешнем съезде будучих, постановили и именем вашим государским пригрозили, чтоб во всех полках, под регементом нашим обретающихся, не только винная, но и тютюнная, но и дехтевая, на целой год утвержена была, о чем как во все полки писали есмы универсалы»[241].

Еще в 1675 г. кн. Г.Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович просили «для пополнения... царского величества казны и дачи... великого государя ратным людем, которые будут в малоросийских городех, на жалованье делать чехи таким же образцом, каковы и полские чехи, а печатать на... государское имя; а те чехи в малоросийских городех станут имать с охотою» [242]. Москва также решила удовлетворить эту просьбу гетмана И. Самойловича, и по царскому указу для выплат «охочему» войску «изволили есте в Путивле чехи делати под своим великого государем имянем и

[238] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 5. Л. 8.

[239] Там же. Д. 3. Л. 59.

[240] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 298.

[241] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 5. Л. 12.

[242] АЮЗР. Т. 12. № 56. Стб. 169.

титлою государскою для подкрепленья непрестанных росходов и зело великих нужд войсковых, и всего благо общаго здешняго украинского малоросийского»[243]. Вышеприведенные меры, как представляется, с одной стороны, должны были привлечь казацкое население к участию в военных действиях, с другой — позволяли в какой-то степени покрыть расходы на содержание Войска.

Кроме того, И. Самойлович беспокоился о том, как будут складываться отношения проходящей через территорию Левобережья русской армии с казацким населением. По его просьбе царь «ратным людем в казацких дворех становитца не указал, а впредь становитца им у мещан и у мужиков, а хто учнет волности их отнимать, изменниками и мужиками казаков называть, и тем... учинить по сыску наказание»[244]. Как видно, с одной стороны, определенные шаги по вовлечению казацкого населения предпринимал гетман И. Самойлович, с другой — московское правительство старалось его всецело поддерживать.

Сам И. Самойлович подчеркивал, что царь Федор Алексеевич заинтересован в удержании не только Левобережья, но и правой стороны Днепра: «...которая привращена есть в вашу... державу ис подданства турского салтана в сторону королевского величества, попустити и никогда отдавати купно з городом Киевым и со всеми к нему належащими монастыри с святынями и з землями, так же и з городом Чигирином, и со всеми в нем обретающимися припасы воинскими, не хочете и не мыслите»[245]. По всей видимости, такое представление распространялось им среди жителей этого региона. И. Самойлович, в свою очередь, снова заверял русское правительство в своей верности: «...обещаемся все купно, доколе нас на свете пребывати будет, за такову высокую вашу государскую милость на нас, Войско Запорожское... верно... служити»[246].

---

[243] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 3. Примечательно, что гетман И. Самойлович подчеркивал, что царь Федор Алексеевич предпринятыми действиями по организации обороны способствует сохранению целостности казацких земель: «...непрестанно неусыпное о задержании целости сея страны имеете свое государское отеческое радение» (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1677. Д. 32. Л. 4).

[244] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 17. Л. 8.

[245] Там же. Д. 5. Л. 7.

[246] Там же. Л. 7–8.

В то же время организация обороны Чигирина сразу же столкнулась с определенными трудностями. Еще в ноябре 1677 г. временно возглавивший гарнизон Б. Корсаков жаловался киевскому воеводе на проблемы, связанные с раздачей хлебных запасов, которые предназначались находившимся в крепости ратным людям: «...принял рожь в житницах, и та, де, рожь гнила, и в роздачю стрельцом давать с великою нуждою», при этом житницы, в которых она хранилась, оказались разбиты[247]. Тем не менее ни в конце 1677 г., ни в начале 1678 г. в крепость не удалось организовать подвоз продовольствия. Связано это было прежде всего с двумя причинами. Во-первых, в 1678 г. рано наступило потепление, которое затруднило транспортное сообщение между городами: «...санный путь от Киева до Чигирина порвался генваря с 20-го числа, и Днепр во многих местех лед взломало»[248]. В это время переправа через Днепр также осуществлялась с «великою нуждою и страхованием, потому что лед худ, а чаят, де, и пройдет вскоре»[249]. Однако надежды на скорую нормализацию погоды не оправдались; распутица затянулась до весеннего времени.

Кроме того, в начале 1678 г. произошел крупный крымский набег (ок. 7 тыс. чел.) на левую сторону Днепра: крымцы, переправясь через Днепр, «перешли кошем под местечко Домонтова и розбежались порозну, человек по 200 и по 100, и болши, и менши, для добычи»[250]. По словам кошевого атамана И. Серко, крымцы также хотели «положитца в полях близ Чигирина и до тех мест там стояти, докамест нададут к ним под Чигирин турские войска»[251]. Крымский набег, однако, удалось предотвратить переяславскому полковнику И. Лысенко[252]. Для его отражения из Белгорода также выступил в поход воевода И.П. Лихарев, однако к этому времени крымцы уже отступили[253]. Примечательно, что взятые в плен крымские татары сообщали, что им разрешили совершить набег только на Левобережье: «...под смертною казнью

---

247 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 11. Л. 20.
248 Там же. Л. 26.
249 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 104–105.
250 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 5. Л. 1.
251 Там же. Д. 6. Л. 3.
252 Там же. Д. 5. Л. 1–2.
253 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 55.

был заказ..., чтоб на той [правой. — *М.Я.*] стороне Днепра никаковых обид никому, где ни есть живущему, не чинили и к ним не заворачивали совершенно, оглошая ту сторону быть Турскою»[254]. Это вполне сообразуется с позицией Порты, которая продолжала считать Правобережье Днепра своими территориями.

Для перевозки припасов в Чигирин не хватало подвод. В начале 1678 г. назначенный «в товарыщах» окольничего И.И. Ржевского стольник и полковник Д. Баранчеев подал отписку киевскому воеводе кн. И.Б. Троекурову о том, что «надобно в ево приказ под пушки и под всякие приказные воинские припасы шестьдесят пять подвод». В Киеве на тот момент находилось только 16 почтовых лошадей, поэтому кн. Троекуров написал об этом гетману. И. Самойлович велел дать только 20 подвод, и «на тех, де,... пушак и всяких воинских припасов поднять никоторыми мерами не мочно, а под хлебные запасы он, гетман, февраля по 15 число ни одной подводы не присылал. А в Чигирине по писму столника и полковника Бориса Карсакова... хлебных запасов малое число, и тот погнись, да и с тех же хлебных запасов давано людем в месечные кормы, и ему, де, пришед в Чигирин... ратных людей кормить будет нечем»[255].

Все вышесказанное привело к тому, что в период с января по март восстановление крепости не производилось, кроме того, не подвозились в нее и хлебные запасы. Сам И. Самойлович, оправдываясь, писал в Москву, что «выслати омедлил есмь, не за чем иным то учинилось, токмо за тем, что по празднике Рожественском в две недели указ его великого государя прислан ко мне в самый съезд войсковой старшины, при мне пребывающей. А иное, что вскоре порозъедет старшины по домом, вступили было татаровя в немалом числе в Переяславский полк... Посем тотчас бездорожие ударило, которое пребывало даже до сего времяни, что ни санми, ни порожею телегою невозможно было никому и за милю никуды выехать»[256]. В сложившуюся ситуацию пришлось вмешаться сначала кн. Г.Г. Ромодановскому, а позже и московскому правительству.

---

[254] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 5. Л. 52.

[255] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 105–106.

[256] АЮЗР. Т. 13. № 121. Стб. 525–526; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 6. Л. 15–16.

17 марта в Чигирин прибыл воевода И.И. Ржевский. В начале апреля в своем донесении в Москву он описывал неутешительную ситуацию, сложившуюся в крепости: «...хлебных запасов с ним ис Киева не отпущено ни одного четверика, и от гетмана подводы с хлебными запасы и конные люди полков... бояр и воевод, и полковники с полками от гетмана к нему не бывали ж. И ис Киева хлебных запасов по се число не присылывано ничего, а в Чигирине, де, хлебных и всяких запасов... скудость. И... ратных людей кормить и от неприятеля боронитца будет нечем. А город Чигирин от неприятелских людей розбит весь,... не починыван, а татарове к Чигирину подбегают непрестанно»[257]. В целом, по мнению чигиринского воеводы, в случае раннего прихода неприятелей ситуация были бы критической прежде всего из-за отсутствия провианта[258].

Однако все перечисленные обстоятельства не помешали уже в мае обеспечить Чигирин хлебными припасами. Воевода И.И. Ржевский писал кн. Г.Г. Ромодановскому, что «хлебных запасов на подводах малоросийских жителей ввезено в Чигирин немалое число»[259]. Известно, что в конце марта, когда улучшилось состояние дорог, гетман решил сразу же отправить «пять тысяч подвод в Киев, к которым пяти тысячам из Стародубского полку полторы тысячи подвод, из Черниговского также полторы тысячи, из Лубенского тысячю, из Прилутцкого пять сот, из Киевского пять сот, и чают, что те пять тысяч подвод, немедленно в Киев пришед, заберут десять тысяч четвертей хлебных запасов и свезут в Чигирин на пропитание ратным... людем»[260]. Для охраны направленных в Чигирин подвод и войск на Днепре предписывалось действовать Полтавскому полку[261]. Сам Самойлович, принимая решение о направлении в крепость гадяцкого полковника с пятью тысячами казаков, указывал им «взять запасу на два человека по три воза»[262]. В дальнейшем продовольственные припасы продол-

---

[257] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 257 об. – 258.

[258] Там же. Л. 258 об.

[259] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 24.

[260] АЮЗР. Т. 13. № 121. Стб. 528–529; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 489.

[261] АЮЗР. Т. 13. № 121. Стб. 527.

[262] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 178.

жали свозиться в Чигирин преимущественно на стругах по Днепру к местечку Бужин[263]. Для их доставки от Бужина в Чигирин выделялось еще 500 подвод. Кроме того, гетман И. Самойлович еще в феврале рассчитывал на продажу хлеба правобережными жителями: «...из ближних к Чигирину полков, хотя б какова и тревога была, повезут запасы для продажи, к чему и мы нашими листами приохотим всех»[264]. В то же время организация подвод легла тяжелым бременем на малороссийское население, И. Самойловичу приходилось свозить подводы из отдаленных территорий Левобережья.

Восстановление старых и возведение новых укреплений началось в Чигирине в конце марта и продолжалось до 9 июля, т. е. до начала осады Чигирина османскими войсками. По указу гетмана И. Самойловича чигиринскому полковнику Г. Карповичу следовало привлечь жителей подвластного ему полка для копания рва[265]. Как отмечал гетман, после кампании 1677 г. наибольшего внимания требовал Нижний город, для которого нужно «к починке больше мало не вдвое [против] Верхнего дерева»; впрочем, по его словам, вся крепость нуждалась в ремонте[266]. Значительно быстрее стала продвигаться работа по починке крепости после прихода к Днепру передового отряда во главе с генерал-майором Г. Косаговым, который направил в крепость «для лесные воски на городовое строенье» две тысячи ратных людей[267]. В середине мая, по словам воеводы И.И. Ржевского, «Чигирин делают безпрестанно днем и ночью, и переднея, де, стена в одделке,... и ров капают днем же и ночью»[268]. Кроме того, множество мелких сюжетов, связанных с восстановительными работами, присутствует в дневнике П. Гордона. Очевидно, в функции «полковника и инженера» входила подготовка крепости к огню тяжелой артиллерии противника и противодействию вражеским подкопам. Среди своих достижений он упоминает новые габионы для прикрытия бойниц, хорошо подготовленные скаты, вырытые у внутренней

---

263 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 489.
264 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 6. Л. 17.
265 АЮЗР. Т. 13. № 121. Стб. 525.
266 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 3. Л. 65.
267 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 25.
268 Там же. Л. 24.

стороны стен ямы для «отведения газов» от взрываемых под стенами подкопов. Следует отметить, что в отличие от своего предшественника фон Фростена, ограничившегося восстановлением старых стен и башен, П. Гордон значительно усилил и расширил оборонительные сооружения Чигирина. Подробное описание укреплений Чигиринской крепости было сделано и в османской армии, а именно польским резидентом С. Проским[269], чьи сведения в целом сообразуются со сравнительной характеристикой

---

[269] Он писал: «Старую крепость от новой отделял ров, прорубленный в скале, глубиною в копье, а вширь на полтора, у верха — шире, внизу — более узко. Над рвом до новой крепости построен вал из сосновых ящиков, сделанных из цельного необработанного дерева, высотой в 8 или 9 саженей, в ширину: от низа — 6 локтей, от верха — в 4 или 5 локтей, заполненный землей. С поля верхняя линия крепости выглядит просто как стена, а из замка похожа на дерево со всходами, защищенными выступом из двойной древесины, засыпанным землей и выступающим над рвом, чтобы с вала можно было камнями или гранатами разить во рве штурмующих. Для этого укрепления был вырублен весь лес возле Канева. Новый замок наравне со старым: ров так же на копье глубиной, на полтора шириной, снизу до самой воды вниз — ровный скат, точнее вал со своими двумя башнями и с ровным, как и около замка, скатом. От воды же двойной скат вплоть до ворот и плотины из цельной древесины, такой же толстой, как и в замке, шириной в два локтя, заполненной камнями. От города ров небольшой и такой же скат, как со стороны реки. На углах от поля два бастиона, третий — в середине, на которых небольшие, пригодные к транспортировке орудия. В середине от города башня наполовину построена из камня, наполовину из дерева, которую сераскер Ибрагим-паша уничтожил до половины в прошлом году, а казаки ее деревом достроили. От первого бастиона вниз к городу — двойной вал, насыпанный только из земли и имеющий двойной ров. Перед рвом от валов было пространство на 3 локтя с одним небольшим шанцем едва по пояс и со своими кошами, из-за которых казаки стреляли так далеко, что надеялись из-под крепости стрелять. В середине той новой крепости, рядом со средним бастионом был лаз, широкий, но низкий, под самым валом; другой — в середине ограды, построенной вниз к воде, а третий — у ворот, четвертый — недалеко от последнего бастиона у болота. В середине новой крепости не было ни одной постройки, кроме строения для полковника из цельной древесины... Кроме такой фортификации в поле, перед рвом, на ровных местах, выкопали ямы, покрытые древесиной, а потом землей, в которых устроили засады пробегающим, ловили или стреляли» (см.: Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 372).

укреплений Чигиринской крепости в 1677 и в 1678 гг., которая была сделана в статье В.А. Ленченко[270].

Как видно, замок успели все-таки значительно укрепить к подходу неприятеля, при этом в нем имелось достаточное количество не только провианта, но и боеприпасов. П. Гордон оценивал количество ядер и пороха как «добрый запас — около 2000 пудов (каждый пуд по весу равен 40 фунтам), помимо того, что у отдельных полков. В моем драгунском регименте имелось 200 пудов, а каждый [солдат] моего пехотного регимента получил в Курске по 4 фунта. Пушечных ядер всех видов у нас было 3600, и прочих боевых припасов соразмерно. Лишь запас гранат был невелик, менее 500, и только 4 мортиры». Кроме того, в крепости находилось 91 разнокалиберных орудий, в том числе 11 стволов крупного калибра, 68 средних и мелких пушек и 4 исправные мортиры[271]. Общая численность чигиринского гарнизона к моменту осады, по данным П. Гордона, составляла 11 713 человек: в Верхнем городе — 5550 человек, в составе полка П. Гордона — 726 драгун, 733 пехоты; войска стрелецкого строя под командованием Баранчеева, Корсакова, Коптева, Нелидова — 2591 человек, сумских казаков — 300 человек и казаков Ахтырского полка — 1200 человек. В Нижнем городе 6163 человека, в составе Гадяцкого полка — 4860 человек, Чигиринского полка — 340 человек, сердюков под командованием Д. Рубана — 867 человек и рота польских драгун — 96 человек[272]. Стоит отметить, что численность гарнизона в целом соответствовала пожеланиям И. Самойловича, который хотел, чтобы в Нижнем городе «было тысячь с шесть» и столько же ратных людей в Верхнем городе[273]. Таким образом, не находит подтверждения точка зрения о том, что, рассматривая возможность сдачи Чигирина, московское правительство не стремилось укрепить крепость и снабдить ее необходимыми запасами[274]. Тем не менее в полной мере добиться ее восстановления не удалось.

[270] См. подробнее: *Ленченко В.А.* История и топография Чигирина... С. 178–184; ДАИ. Т. 9. № 37. Стб. 93.

[271] *Гордон П.* Дневник... С. 48.

[272] Там же. С. 50.

[273] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 3. Л. 58.

[274] См., напр.: *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 155.

4.2. Сведения о планах Порты. Вопросы об обороне Чигирина

Какой информацией о намерениях турок обладало московское правительство зимой 1677–1678 гг.?

Сведения о том, что турки собираются совершить еще один поход на Чигирин, появились в распоряжении московского командования после окончания кампании 1677 г. Так, взятый при отступлении османских войск в плен турок сообщал, что в следующем году «под Чигирин турки будут, и пушки и всякие пушечные запасы Имбраим-паша покинул на сей стороне Дуная в порубежных городех. И промеж собою турки говорят: приходил, де, он ныне под Чигирин не с великим войском, чаял, что он Чигирин возмет вскоре, а не чаял такой крепости; в Полше, де, он в полторы недели взял городов с 70 великих, и не таких малых; а на весну, де, он будет с великим войском, и тот город Чигирин чает, что возмет»[275]. Была в распоряжении московского правительства и информация, что турки не распустили свои войска по домам, а расквартировали их на обоих берегах Дуная[276].

В царской грамоте от 19 декабря к воеводе И.П. Лихареву говорилось, в частности: «...ныне ведомо... учинилось подлинно по отпискам ис Киева..., что турский салтан со многими ордами хочет итти войною под Киев и под Чигирин и на малороссийские городы на седмую неделю. А войско, де, ево турское все в зборе на Дунае и на Днестре, а пушки и всякие припасы приготовлены на сей стороне Днестра»[277]. На протяжении зимы и весны 1678 г. в Москве получали частые известия о том, что турецкая армия весной двинется на Чигирин и на Киев. Однако московскому правительству нужны были более точные сведения о замыслах турецкого командования.

Именно поэтому помимо официальных дел А. Поросукову, посланному в Стамбул в конце декабря 1677 г., также предписывалось собирать различные сведения: «...едучи ему дорогою и будучи в Царегороде или в Андрианополе, проведывать всяких вестей, и про Юраска [Хмельницкого. — *М.Я.*], как с него мо-

---

[275] АЮЗР. Т. 13. № 86. Стб. 352.

[276] Там же. Стб. 478.

[277] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 872. Л. 439–441.

нашеской чин снят и учинен князем и послан в войну, и ныне где он, и в какой у салтана ласке, и впредь об нем как мыслят». Однако основной интерес Москвы касался военных приготовлений турок: «...на будучей год кто будет под Чигириным с войски: сам ли салтан или везиря пошлет. И нет ли из ыных государств какого тайного о той войне на Московское государство с ним сношения и совету. И как они ныне великого государя силы против себя почитают и промеж собою о том, что говорят. И к миру салтан на каковых статьях склонность имеет»[278]. В том случае, если «учинитца ему весть, что идут на Московское государство турские войска, и Афонасью, розведав подлинно кто с воиски послан, и в каком числе те войска, и с каким нарядом», следовало незамедлительно обо всем сообщить в Москву[279]. Сохранившаяся документация показывает, что объемы получаемых в Москве сведений оказались значительны. В качестве информаторов А. Поросукова выступили видные сановники, в некоторой степени симпатизировавшие России: молдавский господарь Антоний Росетти, Константинопольский патриарх Дионисий, переводчик дивана А. Маврокордато.

6 апреля в Москве получили подробное вестовое письмо от А. Поросукова, в котором он сообщал, что «о намерении к войне салтана Турского на государевы украинные городы проведал подлинно». А. Поросуков писал, как упоминалось ранее, что изначально Мехмед IV намеревался сам идти с османскими войсками под Киев, а, взяв его, «учинить» на Днепре крепости[280]. По словам дипломата, султан «указал послать указы свои во все земли владения своего под смертною казнью, чтоб все, де, войска стали у Дуная апреля в 1-м числу. А салтан, де, сам с везирем в Бабу будет апреля в 1-й день, и везиря с войски отпустит на Украину, а сам салтан летовать будет над Дунаем в Бабе». Однако не было ясности, куда направятся османские войска: «...под Киев ли или Чигирин салтан везиря посылает — того не может, кроме везиря, никто знать. А буде везир пойдет под Чигирин, то наперед будет он доставать места, а не замка». Далее следовала общая информация о военных приготовлениях: «...войско ж, де, которое

---

278 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 63–63 об.

279 Там же. Л. 64.

280 Там же. Кн. 14. Л. 259.

было под Чигириным, по салтанову указу поставлены на зимовые хлебы по обе стороны Дуная, а воинские приказы, порох, свинец оставлены в Тягине. А Дунай, де, ближним войскам переходить указано в марте месяце, не дожидаясь салтанова и везирева приходу к Дунаю. А к молдавскому, де, воеводе прислан с нарочным гонцом указ, чтоб он, воевода, с своей земли от Дуная до Днестра по местам приготовил сено, овес для конских кормов, также указано многие хлебные запасы собирать и возить до Сороки к Днестру»[281]. Как видно, А. Поросуков представил московскому правительству весьма точные сведения относительно сроков выступления армии и ее сборов, а также о том, что Порта собирала многочисленные войска из различных, в том числе отдаленных, провинций[282].

Присланные А. Поросуковым вести о намерениях османского командования вызвали в Москве серьезные опасения. Ситуацию усугубляли разобранные выше известия, полученные из Чигиринской крепости в конце марта — начале апреля о неготовности крепости к осаде и отсутствии припасов, в то время как османская армия готова выступить в поход. В начале апреля И.И. Ржевский также еще не прибыл в Чигирин, однако в сложившейся ситуации поспешил занять свою позицию в крепости: «...ведомо великому государю учинилось, что турскова салтана войска имеют намерение итти к Чигирину ныне в скорых днях, для, де, тово он, околничей и воевода [И.И. Ржевский. — *М.Я.*], и поспешил в Чигирин, чтоб ево от Чигирина не отлучили». В Москве понимали, что скорое наступление османов лишит гарнизон возможности восстанавливать крепость и пополнять запасы: «...в Чигирине, де, ему [воеводе И.И. Ржевскому. — *М.Я.*] надежды имети не на что. Хлебных запасов и налицо самое малое число, и те все гнилы. И на дачю ратным людем не токмо прибылым ратем, но и тем двум приказом, которые и с ним ныне, дать нечего, а купить отнюдь добыть не мочно». Из этого в Чигирине и в Москве делали вывод, что гарнизон в первую очередь пострадает из-за голода: «...как сойдутца государевы ратные люди все, а не-

---

[281] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 258 об. – 260.

[282] О посольстве А. Поросукова и собранных им сведениях см. также: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция. Т. 2. С. 144–146; *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 150–153.

приятель заступит дороги, и в то время прежде всякой тесноты голодом выморит»[283].

При планировании дальнейших действий московским правительством, как выясняется, учитывались и все имеющиеся «вести», и то, что «по нынешнему настоящему делу пристойные всякие чигиринские устроения ко удержанию и к крепости поумедлились, и от того никакой готовости ко обнадеживанию и к крепости Чигирину не чинилось и не чинитца»[284]. Кроме того, ожидание скорого прихода османов и неготовность Чигирина к обороне вынудили кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича обратиться к царю Федору Алексеевичу с просьбой рассмотреть целесообразность обороны Чигирина, ввиду того что при нынешнем раскладе им «чигиринского устроения и безопаства от неприятельского прихода и выручения и всякого вспоможения и обороны того города взять... на себя невозможно. А во всем в том положились на его государское изволение»[285]. Стоит отметить, что ответственность за создавшееся положение в равной степени несло русско-казацкое командование.

8 апреля к кн. Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу из Москвы был вновь отправлен стольник С. Алмазов, которому предстояло обсудить с воеводой и гетманом неблагоприятно складывавшуюся ситуацию. В первую очередь в царских статьях подчеркивалось, что «великий государь... как прежде, так и ныне свои государские милостивые щедроты на сохранение святых божьих церквей и на оборону християнскому жительству всегда простирает и впредь при помощи Божией того ж хощет», кроме того, воеводе и гетману «по его государскому милостивому... указу надобно всякое дело делать по свое время то, в которое пристойно, и Чигирина бес призору и устроения и без опаства безо всякого приготовления не оставлять»[286]. Далее предполагалось несколько вероятных сценариев развития событий.

В случае невозможности укрепить и оборонять крепость, «когда уже ныне тому делу пристойное время от непоспешения или... от распутия зимняго непостоялства и набегов татарских

---

[283] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 258–258 об.

[284] Там же. Л. 260 об.

[285] Там же. Л. 260 об. – 261.

[286] Там же. Л. 261–261 об.

в совершение не могло прийти, и Чигирин ныне оставлен безо всякого призрения и без надежды, что не токмо крепостей не учинено или хлеба не запасено, но и вода с нуждою, а неприятелской приход к Чигирину спешитца, и исправити вам того до неприятелского приходу будет невозможно», следовало после выступления войск из Курска и «случения» сил с И. Самойловичем «помыслить накрепко, буде тот неприятель креста святого силами своими поспешит к Чигирину и застанет ево в таком нестроении и бес хлебных запасов, каков он ныне, а они, бояря и воеводы и гетман, за незбором ратных людей или за какими препонами к Чигирину не поспешат и ис Киева с хлебными запасы к Бужинскому перевозу преж неприятельского приходу не придут. А после неприятелского приходу, хотя те хлебные запасы и привезут, и тогда те запасы достанутца в руки неприятелю, а чигиринцом без запасов, хотя б и город был укреплен, сидеть будет немочно, и тем явно околничего и воеводу и ратных людей выдать неприятелем. И естьли... то учинитца, как писано выше, и они, боярин и воеводы, и гетман о чигиринском состоянии как мыслят учинить, чтоб неприятеля не порадовать, а Чигирина и в нем околничего и воеводы и ратных людей не потерять. А помысля о том накрепко, так и учинить, смотря по тамошнему, как тому делу состоятися мочно, чтоб город оберечь... А по его государскому указу вам, бояром и воеводам, для того и полки все отданы и с Москвы немедленно отпущены»[287].

Предполагалось, что кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович «с ратными людми против неприятелей пойдут, а о Чигирине радение чинить учнут со всяким тщанием». Были повторены указания подготовить город к осаде, воеводе и гетману было велено, чтобы они «по-прежнему ево государеву указу и по своим статьям... наперед сего посылали от себя людей в Чигирин для городового дела тотчас. И хлебные запасы сухим путем, так же и до бужинской пристани присланные ис Киева хлебные запасы отвести в Чигирин и проводить велели, и сами пришли с полки к Чигирину прежде неприятельского приходу». Однако правительство допускало, что события будут развиваться не по плану: «...а вспоможение Чигирину учинят ли, и прежде неприятелского приходу к Чигирину придут ли, того им прежде времени усмот-

[287] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 262–263 об.

рети невозможно, и буде в приказе хлебных запасов учинитца замедление или в городовом устроении непоспешение, а неприятель поспешит к Чигирину», в этом случае, «буде того не учинит..., то околничему и воеводе и ратным людем в Чигирине быть не для чего»[288].

При благоприятном развитии ситуации, если кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович «людей в Чигирине от себя пошлют и город Чигирин... укрепят со всякими крепостьми, и хлебные запасы в Чигирин отвезут, и сами с полки к Чигирину до неприятелского приходу придут, и в нем воеводу и ратных людей обнадежат», то действовать воеводе и гетману следовало, исходя из следующих предписаний: «...чтоб они то чинили по своему рассмотрению, и на... государеву службу шли не мешкав». Для начала им следовало направить к крепости передовой отряд Г. Косагова «с ратными людми, с кем пригоже, и велели город починивать и крепости делать с великим поспешеньем, а гетман учинил... того же». Далее предписывалось позаботиться о продовольственных запасах и строительных материалах: «...хлебные запасы ис Киева и из ыных городов, откуды указано, вести водою и сухим путем велели отвесть тотчас, и на городовое дело лесу велели навозить как в Верхней, так и в Нижней город, и обсылались о том с... гетманом с Ываном Самойловичем. И которые хлебные запасы привезены будут к Бужину, и они б, бояре и воеводы, велели оберегать от неприятелей и отвесть в Чигирин на тех подводах, которые ис полку своего пошлют...». Самим воеводе и гетману указывалось идти к Днепру «безсрочно», поскольку «город Чигирин от неприятелского приходу весь розбит, а по се время он не починен и хлебных запасов ратным людем на корм ис Киева и из ыных городов в Чигирине не привезено ничего, да и водою к осадному времени скудно и тайников никаких не зделано, и чтоб неприятель к Чигирину преж их не пришол, и в небытности их и в такой скудости промыслу над ними не учинил»[289].

В ответ на отказ возложить на себя ответственность за оборону Чигирина воевода и гетман получили выговор: «...они, бояря и воеводы, и гетман, того чигиринского устроения в подобное время не учинили и никакими крепостми не укрепили и хлебных

---

[288] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 263 об. – 264.

[289] Там же. Л. 264 об. – 265.

запасов не привезли и обставили ныне безо всякой надежды, а неприятель вооружается со всяким поспешением, а они того устроения и ныне на себя не перенимают же, а полагаются на ево государскую волю». В свете пугающих известий о неготовности города к обороне правительство, однако, допускает и отступление из города: «...усмотрели подлинно, что неприятель пойдет к Чигирину со всеми силами, и подлинно уведали, что против тех сил одержатца им будет в Чигирине немочно, и... к Чигирину поспешить и выручить их будет невозможно, и..., осмотря того дела накрепко, околничего и воеводу и ратных людей ис Чигирина вывесть к себе в полк, а Чигирин разорить, а самим отступить к Киеву и беречь Киева». При этом подчеркивалось, что «учинить вам то по самой конечной немере, буде чем миновать немочно, а прежде времени того не чинить, и тем неприятеля на себя не попустить». В то же время в Москве определенно считали приоритетом сохранение войск чигиринского гарнизона: «...того остерегать накрепко, что в Чигирине околничего и воеводу и ратных людей не потерять и во всем том великий государь указал учинить вам, бояром и воеводам, и гетману по своему разсмотрению, как и в каково время пристойно. И положил то свое великого государя и земское дело на вас, боярах и воеводах, и на гетмане, и естъли что учинитца над ними, и то учинитца от вас»[290].

Итак, как видно из статей, посланных со стольником С. Алмазовым, московское правительство определенно исходило из неизбежности военного столкновения. Оборона и удержание Чигирина полностью поручались кн. Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу. Статьи давали довольно большую самостоятельность воеводе и гетману, вплоть до вывода войск из Чигиринской крепости и ее разрушения. Однако такие крайние меры предполагались только в случае полной невозможности укрепить и оборонять ее от османских войск; тогда первоочередной задачей русско-казацкого командования становились сохранение в целости чигиринского гарнизона и защита Киева.

12 апреля 1678 г. было созвано специальное заседание Боярской думы, на котором при личном участии царя еще раз поднимался вопрос о политике в отношении Османской империи. Имея в виду получаемые вести из Чигирина и османские планы,

---

[290] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 265 об. – 267.

московское правительство, по всей видимости, также решило еще раз прощупать возможности мирного урегулирования конфликта[291]. Кн. Г.Г. Ромодановскому следовало вступить в переговоры с великим визирем, когда он с османскими войсками «учнет приближаться к реке Богу» [Юж. Буг расположен более чем в 200 км от Днепра. — *М.Я.*], при этом «не допуская ево до Чигирина». В том случае, если достичь соглашения будет невозможно, кн. Ромодановскому было велено «чинить промыслы..., а Чигирина и Киева крепко оберегать, и бояр, и воевод, и ратных людей в тех городах не выдать и не потерять»[292].

1 июня в Москву из Стамбула вернулись российские посланники во главе с А. Поросуковым. В распоряжении московского правительства оказались грамоты турецкого султана и визиря, а также разведывательные данные о подготовке османских войск к походу. К этому времени относится еще одна попытка выработать ряд дипломатических мер, так как в ответной грамоте султана говорилось, что «огнь недружбы в самом начале угаситися удобно может». Для этого следовало направить в турецкий обоз послов[293]. В этой связи русским правительством было принято решение 24 июня отправить к кн. Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу списки с грамот, а также образцовое письмо и статьи, которые давали воеводе право вести переговоры с великим визирем[294].

При рассмотрении данного эпизода важно иметь в виду, что Москва изначально не собиралась выполнять требования османов, в турецкий обоз воевода должен был отправить не послов, а «от себя лист с кем пригож», в котором великому визирю предлагалось «по намерению своему» прислать своих послов, а «он, боярин и воевода, послов своих вышлет же»[295]. Как видно, русское правительство опять отказывалось первым направлять своих дипломатов. В царской грамоте кн. Г.Г. Ромодановскому указывалось, обсудив с гетманом И. Самойловичем, вообще подумать,

[291] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 279–287 об.

[292] ПСЗ. Т. 2. № 723. Стб. 155–162; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 148–150; *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 128–129.

[293] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 16. Л. 117.

[294] Там же. Л. 119 об.

[295] Там же.

«пристойно ли ныне к везирю салтана Турского быть посылке с листом»[296]. Если воевода сочтет это возможным и завяжутся «обсылки» о дальнейших переговорах, то ему следовало настаивать (неважно, будет заключен «вечный мир» или перемирие на 20 лет), чтобы туркам на «украинные и малороссийские городы войною не приходить, и ратных своих людей не посылать, и хану крымскому о том же заказать». Более того, «при договорех говорить и остерегать, что Чигирин и иные городы отданы ему, салтану, не будут»[297]. Из документов следует, что в Москве не собирались отказываться от своих притязаний на Правобережье[298]. Твердая позиция правительства была связана, в частности, с тем, что к этому времени, в отличие от начала апреля, как было показано выше, удалось укрепить Чигиринскую крепость, ввезти в нее достаточное количество продовольствия и собрать войска для ведения военных действий. Эти документы были получены воеводой только 9 июля у местечка Бужин на Днепре, когда османы подступали к Чигирину.

Почти сразу же в Москве решили выработать статьи, на основании которых можно было бы заключить мир с Турцией, если обстоятельства это позволят — если «у вас..., бояр наших и воевод, дойдет до того, что турского салтана с визирем чинить договор о миру»[299]. Как представляется, этот документ был составлен на случай сугубо гипотетической ситуации, которая, как известно, так и не возникла. Однако он интересен прежде всего тем, что дает представление о ви́дении Москвой в этот период мирных отношений с Турцией. 11 июля со специальными инструкциями

---

296 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 16. Л. 120 об.

297 Там же. Л. 122 об.

298 Обращает на себя внимание «образцовое письмо», которое следовало направить кн. Г.Г. Ромодановскому к Кара Мустафе-паше. В нем, в частности, говорилось, что царь, «слыша, что салтаново величество без всякой причины тебя, болшаго везиря, с воиски послал на украинной его царского величества город Чигирин, указал мне [кн. Г.Г. Ромодановскому. — *М.Я.*]... наступающим чинить... отпор», но в том случае, если визирь «похочет иметь пересылки ко обновлению исконной дружбы..., и тебе б, болшому везирю, против сего моего объявления... порадеть, а великий государь... исконную дружбу обновить и утвердить изволяет» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 124 об. – 125).

299 Там же. Кн. 16. Л. 131.

в полк к кн. Г.Г. Ромодановскому был направлен думный дьяк И. Горохов.

Стоит отметить, что русское правительство рассматривало в этом документе только заключение «вечного» мира с Турцией. Согласно ему, сначала должна быть зафиксирована официальная граница: «...междо обоими государствы покою учинить знатные рубежи, чтоб в том впредь ссоры не было». Важно, что при этом следовало указать, чтобы «через те рубежи салтанава величества людем не переходить, и городов строить, и сел, и деревень заводить не велеть, так же и хану крымскому и татаром по сей стороне рубежей не токмо кочевать и никогда ни приходить, и зла никакова не мыслить»[300]. Вопрос принадлежности Чигирина оговаривался отдельно — османам надлежало для начала напомнить об уступке взятого донскими казаками Азова в 1642 г. и предложить «так же взаимно учинить с нами»[301].

Были ли в Москве готовы идти на определенные уступки при заключении вечного мира? Как представляется, только отчасти — «буде никакими мерами до покоя приступить, кроме Чигирина, визирь не похочет, и вам бы хотя то учинить, чтоб тот Чигирин, для учинения во обоих сторонах вечного мира, свесть, и впредь на том месте и на ином, за рубежем, ему, салтану, и пашам ево, и хану крымскому городов не строить, и кочевья не чинить, и войною никакими вымыслами не ходить, и не посылать, и чрез рубеж не переходить»[302]. Как видно, уже в этот период русское правительство рассматривало возможность создания буферной зоны между российскими и крымско-турецкими границами. Однако основное внимание, как представляется, отводилось установлению четких границ состояния мира, при которых крымцам было невозможно совершать набеги и организовывать кочевья на спорных территориях. Русское правительство таким договором пыталось подчинить действия крымских ханов турецким властям. При этом, желая прекратить какую-либо османскую деятельность в регионе, российская сторона подобные ограничения себе не ставила. Москва всерьез не воспринимала желание турок закрепиться на данных территориях, и их уход, таким образом,

---

300 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 16. Л. 131 об. – 132.

301 Там же. Л. 132.

302 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 16. Л. 133 об.; ПСЗ. Т. 2. № 729. Стб. 168.

давал возможность для дальнейшего продвижения на Правобережье. Однако реакция «малороссийских жителей» на подобную инициативу оставалась неясной, поэтому кн. Г.Г. Ромодановскому предписывалось держать грамоту «у себя тайно»[303].

План возможных мирных переговоров вырабатывался тогда, когда турецкие войска уже двигались на Украину, а думный дьяк И. Горохов прибыл к кн. Г.Г. Ромодановскому 6 августа, после начала военных действий. Более того, решение об отказе от ведения переговоров с османами воевода и гетман приняли еще до отправления дьяка из Москвы. В своей грамоте к царю от 12 июля гетман И. Самойлович объясняет это следующим образом: «...что доселе таковаго не имием времяни, чтоб есми послали к помянутому турскому везирю с теми договори, в статьях ваших государских описанными: понеже не токмо в запуски военные с ним уже зашли есми, но и к самому собинному случению прибираемся. Того ради, естли бы с ним никакой военной потреби не спущая, имели к договору тотчас приступити, мог бы он, бусурманин, зело тем возгордев, вымогати себе от вас, великого государя, трудных и к збитею неудобных статей»[304]. К сожалению, источники не дают точного представления о том, каким образом принималось это решение.

Итак, московское правительство зимой 1677 — весной 1678 г. не было намерено первым выступать с дипломатическими инициативами, их ожидали от османской стороны. Посылка гонца в Стамбул демонстрировала скорее открытость к переговорам, а решение об отправлении «воеводского листа» в обоз великого визиря оставлялось за кн. Г.Г. Ромодановским и И. Самойловичем. На закрытых совещаниях обсуждалась возможность разрушения Чигирина и создания буферной зоны с османской стороной, однако это не означало готовности Москвы мириться с появлением на Правобережье гетмана — турецкого ставленника, а также крымско-турецких войск.

Кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович вновь, как и в 1677 г., разработали план кампании. Он в целом повторял удавшийся замысел прошлого года, но имелись и заметные отличия. Большие

---

303 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 16. Л. 134.

304 АЮЗР. Т. 13. № 146. Стб. 631–632.

усилия были приложены к починке Чигиринской крепости, что не требовалось годом ранее. Однако важно, что в сложившихся условиях воевода и гетман приняли решение оборонять и защищать Чигиринскую крепость. Решение о ее обороне и ответственность были полностью возложены на кн. Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича: «...впредь во всяком устроении и в бережении, и от неприятелских нахождений, и ратных людей прибавкою и во всем... тому городу [Чигирину. — *М.Я.*] береженье и осторожность перед великим государем и перед бояры переняли на себя. И великий государь указал, и бояря приговорили о чигиринском строении, как в ратных людех и во всяких воинских запасех, и в осторожности от неприятелей положить на вас, бояр и воевод, и учинить им, бояром и воеводам, о том по своему разсмотрению..., а велено Чигирин во всем ведать им, бояром и воиводам»[305].

4.3. Сбор войск

Теперь необходимо рассмотреть, какие конкретные меры были приняты московским правительством и командованием для организации обороны Украины и как собирались для этого войска.

На Украине совместно с войсками гетмана И. Самойловича, как и ранее, должна была действовать армия во главе с кн. Г.Г. Ромодановским, вместе с ним предписывалось быть «в товарыщах» его сыну, боярину кн. М.Г. Ромодановскому, а также «околничему Петру Дмитреевичю Скуратову да думному дворянину Ивану Петровичу Лихареву со многими... прибылыми ратными, конными и пешими, а прежним генералом с рейтарскими и салдацкими полки, и столником, и полковником, и головам стрелецким с приказы, которые были у него в полку в прошлом во 185 [1677. — *М.Я.*] году, и Севскому и Белогороцкому полком быть... по прежнему»[306]. Как видно, было принято решение об усилении войск под командованием кн. Г.Г. Ромодановского. В начале марта по царскому указу в полк к кн. Г.Г. Ромодановскому направлялись приказы московских стрельцов со «столники и полковники Микифор Колобов, Степан Янов, полковник и голова Михайло Уваров,

---

[305] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2.

[306] АЮЗР. Т. 13. № 93. Стб. 409.

столники ж и полковники Семен Грибоедов, Александр Карандеев, Яков Лутохин да голова московских стрелцов Александр Танеев»[307]. Согласно расспросным речам подьячего Л. Кобакова, отправленного в Курск к кн. Г.Г. Ромодановскому, в середине марта часть войск уже начала активно сбираться: «...ратные, де, люди... дорогою идут многие». Также он видел стрелецких полковников, выступивших на службу, приказы С. Янова — в Орле, А. Карандеева — за Крапивною (Тульская область), В. Володимирова — в Туле[308]. 15 марта в Курск к кн. Г.Г. Ромодановскому пришел «в сход» окольничий П.Д. Скуратов[309].

Однако в первоначальный план военных действий снова были внесены некоторые коррективы. В марте месяце в Москву поступили тревожные «подлинные» вести о движении османской армии в сторону украинских городов: «...турской салтан и крымской хан с войски болшим собраньем идут войною под наши государевы малоросийские городы, под Чигирин и под Киев, а срок положили, что им к Чигирину быть майя 9-е число»[310]. В этой связи 21 марта были разосланы царские грамоты городовым воеводам с указанием «конных и пеших всяких чинов людей полковые службы... выслать... всех до одного человека тотчас безсрочно»[311]. Как видно, в Москве в этот период решили отказаться от раздельного призыва на службу пеших и конных войск. Мобилизация также коснулась и пограничных русских городов. В марте и апреле 1678 г. в города Белгородского и Севского полков были посланы грамоты, согласно которым велено воеводам «высылать ратных людей тотчас безсрочно, не мешкая, а ослушников с наказаньем и в государевых грамотах... о том писано з болшим подтверженьем и страхом»[312]. Наряду с царскими грамотами к городовым воеводам кн. Г.Г. Ромодановский также посылал отписки, в которых писал о «высылке к себе в полк всяких чинов ратных людей, чтоб к походу ево в Курск ратные люди поспели, а поход его из Курска... апреля ж в 14 день»[313]. Согласно отпискам

[307] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 68–69.
[308] Там же. Л. 176.
[309] Там же. Л. 405.
[310] Там же. Л. 208.
[311] Там же. Л. 242–244.
[312] Там же. Д. 866. Л. 8; Д. 848. Л. 316 об. – 317 об.
[313] Там же. Д. 866. Л. 249–250.

городовых воевод и приказных людей ряда уездов, датированным концом апреля 1678 г., на службу было выслано к этому времени 5,4 тыс. человек[314]. Также производился сбор даточных людей и старых солдат.

При этом перед русским правительством встал вопрос о повышении заинтересованности ратных людей в выходе на службу. 25 марта с дьяком И. Клементьевым в Курск была направлена денежная казна на сумму в 35 тыс. рублей[315]. В Москве прямо подчеркивали, что сделано это было намеренно для поощрения ратных людей, которые, «видя к себе... государскую милость и жалованье, на... великого государя службу в полк... шли однолично тотчас, не мешкав нигде низачем ни малого времяни, чтоб им к роздаче... государева жалованья денег и сукна[316] поспеть до походу»[317]. В Москве считали, что о нынешнем походе всем была ведомость «давно, и к службе... изготовитца мочно». В этой связи было принято решение нетчиков и «ослушников» также высылать в полки, однако «с наказаньем: ...государева жалованья дачи им не будет, а служить им будет без жалованья, и написаны они будут чести своей из вышних в нижние чины, а у них ис поместных и денежных их окладов учинена будет убавка немалая; и то все учинитца им от своего непослушания»[318]. Как представляется, русское правительство рассчитывало, что данные меры окажутся эффективными, поскольку о раздаче царского жалованья посыльщикам следовало широко объявлять в городах и уездах. 25 апреля 1678 г. по указу Федора Алексеевича для выплаты жалованья ратным людям было указано взимать «десятую денгу» со

---

[314] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 9–18.

[315] «Ис Сыскного девять, из збору Денежные казны: семнатцать, ис Патриарша Дворцового: девять, всего тритцать пять тысечь рублев» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 277; Д. 1205. Л. 227).

[316] Сукно было отправлено в полки раньше, 18 февраля: «...розных цветов готовых суконных 3412 кафтанов да сукон анбурских 56778 аршин, цена по полтине аршин». Причем раздавать их следовало прежде всего самым «скудным и оскудалым, беспомесным и пустопомесным, и малопомесным» ратным людям (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 331–332; Д. 1205. Л. 226).

[317] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 203, 228–229.

[318] Там же. Л. 205–206.

всех «торговых и промышленых и ремесленых людей, с их животов и промыслов»[319].

Однако в начале апреля собранная И. Самойловичем информация о планах османов оказалась еще более тревожной. По словам взятых татарских языков, «турской салтан со всеми своими силами конечно к Чигирину будет вскоре, а перед прошлым, де, походом, что было войска по Чигириным с Ымбраим Шайтаном-пашею будет с ним, салтаном, государств его войск вшестера или всемеро»[320]. Как видно, московское правительство и русско-казацкое командование практически изначально исходили из того, что османская армия будет многочисленной, кроме того, рассматривалась вероятность, что ее возглавит лично султан. В этой связи кн. Г.Г. Ромодановского особенно интересовал сбор войск, поскольку, по его словам, московские чины, и городовые дворяне, и дети боярские «в полк апреля по 9 число не бывали»[321]. Кроме того, достаточно медленно шла высылка на службу ратных людей Белгородского и Севского полков[322]. Из Москвы для розыска ратных людей планировалось отправить сыщиков[323]. Городовым воеводам указывалось высылать ратных людей с большим поспешеньем, а тем, кто объявится «в нетех», следовало говорить, что им «быть казненым смертию, а иным в торговой казни и в розоренье безо всякие пощады и милосердия»[324]. Самим воеводам в том случае, если они учинят «мотчание», грозило быть в опале и «в самом конечном разоренье безо всякого милосердия и пощады»[325].

Как представляется, к маю ситуация в целом начала выправляться, и мобилизация оказалась довольно успешной. Согласно показаниям солдата из выборного полка М. Кровкова Федора Фадеева, в начале мая с кн. Г.Г. Ромодановским «ратных людей ныне конных 20 000 и болши», при этом по дороге в Москву он встречал «ратных людей многих, а иные, де, ратные люди, оставя

319 АИ. Т. 5. № 23. Стб. 35–36.

320 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 583.

321 Там же. Л. 584.

322 К примеру, в Севске с генералом и воеводой В.А. Змеевым в начале апреля находилось только две тысячи рейтар (Там же. Л. 584–585).

323 Там же. Л. 690.

324 Там же. Л. 535–536; 637.

325 Там же. Л. 658; 691.

телеги на дороге, спешат в полк наскоро»[326]. Сам воевода также отмечал, что в этот период «ратные люди почали приходить»[327].

Из расспросных речей жильца Федора Протасова, отпущенного из полка кн. Г.Г. Ромодановского в конце мая, известно: «...в полку з бояры... многолюдство болшое, Севского и Белгородского полков и резанских городов ратные люди пришли многые, а нетчикав, де, тех городов малое число»[328]. Донской казак, отправленный с воеводской грамотой из армии в конце июня, также говорил, что «такого многолюдства з бояры... нигде он столко не видал»[329]. Петр Машкин, отправленный из полка, также отмечал, что «в полку многолюдство болшое, наперед до сего таких полков зборы у воевод не бывало»[330].

Согласно сохранившейся переписи, по царскому указу в 1678 г. из Белгородского и Севского полков, а также казаков из слободских полков на службу должны были явиться более 80 тыс. человек (49 тыс. — конных, 26 тыс. — пеших), в том числе из Белгородского полка — 32,4 тыс. человек, из двух московских выборных полков пешего строя А. Шепелева и М. Кровкова — 8,3 тыс. чел., из приказов московских стрельцов — 8 тыс. чел., с генералом В.А. Змеевым — 18,4 тыс. чел., «черкас в 2-х полкех» — 5,2 тыс. чел.[331] Однако фактическая численность в полках во время кампании 1678 г. оказалась ниже. По смотренным спискам в марте 1678 г. (к лету эта цифра, несомненно, выросла, однако, учитывая численность полка В.А. Змеева [см. ниже], вряд ли достигла максимума) общая численность в Севском и Белгородском полках составляла ок. 31 тыс. человек, из которых в Севском полку — 8,9 тыс. чел., в Белгородском полку — 22 тыс.[332]

---

[326] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 697–698.

[327] Там же. Л. 792.

[328] Там же. Д. 866. Л. 29–30.

[329] Там же. Л. 270.

[330] Там же. Д. 1157. Л. 6.

[331] РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. Кн. 75. Л. 16–24; *Великанов В.С.* Организация и численность Белгородского разрядного полка в годы русско-турецкой войны 1672–1681 гг. // Сб. статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2019. Вып. 4. С. 35–43.

[332] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 333–335. Видимо, эти же данные приводит в своей работе Н.И. Смирнов (см.: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 151).

К этому следует добавить войска сходного воеводы В.А. Змеева, у которого на 25 мая «налицо» было «началных людей, и копейщиков, и рейтар — 10 307 человек, драгунов и пушкарей 1899 человек»[333]. Точная численность выборных солдатских полков и стрелецких приказов в армии кн. Г.Г. Ромодановского на данный момент неизвестна; можно предположить, что она могла достигать 12–15 тыс. человек. Учитывая армию кн. К.М. Черкасского, с которым 18 июля «по смете было... с 3700 человек»[334], общую численность войск, по всей видимости, следует оценить в 55–65 тыс.[335], что было выше, чем в 1677 г. С гетманом И. Самойловичем, по разным данным, было от 20 до 50 тыс. человек[336]. Какой из этих цифр следует отдать предпочтение? Очевидно, что в преддверии тяжелой кампании гетман стремился, как отмечалось выше, максимально мобилизовать имеющиеся силы. Воспоминания об этом также отражены в летописи Самовидца, согласно которой, с гетманом «войска немаліе пойшли, бо не тилко Козаков у войско гнано, але и міщан и из сел два третего виправовали, и убогшіе чотири пятого з оружем и борошном, як до войни»[337]. Можно думать, что эти усилия должны были дать бóльшую цифру, чем в прошлом году. С другой стороны, часть левобережных сил, как было показано выше, уже была задействована в Чигиринской крепости. Видимо, численность казацкого войска следует оценивать в 25–30 тыс. человек. Таким образом, объединенная русско-казацкая армия насчитывала около 85–90 тыс. человек и несколько уступала в численности османской армии. Непосредственно в столкновениях участвовали наряду с выборными полками и стрелецкими приказами в основном войска Севского и Белгородского разрядов, против которых были основные силы Османской империи из многих провинций.

---

333 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 4; Д. 1205. Л. 381.

334 Там же. Д. 1157. Л. 77.

335 *Водарский Я.Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война... С. 525.

336 По сведениям жильца Ф. Протасова, «з гетманом с Ываном Самойловичем в полку... болше дватцати тысяч человек» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 31). Донской казак сообщал, что «с ним, з гетманом, по ево... смете в обозе людей тысяч с пятдесят» (Там же. Л. 270).

337 Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 128.

Правда, побывавший в полку кн Г.Г. Ромодановского жилец Федор Протасов отмечал, что слышал от бояр и воевод, что ратные люди «московских чинов в полку многие не бывали, а замосковных да далних городов дворяне и дети боярские объявились немногие, а многие не бывали». В то же время он отмечал, что в конце мая по Калужской дороге на пути в Путивль «ратных людей московских чинов и замосковных, да далних городов встречал он многих, идут в полк с поспешеньем болшим, обозами человек по двести и по триста»[338]. Это связано, как отмечалось выше, с изменением плана военных действий, внесенным правительством, по которому «прибылые» полки должны были явиться в действующую армию к Троицыну дню. Его следствием являлся поздний приход московских чинов и замосковных ратных людей в полки, в то же время благодаря этому усталость в войсках была меньше.

При полной мобилизации войск Белгородского и Севского полков в армию кн. Г.Г. Ромодановского встал вопрос об охране собственно российских границ. Нужно отметить, что в зимний период происходили крымские набеги на малороссийские города. В частности, самый большой из них произошел, как отмечалось выше, на территорию Переяславского полка: «...где хотя не велми знатное в людех и стадах учинили ущербление, однако не мешкая с того по всей Украйне взросла было между народом тревога и пребывала болши четырех недель, которой ради везде люди в городы позбежались было»[339]. Для защиты от крымских набегов в январе 1678 г. на службе в Новом Осколе предписывалось быть касимовскому царевичу Василию Арслановичу и боярину С.А. Хованскому[340]. В начале февраля с ними по царскому указу было велено «низовых городов из черты стрелцом и казаком, которые на его государеве службе не были, а жили в домех... 2804 человеком быти на... службе в Новом Осколе»[341].

---

[338] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 30.

[339] См.: АЮЗР. Т.13. № 121. Стб. 526.

[340] Там же. № 104. Стб. 447. По всей видимости, в какой-то момент было принято решение, что вместо кн. С.А. Хованского в Новом Осколе должен быть сосредоточен полк под командованием касимовского царевича Василия Арслановича и окольничего и воеводы кн. К.О. Щербатого с полуголовой московских стрельцов В. Володимеровым и 500 стрельцами (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 7).

[341] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 863. Л. 9.

Весной многочисленные отряды крымских татар сосредоточились в районе Белгородской черты[342].

Исходя из сложившейся обстановки, было решено сильнее укрепить линию обороны по черте. В конце марта И. Самойлович посчитал нецелесообразной пребывание в Путивле касимовского царевича, ввиду чего советовал московскому царю, чтобы он «указал ему, помянутому царевичю Василью Арасланови чю, и боярину князю Хованскому с войском, при них обретающимся, здесь стати ближе к малоросийским здешним городом, хотя в Ахтырском уезде»[343]. В Москве предложение гетмана сочли разумным, поэтому в апреле по царскому указу касимовскому царевичу было предписано быть на службе в Путивле «с... московскими ратми и с Новгородским полком»[344]. Поскольку основные силы Белгородского и Севского разрядов должны были практически полностью быть задействованы на Украине, черту, таким образом, должны были оборонять силы в том числе из дальних районов государства. Это подчеркивает, насколько серьезно воспринималась в Москве османская угроза. На этом также настаивал гетман И. Самойлович, по словам которого, если полк не получится отправить на юг, то «хотя половину надобно в прибавку... прислати и прилучити, чтоб во время прилучия воинского имели есмы с кем против того неприятеля объявитца и стати»[345]. Эта армия, как справедливо замечает А.Н. Попов, оберегала «Украйну от нападения татар, если бы они вздумали Муравским шляхом пробраться в Малороссию»[346]. Воеводой в Новый Оскол «для береженья от приходу воинских людей» назначался кн. М.И. Лыков[347].

В апреле — начале мая обстановка в регионе ухудшилась. В начале мая в Москву из Валуек писал воевода К.И. Лодыженский, что бывший полоняник сообщил ему, что «крымской царевичь с татары стоит верх речки Орели и Самары [междуречье двух левых притоков Днепра на Левобережье. — *М.Я.*], а с ним

[342] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 109–110.

[343] АЮЗР. Т. 13. № 121. Стб. 529.

[344] Там же. № 129. Стб. 568.

[345] Там же. № 121. Стб. 529.

[346] *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 298.

[347] АЮЗР. Т. 13. № 129. Стб. 568.

орды восмь тысяч. Да от него ж, де, пошло татар войною под... украинные городы три юрта»[348]. Мережский казак, побывавший в мае на Запорожье, также сказывал, что «ведомо в Запорогах учинилось, что крымской хан отпустил от себя... мая в 15-м числе орды пять тысяч человек под... украинные городы». Об этом же сообщал И. Серко харьковскому полковнику[349]. Стоит отметить: ситуацию на порубежной территории осложняло то, что 24 апреля татарские и калмыцкие отряды прорвали часть Белгородской черты — «разрубили и проломили воронежские крепости надолобы»[350].

В этой связи в сходе с кн. М.И. Лыковым в Новом Осколе предписывалось быть думному дворянину и воеводе И.П. Лихареву, которому ранее указывалось действовать вместе с кн. Г.Г. Ромодановским. При этом воевода И.П. Лихарев успел 15 мая прийти в полк к воеводе Белгородского разряда, однако уже 20 мая был отпущен назад. Кроме того, кн. Г.Г. Ромодановский дал ему в прибавку «ратных людей Белогородцкого полку воронежцов сотенных тритцать шесть человек да из розных полков салдат шездесят человек»[351]. Таким образом, от основной армии, находящейся под командованием кн. Г.Г. Ромодановского, в подчинение к кн. М.И. Лыкову отходил полк И.П. Лихарева с «ратными людми, которые ныне с ним» из Белгорода; в Белгороде оставался сын воеводы И.П. Лихарева — И.И. Лихарев[352].

Итак, к маю, помимо основной армии под командованием кн. Г.Г. Ромодановского, вдоль малороссийских границ были сосредоточены еще две армии: первая — под командованием касимовского царевича Василия Арслановича в Путивле[353], вторая — в Новом Осколе под командованием кн. М.И. Лыкова[354]; с ним пред-

---

[348] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 1–2.

[349] Там же. Л. 217.

[350] Там же. Л. 78.

[351] Там же. Л. 3.

[352] Там же. Л. 22.

[353] По наряду в полку касимовского царевича должно было быть 9,5 тыс. человек, в основном ратные люди из Новгородского полка (см.: РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. Кн. 75. Л. 16–17).

[354] По наряду с ним должно было быть 5,2 тыс. человек (см.: Там же. Л. 25); кроме того, у его сходного воеводы И.П. Лихарева — 4,6 тыс. человек (см.: Там же. Л. 25 об. – 26).

писывалось быть полковнику харьковского слободского казачьего полка Г. Донцу с казаками[355]. Общая численность оставленных на черте войск должна была достигать порядка 18 тыс. человек. В отличие от 1677 г., местнические споры между военачальниками не возникали.

Продвижение русских войск к Днепру точно реконструируется по отпискам кн. Г.Г. Ромодановского, расспросным речам отпущенных из полка с поручениями ратных людей, а также сведениям П. Гордона.

В конце января кн. Г.Г. Ромодановский отправился из Москвы в Курск, где приступил в феврале-марте к подготовке армии к предстоящему походу[356]. В конце марта был издан царский указ, по которому воеводе было велено «с ратными конными и с пешими людми, Севского и Белогородского полков, и с московскими прибылыми пехотными полками итить из Курска к Днепру, к Бужину перевозу безсрочно с болшим поспешением»[357]. 14 апреля кн. Г.Г. Ромодановский выступил из Курска[358]. Стоит отметить, что в Москве настаивали, чтобы белгородский воевода с войсками прибыл к Чигирину заранее, «до приходу воинских людей»[359]. В Курске остался сын кн. Г.Г. Ромодановского, кн. М.Г. Ромодановский, которому предписывалось дожидаться московских чинов и замосковных ратных людей; выступить к Днепру он должен был только 25 мая[360].

Кн. Г.Г. Ромодановским был послан «наперед... к Бужинскому перевозу» генерал-майор Г. Косагов с копейщиками и рейтарами,

---

[355] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 405.

[356] *Гордон П.* Дневник... С. 34

[357] АЮЗР. Т. 13. № 120. Стб. 518. Одновременно с царским указом о выступлении войск к малороссийским границам в полки кн. Г.Г. Ромодановского 24 марта была послана денежная казна на сумму в 35 тысяч рублей и «велено ис тое денежной казны дать Севского и Белогородского полков ратным конным и пешим всяких чинов людем малопомесным и пустопомесным и беспомесным» (см.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 227).

[358] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 21; *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 302.

[359] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 232.

[360] Там же. Л. 200.

а также со слободскими Сумским и Ахтырским казачьими полками. Г. Косагову, одному из героев кампании прошлого года, было велено «на Бужинском перевозе оба берега реки Днепра оберегать, и в Чигирин ратных людей посылать, и в городовом устроении чинить вспоможенье»[361]. Согласно росписи войск, численность посланных «для береженья обоих сторон Днепра берегов» составляла 9,7 тыс. человек, из которых 7,1 тыс. насчитывалось в двух черкасских полках[362]. Это был многочисленный, хорошо вооруженный авангард, в задачи которого входило оказание помощи в восстановлении крепости, а также обеспечение безопасной переправой через Днепр русско-казацкую армию. Уже в середине мая кн. Г.Г. Ромодановский сообщал в своей грамоте к царю, что Григорий Косагов с ратными людьми «через реку Днепр переправился... под городищем [Максимовкой, недалеко от местечка Бужин. — *М.Я.*] и оба берега реки Днепра шанцами укрепляет, и окоп зделал, чтоб на Днепре от неприятелских людей переправитца было безопасно»[363]. В том случае, если османская армия подступит к Чигирину до подхода основной русско-казацкой армии, Г. Косагову следовало направить в крепость казаков Сумского и Ахтырского полков[364].

Основная часть русской армии 17 мая прибыла на урочище Артополот, где стала дожидаться гетмана И. Самойловича с казацким войском и сходного воеводы кн. Г.Г. Ромодановского генерала В.А. Змеева с его ратными людьми[365]. Выйдя из Батурина 10 мая, к тому моменту гетман находился «от того урочища в тридцати верстах за рекою Сулою»[366]. 19 мая из Севска «в сход» к кн. Г.Г. Ромодановскому пришел В.А. Змеев[367], а с гетманом И. Самойловичем воевода «сошлись мая в 25-м числе на речке

---

[361] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 23.

[362] Там же. Л. 50–51.

[363] Там же. Л. 26–27.

[364] Там же. Л. 24. Стоит отметить, что 600 человек из Сумского и Ахтырского полков с хлебными запасами были отправлены в Чигирин ранее (Там же. Д. 869. Л. 400).

[365] Там же. Д. 866. Л. 24; Д. 1205. Л. 380.

[366] Там же. Д. 866. Л. 24.

[367] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 4; Д. 1205. Л. 381.

Артополоте»[368]. 29 мая объединенная русско-казацкая армия выступила к Лубнам[369], к которым войска воеводы и гетмана подступили, видимо, 8–9 июня. Донской казак, отправленный из войска кн. Г.Г. Ромодановского 14 июня, описывал движение армии к Днепру следующим образом: «А бояре, де, к Днепру идут станами неболшими спехом, по станом стоят по дню и по два дни, а под Лубнами, де, стояли дней с пять. А наперед идут и по станом стоят гетман Иван Самойловичь... А за гетманом идет генерал и думной дворянин Венедикт Андреевич Змеов»[370].

14 июня русско-казацкая армия двинулась к Днепру[371], однако остановилась за Лубнами через 15 верст[372]. А.Н. Попов справедливо полагает, что под Лубнами «назначалась временная стоянка войск в ожидании известий о движении турок. Лубны, как средний пункт, находящийся почти на одинаковом расстоянии как от Киева, так и от Чигирина, избраны были с тою целью, чтобы войска могли с равною скоростью идти к тому или другому городу»[373]. Днепра русско-казацкая армия достигла 28–30 июня «против Крылова», до прихода неприятельских войск к Чигирину.

Нужно отметить, что сведения П. Гордона о том, что 26 июня 1678 г., «подойдя к Днепру,... бояре сочли, что дорога на Чигирин не отвечает их цели по своей узости,... они решили идти назад к реке Суле и вверх до Бужина»[374], воспроизведенные впоследствии некоторыми исследователями[375], не находят подтверждения в других источниках. В выработанном плане военных действий изначально переправа войска должна была состояться в районе Бужина, для ее обеспечения специально был послан авангард во

---

[368] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 29. Стоит отметить, что, согласно расспросным речам, путь от урочища Артополот до Днепра мог составлять 5 или 6 дней (Там же. Д. 1205. Л. 381).

[369] Там же. Д. 866. Л. 30.

[370] Там же. Л. 270.

[371] Там же. Д. 1205. Л. 382.

[372] Там же. Л. 383.

[373] *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 307.

[374] *Гордон П.* Дневник... С. 91.

[375] При этом кн. Г.Г. Ромодановскому ставят в укор данный маневр, который рассматривается как тактическая ошибка (см. подробнее: *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 324; *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война... С. 54–56).

главе с Г. Косаговым. Кроме того, по царскому указу от 21 марта, как уже отмечалось выше, кн. Г.Г. Ромодановскому следовало идти из Курска «к Днепру, к Бужину перевозу»[376]. В «Дневнике» же П. Гордона речь идет о вынужденном маневре во время кампании 1677 г.[377] Такая хронологическая нестыковка, вероятнее всего, связана с тем, что во время движения русско-казацкой армии к Днепру шотландец находился в Чигирине и восстанавливал ход событий с чужих слов.

Одновременно с продвижением армии к Днепру шла тщательная разведка вражеских планов, а также собирались сведения о продвижении османских войск к Чигирину.

17 мая кн. Г.Г. Ромодановский писал в Москву, что гетман прислал к нему «вестовой лист», из которого следовало, что османское войско может разделиться: «...мисирский, де, паша и иные паши — в Тягине, а идут прямо на Запорожье, а везир под Чигирин, а сам, де, турской салтан не пойдет — будет стоять над Дунаем в селе Картан, а посол, де, полской Ян Гнинский... ис Царяграда возвратился с такими статьями и с постоновлением, чтоб конечно король полской послал двенатцать тысяч войска, и стоит, де, войско полское подо Львовым, а ожидают указу королевского величества»[378]. Как видно, в получаемых известиях часто находили отражения слухи, которые потом не подтверждались, в частности о возможном участии польских войск на стороне турок. Сведения о направлении основного удара османской армии также были противоречивыми. В конце мая киевский воевода кн. М.А. Голицын по информации из вестовых писем докладывал в Москву, что османский поход состоится все-таки на Киев: «...турской салтан, конечно, везира с турскими и с татарскими войски посылает войною по Киев, а не под Чигирин»[379]. Переяславские казаки, посланные для «проведыванья вестей», 15 июня в расспросе сказали, что у османов «намерение, де,... итить войною под Чигирин и чаят, де, их приходу в Петрове дни», при

[376] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 869. Л. 232.

[377] «Боярин, господин гетман с войсками к Чигирин-Дуброве пришед, выразумили, что берег Днепровий неспособен к переправе войскам, и обратились к Бужинской пристани, узким путем, чрез Сулу» (см.: АЮЗР. Т. 13. № 88. Стб. 366).

[378] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 25.

[379] Там же. Д. 869. Л. 837, 847–848.

этом, по их данным, турецкий султан будет находиться в Эдирне (Адрианополь), Ю. Хмельницкий — в Кишиневе, а его войско — в Сороке[380]. Утевлейка Киятов, ногаец Белгородской орды, на допросе 28 июня сообщал, что визирь в июне уже подошел к Бендерам. Он также подтверждал, что «турской, де, салтан ныне в Андреянполи, в войну не выходил и не будет», кроме того, по его словам, «у везира, де, намерение — приходить ему подлинно под Чигирин, и в зборех с ним войска многие.... И говорил, де, везир,... он под Чигирин пойдет тотчас, и будет от Днестра под Чигирин в две недели»[381]. В начале июля с правого берега Днепра гетману сообщали, что «везир со всеми силами, конечно, идет под Чигирин и пошел от Днестра июня 22-го числа, а на реке, де... Богу [Юж. Буг. — *М.Я.*] делал мосты июня в 30-м числе»[382].

Кроме того, Москве было известно, что османы в конце весны пытались собирать сведения о положении в Поднепровье и посылали для этого отряды под Киев и Канев для взятия языков. Так, от Днестра визирь посылал ногайцев — бек-мурзу Енакова и 300 человек Белгородской орды, которые были разбиты казаками под Трипольем[383].

Как видно, в распоряжении правительства в этот период имелись разные сведения о планах турок, в том числе и о возможном разделении их войск. Таким образом, несмотря на многочисленные сообщения о намерениях турок осадить Чигирин, русско-казацкое командование не было до конца уверено в этом. Ситуацию осложнило донесение киевского воеводы кн. М.А. Голицына в Москву в конце июня о том, что к Киеву приходили «неприятелские многие люди, и киевских, и кожемяцкие слободы жителей, и Кириловского монастыря стада отогнали, и торговых людей Коломыйцов в полон поймали, и что у... ратных людей с теми неприятелскими людми был бой». При этом все, кто были «в полон взяты, сказывали в роспросех, что турского салтана везирь со всеми силами и хан крымской с ордами хотят прежде Чигирина приходити под Киев и всякие воинские промыслы чи-

---

380 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 3.

381 Там же. Л. 10.

382 Там же. Л. 17.

383 Там же. Л. 9–10.

нить»[384]. Это привело к тому, что последовал царский указ от 4 июля, по которому кн. Г.Г. Ромодановскому предписывалось, чтобы он «про приход турского салтана с войском и крымского хана с татары проведывали всякими мерами накрепко, на которые места приходу их подлинно чаят, к Киеву или к Чигирину»[385]. В случае, если «учинитца подлинная ведомость, что те воинские люди, не ходя к Чигирину, пойдут... к Киеву», то воеводе следовало «на оборону... града Киева и на отпор бусурманским ратем» послать в полк к кн. М.А. Голицыну «ис полку своево... ратных пеших людей с началными людми три тысячи человек с пушки и со всякими воинскими припасы безо всякого мотчанья тотчас, да гетману ис своево полку казаков тож число, три тысячи человек, велено послать в Киев... А сами бы вы... шли к Киеву, потому ж без мотчанья, и Киеву помогали, и оберегали и над воинскими людми промысл и поиск чинили»[386]. Если турецкие войска сразу пойдут к Чигирину, то было указано, чтобы кн. Г.Г. Ромодановский с гетманом «потому ж Чигирину помогали и от тех воинских людей оберегали,... а в Киев ратных людей в то время не посылали»[387]. Данный указ был доставлен после переправы русско-казацких войск через Днепр, однако в целом отражает общую неуверенность Москвы в том, что планы османов были разгаданы правильно. Примечательно, что компанейщик Павловского полка А. Лукьянов, побывавший в июне в османском войске, сообщал, что, «как из-под Тягина пошли к Чигирину, и слух таков в войске был, что им итти под Киев, да не пошли, а для чего не пошли, того не ведает; а пошли под Чигирин. А знатно то, что турки поход свой под Киев славили для того, чтоб войска царского величества были надвое»[388]. В этой связи уместно говорить о намеренной дезинформации русско-казацкого командования.

Стоит отметить, что русско-казацкому командованию постоянно приходилось принимать решения, исходя из имеющейся у них оперативной информации. Некоторые планы в этой связи могли пересматриваться несколько раз. Со слухами о приходе ос-

---

384 АЮЗР. Т. 13. № 144. Стб. 624.

385 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 866. Л. 345–346.

386 Там же. Л. 346–347.

387 Там же. Л. 350.

388 АЮЗР. Т. 13. № 148. Стб. 639.

манов к Киеву отчасти была связана медлительность в переправе русско-казацких войск на правый берег Днепра, которая началась только 6 июля. С 6 по 10 июля воевода и гетман «на Бужинскую пристань, переправили одва не болшую половину войск»[389]. В своем «листу» царю И. Самойлович писал, что «задержались есми с войсками на переясловской стороне, для чего во время на сю сторону не перешли, так вместо себя до становища подлинного, а ко отпору неприятелей пристойного не укрепили, как и запасов, войску на прокормление належащих, и кормов конских не приготовили. А ныне, за пришествием сил неприятельских, когда уже нам и через Днепр переправливатца и тотчас с неприятелми бой учинить прилучилось, о таковые запасы нетрудно зело: тогда жалостны есмы о том, что нам те противные о неприятелском под Киев пути поголоски учинились великою перемешкою в належитом воинском деле, которое могло быть с добрым над неприятелми поиском, естли б мы были зде, под Чигирином, вовремя, усмотрили и заняли место»[390]. Как представляется, вопрос о логистических трудностях, с которыми столкнулись русско-казацкие и османские войска во время Чигиринских походов, нуждается в дополнительном исследовании. Однако обращает на себя внимание, что если для И. Самойловича задача собрать провиант и конские корма оказалась непосильной, то русское командование вообще не имело никаких возможностей заготовить их в Поднепровье, контролируемом гетманом.

В целом сами командующие рассматривали данную задержку как свою тактическую ошибку, из-за которой была упущена возможность встать у Чигирина до подхода неприятельских сил. Таким образом, хотя турки и не смогли добиться разделения русско-казацкой армии на две части, однако ложные слухи, пущенные в османской армии, смогли на некоторое время дезориентировать кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича, из-за чего было потеряно время и османы смогли подступить к крепости. Неудивительно, что отношение воеводы и гетмана к получаемым им сведениям от лазутчиков и «языков» стало более осторожным.

Важным представляется тот факт, что после того, как кн. Г.Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович с русско-казац-

---

389 АЮЗР. Т. 13. № 145. Стб. 627–628.

390 Там же. № 150. Стб. 650.

кой армией подошли к Днепру, в их распоряжении не было точных сведений о численности османской армии, «потому что имели языков татарских, толко татаровя так не знали»[391]. Ситуация изменилась, когда из османской армии в обоз к воеводе и гетману 8 или 9 июля пришел лазутчик — Александр Волошенин. По его словам, «под Чигирин пришли толко войска невеликие», «великого государя ратных людей и Войска Запорожского многолюдством против турского войска будет втрое, потому что турское войско славно обозом, верблюдами, катырями, потому что у турченина будет запасов у обышнаго человека телег по 5 и по десяти, а у паши возов по 30 и по 40, и 50, и болши, а у везиря телег тысячи две бывает». При этом он полагал, что над османскими войсками можно одержать такую победу, «что и нога их турская из-под Чигирина не уйдет»[392]. Получив такие обнадеживающие сведения, «ратные люди и войско казацкое зело обрадовалось, и учали Днепр переправливатца зело весело и охоче, и скоро.... Боярин и гетман... сами хотели к Чигирину встать к 14 числу, к воскресенью»[393]. Однако уже 9 июля основная османская армия появилась у крепости.

5. Военные действия

Ход военных действий между османской армией и русско-казацкими войсками подробно восстанавливается по отпискам кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича, а также по расспросным речам различных посланников и ратных людей, побывавших в центре событий. Происходящие события в османском лагере довольно подробно зафиксировали французский дипломат и польский резидент. Все это позволяет дать более детальную картину событий, чем та, что представлена в историографии.

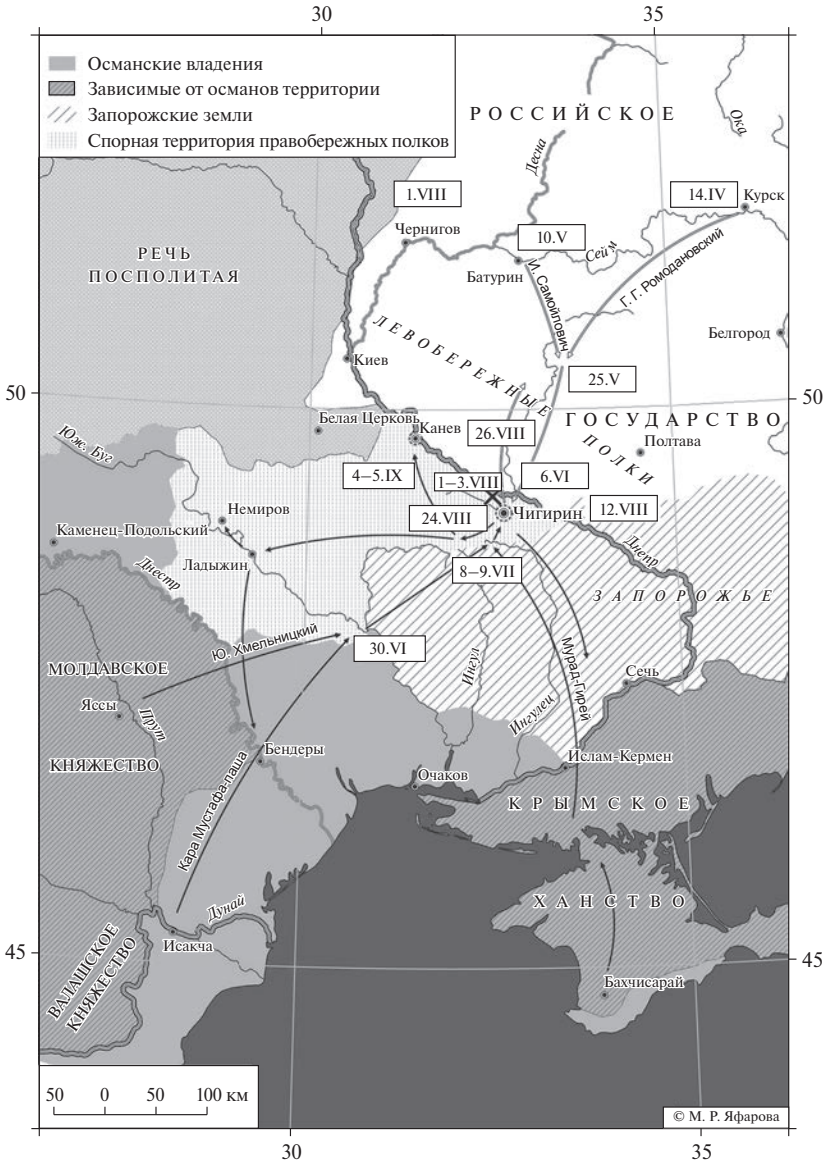
5.1. Начало осады

Передовые отряды османов, во главе которых стоял бейлербей Озю-Силистры Кийор Хусейн-паша, с 4000 турок и 8000 та-

391 АЮЗР. Т. 13. № 148. Стб. 640.

392 Там же. Стб. 641.

393 Там же.



Чигиринский поход 1678 г.

тар, с валашскими и «мултянскими» войсками[394], появились под Чигирином 8 июля. Утром этого дня в Чигирине еще велись восстановительные работы, гарнизон собирался свозить дерн из окрестностей для покрытия внутренней стороны рва. При появлении первых османских разведывательных отрядов из крепости была осуществлена вылазка; в ней погиб сердюцкий полковник Д. Рубан[395].

Главные силы Кара Мустафы-паши подошли к крепости 9 июля в 10 часов утра и «рассыпались по близлежащим горам и полям, не обращая внимания на орудийные залпы из крепости»[396]. П. Гордон описал их приход следующим образом: «Они заполнили все пространство от ручья Иркли вдоль Тясмы до предела в 200 сажен от старого вала — низменный, прямоугольный участок местности на английскую милю в каждую сторону. Большинство янычар и пехоты расположились здесь, а также выше на холме по направлению к курганам, за коими стояли великолепный шатер визиря с пятью высокими башенками и шатры других пашей — на значительном расстоянии. Большая часть конницы разбила стан повыше [северо-западнее. — *М.Я.*], в сторону Субботова. Лагерь занимал в длину около 8 английских миль [почти 13 км. — *М.Я.*] и более, а в ширину, насколько мы могли видеть, одну большую милю [ок. 1,6 км. — *М.Я.*]»[397]. Турецко-татарская армия расположилась на правом берегу Тясмина, левобережье этой реки османские войска занимать не стали, опасаясь, по всей видимости, удара русско-казацких отрядов в тыл. Как и в 1677 г., османские войска не смогли полностью блокировать Чигирин, что позволяло кн. Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу иметь сообщение с крепостью и периодически посылать в нее дополнительные войска. Посланник И. Самойловича в расспросе говорил, что «в Чигирин и из Чигирина ратные люди и казаки ходят беспрестанно, и ворота отворены, толко запирают на ночь»[398].

Великий визирь, как отмечает Ф. де Ла Круа, расположился в палисаде, находящемся довольно далеко от города, который рус-

---

394 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 368.

395 *Гордон П.* Дневник... С. 51.

396 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 368.

397 *Гордон П.* Дневник... С. 55.

398 АЮЗР. Т. 13. № 154. Стб. 674.

ско-казацкие войска не успели закончить и бросили[399]. Он разделил свои войска на 4 части. Под командованием самого визиря, по словам Ф. де Ла Круа, была первая часть: с бейлербеем Румелии, янычар-агой, 20 отрядами янычар и 10 знаменами, в осаждающем лагере они находились слева; вторая была под командованием Хамета-паши, «старого тефтердара», и бейлербея Анатолии, с 20 отрядами янычар и 10 знаменами; третья — бейлербея Озю-Силистры с несколькими пашами, 15 отрядами янычар и 10 знаменами; четвертая — военачальника из Кутахьи с санджакбеем из Никополя, 15 отрядами янычар и 10 знаменами, а также с «тимарами моря»[400]. Согласно данным османской хроники, по мнению турок, в крепости находилось 30 тыс. обороняющихся[401].

Османские войска сразу приступили к осаде города — начали копать траншеи, «не давая времени своим войскам ни вздохнуть, ни поставить палатки»[402]. Предполагалось, что пушками и бомбами они сразу ослабят гарнизон[403]. Одновременно часть турецкой пехоты попыталась взять крепость с налета: «...семнадцать хоругвей..., в которых могло быть более 1000 пехотинцев, одетых довольно легко, без каких-либо доспехов, только в красных суконных кафтанах, многие были с крюками для захвата, и редко с янычарками в руке, вскочили на валы на расстоянии выстрела из мушкета и, окопавшись в земле, давали залпы»[404]. Гарнизон Чигирина совершил вылазку, в которой принимал участие и П. Гордон[405]. Однако их оттеснили конные отряды сипахов, которые, остановив ратных людей и казаков, отступили, предоставив возможность для атаки турецким копьеносцам и янычарам. По словам С. Проского, противостояние переросло в штурм: многие османские войска добровольно бросились к городу, «что от генерального штурма никакой разницы не было», при этом он замечает, что «от такого удара крепость должна была пасть». Далее он

399 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 204–205.

400 Ibid. P. 207–208.

401 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa, Zeyl-i Fezleke ZEYL-İ FEZLEKE (1065-22 Ca.1106 / 1654-7 Şubat 1695). İstanbul, 2012. S. 702.

402 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 205.

403 Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 149 Turcica. 1678 (Aug.–Oct.). S. 6.

404 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 368.

405 *Гордон П.* Дневник... С. 55–56.

пишет, что «та битва длилась два часа и более, в которой 800 турок стало трупами, не считая взятых живьем, среди которых был визирский офицер капыджи-паша, который сидел красиво одетый на коне — его за вожжи ввели в замок. И погибло бы больше, но гора, за которой они спасались от огня, сильно им, туркам, была подмогой. Казаков погибло мало, одного только раненого офицера принесли к визирю, который приказал отрубить ему голову»[406]. Ф. де Ла Круа также сообщает, что «визирь собирался неожиданно захватить город, но его защищали 9 тысяч казаков и 6 тысяч московитов, которые оказали такое сильное сопротивление, что после четырех часов боя турки вынуждены были отступить, потеряв около 2 тысяч человек и несколько офицеров, среди которых был Капиджи»[407]. О потерях чигиринского гарнизона становится известно по сообщениям П. Гордона — «было пятнадцать убитых, среди коих один грек, единственный... минер»[408]. Нужно отметить, что сами события шотландец описывает скорее как небольшую стычку с турками, прежде всего акцентируя внимание на своей личной храбрости.

В этот же день туркам удалось перехватить посыльного с грамотами из Чигирина от воеводы И.И. Ржевского к царю Федору Алексеевичу и кн. Г.Г. Ромодановскому с просьбой о скорейшем приходе к крепости[409]. Вечером к Крымским воротам подъехали всадники и бросили сумку, в которой находились письма с предложением сдачи крепости: одно предназначалось воеводе И.И. Ржевскому с московскими полками, другое — полковнику Г. Карповичу с казаками, расположившимися в Нижнем городе[410]. Письма были оставлены без ответа[411]. В тот же вечер гарнизон Чигирина был пополнен на 2200 человек: Ахтырский казачий полк под командованием полковника Н. Давыдова насчитывал около 1200 человек, полк сердюков под командованием А. Ребриковского с полковником П. Кожуховским (он участвовал в обороне Чигири-

---

406 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 368.

407 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 205–206.

408 *Гордон П.* Дневник... С. 56.

409 Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 149 Turcica. 1678 (Aug.–Oct.). S. 13um.–14um.

410 АЮЗР. Т. 13. № 152. Стб. 661.

411 *Гордон П.* Дневник... С. 57.

на в 1677 г.), который должен был заменить убитого Д. Рубана, — 1000 человек[412]. Этот вспомогательный отряд, по распоряжению кн. Ромодановского, сопровождал до Чигирина корпус генерал-майора Косагова, который таким образом, «оставив прежнее свое место, открыл для неприятеля переправу через Тясмин»[413]. В ночь с 9 на 10 июля из Чигирина была совершена вылазка для того, чтобы не позволить туркам окопаться и возвести батарею недалеко от крепости. Несмотря на то, что вылазка оказалась удачной[414], ночью османы «повели шанцы по самому рву под городом, и поставили шанцы, и ис тех шанец на утро почали по городу из наряду стрелять»[415]. По словам взятого в плен турка, при этом противник понес потери: «...государевы люди из города по пушкам и по шанцам из наряду стреляли, и многих пушкарей у тех пушек побивали, и в шатрах всяких чинов людей побивали многих»[416].

Не сумев взять крепость с налета, османы все силы бросили на инженерную подготовку штурма: «...шанцами осыпавши и арматами обставивши, начали крепко и неусыпно оного добувати и бомбардировати, розными способами и штуками тщащися оного добути»[417]. Самым эффективным средством взятия крепостей у турок считалось минирование, которое стало вестись сразу в нескольких направлениях под стены замка и Нижнего города. Они рассчитывали в несколько дней взять город, однако упорное сопротивление осажденных помешало их планам. По словам С. Проского, всю середину июля турки пробовали различные способы осады: «...мешками с землей забрасывали ров и лестницы приставляли, но напрасно, могучие казаки так оборонялись, что им способов не хватало»[418]. Французский дипломат отмечал, что к концу июля Кара Мустафа-паша думал снять осаду с Чигирина: «Скорая зима, которая рано наступает в этих краях, упорство

---

412 *Гордон П.* Дневник... С. 57.

413 *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 308.

414 С. Проский даже сообщал, что казаки и ратные люди, совершив вылазку, «2000 вырезали и живыми взяли» (см.: Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 368).

415 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 17.

416 Там же.

417 *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России... Т. 2. С. 455.

418 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 370.

противника, малый эффект мин из-за тяжелой земли, и бреши, которые сразу заполняли мешками с землей, постоянный обстрел со стороны осажденных, которые уже убили много турок, так утомили везира, что он уже подумывал о снятии осады, боясь, чтобы армия не была застигнута зимой в землях, где они бы погибли от холода и голода. Но его разубедили Каплан-паша и тефтердар, и он решил атаковать город со стороны Тясмина, потому что поляк (вероятно, С. Проский) сообщил ему, что это самая слабая сторона»[419].

Стоит отметить, что прибытие в османский лагерь Капланапаши с 4 тыс. войска через две недели после начала осады Чигирина несколько изменило тактику осады крепости. Уже на следующий день турецкий военачальник со значительными силами переправился[420] на левый берег р. Тясмин, и, «пришед под город», османы «поделали шанцы и роскаты, и на тех роскатах поставили пушки, и ис пушек били по городу со всех сторон дни с четыре»[421]. При этом, как отмечают взятые в плен турки, часть гарнизона имела возможность осуществлять вылазки, переправляясь на другой берег Тясмина: «...из города, де, бывали к ним выласки, и теми выласками и ис пушек з города побивали их многих»[422]. Однако П. Гордон данному турецкому маневру уделяет незначительное внимание[423], что, как представляется, свидетельствует о его небольшой эффективности.

Ежедневно Чигирин подвергался многочисленным обстрелам. Турки вели огонь против бастионов, гаубичные батареи обстреливали город, а брешь-батареи ломали равелин в месте будущего штурма, одновременно приближаясь к нему системой траншей. За все время осады османы сделали порядка 25 подкопов[424], часть которых наносила вред самим осаждающим. Так, 24 июля они сделали подкоп и в полдень «бросили мину в траншеи между боснийцами. И так быстро всех поубивало, что едва ли кто из близлежащих с обеих сторон траншей мог принести известие о

[419] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 210.

[420] Мост при этом был построен заранее с помощь сил валашского и молдавского господарей (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 17–18).

[421] Там же. Л. 18.

[422] Там же; см. также: Monuments historiques... P. 148.

[423] См., напр.: *Гордон П.* Дневник... С. 63.

[424] АЮЗР. Т. 13. № 154. Стб. 674.

катастрофе». Такие события приводили великого визиря в отчаяние[425]. По всей видимости, из-за неудачной организации траншей был снят со своей должности старый командир янычарского корпуса, на его место был поставлен Исмаил-ага[426].

28 июля главный артеллирист Али-ага нагрел в огне железные ядра и ударил по одной из церквей[427]. По словам польского резидента, османы сделали это, поддавшись на уговоры Яненка и Астаматия-старого: «...запалили огненными пулями город и весь замок»[428]. Пожар был настолько сильным, что «гораздо большая часть города с тремя величавыми деревянными церквами обратилась в пепел. Жар был так жесток, что в иных местах казаки не могли устоять на стене»[429]. Похожие сведения сообщал С. Проский: «...пожар продолжался до вечера и, в конце концов, погас. Сгорели в этом огне две церкви и 2 части города от замка, остальное — со стороны болота — осталось с недостроенной церковью, которую потом той же ночью разобрали сами казаки»[430]. Из-за пожара был заброшен ров около Нового замка.

На следующий день турки попытались снова поджечь крепость, однако «зажженный с трудом пожар был потушен, он только местами опалил деревянную облицовку той части крепости, что около вала, без вреда для самой крепости»[431]. Помогли, как представляется, меры, предпринятые П. Гордоном, который приказал «снять кровлю с церкви в старом замке из опасения, что ее могут поджечь, так же как городскую, и расставить по всему старому замку сосуды с водой»[432]. В этот же день османам удалось взорвать часть внешних укреплений, однако они «не дерзнули войти в брешь» из-за хорошего состояния вспомогательных сооружений[433].

В то же время безрезультатность осадных работ турок в этот период не мешала великому визирю заверять стамбульский двор

---

425 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 370.

426 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 704.

427 Ibid. S. 706–707.

428 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 370.

429 *Гордон П.* Дневник... С. 63.

430 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 370.

431 Ibid.

432 *Гордон П.* Дневник... С. 64.

433 Там же.

в своих отписках, что крепость будет взята в течение нескольких дней[434]. Очевидно, что османы были готовы завладеть Чигирином любой ценой, в том числе ценой полного уничтожения крепости. Однако в целом среди османских правящих кругов царило уныние, сам великий визирь Кара Мустафа-паша не знал, каким образом ему удастся сохранить свою репутацию в случае неудачи под Чигирином и продолжения войны с Россией[435]. В Стамбуле даже рассматривалась возможность отправки дополнительных запасов для продолжения осады[436]. Стоит отметить, что чигиринский гарнизон также исходил из того, что цель османов — «всячески достать Чигирин и разорить»[437].

30 июля османские войска попытались штурмом овладеть крепостью. По словам П. Гордона, он видел, как «множество турок выступает из лагеря, одни верхом, другие пешими, и многие входят в траншеи, а иные остаются у старого вала»[438]. В этот день им удалось взорвать два подкопа, один из которых пробил брешь в оконечности среднего бастиона. Осажденным пришлось одновременно оборонять крепость и ремонтировать поврежденные укрепления. Судя по описанным шотландцем действиям османских войск, они планировали нанести гарнизону максимальный урон тяжелыми снарядами и гранатами, после чего начать штурмовать крепость: «...залпом разрядив пушки, они возобновляли натиск, но при появлении любого числа наших солдат для обороны бреши в один миг убирались в свои норы, и тогда пушки [снова] гремели по бреши»[439]. Однако благодаря стойкости чигиринского гарнизона штурм закончился неудачно.

До подхода русско-казацкой армии к Чигирину, 1 и 2 августа туркам удалось взорвать еще несколько мин, из-за которых обрушилась часть стены недалеко от предыдущей бреши. Однако в эти дни они не пытались идти на штурм. 3 августа между османами и чигиринским гарнизоном произошли крупные столкновения — туркам снова удалось взорвать мину, от которой рухнула

[434] Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 149 Turcica. 1678 (Aug.–Oct.). S. 7.

[435] Ibid. P. 8 um.

[436] Ibid.

[437] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 71.

[438] *Гордон П.* Дневник... С. 65.

[439] Там же. С. 65–66.

часть стены, и они «мгновенно приступили с 12 знаменами, стремясь проникнуть внутрь»[440]. Гарнизону потребовалось несколько часов для того, чтобы отбить приступ. В этот же день от осколка гранаты погиб окольничий И.И. Ржевский, который был «душой обороны»[441]; комендантом крепости стал П. Гордон[442]. Осажденные исправляли проломы и с успехом отбивали частые приступы. Как отмечал пленный турок, «в Чигирине... ратные люди сидели крепко, и отпор против их чинили мужественно, и на вылазки против их выходили и их побивали, и в полон их имали многих, и таких крепких осадных сиделцов нигде они по се время не видали»[443]. С. Проский также писал, что наибольший ущерб чигиринский гарнизон наносил османам частыми вылазками; по его словам, за 30 дней они «насчитали больше 30 тысяч убитых и раненых»[444]. Эти цифры, конечно, сильно преувеличены. Согласно австрийским источникам, эта цифра составляла 7 тыс. погибших, в это число входили некоторые командиры[445]. В целом эти цифры свидетельствуют о значительных усилиях, которые потребовались от османов при осаде. При этом стоит отметить, что сведения о стойкости чигиринского гарнизона и его успешных вылазках распространились среди европейских правящих кругов, в частности эти сведения были в распоряжении австрийских дипломатов[446].

Генеральный штурм в этот период так и не состоялся: с одной стороны, первые две недели османское командование дожидалось прибытия Каплана-паши с дополнительными войсками[447], с другой — внимание турок отвлекала русско-казацкая армия.

---

[440] *Гордон П.* Дневник... С. 70.

[441] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 155.

[442] *Гордон П.* Дневник... С. 70.

[443] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 19 об.; АЮЗР. Т. 13. № 157. Стб. 692.

[444] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 370.

[445] Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 149 Turcica. 1678 (Aug.–Oct.). S. 8 um.

[446] Ibid.

[447] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 17.

5.2. Русско-казацкая армия на подступах к Чигирину

9 июля, получив сведения о переправе русско-казацких войск через Днепр, Кара Мустафа-паша послал «для проведыванья о великости войск» часть крымских татар — «нурадына и Аджи-Гирея салтанов со многими войсками татарскими... к Днепру»[448].

На следующий день, 10 июля, произошло первое столкновение между частью русско-казацкой армии и отрядами крымских татар. Крымцы, переправившись через р. Тясмин по незащищенному броду под местечком Крыловом, напали на находившиеся на правом берегу русско-казацкие войска. Кн. Г.Г. Ромодановский в своей отписке царю сообщал, что на переправившиеся на правый берег Днепра войска под командованием В.А. Змеева и казацкие полки гетмана И. Самойловича приходили крымские отряды «нурадына да Аджи-Гирея салтанов, а с ними татар тысяч з десять». Бой продолжался несколько часов, «и напуски жестокие с третьяго часу до вечера», при этом «ратные люди и гетманского полку казаки многих татар побили и языки поймали»[449]. Общий итог боя И. Самойлович расценивает как победу[450]. Несмотря на это, переправа через Тясмин осталась под контролем османских сил, которые могли беспрепятственно посылать свои отряды к русско-казацким обозам.

12 июля кн. Г.Г. Ромодановский с гетманом и оставшимися войсками переправились за Днепр и «на Бужинских полях стали обозами»[451]. На переправе через Днепр для обеспечения безопасности тыла было оставлено три казачьих полка[452]. Перед турецким командованием встала задача не допустить подхода русско-казацких сил к Чигирину, поэтому 13 июля великий визирь в помощь крымскому хану послал большой отряд конных османских войск под командованием Кара Мехмеда-паши из Алеппо[453]. Пешие турецкие полки в данном сражении, по всей видимости, почти не участвовали: «...везир со всеми пехотными полками стоит

[448] АЮЗР. Т. 13. №. 145. Стб. 628.

[449] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 19–21а.

[450] АЮЗР. Т. 13. № 145. Стб. 629.

[451] Там же. № 147. Стб. 634.

[452] *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война... С. 56.

[453] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 209; Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 204.

под Чигириным и над ним чинит промыслы, а на бою, де,... пехотных полков никого не было»[454]. По словам близкого к султану человека, Мегмета-аги, взятого в плен в этом сражении, «по присылке турского везира приходили шесть пашей Кара Магмух-паша, Усман улу-паша, Уселен-паша, Емирзели-паша, а двум имян не ведает. Да хан крымской с нурадыном и Аджи-Гиреем салтаны, а с ними турков тритцать четыре тысячи, да крымские, и белгороцкие, и нагайские орды все»[455]. Согласно османской хронике, в данном сражении участвовали войска в основном из азиатских владений Османской империи, в том числе из Алеппо, Египта, Мараша, Карамана, а также Никополя, который входил в эялет Озю-Силистра[456].

О том, что турецко-татарские силы собираются атаковать русские позиции, командующим стало известно заранее, и «бояря, де, и воеводы, и гетман Иван Самойлович полки свои к бою построили и поставили наготове от обозов своих, а от Чигирина верст за 7 или за 8»[457]. Подробно о ходе сражения становится известно из расспросных речей стольника С. Лукьянова, который был отпущен из армии кн. Г.Г. Ромодановского 14 июля. Он сообщал, что атака началась 13 июля в три часа дня, когда «турские паши и крымской хан и Юраска Хмелницкой со всеми турскими и крымскими и иных земель конным войски болшим многолюдством пришли на полки гетмана Ивана Самойловича, а потом на полки ж бояр и воевод». Началось сражение, от османской армии были «на государевых ратных людей многие напуски, а государевы люди от тех их напусков стояли и с ними бились, и на тех воинских людей также напусками и поиски чинили». После этого крымская конница, отделившись от турецких войск, начала атаку на полк В.А. Змеева, в то время как «турские паши и Юраска Хмелницкой с турскими и с иными воинскими людми чинили бой з государевыми ратными людми полков бояр и воевод и гетмана Ивана Самойловича». Войскам В.А. Змеева удалось сначала устоять и дать отпор крымцам, после чего османские войска соединились и «учинили самой болшой и жестокой напуск на полк дум-

---

454 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 30.

455 Там же. Л. 66–67.

456 Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 204.

457 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 27.

ного дворянина и генерала». И от этого «их жестокого напуску того полку копейные немногие роты помешались, и тем учинили всему полку нестройство, и в том нестройстве те воинские люди того полку ратных людей с того места збили, также и городовые, и жилецкие, и дворянские сотни смешали и несли до столничих сотен». Ситуацию, однако, удалось изменить благодаря действиям стольника и стрелецкого полковника С. Грибоедова, который со своим приказам начал стрелять по неприятелям из пушек, «и тою стрелбою тех воинских людей остановил и за государевыми ратными людми в напуск и в погоню не допустил». В это же время ратные люди вышеписанных сотен и полка В.А. Змеева «справились и учинили на тех воинских людей напуск, и те, де, воинские люди от того напуску не устояли и от государевых ратных людей побежали». В целом сражение закончилось в пользу русско-казацких войск, которые преследовали отступающего неприятеля: «...за теми воинскими людми гнали и их рубили на версту и болши; и тех воинских людей побили и в полон поймали многих и знамена турские поимали многие ж. И было, де, того всего с теми воинскими людми боя и напусков от 3-го часа дня до ночи, и те, де, воинские люди с тех боев отошли за Чигирин в обозы свои»[458].

Как видно, 12-тысячный полк В.А. Змеева дрогнул только тогда, когда объединенные турецко-татарские войска, насчитывающие порядка 30 тыс. человек, нанесли по нему главный удар. У турок в данном сражении не было артиллерии, и русские войска использовали это преимущество для осуществления контратаки, благодаря которой османская армия отступила. Как представляется, в этой связи нельзя согласиться с мнением П.В. Седова, по которому в данном эпизоде лучше показали себя стрельцы, в то время как часть полка «нового строя» дрогнула и побежала[459].

За этот успех кн. Г.Г. Ромодановскому была послана царская грамота с «милостивым» словом «за тое... радетельную службу, за промысл»[460]. Кроме того, Федор Алексеевич указал по совету с патриархом Иоакимом[461] «ратных людей русских и иноземцов

---

[458] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 27–30.

[459] *Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 315.

[460] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 32–33.

[461] Интересные размышления о патриархе Иоакиме и его возможном вкладе в формирование полков «нового строя» см.: *Петрухинцев Н.Н.* «На-

благочестивые веры, которые на боях за Днепром июля в 10-м и в 13-м числех от турских людей и от крымских татар за святые божии церкви и за веру христианскую побиты, на Москве в соборной и апостолской церкве, и в городех по соборным церквам во время божественные литоргии поминать и понахиды и литии по них петь и написать их в вечныя синодики»[462].

Потерпев поражение, турецко-татарские части не решались возобновлять атаку. Между тем 15 июля они были атакованы русско-казацкими войсками. Ход военных действий был описан в «листе» И. Самойловича к царю, в котором он сообщал, что «в другом часу дни, выходили с боярином и воеводами и со всеми войсками, устроив их пристойно, как належит за табором их, на бой, которой с утра, с нами учинив, весь день до самого вечера имели есми; ... что с их неприятелской стороны на полях Бужинских многих логом положили и до самого бора их гнали»[463]. Как видно, действия русско-казацкого командования не ограничивались обороной.

После этого начались ежедневные стычки между османскими и русско-казацкими войсками. По словам И. Самойловича: «...от пятагонадесять даже до... 20 числа июля, беспрестанные с теми силами неприятелскими были бои, потому что они, пришед из-под Чигирина через Крылов, в семи верстах от нас обозом встали и всегда под таборы наши всеми силами чинят наезды»[464]. Таким образом, с 10 июля русско-казацкая армия несколько раз одерживала победу над османскими войсками, но, несмотря на это, она продолжала стоять у Днепра до 31 июля, т.е. до подхода кн. К.М. Черкасского с черкесскими и калмыцкими отрядами. В. Перхуров, возвращавшийся из Сечи и побывавший 25–27 июля в полках кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича, в расспросных речах сказал, что воевода и гетман находятся на правом берегу Днепра, «на Бужинских полях, не заняв гор, и обозами тесно, и смрад в обозе великий, а конские кормы берут на сей стороне Днепра и

чало славных дел»: Первые преобразования Петра I в контексте внешней и внутренней политики России (1682 — рубеж XVII–XVIII вв.): (Очерки по истории ранних реформ Петра). М., 2022. С. 35–36.

462 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 47.

463 АЮЗР. Т. 13. № 149. Стб. 644–645.

464 Там же. Стб. 645

перевозят чрез Днепр дорогой». Обращает на себя внимание, что русско-казацкие войска уже в этот период испытывали проблемы с обеспечением армии конскими кормами, которые свозились с левого берега.

В. Перхуров также подтверждал, что османские войска находились недалеко, однако крупных столкновений в этот период между армиями не было: «...турские войска и орда от боярских и гетманских обозов к Чигирину верстах в 7-ми; и по вся дни под боярские и гетманские обозы подъезжают, а боев при нем свалных у ратных людей царского величества не бывало». Длительное пребывание войск у Днепра, по всей видимости, вызывало недовольство в армии: «...генералы и столники, и полковники, и все ратные люди бояром и воеводам, и козаки гетману говорят беспрестанно, что они, заведчи их, морят напрасно, стоят без дела и Чигирину помочи не чинят; лутче б уж на ту сторону не ходить, когда уж даром стоять. И бояря и воеводы и гетман отговариваютца, бутто они ждут калмыков»[465].

С чем могла быть связана такая медлительность? С одной стороны, командующие войсками, кн. Г.Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович, были твердо намерены дожидаться прибытия в полки кн. К.М. Черкасского с подкреплением[466]. С другой — к этому периоду русско-казацкому командованию удалось собрать большой объем информации о неприятеле. По расспросным речам взятых в плен турок и татар за 10–15 июля стало известно, что «по посылке турского султана к везирю ево под Чигирин идут в прибавку паши со многими тамошними войсками»[467]. Другой пленный это подтверждал: «...что ко всем силам турским и татарским, при везире и хане сущим, идет Каплан-паша с великим бусурманским войском»[468]. При этом нужно иметь в виду, что в распоряжении командующих были сведения, согласно которым османское войско превосходило соединенные русско-казацкие силы в три раза. Так, приближенный к османскому двору Мегмет-ага заявлял, что «с везиром, де, турских и татарских, и волоских, и мултянских, и розных земел войск конных и пеших с триста тысяч чело-

---

[465] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1002. Л. 58–59.

[466] *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 310.

[467] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 53.

[468] АЮЗР. Т. 13. № 148. Стб. 635.

век»[469]. Приход калмыков, таким образом, мог несколько уравновесить численность русско-казацких конных частей с турецко-татарской конницей, так как считалось, что крымские татары боятся калмыков: «...и татаровя, де, бой их знают и, увидя их, битца с ними не станут, побегут»[470].

Интерес также представляют сведения, которые были в распоряжении русско-казацкого командования о состоянии Чигирина во время пребывания у Днепра. 18 июля воевода И.И. Ржевский писал кн. Г.Г. Ромодановскому, что, «будучи в Чигирине с... ратными людьми, неприятелю дают отпор доброй и безпрестанными вылазками в шанцах и обозах неприятелских людей многих побивают»[471]. Вернувшийся в обоз стрелец А. Иванов, посланный в Чигирин 13 июля для выяснения обстановки в крепости, сообщал, что при нем у чигиринского гарнизона было три вылазки, и «на тех выласках государевы ратные люди в шанцах и в обозах многих неприятельских людей побили, да и языки поймали». По его словам, взятые языки «сказывали, что многие турки и татаровя, убоясь государских войск бегут ис-под Чигирина в свои места беспристанно»[472]. Гетману И. Самойловичу, в свою очередь, писал чигиринский полковник Г. Карпович, который также заверял, что «яныченя бегут природные турские, а что есть крестьянских у них войск — те все говорят меж собою, что хотят тут быть, токмо б пяхота была и на шанцы шла и на пушки и до самого везира». Более того, он считал, что, увеличив гарнизон, можно успешно атаковать османские войска из крепости: «...смилуйся, аще ли подможно нам пехоты дати сколко-нибудь хотя вашей, хотя московской десять тысяч человек или болши, хотя и двацать тысяч, пойдем не токмо на шанцы... и на наметы везирские, зело боятся во всю ночь в руках коней держат, а в день никогда не росседлывают»[473]. Как видно, положение в Чигирине в этот период обнадеживало: гарнизоном совершались постоянные вылазки, атаки османских войск успешно отражались. Что касается слухов о бегстве осаждающих и необходимости атаковать их, то, с одной

---

469 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 66–67.
470 Там же. Д. 847. Л. 38.
471 Там же. Д. 1157. Л. 59.
472 Там же. Л. 63.
473 Там же. Л. 64.

стороны, такие сообщения должны были подтолкнуть кн. Г.Г. Ромодановского к началу активных боевых действий. Однако более вероятным представляется, что воевода и гетман, однажды уже столкнувшись с турецкой дезинформацией о наступлении на Киев, воспринимали их с недоверием. Более того, взятый в плен знатный турчанин Мегмет-ага сообщал, что существует «повеление, де, турского султана везиру, чтоб он, не взяв Чигирина, не отступал, а буде он, везир, Чигирина не возмет, и он, султан, велит ево, везира, казнить смертию, потому что, де, о взятье Чигирина перенял он, везир, на себя. И ныне, де, к нему, везиру, от султана гонцы безпрестанные, чтоб неотступно над Чигириным чинил промысл и взял бы ево в десять дней, хотя и самому ему, везиру, будет тут умереть»[474]. Об этом же говорил побывавший в турецком плену Е. Прокофьев: «...похвалился, де, он [великий визирь. — *М.Я.*] перед салтаном, что он Чигирин возмет в три дни и салтан, де, прислал к нему лист, что он хотел Чигирин взять в три дня. И он, де, салтан дает ему сроку в десять дней, а естъли, де, он в те дни Чигирин не возмет, и он, де, сам себе знает»[475].

В сложившейся ситуации русско-казацкое командование действовало осторожно, придерживаясь выжидательной позиции. Выступление армии к Чигирину началось только 31 июля, после того как 28 июля в полки кн. Г.Г. Ромодановского прибыл кн. К.М. Черкасский.

О движении войск во главе с кн. К.М. Черкасским становится известно из его отписок царю. 9 июня кн. Черкасский сообщал в Москву, что «с Терка приехал в Астрахань апреля в 10 день, а с ним черкаские, да нагайские, да окоцкие мурзы с уздени своими». В Астрахани он провел смотр войск и после этого поехал в калмыцкие улусы[476]. В середине июля он писал царю, что удалось договориться с ханом Аюкой об участии калмыков в этой кампании, и «послал он, Аюкай, на службу великого государя с ними брата своего Замсу Меншого да Солом Серена-тайши сына Монго Темира, да Батыра-тайшу, а с ними владетельных и началных людей сорок дву человек, да калмыцких ратных людей тысечю

---

[474] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 66.

[475] Там же. Л. 72–73.

[476] Там же. Д. 866. Л. 107.

осмидесят осми человек». Объединенные войска отправились из Царицына и 25 июня переправились через Дон, 6 июля пришли к Волуйкам, а «с Волуек пошли на Царев-Борисов июля в 10-м числе»[477]. 13 июля они были уже под Чугуевом[478]. Бóльшую часть времени кн. К.М. Черкасский провел в Царицыне в ожидании прихода калмыцких отрядов.

Несмотря на то, что численность калмыков составляла всего 2000 человек (вместе с черкесами кн. К.М. Черкасского его отряды насчитывали «...по смете... три тысячи сцомьсот человек»[479]), гетман И. Самойлович считал ее вполне достаточной для совершения успешных боевых действий против османской армии: «...и то б их было... хотя бы с две тысячи человек, впрям бы... много ими исправилось неприятелем страху, которой дабы... на них во время прилучея воинскаго, послати благоволил»[480].

При этом привлечение калмыков на службу было сопряжено с определенной опасностью для жителей порубежных городов и требовало координации деятельности воевод. Из Москвы посылались грамоты к городовым воеводам и приказным людям тех городов, через которые предстояло пройти черкесским и калмыцким отрядам, чтобы «в тех бы городех от калмыков жили с великим береженьем». Также им предписывалось «ссоры никакие и задору никакие с ними чинить... отнюдь никоторыми делы, и мимо Новоосколской черты и крепостей степью по нагайской и по крымской стороне пропускать их без задержанья». В случае, если случатся нападения, то было приказано «ратными людми над теми калмыки чинить промысл и поиск всячески, чтоб их от того... унять и до болшого дурна не допустить... и людей от них уберечь»[481]. Для того, чтобы избежать разорения российских городов, воеводам и приказным людям было предписано обеспечивать войска кн. К.М. Черкасского продовольствием. В частности, по царскому указу было велено «с чюгуевцов городовые службы со всяких чинов людей на корм колмыцким тайшам и их колмыцким же ратным людем взять хлебных запасов круп и

---

477 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 421.

478 Там же. Л. 61.

479 Там же. Л. 77.

480 АЮЗР. Т. 13. № 116. Стб. 500.

481 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 75–76.

пшена сто четей, да печеного хлеба двести тритцать семь коврег, да сто яловиц, да двести боранов, да шестьдесят подвод. Да для подчиванья колмыцких тайшей и колмыков в Чюгуеве ж с... кружечиного двора из погреба взято у выборного головы у Микиты Остафьева с целовалники пятдесят ведр вина простого»[482]. В кампании 1678 г. московским правительством возлагались большие надежды на калмыков, однако, как покажут дальнейшие события, эти ожидания не вполне оправдаются, поскольку русско-казацкое командование будет придерживаться прежде всего оборонительной позиции.

В то же время за период ожидания русско-казацким командованием кн. К.М. Черкасского османы смогли укрепиться на Чигиринских высотах вблизи Тясмина, для этого они возвели три моста через Тясмин под руководством Кийор Хусейна-паши. При этом «московиты, — по словам Ф. де Ла Круа, — не сделали попыток помешать им»[483]. Кроме того, 27 июля к Чигирину подошли дополнительные войска во главе с Капланом-пашой «с немалым войском турским». В русско-казацкой армии войска стали, наоборот, расходиться. По словам гетмана И. Самойловича, «чрез давное из домов в таборы изытие все изнуждали и многие из войска по домам пошли»[484].

В то же время в середине июля в османском лагере остро встал продовольственный вопрос. Затягивающееся пребывание многочисленных войск на опустошенных территориях требовало постоянного подвоза хлебных и других запасов. Уже в конце июня на пути к Чигирину Кара Мустафа-паша требовал от С. Проского «послать до панов комендантов в Белую церковь и Паволочи, чтобы они присылали провианты в турецкий лагерь, обещая всевозможную защиту и плату приезжающим». Польский резидент отговаривался, что «того сделать без доклада королю не может, что было принято за обиду»[485]. Запасы, которые были привезены вместе с Капланом-пашой, не смогли исправить продовольственную ситуацию в армии. Гетманский посланник сообщал, что в

---

[482] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 76–77.

[483] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 210–211.

[484] АЮЗР. Т. 13. № 152. Стб. 658.

[485] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 362.

середине июля «в турских войсках в хлебных запасех и в конских кормах великая скудость, а надеютца привозу хлебных запасов из Казыкерменя»[486].

В этой связи большое значение приобрел вопрос о действиях запорожских казаков. После заключения И. Серко перемирия с крымским ханом на три года перед русским правительством встала задача приводить их «ко отлучению от бусурман». 28 марта кошевой атаман писал в Москву, чтобы «великий государь пожаловал их, вины их прежней и проступки, которые они чинили, простил, а они, де, кошевой обещаютца ему... служить по-прежнему верно и куды ево государево повеление идти войною им будет туды и пойдут»[487]. Несмотря на заверения в верности, в Москву постоянно продолжали поступать данные о сотрудничестве кошевого с османами[488].

В сложившейся ситуации Москва пыталась наладить взаимоотношения И. Самойловича и И. Серко. Так, гетману предписывалось, чтобы он «кошевому атаману Ивану Серку не воздавал за зло зла, приводя ево к верной службе... и всячески ево христианскою любовью обнадеживать и увещавать, и хлебными запасы вспомогать обещать». Запорожцев указывалось отводить «от бусурманского случения... как возможно», поскольку сам И. Серко «обещался к розорванию с неприятели употреблять его гетманского совета»[489].

Также на Кош 20 апреля был отправлен стольник В. Перхуров, который должен был выяснить намерения запорожцев и уточнить, разорвали ли они, как это было обещано, мир с Крымом. 11 июня он прибыл в Запорожскую Сечь вместе с гетманским посланником, спустя два дня И. Серко собрал раду, на которой В. Перхуров зачитал царскую грамоту. Кошевой атаман оправдывался, что «не размирил он, Серко, с крымским ханом и с турскими городками для того,... гетман, де, им на Георгиев день [23 апреля. — *М.Я.*] размиривать не велел, а отложили бы они то до иного времени; и они потому с ханом крымским и с турскими

---

[486] АЮЗР. Т. 13. № 152. Стб. 656.

[487] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1002. Л. 22.

[488] См. подробнее: *Кочегаров К.А.* Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом... С. 5.

[489] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1002. Л. 8–9.

городками по се время не розмирили». Однако на военном совете запорожцы решили начать военные действия против Крымского ханства, для этого они предполагали идти на юг, «чтоб хана через Днепр не перепустить и промысл над ним чинить, а в то время хан был в Перекопи»[490]. Интересно наблюдение Д. Эварницкого о том, что июнь 1678 г. является переломным моментом в отношениях между Сечью и Москвой. Именно в это время кошевой атаман, по его мнению, занимает сторону России[491].

Однако, как описывает дальнейшие события В. Перхуров, о планах запорожцев стало известно крымскому хану благодаря изменнику, сбежавшему на полуостров: «И по тем изменничьим речам послал хан тотчас в турские городки близ Запорожья будучие, в Казыкермен, в Ачаков, чтоб запорожских казаков, будучих в тех городках, и где достать их будет мочно, задержали; и потому ханскому указу в тех городках задержали запорожских казаков 72 человека». После этого к И. Серку крымский хан направил своих людей с предложением, чтоб он «с ними жил во братстве, а не розмирял, и Серко хану писал с лестию». После этого хан отпустил 60 запорожских казаков, а «12 человек в тех городках остались»[492]. Освободив большую часть запорожцев, И. Серко двинулся на юг, встав «выше Казыкерменя на урочище Космахе»[493]. Одновременно, по свидетельству С. Проского, 11 июня, когда османская армия двигалась к Чигирину, от крымского хана прибыл гонец, который сообщил, что запорожцы обороняют переправу на Днепре. На помощь крымскому хану были посланы 4 паши с тремя тысячами янычар[494]. Хан, беспрепятственно переправившись через Днепр «против Казыкерменя с великою осторожностию и великим собранием», послал к кошевому гонца, «чтоб он с ним помирился и жил по прежнему в братстве, а буде с ним ныне не помиритца, и он бы для прежней дружбы и братества пропустил турские хлебные запасы под Чигирин; и обещал ему, буде он за-

---

490 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1002. Л. 49.

491 *Эварницкий Д.* История запорожских казаков... Т. 2. С. 565.

492 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1002. Л. 49.

493 Там же. Л. 50.

494 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 367.

хочет быти гетманом или о помочи против кого, людей пришлет, и по ево прошению, то все он, хан, учинит»[495].

Несмотря на то, что, как сообщает В. Перхуров, «Серко с ханом не помирился и во всем отказал», запорожцы не стали препятствовать движению крымской орды к Чигирину. Более того, как писал С. Проский, в конце июня «пришла ведомость от хана, что он уже договорился с Серко, что он его пропустит, и ни одной стороне не будет помогать. Везир послал ему 24 мешков и 30 кафтанов»[496]. Хан, таким образом, из Казыкермена отправился в Чигирин, а Серко, однако, «пропустя хана с ордою, пошел на низ против хлебных запасов»[497].

Из Стамбула для обеспечения османской армии продовольственными припасами были отправлены 15 каторг и 7 кораблей во главе с Семестаф-пашой. Прибыв в Очаков, он отправил к кошевому атаману «попа, которой захвачен был в Очакове, чтобы с ними помирился, и хлебные запасы под Чигирин пропустил». Серко вновь проявил миролюбие, «с тем пашею смирясь». За это «прислал к нему, Серку, тот паша подарок: чюгу суконную, сукна, атлас и запасов, и также и полковникам и ясаулом по сукну и по атласу, и розменили аманату по 2 человека на сторону»[498]. Заключенное перемирие позволило османам надеяться на безопасную доставку продовольствия по Днепру. Припасы были перегружены с больших кораблей на «мелкие во сто в тритцать судов для того, что каторги и карабли Днепром для месности водяной не пройдут». Однако как только суда вошли в Днепр, И. Серко напал «ззади на них...; и хлебные запасы все взяли и на тех стругах полоном взяли пятсот человек да семь пушек, дватцать знамен»[499]. Однако грабежом хлебных запасов И. Серко решил не ограничиваться. По словам В. Перхурова, он «со всем посполством пошел в реку Бог [Юж. Буг. — *М.Я.*] и мост, которой зделал на Богу [Юж. Буг. — *М.Я.*] для переправы, хотел зжечь и над за-

---

[495] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1002. Л. 51.

[496] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 367.

[497] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1002. Л. 51.

[498] Там же; о военных действиях см. также: *Апанович О.М.* Запорозька Січ... С. 287–289.

[499] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1002. Л. 51–52; см. также: *Эварницкий Д.* История запорожских казаков... Т. 2. С. 565–566.

ставою, которая у того мосту оставлена, промысл чинити и учиня, идучи назад на Запорожье, хотел чинить промысл над Ачаковым и над Казыкерменем»[500]. Как впоследствии сообщали пойманные языки, запорожские казаки действительно сожгли турецкие мосты на Юж. Буге, уничтожили стражу и захватили много подвод с различными запасами, ввиду чего визирь был вынужден отправить молдавского и валашского господарей с войском для восстановления мостов[501]. Как видно, запорожцы разорвали перемирие с крымским ханом, однако предпринятые ими военные действия были направлены прежде всего против османских войск. Если в 1677 г., как отмечает К.А. Кочегаров, заманчивое предложение Портой гетманской булавы для И. Серко могло на какое-то время поколебать кошевого атамана, то в середине 1678 г. он окончательно отклонил его, что позволило запорожцам выступить против османов[502]. Действия запорожцев позволили также в какой-то степени рассредоточить крымские войска, поскольку «многие люди и крымцы из войны поворотились в Крым назад, чтоб Серко, в Крым ворвався, какова разорения не учинил»[503].

Итак, 29 июля кн. К.М. Черкасский с войсками переправился через Днепр и пришел в обоз к кн. Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу, а 31 июля, как писал в своей отписке воевода, «случась мы, холопи твои, за Днепром со князем Каспулатом Муцаловичем Черкаским и с калмыцкими тайшами и вашего царского величества подданного Войска Запорожского гетмана Ивана Самойловича со всеми... ратными и конными, и пешими людми, и с обозы пошли для промысла над неприятелскими людми к Чигирину»[504]. Сначала был послан 20-тысячный отряд под командованием кн. К.М. Черкасского, а «для опасения, и естли князь Каспулату будет с неприятели не сила и было б при ком одержатца, боярин и воеводы посылал за ними вслед генерала-маеора

---

[500] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1002. Л. 55.

[501] АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 685.

[502] *Кочегаров К.А.* Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом... С. 17; *Он же*. Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 58–59.

[503] АЮЗР. Т. 13. № 157. Стб. 697.

[504] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 78.

Франца Улфа с полком». В восьми верстах от основной армии авангард столкнулся с османскими войсками. Бой складывался благоприятно, кн. Черкасский разбил османов и «взогнал их на горы». Турки предприняли контратаку, которая была успешно отражена[505]. В этот же день кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович со всеми войсками подошли к Кувечинскому перевозу, где предполагалось построить мосты[506]. Однако осуществить переправу оказалось невозможно из-за проливных дождей и близости османских войск во главе с Капланом-пашой, расположившихся обозом на Стрельниковой горе и других высотах. Решено было выбить османские войска с Чигиринских гор.

5.3. Сражение за Чигиринские горы

Великим визирем Кара Мустафой-пашой, в свою очередь, было принято решение остановить продвижение русско-казацких войск к Чигирину до того, как они переправятся через р. Тясмин. Сердаром в данной кампании был назначен военачальник Диярбакыра Каплан Мустафа-паша[507], который к этому времени с частью войск, как уже говорилось выше, находился на левом берегу р. Тясмин и обстреливал Чигирин. Накануне первого столкновения Каплан-паша, «ночью покиня под Чигириным шанцы, вышел и пошел против боярина и гетмана, не дошед гор, версты за 2 остановился и розставил шатры»[508].

По словам польского резидента, великий визирь «отправил на отпор Каплана-пашу... со всеми иными пашами». При этом он, по его словам, для поднятия боевого духа пошел на хитрость: «...всех аг и сипахиев, особенно левого и старого крыла, которые при боку везирском должны были оставаться, смог привлечь в его лагерь — через чаушей объявил, что Москва уходит»[509].

---

[505] АЮЗР. Т. 13. № 154. Стб. 672–673; *Водарский Я.Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война... С. 526.

[506] АЮЗР. Т. 13. № 154. Стб. 674.

[507] Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 204.

[508] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 18.

[509] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 370–371.

По словам взятого в плен турка, с Капланом-пашой на левом берегу р. Тясмин находилось 6 пашей, а также «с ним людей тысячь с пятнатцать, опричь крымских орд, да с ним же было дватцать приказов полковых»[510]. Многочисленность османских войск в борьбе за Чигиринские горы подчеркивал и кн. Г.Г. Ромодановский в своей отписке царю: «...против нас... прислал на Чигиринские горы турского султана везир Каплана-пашу и иных осмнатцать пашей с турки и с волохи, и с мултяны, да хана крымского и нурадына, и Аджи-гирея салтанов с крымскою и з белогородцкою, и с нагайскою со многочисленными ордами. И те, де, государь неприятельские люди на Чигиринских горах обозы свои окопали и около пушак зделали городки»[511]. Можно предположить, что общая численность турецко-татарских войск могла достигать 30 тыс. человек.

Атака со стороны русско-казацкой армии была затруднена — «в силу условий местности невозможно было развернуть войска, а артиллерия не могла обеспечить достаточной поддержки»[512]. Кроме того, как писал И. Самойлович, турецкие позиции на Чигиринских горах были хорошо укреплены, Каплан-паша, «зашанцовав своих янычан, и выводами укрепил снаряд, из которых шанцов и с выводов, с нарядным и с яныченскими стрелбами не допускали нам те неприятели на гору всходу, которые и без того отпору... недоступен всход»[513].

1 и 2 августа между русскими и османскими войсками шли постоянные столкновения, не всегда успешные для ратных людей и казаков. Так, 2 августа русско-казацкие войска предприняли вылазку, однако их нападение было отбито турками с потерей двух пушек[514]. Решающее сражение состоялось 3 августа. Как сообщал кн. Г.Г. Ромодановский, «к Чигиринским горам послали перед собою московских выборных салдатцкого строю генерала-поручика Агея Шепелева, маеора Матвея Кровкова с их полками да столников и полковников, и голов, и полуголов московских стрелцов

---

[510] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 18.

[511] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 78–79.

[512] *Водарский Я.Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война... С. 526.

[513] АЮЗР. Т. 13. № 154. Стб. 676.

[514] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 212.

с их приказы, да белогоротцкого строю полковника Самойла Вестова, да с ним генерала-маеора Францова полку Вулфа пешего строю подполковника Ларенца Баконтена, да Козловского полку подполковника Петра Газиниюса с полками, да Сумского полку черкас, а товарыщ наш... думной дворянин, генерал и сходной воевода Венедикт Андреевич Змеев посылал драгунского строю полковников Карнилиюса фон Буковина, Ивана Юкмана, Ягана Купера с началными людми и з драгуны, а гетман посылал своих полков казаков конных и пеших полковников с их полками и велел им чинить промысл, чтоб ту гору у неприятелских людей отнять»[515].

Атака на османские позиции должна была производиться развернутым строем, при этом образовывались три колонны: правый фланг атакующих составляли выборные пехотные полки, чья общая численность, по сведениям П. Гордона, достигала 5–6 тыс. человек, его резерв составлял 12-тысячный полк под командованием В.А. Змеева. Центр состоял из 9 стрелецких приказов в 5,6 тыс. человек, за ними в резерве шли московские дворяне и несколько полков конницы — всего около 15 тыс. человек. Левый фланг состоял из полков гетманского реестра: Черниговского, Миргородского, Лубенского, Нежинского, Прилуцкого, двух сердюцких полков Г. Василенко и В. Иванея и двух охочекомонных полков И. Новицкого и Я. Павловского. Общее командование казацкими полками поручалось черниговскому полковнику В. Дунину-Борковскому. Отдельным корпусом слева шли Севский и Белгородский полки. Перед каждым пехотным полком находилась артиллерия и «испанские рогатки»[516].

Ранним утром 3 августа началось сражение за Чигиринские горы. Османские войска, «кои при первом появлении христиан из леса стали сопротивляться, применяли всевозможные средства для обороны — вели стрельбу и огонь вниз по склону холма, сбрасывали и скатывали подводы, начиненные гранатами. Русские же, несмотря ни на что, решительно продвигались вверх по

---

[515] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 79–80.

[516] *Гордон П.* Дневник... С. 93; АЮЗР. Т. 13. № 154. Стб. 677–678; *Зарубa В.М.* Украинское казацкое войско... С. 63; *Кочегаров К.А.* Потери Войска Запорожского в Чигиринской кампании... С. 349.

склону»[517]. Первыми взошли на Стрельниковую гору выборные полки А. Шепелева и М. Кровкова и казаки; они смогли проникнуть в османский лагерь. По словам Самовидца, «войска козацкіе и московскіе гору опановали, турков отбивши, и гармат турецких двадцять сім з иншими риштунками узяли»[518]. Однако атакующие совершили ошибку — не послали полки в погоню за отступающими османскими войсками, а стали грабить шатры и обоз, поэтому «комоник турецкій оглядівшися, знову отвернул, и так аж до самого табору войско козацкое и московское гнали, рубаючи»[519]. Следовавшие за авангардом резервы не смогли вовремя оказать ему помощь. На горе удалось удержаться только полку А. Шепелева. Согласно расспросным речам присланных в Москву гетманских посланников, полк Шепелева «от боярского обозов отшибся, и неприятели его с обоих сторон осадили и приступали к обозу его жестокими приступы, так, что через рогатки с пиками доставали; а царского величества ратные люди, починя из мушкетов стрелят, оборотя ложами, из рук били. И в осаде Агей Шепелев с полком был, и с неприятели билися, и с обозами боярина и воеводы не случился часа с два. И как боярские и гетманские обозы на гору взошли и, увидя Агея Шепелева в осаде, боярин и воеводы подослали к нему пехотные полки с рогатки крылом, и неприятелей от обозу его отбили из пушек, и его к себе в обоз прилучили»[520].

Отступление османских войск превратилось в беспорядочное бегство. Как отмечали сами турки, «Каплан-паша с войски побежали и чрез Тясму бежали на мосты, которые были зделаны, и гоняли их, и били великого государя ратные люди до самых мостов. И перебежав на ту сторону Тясмы, мосты свои за собою зажгли, боясь того больно, чтоб великого государя ратные люди за ними на ту сторону перешли, и поставили у берегу реки Тясмы караулы, чтоб великого государя ратные люди через Тясму мост учнут делать и промысл над ними чинить»[521]. Бывший полоняник С. Матвеев, который находился в турецком обозе, подтвердил информацию о сожжении мостов, дополняя рассказ возникшей

---

517 *Гордон П.* Дневник... С. 93.

518 Літопис Самовидця... С. 130.

519 Там же.

520 АЮЗР. Т. 13. № 154. Стб. 673.

521 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 19.

между турками и крымцами давкой на переправе: «...турки, де, за реку Тясму побежали, и мосты, которые учинены были на реке Тясме, обломили. И в реке Тясме татаровя, после турков бегучи за ними, турков многих потопили и чрез реку Тясму по них, турках, перебежали, а перебежав, мост зажгли»[522]. Поражение османов в битве за Чигиринские горы фиксируется и в дипломатических источниках. Так, французский дипломат де Ла Круа отмечал поражение турок: «Страх вынудил их бросить оружие и запасы, и три моста не могли вместить бегущих, они бросались в Тясмин, невзирая на угрозы и мольбы Каплана, который оставался у мостов лишь с 4-мя или 5-ю людьми. Этот генерал при бегстве приказал сжечь мосты, опасаясь, чтобы московиты не использовали их для нападения на всю армию, которая была в таком волнении, что никто не спал по 3 дня и 3 ночи. Они ждали каждый миг нападения христиан»[523]. По словам С. Проского, в боях османами было утрачено 24 полевых орудия, и они «понесли большие потери в людях, конях и шатрах, и сами между собой дрались на переправе»[524].

Таким образом, после боев за Чигиринские горы кн. Г.Г. Ромодановский, как представляется, небезосновательно направил в Москву победную реляцию: «...с неприятелскими людми были бои болшие, и... ратные люди с Чигиринских гор турские и крымские и иных земель войска збили, и окопы и городки взяли и, всшед на те горы пеших полков... со всеми... ратными с конными и пешими людьми, многих неприятелей и с ними знатных чесных людей побили и обозы их, и наметы, и пушки, и знамена, и значки, и языки многие поймали, а достальных неприятелских людей прогнали за реку Тясмин»[525]. Причем войскам удалось захватить знамя командующего в этом сражении Каплана-паши, которое потом было направлено в Москву[526].

О потерях османского войска в данном сражении нет точных сведений. По словам П. Гордона, в боях погибло 500 турок, а также Эскишер-паша. Во время преследования, у Кувечинского

---

522 РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 152. Л. 181–182.

523 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 212–213.

524 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 371.

525 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 80–81.

526 АЮЗР. Т. 13. № 161. Стб. 706.

перевоза, 4400 турок были уничтожены, турецкие обозы были расстреляны[527]. По словам пленного турка, «побито их в то время писмянного люду тысячь с 6»[528]. Точные потери русско-казацких войск неизвестны, однако только в московском выборном полку А. Шепелева по росписи: «...генерал-порутчик Агей Шепелев — плечо посечено саблею да из лука пострелен по правой ноге в вертлюч да выше колена», в его полку раненых — 881 человек, убитых — 406 человек[529]. Учитывая потери в других полках и казацкого войска, общая численность убитых и раненых в русско-казацкой армии составила, по данным П. Гордона, 1500 и 1000 человек соответственно[530].

Из приведенных данных можно заключить, что потери с обеих сторон в открытом сражении были значительны. Османы понесли крупные потери при беспорядочном бегстве, а стратегически важная высота осталась в руках русских и казаков. За победу на Чигиринских горах кн. Г.Г. Ромодановскому была послана царская грамота с милостивым словом «за... радетельную и храброю службы над враги божьими и всего христианства, над грозными бусурманскими народы усердные промыслы и поиски и славную победу»[531].

Итак, в результате боевых действий 1–3 августа русско-казацкие войска овладели важным стратегическим пунктом — Чигиринскими горами, которые открывали дорогу на крепость.

4 августа русско-казацкая армия встала в двух километрах от Чигирина «по реке Тясме на песках»[532], т. е. на левой стороне Тясмина, в то время как Чигирин располагался на правой. В течение нескольких дней войска окапывались и строили оборонительные укрепления[533]. Вид противника, согласно османской

---

[527] *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 162.

[528] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 19.

[529] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 129–132; Ф. 210. Книги Приказного стола. Оп. 6е. Кн. 25. Л. 259.

[530] *Гордон П.* Дневник... С. 94.

[531] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 97–98.

[532] АЮЗР. Т. 13. № 154. Стб. 674.

[533] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 371.

хронике, «ошеломил» турецко-татарские войска[534]. Однако реализация общего наступления объединенной армии становилась неосуществимой задачей прежде всего из-за природных условий — русско-казацкие войска были отделены от османов рекой Тясмин, «зело болотисту имея, чрез которую вскоре невозможно было поделать переправы»[535]. Попытки овладеть несколькими островами на Тясмине окончились неудачно[536].

Стоит отметить, что, пока русско-казацкие войска окапывались, в османском лагере, как отмечалось выше, ожидали нападения и, согласно османской хронике, рассматривали возможность генерального сражения на р. Тясмин. Для реализации данного плана великий визирь даже думал вывести пехоту и пушки из траншей для участия в боях[537]. Пленные турки данную информацию подтверждали: «...они, де, хотели, покиня город Чигирин, битца на реке Тясме», добавляя, что, если бы русско-казацкие войска их разбили, то «б они побежали к себе назад, а Чигирина они не взяли»[538]. Связано это было с тем, что в османской армии оценивали численность русско-казацких войск в 200 тыс. человек: «...страх попал в сердца исламских солдат»[539]. Австрийские дипломаты также делали вывод из имеющейся у них информации, что, если войска кн. Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича перешли бы реку и напали на османов, то турецко-татарские войска потерпели бы поражение[540]. Кара Мустафа-паша принял решение продолжить осадные работы.

Побывавший в турецком обозе полоняник С. Матвеев после битвы за Чигиринские горы отмечал, что «везирь с войски от Чигирина хотел бежать, и пушки из шанцов вывел, а иные пушки и всякие запасы хотели покинуть»[541]. Однако кажущееся бездействие русско-казацких войск ободрило османов: «...видя, де,

---

534 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 719.

535 АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 688.

536 *Гордон П.* Дневник... С. 74.

537 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 716–717.

538 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 19.

539 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 718.

540 Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 149 Turcica. 1678 (Aug.–Oct.). S. 9.

541 РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 152. Л. 182; см. также: Monuments historiques... P. 146.

то везирь, что великого государя ратные люди, збив их на горе, стали и за реку Тясму за турскими войски не пошли, и промыслу над турскими войски чинить не стали, остановился и велел над Чигирином чинить промысл безпрестанно»[542]. Об этом же сообщал пленный турок: «...видя они [турки. — *М.Я.*], что через реку мостов не делают и над ними никакова промыслу нет, а боярин и гетман, пришед под Чигирин, по сю сторону стали обозами, учали они к Чигирину всеми своими силами чинить промысл»[543]. Свои шанцы османы подвели к самому городу, от которых вырыли окопы в тридцать рядов.

Из расспросных речей кн. Г.Г. Ромодановскому, в свою очередь, было известно, что османские войска не собираются отступать, пока в ходе генерального штурма не попытаются захватить крепость. В этой связи главный расчет был сделан именно на дальнейшую активную оборону Чигирина, в то время как основная армия должна была угрожать османам нападением с тыла. По мысли воеводы и гетмана, чигиринский гарнизон должен был «учинить вылазку великую и неприятелей от города отбить», после этого планировалось послать конницу и только потом перейти в общее наступление[544]. Спустя несколько дней этот план был уточнен: для совершения вылазки из Чигирина кн. Г.Г. Ромодановским был подготовлен отряд из 15 000 человек под командой генерал-майора Ф. Ульфа, калмыки и черкесы должны были напасть на турок с тыла, казаки должны были атаковать их со стороны Черного леса, а донские казаки — от Тясмина, ниже города[545].

После того как русско-казацкая армия подошла к Чигирину, в крепость было послано, по словам кн. Г.Г. Ромодановского, следующее подкрепление: «...к прежним... ратным людем в прибавку ис своих же полков московских выборных чинов салдатцкого строю генералов: порутчака Агеева полку Шепелева с полковником тысячю, маеора Матвеева полку Кровкова пятсот человек; Белогороцкого полку пешего строю три полка салдатских с Артемьям Росворном,... да Сумского полку черкас тысячю человек, да полуголову московских стрелцов Федора Брянченинова, а с

---

[542] РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 152. Л. 182.

[543] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 19–20.

[544] АЮЗР. Т. 13. № 154. Стб. 675.

[545] *Гордон П.* Дневник... С. 78–79.

ним всех приказов стрелцов пятсот человек, да полку... генерала и сходного воеводы Венедикта Андреевича Змеова с полковником драгунского строю Ягана Купера, салдатского строю Михайла Вестова с их полками, а гетман Иван Самойлович послал от себя своих полков казаков»[546]. Это в целом согласуется с данными, которые привел П. Гордон, — в период с 4 по 8 августа в Чигирин было отправлено: 4 августа — регимент драгун под командой полковника Юнгмана; 5 августа — 6 полковников с их регементами, всего не более 2500 человек, и 800 стрельцов; 8 августа — 1000 сумских казаков и 300 путивльских, рыльских и других городовых казаков[547]. Стоит отметить, что кн. Г.Г. Ромодановский перевел в крепость сильные и боеспособные полки.

8 августа в русско-казацкий лагерь прибыл стольник А. Хрущов с милостивым словом и предписанием кн. Г.Г. Ромодановскому, чтобы он, «поговоря и посоветовав з гетманом с Ываном Самойловичем, от турских и от крымских, и от всех бусурманских сил от их многих приступных замыслов Чигирин обороняли и помочь всякую тому городу и в нем осадным людем чинили по своему разсмотренью, и смотря по тамошнему настоящему делу..., чтоб... Чигирин от осады свободить, и православных християн, будучих в нем, в плен и в расхищение бусурманом не выдать»[548].

По данным молдавского господаря, османы разгадали намерения кн. Г.Г. Ромодановского изнурить турецко-татарские войска, сделав ставку в том числе на нехватку у них продовольствия[549]. Польский резидент это подтверждал. Кроме того, по его словам, османы, сами не нападая, начали активную подготовку к генеральному штурму — «закончили 7 подкопов один подле другого и засели там»[550]. Вылазки, наносившие до этого большой урон османам, перестали быть эффективными. Как уверяет П. Гордон, это было связано с нежеланием ратных людей и казаков рисковать своими жизнями. Гетманский посланник, побывавший на двух вылазках из крепости, главной причиной неудач считал то, что

---

[546] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 156–157.

[547] *Гордон П.* Дневник... С. 71, 74 и след.

[548] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 46.

[549] Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 149 Turcica. 1678 (Aug.–Oct.). S. 34.

[550] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 371.

«одни янычяня сидят в шанцах во рву, а другие на горе, и горные берегут во рвах, а изо рвов горних, и за тем над ними промыслу учинить было им и невозможно»[551]. Османам больше не требовалось отправлять часть войск для нападения на русско-казацкую армию, которая теперь находилась в их поле зрения. Положение Чигирина, таким образом, ежедневно ухудшалось. Кн. Г.Г. Ромодановский в своей отписке рисовал положение крепости накануне штурма так: «...турского султана везир с пашами и со всеми многочисленными войски стоят против нас... за рекою Тясминым, около обоих городов, Нижнего и Верхнего, обозами, и подошли шанцами блиско городовых стен, и от тех шанцов покапали рвы великие, рядов в тритцать и болши, от реки до реки и в тех рвах, и в шанцах сами паши были без выходу и пехоту на приступы прогоняли саблями, а Верхнего... города с крымской стороны неприятелские люди до нашего... под Чигирин приходу при окольничем и воеводе при Иване Ивановиче Ржевском пришанцовались к самой стене... и билися с ними... ратные люди на одной стене»[552].

Кн. Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу стало известно о намерениях турок взорвать несколько подкопов и готовиться к генеральному штурму[553]. Чтобы предотвратить это, 9 августа воевода направил в Чигирин 15-тысячный отряд под командованием Ф. Ульфа, приказав им «с чигиринскими осадными сиделцы из Нижнего города учинить на турские шанцы вылоску»[554]. В вылазке предписывалось участвовать и гарнизону Верхнего города. Кроме того, для усиления армии кн. Г.Г. Ромодановского 9 августа был направлен царский указ окольничему и сходному воеводе касимовского царевича Василия Арлановича кн. К.О. Щербатову, оставленному для охраны Белгородской черты, чтобы он направлялся к Днепру и встал напротив Черкасс. 11 августа ему также писал воевода Белгородского разряда, чтобы он поспешил к Днепру «для отпору бусурманскому собранию и для промыслу и поиску над ними»[555].

---

551 АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 682.

552 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 152–153.

553 *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 318.

554 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 159.

555 Там же. Л. 154–155.

О том, как была организована вылазка, становится известно из «Дневника» П. Гордона, который, как представляется, оказал этому предприятию незначительное содействие. По его словам, он не знал, куда и когда придет отряд Ульфа и каким образом он намерен действовать, однако со своей стороны П. Гордон приготовил 1200 лучших людей для вылазки. В ночь с 9 на 10 августа он получил известие от кн. Г.Г. Ромодановского, что отряд Ульфа подходит к Чигирину, через час Ульф сообщил ему, что уже подошел к крепости. Посланник, по словам П. Гордона, не смог объяснить, в какой части города находится прибывший отряд, при этом три его гонца также не смогли отыскать его местонахождение. Только перед рассветом, как заверяет шотландец, стало известно, что Ульф «стоит в городе у Крымских ворот и намерен выступить оттуда и от реки ниже города»[556]. Русские отряды выступили из Чигирина при восходе солнца в двух местах от Крымских ворот и от реки Тясмин, «при их первом появлении турки, будучи наготове, так приветствовали их мелкими зарядами и ручными гранатами, что те, кто еще не выбрался наружу, шли очень робко, а кто уже вел бой, нашли его слишком жарким и отступили в великом смятении, потеряв несколько добрых иноземных офицеров, много убитых и еще больше раненых... Здесь, у реки, не выступило и 400 [человек], а от Крымских ворот — меньше 100»[557]. Однако неколько иную картину рисует стольник А. Хрущов: «...те, де, государевы ратные люди на той выласке турских людей от города из шанцев отбили и взяли было двои шанцы, в них 3 пушки. И в то же, де, время турские люди у тех государевых ратных людей взятые пушки отбили и в шанцы вошли по-прежнему, а государевы ратные люди отошли в город»[558]. П. Гордон, видя отступление отрядов, не счел нужным делать вылазку из города, а также поддерживать моральный дух гарнизона и вновь прибывших ратных людей[559]. Таким образом, вылазка окончилась безрезультатно.

Сам кн. Г.Г. Ромодановский причину неудачи видел в том, что османские войска смогли хорошо закрепиться у стен города: «...от городовой стены отбить и с шанцов их выбить, и промысл

---

[556] *Гордон П.* Дневник... С. 79.

[557] Там же. С. 80.

[558] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 159.

[559] *Гордон П.* Дневник... С. 80.

над ними теми выласками учинить ни которыми мерами невозможно, а болши... ратных людей в Чигирин послать... было немочно потому, что город мал»[560]. Его слова подтверждает И. Самойлович, который был одним из главных инициаторов обороны Чигирина: «...из города над ним промышляти немочно было, что он, янычанские свои пехоти крепкими шанцами утвердив и уже во рву под городовым валом посадив, по досугу поделал себе крепости»[561]. Из сказанного можно заключить, что в сложившихся условиях воевода и гетман предприняли определенные меры по отражению османских войск, однако успехи турецкой инженерной осады, хорошая информированность османского командования о готовившейся операции и некоторая пассивность нового коменданта Чигирина не позволили заставить турок снять осаду.

5.4. Последний штурм

Тем временем, по словам Ф. де Ла Круа, великий визирь, «чувствуя, что надо взять город или отступать, решился на последнее усилие»[562]. Способствовало этому и растущее недовольство в турецкой армии. Сами турки в расспросных речах отмечали, что, «видя они, что в Чигирине великого государя ратные люди сидят крепко, а в своих войсках великой в людех урон и в хлебных запасех скудость великую, что хлебных запасов не токмо, что у них в шанцах, но и в обозех мало, что было хотели из шанец испод Чигирина выходить и без везирского ведома»[563]. Великий визирь, в свою очередь, поспешил обнадежить войска и «говорил ратным своим людем, чтоб еще под городом в шанцах посидели дни з два или с три, а они учнут под Чигириным чинить подкопы всеми своими промышленники, и, естли теми подкопы ничего не учинят, то от Чигирина отступят»[564]. Однако для подавления начавшегося недовольства Кара Мустафе-паше пришлось при-

---

560 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 153.
561 АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 688.
562 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 214.
563 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 20.
564 Там же.

бегнуть и к карательным мерам: несколько командующих было казнено[565].

С 10 августа турки начали усиленно обстреливать крепость: «...ис турских войск к Чигирину были великие окрики и стрелба пушечная и гранатная, и из мелкова ружья болшая, а государевы ратные люди из города с ними бились и по них из пушек и из мелкова ружья стреляли ж»[566].

Деятельность турок совпала с еще одним тактическим маневром русско-казацкого командования. Как утверждал в расспросных речах стряпчий П. Иевлев, посланный из полков кн. Г.Г. Ромодановского после оставления Чигирина: «...воевода... и гетман..., пришод к Чигирину, послали августа в 11-м числе ис полков своих в прибавку к чигиринским сиделцом, а гетман чигиринским же осадным сиделцом черкасом на перемену полку своего черкас же... А как, де, те ратные люди в город вошли, и прежние чигиринские сиделцы, черкасы, из города вышли, а черкасы, которые вновь пришли, в Нижнем городе мест не занели»[567]. Гетман, таким образом, вывел из Нижнего города часть казацких полков и заменил их новыми. Причину такого поступка пытается объяснить С. Проский. По его словам, в османском лагере от пойманного языка стало известно, что несколько дней около 8 тысяч казаков Нижнего города требовали от кн. Ромодановского «по 10 талеров на руку, за то, что так храбро до сих пор защищали крепость, из-за чего он приказал их вывести, а по половине с каждой курени оставить»[568]. Наряду с этим посланник И. Самойловича сообщал, что «в осаду гетман прибавливал из полков сотнями, переменяясь поденно дни по два и по три»[569]. С одной стороны, такое решение может быть связано с усталостью казацких войск, с другой — очевидно, что замена опытных и привычных к осаде отрядов на «необстрелянных» ослабляла оборону. Можно предположить, что причину этого следует искать в недовольстве среди казацких полков. Тем не менее ротация части чигиринско-

---

[565] Monuments historiques... P. 148.

[566] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 160.

[567] Там же. Л. 186.

[568] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 371; см. также: Monuments historiques... P. 149.

[569] АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 682.

го гарнизона стала, по всей видимости, фатальной для обороны крепости. По словам бывшего полоняника С. Матвеева, который в это время был в турецком обозе, об этом благодаря перебежчику узнало османское командование: «...в то, де, время передался ис Чигирина к туркам чигиринской поп и сказал везирю, что старые оса[д]ные сиделцы ис Чигирина вы[ве]дены, а посажены иные ратные люди и казаки, а к бою те ратные люди и казаки ненавычны, и чтоб он, везирь, над Чигирином велел чинить промысл»[570].

Основное усилие при этом османы сосредоточили на минном деле, придавая пушечной стрельбе второстепенное значение[571]. В этой связи 11 августа, в воскресенье, османы после недели активного строительства завершили несколько подкопов, а «в те подкопы вкатили пороху со 130 пуд и болши», и взорвали мины. От взрыва начался пожар, быстро распространившийся по всему Нижнему городу. По словам пленного турка, «стену городовую вырвало сажен на 20»[572]. Французский дипломат также отмечал, что «это было сделано так удачно, что получилась брешь, достаточная, чтобы 4 повозки встали одна подле другой»[573]. Штурм продолжался с полудня до самой ночи[574]. Изначально через нее турки ворвались в Нижний город, и «на них из города ударили осадные чигиринские сиделцы и их из города выбили»[575]. Однако во время второй атаки османы не встретили практически никакого сопротивления[576], и, видя, что «из обозов боярских прибылых людей в город нет, а осадные сиделцы из города и последние бежат, кинулись в город, закричав ясаком в другой ряд, и город учали зажигать; и осадные чигиринские сиделцы из Нижнего большого города побежали»[577]. При этом большая часть осажденных, по словам Ф. де Ла Круа, «отступила через ворота, ведущие к мосту, в лагерь московитов, которые не совершили никаких движений,

---

570 РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 152. Л. 182.

571 Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 149 Turcica. 1678 (Aug.–Oct.). S. 43.

572 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 21.

573 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 214–215.

574 Monuments historiques... P. 145.

575 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 21.

576 Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 206.

577 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 21.

оставив город туркам. Те вошли в него и с яростью предавали мечу всех встречных, без различия возраста»[578].

Причину такого поведения казаков различные источники рисуют по-разному. Отступление казаков из-за их неопытности в осадном деле описывал П. Гордон: «...мина, взлетев очень близко от первой, так устрашила черкас, кои недавно прибыли в город и не привыкли к таким взрывам, что те покинули не только стену, но и ретраншемент. Прочие, кто был подальше, видя их бегство и турок, вступающих в брешь без всякого сопротивления, тоже бежали»[579]. По сведениям Самовидца, взрыв произошел «в самій час, як козацтво — одни попилися, а инніе спали, и так, як стал крик, мало хто з войска козацкого кидался быти, але усе наутеки скочило з города, обачивши войско турецкое на той вирві, где подкопи вирвали»[580]. Совершенно иначе причину бегства описывает С. Проский, который сообщал, что 11 августа в Верхний замок вошел сын кн. Г.Г. Ромодановского и, «приглядевшись к турецкому окружению, сошел в Нижний город, где, разведывая с офицерами пепелище, они начали рекогносцировку. Между тем, устрашившись зажженной мины, он первым подался в тыл и казаков привел к тому, что они, от валов убегая, город для входа туркам открыли»[581]. Стоит отметить, что в других источниках присутствие сына белгородского воеводы в Чигирине не фиксируется.

Не представляется возможным установить точные причины отступления казаков из Чигирина, однако источники едины в том, что большая их часть покинула крепость во время штурма и побежала за Тясмин в русско-казацкий обоз через Московский мост. Чтобы не пропустить их, турки подожгли Московскую башню, выходившую к мосту. При этом набежавшие на мост многочисленные казацкие отряды проломили его, и множество их утонуло и в «гребле сами себе подавили, утекаючи; где немалую шкоду турки в людех учинили»[582]. Только три сердюцких полка, Ребри-

---

[578] *La Croix F. de*. Guerres des Turcs... P. 214–215.

[579] *Гордон П.* Дневник... С. 82.

[580] Літопис Самовидця... С. 130. (Нужно отметить, что автор датирует это событие, в отличие от остальных источников, 10-м августа.)

[581] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 372.

[582] Літопис Самовидця... С. 130.

ковского, Герасимова и Иванея, сдержали натиск турок, «прижались к Верхнему городу, и башню, которая выходила на плотину, они захватили, неприятелю ее не сдавали»[583]. Между Нижним городом и замком, ближе к замку, находилась мельничная плотина, служившая мостом для замка. Подступы к ней защищала угловая башня замка, а в Нижнем городе недалеко от нее стояла каменная церковь, возле которой и закрепились казаки[584].

Одновременно, чтобы отвлечь гарнизон Верхнего города, турки предприняли приступ к замку. Этот маневр позволил им выиграть время, в то время как был упущен удобный момент для защиты Нижнего города. Четырем полкам, а из казачьих — Сумскому и Ахтырскому, П. Гордон приказал спуститься в Нижний город, когда его часть уже была занята турками. Присланным полкам удалось отбить турок с городской площади: «...ратные люди вышли и сидели в старом Верхнем городе, и с неприятели из Верхнего города ратные люди и сердюки при Верхнем городе за каменною церковью бились с неприятели до самого вечера, и неприятелей из города выбивали дважды, и башни с плотиною боронили и им не давали»[585]. Успешная оборона подступов к плотине в дальнейшем обеспечила возможность вывода гарнизона из замка. В это время, по словам стольника А. Хрущова, «присылали из Чигирина полковники и головы к бояром и воеводом, чтоб они им учинили помочь, а они, де, турских людей от мелницы, которая блиско городовых ворот отбили и ратным людем к ним в город пройтить мочно». Помощь кн. Г.Г. Ромодановским была направлена: «...посылали к ним на помочь салдацкого строю генерала маеора Матвея Кровкова да Агеева полку Шепелева началного человека Федора Маматова с салдаты, да голов стрелецких Александра Карандеева с приказом»[586]. Однако войти в город успели только три приказа стрельцов, которые, по словам П. Гордона, «сделали вылазку в город к траншеям, что турки сооружали под холмом. Но из траншей их приветствовали залпами, и они вернулись, не добившись ничего, кроме бóльших ранений при

---

583 АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 683.

584 *Водарский Я.Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война... С. 527–528.

585 АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 683.

586 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 161.

отходе, чем если бы решительно бросились вперед»[587]. Остальные, как сообщает А. Хрущов со слов тех «посылных людей», «в Чигирин пройтить не посмели, потому за полчаса до вечера загорелась в Чигирине в Нижнем городе башня, и от той башни учал гореть город и башни, и чигиринских жителей хоромы... И от того, де, пожару в полчаса или в час ночи загорелся Чигирин, Верхней город, и в нем анбары с хлебными и съесными запасы, а после, де, того вскоре взорвало зелейную казну»[588]. Задержка посланных на защиту замка отрядов связана с нападением османской конницы и части пехоты, с которыми они были вынуждены вступить в бой[589].

Кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович наблюдали за происходящим в замке из обоза на Тясмине и, «размышляя, что того угла одержать было ненадежно и самого замка обороняти не мочно, общим советом» решили вывести весь гарнизон из Чигирина[590].

На закате в Верхний город был прислан гонец с повелением выступить из Чигирина, однако, по словам П. Гордона, он «не придал сему никакого внимания», так как тот не рискнул подняться в замок. В час ночи практически весь Нижний город был объят пламенем. В третьем часу ночи в замок прибыл гонец от кн. Г.Г. Ромодановского с письменным приказом «выступить из замка и, если возможно, вывезти самые легкие орудия, закопать те, что нельзя увезти, уничтожить замок и боевые припасы, а особливо поджечь порох»[591]. Приказ воеводы был исполнен — город был оставлен и подожжен[592]. Как описывает дальнейшие события А. Хрущов, «часу в четвертом ночи объявились в обозе бояр и воевод ис Чигирина дьяк Василей Микитин и полковники и головы с ратными людми... Они из Чигирина от турских людей вышли в обоз тайниками и городовыми подлазами. И государевых ратных людей, чигиринских сиделцов, они вывели с собою... А шли,

---

[587] *Гордон П.* Дневник... С. 85.
[588] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 161.
[589] *Гордон П.* Дневник... С. 84.
[590] АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 688.
[591] *Гордон П.* Дневник... С. 86.
[592] Там же. С. 86–87.

де, они через реку Тясму через мелничью платину... шли не строем и сметы у них ратным людем не было»[593].

В это же время в Чигирине взорвался пороховой погреб, от взрыва которого погибло значительное число турок. При этом взрыв был так силен, что «земля и камни долетали до шатра великого везира и вынудили того его покинуть»[594].

Таким образом, Чигирин оборонялся против численно превосходящей османской армии в течение 34 дней. Решение оставить крепость было принято совместно воеводой и гетманом из-за невозможности, по их мнению, дальнейшей обороны крепости. С таким решением были согласны, по всей видимости, и простые казаки, в расспросе в Малороссийском приказе сообщавшие: «...казаки о Чигирине, что он разорен, не тужат, потому что он стал в поле не у места, пришед к нему, реку Тясмин переправитца не мочно, мостов через нее неприятель сделать не даст, а через город выйти... пушкам не мочно»[595]. Кроме того, боеспособная армия, по их мнению, была важнее, «и было б войско, а город будет»[596].

В конце августа стольник А. Хрущов привез в Москву отписку кн. Г.Г. Ромодановского с сообщением о невозможности дальнейшей обороны Чигирина и об оставлении крепости[597]. 26 августа из Москвы была послана ответная царская грамота к воеводе следующего содержания: «Мы, великий государь,... тебя, боярина нашего и воеводу, князя Григорья Григорьевича и товарыщей твоих, боярина ж нашего и воеводу и полков ваших... ратных всяких чинов конных и пеших людей, за ваши радетелные службы и против тех врагов Креста Христова бусурманов крепкое стояние и мужественные промыслы и раденье жалуем, милостиво похваляем»[598]. При этом грамота предусматривала даже переправу русско-казацкого войска на левый берег: «А буде вам, бояром нашим и воеводам, по самой нужде у Днепра в том месте, где вы по поезд ис полку вашего столника Афанасья Хрущова стояли с... ратны-

---

593 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 163.

594 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 216.

595 АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 685.

596 Там же.

597 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 149–155.

598 Там же. Л. 172.

ми людми стоять будет не мочно, и вы б, бояря наши и воеводы, поговоря и посоветовав о том меж себя, так и з гетманом с Ываном Самойловичем и полков своих з генералы и с полковники, и со старыми дворяны, которым воинские полковые дела в обычей, о переходе своем на сю сторону Днепра учинили по своему размотрению, и, смотря по тамошнему делу... со всяким остерегательством, и, вымышляя, чтоб ратных людей уберечь и обозу не потерять»[599]. Как видно, первоначально потеря Чигирина в Москве не была воспринята трагически, за свои действия кн. Г.Г. Ромодановский получил «милостивое слово» от Федора Алексеевича. Московское правительство волновало прежде всего сохранение боеспособной армии и запасов, что и было достигнуто благодаря действиям воеводы.

Какие действия были предприняты османским и русско-казацким командованиями после оставления русскими Чигирина?

Османские войска взяли сожженный и частично разрушенный Чигирин, но перед ними, ослабленными осадой и испытывающими недостаток в припасах, по-прежнему стояла боеспособная русско-казацкая армия. Для русско-казацких войск давать открытое сражение османам после оставления крепости было бы неразумным — как видится, на тот момент задачей кн. Г.Г. Ромодановского было сохранить боеспособную армию на случай, если турки все-таки двинутся к Киеву или на левый берег Днепра. Кроме того, расположение войск на Тясмине было неудобным и не позволяло маневрировать, в то же время турецкая армия могла, окружив лагерь, прорваться на Левобережье. Лучшим решением в данной связи был отвод русско-казацких войск к Днепру, в подготовленное и хорошо укрепленное место.

В ночь с 11 на 12 августа русско-казацкая армия строилась обозами для отхода к Днепру. Как сообщал в своей отписке кн. Г.Г. Ромодановский царю, что «из Чигирина до Днепра... со всеми... ратными конными и пешими людми и гетман Иван Самойлович с Войском Запорожским от наступления турского султана везира ево с пашами и с турские, и иных розных земель со

[599] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 176–177.

многочисленными войски, и от хана крымского с ордами шли отводом»[600].

По свидетельству Ф. де Ла Круа, после оставления русскими Чигирина Кара Мустафа-паша вынес на обсуждение вопрос о нападении на русско-казацкую армию. В то время как проходил совет, османам стало известно, что противник отступает, и визирь направил несколько бейлербеев во главе с Капланом-пашой преследовать их[601], а также всех крымцев[602]. Османское командование в отходе русско-казацких войск усмотрело их слабость и решило закончить кампанию полным их уничтожением. Каплан-паша «не замедлил отправиться за ними в погоню со своими войсками и корпусом янычар, рассчитывая разбить их на сложной переправе через Тясмин, через которую они не могли отступить со своими тяжелыми пушками без мостов»[603]. По словам турецких языков, большая часть османского войска участвовала в этой операции и «под Чигириным толко оставили шатры, да сторожу с харчевники, и за боярином и за гетманом от Чигирина шли до самого Днепра два дни, и в том отходе были у них бои великие беспрестанно»[604]. Османы настигли отходящую русско-казацкую армию в пяти километрах от Чигирина, при этом турки решили атаковать ее сзади, а крымские татары, переправившись через Тясмин под Крыловом, зашли с востока[605].

Движение русско-казацкой армии к Днепру и противостояние с османами подробно описал очевидец этих событий С. Проский. По его словам, обоз был устроен следующим образом: «...впереди ехало 10 000 телег, по сто в шеренге, между которыми первые с двумя тысячами байдаков — для переправы. Сбоку от возов шли казаки с самопалами. Тех возов было два кольца; за телегами шел конный отряд, за конным отрядом — пехота и артиллерия. Сражаться с неприятелями начали конные отряды, в то время как обоз потихоньку двигался. Через каждые 15 минут из обоза выходили новые полки и бились, а другие, которые в начале

---

600 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 154.

601 Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 206.

602 Monuments historiques... P. 146.

603 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 217–218.

604 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 26.

605 АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 683.

сражались, закрывались на их место в обозе. Длилось такое продвижение добрые полчаса, после которого обоз остановился и, отправив вперед авангард, начал снова сражаться. Инфантерия была разделена на 3 части, по десять тысяч с каждой стороны обоза, из которых каждая часть поставила перед собой защитные сооружения, из-за которых выходили и расходились по 100 донских казаков, за руки привязанных друг к другу так широко, что между двумя было место для третьего, так чтобы можно было свободно действовать рукой. Для того же были связаны, чтобы здоровый раненого тянул и не давали бы этим разорвать шеренгу. У каждого казака было по два самопала, из которых, выскочив из защитных укреплений, быстро пробегая, стреляли согласно потребности, дразня неприятеля. Затем выходила пятая шеренга, тоже связанная, и, выпалив по неприятелю, как и первые, отходила в лагерь. Сохраняя такой порядок в течение получаса, они учинили большие потери нападающим. Таким боем они добрались до полмили от Днепра»[606]. При этом, как сообщали гетманские посланцы, шедшие в этом обозе, «страху от неприятелей никакова не имели, войско все было охоче и весело»[607]. Точных данных о численности потерь нет, однако известно, что, по росписи в выборном полку А. Шепелева, «ранены в отводе идучи от Чигирина: подполковник 1; капитан 1; прапорщик 1; урядников и рядовых салдат 67. Побито урядников и рядовых 96»[608]. Участники событий в целом рассматривали данный маневр как удачный. Успех этой операции подчеркивал и И. Самойлович, который отмечал, что «все силы наши, на крепкой бой вышед, давали им [османам. — *М.Я.*] отпор и со всеми своими людми и с обозами... в целости есмы»[609]. Стоит отметить, что отвод войск — сложная тактическая операция, и в данном случае она была выполнена успешно и без значительных потерь.

Турки продолжили преследование русско-казацкой армии, рассчитывая, по словам французского дипломата, «застать московитов врасплох при погрузке на суда» при переправе через

---

606 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 373.

607 АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 683–684.

608 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 132–133.

609 АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 687.

Днепр[610]. 12 августа из османского лагеря вслед за отходящей русско-казацкой армией выступил великий визирь Кара Мустафа-паша, однако он с частью войск сначала закрепился на Чигиринских горах, где ранее стоял с лагерем Каплан-паша[611].

Первоначальный расчет османов не оправдался — вечером 13 августа московские и казацкие полки заняли прежние позиции на Днепре и укрепились. Однако до подхода русско-казацких войск османам также удалось занять некоторые укрепления на Днепре. Как сообщал А. Хрущов: «До приходу, де, их бояр и воевод турские пешие люди засели в оном городке, который учинили государевы ратные люди наперед чигиринского походу, и ис того, де, городка по обозом стреляли ис пушек, а после того вскоре пришли турские ж многие люди с пушки... и из дву городков государевых ратных людей выбили, и те городки заселили и поставили в них пушки и на обозы... учали стрелять». После этого кн. Г.Г. Ромодановский с войсками, «устроясь обозами, пешего строю генералов и полковников розставили по городком и велели по турским людем стрелять ис пушек. И того ж, де, вечера и во всю ночь ис турских войск стрелба пушечная и гранатная на боярские обозы была безпрестанная»[612]. Для того, чтобы прикрыть тыл от возможного удара крымской конницы (в случае ее перехода на левый берег Днепра), на переяславскую сторону переправились войска во главе с кн. К.М. Черкасским[613]. Стоит отметить, что кн. К.М. Черкасский с черкесами остался в армии до окончания кампании, участвуя в боевых действиях. Однако не оправдались надежды командующих на калмыцкие отряды. Гетман И. Самойлович уже после похода писал в Москву, что «калмыки, как увидели неприятелское на нас насилие, тотчас ни мало не одерживаясь при нас, пошли, многие беды наделав здешним людем, в свою сторону»[614]. Пленные турки, в свою очередь, говорили, что «про калмыков они слышали, что они в войске были и к бою добры; а бою у них с ними не бывало, и они их не видали и не знают»[615].

---

[610] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 219.

[611] Monuments historiques... P. 149.

[612] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 154.

[613] Там же.

[614] АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 689.

[615] Там же. № 157. Стб. 695.

Совместно с кн. К.М. Черкасским должен был действовать кн. К.О. Щербатов[616]. Касимовскому царевичу Василию Арслановичу также указывалось идти из Путивля к Днепру «для обороны малоросийских городов сее стороны Днепра»[617]. 14 августа кн. Г.Г. Ромодановский писал харьковкому полковнику Г. Донцу, чтобы он также с полком двигался к Днепру. Правительство и командование не исключали переноса военных действий на Левобережье и, по всей видимости, пытались обезопасить местное население, а также русско-казацкие войска, расположившиеся пока на правом берегу, от удара с тыла.

Нужно отметить, что османская армия находилась от русско-казацких обозов достаточно близко, ее не разделяла на этот раз водная преграда; и за это время ни одна из сторон не смогла взять верх. О ходе столкновений становится известно из дневника С. Проского, подробно фиксировавшего события 14–20 августа, а также из расспросных речей посланников, отправленных из армии кн. Г.Г. Ромодановского.

14 августа к русско-казацкому обозу подошла турецкая полевая артиллерия и янычарские корпуса, которые стали подводить к обозу шанцы, как и при штурме Чигирина. По словам И. Самойловича, великий визирь с войском, «вслед наступив за нами, окружает обозы наши шанцами, учал около нас чинить свой промысл»[618]. В этот же день османские войска атакавали русские позиции. По словам С. Проского, их встретили плотным оружейным огнем 6 тысяч казаков «с таким результатом, что 4 тысячи сипахов, кроме татар, насчитали ранеными и убитыми. Было убито 3 паши: Афис-паша, Али-паша и Эмир-паша; Кийора Хусейна-пашу подстрелили; Кара Ахмета-пашу из Боснии чем-то ранили в плечо и оглоблями разбили голову, досталось бы ему и в грудь, но выдержал двойной панцырь. По этой причине подалось в тыл левое везирское крыло. Казаки захватили санджак (знамя), но Ахмет-паша из Боснии сумел его отобрать. У Каплана-паши побили всех людей, и янычары были вынуждены отступить из шанцев». В конечном итоге обе стороны, «насытившись, разошлись: казаки — к обозу пошли, турки к своим палат-

---

616 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 182.

617 Там же. Д. 1205. Л. 283.

618 АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 688.

кам»[619]. Взятый в плен крымский татарин в расспросных речах подтверждал, что сражение было значительное. По его словам, ранение действительно получили знатные паши: «Каплан-паша ранен в руку... Да на том же, де, бою побито турок и татар в одном месте с пол 2000 человек»[620].

Из расспросных речей подьячего И. Дорофеева становится ясным, что и ратные люди принимали участие в данном столкновении: «...после обеда из обоза бояр и воевод выходили боярские люди на турецкие шанцы и учинили бой, и турецкие шанцы было взяли да 2 пушки. И турские, де, войска и крымские люди на государевых людей учинили напуски болшим многолюдством и погнали было в обоз. И к ним, де, на бой на выручку выступили московских чинов и многие ратные люди, и пехота, и был бой болшой до вечера. А на том, де, бою убито из знатных людей толко один человек сотенной голова Иван Михайлов сын Полтев»[621]. Примечательно, что П. Гордон, описывая данное столкновение, подчеркивал сначала слабое сопротивление турок, быстро оставивших свои позиции, а во время их контратаки — легкость, с которой они «отбросили христиан назад в лагерь, причем последние даже побежали первыми»[622].

После этого боя турки стянули к приднепровским высотам шесть дальнобойных орудий и открыли огонь по обозу кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича, однако не смогли нанести значительного урона, поскольку он находился в низине, и ядра, проносясь, тонули в Днепре.

Примечательно, что османы в это время не оставляли попыток склонить казаков на свою сторону, рассчитывая, по всей видимости, что сложная ситуация у Днепра вынудит их сдаться. 14 августа гетману И. Самойловичу писал крымский хан Мурад-Гирей, обещая защиту и поддержку: «...не хотя вас к последнему разорению и к пагубе так в правах ваших, яко и волностей ваших не порушая, и цело во всем пребывати, токмо б вы восхотели есте упрямство свое конечно оставити и совершенно от московского

---

619 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 373.

620 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 136.

621 Там же. Л. 135.

622 *Гордон П.* Дневник... С. 97.

войска отступити»[623]. Однако эти попытки оказались тщетными, И. Самойлович подчеркивал в своем «листе» царю, что «до смерти стояти будем»[624]. Кроме того, по его словам, он предпринял меры, чтобы казаки не покидали свои полки: «...учинили есмы было под смертною казнию указ, чтоб никто, малый и великий, не отступал от назначенного себе караулу и места»[625].

После боя 14 августа османы усилили огневой натиск: «...пушечная стрелба от неприятелских людей учала быть болши, и гранаты огненные стали в обоз бросать безпрестанно в день и ночь»[626]. По расспросным речам участников событий, турецкие шанцы порой располагались в 30 саженях (64 метра) от окопов русско-казацких войск.

15 августа на восходе солнца около двух тысяч казаков налетели на турецкие шанцы и вытеснили оттуда янычар. Только сипахийская конница смогла отогнать казаков и отбить пушку, которую они уже тянули в обоз.

16 августа, по словам Проского, «в час от полночи вышло 5 или 6 тысяч пьяных казаков вместе с Москвой, которые из шанцев вытеснили янычар и засели в них». Однако, «будучи пьяными, они в течение часа не предпринимали никаких действий, даже не готовили пушки». Оправившись и привлекая другие турецкие подразделения, янычары пошли в контратаку и «начали сечь казаков так, что они гибли тысячами, взяли 14 казацких и 2 московских хоругви»[627]. О том, что русско-казацкая армия понесла в этот день значительные потери, сообщает и де Ла Круа, по свидетельству которого, визирю привели несколько пленных и представили около тысячи голов[628]. Несколько иначе изобразил картину кн. Г.Г. Ромодановский в своей отписке царю: «...августа 16-го числа посылали мы... ратных людей... на тех неприятелских людей выласками безпрестанно, и бои были великие,... и ратные люди многих неприятелских людей побивали и языки поймали»[629]. Очевидно, что действия русско-казацкой армии не всегда

[623] АЮЗР. Т. 13. № 156. Стб. 689.
[624] Там же. Стб. 688.
[625] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 62 об.; АЮЗР. Т. 13. № 163. Стб. 716.
[626] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 137.
[627] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 374.
[628] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 223.
[629] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 185.

были успешны, однако воевода, по всей видимости, старался нивелировать неудачи, обращая внимание на общие успехи войск.

17 августа русско-казацким командованием, по свидетельству П. Гордона, было решено не выступать, но, «стоя на месте, брать турок измором»[630]. В этот день в обозе на возвышении была поставлена батарея, при этом выстрелы из крупнокалиберных орудий достигали даже визирских палаток.

Турки считали, что зима в этом регионе наступает рано, им предстояла тяжелая обратная дорога через малонаселенные территории[631]. Было решено собрать военный совет, на котором высказывались предложения отойти от лагеря русско-казацких войск[632]. Связано это было с несколькими причинами. Османы, испытывая проблемы с конскими кормами и продовольствием, открыто роптали против Кара Мустафы-паши, «говоря, что он погубит всю армию»[633]. Согласно османской хронике, лошадям было негде кормиться, в результате чего погибло несколько десятков тысяч животных, а часть войска спешилась[634]. Эти данные подтверждал С. Проский: «...поход причинял туркам неприятности более всего из-за отсутствия фуража, из-за которого $^1/_3$ сипахов спешилась»[635]. Интересно также наблюдение Г.З. Байера, взятое у Д. Кантемира, который, находясь в Османской империи в 80–90-х годах XVII в., имел доступ к турецким документам, о положении армии в это время: «Между тем почти описать не можно, в каком страхе верховный везирь тогда находился..., и с коликою ревностью Вани Эфенди молитвы отправлял... Того ради определили они в военном совете, чтоб с армиею по малу назад отступать»[636]. В сложившейся ситуации визирь отдал приказ повернуть назад. По словам французского дипломата, он собрал «всех важнейших пашей, которые высказались за отступление; но распространили слух о запланированной вылазке на следующий день после молитв. В середине ночи они сняли пушки и

630 *Гордон П.* Дневник... С. 98.

631 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 741.

632 Ibid. S. 741; Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 374.

633 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 223.

634 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 740.

635 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 374.

636 *Байер Г.З.* Краткое описание военных случаев... С. 114.

начали быстро отступать. Московиты ничего не делали, только несколько выстрелов без большого результата»[637].

20 августа османские войска отступили за Тясмин[638]. В расспросных речах стряпчего П. Иевлева говорилось, что «в полночь у тех турских людей в обозех и в шанцах учинился шум болшой; и боярин, де, и воеводы чаят тех турских людей приход на обозы, велели государевым ратным всяких чинов людем строитца и быть к бою готовым». Как видно, османы сумели дезориентировать русское командование, пока сами быстро переправлялись через р. Тясмин: «...в том же, де, часу те турские люди почали из обозу своево переправливать пушки и обозы через переправы к Чигирину; и как, де, те свои пушки и обозы через переправы они переправили, и в то время товары свои зажгли и побежали через те переправы к чигиринской стороне»[639]. Русско-казацкое командование отказалось от преследования османов, вслед за турками были посланы только отряды разведчиков. Связано это было прежде всего с тем, что в русско-казацкой, как и в османской, армии из-за отсутствия кормов произошел массовый падеж лошадей. В этих условиях формирование крупного отряда для этой операции было затруднительным. Получив сведения о том, что османы направляются к Южному Бугу, кн. Г.Г. Ромодановский с войсками несколько позже переправился на левый берег Днепра.

Сами турки итоги боев у Днепра описывали следующим образом: «...против обозов боярских и гетманских стояли и бились, неделю целую наступали великого государя на ратных людей беспрестанно, а великого государя ратные люди отпор им чинили доброй и на выласки выходили на них по две ночи, и шанцы их взяли, и в тех шанцах людей их побили многих, и великого государя ратных людей в те бои принесли они к себе в обоз голов з 90»[640]. Как видно, нельзя утверждать, что обе стороны смогли нанести существенный урон друг другу. Более того, известно, что в ходе этих столкновений погибли знатные османские военачаль-

---

637 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 223–224.

638 *Öztuna Y.* Büyük Türkiye Tarihi... S. 438.

639 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 194.

640 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 26.

ники: 2 бейлербея и 1 санджакбей, некоторые получили ранения, в частности Эмир-паша и упомянутый выше Каплан-паша[641].

Могло ли на действиях кн. Г.Г. Ромодановского в кампании 1678 г. сказаться то, что его сын Андрей находился в это время в татарском плену? Несколькими источниками, в частности Величко и Ф. де Ла Круа, утверждается, что кн. Г.Г. Ромодановский намеренно не стал преследовать османов из-за боязни за судьбу своего сына, находившегося в Крыму. Французский дипломат писал, что в османской армии «говорили, что великий везир подкупил Ромодановского, и татарский хан писал ему по-польски, что если он будет преследовать турецкую армию, то он предаст его сына, которого держал в Татарии, смерти»[642]. Однако в русских источниках подобных свидетельств зафиксировано не было, несмотря на враждебность к кн. Г.Г. Ромодановскому со стороны группировки кн. В.В. Голицына. Воеводу обвиняли в различных тактических ошибках, в частности в проявленной медлительности и гибели огромного количества лошадей[643], но не в государственной измене. В этой связи следует согласиться с мнением А.Н. Попова, считающего, что, взяв защиту Чигирина под свою ответственность, кн. Ромодановский не мог «презреть долг гражданина и воина»[644]. Сам воевода свое поспешное отступление от Днепра объяснял ранним сбором войск, что, в свою очередь, привело к массовому бегству ратных людей в конце кампании[645]. Однако обращает на себя внимание, что после отступления османов от Чигирина слухи о предательстве русского командования стали распространяться уже Ю. Хмельницким и его сторонниками. Так, И. Самойловичу сообщали, что будто он и «Рамодановской взяли у везиря по сту тысячь червонных и для того не наступали на турков»[646]. Лазутчики немировского старосты С. Куницкого также передавали, что по слухам «турки... много денег дали Ромодановскому, чтоб им Чигирин выдал, потому что, когда б сердюков Рамодановской не вывел, молотцов добрых, а иных на

---

641 *Öztuna Y.* Büyük Türkiye Tarihi... S. 438.

642 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 226–227.

643 *Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 320.

644 *Попов А.Н.* Турецкая война... Ч. 2. С. 323.

645 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 245.

646 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679. Д. 7. Л. 3 об.

их место не прислал, то б есмы никогда Чигирина не взяли и все турки пропали». При этом подчеркивалось зависимое положение Войска Запорожского: «...а твоя, де, милость [гетман И. Самойлович. — *М.Я.*] и войско козацкое все то чинили, что Рамодановской велел как наместник царский, убо когда б по мысли твоей гетманской делалось, то б ни один человек турков ис-под Чигирина не ушол»[647]. Распространение таких слухов носило компрометирующий характер и было направлено не только лично против командующих в кампании 1678 г. Как представляется, такие сведения должны были вызвать недовольство прежде всего русским правительством в целом, а также снизить доверие к И. Самойловичу и одновременно способствовать переходу населения Левобережья на правый берег Днепра из-за несогласия с его деятельностью. Ситуация осложнялась тем, что казацкое население в этот период и «бес того разно... разумели о взятии оного Чигирина»[648], т. е. не все в Поднепровье были довольны сложившимся исходом Чигиринской кампании 1678 г. В этой связи, как представляется, речь идет о намеренной дискредитации кн. Г.Г. Ромодановского с целью укрепления власти Ю. Хмельницкого.

Какие действия были предприняты османами после отхода от Днепра?

Турки, как описывает французский дипломат, на обратном пути бы «вымерли от голода в этих пустынях, если бы по возвращении в свой первый лагерь под Чигирин не обнаружили 100 повозок из местностей, принадлежащих полякам. В них они обнаружили бобы, мясо и другие необходимые припасы»[649]. Однако, по сведениям пленных турок, основные запасы им удалось пополнить в Чигиринской крепости: «...в болшом Нижнем городе хлебных запасов взяли они много, и тем поживились»[650]. Тем не менее вопрос о нехватке съестных припасов для возвращающегося к Дунаю османского войска был довольно острым[651].

---

647 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 259 об. – 260.
648 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679. Д. 7. Л. 3 об.
649 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 227–228.
650 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 25.
651 Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 748–749.

Молдаванам и валахам Кара Мустафа-паша приказал разрушить остатки крепости после месячной кровопролитной осады, а пушки и колокола свезти к турецкому обозу. Три дня — 20, 21 и 22 августа — османское войско праздновало победу, стреляя из орудий и устраивая разные игрища[652]. Празднование, однако, обернулось бедой, поскольку османы запалили 48 повозок пороха, которые, взорвавшись, поубивали большое количество людей[653]. Об этом же сообщали взятые в плен турецкие языки: «И пришед под Чигирин, стояли 3 дни, город ровняли и собирались на вьюки и в возы, и пороховую казну свою, осматривая, перебирали, и неведомо как ее запалили, и пороховая казна многая, телег со сто и болши, да лошадей и буйволов погорело с пятьсот, и многие люди, которые около ее ходят, погорели ж, а осталось немногое число». Кроме того, они отмечали, что «пушки, которые остались в Чигирине, и медь взяли с собою и пошли ис-под Чигирина к Умани, а не тою дорогою, которою шли под Чигирин»[654].

Сами османы считали себя победителями в кампании 1678 г., причем празднования длились неделю по всей стране[655]. В ноябре 1678 г. великий визирь Кара Мустафа-паша победно въехал в Эдирне, его встречал лично султан, прибывший из Силистры[656]. В этой связи интересен вопрос, как они оценивали силы противника, над которым им удалось одержать победу? С. Проский в своем дневнике приводит численность войск, находящихся, по мнению турок, в русско-казацкой армии. Общая ее численность была оценена османами более чем в 300 тыс. человек при 200 орудиях, из которых — 100 тыс. казаков, 150 тыс. «Москвы», кроме этого с воеводой П. Скуратовым было 30 тыс. человек, с сыном кн. Г.Г. Ромодановского — 12 тыс., с грузинским царевичем [С. Проский, по всей видимости, имел в виду кн. К.М. Черкасского. — *М.Я.*] — 30 тыс., с Григорьем Косаговым «блюстителем всего войска московского» — 15 тыс. человек[657]. Каменецкий Алипаша в своем письме к польскому королю Я. Собескому оценивал

---

652 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 374.

653 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 228.

654 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 22.

655 Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 207.

656 Bir gazavat-nâme... S. 19; *Öztuna Y.* Büyük Türkiye Tarihi... S. 438.

657 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 374.

ее несколько меньше — в 200 тыс. человек[658]. Из этого можно заключить, что, по представлению турок, им удалось одержать победу над противником, чья численность превышала их собственную в два раза. Османскому командованию казалась необоснованной осторожность кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича, которые, в свою очередь, также считали, что численность турок доходила до 300 тыс. человек. По словам гетмана И. Самойловича, «идучи... под Чигирин пространными по сей стороне Днепра полями и пространно становячись обозами, и тогда виделось, что есть безчисленные с нами силы, и они, поистине, многие были... Но когда пришли есмы под Чигирин блиско, и стали своими обозами против везиря турского, с войски стоящего в то время, кто ни есть разсудително взирал на обе стороны войск, на обозы ратей государских и турских, тот поистине должен есть признати, что нас и половины не было против их поганского множества»[659].

Как представляется, в этой связи более объективную картину об итогах кампании может дать описание состояний османской и русско-казацкой армий после кампании 1678 г.

5.5. Военные потери

5 октября кн. Г.Г. Ромодановский прислал в Москву роспись ратных людей (по всей видимости, неполную), которые «на... государеве службе в Чигиринском походе и в Чигирине в осаде и от Чигирина идучи к Днепру в отводе июля с 13-го числа августа по 19-е число 186-го [1678. — *М.Я.*] года от турских и от крымских людей на боях побиты и от ран померли, и ранены, и в полон пойманы и безвесно пропали»[660]. Согласно этой росписи, общие потери «московских и всяких чинов конных и пеших» составили 5431 человек, в том числе «московских чинов и прибылых, и Севского, и Белогородского полков» — 3126 человек, «выборного салдацкого полку генерел-порутчиков и московских приказов столников и полковников и иных чинов, урядников и рядовых салдат и стрелцов» — 2644 человек[661]. Как видно, наибольшие

[658] Monuments historiques... P. 145.

[659] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 165–166.

[660] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 173.

[661] Там же. Л. 174–182.

потери понесли выборные полки и приказы московских стрельцов, которые принимали на себя первые удары противника. Согласно П. Гордону, в Чигирине в новом и старом замке с 9 по 31 июля (исключая десять дней с 16 по 25 июля, когда записи утрачены) потери составили 390 убитых и 620 раненых, а с 1 по 10 августа — 267 и 459 соответственно[662].

О потерях казацкого войска становится известно из опубликованной К.А. Кочегаровым росписи убитых и раненых во время кампании 1678 г. казаков. При подсчете общего числа известных потерь автор использовал максимальные данные по каждому полку, таким образом, общую численность потерь Войска Запорожского он оценивает в 4486 человек убитыми и 1369 человек ранеными. Нужно иметь в виду, что приведенные данные являются неполными, в первую очередь по численности раненых, что объясняется характером самого источника, целью которого было занесение в синодик московского Успенского собора имен именно погибших казаков. При этом в потерях также не были учтены казаки правобережных и некоторых наемных полков И. Самойловича[663]. В то же время известно, что в кампании 1678 г. погибло два полковника: гадицкий — Федор Михайлов; стародубский — Федор Молчан[664].

Таким образом, общая численность погибших в русско-казацкой армии составила порядка 8000 человек, раненых — более 7000 человек.

Что касается османской армии, то вначале следует сказать несколько слов о ее состоянии после отхода от Чигирина в целом.

Источники едины в том, что османское войско понесло тяжелые потери, а его боевой дух пребывал в упадке. Так, по расспросным речам Федора Яковенко Мошенского, который был «в полону у самого везиря», «войско турское было нужно хлебными и всякими запасы таково, что копеешной хлеб или калачь давали семеном и янычаном на десять человек, а раненых и больных

662 *Гордон П.* Дневник... С. 56; *Федосов Д.Г.* Полковник и инженер против Блистательной Порты... С. 148.

663 *Кочегаров К.А.* Потери Войска Запорожского в Чигиринской кампании... С. 351.

664 В Гадяч был назначен племянник гетмана И. Самойловича Михаил Васильев, в Стародуб — Григорий Карпович, являвшийся в 1677–1678 гг. чигиринским полковником (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 66 об.).

было столько, что и сметы не было. Как учнут с стану рушитца, и раненых и больных подымать и посылать их наперед, и от того крику невозможно было в обозе другу от друга слова слышать и от ран и от болезней мерло их столь много, что и сметы нет. Мертвых они в землю не закопывали, так и метали». При этом он отмечал, что основные османские войска после того, как «жалованье взяли, все розбежались и говорили, что они николи не пойдут в такие степи под Киев, и такова, де, великова войска не собрать будет и в десять лет»[665]. Также по его сообщению, «турки меж собою беспрестанно говорят, что у них под Чигириным войск побито и переранено, и сказывают на все убыток великой»[666]. Его слова подтверждает крымский татарин Юсуп: «...везирь, когда по разорении Чигирина в свою уж пошел землю, тогда зело много турков померло, которых для поспешения своего скорого не могуще хоронить на дороге, где кто здох, метали. А то сказывают с тех мест мор такой меж поганцами учинился, что раненых много было, и понеже от трудов безвремянных воинских все войско изнужилось, и что великая у них скудость в кормех была»[667].

Взятый после отхода османской армии от Чигирина турок Мустафайко Маданов «в расспросах» говорил: «...слышал он у начальных людей, как ис-под Чигирина пошли в свои стороны, что в нынешней войне изнуждали они, и многие побиты». По его мнению, туркам «от той войны убытки великие и людем урон напрасной»[668]. Подобную картину рисуют и другие источники. По словам взятых в плен крымских татар, «под Чигириным и из-под Чигирина, идучи в дороге, от ран и от великого голоду померло многие тысячи»[669]. Грузин Сеитко, которого «в турки, украдучи, продали осми лет», добавлял, что слышал, как «мулла Ване Ефенди везирю говорит, у них в людех и в конех урон великой»[670]. Полоняники из русско-казацкой армии также «сказали про Чигиринскую... войну, что слышали, де, они от татар в разговорех, что им та война неприбылна, и говорят, что турских людей пропало

---

665 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 99, 106–107.
666 Там же. Л. 110–111.
667 АЮЗР. Т. 13. № 164. Стб. 731.
668 Там же. № 157. Стб. 693–694.
669 Там же. № 164. Стб. 727.
670 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 24 об.; АЮЗР. Т. 13. № 157. Стб. 695.

вдвое московских»[671]. Примечательно также, что, по словам взятого в плен крымского татарина, «на чигиринских на всех боях их, крымских татар, немногие побиты, потому что они бьютцы издалека, а много, де, побито турских людей»[672]. Об этом же сообщал взятый в плен турок: «...а орды побито немного потому, что они все бегают»[673].

Согласно расспросам пленных татар, на обратном пути «много турков в дороге померло», при этом тех, кто не мог выдержать темп отхода, бросали: «...где хто умер, там и метали, а то сказывают, что от того, такой мор меж ими учинился». Кроме того, они подчеркивали, что было много раненых, войска были сильно утомлены и им не хватало запасов («великая у них скудость на запасы была: мех муки пшеничной по десяти тарелей, а ячмень по пяти тарелей продавали; а хлеб по полевка купили, и то, один перед одним захватывая, купили, когда татары, добыв, в таборы привозили»)[674].

По словам тимарного сипахи Алейки Усейнова, который лично участвовал в осаде Чигирина, в османском войске из-за нехватки продовольствия и понесенных потерь начались волнения, часть армии была готова самовольно покинуть занятые позиции: «И, видя они [турки. — *М.Я.*], что в Чигирине великого государя ратные люди сидят крепко, а в своих войсках великой в людех урон и в хлебных запасех скудость великую, что хлебных запасов не токмо, что у них в шанцах, но и в обозех мало, что было хотели из шанец ис-под Чигирина выходить и без везирского ведома»[675].

Представление о кампании 1678 г. как тяжелой было широко распространено не только в армии, но и в придворных кругах Порты. Французский дипломат в Османской империи, находившийся при стамбульском дворе, Франсуа де Ла Круа писал: «В конце октября великий визирь вернулся в Адрианополь с остатками своих победоносных, которые скорее выглядели понесшими кровавое поражение, войск. Это предприятие стоило туркам такой усталости, что вместо того, чтобы обрадовать их,

---

671 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679. Д. 12. Л. 21.
672 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 351.
673 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 23.
674 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 755.
675 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 20.

привело в такое уныние, что первый министр, чувствуя невозможность заставить их вернуться в следующую кампанию на Украину, по причине тяжести испытанных ими невзгод, убедился в том, что расширять оттоманские границы за счет тех пустынь опасно. Взятие, сожжение и разрушение Чигирина дало им очень мало»[676]. Иерусалимский патриарх Досифей сообщал русскому посланнику в Стамбуле Тимофею Протопопову в конце 1681 — начале 1682 г., что «как, де, салтан посылал везиря с турскими войски под Чигирин и того, де, войска пошло ис Царяграда многое число, а ис-под Чигирина возвратилось в Царьгород самое малое число, все во время той войны побиты, а иные, идучи до Царяграда, от ран и з голоду в дороге померли». Патриарх добавлял, что османы не рады взятию Чигиринской крепости, «только рады тому, что они от Чигирина отошли»[677].

О потерях османской армии нет точных сведений, цифры варьируются от 20 до 60 тыс. человек[678]. Значительные потери османы понесли в период осады крепости, во время вылазок гарнизона. Пленный турок сообщал, что только «на трех выласках янычан лутчих людей побито з 12 000 человек, и турские, де, войска от тех выласках были в болшом ужасе»[679]. Польский резидент С. Проский называл цифру погибших и раненых во время осады в 30 000 человек[680]; однако, как отмечалось выше, эти данные преувеличены. В литературе оценки более взвешенные, Н.А. Смирнов оценивал общую численность потерь османского войска в 12–15 тыс. человек[681]. Кроме того, большие потери турецкое войско понесло во время обратного пути, который был сложнее, чем поход к Чигирину. Как описывал французский резидент, «из-за постоянных дождей, которые делали пустыни столь непроходимыми, что они при отходе пострадали больше, чем до сих пор. Они потеряли множество телег, людей и животных, и вынуждены были бросить большое количество пушек, которые не могли взять с собой. Турки, отходя, откровенно говорили, что

---

676 *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 232–233.
677 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 22. Л. 41 об.
678 К примеру: АЮЗР. Т. 13. № 157. Стб. 694.
679 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 341.
680 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 370.
681 *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 162.

победа никогда не стоила им так дорого и что они нигде не встречали столь доблестного сопротивления»[682]. Французский посланник Нуантель также сообщал Людовику XIV, что турки, несмотря на некоторые преимущества, встретились в 1678 г. с грозным противником, выказавшим упорное сопротивление. В качестве доказательства он приводил отрывок из письма турецкого офицера: «Неверный настолько проявлял упорство..., что, если отрубить ему руку, он хватался за пику другой. Он никогда не видел таких неверных, которые так сопротивляются в бою»[683].

Сопоставление разных сведений рисует в целом единую картину — «много турчан побито, а паши многие ранены»[684]. Большие потери турецкое войско понесло во время обратного пути, однако стоит учитывать, что еще до этого им был нанесен значительный урон в ходе осады Чигирина и столкновений с русско-казацкими войсками.

6. Международный резонанс

Итоги Чигиринского похода 1678 г. русская сторона оценила как ничью, при этом ей удалось сохранить боеспособную армию: в грамоте царя Федора Алексеевича турецкому султану Мехмеду IV подчеркивалось, что русско-казацкая армия имела с турками бой и «после тех боев войска обоих сторон разошлись в свой край»[685]. Османы же считали себя победителями, как упо-

---

[682] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 232–233.

[683] V*andal A.* L'odyssée d'un ambassadeur: Les voyages du marquis de Nointel (1670–1680). P., 1900. P. 191.

[684] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 346.

[685] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 33 об. Стоит отметить, что официальная позиция Российского государства в переговорах с польской стороной, отчасти из-за возможного заключения русско-польского союза против Османской империи, была более конкретной. Так, в наказе великим послам во главе с И.В. Бутурлиным, направленным в Речь Посполитую в 1679 г., говорилось, что после прихода турок к Чигирину «великого государя ратные люди тех неприятелей мужественно побивали многажды», особенно подчеркивалась победа в Чигиринских горах. Кроме того, отмечалось, что «из Чигирина против тех неприятелей на выласки выходили почасту». В то же время указывалось, что Чигиринской крепости «помочи было учинить невозможно» из-за необходимости форсировать р. Тясьму, которая «велми

миналось выше: в грамоте султана Мехмеда IV, направленной в Москву в 1682 г. после ратификации Бахчисарайского договора, говорилось, что между русско-турецкими войсками «бои и побиение было, и огненные бои были, и в тех боях многие искры огненные разсыпались. Тамошних стран подданные у нашего несметного войска у людей под коневыми копытами достались, а которые остались, всех поранили и безмочных чинили»[686]. По всей стране состоялись торжественные празднества, были составлены победные «газанамэ»[687]. В то же время османам не удалось захватить всю Украину, а власть Ю. Хмельницкого после отхода турок к Дунаю опиралась, как будет показано, на поддержку крымских татар.

Как видно, русская и османская официальные оценки итогов кампании существенно различались. В то же время известно о значительном интересе к этому событию в Европе, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные упоминания о нем в европейской прессе этого периода[688].

В сообщениях европейской прессы о событиях Чигиринского похода 1678 г. хорошо просматривается несколько периодов.

Известия о русско-турецких столкновениях под Чигирином стали появляться в европейской печати еще в самый разгар русско-турецких столкновений[689]. Так, в прессе, полученной в Москве в начале сентября, присутствовало сообщение из Венеции, датированное концом июля, что «войска московские бились с турки и одержали над ними победу и убили турков бол-

---

болотиста и к берегам неприступна, а где было возможно и перейти, и в тех местех с неприятелской стороны учинены крепости и приведены многие пушки» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 189. Л. 370–371).

686 РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1682 г. Д. 3. Л. 38.

687 К примеру: V*uslatī Alī Bey.* Ġazā-nāme-i Çehrīn. Ankara, 2003; *Hȳ - da L.A*. Two ottoman Gazanames concerning the Chyhyryn Campaign of. 1678 (Ukraine, Europe, Middle East). Ph.D. Harvard Univ., 1984.

688 Подробный анализ этих свидетельств на материалах Курантов был сделан С.М. Шаминым с упором на оценку общего объема «оказавшихся на страницах немецкой и голландской прессы сведений о русско-турецком конфликте» (*Шамин С.М.* Иностранная пресса о борьбе России и Турции... С. 139).

689 *Шамин С.М.* Иностранная пресса о борьбе России и Турции за Украину в 1676–1681 годах... С. 140.

ши 60 000»[690]. Из Львова, видимо имея в виду одну из попыток штурма Чигиринской крепости, сообщалось, что «турки учинили к Чигирину генералной приступ и потеряли многих людей, а города не взяли»[691]. Позднее из Львова пришли известия о 12 тысячах убитых только при осаде Чигирина турок[692]. Из Гамбурга поступали сведения, что «московские ратные люди оружием своим изрядную победу против турков одержали, и что московское и казацкое войско нечаемо нашли, переправясь чрез Днепр, на турское войско, и побили из них себе обороняющих с сорок или с 50 000 человек»[693]. Также, согласно известиям, полученным дьяком К. Виниусом в августе 1678 г., в Гданьске было «ведомо, что Москва турков зело побила»[694]. В голландском издании «Amsterdamse Dingsdaegse Courant» (1678. № 37) на основании донесений из турецкого лагеря в начале августа 1678 г. отмечалось, что возможность успеха османских войск под Чигирином была незначительной[695].

Как видно, география стран, следивших за русско-турецким конфликтом, была достаточно широка, при этом в сообщениях подчеркивался успех русского оружия. Кроме того, обращает на себя внимание положительная оценка боевых действий российских войск с польской стороны. Это объяснялось прежде всего политическими мотивами. Речь Посполитая не спешила выводить свои гарнизоны из городов, уступленных ранее по Журавенскому миру 1676 г. Османской империи. В этой связи они «еще смотрить хотят, что учинится с Москвою, и естьли буде Москва одолеет, то городов не отдадут, хотя и послов засадят»[696].

Информацию об успехах русско-казацкой армии в этот период подтверждали и сами московские власти, направив 10 августа 1678 г. (до падения Чигиринской крепости) для европейской прессы краткую сводку следующего содержания: «...турки с великою ревностию к Чигирину приступали, но московские ратные храброй им учинили отпор, и неприятелей в розных приступах

690 РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Д. 4. Л. 137.
691 Там же. Л. 138.
692 Там же. Л. 161.
693 Там же. Л. 146–147.
694 Там же. Л. 139.
695 Там же. Д. 3. Л. 4. См. русский перевод: Там же. Д. 4. Л. 152.
696 Там же. Л. 138–139.

великое число побили... и... еще с турками жестокой бой был в поле, на котором великой урон над неприятели учинился»[697].

Ситуация в освещении событий, однако, изменилась после падения Чигиринской крепости, произошедшего в ночь с 11 на 12 августа 1678 г., и отхода русско-казацкой армии к Днепру[698]. Османы распространяли информацию, что им удалось одержать победу над противником, чья численность превышала их собственную в два раза. Как отмечалось выше, польский резидент С. Проский сообщал, что численность русско-казацких войск была оценена османами более чем в 200 тыс. человек при 200 орудиях[699]. В этой связи османскому командованию казалась странной осторожность кн. Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича, не решившихся вступить с османами в прямое вооруженное столкновение. Такое представление в дальнейшем закрепилось в европейских политических кругах, которые связывали потерю Чигирина прежде всего с нерешительными действиями кн. Г.Г. Ромодановского[700]. Поскольку русско-казацкое командование также считало, как отмечалось выше, что численность османских войск доходила до 300 тыс. человек[701], складывалась парадоксальная ситуация, когда в обеих армиях значительно преувеличивали численность противника.

Однако в этот период преобладали сообщения о разгроме османами русско-казацких войск, существенно превосходивших их числом. Такая оценка событий сразу же нашла отражение в европейской прессе.

Уже в начале сентября 1678 г. в голландском издании «Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant» (1678. № 38) подчер-

---

697 РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Д. 4. Л. 146.

698 При этом первые опасения за судьбу Чигирина стали появляться именно с польской стороны. Так, из Варшавы в середине августа была отправлена информационная сводка о том, что «московские ратные люди не намерены суть тот город выручать, о чем зело худые последования чинитися могут» (Там же. Л. 146).

699 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 374; в 200 тыс. человек оценивали русско-казацкие войска и турецкие источники (Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 703).

700 Osterreichisches Staatsarchiv. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Turkei. 149 Turcica. 1678 (Aug.–Oct.). S. 44.

701 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 66–67.

кивалось, что, несмотря на огромное численное превосходство, 300-тысячная русская армия действовала нерешительно, позволив туркам захватить Чигирин[702]. Во французской газете «Recueil des Nouvelles Ordinaires et Extraordinaires» по сообщениям из Львова отмечалось, что великий визирь Кара Мустафа-паша, не испугавшись 300-тысячной русской армии, сумел захватить Чигирин и «вынудил [русских. — *М.Я.*] переправиться через Днепр и получил владычество над всей частью Украины по эту сторону Днепра»[703]. В конце ноября 1678 г. из Венеции поступили сведения о безоговорочной победе османов: «...пришол великой везирь с великою победою и изрядством понеж пред собою велел носити различные знамена, и прапоры, и знаки, а великое число вязней, в полон взятых, велел на трои сутки чепми прикованых за городом держать всякому на позоре, чтоб на них всяк смотрел, и хочет тех вязней ныне послать в Царьгород, чтоб прикрепить на катаргах и мучить вечною работою. В Андреянополи великая радость была о адержанной победе помянутого везиря, и наивящая была радость»[704]. Далее подчеркивалось, что визирь прибыл «с великою победою, привозя неволников мужеска и женска полу многое число для свидетельства победы против московских»[705]. Как представляется, столь однозначная оценка итогов войны была обусловлена воздействием турецкой пропаганды. Примечательно, что значительную часть пленных составляли мирные жители, поскольку среди захваченных турками отмечается большое количество женщин.

Русское правительство в этот период внимательно следило за сообщениями европейской прессы о положении дел в Стамбуле, поскольку его собственные источники информации из-за отсутствия постоянных дипломатических представительств при европейских дворах были довольно ограничены.

Начиная с конца осени 1678 г. тон сообщений европейской прессы об итогах конфликта на Украине снова поменялся. Значительная часть известий, касающихся русско-турецких столкнове-

---

[702] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 3.

[703] Recueil des Nouvelles Ordinaires et Extraordinaires [Gazette]. 1678. № 100. Nouvelle Ordinaires, du 15 Octobre 1678. P. 849.

[704] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679. Д. 4. Л. 50–51.

[705] Там же. Л. 53.

ний, теперь концентрировала внимание на состоянии османской армии после кампании 1678 г., при этом наибольшее количество сведений поступало из Венецианской республики и Священной Римской империи. Это объясняется возможной заинтересованностью данных стран в продолжении военных действий против турок и обсуждении проектов соглашений ряда христианских государств против Османской империи[706].

Так, из Венеции в европейскую прессу в середине ноября поступила информация, что в армии великого визиря Кара Мустафы-паши «осталось толко 40 000 человек. А достолные погибли моровым поветрием и от иных злополучений»[707]. Уже в начале феврале 1679 г. венецианские политические круги, по всей видимости, были склонны рассматривать кампанию 1678 г. как неудачную для Османской империи: «Многие грамотки к нам пришли, подтверждая великую победу, как московские оружием своим над турками получили, так что едва в будущей весне и впредь войну всчинати будет ли с кем»[708]. И далее сообщалось, что «из Царяграда к нам возвещают, что турских ратных людей, из Украины возвращающихся, чрез неприятелския наступления и иные напасти едва осталось з 10 000 человек, и великая ныне распря чинитца у янычан, к измене склоняемых и не хотящих впредь итти на войну против московских сил. Понеже из них зело многие в прежней службе погибли, и салтаново жалованье им скудно чинитца. Народ же турской велми опасаетца, чтоб Чигирин город от московских паки не укреплен был и чтоб впредь от них же наивящние воинские промыслы не учинились, а про то подлинно ведомо, что турским ратным людем указано в будущей войне токмо поступати, оберегая себя»[709]. В марте из Вены в европейской прессе появилась следующая оценка военных действий в 1678 г.: «...московские ратные люди турком беды великие чинят и частым нападением своим больши дватцати тысячь человек побили и весь обоз их да дватцать пушек взяли»[710].

---

[706] *Флоря Б.Н.* О русских проектах антиосманской коалиции... С. 71–90.
[707] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679. Д. 4. Л. 48.
[708] Там же. Л. 83.
[709] Там же. Л. 84.
[710] Там же. Л. 122.

Эти сведения сообразуются с информацией, полученной от дипломатов других стран, о настроениях в правящих кругах Порты, которые резко контрастировали с официальными победными реляциями[711]. Кроме того, в Стамбуле в январе—феврале 1679 г. активно обсуждался вопрос о продолжении военных действий на Украине, при этом часть турецкого правительства, по всей видимости, настаивала на заключении мира с Москвой и начале войны со Священной Римской империей. Информация об этом попала венецианской стороне, по сведениям которой «турки гораздо склонны... к миру с московскими... И хотят доволствоватца владением Каменца-Подолского и иных мест, которые им мочью постановленного мира с поляками уступлены, оставляя степную Украину и склоняя оружие свое на обилнейшие земли, к ним ближе принадлежащие, сице на венгерскую землю, чтоб учинить вспоможение тамошним бунтовщиком»[712].

В то же время русская сторона активно готовилась к защите Киева, направив в европейскую прессу краткую информацию об этом из Москвы и Новгорода. В частности, там сообщалось, что «все московские ратные люди пошли к Днепру, такъж и Белогородцкое войско пошло х Киеву, и чают, что туркам тяжко будет против таких великих сил»[713]. Как представляется, собирая значительные силы, русское правительство показало османам, что без большой войны дальше они продвинуться не смогут. Есть основания полагать, что уже с конца 1678 г. турки не были готовы платить такую цену за расширение своей власти на Украине, отказавшись направлять войска в этот регион.

Таким образом, в сообщениях европейских источников о Чигиринском походе 1678 г. можно выделить три периода. До падения Чигиринской крепости в Европе кампанию 1678 г. были склонны рассматривать как успех русского оружия. Далее последовали сообщения о разгроме османской армией значительно превосходивших их числом русско-казацких войск. В них, очевидно, отразилась османская версия событий. На третьем этапе, с конца осени 1678 г., оценка этих событий существенно корректируется: в источниках говорится о больших потерях и малых достижени-

---

[711] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 232–233.

[712] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679. Д. 4. Л. 88.

[713] Там же. Л. 137.

ях турецких войск, об унынии, охватившем османскую армию. В основу этих сообщений, видимо, легли отчеты европейских миссий, находившихся в Османской империи и наблюдавших, на фоне официальных празднеств, возвращение деморализованной османской армии. Кроме того, на оценку ситуации должна была оказать влияние общая международная обстановка. В условиях усиления османской экспансии в Центральной Европе австрийская и венецианская дипломатия была заинтересована во взвешенной оценке итогов кампании 1678 г., обозначая готовность будущей Священной лиги искать в дальнейшем соглашения с Россией и возможности образования антиосманской коалиции.

Все вышесказанное, как представляется, свидетельствует о том, что кампания 1678 г. для османских войск оказалась тяжелой, они понесли значительные потери, причем со временем это поняли и в европейских политических кругах. С. Проский в январе 1679 г. подвел своеобразный итог Чигиринскому походу 1678 г.: по его словам, именно после него наступила благоприятная возможность для изгнания турок из Европы, поскольку Османская империя ослабла, а численность ее войск сократилась[714].

Итоги кампании

Ожесточенная кампания 1678 г. стала поворотным моментом в русско-османском противостоянии. Портой были задействованы многочисленные войска, представленные многими бейлербеями и крупными военачальниками и собранные в том числе из удаленных от театра военных действий провинций. Османский поход на Чигирин 1678 г. по подготовленности, количеству привлеченных сил, масштабу поставленных перед командованием задач существенно превосходит поход 1677 г. и может быть отнесен к числу крупнейших военных операций последней четверти XVII в. в Восточной Европе. 120-тысячная османская армия во главе с великим визирем Кара Мустафой прибыла на Правобережье подготовленной к длительной и тяжелой осаде Чигирина, снабженной осадной артиллерией и другими необходимыми ресурсами.

---

[714] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 424.

Со стороны Порты поход впервые был организован как важнейшее общегосударственное дело. Был объявлен джихад, и к участию в кампании были привлечены виднейшие военные, политические и религиозные деятели империи. Войска символически возглавил турецкий султан Мехмед IV, передав затем у Дуная командование великому визирю Кара Мустафе-паше. Стамбул ставил перед собой задачу не только овладеть Чигирином, но и утвердиться на правом берегу Днепра. При благоприятной ситуации они могли двинуть армию на Киев и Левобережье.

На протяжении всей кампании русско-казацкое командование придерживалось той же стратегии, что и годом ранее, делая ставку на затягивание боевых действий и вынужденное отступление османов с приходом зимы. Отчасти она была связана с неверными представлениями о силах османской армии и намеченных сроках ее появления под Чигирином. В результате успешной турецкой кампании по дезинформации русского командования войска промедлили с переходом через Днепр, ожидая похода турок к Киеву. Именно из-за этого, как представляется, они были вынуждены пробиваться к Чигирину с боями. Подойдя к городу, русско-казацкая армия заняла позицию на противоположном от Чигирина берегу р. Тясмин, угрожая османскому лагерю. Однако поставить под свой контроль переправы через р. Тясмин не удалось, несмотря на предпринятые усилия. Осторожность русско-казацкого командования была связана еще и с тем, что оно было убеждено в более чем двукратном численном превосходстве противника.

Кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович предполагали, что хорошо подготовленный Чигирин сможет выдержать осаду, а появление вблизи крепости русской армии поставит, как и в 1677 г., осаждающих в крайне тяжелое положение и вынудит уйти. Нет оснований говорить о том, что русско-казацкое командование изначально исходило из того, что Чигирин не мог быть удержан. В крепость регулярно направлялись подкрепления и припасы, гарнизон вплоть до последнего дня осады активно оборонялся, сумев в течение месяца успешно отражать атаки превосходящих сил османской армии. Как представляется, исходя из имеющихся возможностей, русско-казацкое командование предприняло значительные меры для сохранения Чигиринской крепости. Оставление и разрушение Чигирина в ночь с 11 на 12 августа следует считать не результатом каких-либо замыслов (стратегических

или политических) русского командования, а военной неудачей, от которой не застрахована ни одна армия. Примечательно, что крымские татары отмечали, что «не они и не турки ево взяли, Бог, де, ево выдал, а они, де, чаяли, что и самим им, и турком от него не отойтить»[715].

Падение Чигиринской крепости поставило армию кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича в крайне сложное положение. Теперь приоритетной задачей становились сохранение боеспособной армии и защита Левобережья и Киева. В этих условиях отступление к Днепру было единственным возможным выходом. Воевода и гетман сумели осуществить его с минимальными потерями, не потеряв обозов, перед лицом численно превосходящего и воодушевленного победой противника. При этом столкновения на Днепре 14–19 августа продемонстрировали, что ни одна из сторон не способна нанести решительного поражения другой, хотя многие участники событий были ранены, в том числе и знатные османские сановники.

Ввиду продолжающихся проблем с продовольствием и конскими кормами, а также сложной обратной дорогой армия Кара Мустафы-паши не могла надолго задержаться на Украине, тем более что снабжение по Днепру, на которое рассчитывало османское командование, оказалось невозможным из-за действий запорожцев. Отступив от Днепра, османы уничтожили остатки Чигиринской крепости, не собираясь ее в дальнейшем удерживать. Попытка русско-казацких войск, таким образом, отстоять одну из крупнейших крепостей Правобережья не увенчалась успехом.

Итоги кампании 1678 г. были неоднозначны. Русская сторона оценивала их как ничью. Турецкая сторона, напротив, взяв Чигирин, считала себя победительницей и рассчитывала закрепить на Правобережье Ю. Хмельницкого; если в 1677 г. он ушел вместе с османской армией и осел в Молдавии, то в 1678 г. османский ставленник остался на правом берегу Днепра и был утвержден в Немирове. Однако нужно иметь в виду, что на всем протяжении военных действий основные силы Османской империи сковывала только одна, хоть и стратегически важная крепость. Русская армия не была разгромлена, перенести военные действия под Киев или на Левобережье оказалось невозможным, и с приближением

---

[715] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 33 об. – 34.

осени османы должны были отвести с Поднепровья основные силы. В итоге часть Правобережья была разорена, а захват Левобережья Днепра оказался невозможен.

Более того, кампания 1678 г. выдалась исключительно тяжелой для османов, которые понесли значительные потери. Первоначальная радость победы над противником, который, как считали в Стамбуле, вдвое превосходил армию Кара Мустафы-паши по численности, довольно быстро сменилась трезвой оценкой масштаба потерь и ограниченности приобретений. Это было замечено и европейскими политиками и прессой.

В то же время оставалась неясной позиция правобережного населения. В этой связи было важно, как поведет себя население региона в новых условиях и какие действия будут предприняты соперничавшими гетманами для укрепления своей власти.

Глава IV

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1679 г.

Разрушением Чигиринской крепости и отходом османских войск завершился этап русско-турецкой войны, характеризующийся военным наступлением турецко-татарской армии на Чигирин и Украину. Однако в тот момент это не было ясно ни одной из сторон. При этом результаты второго Чигиринского похода также оставались неясными — столкновения, произошедшие в течение июля-августа 1678 года между русско-казацкими войсками и османами, продемонстрировали, что, по сути, ни одна из сторон не способна нанести решительного поражения другой.

В то же время судьба правобережных территорий, входивших в состав владений П. Дорошенко, оставалась после падения Чигирина неопределенной. Переход русско-казацкой армии на левый берег Днепра на несколько недель сделал турок хозяевами Правобережья. В этих условиях многое зависело от действий как османских и русских войск, так и от позиции жителей Правобережья. Изучение комплекса документов, связанных с подготовкой к обороне киевского направления и Левобережья от действий крымских татар и Ю. Хмельницкого, дает важные сведения о дальнейшем развитии событий.

1. Обстановка в Поднепровье осенью 1678 — зимой 1679 г.

После отступления османских войск от Чигирина Ю. Хмельницкий в конце августа разослал универсалы в правобережные городки, «чтоб они были ему послушны»[1]. Любопытно, что в своем универсале к каневским жителям Ю. Хмельницкий, в частности, представлял кампанию 1678 г. как неудачную для русско-казацких войск, которая фактически привела к разорению правого берега Днепра. Он также ставил под сомнение возможность Москвы защитить Правобережье: «...пришедши будто на подмогу к Чигирину с своими силами московскими, князь Рамодановский з заднепръским гетманом, не здержав сил нaяснейшего салтанава величества и хана крымского, огнемь до основания дав выжечь город Чигирин, и много душ безчисленно християнских погубили и сами, с стыдом назад уходя к Днепру с табором, множество людей, и казаков, и москвы, погубили, под мечь и в полон предали»[2]. По словам гетмана И. Самойловича, первыми поддались Хмельницкому жители Корсуни[3]. Это также подтверждается османской хроникой[4]. Кроме того, «ис Калника и из Немирова приезжали в обоз к везирю и говорили, что они их, и послушными Юраску будут». Однако каневцы отказались перейти на сторону османского ставленника: «...ис Канева писали кь Юраску, что они ему послушными николи не будут, потому, естьли им учинитца у него в послушании, то Москва, пришед, всех их перевешают»[5]. По всей видимости, данный ответ не понравился Хмельницкому, и осада и взятие Канева стали для него приоритетной задачей, без решения которой он не мог надеяться на укрепление своей власти на правом берегу Днепра. Об этом же говорил в своем «листе» царю И. Самойлович, по словам которого, «враг Хмельниченко, властолюбиво хотя тое стороны городки и самой тот город Канев в целости к своему началу привратити, упросил визиря, чтоб с войски

[1] Кроме того, свой «лист» в Канев с требованием «поклонитца и... послушать» Хмельницкого направил великий визирь Кара Мустафа-паша (см.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 14).

[2] Там же. Л. 10–13.

[3] Там же. Л. 4.

[4] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 748.

[5] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 27.

задержался»[6]. Стоит отметить, что Канев был одной из крупных крепостей на правом берегу Днепра, центром Каневского полка, который в 1674–1678 гг. придерживался прорусской ориентации и признавал гетманом И. Самойловича.

Великий визирь Кара Мустафа-паша решил поддержать Ю. Хмельницкого и направил (видимо, спустя больше недели после отхода от Чигирина по дороге к Капустиной долине[7]) к Каневу значительный османский отряд под командование бейлербея Боснии Ахмеда-паши[8]. О подступивших к каневской крепости войсках сохранились несколько разноречивые данные. Так, по словам пленного турка, который участвовал в походе на город, визирь предоставил Ю. Хмельницкому 4 пашей, «а с ними турков кормовых салтанских и городовых дворян, и всех чинов своево войска з 20000, да ханского брата Аджи-Гирея салтана с ордою, а с ним орды сот с восмь»[9]. По другим сведениям, «ис Капустиной, де, Далины он, везир, отпустил Юраску Хмелницкого под Канев, а с ним Юраском послал девяти пашей, да турского войска конницы двенатцать тысяч, да янычан двенатцать же тысяч, да дву салтанов с ордою, а с ними орду тысяч с пять»[10]. Спасшийся из Канева казак сообщал, что «пришол под Канев Юраско Хмелницкой, а с ним два паши с турскими войски и с ордою»[11]. По сведениям С. Проского, Кара Мустафа-паша «отправил под Канев Аджи-Гирея салтана с немалыми ордами и четырех пашей с остатками янычар, и Хмельницкого»[12]. Большинство источников указывают на цифру в двадцать тысяч воинов[13], но, учитывая потери и состояние турецкой армии, о которых уже шла речь, можно

---

[6] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 8.

[7] АЮЗР. Т. 13. № 157. Стб. 693. Речь, по всей видимости, идет о крепости Капустина Долина (совр. Капустино, Черкасская область), о которой упоминает османский путешественник Эвлия Челеби (*Челеби Э.* Книга путешествия. М., 1961. Вып. 1. С. 84–85). Она располагалась между Чигирином и Уманью, практически посередине.

[8] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 748.

[9] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 27.

[10] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 111.

[11] Там же. Д. 1157. Л. 270.

[12] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 375

[13] См. также: АЮЗР. Т. 13. № 157. Стб. 693.

предположить, что численность османских войск следует оценивать ниже, в районе 10 тыс. человек.

Пока османское командование принимало решение о походе на Канев, в конце августа на совещании русско-казацкого командования было решено переправиться на левый берег Днепра и покинуть Поднепровье, поскольку «войска,... при нас будучие, московские и казацкие, изнуждали и изголодали, а отчасти и опешали»[14]. Армия кн. Г.Г. Ромодановского, переправившись на левый берег 27 августа, отошла от Днепра в глубь страны. Известно, что 6 сентября русские войска подошли к урочищу на реке Берестовке и держали курс на Сумы[15]. Поспешный отход от Днепра был обусловлен прежде всего ранним сбором войск (османскую армию, как указывалось выше, ожидали в Чигирине уже в начале мая), а также проблемами с организацией снабжения, которые привели к массовому бегству ратных людей в конце кампании. Как писал сам кн. Г.Г. Ромодановский в своей отписке царю: «Белогороцкого... и Севского полков с... службы многие розбежались и достолные бегут беспрестанно, а прибылые... ратные люди бьют челом..., чтоб ты, великий государь, пожаловал за их многие кровавые службы, велел их отпустить по домам»[16]. В Москве, в свою очередь, не стали затягивать с указом о роспуске войск, и по царскому указу от 31 августа воеводе было велено «итить к... украинным городам и, пришод на речку Алешенку, полков своих... ратных людей, пересмотря по спискам, роспустить всех по домам»[17].

Часть полков гетмана И. Самойловича стала расходиться уже от Днепра. Так, от местечка Бужина гетман отпустил следующие левобережные полки: Полтавский, Миргородский, Гадяцкий, Лубенский и Прилуцкий. В то же время Киевский, Черниговский, Переяславский, Нежинский и Стародубский полки, а также охочекоменные и сердюцкие полки он, «при себе задержав, пошел... к Переяславлю»[18]. Гетман опасался возможных посягательств Ю. Хмельницкого, по всей видимости, на северную территорию,

---

[14] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 2.

[15] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 245.

[16] Там же.

[17] Там же. Л. 259.

[18] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 2.

поэтому распустил по домам казацкие полки (преимущественно южные) только частично[19].

Стоит отметить, что московское правительство было крайне заинтересовано в получении сведений о перемещении турецкой армии после отступления от Чигирина, поскольку от этой информации в значительной степени зависели дальнейшие стратегические планы русско-казацкого командования. В этой связи до роспуска войск командованию следовало разведать «про турские и крымские, и про все неприятелские войска... всякими мерами накрепко, как возможно. Турского салтана везир и паши с войски и хан крымской с ордою совершенно ль пошли в свои земли, и не чаят ли от них в том впредь какова лукавства»[20].

В самом начале сентября в распоряжении кн. Г.Г. Ромодановского были сведения о поспешном движении турок к Южному Бугу, которые успели к этому времени разойтись с крымцами: «...от Черного лесу [массив расположен на водоразделе р. Ингулец и Тясмин в 30 км от Чигирина. — *М.Я.*] визирь отпустил хана с ордами в Крым, а сам с войски пошол к реке Богу [Юж. Буг. — *М.Я.*], а с собою взял проводить себя до Богу или до Дуная одного салтана с ордою; ...и нигде за Днепром турских людей никово нет»[21]. По всей видимости, русско-казацкое командование исходило из того, что турецкие войска не будут задерживаться на территории Украины. Не исключено, что оно действовало под впечатлением от событий 1677 г., когда османская армия сняла осаду с Чигирина и спешно двинулась к Южному Бугу практически без остановок. Ввиду наступления осеннего периода длительная дислокация армии Кара Мустафы-паши на территории разоренного Правобережья также казалась маловероятной, тем более что снабжение по Днепру, на которое рассчитывали османы, оказалось невозможным из-за действий запорожцев во главе с И. Серко. Исходя из этого, кн. Г.Г. Ромодановский отвел русскую армию дальше от Днепра, а вскоре после этого ее распустил. Защита Украины оставалась на гетмане И. Самойловиче и Войске Запорожском.

---

[19] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 4.

[20] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 205.

[21] Там же. Л. 244–245.

И. Самойлович, в свою очередь, также думал, что османские войска поспешно отступают от Днепра. В частности, как видно из письма гетмана киевскому воеводе кн. М.А. Голицыну, в распоряжении Самойловича были следующие сведения от посланных им разведывательных отрядов: «...о неприятелском отходе сказывают так,... что неприятели, везир со всеми турскими войски, никуды итти войною замыслу не имея, прямо в свою поганую землю мимо Умани пошли... И хан с ордами уже..., с турками разлучась, в Крым пошол». По мнению гетмана, турок ожидали трудности во время обратного пути и тянуть с возвращением к Дунаю им не имело смысла. В этой связи речь могла идти только о нападении татарских отрядов[22].

В своем «листе» к царю гетман позднее откровенно признавался, что «возвращения... во многолюдстве турских войск не чаял»[23]. Об уверенности гетмана в том, что турки спешат покинуть территорию Правобережья, также свидетельствуют расспросные речи Федора Яковенко, взятого в плен османскими войсками после падения Канева. По его словам, жители Канева беспокоились о возможном наступлении турок на свой город и тревожились, что И. Самойлович не имеет об этом сведений: «...как уступили турки от Днепра ис-под Чигирина, и гетман ис-под Чигирина пошол к Переяславлю, а в Каневе каневские жители учали тревожитца, что идут под Канев турки, а у гетмана о том ведомости подлинной не было». В этой связи Ф. Яковенко был специально направлен в Канев «тамошних жителей обнадежить, что уже турков на Украине нет, пошли в свои земли»[24]. При этом, как отмечалось выше, И. Самойлович допускал, что Каневу грозит опасность от татар. Примечательно, что такой информацией располагали и в самом городе: «...дошла... ведомость ис Канева, что орды немалая часть с Яненченком, шурином Дорошенковым, пришли под Корсунь, а ис-под Корсуня хотели быть под Канев. И по той ведомости... каневские жители... просили меня о помочи»[25]. На этой неверной оценке были основаны дальнейшие действия гетмана по защите Канева.

---

[22] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 265.
[23] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 4.
[24] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 103.
[25] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 115.

Однако стоит отметить, что универсалы, предварительно разосланные Ю. Хмельницким в Канев, также вызвали сильное беспокойство местных жителей. По словам И. Самойловича, еще до подхода неприятелей основная часть населения покинула город: «...перешли из своего города Канева з женами и з детми на сю сторону Днепра», после этого в город вернулся каневский полковник Д. Пушкаренко с частью казаков, «опасаясь, чтоб загоны татарские после выхода людей ис пустого их города, монастырей и церквей не пожгли»[26]. Обороной Канева, таким образом, должен был руководить Д. Пушкаренко, который значился каневским полковником с 1674 г.[27] и последовательно поддерживал И. Самойловича[28].

Для помощи Каневу И. Самойлович направил казаков сердюцкого полка П. Кожуховского[29]. Однако когда 4 сентября к городу подступили «великия собрания татарские», сердюки еще не форсировали Днепр и не вошли в крепость «для доданья пану полковникови каневскому посылку». Так, по словам гетмана, в то время как полк Кожуховского стоял на левом берегу Днепра, «неприятели татаре, прийшовши под Канев, чинят под место налогу»[30]. Сам И. Самойлович связывал медлительность в переправе казаков П. Кожуховского с тем, что, не имея собственных запасов, в Каневе они не смогли бы раздобыть достаточное количество провианта[31]. По приказу гетмана к городу также следовало двигаться для помощи его жителям охочекомонному полковнику И. Новицкому. При этом если подошедшие к крепости крымские отряды будут малочисленны, то ему надлежало оставить в городе одну-две сотни казаков. Если же численность татар оказалась бы значительной, ему следовало перевезти оставшихся жителей Канева на Левобережье, потому что, как писал гетман, он не смо-

---

[26] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 5.

[27] *Заруба В.М.* Адміністративно-територіальний устрій... С. 317.

[28] Стоит отметить, что его заслуги отмечали и в Москве; в частности, ему лично была направлена царская грамота с «милостивым словом» за участие Каневского полка в обороне Чигирина (*Кривошея В.* Генеалогія українського козацтва: Канівський полк. Київ, 2006. С. 110).

[29] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 5.

[30] АЗР. Т. 5. № 115. Стб. 150.

[31] Там же.

жет их быстро защитить: «...город оголочен з людей, хочь бысьмо рады были, не можем их так скоро посилковати»[32].

Кроме того, 4 сентября И. Самойлович писал каневскому полковнику Д. Пушкаренко, снова выражая сомнение в возможности оборонять город ввиду малочисленности казаков: «...для видомого малолюдствия, слабая есть надея обороны вашой»[33]. В этой связи гетман считал, что поскольку часть казаков и каневских жителей уже переправилась на Левобережье, Д. Пушкаренко с оставшимися каневцами также было необходимо перейти на левую сторону Днепра. Причем того, кто будет сопротивляться при переходе на переяславскую сторону, указывалось заставить «для спольной одностайности, силомочью»[34]. Самому же полковнику какое-то время следовало оставаться на берегу реки «для целости людей побереговых»[35].

Однако Д. Пушкаренко остался в Каневе, поскольку в этот же день, 4 сентября, началась осада города, которая длилась, по всей видимости, около двух суток: сначала к городу подступили татарские отряды, и только на следующий день подошли основные османские силы. По словам гетмана, охочий пехотный полк П. Кожуховского, используя благоприятный момент, все-таки переправился через Днепр и сумел войти в город после прихода татарских отрядов: «...полк пехотный, пришод было в город с осталцами каневскими..., и в то время преже орда пришла под Канев, с которою пехота билися день»[36]. Однако на следующий день «внезапу и турские войска с пушками туды ж пришли»[37]. Это, по сведениям польского резидента С. Проского (который, правда, не был очевидцем событий, находясь в обозе с основными османскими войсками), деморализовало защитников Канева. Казаки были готовы обороняться от крымцев, но как только услышали выстрелы и увидели, что турки стали ставить палатки, «одни, особенно старшина, бежали на другую сторону Днепра, другие...

---

[32] АЗР. Т. 5. № 115. Стб. 150.

[33] Там же.

[34] Там же. Стб. 150–151.

[35] Там же.

[36] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 115–116.

[37] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 10. Л. 5.

с детьми, с женами и с пожитками укрылись в монастыре; город сами зажгли»[38].

Далее, по словам С. Проского, османы вошли в город, когда он был уже частично охвачен огнем, и принялись осаждать монастырь. Казаки, укрывшиеся в нем, стойко оборонялись, и за время осады с обеих сторон погибло 500 человек. Но ситуация осложнилась, когда у казаков закончился порох, и хотя турок они «выбивали из монастыря оглоблями и шестами, сражаясь отчаянно днем и ночью», перевес оказался на стороне османов. Ю. Хмельницкий, оценив положение, направил осажденным письмо с требованием сдаться, при этом обещая отпустить их. Защитники, в свою очередь, видя, что обороняться без огнестрельного оружия невозможно, направили к Ю. Хмельницкому несколько человек, требуя от него клятву, что они не будут преданы смерти. Османский ставленник поклялся на кресте, и сразу из монастыря стали выходить казаки, а больше всего — «белых голов»[39] и детей. Однако когда людей собралось много, около трех тысяч человек, на них напали янычары и часть людей побили, других — хватали и связывали[40]. Далее резидент сообщал, что нескольким сотням казаков удалось снова укрыться в монастыре. Османы предприняли попытку штурма, стремясь овладеть «башней» (возможно, речь идет о колокольне), однако казаки «еще с большим рвением давали им отпор». Под вечер турки, потерпев неудачу, зажгли монастырь. При пожаре «тысячу или более человек, особенно жен и самих сердюков, подушил дым и сжег», при этом некоторым удалось выжить: «...оставшиеся, которых было человек двести, вышли из огня и сдались в плен, тогда Хмельницкий их всех разоружил и отослал в Корсунь»[41]. Информация С. Проского о том, что основная часть защитников оборонялась, укрывшись в монастыре, находит подтверждение и в других источниках. По словам П. Гордона, османы в Каневе «перебили всех, кого там застали, кроме человек семидесяти, укрывшихся в церкви; по

---

[38] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 375.

[39] По мнению В. Зарубы, речь идет о женщинах в традиционных головных уборах — намитках. См.: *Заруба В.М.* Українське козацьке військо... С. 320.

[40] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 375.

[41] Ibid.

ходатайству Хмельницкого их пощадили и доставили к нему»[42]. Похожие сведения приводит также летопись Самовидца: «...часть войска турецкого и татар, пошовши з Яненком под Канев, и Канев достали и вирубали людей, и Канев спалили, и монастир, где у церкві мурованой много люду подушили огнем турки, а остаток через присягу здалися Хмелницкому»[43]. Стоит отметить, что благодаря захвату крепости, туркам частично удалось решить продовольственную проблему, поскольку в ней находились съестные запасы[44].

И. Самойлович о произошедших событиях сообщает более лаконично: турки «пехоту сломили, и, вшод в город, людей, которые не могли поспешить к Днепру, посекли, а город сожгли»[45]. Стоит отметить, что гетман в «листе» к московскому царю и в письме к кн. Г.Г. Ромодановскому подчеркивал, что гражданского населения в Каневе почти не осталось: «...на сю сторону попереходили, и едва не пуст город оставили»[46]. Однако какая-то часть населения, как было показано выше, все-таки задержалась в Каневе и погибла. Как установил К.А. Кочегаров, в результате боев за крепость только сердюки потеряли 160 человек[47].

Стоит отметить, что информация С. Проского о трех тысячах жителей, плененных именно в Каневе, не соответствует действительности. Не будучи очевидцем, он, по всей видимости, наблюдал значительное количество взятых в плен людей уже в османском лагере и связал два события. Между тем происхождение такого количества пленных отчасти объясняет молдавский воевода Г. Дука, по словам которого, османам удалось пленить население, укрывавшееся в лесах — «болши трех тысячь мужеска и женска полу»[48].

В итоге после османского взятия Канев оказался полностью разорен. Зимой 1679 г. проезжающим мимо дипломатам, направленным в Стамбул, провожатые говорили, что они не знают, «где

---

[42] *Гордон П.* Дневник... С. 99.

[43] Літопис Самовидця... С. 131.

[44] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 749.

[45] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 116.

[46] Там же.

[47] *Кочегаров К.А.* Потери Войска Запорожского в Чигиринской кампании... С. 352–353.

[48] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 55 об.

был город, так разорено, толко церковь пресвятые Богородицы полна трупу людей»[49].

В задачи Кара Мустафы-паши также входило овладение польскими территориями, которые по условиям Журавенского мирного договора закреплялись за Портой. Великому визирю предстояло добиться вывода польских гарнизонов из Немирова, Кальника, Меджибожа, Лисянки, Жорнищ и других правобережных городов, а также утвердить Ю. Хмельницкого в Немирове. Данная задача была успешно и довольно быстро реализована после падения Канева. В частности, в Баре и Меджибоже были размещены османские войска[50]. По словам Самовидца, после взятия Канева «городи: Черкаси, Мошна, Корсун, Жаботин зостали в послушенстві Хмелницкого в власти турецкой. И того ж часу жолніре уступили с Калника, Немерова, Лінец и з Жорнищ и тое зостало в владзи Хмелницкого, которій ся писал так: “Григорій Гедеон Венжик Хмелницкій, з божой ласки ксіонже рускій и гетман запорозскій”»[51]. Стоит отметить, что турецкая армия не переходила Днестр, пока из Кальника, Бара, Меджибожа и других городов не были выведены польские войска[52]. После этого турки быстрым маршем двинулись к Сороке и Кишиневу, и уже в октябре великий визирь, по словам французского дипломата, вернулся в Эдирне[53].

Осада и потеря Канева свидетельствует о том, что ни гетман И. Самойлович, ни кн. Г.Г. Ромодановский всерьез не рассматривали возможность продолжения боевых действий в этом году со стороны османов. Для русско-казацкого командования потеря Канева была неожиданной. Меры, предпринятые гетманом, оказались достаточными, чтобы отразить нападение крымских татар, но не турок. Однако примечательно, что польский резидент и, видимо, в целом османское командование возлагали вину за это на кн. Г.Г. Ромодановского, который, «зная о многочисленных неприятельских войсках, не укрепил ближайшие крепости, особенно

[49] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 87 об.

[50] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 750.

[51] Літопис Самовидця... С. 131.

[52] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 376; *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 311.

[53] *La Croix F. de.* Guerres des Turcs... P. 232.

Канев, и амуницией не обеспечил; во-вторых, не дал им продовольствия, хотя они просили. Кроме того, сам их уверял, что будут только татарские отряды... Поэтому погибло их более двух тысяч в монастыре от огня»[54]. Вероятно, такую достаточно точную информацию о попытках организации обороны Канева османы получили в ходе расспросов попавших к ним в плен каневцев, и эти сообщения, как представляется, свидетельствуют о недовольстве правобережных жителей действиями русского командования и гетмана И. Самойловича.

Падение Канева сильно деморализовало правобережную старшину. Перед населением правого берега Днепра встал выбор — либо переселение на Левобережье, либо признание власти Ю. Хмельницкого. В этой связи гетману И. Самойловичу было важно понять настроение правобережных жителей после того, как стало ясно, что турки окончательно покинули Поднепровье. Так, в середине сентября он направил на Правобережье полковника И. Новицкого, которому, в частности, указывалось выяснить, «отзываются» ли «люде тамошные до нашой власти з зычливостью»[55]. Ответ на волнующий гетмана вопрос был получен позднее, в октябре 1678 г. Переяславский полковник И. Лысенко писал И. Самойловичу, что по его приказу не удалось переселить жителей правобережных городков, в том числе Черкасс и Мошен, на Левобережье. На данном этапе местные жители еще признавали власть И. Самойловича, однако не хотели переселяться.

По словам И. Лысенко, он с казаками «став под Мошнами, преже сего християнски увещали их, чтоб любовию обошлись и к нашему совету склонились»[56]. Однако ответ правобережных жителей был однозначным, переходить на левый берег они не захотели: «...тотчас с тем к нам отозвались, что мы с вами не желаем битись; толко по вашему приказу на ту сторону не пойдем, хотя бы нам довелось одному с другим умереть, и не пойдем ныне против зимы из своих шалашей»[57]. Проявив настойчивость, левобережные казаки столкнулись с сопротивлением: «...хотели их [жителей Мошен. — *М.Я.*] перегнати, и так на нас с стрелбою люто

---

[54] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 375.

[55] АЗР. Т. 5. № 119. Стб. 152.

[56] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 16 об.

[57] Там же.

кинулись, что тотчас несколко товарыщей убито»[58]. Аналогичный ответ был получен из Черкасс, где действовал также С. Самойлович. Переяславский полковник подчеркивал, что несмотря на то, что черкасцы «во все время нам были желателны, толко как мы послали к ним, чтоб на ту сторону переходити, таким же ответом отозвались: хотя бы нам пришло и умирать, а не пойдем на ту сторону в чюжие углы скитатись, волно, де, вам и с вашими душами»[59]. Столкнувшись с сопротивлением населения, И. Лысенко вернулся на левый берег Днепра (при этом передумав идти под Корсунь, «видя тех людей таково отступство и упорство»), однако перед этим велел в Мошнах сжечь весь хлеб и конские корма[60].

По всей видимости, вмешательство И. Самойловича и левобережной старшины во внутренние дела Правобережья после кампании 1678 г. и падения Канева, их неспособность защитить население этих территорий без его перевоза на левый берег Днепра не могли устроить правобережную старшину и простых казаков, которые в этих условиях начали признавать власть Ю. Хмельницкого и искать соглашения с османами. В итоге в основном только казаки Каневского полка перешли на Левобережье и расселились в Переяславском полку[61]. В свою очередь, И. Самойлович к этому периоду отказался от активной борьбы за Правобережье.

Тем не менее гетман И. Самойлович в конце сентября 1678 г. ставил себе в заслугу защиту левого берега Днепра от крымских набегов после взятия Канева. Известно, что часть крымцев в этот период переправилась на Левобережье. По сведениям С. Проского, татары, не сумевшие нажиться в Каневе, отрядами переправились через Днепр и дошли до местечка Песчаного в нескольких километрах от Днепра, где угнали скот[62]. Эти сведения уточняет пленный турок: «...того ж, де, числа как Канев взяли, татаровя перешли за Днепр на переясловскую сторону, и те, де, татаровя от Переясловля в десяти верстах села и деревни пожгли, и людей всех поймали в полон и пошли вниз по Днепру к местечку Пе-

---

58 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 17.

59 Там же; см. также: АЮЗР. Т. 13. № 158. Стб. 697.

60 АЮЗР. Т. 13. № 158. Стб. 697.

61 *Заруба В.М.* Адміністративно-територіальний устрій... С. 52.

62 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 375.

щаному»[63]. Однако казакам удалось остановить крымцев. Гетман подчеркивал, что, если бы не предпринятые им меры, «они бы... могли перешод на сю сторону, много учинить разоренья, а то... ни малого разоренья не учинили, после каневского разоренья пошли в свою сторону»[64].

И. Самойлович после того, как в начале сентября прибыл в Переяславль, организовал, по сути, систему обороны территории Левобережья. Гетман указал компанейским полковникам И. Новицкому и Я. Павловскому укрепиться около Борисполя и Воронькова, кроме того, в Барышевке находились отряды казаков с гадяцким полковником, а также пехотный полк А. Ребриковского; в Березани и Переяславле «для остерегательства тое стороны»[65] также была сосредоточена пехота. Как видно, гетман пытался защитить территории, расположенные значительно севернее от непосредственного столкновения и, что самое важное, недалеко от Киева. Такое расположение позволяло в дальнейшем быстро перебросить войска к древнерусской столице. В целом своевременно предпринятые действия позволили избежать дальнейшего разорения Левобережья и предотвратить перенос масштабных военных действий на левый берег Днепра. При этом полковникам постоянно следовало проведывать о действиях и дальнейших намерениях османов, И. Новицкий с этой целью сам ходил под Корсунь[66]. Но эти меры были приняты уже после серьезного стратегического просчета — потери Канева.

Крупных военных действий с участием турецких войск после взятия Канева не было: «...неприятелские войска к везиру и к хану крымскому поворотились, пошли они, везир и хан, с войски в свои стороны на Ладыжин и на Сороку»[67]. Похожие сведения приводил взятый османами в плен Ф. Яковенко: «...на третей день по взятии Канева... паша с войски пошли ис-под Канева к везирю в сход»[68]. Действия крымских татар ограничились небольшими рейдами.

---

[63] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 112.
[64] Там же. Л. 116–117.
[65] Там же. Л. 117; см. также: АЗР. Т. 5. № 117. Стб. 151.
[66] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 118.
[67] Там же. Л. 104.
[68] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 104.

Весть о падении Канева сразу распространилась по окрестным левобережным городкам, а также дошла до Киева. О дальнейших планах османов не было известно, однако самым вероятным вариантом развития событий как в Москве, так и в Киеве считали поход турецко-татарской армии на древнерусскую столицу, тем более что поступали сведения о скором намерении османских войск идти к Киеву «для воинского промыслу»[69]. Киевский воевода кн. М.А. Голицын уже 6 сентября в своей отписке на имя царя уведомлял, что велел гарнизону «быть на караулех во всякой осторожности с прибавкою, чтоб неприятелские люди над городом и над... ратными людми изгоном в день и ночь какие порухи не учинили». В то же время он подчеркивал, что в случае осады защищать его будет практически невозможно: «...не токмо что болшого и середнего города держать, и малого города нам... не удержать, потому что город Киев мерою велик, а... ратных людей в Киеве малолюдно. Да и свинцу и фетилю и всяких полковых припасов в... казне мало ж»[70]. Кроме того, после оставления Чигирина русско-казацкой армией в город так и не были направлены дополнительные отряды[71]. Во время подготовки к кампаниям 1677–1678 гг., как было показано выше, основное внимание уделялось снабжению Чигирина, укреплению Киева отводилась второстепенная роль. В этой связи город не был готов к обороне и мог не выдержать внезапную осаду османов.

После такого сообщения в Москве всерьез обеспокоились обороноспособностью Киева и его дальнейшей судьбой. О будущем Киева беспокоился и И. Самойлович, именно он просил царя Федора Алексеевича послать туда на службу П. Гордона. Эта просьба была удовлетворена — уже 19 октября киевский воевода кн. М.А. Голицын получил указ, по которому ему следовало передать в ведение шотландца по прибытии его в Киев все пехотные, драгунские и солдатские полки[72].

В сложившейся ситуации московское правительство наиболее разумным вновь сочло совместное выступление армий кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича к Днепру, чтобы «от наступав-

---

[69] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 297 об.

[70] Там же. Л. 270–272.

[71] Там же. Л. 270–272.

[72] *Гордон П.* Дневник... С. 116.

ших бусурманских ратей Киев уберечь и вспоможение учинить, так же бы и малороссийских городов сею стороны Днепра жителей до розоренья не допустить»[73]. Кроме того, последовали царские указы об укреплении Белгородской черты. На Обояни в конце августа «от приходу воинских людей» указывалось быть окольничему кн. К.О. Щербатову, с ним в сходе предписывалось быть думному дворянину И.П. Лихареву[74]. Однако когда угроза османского наступления спала, кн. К.О. Щербатову следовало выехать в Москву, и в этой связи И.П. Лихарев должен был действовать на Белгородской черте самостоятельно, оставаясь в Белгороде[75].

Изначально воеводе Белгородского разряда по царскому указу следовало «быть к походу во всякой готовости». Ему также было указано организовать всё «по своему разсмотренью и применяясь к настоящим вестям, как бы к делу было к ползе и от неприятеля ко опасению, так ж бы и нашим напрасной волокиты не было»[76]. Здесь стоит отметить, что, несмотря на оставление Чигирина и потерю Канева, кн. Г.Г. Ромодановский все еще продолжал пользоваться доверием царского правительства. 15 сентября к воеводе из Москвы с «милостивым словом» был отправлен стольник С.Е. Алмазов[77].

К середине сентября количество тревожных вестей, присылаемых из малороссийских городов, резко увеличилось. В Москве получили «подлинные вести» о намерении Кара Мустафы-паши двинуть войска на Киев: «...турского салтана везир с войски своими и с тотары, отступя от Чигирина и взяв Канев, не дошед реки Богу [Юж. Буг. — *М.Я.*], остановился в местечке Везенках и идет в Белую Церковь, а из Белой Церкви пойдет под Киев вскоре для воинского промыслу». Кроме того, подчеркивалась активизация крымских татар, которые переправились на левый берег Днепра и «от Переясловля вниз по реке Днепру многие места воюют»[78]. Полученные сведения рисовали перспективу разорения Левобережья и неизбежного столкновения с османами теперь в борьбе за Киев. Поэтому незамедлительно последовал указ о выступле-

[73] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 283.
[74] Там же. Д. 1205. Л. 5, 87.
[75] Там же. Л. 90–91.
[76] Там же. Д. 1157. Л. 282–283.
[77] Там же. Л. 288.
[78] Там же. Л. 303–304; Д. 1205. Л. 101–102.

нии русской армии к Днепру. Кн. Г.Г. Ромодановскому было велено идти «тотчас» из Курска в Сумы с «ратными людми, с конными и с пешими, которые ныне... налицо» и сходиться с гетманом И. Самойловичем. Отпущенным из армии кн. Ромодановского к Москве московским выборным полкам и стрелецким приказам было велено «з дороги поворотитца назад... в полк»[79].

Кроме того, для защиты Киева воеводе Белгородского разряда следовало «наперед» послать к кн. М.А. Голицыну генерала Франца Ульфа, «а с ним Севского и Белгородского полков ближних городов салдат тысячю человек с началными людми, самых добрых и надежных людей, безо всякого мотчанья, тех, которых городов пристойно,... чтоб тем салдатом в Киев притить до приходу воинских людей к Киеву». Также в Киев из Севска было указано направить полковника солдатского строя Я. Ронорта с 5 тыс. комарицких драгунов, «которые в нынешнем Чигиринском походе в полку... не были, а были в домех своих»[80]. Им было необходимо выплатить денежное жалованье — «по два рубли человеку, ис тех деняг, которые были посланы с Москвы в полк... на жалованья розных полков рейтаром»[81]. Предполагалось также, что гетман И. Самойлович пошлет в Киев пять тысяч человек[82]. Такое решение диктовалось прежде всего желанием защитить и удержать Киев, его потеря могла означать утрату не только самого города, но и всей Левобережной Украины.

Однако кн. Г.Г. Ромодановский в сложившейся ситуации медлил. Несмотря на возможные для себя риски, он считал нецелесообразным повторно отправлять войска на Левобережную Украину. Обращение к переписке между воеводой и гетманом показывает, что уже к середине сентября кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович пришли к единому мнению относительно дальнейших действий османов. Его озвучил гетман в своем письме воеводе от 16 сентября: туркам «идти под Киев, как слух проходит, и неудобство есть, и время им уже опоздалось, и воинские запасы, порохи все под Чигириным, как ты сам ведаешь,... огнем попалились, а сверх того и войско мало не болшую половину, там

---

[79] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1157. Л. 305.
[80] Там же. Л. 305–306; Д. 1205. Л. 15–16.
[81] Там же. Д. 1205. Л. 103.
[82] Там же. Л. 19.

же под Чигириным и с нами у Днепра бьючись чрез шесть недель, потеряли, для чего, те речи разсудив здравым разумом, не надобно чаять их приход под Киев»[83]. Поэтому в своем донесении царю кн. Г.Г. Ромодановский прямо указывал, что «подлинных ведомостей» о приходе османов под Киев осенью 1678 года нет. В подтверждение своих слов он приводил сведения И. Самойловича, полученные им уже 19 сентября: «...пошли они, везир и хан, с войски в свои стороны на Ладыжин и на Сороку, и под Киев, де, ныне приход их не чаят»[84].

Кроме того, значительная часть русской армии была уже распущена. Кн. Г.Г. Ромодановский сообщал, что подчиненные ему воеводы, окольничий П.Д. Скуратов и генерал В.А. Змеев, отпущены по домам. В этой связи он предпочел занять выжидательную позицию, поскольку на состоянии армии сказывались тяготы длительных переходов, общая усталость и большой падеж лошадей: «...чтоб... ратным людем збором к походу бес подлинных ведомостей напрасной трудности не учинить и без дела их не изнужить, потому что и в нынешнем... походе они, ратные люди, вконец изнужились и лошадьми опали, а у иных у многих лошади побиты»[85]. В то же время воевода уверял, что часть войск при необходимости готова выступить к Днепру незамедлительно. В города Севского и Белогородского полков были разосланы указы с предписанием «быть к походу готовым»[86]. Также воевода намеревался отправить пятитысячный отряд комарицких драгун, который не был с ним в походе на Чигирин, на оборону Киева и ратных людей во главе с генерал-майором Ф. Ульфом, которому «велели... збиратца тотчас»[87].

Отчасти такое решение, как представляется, было связано с поступающими сведениями о состоянии османской армии после отступления от Чигирина, о которых упоминалось выше. На этот раз кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович оказались правы: после взятия Канева крупных военных действий с участием турецких войск больше не было.

---

[83] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 118–119.
[84] Там же. Л. 104, 118–119.
[85] Там же. Л. 105–106.
[86] Там же. Л. 106–107.
[87] Там же. Л. 107.

Осада Канева стала поворотным моментом в восстановлении османского протектората над Правобережьем. По мнению И. Самойловича, именно после этого события многие присягнули на верность Ю. Хмельницкому[88]. Как отмечает Б.Н. Флоря, в это время в окружении Ю. Хмельницкого упоминаются могилевский, кальницкий, немировский, черкасский полковники. Фактически османский протекторат над Правобережной Украиной был восстановлен[89].

После отхода войск великого визиря с территории Правобережья положение Ю. Хмельницкого существенно изменилось, и теперь отношения с местным населением целиком ложились на его плечи. Известно, что 12 сентября османский ставленник разослал универсалы правобережным полковникам и всем жителям правой стороны Днепра, в которых сообщал о своем решении «на сем краю оставити» наказного гетмана Ивана Яненко Хмельницкого, своего двоюродного племянника, чтобы «охороняти целость здоровья и набытков» жителей Правобережья[90]. Казалось бы, отход османских войск, отсутствие в тот момент стремления бороться за эти земли у Речи Посполитой и одновременно уход с Правобережья русских войск создавали хорошие предпосылки для усиления здесь институтов гетманской власти. Но этого не произошло, и вопрос о причинах представляет значительный интерес. Дело, однако, осложняется тем, что последние годы существования Правобережного гетманства под османской властью довольно мало освещены источниками.

1.1. Положение Ю. Хмельницкого в конце 1678 — начале 1679 г.

Как известно, Ю. Хмельницкий был утвержден в Немирове[91], где расположилась его резиденция. При этом Немиров находил-

---

[88] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 69 об.

[89] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 128.

[90] АЗР. Т. 5. № 118. Стб. 152; *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 310–311.

[91] О Ю. Хмельницком см. также: *Rawita-Gawroński F.* Ostatni Chmelniczenko (zarys monograficzny). 1640–1679. Poznań, 1919; *Кочегаров К.А.* Евстафий Гиновский-Астаматий и османская власть над Правобережной Украиной в 1677–1678 годах // Славяноведение. 2017. № 2. С. 64–84.

ся далеко на западе от Днепра, на Южном Буге. Так, очевидно, устанавливалось непосредственное соседство нового гетманства с Молдавией; кроме того, Немиров был близко к Каменецкому эялету.

О подробностях пребывания Ю. Хмельницкого в Немирове рассказал в расспросных речах Василий Белецкий, служилый человек, ушедший оттуда и перебравшийся в Батурин в конце ноября 1678 г. По его словам, когда Ю. Хмельницкий в районе Лодыжина провожал великого визиря Кара Мустафу-пашу, то «зело просил, дабы его в Немирове не оставливал в малолюдстве, но чтоб людей воинских с надобье для безопаства с ним оставил». Однако великий визирь просьбу отверг: «...сказал..., что трудно; не можем при тебе ныне турского войска с надобье оставить, потому чьто чрез все лето труждаяся на войне, турское войско лошедми и всеми своими доставками опало, и ныне, как сам видишь, долженствуют пеши к домом волочись; також и у орды зело кони нужны»[92]. Интересно сообщение о том, что в случае нападения на территорию, подвластную Хмельницкому, левобережных казаков или поляков ему не стоит рассчитывать на помощь непосредственно самого турецкого султана. Вместо этого ему необходимо было обратиться к Каменец-Подольскому паше: «...посылай и проси себе у него помощи, той тебе, по указу салтанову, помогать будет и выручать войском своим»[93]. Данные свидетельства подтверждаются сведениями И. Самойловича, согласно которым с Ю. Хмельницким для «остерегательства и для добытия отсюду частых ведомостей» были оставлены Кутлуша-мурза с крымскими татарами и Урап-мурза с ногаями, всего около тысячи человек[94]. Кроме того, в распоряжении Хмельницкого было небольшое число турецких янычар. Также визирь заверял Ю. Хмельницкого в том, что он получит дополнительную поддержку из Крыма зимой 1678 г.: «...салтан, которой на заставе в Крыму чрез все лето стоял, к нему в Немиров будет»[95]. Из это-

---

[92] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 159; АЮЗР. Т. 13. № 162. Стб. 707.

[93] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 159–159 об.; АЮЗР. Т. 13. № 162. Стб. 707–708.

[94] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 746–747.

[95] АЮЗР. Т. 13. № 162. Стб. 707–708.

го следует, что территория, отданная Хмельницкому, становилась периферийной зоной, для защиты которой османы были готовы использовать только крымских татар и воинские формирования Каменец-Подольского эялета. Стамбул, судя по всему, не стремился усилить власть своего ставленника, ему не были выделены финансы, он не получил права чеканки монеты[96].

В целом основными задачами Ю. Хмельницкого становились ослабление Левобережья, захват ясыря и получение разведывательных данных.

Хмельницкому следовало собирать информацию о происходящих событиях в регионе и «почасту до Порты посылать»[97]. Однако до конца 1678 г. Ю. Хмельницкий, находясь в Немирове, не имел ни одной «у себя ведомости» из Стамбула и Крыма и «от себя до Порты и в Крым до хана не посылал», только в конце ноября направил в Турцию двух языков[98]. Такая ситуация могла объясняться тем, что первое время он избегал находиться в самом городе и не предпринимал активных действий в районе Поднепровья. Несмотря на наличие в своем распоряжении крымских отрядов, Ю. Хмельницкий больше месяца провел «на поли в шалашах в пяти верстах» от Немирова[99] и только в конце ноября перебрался «с поля под Немиров» и встал «на пустом посаде, которое зоветца Выкидка»[100]. Источники объясняют его отказ останавливаться в городе и посылать туда на стоянку татар тем, что «отнюдь тамошним людем не верит». Более того, тот же С. Матвеев описал положение османского ставленника: «Юраско Хмелницкой, ведая то, что он, Стенка, был у турков в полону, на него смотря, плакал и говарил, что и он, Юраска, такой же неволник», добавляя, что «как Юраско куда поедет и за ним ездят для кораулу татар по тритцати человек, а одного иво никуда не отпускают...»[101].

Ю. Хмельницкому также предлагалось на левом берегу Днепра «лутчих» казаков «под меч пустить, а чернь салтану на катарги

[96] *Кочегаров К.А.* Евстафий Гиновский-Астаматий... С. 77.

[97] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 752.

[98] Там же. Л. 754.

[99] АЮЗР. Т. 13. № 162. Стб. 708.

[100] Там же; см. также: *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 312.

[101] РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 152. Л. 189–190.

выдати, толко б чтоб чернь для подданства осталась»[102]. Кроме того, по словам взятого в плен татарина, визирь предполагал, что часть городков левого берега Днепра перейдет в подданство османского ставленника. Так, Кара Мустафа-паша «отпустил Юраску Хмелниченка в Немиров для того, чтоб людей, к себе збирая, на той стороне Днепра осаживал, на которых бы ему мочно было впредь надеятца, и чая, что к нему и сее стороны Днепра городы будут клонитца»[103]. Для этого Хмельницкий предпринял целый ряд мер, направленных на привлечение казацкого населения. Во-первых, он пытался завлечь «военников», обещая им денежные выплаты[104]. Во-вторых, как упоминалось ранее, на правом берегу Днепра стали активно муссироваться толки, направленные против кн. Г.Г. Ромодановского и его совместной деятельности с гетманом И. Самойловичем, которая привела к падению Чигирина.

Однако такая политика не принесла значительных плодов. С самого начала Ю. Хмельницкий не получил широкой поддержки местного населения, более того, вероятно, он опасался возможного покушения на свою жизнь и не доверял приходившим к нему на службу казакам. Так, по словам встречавшегося с Хмельницким бывшего турецкого пленного С. Матвеева, при нем «пришли кь Юраске ис черных лесов дватцать четыре человека черкас, охочих людей, к нему в службу с ружьем. И он, Юраско, у тех черкас ружье отобрав, их отдал татаром за то, что они ни с кем не бились. А которые выходцы ис полону от турков выходили, и они тех выходцов побивали и грабили»[105]. Как представляется, сподвижники Хмельницкого прежде всего были заинтересованы в разбое и быстром обогащении, а потенциальные сторонники нередко просто грабились. Проблема, возможно, также заключалась и в том, что он не мог препятствовать крымцам, видевшим в людях прежде всего потенциальный полон. Также, вероятно, значительное число казаков Ю. Хмельницкий просто не мог содержать, поскольку, по словам пленных татар, испытывал

---

[102] АЮЗР. Т. 13. № 162. Стб. 710.

[103] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 752; см. также: Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 94.

[104] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 63 об. – 64.

[105] Там же. Оп. 5. Д. 152. Л. 189–190.

проблемы со снабжением и фуражом: в районе Немирова «зело голодно и чрез зиму прокормить нечем»[106]. Одновременно, по данным Н.И. Костомарова, подчиненные Ю. Хмельницкому правобережные жители были обязаны постоянно обеспечивать татар продовольствием[107]. Кроме того, он расправился со своими близкими соратниками — Астаматием[108] и кальницким полковником Вареницей[109], что не должно было способствовать росту его популярности у приходивших к нему на службу казаков, поскольку они в любой момент могли попасть в опалу.

Не поддерживало Ю. Хмельницкого и молдавское население. По словам переяславского жителя, вернувшегося из османского плена, «при нем в Яси... присылал Хмелниченко от себя некоего человека для собрания охочего войска за денги к себе в службу, который, ничем ничего не собрав, поехал назад из Волоской земли к Хмельниченку потому, что на службу к Хмельниченко никакие люди итти не похотели»[110]. Позднее, весной 1679 г., молдавский посланник Я. Белевич, направлявшийся в Москву через владения Ю. Хмельницкого, заявлял, что турки были разочарованы его деятельностью: «...вся беда от него учинилась, и чаяли того, как он им говорил, что казаки, послыша ево в тех странах, все к нему приклонятца, а ныне, де, ничего того нет»; более того, он добавлял, что Хмельницкий «непрестанно пьян и безумен»[111]. Как видно, за несколько месяцев османскому ставленнику не удалось привлечь на свою сторону значительные силы, что, вероятно, повлияло в этот период на интерес Порты к данному региону.

Важные сведения о положении Ю. Хмельницкого и его взаимоотношениях с окружением удается также узнать из донесений русских посланников, направленных в конце декабря 1678 г. в Ос-

---

[106] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 89.

[107] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина. С. 312.

[108] См. об этом подробнее: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 44–46; *Он же.* Евстафий Гиновский-Астаматий... С. 78.

[109] См. об этом подробнее: АЮЗР. Т. 13. № 162. Стб. 709; *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 312.

[110] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 232.

[111] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 175–175 об.

манскую империю. Дипломатам предстояло добраться до границ Османской империи сухопутным путем, параллельно собирая информацию о замыслах и действиях турок. Согласно царскому наказу, В. Даудову следовало ехать на Севск и Батурин, где предстояло встретиться с И. Самойловичем, затем «ехать из Батурина малороссийскими городами в Волоскую землю на те места и городы, которые будет прямо и податнее, а королевского величества польского городов не занимать»[112]. Стоит обратить внимание, что отрезок пути от гетманской ставки до Молдавии не был обозначен подробно: в условиях войны о безопасном передвижении дипломатов, по мысли Москвы, должен был позаботиться гетман И. Самойлович[113]. В то же время русское правительство явно не хотело, чтобы о переговорах стало известно польской стороне, и наиболее безопасным путем, лежавшим через королевские владения, пользоваться не предполагалось.

Миссия В. Даудова прибыла в Батурин 12 января 1679 г.[114] во время нападения Ю. Хмельницкого и крымской орды в Поднепровье: гетман И. Самойлович «говорил, что отпустить ево, Василия, ныне никоторыми делы к Воложской границы невозможно, потому что Ененчанко [Иван Яненко Хмельницкий, двоюродный племянник Ю. Хмельницкого. — *М.Я.*] з Белогороцкою ордою вышел в войну в малороссийские городы, и так в Киевском, яко и в Нежинском полкех селы и деревни, разоря, выжег без остатку, а народу благочестивый христианский Малыя Росии, мужеска и женска полу, в плен и в расхищение с 10 000 взяв, и на ту сторону Днепра до Корсуни послал»[115]. Гетман предложил В. Даудову переждать в Батурине, однако военные действия затягивались. В этой связи 19 января И. Самойлович рекомендовал дипломатам двинуться к Переяславлю, «город от города разведая о неприятелех»[116]. Из Батурина посланники выехали 20 января, прибыв в Переяславль 24-го числа этого же месяца.

В своей челобитной царю от 24 января 1679 г. В. Даудов сообщал, что гетман писал в Переяславль стольнику и воеводе

---

112 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 54.

113 Там же. Л. 54.

114 Там же. Л. 3.

115 Там же. Кн. 19. Л. 5–5 об.

116 Там же. Л. 7.

Л.Р. Неплюеву и переяславскому полковнику Ивану Лысенко, «чтоб они... учинили отпуск в заднепръские городы, как пристойно, с помогательством»[117]. Однако в двадцатых числах января 1679 г. Ю. Хмельницкий и крымское войско во главе с четырьмя крымскими султанами, «с которими множество татар», двинулись к Черкассам[118]; кроме того, военные действия велись и на левом берегу Днепра, в районе Веремеевки, Чигирин-Дубровы и Жовнина[119].

В сложившейся ситуации В. Даудов по совету Л.Р. Неплюева и И. Лысенко направил подьячего Ф. Старкова в Канев, который находился на правом берегу Днепра, несколько южнее территории, где развернулись боевые действия, к каневскому сотнику «о приеме... в Канев и об отпуске к салтану Турскому и о провожатых до Волоские границы говорить»[120]. По словам провожатого Ф. Старкова, Радуна Волошенина, в Каневе «в замочке всего человек со 100. Где Москва была [т.е. где стояли русские войска. — *М.Я.*], там живятца, как кого убьют или украдут. Меж ними есть сотник и наместник»[121]. При этом, как отмечал в своей записке сам Ф. Старков, «сотник каневской говорил, что он бес повеления Юраска Хмелницкого принять не смеет, потому что в Каневе жители живут не для господарства, токмо для разбоев, и чтоб какие порухи над посланным не учинили, и подьячей для пристава и провожатых ехал в Корсунь»[122]. Из приведенных сведений видно, что Ю. Хмельницкий не предполагал быстрого восстановления одного из крупных центров Правобережья; по всей видимости, он должен был стать пунктом, из которого можно будет осуществлять походы на левый берег Днепра для разбоя. Тем не менее находящийся там комендант признавал власть правобережного гетмана.

Взяв провожатых, Ф. Старков принял решение двинуться к Корсуни для личной встречи с Ю. Хмельницким. Одновременно он предостерегал в своей отписке В. Даудова от необдуман-

---

[117] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 63 об.

[118] Літопис Самовидця... С. 132.

[119] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 201.

[120] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 65–66 об.

[121] Там же. Л. 87 об.

[122] Там же. Л. 67–67 об.

ных действий: «...изволь в Переяславле дожидатца, а безвестно из Переяславля до Канева не езди, государь,... татар многие тысячи стоят около Корсуни и Канева и в сих числех рушатца за Днепр»[123]. Также подьячий поделился своими наблюдениями о сложившемся положении в Поднепровье. Татары активно уводили людей в плен: послы «наехали на кош татарской, которой ис Корсуни провадил в Крым пленных людей, которые взяты на сей стороне Днепра в державе великого государя... в Киевском и в ыных полкех — мужеска и женска полу было з 10 000, а татар с Алием-мурзою с 400 человек, болши не было»[124]. Перед этим Старков, «не доезжая Дробонки за полмили, наехал на поле лет от четырех и двух и нижайше младенцов с 50, которых татары, отобравши от сосец матерних, и по дороге побросали, как от ратных его царского величества людей бежали за Днепр с полоном испод Воронкова». Похожую картину описывал Радун Волошенин: «...а по шляху метали людей старых и малых, померзли... а татаровя позади шли, избы и людей пожгли»[125]. Как видно, из-за действий крымских татар, которые составляли основную силу Ю. Хмельницкого, часть населения теряла свободу и становилась их пленниками. Подобные эпизоды показывали жителям Поднепровья, что они оказались в руках завоевателей, а Ю. Хмельницкий, который претендовал на роль их правителя, не способен их защитить.

На пути к Корсуни Ф. Старкову стало известно от проезжавших крымских татар, что Ю. Хмельницкий «с частью татар белогородцких и с войском при себе будучим казацким и волоским, конным и пешим, пошел в войну на сю сторону Днепра [т. е. Левобережье. — *М.Я.*], и Еремеевку, и Жолнин до ига бусурманского привел»[126], и находится в данный момент в Жовнине.

29 января Ф. Старков переправился обратно на левый берег Днепра и приехал в Жовнин; и «провожатые казаки подьячево поставили на улице против избы, где стоял Юраско». Ю. Хмельницкий, однако, не был склонен отнестись к нему как к лицу, обладавшему дипломатическим иммунитетом: «Юраско, на двор

---

123 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 63.

124 Там же. Л. 67 об. – 68.

125 Там же. Л. 88.

126 Там же. Л. 68 об.

вышед, на людей своих закричал: для чево Москву несвязаных привезли, и провожатого казака за то, что, не связав, привез, бил дубиною, а подьячего и волошенина, и казака переяславского связали. А как связывали, и Юраско говорил теми словы: вяжите скурвых сынов, Москву, крепко так, как они крепко держат у себя владения княжства и панства нашего, столичные места княжства нашего: Киев, Чернигов, Переяславль и протчие городы и места даже до Семи реки»[127]. Ф. Старков в ответ укорил его в напрасном развязывании войны, на что «Юраско, выняв саблю из ножен, шурмуя над головою подьячего, говорил теми словы: скурвый сын, москвитин, не слыхал, что от сея сабли под Лодыжиным с Томашенка от шии глава дале сажени летела, где смотри, скурвый сын, кровь на ней и по сей час на страх неприятеля нашего обретается»[128]. Посланников бросили в тюрьму, приставив двух мурз и 30 татар. Проезжую грамоту Ю. Хмельницкий приказал отнять.

Из Жовнина Ф. Старков с проводниками был направлен в кош (полевую ставку) Темирхана-мурзы. Примечателен состоявшийся здесь разговор Ф. Старкова со знатными крымцами, из которого следовало, что Ю. Хмельницкий претендовал на все наследие своего отца, Богдана Хмельницкого. Так, мурза заявлял, что «Магмет-салтан [турецкий султан Мехмед IV. — *М.Я.*], государь их, Юраску Хмелницкого имеет у себя яко сына и учинил ево князем и вождем Войска Запорожского, и дал, де, ему, салтан, войска крымского, сколько он у салтана желал, и сего, де, дня с калгою и с нурадыном, и с Оджан-Гиреем, и с Мамет-Гиреем, и с Салим-Гиреем салтаны под Прошаным Юраска Хмелницкой случитца и пойдет отбирать владение отца своего, гетмана Богдана Хмелницкого, по старой рубеж московской, по реку Семь»[129]. Сложно сказать, действительно ли крымские политики рассчитывали на расширение границ Османской империи до реки Сейм, но несомненно, что они предполагали использовать военные действия на Левобережье в качестве дополнительной возможности вывозить с этой территории население. По сути, Ю. Хмельницкий оказался в зависимом от действий крымских татар положении, не получив от местного населения значительной поддержки.

---

[127] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 69–69 об.

[128] Там же. Л. 69 об.

[129] Там же. Л. 72–72 об.

Интересно, что Ф. Старков наблюдал приезд правобережного гетмана с казацкими войсками в Горошин. По его словам, «за бунчюком ехал Хмельницкой, убран по-турски, а по левую руку ехал Яненчанко, за Юраском ехали старшины ево: есаул, полковники калницкий, немировский, черкаский, за полковниками ехали хорунжие с тремя хоругвями, а хоругви кумячные, красные, кресты белые. За хоругвями ехало казаков немировских, калницких, корсунских, черкаских, также и сее стороны Днепра еремеевских, жолневских, чигирин-дубровских конных в саадаках [набор лучника. — *М.Я.*] и с пищальми, человек с 300»[130]. Обращает на себя внимание, что сообщения Ф. Старкова дают определенную информацию о территории, подвластной Ю. Хмельницкому в этот период. Как видно, под непосредственной властью османского ставленника находились такие правобережные центры, как Немиров, Кальник, Черкассы, Корсунь. При этом не все владения правобережных полков вошли в состав его гетманства. Так, часть территории Кальницкого полка (в частности, Новоконстантинов и др.) остались в Каменецком эялете[131]. В этот период Ю. Хмельницкий еще продолжал требовать от Речи Посполитой сохранившихся за ней по польско-турецкому договору городов: Белой Церкви, Паволочи, Димера и Коростышева[132]. Однако эти усилия были напрасны. Тем не менее в начале 1679 г. на короткий момент (учитывая поддавшиеся Ю. Хмельницкому местечки на левом берегу Днепра) можно говорить о том, что размеры его гетманства, по сути, достигли своего максимума. Такое положение, как покажут дальнейшие события, продержится недолго.

Однако количество сторонников Ю. Хмельницкого было незначительным, и для наблюдателей было очевидно, что он не способен собрать какие-либо крупные военные силы с подвластных ему территорий. Кроме того, было ясно, что Хмельницкий никак не контролировал действия крымцев, которые не воспринимали его как равного крымскому хану правителя подчиненной османам территории. К примеру, задумав использовать взятых татарами пленных для агитации среди жителей Правобережья, он вынужден был выкупать их: «Юраско Хмелницкой выкупил взятых лю-

---

130 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 73–73 об.

131 *Кочегаров К.А.* Евстафий Гиновский-Астаматий... С. 76.

132 Там же.

дей розных городов Киевского и Нежинского полков и послал их перед выездом своим ис Корсуня наперед с прелесными писмами для бунтов против старшин Войска Запорожского полковников и есаулов, и сотников городовых»[133]. Впрочем, авторитет правобережного гетмана был низок, и эти действия не слишком обеспокоили русских представителей.

В Горошине у Ф. Старкова состоялось две аудиенции с Ю. Хмельницким. 2 февраля к подьячему пришел И. Яненко и отвел его к османскому ставленнику, «а как подьячей вошол в ызбу, и Юраска сидел на постели своей, а от калги и от нурадына салтанов на тотчас присланы были Батырша [его, по словам крымских татар, в 1677 г. прислал на бейство в Белогородчину[134]. — *М.Я.*] и Темирьхан-мурзы»[135]. В этом разговоре Ю. Хмельницкий настаивал на приезде В. Даудова с адресованными к турецкому султану грамотами под Полтаву, при этом «посланному, не быв у него, отпустить... ево к салтану невозможно»[136]. Проезжая грамота также оставалась у Хмельницкого до приезда посланника. В сущности, правобережный гетман, рискуя вызвать недовольство султана, настаивал на собственном участии в будущих переговорах, и, видимо, имел в этом некоторую поддержку со стороны крымцев.

Однако еще более значительный интерес представляют сведения, которые приводит Ф. Старков о втором разговоре с Ю. Хмельницким. По словам подьячего, в этот же день приходил к нему татарин Байтемир, «чтоб он, подьячей, с татарином пошол на двор кь Юраске, а как подьячей пришол, и Юраска сидел за столом, а при нем никого не было»[137]. Стоит обратить внимание на то, что за дипломатом гетман посылает татарина, что, как представляется, свидетельствует об отсутствии у него в окружении доверенных людей. Будучи наедине, Ю. Хмельницкий подробно рассказал об османских планах: «...салтан, де, Турской конечно сам особою своею с везирем на пришлую весну под Киев будет, а ему, де, прислан от салтана указ, чтоб сею зимы, случась с калгою салтаном, шол в войну на сю сторону Днепра для отбирания владения

---

133 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 71 об. – 72.

134 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1678. Д. 5. Л. 50.

135 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 74 об.

136 Там же. Л. 75.

137 Там же. Л. 75 об.

отца ево, Юраскова, Богдана Хмельницкого. И в тех городех, которые под иго турского салтана поддадутца, велено ему, Юраске, со всею крымскою и Белогородцкою ордою зимовать до весны, и войск царского величества на посилок х Киеву на отпор войскам турским не допускать. И ежели, де, сея зимы отпор войскам крымским войска царского величества не учинят, тогда, де, тяжело будет войскам царского величества турским войскам отпор чинить. А салтан, де, намерен конечно сее сторону Днепра под иго свое привесть, а которые, де, городы ныне он под владение свое по указу салтанскому привел, и тех городов салтан не уступит, потому что и в законе их бусурманском крепко приказано, буде которые городы будут чрез мечь завоеваны, и тех не уступать»[138]. Этот разговор был прерван появлением И. Яненко, который «сказал Юраску, чтоб он подьячего велел выслать, и Юраска по наученью Яненченка велел подьячему итти на подворье»[139]. Стоит отметить, что Ю. Хмельницкий боялся вести такие разговоры даже при родственнике. Из приведенных сведений также видно, что Хмельницкий, несмотря на прилюдные оскорбительные выпады по отношению к царскому дипломату, при отсутствии свидетелей пошел на контакт. Вероятно, таким образом он пытался подстраховаться на случай победы России, представив себя тайным доброжелателем Москвы. Также примечательно, что османский ставленник, подчеркивая важность обороны Киева русско-казацкими войсками, по сути, призывал к выступлению против турок, а также указывал на необходимость оказать военное сопротивление крымским войскам во время текущей военной кампании.

Кроме того, 3 февраля, перед отъездом из Горошина, Хмельницкий даже дал подьячему рекомендации о ведении летней кампании 1679 г.: «...добро б, де, чтоб войска царского величества сего лета стали в поле под Киевым прежде приходу войск турских, и будет отпор войскам турским за божиею помощию учинят и поля выдержат, тогда, де, турченин рад будет и по Днепр миритца, а не токмо что о сей стороне Днепра старатца»[140]. Сложно сказать, чем все-таки руководствовался Ю. Хмельницкий, давая

---

[138] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 75 об. – 76.

[139] Там же. Л. 76.

[140] Там же. Л. 76 об.

подобные советы вражеской стороне, однако в сложившейся ситуации показателен ответ московского правительства.

После возвращения Ф. Старкова 7 февраля 1679 г. в Переяславль В. Даудов направил подробную отписку в Москву. В ответной царской грамоте от 20 февраля 1679 г. посланникам был направлен указ, по которому им предписывалось, вопреки изначальному наказу, двигаться через города Речи Посполитой — «Белую Церковь и на иные польские городы, на которые пристойно..., не занимая тех мест, где будет богоотступник Юраско Хмельницкой и крымские люди»[141]. В грамоте подчеркивалось, что о действиях Ю. Хмельницкого и его контактах с Ф. Старковым было известно царю, и в Москве было принято решение отказаться от любого взаимодействия с ним. По царскому указу Л.Р. Неплюеву и И. Лысенко следовало отпустить за Днепр прибывших с Ф. Старковым в проводниках татар и казаков, которым надлежало передать Ю. Хмельницкому, что «он, Юраско,... не пропустил и нашу великого государя проезжую грамоту отнял, и чинил тому подьячему бесчестье великое..., и о всем о том салтану Турскому будет ведомо»[142]. Представляется, что в Москве совершенно верно оценили как реальное положение Ю. Хмельницкого, так и его возможные мотивы, и отказались вести с полностью дискредитировавшим себя гетманом какие-либо дела. В марте 1679 г. думный дьяк Ларион Иванов подтвердил крымским гонцам, находящимся в Москве, что царское правительство не желает иметь контакты с Ю. Хмельницким: «...тот Юраско, хотя б тем и службу свою к царскому величеству показал, однако ж царское величество, ведая, что от него на обе стороны ссоры чинятся, и впредь добра не чаят, ту его службу ни во что почесть не указал»[143]. Собственно, в ответ крымцы сразу обозначили положение Хмельницкого: если Москва желает мира, «тот, де, Юраско помешкою тому не будет», добавив при этом, что «ныне, де, те черкасы служат тому, а завтра другому»[144].

Таким образом, к началу 1679 г. Ю. Хмельницкий, не имея реальной значительной поддержки у населения, не обладал собст-

---

[141] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 80 об.

[142] Там же. Л. 81.

[143] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 57 об.

[144] Там же. Л. 57 об. – 58.

венными значительными силами и не мог на равных с крымским ханом выступать как вассальный представитель османской власти, превратившись, как представляется, в зависимого от крымцев номинального правителя Правобережья. Тем не менее это не помешало ему попытаться укрепить свою власть и предпринять военный поход в Поднепровье в начале своего правления.

1.2. Военные действия в Поднепровье в конце осени — зимой 1678–1679 гг.

К началу ноября 1678 г. в Москве стало известно, что, хотя османская армия покинула Украину, значительные татарские силы должны были появиться на Правобережье, действуя совместно с Ю. Хмельницким. Распространившиеся слухи о скором совместном походе не вызывали сомнения у гетмана И. Самойловича: «...неприятелские люди на сю сторону Днепра для войны одноконечно хотят приходить вскоре»[145]. Московское правительство, естественно, было весьма обеспокоено: русская армия к этому времени была распущена. Под угрозой могли оказаться территории Левобережья и даже Юга России. Кроме того, разорение и взятие городков вдоль Днепра угрожали безопасности Киева и организации его дальнейшей обороны.

Полученные сведения снова вынуждали Москву предпринять активные меры по защите населения. Для этого предполагалось наметить организацию войск в будущей военной кампании и укрепить городки в Поднепровье, прежде всего находившийся на левом берегу Днепра Переяславль, увеличив там число ратных людей.

В первую очередь произошли крупные перестановки в рядах военного командования. Была удовлетворена просьба кн. Г.Г. Ромодановского об отзыве его из Курска в Москву и освобождении от должности воеводы Белгородского разряда: «...милости у тебя, великого государя, прошу умилосердися над холопем своим за многие кровавые нужные службишки вели, государь, меня и сынишка моево Мишку с... службы с Украйны переменить и об отпуске ис Курска к Москве свой, великого государя, милостивой

---

[145] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 485–486.

указ учинить»[146] (до прибытия нового воеводы в ноябре-декабре 1678 г. он продолжал исполнять свои обязанности).

Стоит отметить, что сразу после Чигиринской кампании 1678 г. кн. Г.Г. Ромодановский не был в опале — воеводе не раз посылались царские грамоты «с милостивым словом»[147]. Однако неясность итогов кампании 1678 г. и неоднократное появление в этот период в расспросных речах информации о том, что воевода Белгородского разряда проявлял нерешительность при столкновениях с турецкой армией, численность которой при этом представлялась значительно ниже русско-казацких войск[148], вероятно, вызвали разноречие в московском правительстве относительно оценки действий кн. Г.Г. Ромодановского в регионе. Несомненно, при московском дворе существовала партия противников кн. Г.Г. Ромодановского, склонная возложить на него ответственность за все сложности и неудачи тяжелого 1678 г. В частности, их позиция отразилась во фрагменте, по всей видимости, черновика царской грамоты, в которой главной причиной недовольства кн. Г.Г. Ромодановским в этот период называется его нежелание отправлять полки в Поднепровье осенью 1678 г.: «...что он, Григорей, с ратными людми по писму гетмана Ывана Самойловича малоросийских городов к полковником в сход вскоре не пошол, а писал к гадицкому полковнику, бутто ему, за малолюдством ратных людей, итти не с кем. И за то... написано к нему, Григорью, с великою опалою и с осудством»[149].

Одновременно осенью 1678 г., по всей видимости, ухудшились и отношения кн. Г.Г. Ромодановского с И. Самойловичем.

---

[146] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 739–745. См. также: *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 160–161.

[147] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1002. Л. 62–63.

[148] Как было показано выше, османы ошибочно считали, что численность русско-казацкой армии превышала османскую в два раза. Тем не менее данная информация распространилась в турецкой армии и при европейских дворах. Московское правительство, в свою очередь, не имея возможности точно оценить численность османских войск в 1678 г., стало добавлять подобные вопросы при расспросах пленных и перебежчиков. К примеру, некоторые из них заявляли, что «в обозе бояр и воевод и з гетманом ратных конных и пеших людей было болши турецкого обозу гораздо» (см., напр.: Там же. Д. 1205. Л. 68 и след.).

[149] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 1.

Гетман и его окружение остались недовольны результатами кампании 1678 г., особенно после падения Канева, и искали этому причины. Общее мнение гетманской администрации, как представляется, было выражено в середине марта 1679 г. отправленным в Москву в качестве посланника Иваном Мазепой. «Знатный войсковой товарыщ» подчеркивал, что ратные люди участвовали в походе неохотно, многие оставались в обозе, особенно во время столкновений у Днепра после оставления Чигирина. И хотя в расспросных речах об этом прямо не говорится, руководство кн. Ромодановского войсками было представлено, по сути, как неудачное: из сказанного следовало, что ему не удалось согласовать действия подчиненных ему подразделений и организовать их совместное выступление. Оно противопоставлялось действиям И. Самойловича, у которого все казаки участвовали в военных действиях, а он «сам остался только з двором своим и з драгунским полком [А. Гамолтона. — *М.Я.*]»[150].

В то же время прямых обвинений в потере Чигирина кн. Ромодановскому предъявлено не было. Его активная переписка с Москвой в ноябре-декабре 1678 г., связанная с обороной Поднепровья от Ю. Хмельницкого, свидетельствует все-таки о сохранявшемся доверии со стороны властей[151]. В кампании 1679 г. он

[150] «А в прошлую, де, войну з боярином и воеводами и наместником Белогородцким со князем Григорьем Григоревичем Рамодановским с товарыщи великого государя ратных людей было число множественное, а как они были на той стороне Днепра и шли на выручку к Чигирину, и у неприятелей гору имали, и как шли назад ис-под Чигирина отводом, и в отводе великого государя ратных людей на боях зело было мало, толко было салдацкие полки да стрелецкие приказы. И в стрелецких, де, приказех людей к бою было мало ж, человек по триста или малым, чем больши. А достальные, де, стрельцы все были в обозе у телег, да у телег же, де, и множество было людей, только на бой они не выходили. А от рейтар и городовых дворян только крик был великой, а на бои они в отводе не выходили, все были в обозе у возов. А к гетману полковники и головы присылали беспрестанно и просили людей в помочь. И гетман, де, людей своих к ним в помочь посылал, а сам остался только з двором своим и з драгунским полком, которой по указу великого государя в воинских случаях при нем всегда бывает» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 610–611; см. также: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VII. Т. 13. С. 207–208).

[151] См., напр.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 279–282, 303, 648.

не будет принимать участия, однако вернется на Украину в 1680 г. в качестве воеводы Новгородского разрядного полка.

1 ноября боярину Ивану Богдановичу Милославскому указано было быть на воеводстве в Киеве вместо кн. М.А. Голицына[152].

5 ноября был издан царский указ о службе ратных людей и московских чинов, которым предписывалось действовать «против турского салтана с войски и крымского хана с ордами». При этом им было наказано «быть меж себя всем без мест», причем это распоряжение должно было действовать до окончания войны с Османской империей, «покаместа Турская война минетца»[153].

В этот же день было принято решение о назначении воевод по полкам. Для будущей военной кампании впервые формировался Большой полк. Первым воеводой назначался кн. Михаил Алегукович Черкасский[154], вместе с ним было предписано действовать кн. М.Ю. Долгорукову[155], окольничему кн. К.О. Щербатову и думному дворянину и генералу В.А. Змееву[156]. Примечательно, что главным воеводой был назначен боярин, который не имел опыта управления войсками. В этой связи стоит согласиться с П.В. Седовым, что главнокомандующий был утвержден номинально, при этом он был «слишком знатен, чтобы с ним кто-нибудь мог затеять местнический спор»[157]. Однако для обороны южных границ были также задействованы воеводы (наряду с упомянутыми выше В.А. Змеевым и кн. К.О. Щербатовым), чья военная карьера была многие годы тесно связана с пограничьем и которые

---

[152] РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 152. Л. 222.

[153] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1043, 1045.

[154] Кн. М.А. Черкасский являлся сыном кабардинского князя А.С. Черкасского. Известно, что в 1674 г. он был назначен воеводой в Новгород с титулом наместника Ярославского. К началу 1678 г. был пожалован чином «боярин». В 1678 г. на первой неделе Великого поста показан первым из бояр «у действа» и Соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы (РБС. Т. 22: Чаадаев — Швитков / Авт. ст. Н. Тычино. СПб., 1905. С. 217—218).

[155] Кн. М.Ю. Долгоруков являлся сыном князя Ю.А. Долгорукова. В 1670 г. участвовал в подавлении разинского восстания. В 1671 г. был пожалован в бояре. Пользовался благосклонностью нового царя Федора Алексеевича. В 1677 г. был сделан ближним боярином (РБС. Т. 6: Дабелов — Дядьковский / Авт. ст. Е. Лихач. СПб., 1905. С. 552—553).

[156] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1046–1047.

[157] *Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 322.

принимали участие в русско-польской войне 1654–1667 гг.: боярин П.В. Большой Шереметев[158] должен был командовать полками Тульского разряда вместе с окольничим М.С. Пушкиным; кн. И.А. Хованский — Новгородским разрядным полком вместе с окольничим И.С. Хитрово и стольником В.Я. Хитрово; в Белгородский разрядный полк был назначен кн. И.Б. Репнин вместе с окольничим кн. Г.А. Козловским[159].

В этих документах обращают на себя внимание две вещи: впервые[160] с начала 1670-х годов был собран Большой полк; а традиционный указ о службе «без мест» также впервые в этот период сопровождался прямым указанием на время его окончания — «покаместа Турская война минетца». Как представляется, это наглядно показывает, что в Москве противостояние с Османской империей перестало рассматриваться как локальный приграничный конфликт и стало восприниматься как полномасштабная война.

21 ноября последовало новое назначение воевод, согласно которому Тульский разрядный полк в кампании 1679 г. задействован не был. Боярину П.В. Шереметеву указывалось быть с Казанским разрядом вместе с окольничим А.С. Хитрово и стольником Е.А. Пашковым. Воеводой Севского полка назначался окольничий М.С. Пушкин вместе со стольником С.Ф. Толочановым, Белгородского — боярин И.Б. Милославский вместе с окольничим А.И. Чириковым и стольником Г.И. Косаговым. При этом Севский и Белгородский полки подчинялись кн. М.А. Черкасскому — воеводе Большого полка. На место И.Б. Милославского в Киев отправлялся кн. Н.С. Урусов вместе с кн. Д.А. Борятинским и думным дворянином И.П. Лихаревым. Кн. И.Б. Репнин был поставлен воеводой в Астрахань[161]. По царскому указу от 29 ноября думный дворянин и генерал В.А. Змеев был назначен «товарыщем» боярина И.Б. Милославского[162]. Изучение придворной

---

[158] Он, в частности, являлся киевским воеводой в 1666–1669 гг. (см.: *Беляев И.Д.* Поход боярина Петра Васильевича Большого Шереметева в Малороссию... С. 15).

[159] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1046.

[160] Упоминания о том, что Большой полк впервые был сформирован в 1678 г., являются ошибочными.

[161] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1047–1048.

[162] Там же. Стб. 1048–1049.

борьбы, стоящей за этой чередой противоречивших друг другу кадровых решений, не входит в задачи данного исследования. Стоит, однако, отметить, что основной воеводский корпус на южной границе был полностью заменен, и это неизбежно должно было породить задержку с реализацией задуманных оборонительных мер.

Эти меры, естественно, были прежде всего связаны с организацией обороны Левобережья и укреплением Переяславля.

В начале ноября был издан царский указ, согласно которому в Переяславль следовало направить 2 тыс. рейтар из Севского и Белгородского полков[163]. Сделать это было необходимо оперативно, «покаместа Днепр не стал»[164]. Как и ранее, желая избежать напряжения между местными жителями и русскими войсками, ратным людям, направлявшимся в Переяславль, указывалось, чтобы они «черкаских городов всяких чинов жителем обид и налог, и насильства никакова не чинили, и конных кормов и съесных товаров даром ни у кого не имали отнюдь, никоторыми делы»[165].

Действовать в Переяславле предписывалось стольнику Л.Р. Неплюеву, прежнему воеводе И. Головину с севскими драгунами и стрельцами (всего ок. 1,3 тыс. чел.) следовало быть с ним «в товарыщих»[166]. Также с ним указывалось быть двум рейтарским полкам: неназванного белгородского полуполковника полка генерал-майора Ф. Вульфа и полковника М. Гопта[167]. При этом начальным людям «для нынешние скорые посылки» предписывалось сразу раздать жалованье из «доходов Белогородцкого полку городов, которая денежная казна налицо есть в Курску и в Белегороде». Рейтарам надлежало выплатить по три рубля человеку из Денежной казны (шесть тысяч рублей), которая только должна была отправиться из Москвы, «а те денги взять ис приказов: ис Помесного, из Розбойного, из Ямского, из Патриаршего приказу»[168]. Стоит отметить, что такая спешная отправка войск могла вызвать недовольство среди ратных людей, и в Москве пытались этого избежать. Войскам было сказано, что в Переяславле

[163] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 403.
[164] Там же. Л. 404.
[165] Там же. Л. 411.
[166] РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 152. Л. 222.
[167] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 484.
[168] Там же. Л. 521–522.

«быти им навремя, покаместа вести минуюца», при этом в случае очередного похода к Днепру весной 1679 г. им были обещаны определенные льготы[169]. Кроме того, в черновике царской грамоты сохранилось предписание воеводе, согласно которому, ратным людям следовало донести, чтобы они «нынешние посылки во оскорбление себе не поставили, потому что нынешняя посылка учинилась им вскоре по вестям»[170].

Сложившееся в регионе положение вызывало сильное беспокойство московского правительства. Связано это было, с одной стороны, с необходимостью снова направлять на службу ратных людей, которые только недавно вернулись из изнурительного похода. Приведенные меры свидетельствуют о том, что в Москве были готовы идти на определенные послабления, чтобы снизить напряжение. С другой стороны, правительство стало получать тревожные вести от гетмана И. Самойловича, по словам которого, среди малороссийских жителей стали появляться недовольные политикой русского правительства: «...многие, де, неразумные малоросийских городов жители говорят, что их... [царь] хочет покинуть, и бутто для того... ратных людей по се время в Киев и в Переяславль не прислано»[171]. Однако не исключено, что таким образом гетман оказывал давление на Москву для продолжения военных действий. Ситуация осложнялась распространявшимися с правого берега Днепра слухами о предательстве кн. Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича и их намеренном сговоре с турками, о чем говорилось выше. Как представляется, существовала опасность очередной измены части казаков.

Образцовые царские грамоты с милостивым словом и подарки были направлены старшине и 16 казацким полковникам[172]. В Москве подчеркивали, что действия посланных к Чигирину

---

[169] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 523.

[170] Там же. Л. 529.

[171] РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 152. Л. 156.

[172] А именно: киевскому К. Солонине, черниговскому В. Борковскому, переяславскому И. Лысенко, полтавскому П. Левенцу, миргородскому П. Апостолу, лубенскому М. Ильяшенко, стародубскому Г. Карповичу, прилуцкому Ф. Молчану, гадяцкому М. Васильевичу, нежинскому Я. Жураховскому, а также охочекомонным — И. Новицкому, Я. Павловскому, В. Иванее; пехотным — Г. Васильевичу, П. Кожуховскому, А. Ребриковскому (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 79 об. – 80).

русско-казацких войск были направлены не только на защиту крепости, но и всего населения Поднепровья: турки «по своему бусурманскому намерению не токмо город Чигирин и в нем... ратных людей и Войска Запорожского казаков взять мыслили, но и все поселение малоросийских жителей, на той стороне Днепра пребывающих, с церквами божиими разорить и православное християнство пленом похитить хотели»[173]. Русское правительство не отказывалось от дальнейшей поддержки и защиты жителей Поднепровья, и скорая отправка ратных людей к Днепру об этом свидетельствовала — известно, что уже 16 ноября Л.Р. Неплюев выдвинулся к Днепру.

Но одновременно недовольство возрастало и в среде командного состава русской армии. Переход части правобережного населения в подданство Ю. Хмельницкого снова привел к появлению разговоров об «изменниках черкасах», и, вероятно, часть командующих ставила под сомнение необходимость защищать Поднепровье. Наиболее показательный случай произошел в феврале 1679 г. после ссоры в Болхове посланника И. Самойловича со стольником И.У. Хрущовым, который «говорил непристойные и досадительные слова,... будто... гетмана убили, а они [казаки], де, все ездят к Москве... мутить да соболи обирать»[174]. Об этом стало известно И. Самойловичу от вернувшегося в Батурин И. Мазепы. По словам последнего, сказал об этом он намеренно, поскольку считал, что «гетман от руских людей всяких непристойных и досадителных слов наслышался»[175]. Более того, И. Самойлович заявлял, что это не было единичным случаем — «толко, де, ему, гетману, вельми досадно на путивлского воеводу [Ф. Хрущова, родственника И.У. Хрущова. — *М.Я.*]», что тот называл жителей малороссийских городов «ворами и изменниками, и иные многие непотребные слова тот воевода говорил»[176].

Русское правительство не оставило данный эпизод без внимания и отреагировало жестко. По царскому указу И. Хрущов был отправлен к гетману в Батурин под караулом, при этом царь приказал стольника «за лживые слова» при гетмане бить кнутом,

---

[173] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 76–76 об.

[174] Там же. Л. 490 об.

[175] Там же.

[176] Там же. Л. 491.

«чтоб, смотря, впредь... в великоросийских городех так чинить не дерзали»[177]. В Москве не скрывали, что это наказание было показательным, и рассчитывали, что подобных выступлений больше не будет. По всей видимости, нужное впечатление было произведено, и открытого недовольства среди ратных людей не вспыхнуло.

Как видно, в этот период положение в регионе было неспокойным. Москве приходилось одновременно решать несколько разных задач, причем защите левого берега Днепра и организации его обороны придавалось первостепенное значение. После падения Канева защита Левобережья была возложена не только на гетмана И. Самойловича. В Москве понимали, что уберечь эти территории можно только при отправке туда значительных русских сил и взаимодействии с казаками.

Осенью 1678 г. гетман И. Самойлович продолжал активно собирать информацию о предстоящем походе крымцев и Белгородской орды. Узнав о назначении Л.Р. Неплюева, он просил его поторопиться с выступлением: «...время походу свободное нынешнее замедлишь, то и намерение будет всуе». Гетман связывал такую спешку с поступающими к нему вестями, согласно которым наступление должно было начаться раньше срока: «...есть подлинная ведомость, что не токмо по зимнему пути неприятелские татарские выходы в свободном проходе будут дурна чинить, но уже у сего времени два салтана ис Крыму вышед, во все места под городы приходу нашего Полтавского полку присылали, а за ними и сам хан быти хочет»[178]. Однако уже в середине ноября он сообщал в Москву, что два крымских султана посылали только небольшой татарский отряд к Днепру для «взятья языков»[179]. Обращает на себя внимание, что татары пришли непосредственно из Крыма, а не были отправлены Ю. Хмельницким с правого берега Днепра: «...присылали их два салтана крымские, которые ис Крыму с ордами... вышед, имеют злой свой замысл... под городы ваши государские украинные и малоросийские для помеш-

---

[177] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 492 об.

[178] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 665.

[179] Там же. Л. 831.

ки христианского мира и для корысти своей ударить»[180]. Таким образом, крымцы не только были основными участниками этого похода, но и его непосредственными руководителями. Порта также была заинтересована в успехе этой военной кампании, которая могла изолировать Киев и помешать его снабжению. По данным кошевого атамана И. Серко, от Мехмеда IV к хану прибыл чауш, чтобы «хан со всеми ордами выходил ис Крыму к Хмельниченку для того, дабы чрез всю зиму со Хмельниченком исправляли... свой промысл»[181]. Однако Мурад-Гирей в этой кампании лично не участвовал, и сведения о том, что «сам хан сюды ж войною готовился и ис Крыму вышел», впоследствии не подтвердились[182].

Вести о готовившемся походе также приходили и с Крымского полуострова от пленного боярина Б.А. Шереметьева: в декабре «калга Тохтамыш-Гирей и нурадын Саха-Гирей [имеется в виду Саадет-Гирей. — *М.Я.*] салтан пошли ис Крыму с крымскими ратими... в поход за Днепр, а перешед Днепр, сходитца им, калге и нурадыну, с салтаном з Белогороцкою ордою и итить им войною»[183]. Как видно, речь шла уже не о хаотичных татарских набегах, а о крупномасштабном походе многочисленной татарской конницы во главе с первыми сановниками Крымского ханства, а также с вассальным образованием — с Белгородской ордой. К этому походу крымцы обстоятельно готовились и собирали сведения о русско-казацких войсках, чтобы убедиться в том, что «государевы ратные люди и Войска Запорожского казаки все разпущены по домом и в зборе их нигде нет»[184].

Одновременно сторонники Ю. Хмельницкого также проявляли активность. Известно, что в середине ноября двоюродный брат Хмельницкого, И. Яненко, отправился из Корсуни в окрестности Киева — под местечки Стайки и Ржищев, жители которых сразу поддались и «местечки здали». Однако не все правобережное население было готово признать власть Хмельницкого. Так, трепольский сотник «с казаками и со всеми треполскими жители

---

180 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 715.
181 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 132 об.
182 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 715.
183 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679. Д. 12. Л. 24–25.
184 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 98.

з женами и детми побежали за реку Днепр на переяславскую сторону, а иные к Белой Церкви»[185].

Для усиления защиты Поднепровья гетман И. Самойлович просил кн. Г.Г. Ромодановского (еще до его отъезда из Курска) незамедлительно направить казаков Сумского и Ахтырского полков на зиму в малороссийские города: Сумский — в Чигирин-Дуброву (300 чел.), Ахтырский — в Жовнин (200 чел.)[186]. Сам И. Самойлович «для береженья малоросийских поднепрских городов и постраху неприятелского» также направил в городки казачьи отряды[187]. Он велел занять Ирклеев, Крапивну, Золотоношу[188]. В целом, получая постоянные сведения о планах крымцев и Ю. Хмельницкого, Москва и русско-казацкое командование не без сложностей смогли организовать оборону левого берега Днепра.

Известия о совместном выступлении Ю. Хмельницкого и крымцев оказались верны. Более того, И. Самойлович в целом правильно угадал направление похода османского ставленника.

В конце декабря Ю. Хмельницкий разослал универсалы левобережным жителям с требованием покориться ему во избежание разорений[189]. Примечательно, что в своих «листах» он продолжал именоваться как «князь Сарматцкий и Малыя Росии Украины и всего Войска Запорожского»[190], хотя османские власти в ноябре 1679 г. по требованию польской стороны запретили ему использовать этот титул[191]. По всей видимости, этим он стремился показать населению Поднепровья, что притязает на все наследие своего отца, Богдана Хмельницкого.

10 января состоялся первый набег совместных сил Ю. Хмельницкого и крымцев: отряды наказного гетмана Ю. Хмельницкого И.П. Яненко и двух мурз Белгородской орды перешли Днепр возле местечка Стайки и дошли почти до Нежина — под Козелец и

---

[185] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 659–660.

[186] Там же. Л. 748.

[187] Там же.

[188] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 313.

[189] Там же. С. 312–313.

[190] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 11 об.

[191] *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim... S. 96; *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 42.

Носовку[192]. По словам Самовидца, «орди немаліе з Яненком вийшли... под Козелец и там великую шкоду у людей учинили коло Дніпра, аж по Носовку, многіе села повибирали»[193]. Этот набег был отбит.

На фоне нарастающего напряжения И. Самойлович принял решение выслать сельских жителей в города, чтобы «никакова человека по селам не сталось»[194]. Таким приказом он, как представляется, старался минимизировать возможные потери среди местных жителей и препятствовать их захвату. Кроме того, казацким полковникам указывалось со своим нарядом быть в боевой готовности.

18 января было получено письмо от нового воеводы Белгородского разряда И.Б. Милославского, «что воинские люди татаровя болшим собранием стоят в степи на реках на Самаре и... хотят приходить на... украинные городы войною вскоре». В этой связи в тот же день из Москвы были направлены указные статьи воеводе на случай крымского вторжения зимой-весной 1679 г. Во-первых, несмотря на то, что в 1678 г. ратные люди уже призывались на долгую и тяжелую службу, в Курске снова следовало осуществить сбор войск. На Украине совместно с казаками гетмана И. Самойловича предполагалось участие генерал-майора Г. Косагова, при этом в том случае, если «буде по вестям понадобитца, что из Сум генералу-маеору Григорью Косагову итти к гетману», боярину И.Б. Милославскому следовало, отправив Г. Косагова к Днепру, самому с Белгородским и Севским полками двинуться в Сумы[195]. Кроме того, харьковскому полковнику Григорию Донцу следовало действовать «за чертою», чтобы не допустить неожиданного прихода неприятелей. Как видно, в Москве считали угрозу весьма серьезной и даже предполагали развертывание значительных сил на Украине.

Основной поход крымских сил во главе с первыми сановниками Крымского ханства, с нуреддином и калгой, «с которими множество татар»[196], и Ю. Хмельницкого начался с двадцатых чи-

[192] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 313; *Заруба В.М.* Українське козацьке військо... С. 323–324.

[193] Літопис Самовидця... С. 131–132.

[194] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 312 об.

[195] Там же. Л. 266.

[196] Літопис Самовидця... С. 132.

сел января 1679 г. По оценкам взятых в плен крымских татар, общая численность крымских войск могла составлять 10–15 тыс. человек[197]. Крымские татары рассчитывали, что Ю. Хмельницкому «станут многие городы здаватца»[198].

Войско двинулось к Черкассам, а после переправы на левый берег Днепра, по всей видимости, разделилось. Часть войска вместе с Ю. Хмельницким атаковала городки Лубенского полка, расположенные на берегу Днепра. По словам жовнинского сотника, «конечно орды силные с Юраском Хмелницким около Еремеевки [совр. Веремиевка. — *М.Я.*], Чигирин-Дубровы и Жовнина стоят», при этом 21 и 22 января Ю. Хмельницкий с крымцами «к Веремеевки приступали, и промысл, де, чинят беспрестанно»[199]. Таким образом, одним из первых городков, которым они овладели, стала Веремиевка. В ней не было казацких отрядов, население было не в силах обороняться и сдалось[200]. Согласно данным переяславского воеводы Л.Р. Неплюева, после взятия Веремиевки Ю. Хмельницкий «для прелшения и страха» местного населения одевал татар и в турецкое платье[201]. Затем последовала сдача Городищ, Чигирин-Дубровы, Жовнина, Горошина. Стоит отметить, что Ю. Хмельницкому сдались около 3 тыс. человек, которых он приказал поселить на правом берегу Днепра, в городке бывшего Чигиринского полка — Жаботине[202]. В это время Ю. Хмельницкий также стремился перевезти фураж и продовольственные запасы за Днепр: «...сена и хлебные запасы возят за Днепр в Черкасы»[203]. И. Самойлович обращает внимание, что Веремиевка, Чигирин-Дуброва и Жовнин были выбраны не случайно, поскольку в них проживала «большая часть людей чигиринских и уезду Чигиринского»[204]. Из этого следует, что османский став-

---

[197] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 377 об., 383.

[198] Там же. Л. 378 об.

[199] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 201.

[200] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 314.

[201] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 350.

[202] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 314–315.

[203] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 5–6.

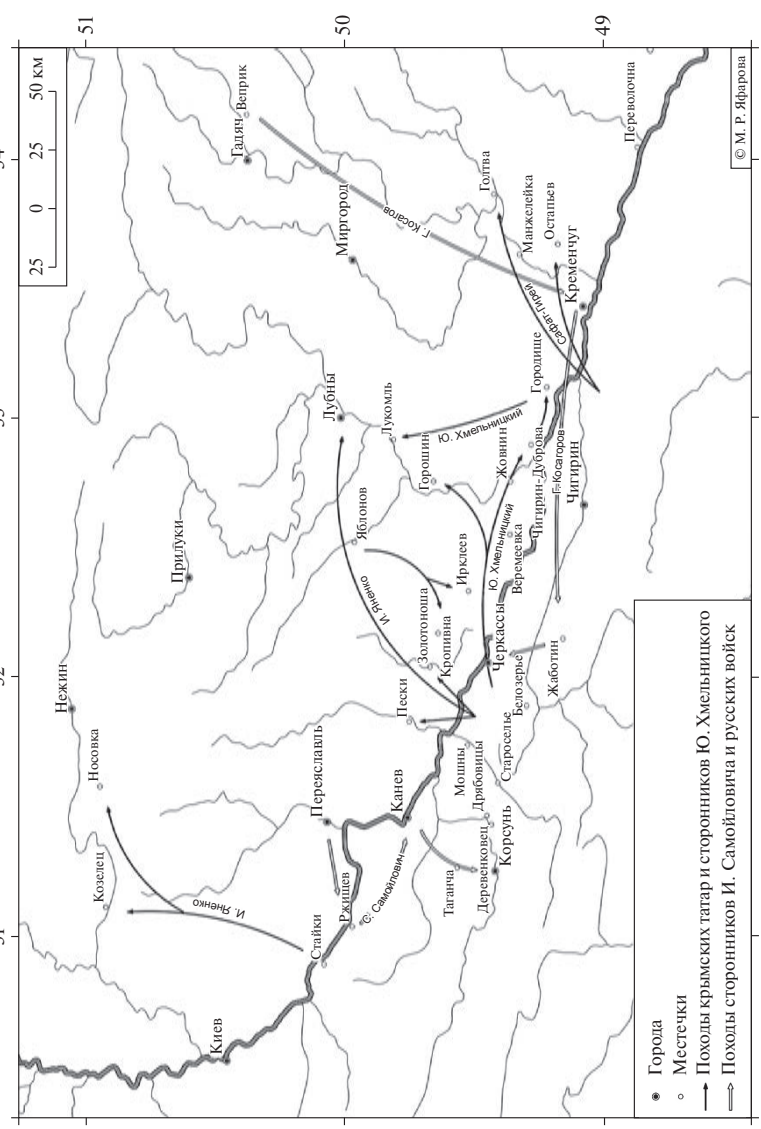
[204] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 383; см. также: *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 314.

ленник пытался найти себе сторонников в первую очередь среди бывших правобережных жителей. Часть старшины, по всей видимости, также его поддержала. В частности, известно о том, что к нему присоединилась старшина Чигирин-Дубровы и Жовнина[205]. Из-под Жовнина Ю. Хмельницкий также разослал универсалы по многим городам и местечкам, требуя от жителей Левобережья сдаваться и переселяться на правый берег Днепра[206]. Стоит отметить, что во всех взятых городках Ю. Хмельницкий оставлял небольшие татарские отряды «для прокормления»[207].

В это же время И. Яненко с другой частью крымских войск действовал севернее и опустошил городки Переяславского и Лубенского полков, в частности Золотоношу, Пески, Яблонев. По словам лубенского полковника, когда Яненко находился под Яблоневым, «и яблоновских было жителей прелстил и многих орде отдал, а остаточные, де, жители заперлись в малом городке и с теми неприятелскими людми бились». После этого часть крымцев, получив добычу, повернули в сторону Днепра: «...салтаны с ордою, отступя от Яблонова, пошли к Ирклееве долине и к Крапивной»[208]. В условиях, когда основную военную силу Ю. Хмельницкого составляли татары, часть покорившегося ему населения теряла свободу и становилась их пленниками. Неудивительно, что даже в захваченных городках Хмельницкий и его сторонники сталкивались с сопротивлением жителей. Затем И. Яненко направился в сторону Лубен, где с казацкими отрядами укрепились лубенский полковник М. Ильяшенко и компанейский полковник И. Новицкий.

Основная масса крымцев, видимо, действовала отдельно. Известно, что отряды с тремя «салтаны», судя по расспросным речам пленных татар, встали кошем (лагерем) у неназванного городка на левом берегу Днепра, а вели «их татарские вожи..., а казаков с ними ни единово не было»[209]. После этого они разделились на небольшие отряды по 50 человек и совершали набеги: «...для добычи бегали... на хуторы»[210]. Как представляется,

[205] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 389 об.
[206] Там же. Л. 375–376; АИ. Т. 5. № 123. Стб. 156.
[207] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 389–389 об.
[208] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 6.
[209] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 378.
[210] Там же. Л. 378.



Военные действия в Поднепровье зимой 1678–1679 гг.

данное обстоятельство свидетельствует о том, что Крымское ханство при организации этого похода исходило прежде всего из собственных интересов.

В это же время к Днепру двигались и русско-казацкие войска. Из отписки царю Г. Косагова следует, что генерал-майор выдвинулся из Сум к малороссийским городам 3 февраля и, соединившись с гадяцким полковником В. Васильевым и охочекомонным Павловским 4 февраля в районе местечка Веприк на р. Псёл, направился к Кременчугу. Основная задача объединенных войск заключалась в том, чтобы над «воинскими людми» «промысл и поиск учинить и до болшие войны их не допустить»[211]. Кроме того, теперь Москва была готова привлечь для этой кампании еще более крупные силы: указы о необходимости действовать «по обсылкам» с И. Самойловичем получили киевский воевода кн. Н.С. Урусов, находящийся в Путивле окольничий кн. Г.А. Козловский и боярин И.Б. Милославский[212]. Сам И. Самойлович с Нежинским, Черниговским, Стародубским и «охочими» пехотными полками находился в Батурине «во всякой воинской готовости», наблюдая за действиями противника[213].

После предпринятых действий у Днепра Ю. Хмельницкий направился вверх по р. Суле к местечку Лукомль. По всей видимости, его присутствие в регионе повлекло за собой определенные колебания местных жителей: некоторые «малоумные люди учали было приставать к шатостному склонению на прелесть Хмелниченкову»[214]. Однако в сложившихся обстоятельствах старшина привела население Лубен и Лукомли к присяге, избежав его перехода на сторону османского ставленника. Лукомль, таким образом, не удалось «прельстить», началась его безуспешная осада, которая продлилась три дня: «...из города промысл чинили, и многих неприятелских людей побивали»[215]. В это же время к Лубнам подошел И. Яненко с крымскими «салтанами» и попытался осадить город. Согласно расспросным речам гетманского гонца Семена Стеблянки, находившиеся в Лубнах полковники

---

211 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 2.

212 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 382–382 об.

213 Там же. Л. 384.

214 Там же. Л. 390.

215 Там же. Л. 390 об.

М. Ильяшенко и И. Новицкий решили пойти на хитрость. Желая «учинить какой промысл» над сподвижником Ю. Хмельницкого, они велели его «призывать», а сами «из города выходили с хлебом и солью, и Яненченко, де, к ним приходил же». После этого началась стрельба, по Яненко стреляли из пищали, однако «на нем, де, был пансырь..., и от тое стрельбы над ним желания не получили»[216]. Как видно, в этот период крупных столкновений не произошло, осада Лубен не была организована, однако по населенным пунктам Лубенского полка «кочевали» многие крымские «подъезды», против которых действовали казацкие отряды.

Не добившись каких-либо результатов, Ю. Хмельницкий 4 февраля двинулся обратно к Днепру, к местечку Горошину. Компанейский полковник И. Новицкий объяснял такое решение погодными условиями — выпали «великие снега»[217]. И. Самойлович, однако, считал, что это было связано с подходом русско-казацких войск[218].

Первым подошел к Днепру 10 февраля полтавский полковник П. Левенец[219]. В этот период, судя по его данным, Ю. Хмельницкий снова укрепился в Веремиевке, однако находившиеся с ним силы были не столь значительны: «...при нем же черемисов [татар-липок. — *М.Я.*] — сотня, да прежние орды пятьсот человек, да вновь пришло с Батыршею-мурзою две тысячи человек...»[220]. Кроме того, постепенно к Днепру приближались и русско-казацкие силы под командованием Г. Косагова. Узнав, что войска проходят близ Миргорода, Ю. Хмельницкий с татарами, по словам И. Самойловича, «хотели уходить за Днепр». Но сначала османский ставленник и приставленный к нему крымский военачальник Батырша-мурза решили «сей стороны Днепра из городков всех жителей на ту сторону Днепра перевесть», для чего снова были направлены под приднепровские городки Лубенского полка 2 тыс. татар, поскольку не все жители захотели переходить на Правобережье и оказывали сопротивление[221]. Этим планам не

---

216 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 391.

217 Там же. Л. 399 об.

218 Там же. Л. 2 об.

219 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 5.

220 Там же.

221 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 11.

суждено было осуществиться, поскольку П. Левенец разгромил татарский отряд[222]. Ю. Хмельницкий отступил за Днепр. Отряд Яненко был разбит казаками Лубенского полка, его уцелевшие части, перейдя на правый берег Днепра, отошли в Корсунь[223].

Однако на этом военные действия в Поднепровье не закончились. Часть крымских войск, участвовавших в походе с Ю. Хмельницким, перейдя на правый берег, разошлась. Калга с утомленными лошадьми вернулся в Крым. Об этом становится известно из расспросных речей взятого в плен мурзы Адиля Темирбекова: «...калга, де, салтан... отпустил Хмелниченко в Немиров з Батыршею-мурзою да с ним орды триста человек, а сам, перебрав орды, пошол на Великий Ингул в Крым». Другая часть татар, около 5 тыс. человек во главе с нуреддином Саадет-Гиреем, в середине февраля ударила по городкам Лубенского и Миргородского полков: «...нурадын салтан с татарскими пятью тысячи с лутчими людми и на добрых лошедях перешли было на сю сторону Днепра меж городков Кременчюка и Чигирин-Дубровы и били под Голтву и Остапьев»[224]. Это был обычный крымский набег, целью которого являлся грабеж и поимка ясыря, поскольку речь уже не шла о необходимости «прельщать» левобережное население и перевозить его на правый берег Днепра в качестве подданных Ю. Хмельницкого.

Во время этого крымского набега войска Г. Косагова пошли к Кременчугу[225]. 17 февраля ему удалось настигнуть войска нуреддина севернее, «у местечка Манжелейкою» на р. Псёл, где произошел «с ними бой болшой»[226]. Г. Косагов и казацкие полковники обратили крымцев в бегство: «...кумпанию тех неприятелских людей гнали и побивали на полтретьи версты, и многих мурз и знатных татар побили, и знамя калги салтана аги первого взяли, и знаменщика убили, и неволников у тех татар отбили болши двух-

---

222 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 4–4 об.

223 *Заруба В.М.* Українське козацьке військо... С. 324.

224 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 53.

225 Стоит отметить, что позднее московское правительство и, видимо, И. Самойлович были недовольны тем, что Г. Косагов медлил и «не поспешил» на помощь казацким полковникам (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 6 об. – 7).

226 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 53.

сот человек, и на свой шлях их, неприятелских людей, итти не пустили»[227]. По другим данным, войскам удалось захватить знамя самого нуреддина[228]. После этого сражения крымцы отступили к Днепру и переправились на правый берег между местечками Келебердой и Переволочной. Однако Г. Косагов, соединившись еще с полтавским полковником П. Левенцом, тоже переправился на Правобережье, где русско-казацкие войска преследовали крымцев до р. Малый Ингул. Чтобы замедлить перемещение крымских татар был сначала отправлен охочекомонный полк Павловского, но «орда, не дав бою, побежали и полон секли, и лошеди и животину метали»[229]. Однако из-за сложности перемещения с артиллерией русско-казацкие войска отказались от дальнейшего преследования и повернули к Днепру[230]. По словам посланников, побывавших в Крыму позднее, потери крымцев были значительны, «многие... побиты и переранены, и в полон пойманы, и у многих отбиты лошади»[231]. За эту победу всем участникам боя было сказано царское милостивое слово и дано государево жалованье[232]. Войска под командованием Г. Косагова вернулись на левый берег Днепра в Кременчуг.

В целом эта зимняя кампания показала, что Ю. Хмельницкий не стремился закрепиться на Левобережье, но в то же время его цели не ограничивались грабежом и запугиванием левобережных жителей. Ему было необходимо привлечь на обезлюдевший правый берег Днепра достаточное количество населения; реализовать это он мог, применяя в том числе и силу. Как упоминалось выше, не все жители Поднепровья были готовы признать власть Ю. Хмельницкого и османов и переселиться или вернуться на правый берег Днепра. Имела значение, вероятно, всесторонняя зависимость османского ставленника. В целом эти события охватили сравнительно небольшую часть Левобережья напротив Черкасс. Люди были нужны и крымцам, союзникам Ю. Хмельницкого, в качестве полоняников. Однако, несмотря на то что эти

---

227 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 53–54.
228 Там же. Л. 205.
229 Там же. Л. 54.
230 Там же. Л. 55.
231 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 108 об. – 109.
232 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 5.

события разворачивались после завершения тяжелой и кровопролитной летней кампании 1678 г., московскому правительству и гетману И. Самойловичу удалось достаточно быстро собрать силы и отразить вторжение. Важную роль в этом сыграло и сопротивление части местных жителей.

Сложившаяся ситуация вынуждала гетмана И. Самойловича предпринять соответствующие меры, а именно лишить Ю. Хмельницкого возможности набирать войска и рабочую силу с подвластных ему территорий путем переселения их жителей на левый берег Днепра. Стоит отметить, что такая идея у него возникла еще осенью 1678 г., когда жители правобережных городков отказались перейти на Левобережье: «...чтоб враг здесь не роспространился,... соберемся в преизрядное собрание... для учинения належащего промыслу над тем злобным возмутителем»[233]. Подобные меры предлагал и бывший правобережный гетман П. Дорошенко, по мнению которого, следовало свезти всех жителей из городков бывшего Чигиринского полка, в частности Жаботина и Медведовки, на Левобережье[234]. По словам самого гетмана И. Самойловича, необходимо было «чинить промысл» «над Черкасы и над иными заднепрскими городками, чтоб ис тех городков для воровства на сю сторону и лазутчиков и за Днепром с сеей стороны людем и неприятелем пристанища не было»[235]. Наряду с этим существовала и другая мотивация — создание препятствий для действий османских войск в случае их похода на Киев[236].

И. Самойлович наметил общий план похода. По его мнению, следовало «Корсунь, Черкасы, Канев, Мошны, Дрябовицы, Оловятины, Жаботин и иные малые городки, и местечка, и селы, разорить нынешним зимним путем, смотря по тамошнему делу, чтоб ис тех городов для воровства на сю сорону Днепра лазутчиков и заднепрские стороны людем и неприятелем пристанища не было»[237]. Таким образом, вполне определенно была поставлена

---

233 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 70 об.

234 *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 170.

235 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 109.

236 *Флоря Б.Н.* Отношения Москвы и гетманства и «згон» населения Среднего Поднепровья весной 1679 г. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 36.

237 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 56.

задача создания буферной зоны на правом берегу Днепра. Примечательно, что, согласно наблюдениям Б.Н. Флори, решение о походе гетман и старшина приняли самостоятельно, не получив предварительного согласования Москвы. Впоследствии предпринятые гетманом меры были одобрены[238].

В этой связи в конце феврале 1679 г. был организован ответный поход на Правобережье, «чтоб те городки, Черкасы, Корсунь, Мошны и иные, разорить нынешним последним зимнем путем». Действовать предполагалось быстро, поскольку, если «реки роспалятца, тогда трудно будет над ними промысл чинить»[239]. Его возглавил Семен Самойлович, сын гетмана И. Самойловича, в распоряжении которого были казацкие сотни Нежинского, Переяславского, Прилуцкого, Лубенского полков, компанейский полк И. Новицкого и ратные люди из Переяславля[240], общая численность которых составляла около 8 тыс. человек. Одновременно на правом берегу Днепра действовали войска под командованием генерал-майора Г. Косагова, который должен был также соединиться с С. Самойловичем.

23 февраля С. Самойлович стал переправляться из Переяславля на Ржищев. Выбор первоначального похода был не случаен, поскольку в городке закрепился корсунский полковник О. Трущенко, сторонник Ю. Хмельницкого[241]. 25 февраля казацкими войсками после упорного сопротивления Ржищев был взят приступом, а также было захвачено в плен несколько десятков татар и казаков во главе с полковником корсунским[242]. Жителей местечка расселили в Переяславском полку[243]. Затем войско под командованием С. Самойловича 26 февраля вернулось в Переяславль для дополнительного сбора казаков к походу на Правобережье[244].

В конце февраля войко С. Самойловича снова переправилось на правый берег Днепра и двинулось сначала к Каневу, где тем

---

238 *Флоря Б.Н.* Отношения Москвы и гетманства... С. 38.

239 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 207.

240 Там же. Л. 212.

241 *Флоря Б.Н.* Отношения Москвы и гетманства... С. 38.

242 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 212.

243 *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 317; *Заруба В.М.* Українське козацьке військо... С. 325–326.

244 *Флоря Б.Н.* Отношения Москвы и гетманства... С. 39; РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 582 об.

временем находился один из сторонников И. Яненко. Однако до подхода войск там вспыхнуло восстание среди вернувшихся в Канев после османского разорения жителей[245]. Сторонник И. Яненко был арестован, жители вышли из города и «в свободе своей, учиня покорный привет,... и з животами своими собрався, приклонились ис-под бусурманской обороны... и под обыклую отеческую христианскую монарха нашею защиту пришли в Переясловль»[246].

Затем войска направились к Корсуни, где, как ранее стало известно, укрепился с небольшими казацким и татарским отрядами Яненко. Стоит отметить, что они двигались очень быстро, желая застать врасплох неприятеля[247], хотя в источниках в этот период упоминаются обильные снегопады[248].

Подойдя к Корсуни, С. Самойлович «изменника Яненку застал было с татары», однако часть татарских отрядов спешно покинула город: «...наперед против наших из городка выбежав, и по тоею дорогою к Лысенке скоро убежали». Сам Яненко «с своими надежными с немногими татары» и корсунцами остался в городе и оказал сопротивление, «дав огненного бою... ис пушак». Однако наступление темного времени суток сыграло сподвижнику Ю. Хмельницкого на руку, ему удалось сбежать из осажденной казацкими войсками Корсуни, поскольку город не был полностью оцеплен: «...с полночи оный враг Яненко, как хитрая лисица, сам из городка выкрадчись, тайным местом мимо сторожу компанейскую ушол в Немиров»[249]. Запоздалая погоня успеха не принесла. После побега И. Яненко в Немиров Корсунь прекратила сопротивление: «...на розсветаньи городок корсунский... при склонности людской взяли, а осталых татар там на площади посекли, а иных живых поймали, а людей в целости выпроводили». Город после этого был сожжен[250].

После взятия Корсуни войска С. Самойловича 4 февраля пошли вдоль р. Рось к местечкам «Деревенковцу, Драбовцу, Ста-

---

[245] *Флоря Б.Н.* Отношения Москвы и гетманства... С. 39.

[246] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 212.

[247] *Флоря Б.Н.* Отношения Москвы и гетманства... С. 39–40.

[248] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 664 об. Также, по словам Самовидця, в то время «сніги великіе випали, же не можна было конем куди хотіти ехати» (см.: Літопис Самовидця... С. 132).

[249] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 212–213.

[250] Там же. Л. 213–214.

роборью, где татары стояли». Однако на этот раз местные жители самостоятельно захватили небольшие татарские отряды и привезли их к С. Самойловичу: «...всех татар, сколко десятков было, тамошние жители, повязав, к нему в обоз привезли, а сами те жители все на сю сторону Днепра сошли», и после этого, «чтоб там неприятели пристанища не имели, огнем выжгли и за Днепр отступили»[251].

Также на правом берегу Днепра действовали войска под командованием Г. Косагова, который должен был пойти «к случению сил» к С. Самойловичу[252]. Помимо ратных людей, с ним находились казаки «с сумским и с охтырским, з гадецким, и с комонным, и с миргородцким полковниками». Они вышли из Кременчуга 1 марта и, переправившись за Днепр, 4 марта подошли к Жаботину[253] — городку, в который Ю. Хмельницкий переселял жителей с Левобережья. О действиях русско-казацких войск над Жаботином сообщает сам Г. Косагов в своей отписке к царю, кроме того, об осаде Жаботина становится известно из «листа» гадяцкого полковника М. Васильевича. По словам последнего, они, приближаясь к Жаботину, направили письмо, чтобы жители «безо всякого кровопролития... приклонились»[254]. Однако жители Жаботина оказали сопротивление и, выйдя из города, дали бой: «...з жаботинцы под городом был бой, и на том бою многих жаботинских жителей побили». Можно было бы предположить, что для Г. Косагова было важным отчитаться о серьезном сражении, поскольку в Москве были недовольны его неспешным походом к Днепру, однако схожие сведения приводит и гадяцкий полковник[255]. Также, по его же словам, потери русских были совсем небольшие: «...ратных людей ранено два человека, убит один человек». Позже к городу подошла дополнительная пехота, в распоряжении которой были пушки. Находившиеся в осаде жители приняли решение прекратить сопротивление: «...и жаботинские жители, и еремеевские, и жовнинские переведенцы, видя... ратных людей всех полков крепкое наступление и промысл,... в ночь

---

[251] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 213–214.
[252] Там же. Л. 209.
[253] Там же. Л. 112.
[254] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 668.
[255] Там же. Л. 668–668 об.

прислали ко мне... и к гадицкому полковнику попов и отамана, и мещан, и... в винах своих били челом, и под... великого государя самодержавную руку поддалися, и залогу яненкову выдали»[256]. После этого все население, «до одного человека, переправили и выгнали со всеми их пожитками на сю сторону Днепра, семей с тысячю и болши». Город Жаботин, как ранее Корсунь и другие городки, вместе с замком был сожжен «без остатку»[257].

На следующий день войска под командованием Г. Косагова подступили к Черкассам и «город зажгли, а жители, де, того города все вышли на сю сторону Днепра до приходу» русско-казацких войск[258]. Также Г. Косагов подтверждал, что сын гетмана И. Самойловича «был под Корсунем и Ржищевым и все заднепрские городы привел под... великого государя высокодержавную руку, и жителей тамошних всех переслал на сю сторону Днепра»[259].

По сути, военные действия закончились 5 марта, именно в этот день С. Самойлович двинулся назад в Переяславль, войска Г. Косагова были распущены позже, к 8 марта[260]. Ю. Хмельницкий и его сподвижник Яненко осели в Немирове, причем они по-прежнему опирались не на собственные силы, а на татар, численность которых, по всей видимости, уменьшилась: «...а орды при них сказывают с пятсот человек»[261].

Итог военным действиям зимы-весны 1679 г. подвел сам гетман И. Самойлович: «...все жители ржищевские, каневские, корсунские, староборские, мошенские, урабовские, белозерские, тагановские, черкаские на сю сторону согнаны и от неприятеля отстранены, а города, и села, и местечки, и деревни их, где они прежде жили в той стороне без остатку выжжены»[262]. Речь шла о достаточно ограниченной территории на правом берегу Днепра

---

256 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 234; см. также: Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 668 об.

257 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 234.

258 Там же. Л. 118.

259 Там же. Л. 234.

260 Там же. Л. 208.

261 Там же. Л. 113. По другим данным, «с ним орды с триста человек» (Там же. Л. 205–206).

262 Цит. по: *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 319.

от Корсуни до Черкасс[263]. В этой связи данные события нельзя рассматривать как опустошение всего Правобережья.

Ю. Хмельницкий стремился перевезти на свою сторону как можно больше населения, однако реализовать свои планы он мог в некоторых случаях только с помощью силы. По мнению Д.И. Багалея, пик миграции с территории Правобережья приходился на 1674–1679 гг., при этом «население тогобочной Украйны частью само добровольно переселялось на левой берег Днепра и затем шло в Московские слободы, а частью его туда сгоняли казацкия великоросские войска»[264]. К 1679 г., как он отмечает, относится последнее крупное передвижение населения с правого берега Днепра, когда количество переселенцев было настолько значительно, что возникло существенное затруднение в вопросе об их поселении[265]. Однако действия, предпринятые С. Самойловичем, могли быть реализованы в достаточно короткие сроки, потому что в этот период не было активного сопротивления населения[266]. Как уже отмечалось выше, массовый добровольный характер эти переселения начинают принимать с 1674 г., когда значительная часть местного населения выехала на левый берег Днепра под защиту Русского государства[267]. По мнению И. Самойловича, в 1679 г. на Левобережье «половина Войска Запорожского городового и народу посполитого украинского, на той стороне Днепра прежде того будучего,... обретается»[268].

---

[263] М. Крикун вслед за Н.И. Костомаровым считает, что речь идет об 11 правобережных полках, а именно: Черкасском, Каневском, Белоцерковском, Корсуньском, Брацлавском, Уманьском, Кальницком, Подольском, Паволочском, Торговицком и Чигиринском (*Крикун М.* Між війною і радою: Козацтво правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 394–395). Однако такое утверждение кажется неверным, поскольку значительная часть названных территорий была удалена от развернувшегося театра военных действий, более того, сами эти территории входили в состав Речи Посполитой или Османской империи.

[264] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 400–401.

[265] По оценкам Д.И. Багалея, оно достигало около 20 000 человек. См.: Там же. С. 404–405.

[266] *Флоря Б.Н.* Отношения Москвы и гетманства... С. 41.

[267] См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина... С. 86–90.

[268] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 89 об.

В конечном итоге к середине 1679 г. в распоряжении Ю. Хмельницкого на Правобережье осталось незначительное число жителей, и он, находясь в Немирове, не мог, как ранее, «вредить» пограничным городам и селениям[269]. В то же время нельзя, как представляется, утверждать, что основная волна переселений правобережных жителей на левый берег Днепра пришлась именно на конец 1678 – 1679 г., скорее, речь шла о завершающем этапе переселений предшествующего времени, на котором И. Самойловичу, однако, пришлось применить силу.

Итак, зимой 1678–1679 гг. Ю. Хмельницкий, заручившись поддержкой крымских татар, предпринял попытку перевести в свои правобережные владения часть населения левого берега Днепра. Ситуация была довольно опасной, поскольку значительные крымские силы могли не только угнать население, но и отрезать Киев таким образом, чтобы затруднить возможность организовать его дальнейшую оборону. Для отражения этого набега были задействованы не только казачьи отряды И. Самойловича, но и силы Севского и Белгородского разрядов и в том числе слободских полков под командованием генерал-майора Григория Косагова. Ю. Хмельницкому и крымцам не удалось реализовать свои планы. Однако в ответ русско-казацкие силы опустошили территорию от Корсуни до Черкасс на Правобережье, стремясь создать вдоль границы широкую полосу разоренных земель. Важно, что гетман И. Самойлович, по сути, оставил неоднократно предпринимавшиеся им ранее попытки укрепить свою власть на Правобережье, предпочтя вывести население и сжечь населенные пункты вдоль правого берега Днепра. Таким образом, можно заключить, что в ходе зимней кампании 1678–1679 гг. обе стороны стремились создать буферную зону вдоль Днепра — Ю. Хмельницкий на левом, а И. Самойлович на правом берегу. Действия русско-казацких войск и сопротивление части населения действовавшим от имени Хмельницкого татарам привели к тому, что успех сопутствовал планам И. Самойловича. Важно при этом, что военные действия зимой-весной 1678–1679 гг. на короткий срок были перенесены на правый берег Днепра, что стало фактически единственным случаем совместного участия русско-казацких

---

269 *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 319.

войск на Правобережье в течение 1679–1681 гг. Москва, по всей видимости, уже к этому периоду основной акцент сделала на борьбу за местное население, а не за территорию.

1.3. Посольство В. Даудова в Стамбул и вопросы дипломатии

Неясность результатов второго Чигиринского похода, в котором ни одна из сторон не смогла нанести решительного поражения другой, как представляется, снова подтолкнула московское правительство к продолжению поиска дипломатического выхода из вооруженного противостояния.

К тому же с лета 1678 г. до Москвы стали доходить известия от различных информаторов о том, что «салтан Турской прекращения войны желает»[270], однако эти свидетельства не подтверждались официальным Стамбулом. К такому шагу московское правительство отчасти могли сподвигнуть и донесения киевского воеводы кн. М.А. Голицына в начале декабря 1678 г., который считал, что Киев мог не выдержать даже прихода зимой Ю. Хмельницкого с крымскими татарами[271].

В итоге в декабре 1678 г. в Турцию было направлено посольство дворянина Василия Даудова и подьячего Федора Старкова[272]. Гетману И. Самойловичу московские власти решение направить это посольство обосновывали наличием большого количества известий от различных информаторов о желании Порты прекратить военные действия: «...писано, чтоб он [турецкий султан. — *М.Я.*] с нами, великим государем,... имел дружбу и любовь, а плен и войну и кроворазлитие отставил для того, что нам, великому государю... по многим вестовым писмам известно, что салтан Турской прекращения войны желает же»[273].

1 декабря 1678 г. из Москвы «в гонцех» должен был быть направлен толмач Григорий Волошенин[274], которому предстояло пе-

---

[270] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 43 об.

[271] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1205. Л. 662.

[272] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 1–2.

[273] Там же. Кн. 18. Л. 43.

[274] Там же. Л. 16.

редать царские грамоты османским сановникам. Однако вместо него было решено отправить в Османскую империю дворянина Василия Даудова[275], накануне вернувшегося из Центрально-Азиатского региона. Даудов был опытным дипломатом, у него имелся опыт посольских поездок в Турцию в 1668 и 1672 гг.[276] Кроме того, будучи выходцем из Персии, он также владел османским языком, что, как представляется, должно было облегчить дипломатическую и разведывательную деятельность. Возглавляемая им посольская миссия выдвинулась из Москвы 31 декабря 1678 г.[277]

Основной вариант грамоты Федора Алексеевича к султану Мехмеду IV был составлен 27 декабря 1678 г.[278] Ее начальная часть, как и в царской грамоте 1677 г., посланной с Афанасием Поросуковым, была посвящена краткому обзору русско-османских отношений первой половины XVII в., когда московские государи и османские султаны «имели великую братцкую дружбу и любовь, и послы, и посланники и гонцы ссылались почасту»[279].

Далее в грамоте шла речь о том, что вторжение османских войск во главе с великим визирем на Украину сделало невозможным дипломатические переговоры накануне Чигиринской кампании 1678 г., турецкий султан «за теми междо нас, обоих великих государей, любительными пересылки прислал в наши царского величества украинные городы везиря своего с войски»[280]. Московские власти оценивали итоги русско-турецкого столкновения 1678 г. как ничью, выбирая при этом общие формулировки. Так, в грамоте отмечалось, что русско-казацкие войска «имели с ними [османами. — *М.Я.*] бой, и после тех боев войска обоих сторон разошлись в свой край»[281].

Тем не менее позиция Москвы о принадлежности Чигирина и правах османов на территорию Правобережья осталась неизменной. В грамоте подчеркивалось, что «тою Украиною, которая

---

[275] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 26 об.

[276] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 102–106; *Ходырева Г.В.* Взаимоотношение России и гетманов Украины с Турцией... С. 84–85.

[277] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 3.

[278] Там же. Кн. 18. Л. 36.

[279] Там же. Л. 31.

[280] Там же. Л. 33 об.

[281] Там же. Л. 33.

зоветца Малою Росиею, владеем для того, что из древних лет пребывала та Украина под державою благочестивых государей, царей и великих князей росийских и киевских предков нашего царского величества, и на некоторое время от подданства предков нашего царского величества поотлучились. И в прошлом во 162-м [1654. — *М.Я.*] году Войска Запорожского гетман Богдан Хмельницкой с Малою Росиею учинился в подданстве у отца нашего,... и служил верно, а после того и ныне Малая Росия у нас... по тому жь в подданстве»[282]. Как и ранее, царская грамота упоминает только Переяславский договор 1654 г., игнорируя Андрусовское перемирие 1667 г. Османской империи, по мнению московского правительства, следовало отказаться от претензий на украинские земли.

Конфликт с Петром Дорошенко рассматривался в грамоте как внутригосударственное дело, и, по мнению Москвы, Стамбулу, желая сохранить дружественные отношения, следовало «таких изменников не принимать и всякому нашего царского величества недругу быти недругом, и искать всякого добра, как о том свидетельствует исконная дружба»[283]. Более того, московские власти обвинили османскую сторону в развязывании этого конфликта: «...а буде бы по каким ссорам показалось с стороны нашего царского величества вам и противно дружбе, и о том было вашему салтанову величеству надобно учинить по исконной дружбе обсылку и то исправить, а войны не всчинать, чего никогда междо нашими государствы не бывало»[284]. В конечном итоге Мехмеду IV в том случае, если у него «о исконной дружбе и любви будет намерение», следовало «о том... в своей салтанова величества грамоте писать»[285].

В царской грамоте к великому визирю повторялись основные положения грамоты, написанной к турецкому султану. Кара Мустафе-паше предлагалось Мехмеда IV «приводить к дружбе и любви, как исконно было»[286]. Однако, если в 1677 г. Москва рассчитывала в его лице заручиться поддержкой высшего османско-

---

[282] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 33 об. – 34.
[283] Там же. Л. 34 об.
[284] Там же. Л. 34 об. – 35.
[285] Там же. Л. 35–35 об.
[286] Там же. Л. 41.

го сановника, то в 1678 г. она ограничилась общими фразами о последующей благодарности за «радение».

Кроме того, уникальным случаем в дипломатической практике является послание патриарха Иоакима верховному муфтию Османской империи. В начальной части грамоты, как и в царских текстах, освещались взаимоотношения двух держав, при этом в патриаршем листе изложение военных столкновений 1677–1678 гг. с точки зрения московской стороны представлено подробнее. Так, по словам патриарха, в августе 1677 г. турецкий султан «многочисленные свои рати со многими пашами и хана крымкого со всем собранием порушил из-за Дунаю и из-за Днестра в державу великого государя... к Днепру малоросийских городов под Чигирин». Московский патриарх подчеркивает, что, несмотря на победу над турецко-татарскими войсками и освобождение Чигирина от осады, «за полки турецкими в тыл к Днестру и к Дунаю царского величества рати не пошли и войны большие без воли царского величества не чинили, и ни х какому военному задору впредь причин не дали»[287]. Последовавшее после этого предложение Москвы о возможности начать мирные переговоры было проигнорировано Стамбулом, и «чрез такие к любви содержателные случаи салтаново величество не только военного дела пресечь, но и больши разширить изволил»[288].

В 1678 г., как отмечает патриарх, «салтанова величества везирь со многими пашами в державу царского величества к городу Чигирину и к Днепру войну великую чинили, и невинно на обе стороны кроворазлитие». Однако, как и в 1677 г., российские войска «во область салтанова величества в Турские державы не хаживали, и войны никакие с турскими людьми не чинили»[289].

В грамоте также осуждались действия османских властей в связи с расстрижением Юрия Хмельницкого, подчеркивалась недопустимость поддержки изменников, а также высмеивался сам факт деятельности Хмельницкого на правом берегу Днепра, «для которого таким великим ратям рушитись х кровям многочисленным и возить его в ратях турецких для прелести и показыванья лехкомысленных некоторых жителей малоросийских никогда

---

[287] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 48 об.

[288] Там же. Л. 49 об.

[289] Там же. Л. 49 об. – 50.

было не годилось»[290]. В целом патриарх предлагал верховному муфтию попытаться подтолкнуть османскую власть к началу мирных переговоров, «яко духовному и первому начальнейшему и желателю народом своим правды и мира, и покою о сем деле подвижность свою богоугодной правды ныне показать»[291].

Выход с прямой инициативой о мирных переговорах и объявлении своих условий мог поставить московскую сторону в невыгодное положение: такая инициатива могла рассматриваться как проявление слабости и признание поражения. В этой связи наказ В. Даудову был сформулирован таким образом, чтобы избежать трактовки этого посольства как признания поражения или прямого желания начать мирные переговоры. Дипломаты не получили полномочий для ведения каких-либо переговоров с османами. Согласно царскому наказу, им поручалось только передать грамоты османским сановникам, при этом «сверх грамоты» говорить «ни о чем не наказано»[292]. Кроме того, специальных подарков, как и в 1677 г., турецкому султану не предполагалось. Несмотря на то, что с В. Даудовым было послано соболей на 400 рублей «на роздачю везирю и иным», ему следовало «тое мяхкою рухлядь держать и давать от самых надобных дел»[293]. Основная цель посольства, как представляется, заключалась в разведывательной деятельности и проведывании «всяких вестей»[294], для этого оно должно было ехать сухим путем через Правобережную Украину и Валахию.

В середине марта дипломатическая миссия прибыла в Каменец-Подольский. При этом на аудиенции у каменецкого паши В. Даудов получил заверения, что турецкая сторона желает мира: «...чтоб зачатая война прекратилась и не токмо, де, он, паша, но и все они о святом покое Бога молят, и чтоб Господь Бог зачатую войну с царским величеством прекратил»[295].

В середине апреля В. Даудов добрался до Стамбула и был поставлен на посаде «на дворе бывшаго Радула господаря Мул-

---

[290] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 50 об.
[291] Там же. Л. 51 об.
[292] Там же. Л. 56
[293] Там же. Л. 57 об.
[294] Там же. Л. 58.
[295] Там же. Кн. 19. Л. 46.

тянского»[296]. Русского посланника в Стамбуле встретили «потехи, учиненные на великих стругах... для триумфу и веселия о взятии Чигирина-града и о победе на сопротивляющихся государю их, солтану», в которых Мехмед IV участвовал лично[297]. При этом празднования продолжались несколько дней с танцами, музыкой и стрельбой до полуночи. По словам В. Даудова, «те потехи чинены перед ево, Васильевым, двором нарочно, чтоб он то видел»[298]. Связано это было с тем, что турки считали себя победителями в кампании 1678 г.: «...прошлую, де, войну почитают себе за великую радость, что взяли Чигирин»[299].

Стоит отметить, что османы первоначально рассматривали присылку миссии В. Даудова как стремление русского правительства начать мирные переговоры. С этим связано (в отличие от посольства А. Поросукова, отправленного в 1677 г.) соблюдение церемониала посольских встреч на въезде в турецкие города, относительная свобода передвижения дипломатов; великий визирь также приказал выплачивать Даудову жалованье («до отпуску по три левковых на день»)[300]. Ситуация, однако, изменилась, когда вопрос зашел о цели приезда посланника и вручении царских грамот. Султан отказался принимать русских дипломатов, поскольку «зачатая война с царским величеством не прекратилась». Кара Мустафа-паша, в свою очередь, настаивал на передаче не только грамоты, адресованной ему лично, но и султану[301]. При этом В. Даудову был поставлен ультиматум: если он начнет упорствовать, то визирь, «прислав от себя чаушей, велит царского величества грамоты взять у Василья на подворье, против того ж, как и прошлого году отняли силно... грамоту присланную к солтану от посланного... Афанасья Поросукова»[302].

24 апреля 1679 г. состоялась личная встреча дипломатов с великим визирем Кара Мустафой-пашой. Согласно статейному списку, после того как великий визирь вошел в помещение,

---

[296] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 67 об.
[297] Там же. Л. 69.
[298] Там же. Кн. 18. Л. 254.
[299] Там же. Л. 253 об.
[300] Там же. Кн. 19. Л. 76 об.
[301] Там же. Л. 79 об. – 80.
[302] Там же. Л. 82.

посланник «поклонился в пояс, и, не допуская до кресел везиря, взяв... от подьячего царского величества грамоту, которая послана к солтану, поднес везирю, как шол везирь х креслам»[303]. Как видно, В. Даудов, зная историю посольства А. Поросукова, попытался сделать так, чтобы царская «честь» не пострадала. Затем, когда великий визирь сел, В. Даудов вручил грамоту, адресованную лично ему. Стоит отметить, что во время этого визита посланники не преподнесли Кара Мустафе-паше никаких подарков, что вызвало неудовольствие османского сановника[304]. В целом прием оказался формальным. 25 апреля В. Даудов передал грамоту Московского патриарха Иоакима муфтию.

При отпуске посланников ответная грамота была отправлена только от лица великого визиря, грамоту царю Федору Алексеевичу султан не направил. По словам Кара Мустафы-паши, для начала мирных переговоров необходимо «царскому величеству писать от себя»[305]. В своей грамоте он настаивал, что если Москва желает мира, то должна сделать первый шаг, направив посла: «...буде покоя пожелаете, и, неприятство оставя, верного посла вашего с подлинным правдивым словом о сем... деле, немешкав, пришлите»[306]; при этом посольскую миссию следовало послать к крымскому хану[307]. По мнению великого визиря, дальнейший спор об украинских территориях не имеет смысла: «...об украиных казаках, своими называя, о том тяжбы и спору не было, всякая страна свою границу знает»[308].

Османская сторона также продолжала утверждать, что это московское правительство отказалось от возможности в 1678 г. провести переговоры: «...посла своего не послали ж и недружбу не утолили»[309]. Примечательно, что, с точки зрения турок, цель нынешней дипломатической миссии была им непонятна: «...для чего вы в другой ряд пишете, того мы желания вашего не выразумели, какое ваше желание есть; сего ради и от славнейшаго госу-

---

303 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 85.
304 Там же. Л. 90–90 об.
305 Там же. Л. 109.
306 Там же. Кн. 18. Л. 241 об.
307 Там же. Л. 242 об.
308 Там же. Л. 243.
309 Там же. Л. 241 об.

даря нашего грамота вам не послана»[310]. 29 июля 1679 г. В. Даудов выехал из Стамбула.

Как видно, представления московского правительства о желании Порты начать мирные переговоры оказались неверны. Османы считали себя победителями в кампании 1678 г. и настаивали, чтобы именно Москва сделала первые шаги к мирному урегулированию конфликта, обозначив, что в качестве посредника должно выступать Крымское ханство.

В целом в первой половине 1679 г. Москва прилагала значительные усилия для продолжения войны с Османской империей, в том числе и дипломатические[311]. Русское посольство, направленное весной 1679 г. в Вену, предлагало австрийской стороне союз против османов. Более того, как показал Б.Н. Флоря, такой антиосманский союз вполне мог бы быть заключен без участия Речи Посполитой, что свидетельствует об определенных переменах в развитии системы европейских международных отношений[312]. Однако австрийская сторона отказалась от этого предложения, несмотря на заключенное зимой 1679 г. мирное соглашение с Францией после завершения Голландской войны.

В то же время определенные дипломатические шаги предпринимала и Османская империя. В 1678 г. османская армия, как было показано, понесла серьезные потери, и османской стороной продолжение войны в целом воспринималось как невыгодное. Тем не менее поведение искавшей в этот период мира Священной Римской империи не заставляло Порту торопиться с заключением мира. Однако в Стамбуле были готовы попытаться выяснить намерения Москвы.

Примечательно, что получаемая московским правительством информация в этот период создавала впечатление, что Османская империя стремится к миру. Разговоры о возможном мирном разрешении кофликта стали фигурировать в расспросных речах пленных. Кроме того, отправленный в Турцию В. Даудов, будучи в марте 1679 г. в Яссах, сообщал в своей отписке царю, что «салтан, де, ...указал было к царскому величеству послать чауша,

---

310 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 242.

311 *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 134.

312 Там же. С. 134–135.

чтоб царское величество войну прекратил и всю Малую Росию, как владел Богдан Хмелницкой, в сторону его салтанову уступил. И чауш, де, уже был на отпуске у салтана, и как, де, ведомо учинилось у салтанова двора, что к салтану еду и в Батурин приехал, и для, де, того чауша и задержали»[313]. Как видно, османы, считавшие себя победителями в кампании 1678 г., были склонны претендовать на всю территорию Украины. Однако Даудов также отмечал, что к молдавскому воеводе Г. Дуке был прислан султанский фирман, согласно которому ему следовало писать в Москву, «будто он царскому величеству сприятствует и желает того, чтоб царское величество уступил по Днепр, а он воевода может то у салтана учинить, что по ево прошению салтан к миру склонитца»[314]. Турки намеренно могли распространять слухи о том, что они претендовали на всё наследие Богдана Хмельницкого, однако, очевидно, что уже в этот период они были готовы рассматривать Днепр в качестве границы между двумя государствами.

Порта зондировала возможности начала мирных переговоров через двух посредников — Крымское ханство и Молдавию[315].

С одной стороны, в Стамбуле раздумывали о возможности воспользоваться посредничеством назначенного в конце 1678 г. молдавским воеводой Георгия Дуки. В. Даудов сообщал, что «салтан Дуке верит, для которой верности его учинил воеводою Молдавским, и живет в Ясех з женою и з детьми, не так как прежние воеводы без жен в Ясах живали»[316]. Однако подьячий всячески подчеркивал подчиненный статус молдавского господаря и предостерегал царя от согласия на это посредничество, намекая, что московская сторона окажется у султана в «просящей» позиции. Важным является его замечание о том, что «волошаном и греком верить невозможно, потому что великие плуты и бога в них нет, и хотя во очесех являютца быть желательными, токмо невозможно им верить»[317]. В Москве, таким образом, понимали, что посредник из числа подданных султана будет действовать в

---

313 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 100.

314 Там же. Л. 100–100 об.

315 *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 135.

316 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 103.

317 Там же.

интересах Порты и не испытывали иллюзий насчет возможности рассчитывать на их поддержку как единоверцев.

Информация дворянина В. Даудова о приезде молдавского представителя в Россию подтвердилась. 7 апреля 1679 г. в Киев из «Волоской земли из города Яс» приехал посланник молдавского господаря Дуки капитан Ян Белевич[318]. 26 апреля он встретился в Болхове с подьячим Посольского приказа Алексеем Васильевым, с которым направился в Москву. 1 мая Яну Белевичу был отведен «за Москвою-рекою в ордынской слободе... двор доброй»[319].

5 мая 1679 г. по царскому указу капитан Белевич был «на розговоре» в Посольском приказе «у дьяков у думного у Лариона Иванова, у Василья Бобинина, у Емельяна Украинцова»[320]. Анализ этих переговоров позволяет, с одной стороны, представить позицию московского правительства по вопросам, связанным с мирными переговорами с Османской империей, с другой — рассмотреть те опасения, которые возникали у Москвы в случае посредничества молдавской стороны.

Стоит отметить, что в отличие от крымских гонцов (о них речь пойдет ниже) молдавский посланник был принят более настороженно и даже враждебно. Представители Посольского приказа прямо заявили о полном недоверии к капитану Белевичу: «...никакой верности на приезде свои он, посланец Дуки-воеводы, не объявил, а словесным его розговорам верить не доведетца. Да и... у его царского величества с салтаном Турским ныне недружба и война, а Дука воевода со всеми Волоские земли жителми, хотя и хрестьяне, толко под игом ево бусурманским, и делает то, что он, салтан, им велит»[321]. Как видно, Москва подчеркивала, что между двумя государствами идет война и Я. Белевич является представителем стороны противника. Вероятно, такому отношению к посланнику способствовали упомянутые выше предостережения В. Даудова, а также маршрут посланника — его путь из Ясс в Москву и обратно пролегал через Киев.

По словам капитана Белевича, цель его приезда заключалась в том, чтобы предложить московской стороне посредничество:

---

318 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 116.

319 Там же. Л. 117.

320 Там же. Л. 130.

321 Там же. Л. 132–132 об.

«...что господарь ево, видя меж царским величеством и салтаном Турским войну и кроворазлитие, и плен, умыслил, чтоб тое войну прекратить и умирить». Если Москва захочет начать переговоры, можно было бы, предлагал капитан, обратиться к Г. Дуке, который «по християнскому своему намерению в том деле станет служить»[322]. В этой связи московские власти прежде всего интересовал вопрос, по чьей инициативе молдавская сторона хочет выступить посредником между Москвой и Стамбулом: «Дука воевода то дело начинает собою ль или с повеления салтана Турского»[323]. Ян Белевич настаивал, что ему ничего не известно о султанском указе, но, по его мнению, господарь не стал бы выступать с этой инициативой без распоряжения султана. Такой ответ русских дипломатов не устроил, поскольку не давал оснований считать турецкую сторону инициатором переговоров о мире: «...посланцу говорено, когда о том Дуке воеводе салтанова указу нет, и с стороны великого государя... в то дело вступати невозможно, потому что время настает военное, и царского величества бояря и воеводы со многими силами из розных стран х Киеву отпущены»[324]. Этим московская сторона подчеркивала, что в целом намерена продолжать борьбу. Более того, реальное желание начать мирные переговоры, по мнению Москвы, должно было сопровождаться остановкой военных действий: «...пристойно было с обоих сторон прежде войну удержать, а потом бы иметь пересылки о миру; а естъли Дука воевода хочет о миру радеть, и ему было довелось у себя иметь салтанской указ»[325]. В этой связи представители Посольского приказа высказывали относительно сроков приезда Яна Белевича: «...для чего Дука воевода прислал, дождався того, что великие царского величества войска пошли под Киев, а иные идут сухим путем и водою, а когда Дука в то дело вступает, и ему

---

322 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 133.

323 Там же. Л. 133 об. – 134

324 Стоит отметить, что московские власти в этих переговорах прямо обвиняют османов в начале военных действий: «...тое войну всчал салтан Турской, оставя исконную дружбу, а буде салтан миру хочет, и царское величество с салтаном Турским в миру быть изволит, так как исконно было, а мимо прежняго обычая ничего учинити не изволит, так же бы и салтан мимо прежняго обычая ничего не начинал и в подданых его царского величества не вступался» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 135–135 об.).

325 Там же. Л. 134.

было довелось прислать ранее»[326]. Как представляется, московская сторона видела в нем лазутчика, который мог собирать детальную информацию о предстоящем походе. Как показывалось ранее, защита левого берега Днепра и Киева продолжала оставаться важнейшим приоритетом Москвы, в то время как приезд османского подданного в период активной подготовке к обороне Киева (его путь пролегал, как уже упоминалось, через Киев) мог угрожать исходу кампании. Однако молдавская сторона не видела в этом проблемы, отмечая, что и во время военных действий «мочно... мирные договоры чинить»[327].

Итак, перед капитаном Белевичем не было поставлено задачи озвучить конкретные требования османской стороны: «...какого, де, миру с стороны царского величества салтан желает, о том ему Дука говорить не наказал, толко послан он для ведома»[328], т. е. это был уведомительный визит. В этой связи посланник не получил полномочий для ведения переговоров с московской стороной, речь шла о том, чтобы заручиться согласием Москвы на посредничество молдавского господаря Георгия Дуки. Только в этом случае «царскому величеству известно будет, какого миру салтан с стороны царского величества желает»[329].

Однако Москве удалось получить от капитана Белевича информацию о планах и разговорах османского двора после того, как его попросили рассказать об этом «не по посолскому обычаю, но яко правоверной християнин»[330]. По его словам, «намерение салтаново то, чтоб с великим государем... быть в миру, только б выговорить на Украине часть, где жить Юраску для того, чтоб ему, салтану, от окрестных государей было не в стыд, что, имея такие войны, ни на чем помиритца, а приводит, де, к миру салтана везирь [Кара Мустафа-паша. — *М.Я.*] для того, что причину той войне учинил он, везирь, будучи каймакамом, тем, что Дорошенка принял, а салтан и прежней везирь на то не позволяли». По словам Я. Белевича, Кара Мустафа-паша боялся волнений из-за тяжелой кампании 1678 г.: «...ныне видя салтан и паши и все рат-

---

326 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 137.

327 Там же.

328 Там же. Л. 135.

329 Там же.

330 Там же. Л. 137–137 об.

ные люди, что та война не прибылна, но убыточна, и во всем в том негодуют на везиря, и везирь, избегая того, чтоб ему от того зло какое не учинилось, всячески мыслит и салтана приводит, как бы тое войну прекратить и к ратным людем примиритца»[331]. Как видно, сведения, полученные еще А. Поросуковым в Стамбуле в прошлом году, о том, что великий визирь Кара Мустафа-паша являлся инициатором похода к Днепру, получили подтверждение. Более того, неудачные переговоры могли сказаться на репутации всего османского двора, который готовился к войне со Священной Римской империей. Не исключено, что Белевич своим откровенным рассказом стремился убедить своих собеседников, что наступил удачный момент для начала переговоров о мире. Однако именно эти сведения, как представляется, привели, как будет показано ниже, к ужесточению позиции Москвы в это время.

10 мая 1679 г. Ян Белевич был на аудиенции у царя Федора Алексеевича. Позднее при отпуске из Москвы с ним была послана ответная грамота молдавскому господарю. Примечательно, что ее основная часть воспроизводит текст грамоты, направленной вместе с В. Даудовым в конце 1678 г. в Стамбул. Стартовые позиции для ведения возможных переговоров о мире у русского правительства не изменились: претензии османов на Правобережье отвергались, при этом подчеркивалось, что «в исконной дружбе быти с ним изволим на том, что его салтанову величеству, сохраняя исконную дружбу и любовь в подданных нашего царского величества, в днепровских казаков, и в городки, и в земли государств наших нигде не ступатца»[332]. Кроме того, Москва не соглашалась открыто на посредничество молдавского господаря, ему следовало «по сей... грамоте ведать и по желанию своему... о дружбе и любви радеть», при этом русское правительство хотело добиться подтверждения, что инициатива исходит из Стамбула[333]. Однако эти переговоры не получили активного развития. Уже в июле 1679 г., как упоминалось выше, османская сторона прямо обозначила, что переговоры с Россией должны проходить только при посредничестве Крымского ханства.

---

331 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 137 об. – 138.

332 Там же. Л. 183 об. – 184.

333 Там же. Л. 184.

Несколько раньше молдавского представителя, в марте 1679 г., в Москве появился гонец крымского хана — Садык-ага. Мурад-Гирей писал, чтобы царь Федор Алексеевич «с салтаном Турским и с ними был по-прежнему в миру и в дружбе»[334]. Причем устно гонец также объявил, что Москве необходимо направить в Крым своих посланников, чтобы «они чинили с ханом договор о миру, при которых бы договорех с салтаном Турским мир же учинить»[335]. Несмотря на то, что крымский хан действовал «с ведома салтана», никаких конкретных предложений озвучено не было, кроме необходимости отказаться от притязания на Украину и высылки бывшего правобережного гетмана П. Дорошенко в Стамбул[336]. По сути, эта миссия также была уведомительной, «для проведыванья»[337], и, как представляется, османская сторона продолжала ждать инициативы со стороны Москвы, одновременно угрожая новым походом: «...с великою силою готовы есмь в поход на ваше государство»[338]. Обращает на себя внимание, что Мурад-Гирей направил гонцов после того, как получил послание от кн. К.М. Черкасского, который заверял его в том, что если «хан в миру быть похочет, то, де, и царского величества к миру склонность будет»[339]. Как представляется, Москва желала добиться первых шагов в переговорах о мире именно от крымско-турецкой стороны, однако Стамбул и Бахчисарай не спешили.

И. Самойлович сразу был уведомлен о приезде крымских гонцов. Москва сообщала гетману о возможности начать переговоры с крымско-турецкой стороной и интересовалась, какие могут быть предприняты шаги в том случае, если османы будут настаивать на уступке Чигирина. Москва, однако, также давала понять, что борьба может быть продолжена: «...мы, великий государь... тебя, нашего царского величества поданного, и старшину, и Войско Запорожское, и посполитой народ малоросийской нашими ратными людми боронити не престанем»[340]. В ответ И. Самойло-

---

334 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 688; Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 40 об.
335 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 688 об.; Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 71 об.
336 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 60 об.
337 Там же. Л. 41 об.
338 Там же. Л. 61 об.
339 Там же. Л. 44 об.
340 Там же. Л. 82 об.

вич заявил, что вопрос о судьбе Чигирина не может быть решен быстро и должен обсуждаться на казацкой раде, поскольку «то дело великое государственное и к совершенному совету всего Войска Запорожского старшины належащее»[341]. В то же время гетман подчеркивал, что «подлинным рубежем от турков» является р. Днестр; если это невозможно, то р. Южный Буг; если и это не удастся зафиксировать в договоре, то р. Рось[342]. Особенно гетмана волновал вопрос о возведении турками городков на Днепре и возможном уходе к ним населения с Левобережья. Он настаивал, чтобы «турки городов по Заднеприю людми своими нигде не селили, и людей здешних... с сей стороны к себе не призывали и не принимали». В этом случае он был готов пойти на определенные уступки и соглашался, чтобы между Днепром и Днестром территория «пустынею залегла»[343]. Впрочем, в конце своего «листа» он призывал Федора Алексеевича, «не обнадеживаясь на тот мир, по обещанию своему государскому, все силы свои государские, так московские, как и новгородцкие, никуды не розрывая, сюды х Киеву... скорее высылать»[344]. Как представляется, таким заявлением гетман обозначил свою готовность продолжать войну с Османской империей.

Тем не менее царь Федор Алексеевич на фоне масштабной военной подготовки к летней кампании в апреле 1679 г. принял решение об отправлении в Крым посланников — стольника Б.А. Пазухина и дьяка Г. Долгово с образцовой царской грамотой, в которой были отражены те условия, на которых Москва была готова заключить мир с крымско-турецкой сторо-

---

341 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 88 об.

342 Там же. Л. 205. Как представляется, в последнем случае речь шла преимущественно об обеспечении безопасности только вокруг Киева и вдоль Днепра: «Имети вам, великому государю... владение государств своих за Днепром на киевской стороне: от верховья реки Росы вниз ею до реки Днепра и вниз Днепра правою стороною по реку Ирдень, которая течет к реке Тясме, и рекою Тясмою до Днепра, а Днепром вниз казацкими городами до Сечи, а в Сече обретающемуся Войску Запорожскому вверх и вниз реки Днепра владеть належащими своими угодьями, речками, талниками, на Днепре обретающимися, и со всеми островами, лугами и полями днепровыми по обоим полям Днепра» (Там же. Л. 245–245 об.).

343 Там же. Л. 90 об.

344 Там же. Л. 91 об.

ной[345]. Стоит отметить, что данное посольство, по сути, ехало в неизвестность, прежде всего потому, что царское правительство не было уверено, что Мурад-Гирей действовал от имени султана. В этой связи не было уверенности и в успехе дипломатической миссии, рассматривалась даже вероятность того, что посланники попадут в неволю[346]. В то же время цель посольства была поставлена довольно ясно — учинить «прибыль и расширение» царским владениям[347].

В этой связи дипломатам следовало для начала выяснить, «подлинно» ли «от самого ль истиннаго намерения к великому государю... хан ныне писал,... и каков салтана Турского к нему о том указ». Если подтвердится, что хан и султан «безо всякого лукавства и вымыслу» намерены вести мирные переговоры, то Б.А. Пазухину следовало их начать[348]. В ходе переговоров стольник должен был сначала настаивать на разграничении территорий по Днестру, однако самой крайней уступкой рассматривалась граница по р. Рось, о которой ранее писал в Москву И. Самойлович. В этом случае речь должна была идти о том, что большая часть Правобережья останется незаселенной[349]. Если крымско-турецкая сторона будет настаивать на размежевании границы по Днепру и сдаче Киева, то ей следовало отказать в таких «непристойных запросах»[350]. Дипломаты должны были подчеркнуть, что говорить «о том мимо всякой правды стыдно, потому что из древних лет Украина, которая зоветца Малою Росиею, пребывала под державою» русских царей[351]. Как видно, Москва в целом соглашалась с мнением И. Самойловича о возможных границах между двумя государствами, одновременно продолжая заявлять о своих правах на часть Правобережья.

---

345 Стоит отметить, что в этот период царская дипломатия отдельно выделяла польско-турецкую и русско-турецкую войну: крымские ханы «явною войною как в прошлых годех... с салтаном Турским, воевав короля Полского, а после всчали войну с царским величеством» (см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 211).

346 Там же. Л. 233.

347 Там же. Л. 203.

348 Там же. Л. 178–178 об.

349 Там же. Л. 246.

350 Там же. Л. 203 об.

351 Там же. Л. 191 об. – 192.

Приезд в Москву капитана Белевича и полученные от него сведения, как представляется, сыграли ключевую роль в отправлении в мае 1679 г. вслед посольству Б.А. Пазухина подьячего М. Тарасова с новой образцовой грамотой. В ней речь о принадлежности Правобережья прямо не шла, однако крымско-турецкая сторона должна была согласиться на следующие условия: «...плен и войну на обе стороны оставить и в подданных... царского величества в днепровских казаков и в городы, и в земли государств ваших [царских. — *М.Я.*] нигде салтанову величеству Турскому и... Мурад-Гирею хану... не вступатца, и на казацких прежних жилищах от Днестра и до Днепра, также и вновь нигде городов и мест и местечек не ставить, и не заводить, и старых не починивать, и людми своими не населять, и юртами не кочевать, и поволить никому не велеть, и с... великого государя... стороны никого не призывать и не принимать»[352]. Заявление московской стороны было весьма категоричным. Речь шла, по сути, о том, что османская сторона должна была отказаться от своего дальнейшего притязания на правый берег Днепра. Другие варианты размежевания теперь не рассматривались[353]. Как представляется, царское правительство, исходя из полученной от Я. Белевича информации, предполагало, что кампания 1678 г. оказалась для османов слишком тяжелой, в стране нарастал кризис, и борьба за территории далекого Правобережья в этой связи отошла на второй план. Это давало надежду добиться приемлемых условий мира.

Однако, как известно, переговоры так и не начались, поскольку судьба посольства на пути в Крым оказалась трагичной[354].

Итак, обе стороны в определенной степени искали возможности для начала переговоров, однако османская сторона открыто делать первый шаг и посылать с этой целью своих послов была не готова. Российская сторона, в свою очередь, ужесточила свою позицию, рассчитывая на то, что турки заинтересованы в быстром заключении договора из-за сложной обстановки внутри империи.

---

[352] РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 297–297 об.

[353] Там же. Л. 293.

[354] Об этом посольстве см.: *Веселовский Н.И.* Неудавшееся посольство в Крым стольника Бориса Андреевича Пазухина в 1679 году. Одесса, 1912.

Градус взаимного недоверия еще был таков, что реальные переговоры так и не начались, османское правительство не пожелало обозначить свои претензии напрямую, а русское — выдвинуло на данном этапе неприемлемые условия для Порты.

Одновременно продолжала существовать опасность того, что древнерусская столица может попасть под власть османов. По словам молдавского воеводы Г. Дуки, «солтан Турской подлинно указал было войскам турским с везирем итти под Киев войною апреля с 1-го числа нынешняго 187-го (1679) году»[355]. Весной 1679 г. начали снова собираться русско-казацкие войска для выступления на защиту Киева.

2. Летняя кампания

Еще в начале ноября 1678 г. гетман И. Самойлович считал, что на Киев непременно будет наступление османских сил, и указывал на необходимость начать приготовления заранее. Он подчеркивал, что для обороны города потребуются значительные военные ресурсы. В первую очередь было необходимо, чтобы царь «изволил войск своих... великую силу х Киеву и под Киев на отпор будущим неприятелским наступлениям указати» быть[356]. Также в конце декабря 1678 г. по просьбе гетмана И. Самойловича в будущей кампании должен был участвовать кн. К.М. Черкасский, которому предписывалось соединиться с ратными астраханскими, терскими и другими низовыми людьми и с калмыцкими отрядами[357]. Важным, по его мнению, было наличие достаточного количества боевых припасов[358]. Москва, в свою очередь, подтвердила, что «боронити» Поднепровье не перестанет[359]. Царское правительство было полно решимости продолжать войну.

---

355 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 56 об.
356 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 58 об.
357 Там же. Л. 236 об.
358 Там же. Л. 58 об.
359 Там же. Л. 59 об.

2.1. Сбор войск

По царскому указу от 19 ноября предписывалось увеличить[360] количество пехотных солдатских полков за счет «даточных пеших людей с... дворцовых сел, и бояр наших, и околничих, и думных и ближних людей, и столников, и стряпчих, и дворян московских, и иных всяких чинов служилых людей, и вдов, и недорослей, с крестьянских и бобылских дворов и с задворых людей, с 25 дворов по человеку, по новым переписным книгам 186 [1678. — *М.Я.*] году»[361]. По царскому указу от 2 декабря на их содержание следовало собирать по рублю со двора: «...святейшаго патриарха и властелинских, и монастырских вотчин, и церковных земель с крестьянских и с бобылских дворов, и московских слобод, и всех городов с посадских людей, и имянитых людей Строгановых с поместей и вотчин, по тем же новым переписным книгам»[362]. В 1679 г. вводились и другие чрезвычайные налоги[363].

Следовало также обеспечить безопасность Киева, который мог подвергнуться нападению крымцев уже в зимний период. Однако ситуация осложнялась тем, что назначенный в октябре «ведать пехотными, драгунскими и салдацкими полки» в древнерусскую столицу П. Гордон в середине ноября приехал в Москву, «не ведая того государя указу»[364]. Узнав о нем уже в Москве, шотландец решил воспользоваться ситуацией и 15 ноября 1678 г., появившись в Малороссийском приказе, подал роспись необходимых для обороны Киева людей и припасов. Согласно сметному списку, «налицо» в это время в Киеве находилось 4,8 тыс. рейтар, драгун и солдат, а также приказ В. Воробьина. П. Гордон считал, что в защите города должно участвовать 30 тыс. человек «доброй» пехоты, из них 10 тыс. человек следовало построить в

---

[360] См. подробнее о переводе в солдатские полки в этот период: *Петрухинцев Н.Н.* От служилых людей к однодворцам // Белгородская черта: История, фортификация, люди. Рыбинск, 2020. С. 190–192.

[361] АИ. Т. 5. № 29. Стб. 42.

[362] Там же. См. также: *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 55–56.

[363] ПСЗ. Т. 1. № 1210. Стб. 817; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России... С. 55–56.

[364] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 3, 20.

10 полков[365]. Примечательно, что он настаивал, чтобы во главе полков «началные б люди были иноземцы добрые»[366]. Инициатива Гордона была в целом поддержана царским правительством — в Киев к уже имеющемуся приказу В. Воробьина должны были направиться стрельцы и солдаты, а также четыре приказа из Смоленска, которые следовало дополнить даточными «ныняшняго збору»[367]. Кроме того, планировалось значительно пополнить количество огнестрельного оружия, пороха и различных боеприпасов. Как видно, меры, предпринимаемые для укрепления Киева, свидетельствовали о серьезном намерении правительства защищать его.

Как упоминалось выше, в ноябре 1678 г. состоялось назначение воевод по полкам. Однако 14 февраля 1679 г. Федором Алексеевичем были внесены некоторые изменения. По-прежнему должен был собираться Большой полк во главе с кн. М.А. Черкасским, с которым теперь должны были быть кн. П.И. Хованский и стольник кн. Ф.Ю. Барятинский. Во главе Новгородского полка оставался кн. И.А. Хованский, но действовать он должен был вместе со стольником В.М. Дмитриевым. Вместо П.В. Шереметева командовать Казанским разрядом указывалось кн. М.Ю. Долгорукову и окольничему кн. Г.А. Козловскому. Было принято решение о задействовании в кампании 1679 г. Рязанского разряда, который поручался, наряду с Севским, П.В. Шереметеву и окольничему А.С. Хитрово. Во главе Белгородского полка оставался боярин И.Б. Милославский, который прибыл в Курск в начале марта, в его подчинении находился думный генерал В.А. Змеев[368]. Как видно, в основном ранее утвержденный командный состав остался, речь шла, скорее, о переназначении воевод в конкретные полки. Также обращает на себя внимание, что география сбора ратных людей расширилась за счет Рязанского и Казанского разрядов, существенно увеличилось присутствие Новгородского. Как представляется, призыв на службу ратных людей, ранее не принимавших

[365] См. подробнее: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 21–27; *Гордон П.* Дневник... Приложения № 17. С. 117–120; *Алферова Г.В., Харламов В.А.* Киев во второй половине XVII века. Киев, 1982. С. 125–127.

[366] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 21.

[367] *Гордон П.* Дневник... С. 120–122; *Алферова Г.В., Харламов В.А.* Киев во второй половине XVII века... С. 127.

[368] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1049–1051.

участия в боях, с одной стороны, показывает, насколько серьезно в Москве относились к османской угрозе. С другой — то, что эти войска не участвовали в тяжелых походах прошлых лет, позволяло рассчитывать, что они не начнут в конце сезона спешно покидать службу из-за своего тяжелого положения.

В Москве в начале весны стали получать сведения о набегах татарских отрядов на Киев для взятия языков и конских кормов. Одновременно в Москве постоянно получали информацию о подготовке османов к войне и скором выступлении к Днепру, в том числе о том, что в походе будет лично участвовать турецкий султан. Тревожные вести были получены гетманом И. Самойловичем от отца Исакия, архимандрита одного из афонских монастырей. По словам гетмана, из его сообщений следовало, что «турский салтан... всею особою со всеми своими... силами подлинно не куды... толко под Киев войною готовитца»[369]. Данное обстоятельство вызывало серьезные опасения у московского правительства и гетмана И. Самойловича и вынуждало корректировать планы военных действий. Гетман обращал внимание на то, что оборона Киева потребует привлечения большего, чем в 1678 г., количества войск, не только из-за размеров города, но из-за намерения участвовать в походе на Украину самого султана, который «сам пришед, все свои силы, сколко их имеет, с собою приведет»[370]. В этой связи И. Самойлович стал настаивать на скорейшей отправке в Киев ратных людей: царские «передовые... и иные все силы посылать, чтоб, приход предварив неприятелский, стали под Киевом, и чтоб их много болшее прошлого году было число для отпору той свирепой бусурманской войны»[371]. Для московского правительства, которое активно собирало сведения об османских планах, турецкое наступление в 1679 г. казалось несомненным. Будущая кампания, как представлялось, должна была быть масштабнее второго Чигиринского похода. Получаемая в Москве информация, в свою очередь, учитывалась для подготовки к военным действиям.

В середине марта в Москву от гетмана И. Самойловича приехал «знатный товарыщ войсковой» И. Мазепа с инструкцией, в

---

369 РГАДА. Ф. 124. 1679. Д. 10. Л. 2.

370 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 134.

371 Там же. Л. 133.

которой гетман высказал некоторые пожелания и предложения в связи с предстоящим выступлением к Киеву.

В первую очередь гетман считал важным, чтобы войска, участвующие в походе, были многочисленны и не разделялись, и «чтоб было воевод немного, и чтоб их ратные боялись и слушали». Кроме того, необходимо было заранее согласовать, где в Киеве «войскам стоять и сколко места занять», чтобы избежать возможного недопонимания и потери времени при организации обороны[372]. Он также продолжал настаивать, что в походе должны участвовать войка под командованием кн. К.М. Черкасского и донские казаки[373]. В Москве с этим согласились и велели «о том о всем... указ учинить»[374]. Кроме того, гетман считал, что за два года приобрел ясное понимание османской стратегии: главнокомандующий «не извык... войск своих никогда разнити, но куды ни идет на войну, всегда при себе все имеет, чего имеем ныне новые доводы»[375]. Речь в данном случае шла и о войсках крымского хана, которые в 1677–1678 гг. не действовали отдельно от турецкой армии. В этой связи И. Самойлович подчеркивал, что нецелесообразно оставлять значительные войска на Белгородской черте, поскольку из Крыма «разве толко подъезда какова неболшого татарского своеволного дожидатись»[376]. В Москве были согласны, что назначенные в Киев полки «отделены не будут», однако решили оставить, как будет показано ниже, «на черте» значительные силы, воспользовавшись ситуацией для строительства новой линии обороны[377].

В связи с получением «подлинных» известий о том, что «турской султан, не отменяя злаго своего намерения, со многими своими бусурманскими ратми и крымской хан с ордой к войне збираютца и хотят приходить под Киев нынешнею весною вскоре ж»[378], последовало царское распоряжение о высылке войск на службу «на указной срок». В военной кампании 1679 г. опять планировался ранний сбор войск.

372 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 606–606 об.
373 Там же. Л. 606 об. – 607.
374 Там же. Л. 616.
375 Там же. Л. 620.
376 Там же. Л. 621.
377 *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 103–104.
378 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 266.

К 19 мая расположение царских войск должно было быть следующим: Большой полк во главе с кн. М.А. Черкасским вместе со всеми воеводами и ратными людьми должен был встать в Севске; кн. И.А. Хованский «с товарыщи» и с Новгородским полком — в Рыльске; кн. М.Ю. Долгорукий «с товарыщи» и с Казанским разрядом — в Путивле[379]. Как видно, к середине мая Большой полк и два разрядных должны были быть сосредоточены в районе Белгородской черты, откуда относительно быстро они могли переместиться к Днепру. Однако особое указание последовало для боярина П.В. Шереметева, которому уже 1 апреля предписывалось выступить из Рыльска в Киев с Рязанским и Севским полками: «...боярину... Петру Васильевичю Шереметеву с товарыщи резанских и заокцких городов з дворяны и детми боярскими да Севского полку городов с ратными и конными, и пешими, да с салдатцкими с пятью полками, да с московскими стрелецкими с пятью приказы из Рыльска итти к Киеву апреля с 1-го числа»[380]. Обращает на себя внимание, что значительную часть этой армии составляли войска, ранее не принимавшие участия в военных действиях против турок. «Товарыщу» И.Б. Милославского генералу В.А. Змееву со всеми солдатскими полками Белгородского разряда также указывалось идти к Киеву с 1 апреля «в сход к боярину и воеводе Петру Васильевичю с товарыщи»[381]. Такой же указ получили командующие выборными солдатскими полками — генерал А. Шепелев и генерал-поручик М. Кровков: «...итти с Москвы в Севск и стать в Севску на срок марта в 25-м числе, а ис Севска итти к Киеву апреля с 1-го числа»[382]. Сделано это было для усиления армии П.В. Шереметева, поскольку, если бы состоялся ранний приход османских войск, именно она приняла бы на себя первый удар. Очевидно, что в распоряжении воеводы Рязанского и Севского разрядов, таким образом, оказалось значительное число солдат и отчасти стрельцов.

Также было принято решение об отправлении 1 апреля в Киев передовых войск во главе с окольничим кн. Г.А. Козловским,

---

379 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 267.

380 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 5 об. – 6.

381 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 256; Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 6.

382 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 6–6 об.

в распоряжение которого отводились 6 приказов московских стрельцов, общей численностью 4,4 тыс. человек[383]. Им указывалось быть в древнерусской столице вместе с киевским воеводой кн. Н.С. Урусовым «для охранения... отчины града Киева и для устроения мостов на Днепре, чтоб к приходу наших государских ратей х Киеву и к Печерскому монастырю те мосты были готовы,... чтоб нашим... ратем... приходом своим упредить неприятеля и переправы чрез реку Лыбедь занять»[384]. В частности, на этом настаивал гетман И. Самойлович. Строевой лес и «всякие струговые и мостовые запасы» были заранее посланы в Киев из Брянска и Трубчевска[385]. По словам Самовидца, «на Днепрі под Кіевом мост на байдах уроблено широкій, же у три лаві ити могли вози»[386]. Это решение должно было существенно сократить сроки переправы через Днепр, поскольку перед основной армией, как и в 1678 г., вставала задача появиться на правом берегу Днепра раньше османских войск, не допустив возможной блокады города.

Стоит отметить, что, несмотря на тяжесть предыдущих военных походов, снова предполагалось раннее выступление Белгородского полка во главе с И.Б. Милославским, которому «со всеми конными ратными людми и стрелцами» надлежало выступить к Киеву с 15 мая. Предполагалось, что Белгородский полк должен будет заранее, до неприятельского прихода (но позднее, чем войска П.В. Шереметева), «заступить» в Киев и оберегать его[387]. Сбор конных войск в более поздние сроки связан, как и ранее, с обеспечением их конскими кормами.

Таким образом, к началу лета русские войска должны были сосредоточиться на двух направлениях: в Киеве и на Белгородской черте. Такое расположение, как представляется, с одной стороны, позволяло первое время защищать Киев, пока войска Большого полка, Новгородского и Казанского разрядов подойдут к Днепру (в том случае, если по каким-то причинам они не «поспешат» до прихода турок) и будут угрожать османам с тыла. По

---

383 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 162.

384 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 5–5 об.

385 Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1172.

386 Літопис Самовидця... С. 133.

387 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 267–268.

сути, речь шла о такой же, как во время Чигиринских походов 1677–1678 гг., тактике.

Царское правительство, как и ранее, пыталось заинтересовать ратных людей в том, чтобы они после разбора прибывали в полки до «указного срока», до 25 марта. Для этого И.Б. Милославскому предписывалось давать ратным людям Белгородского полка денежное жалованье «на три месяца по два рубли по дватцати по два алтына по две деньги человеку»[388]. Одновременно за высылку из городов Белгородского разряда в полки отвечали «начальные люди», которые должны были «под смертною казнью... тех городов ратных людей, собрав в полк, привесть на те указные сроки безо всякой корысти и поноровки»[389]. Подобные указы направлялись и в другие полки. В то же время стоит отметить, что в Москве были готовы рассматривать предоставление ранее обещанных послаблений тем ратным людям, которые были повторно высланы на службу в Поднепровье осенью 1678 г.[390]

Однако весна 1679 г. оказалась холодной и скудной на конские корма[391]. Кроме того, стало появляться значительное количество челобитных на имя царя, в которых ратные люди жаловались на то, что, «будучи на... службе, оскудали и обеззапасели вконец», также у многих «лошади попадали, а иные пристали»[392]. Часть солдат стала «отговариватца», что поспешить им к «указному сроку» невозможно из-за того, что «зимний путь попортился»[393]. Это привело к тому, что многим полкам не удалось встать в назначенных местах в обозначенные сроки, при этом, учитывая тяжесть военного времени, у правительства не оказалось эффективных рычагов воздействия, чтобы значительно исправить ситуацию[394].

---

388 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 269.

389 Там же. Л. 270.

390 См., напр.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 318.

391 *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 102.

392 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 793. Л. 332–333.

393 Там же. Л. 335.

394 См., к примеру, интересное наблюдение И.Д. Беляева о попытке применить смертную казнь: *Беляев И.Д.* Поход боярина Петра Васильевича Большого Шереметева в Малороссию... С. 16.

Несмотря на то, что П.В. Шереметеву предписывалось прибыть в Киев раньше всех воевод разрядных полков, он выступил из Рыльска только 2 мая из-за «мотчанья», которое учинили московские стрелецкие приказы и солдатские полки[395]. К Днепру П.В. Шереметев прибыл 5 июня и остановился на левом берегу, переправившись на противоположную сторону 12 июня. Такое неспешное движение было связано с массовым падежом лошадей в полку[396], а также с необходимостью наводить мосты на реке Сейм в районе Путивля из-за распутицы[397]. Воевода Белгородского разряда И.Б. Милославский, выступив из Курска 15 мая, прибыл в Киев 13 июня 1679 г., почти одновременно с П.В. Шереметевым, и стал обозом на Печерской горе между Нижним городом и Печерским монастырем. Полк генерала В.А. Змеева подошел к Киеву 15 мая, выборный полк А. Шепелева 26 мая только переправлялся через реку Сейм и появился у города в начале июня, после прибытия туда П.В. Шереметева, с которым должен был быть в сходе[398].

Сам воевода Большого полка кн. М.А. Черкасский двигался медленно, прибыв в Севск 10 июня. При этом поздний приход не помешал кн. М.А. Черкасскому получить царскую грамоту с «милостивым словом»[399]. В Киев кн. М.А. Черкасский вошел в конце июля 1679 г.[400] Такая задержка, как представляется, подчеркивает номинальное назначение воеводы Большого полка.

Пока основные царские войска двигались к Днепру, гетман И. Самойлович дожидался недалеко от Батурина Большого полка кн. М.А. Черкасского для соединения войск[401]. Обращает на себя внимание, что в ожидании крупного османского похода он не отправился в Киев самостоятельно, объясняя это тем, что «поспешить с Войском Запорожским прежде бояр их... чаялось не де-

---

395 См., напр.: *Беляев И.Д.* Поход боярина Петра Васильевича Большого Шереметева в Малороссию... С. 22.

396 Там же. С. 24.

397 РГАДА. Ф. 124. 1679. Д. 13. Л. 10.

398 См. подробнее: *Беляев И.Д.* Поход боярина Петра Васильевича Большого Шереметева в Малороссию... С. 22–26.

399 Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1234–1235.

400 *Беляев И.Д.* Поход боярина Петра Васильевича Большого Шереметева в Малороссию... С. 29.

401 Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1255–1256.

лом», кроме того, «указ есть монаршеской таков, чтоб.. з бояры... в общем обозном был походе»[402]. Судя по тому, что об этом он писал киевскому воеводе кн. Н.С. Урусову, в Киеве такое решение вызывало вопросы. Известно, что гетман И. Самойлович сошелся с войсками кн. М.А. Черкасского и кн. М.Ю. Долгорукова 13 июля[403].

В конце весны — начале лета в Москве продолжали получать сведения об османских планах и о готовящемся ими походе[404]. Гетманские посланцы сообщали, что «турской салтан, не отменяя своего намерения, со всеми своими силами шлет к Киеву везиря и крымского хана с ордами, и будут под Киев вскоре»[405]. Из отписок киевского воеводы кн. Н.С. Урусова следовало, что крымский хан в начале июня покинул полуостров и направился к Киеву, «хочет переходить Днепр на Переясловскую сторону для того, чтоб им их бояр и воевод с полками к Киеву для обереганья того города не допустить»[406]. У русского правительства были основния полагать, что над Киевом нависла серьезная угроза, и вставал вопрос о безопасности Левобережья. По словам взятых в плен турок, сами турки в целом планировали не только завоевание Киева, но и поход на Левобережье, в частности под Переяславль. Специально для этого готовились суда для переправы через Днепр: «...после Чигиринского походу много судов водяных... имеют, и... идя под Киев, возити с собою на телегах до Днепра, а от Днепра... перепровлять войска свои за Днепр, усмотря пристань, тут, около Переясловля». При этом планировалось оснащать суда пушками: «...имеет быти... во всех судах по десяти пушак, а на иных и по петнадцати»[407]. Из Москвы последовали грамоты, призывающие воевод поспешить к Киеву, однако на продвижение полков они повлияли слабо. При этом параллельно стали появляться сведения о том, что османского похода к Киеву в 1679 г. не будет, а на Дунае нет значительных войск[408].

---

[402] РГАДА. Ф. 124. 1679. Д. 16. Л. 1.
[403] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 1016 об.
[404] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1226–1227.
[405] Там же. Стб. 1144.
[406] Там же. Стб. 1153.
[407] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1139. Л. 11–12.
[408] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 834.

В то же время, несмотря на медлительность армии, удалось достигнуть к середине лета высокой мобилизации за счет привлечения войск из городов Новгородского, Казанского и Рязанского разрядных полков. Это позволило значительно увеличить численный состав войск. В Белгородских столбцах Разрядного приказа сохранилась роспись войск, фиксирующая наличную численность армии в двадцатых числах июля 1679 г., согласно которой она составляла 89,1[409] тыс. человек, в том числе в Большом полку кн. М.А. Черкасского — 12,4 тыс. чел. (из них: московских чинов, копейщиков и рейтар и др. — 7,2 тыс. чел.; в выборном солдатском полку М. Кровкова — 2,2 тыс. чел.; в трех стрелецких приказах — 2,8 тыс. чел.); в Новгородском полку – 3,8 тыс. чел.; в Казанском полку с кн. М.Ю. Долгоруковым — 9,3 тыс. чел. (кроме того, с его «товарыщем» с кн. Г.А. Козловским в 6 стрелецких приказах находилось 4,4 тыс. чел.); в Рязанском и в Севском полках с боярином П.В. Шереметевым — 19,2 тыс. чел. (из них: в Севском полку — 8,4 тыс. чел.; в выборном солдатском полку генерала А. Шепелева — 4,5 тыс. чел.; в полку окольничего А.С. Хитрово — 6,2 тыс. чел.); в Белгородском полку с боярином И.Б. Милославским — 18,1[410] тыс. чел. (из них: конных и пеших — 12,4 тыс. чел.; с генералом В.А. Змеевым — 5,5 тыс. чел.); с Г. Косаговым в малороссийских городах «руских и черкас» — 9,1 тыс. человек[411].

Несмотря на то, что основная часть армии должна была защищать Киев, все же значительная ее часть осталась в тылу, и была расположена вдоль Белгородской черты и Муравского шляха. В Новом Осколе располагался стольник и воевода Я.С. Барятинский. Под его началом «на Белогородской черте конных и пеших руских и черкас» было 1,8 тыс. человек[412]. Небольшой отряд под

---

[409] Стоит отметить, что при пересчете итоговые цифры не совпадают: приведенная в росписи финальная сумма несколько завышена. Связано это может быть с ошибками в расчетах служащих Разрядного приказа или с тем, что в росписи отразились не все данные. Кроме того, наличный состав войск оказался ниже предполагаемого (ср.: РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 75. Л. 27–44).

[410] Из них 1,9 тыс. человек было направлено на Запорожье с В. Перхуровым (Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 169).

[411] Там же. Л. 156–170.

[412] Там же. Л. 170.

командованием М.А. Апухтина был размещен в Валуйках, численность «копейщиков и рейтар» составляла 122 человека. Кроме того, «в полевых городех за чертою» с харьковским полковником Г. Донцом находилось 3,5 тыс. казаков[413]. В августе войска под командованием генерала Г. Косагова были переброшены из «малороссийских городов» в Палатово, восточнее Белгорода. Общее число собранных на Белгородской черте и «за чертою» полков в конце августа 1679 г. составляло 16 тыс. человек. Именно эти войска, как установил В.П. Загоровский, в 1679 г. начали сооружать новую южную линию обороны — Изюмскую черту[414]. Ее строительство позволило обезопасить междуречье Тихой Сосны и Коломака и защитить от крымских вторжений русско-казацкое население этого края.

Как видно, для участия в кампании 1679 г. была собрана значительная армия. Ее численность (т. е. без учета войск И. Самойловича) приближалась к численности объединенных русско-казацких сил, принимавших участие в Чигиринском походе 1678 г. Это оказалось возможным благодаря привлечению войск из центральных регионов страны. Однако стоит отметить, что численность Белгородского и Севского полков оказалась существенно ниже, чем во время Чигиринских походов 1677–1678 гг., что было связано, как представляется, с военными потерями и в целом с тяжестью ежегодных военных походов. Обращает на себя внимание и социальный состав полков. В Большом полку довольно большую часть войск составляли московские чины, что отчасти объясняет позднее выступление этого полка из Москвы. Примечательно также, что приказ московских стрельцов и выборные полки М. Кровкова и А. Шепелева, входившие теперь, согласно майским царским указам, в состав Большого полка[415], выступили раньше и действовали отдельно. Не исключено, что в случае успешных переговоров со Священной Римской империей в середине 1679 г. эта армия могла быть использована и с иными целями.

---

[413] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 171.

[414] См. подробнее: *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 103–104.

[415] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1201.

2.2. Организация обороны Киева

Киев имел удобное географическое положение с точки зрения его обороны: с западной и южной сторон подходы к Киеву были перекрыты руслом р. Лыбедь с ее болотистой поймой. Обрывистый правый берег Днепра защищал восточную часть города. Однако сложность заключалась в том, что город состоял из нескольких практически самостоятельных, но соединенных между собой системой укреплений районов: Верхний город, Нижний город и Печерское местечко. Верхний город, исторический центр древнерусского княжеского города, располагался на высоком гористом правом берегу. Нижний город, или Подол, по сути, представлял собой большой торгово-ремесленный посад, он раскинулся в низине у подножия киевских гор, рядом с Днепром. Печерское местечко, где располагалась Киево-Печерская лавра со слободами, находилось южнее и отделялось от других частей Крещатицким яром.

При этом протяженность линии обороны Киева была значительной[416]. Ввиду этого существовали трудности, связанные с проведением фортификационных работ; и для обороны Киева количество собранных войск имело первостепенное значение.

В конце мая переговоры о том, каким образом разместить войска, направленные к Киеву, велись между П.В. Шереметевым и И. Самойловичем около Батурина[417]. По мнению гетмана, пришедшие к Киеву войска должны разместиться обозом таким образом, чтобы «и городу Верхнему Киевскому, и Нижнему, належащие построены были крепости»[418]. Важной, по его мнению, представлялась также оборона Киево-Печерского монастыря. Предполагалось, что находящиеся в Киеве войска будут заниматься починкой укреплений и сооружением новых оборонительных систем. Связано это было с тем, что, хотя, по словам гетмана И. Самойловича, в предыдущие годы «немало было чрез... рат-

---

[416] *Беляев И.Д.* Поход боярина Петра Васильевича Большого Шереметева в Малороссии... С. 23

[417] Подробно этот сюжет рассматривает в своей работе И.Д. Беляев со ссылкой на Белгородские столбцы Разрядного приказа. См.: Там же. С. 23–24.

[418] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679. Д. 16. Л. 2.

ных там будучих людей учиненных трудов», все они мало способствовали укреплению обороны Киева[419].

Изначально П.В. Шереметев с войсками должен был встать на Печерской горе, однако этот план был пересмотрен. 4 июня гетман писал в Москву, что «егда увидел есмь, что войск при нем... зело мало, едва с 5000 будет, которым Печерской горы не осадить, и крепости на ней делать не возможет, тех тогда ради мер советовал ему, чтоб, пришед в Киев, стал выше великого города по горе у пробитого валу». Гетман предлагал войска П.В. Шереметева разместить у Львовских ворот до Щековицы, где «належати будет, заняв от помянутых Львовских ворот возле пробитого валу около горы Шаковицы и вниз горы, спущаясь около нижнего города Киева, до самого берега верхнего Днепровского»[420]. Это место было уязвимым из-за пробитого, видимо, во время крымских набегов вала. Рвы подходили вплотную к городской стене, что повышало риск занятия этой позиции османскими войсками. По мысли И. Самойловича, на Печерской горе должны были расположиться войска Большого полка кн. М.А. Черкасского и кн. М.Ю. Долгорукова вместе с гетманскими войсками. Эти войска должны были защищать Киево-Печерскую лавру, а также чинить и возводить укрепления[421]. 4 июня соответствующее распоряжение было направлено кн. М.А. Черкасскому. Боярину И.Б. Милославскому с Белгородским полком рекомендовалось стать от реки Днепра около Печерского монастыря. Гетман подчеркивал, что необходимо от лавры «зделать до Днепра вал с выводами»[422]. По его мнению, это было уязвимое место, поскольку неприятельские войска могли использовать его как плацдарм для дальнейшего наступления: «...потеряв то место, опасаемся, чтоб оттуды и на весь Киев от неприятеля не учинилось наступление»[423].

Кроме того, И. Самойлович отмечал, что до этого времени в Киеве не велось «инженерского» строительства[424]. Ситуация, од-

---

[419] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679. Д. 21. Л. 40 об.

[420] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1204.

[421] Там же. Стб. 1205–1206.

[422] РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 50. Л. 608 об. – 609.

[423] Там же. Л. 621 об.

[424] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679. Д. 21. Л. 40 об.

нако, должна была измениться с назначением в город П. Гордона (точная дата его прибытия в Киев неизвестна), которому поручалось вести фортификационные работы[425]. Еще в апреле П. Гордон представил киевскому воеводе кн. Н.С. Урусову роспись «ко охранению града Киева», по которой следовало возвести около старого вала пять отводных городков и «всякие крепости», однако из-за малолюдства ратных людей весной 1679 г. реализовать этот проект не удалось. В этой связи после прибытия в Киев П. Гордону следовало беспокоиться «о сохранении города и о всяких воинских належащих делех»[426].

Работы, таким образом, перенесли до прихода в Киев П.В. Шереметева. В Москве, как было показано выше, исходили из раннего появления русских войск в городе, в этой связи именно П.В. Шереметеву изначально отводилась значительная роль в укреплении древнерусской столицы. Так, ему предписывалось действовать сообща с Киевским полком, а также «о всем советовать и промышлять Войска Запорожского с полковники, которых пришлет с полки к Киеву гетман И. Самойлович прежде своего приходу»[427].

Только после появления в начале июня практически одновременно войск П.В. Шереметева и И.Б. Милославского началось активное возведение укреплений[428]. В первую очередь войска занялись укреплением посада и Верхнего города[429]. Воеводам следовало: «...всякие промыслы и крепости ко охранению града Киева, что пристойно, чинить, применяясь к тамошнему настоящему делу, смотря того, чтоб Болшому городу от неприятелского приходу было на оборону и в надежную крепость, и промышлять о том с великим раденьем, чтоб всякие готовости, как в городовом деле, так и в полковом к отпору неприятелскому было все в готовости»[430].

Стоит отметить, что, несмотря на назначение кн. М.А. Черкасского воеводой Большого полка, он появился в городе поздно

[425] Об организации обороны Киева в 1679 г. см.: *Кочегаров К.А.* Генерал Патрик Гордон... С. 494–497.

[426] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1173.

[427] Там же.

[428] Там же. Стб. 1173–1174.

[429] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679. Д. 21. Л. 1 об. – 2.

[430] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1171.

и практически не участвовал в разработке планов обороны Киева. Все решения, связанные с защитой города, возлагались на П.В. Шереметева и И.Б. Милославского, которые должны были действовать «по совету» с гетманом И. Самойловичем. Так, в царской грамоте П.В. Шереметеву указывалось «вопче с боярином И.Б. Милославским береженье Киеву и Печерскому монастырю держать... Промысел же воинский чинить, где пристойно, применяясь к тамошнему настоящему делу, по совету... с гетманом, с И. Самойловичем»[431]. Это вполне подтверждает предположение П.В. Седова о номинальной роли кн. М.А. Черкасского.

В конце июня 1679 г. П.В. Шереметев доносил царю об уже проведенных работах. Так, став обозом у Львовских ворот, как и рекомендовал И. Самойлович, он «для остерегательства от прихода неприятелских людей велел делать крепости, вал валити, ров копать и делать отводные городки в порожжем месте от Лыбеди реки в степь». За это время воевода на занимаемом им участке успел возвести вал высотой в 2,5 сажени и шириной «в подошве» в 4 сажени, а также выкопать около вала ров в глубину и в ширину по 3 сажени[432].

Соединенные войска кн. М.А. Черкасского и гетмана И. Самойловича подошли к Киеву только в конце июля[433]. После этого «бояря и воеводы и гетман около Киева крепостей осматривали», и, по всей видимости, было принято решение, что И. Самойлович с казаками займется укреплением территорий возле Киево-Печерского монастыря, начав «строить около старого деревянаго строгу земляной вал»[434]. Речь идет о возведении Печерской крепости и обнесении ее «крепкими земляными валами»[435]. По данным Г.В. Алферовой и В.А. Харламова, эти укрепления «представляли собой прямоугольный в плане типично русский деревянный городок, состоящий из рвов и валов, над которыми возве-

---

[431] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1171.

[432] *Алферова Г.В., Харламов В.А.* Киев во второй половине XVII века... С. 62.

[433] *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 74.

[434] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679. Д. 21. Л. 1 об. – 2.

[435] *Алферова Г.В., Харламов В.А.* Киев во второй половине XVII века... С. 62.

ден деревянный частокол с заостренными верхними частями бревен»[436].

По всей видимости, проведение обширных фортификационных работ было связано с активной деятельностью П. Гордона. К.А. Кочегаров впервые обратил внимание на то, что И. Самойлович подчеркивал в своих донесениях в Москву особые заслуги шотландца в вопросах укрепления Киева и был доволен его действиями[437]. В целом за летнюю кампанию 1679 г. ему удалось провести довольно большой объем работ: организовать плацдармы для установки пушек, реконструировать валы, выкопать широкие рвы вокруг и т.д.[438] В то же время, несмотря на все предпринятые усилия, по мнению И. Самойловича, даже при «многолюдстве» ратных людей удержать Киев в случае появления османских войск было бы затруднительно[439].

В конце июня в походе османских войск к Киеву появлялось все больше сомнений, одновременно встал вопрос о целесообразности нахождения там значительных русско-казацких войск. Из Москвы, в свою очередь, приходили указания проведать о планах турок «подлинно», поскольку не исключали, что затишье на правом берегу Днепра является обманным маневром, для того чтобы «в небытие» ратных людей и казаков «турские войска безвестно х Киеву не пришли и по вымышленому своему намерению зла какова не учинили»[440]. В начале августа стало окончательно понятно, что «турского салтана войск нынешняго лета приходу под Киев не будет, и в сборе их нигде нет»[441]. В Москве приняли решение отозвать царские войска из Киева в Путивль, в конце августа был послан царский указ о роспуске войск[442]. К этому времени войска под командованием кн. М.А. Черкасского и кн. М.Ю. Долгорукова, а также И. Самойлович с казаками находились уже на левом берегу Днепра. Вскоре войска были распуще-

---

436 *Алферова Г.В., Харламов В.А.* Киев во второй половине XVII века... С. 63.

437 *Кочегаров К.А.* Генерал Патрик Гордон... С. 495–497.

438 См.: Там же. С. 496.

439 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 169–170.

440 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 958. Л. 321.

441 Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1330.

442 Там же. Стб. 1353–1354.

ны. 23 сентября из Москвы был отправлен стольник С. Языков к кн. М.А. Черкасскому и его сходным товарищам — П.В. Шереметеву и кн. М.Ю. Долгорукому с царским «милостивым» словом[443].

Стоит отметить, что, сосредоточив значительные силы под Киевом, русское правительство не стало предпринимать активных военных действий на Правобережье. Более того, получив в середине июля предложение от И. Самойловича двинуть войска к Немирову, где «никакой силы и турского войска в сборе нет», из Москвы последовал приказ, запрещающий какие-либо посылки ратных людей и казаков на правый берег, «чтобы тем посылкам с турским салтаном вины к войне и задоров не учинить»[444]. Сдержанность русской стороны была связана с тем, что результаты переговоров в Вене о союзе против Порты оставались неизвестными до осени 1679 г.[445] Вместе с тем в Москве не было согласия на османские условия мира — провести границу по Днепру.

Примечательно, что жителям Левобережья И. Самойлович «приказывал», чтобы «на ту сторону Днепра не дерзали ходить», тех, которые «не слушают, а ходят в лес по ягоды... и тех хватают, а которые слушают и не ходят, и тех Господь хранит»[446]. Данное сообщение, как представляется, красноречиво иллюстрирует, что правый берег Днепра, по сути, превратился в территорию, на которой свободно действовало Крымское ханство.

2.3. Положение в низовьях Днепра

Как показали военные действия 1677 и 1678 гг., турецкие войска, вынужденные вести многодневную осаду в опустошенном краю, столкнулись с проблемой нехватки провианта и фуража. Продолжение активных военных действий для османов было затруднительным, учитывая дальние расстояния и отсутствие налаженного снабжения.

В этой связи в 1679 г. основные усилия Османская империя сосредоточила на укреплении своих позиций в северном Причер-

---

443 Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1395–1396.

444 Там же. Стб. 1324–1325.

445 *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 135.

446 РГАДА. Ф. 124. 1679. Д. 21. Л. 7 об.

номорье[447], и прежде всего — на попытке прекратить запорожские набеги и обеспечить возможность безопасной переправы припасов по Днепру.

После Чигиринского похода 1678 г. часть османских войск (ок. 10 тыс. чел.) во главе с назначенным сердаром (командующим войсками) Кара Мехмедом-пашой осталась зимовать на Дунае в Бабадаге[448]. Весной указ о строительстве двух крепостей в устье Днепра получил бейлербей Боснии Ахмед-паша, с необходимыми строительными материалами к Днепру направлялся Капудан-паша (командующий османским флотом)[449]. Похожие сведения передавал В. Даудов, по словам которого, османским войскам предписывалось идти через Тягин (Бендеры) на Запорожье «для снесения Коша и для строения на Днепре двух городов»[450]. В этой кампании не предполагалось участия великого визиря и, соответственно, основных сил Османской империи.

Из сведений С. Проского следовало, что в начале 1679 г. османская сторона рассматривала возможность направить свои войска как на Украину, так и в Венгрию[451]. Согласно донесениям В. Даудова[452], будучи в апреле месяце в Яссах, он «слышал... подлинно, что салтан Турской указал было войскам турским итти под Киев в войну апреля с 1-го числа, и указы послать везирю повелел»[453]. Это намерение, однако, вызвало, по его словам, противодействие турецких военачальников: «...и паши, и прочие начальные люди янычар-агасы, и чюрбачеи, и билюк-баши, пришед до везиря и муфтия, били челом со слезами, чтоб они салтана упросили, чтоб салтан всчатую войну... прекратил и под Киев в

---

447 Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 211.

448 Defterdar Sari Mehmed Paşa. Zübde-i Vekayiât. Tahlil ve Metin (1066–1116/1656–1704). Ankara, 1995. S. 109; Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 211.

449 Defterdar Sari Mehmed Paşa... S. 109. Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi... 1 cilt. S. 211.

450 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 101.

451 Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 424.

452 О том, какие сведения В. Даудова шли через Малороссийский приказ, см.: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 66–67.

453 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 99.

войну не ходил»[454]. Как представляется, в распоряжении посланника оказались сведения, исходящие прежде всего от рядовых османских воинов. Однако примечательно, что, по словам польского резидента, Каплан-паша, участвовавший в кампании 1678 г., отказался выступить в поход на Украину из-за малолюдства и малого числа лошадей в турецкой армии после Чигиринского похода[455]. Стоит отметить, что в османских источниках прямого указания на существовавшее намерение двинуть войска на Киев в этом году и на сопротивление этому части турецкого общества на данный момент не обнаружено, в то же время недовольство тяжелой военной кампанией у османов действительно существовало.

Османская сторона, таким образом, основные усилия сосредоточила на строительстве городков на Днепре для укрепления своего влияния в регионе. К примеру, из расспросных речей жаботинского жителя Василья следовало, что «было постановление у турков, что все силы имели послать под Киев, а потом разсуждали быти им прибылнее построить первее городки на Днепре, чтоб Крым был безопасен и запасы лехче бы им возить в войну. И для того войска свои к Днепру... не посылали»[456]. По словам Ф. Мошенского, бывшего в турецком плену «у везиря», «салтан Турской сам особою своею хотел итти под Киев, и войска свои в тот поход збирал, и как послышали, что царского величества войска в зборе великие и через всю зиму шли на Украину и, опасаясь запорожцов, вместо того походу послал на Запорожье городков строить, чтоб им хлебные и всякие запасы проводить было от запорожцов безстрашно»[457].

При этом при строительстве крепостей, по сведениям Москвы, должны были быть задействованы значительные крымские силы. От боярина Б.А. Шереметева, находящегося в крымском плену, русское правительство еще весной стало получать сведения о строительстве и расширении системы турецких оборонительных укреплений в низовьях Днепра. Его информаторы сообщали, что в конце апреля к крымскому хану приехал из Стамбула чауш

---

[454] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 99.

[455] Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń... S. 424.

[456] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 233–234.

[457] Там же. Л. 107–108.

«з грамотою, чтоб хан был готов с крымскими ратными людми к походу к Днепру, где будут турские ратные люди по указу турского салтана, а на Днепре городки поотстроены для обереганья от приходу великого государя ратных людей и запорожских казаков»[458]. Речь шла о возведении крепости Мубеурек-Кермен (Шингерей) и укреплении крепости Ислам-Кермена, которые наряду с Кызы-Керменом и Мустрит-Керменом (на о. Тавань) образовывали мощные укрепления в устье Днепра[459].

Однако царское правительство некоторое время не воспринимало всерьез сообщения о военном походе османов на Запорожье, считая их очередной дезинформацией со стороны Порты. Такое мнение сложилось, по всей видимости, в связи с полученными И. Самойловичем в апреле 1679 г. сведениями от архимандрита одного из афонских монастырей, согласно которым о походе на Запорожье говорится «для того, чтоб туды все силы государские и войска... казацкие, обратив очи, под Киевом на отпор оному [османским войскам. — *М.Я.*] готовости не устроили»[460]. Исходя из этого, воеводы получили из Москвы соответствующие указания. Так, в конце мая в царской грамоте кн. М.А. Черкасскому подчеркивалось, что турки «испускают голосы, будто они не под Киев рати свои готовят, вниз Днепра для устроения городков силы свои обратить имеют, и на то обнадеживатись не на что; для того все то чинят, чтоб на то обнадежився, его государские великие силы не перебрались против их сил под Киев, а приходу, де, их ныне кончае чаят под Киев»[461].

К началу лета в распоряжении московского правительства по-прежнему не было точной информации о намерениях османов[462]. Сведения были противоречивы, посланники кн. К.М. Черкасского, побывавшие в Крыму, заявляли, что на полуострове «никакова збору на войну не было»[463]. В то же время от полтавского полковника приходили вести о частых приходах в Полтав-

---

458 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679. Д. 12. Л. 32.

459 *Заруба В.М.* Українське козацьке військо... С. 331–332.

460 РГАДА. Ф. 124. 1679. Д. 10. Л. 2; *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 62.

461 Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1152.

462 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1679. Д. 15. Л. 1.

463 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 61. Л. 109.

ский полк крымских разъездов, в связи с чем И. Самойловичу пришлось направить туда компанейский полк Павловского[464].

Одновременно упоминаний о желании Порты «обратить войну на Запорожье всеми своими силами» становилось все больше. В этой связи Москвой и гетманом И. Самойловичем были предприняты определенные меры для защиты Запорожья[465].

Царское правительство планировало полномасштабные действия на Запорожье только в том случае, если «по ведомостям объявитца, что везир или многие паши с великими войски пошли на Запорожье, а под Киев подлинно не будут»[466]. В этом случае гетману было предписано послать на Сечь «регименту своего не малые полки», кн. М.А. Черкасскому указывалось отпустить Г. Косагова к Кодаку, а затем самому «со всеми силами» двигаться вниз по Днепру к Полтавскому полку. Кроме того, кн. К.М. Черкасский в случае «самой подлинной и достоверной ведомости, что неприятели... пойдут совершенно на Сечю и на Запорожье» должен был отпустить наперед себя П.В. Шереметева и И.Б. Милославского[467].

13 июля состоялось заседание Боярской думы, на котором обсуждались «подлинные» вести об османском походе на Запорожье, полученные от И. Самойловича, и был выработан план военных действий. Прежде всего, было предписано отпустить Г. Косагова «в те места, где назначит гетман». В случае подтверждения вестей о движении турок на Сечь кн. М.А. Черкасскому следовало двинуть войска к Полтаве, «смотря на настоящее дело»[468]. Кн. И.А. Хованскому указывалось для защиты Белгородской черты «от замыслов хана крымского» встать с полком в Карпове, ему в подчинении предписывалось быть воеводе Нового Оскола кн. Я.С. Барятинскому[469]. Кроме того, был послан указ стольнику В. Перхурову со стрелецким приказом идти на

---

[464] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1256.

[465] Данные сюжеты были подробно изучены в работах К.А. Кочегарова, поэтому будут рассматриваться только опосредованно. См.: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 59–90.

[466] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1259.

[467] Там же. Стб. 1259–1260, 1265–1267.

[468] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 958. Л. 308.

[469] Там же. Л. 309.

Запорожье[470]. В Киеве до 1 сентября «для опасения» следовало остаться П.В. Шереметеву «с товарыщи» вместе с полковником выборного полка А. Шепелева и двумя стрелецкими приказами[471]. Предполагалось, что на Запорожье будут задействованы 1,5 тыс. солдат из Белгородского разряда, кроме того, указывалось кн. К.М. Черкасскому «с низовою ратью и с калмыки» идти также на Запорожье»[472].

В конечном итоге на Кош сначала был направлен небольшой отряд В. Перхурова. Данная экспедиция с самого начала складывалась неудачно — кн. Н.С. Урусов отправил отряд по Днепру «на худых стругах», а И.Б. Милославский «отпустил солдат худых, которые и разбежались, началные люди даны им пьяни»[473]. Как установил К.А. Кочегаров, посланные на Сечь силы сократились с 470 до 260 человек, вместе с казаками И. Серко численность объединенных сил достигала около 1000 человек[474]. Присланное позже подкрепление ситуацию не изменило, что обусловило невозможность для довольно скромных русско-казацких сил предпринять активные военные действия в низовьях Днепра[475].

Несмотря на первоначальное недоверие Москвы к получаемым сведениям, строительство крепостей оттягивало на себя значительные силы Крымского ханства, которые были вынуждены охранять находящиеся на Днепре турецкие войска. Пленный ногаец говорил, что «Белогородцкой орды мурзы и татаровя все ныне стоят в Запорогах для береженья турских людей, которые в Запорогах строят городки»[476]. Укрепления возводили около 4000 турок, татар, молдаван и валахов, присланных из очаковского эялета. Строителей охраняли десятитысячный корпус, пришедший от Дуная, и пятнадцатитысячная крымская орда[477]. Общие надежды, которые возлагали турки на построенные городки, как представляется, озвучил начальник янычарского корпуса,

---

[470] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 958. Л. 310.

[471] Там же. Л. 324.

[472] Там же. Л. 325.

[473] Книги разрядныя... Т. 2. Стб. 1283.

[474] *Кочегаров К.А.* Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом... С. 6.

[475] См. подробнее: Там же. С. 6–9.

[476] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 947. Л. 7.

[477] *Заруба В.М.* Українське козацьке військо... С. 331.

расположенного в Каменце-Подольском, с которым встречался по пути в Стамбул русский посланник Никифор Кудрявцев. По его словам, как «Агмет-паша зделал на Днепре городки и каланчи от Серкова проходу, чтоб от него, Серка, турецкому войску порухи и разоренья не было, и ему, де, Серку, от них, турков, утеснение стало быть великое и их, турков, разорять стало нельзя»[478]. В возведенных городках османы разместили по 150 джебеджи (в обязанности которых входила охрана и хранение оружия) и 30 артеллеристов (топчу)[479]. В целом, действительно, движение запорожцев по Днепру в Черное море значительно затруднилось, что, вероятно, привело к охлаждению отношений между И. Серко и В. Перхуровым и возобновлению запорожско-польских контактов[480].

Благодаря занятости крымцев, вплоть до начала июля на южных границах России оставалось относительно спокойно. Источниками зафиксирован 24 мая 1679 г. набег на Киев Батырши-мурзы с татарскими отрядами «для взятья языков». Киевскому гарнизону вместе с кн. Н.С. Урусовым удалось отбить нападение от городского вала и отогнать их на несколько верст. Хотя взятые в плен татары сообщали, что «чают, де, приход турскаго султана с 19 000 татар», в летнюю кампанию 1679 г. состоялся фактически только один крупный набег татарских сил[481]. Связано это было с тем, что в Крымском ханстве несколько иначе, по-видимому, представляли себе кампанию 1679 г. Из расспросных речей взятых в плен татар следует, что в Крыму ожидали крупных военных действий в районе Азовской крепости: «...хан крымской писал к нагайским мурзам, чтоб нагайские мурзы и татаровя, собрався, шли под Озов для того, что под Озов будут государевы ратные люди»[482]. По их словам, только в конце весны в Азов «пришло из Царяграда 7 каторг с людми и с хлебными и иными со вся-

[478] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 126–126 об.

[479] Defterdar Sari Mehmed Paşa... S. 109. О построенных городках см.: *Апанович О.М.* Запорозька Січ... С. 291–292; *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 88–89.

[480] См.: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 90.

[481] *Беляев И.Д.* Поход боярина Петра Васильевича Большого Шереметева в Малороссию... С. 22–23.

[482] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 947. Л. 3.

кими запасы. И ис тех, де, каторг, те люди в Озов, в город, вошли, и те запасы перевозили. А присланы, де, те люди с хлебными запасы для осады»[483]. В итоге возле Азова собралось около четырех тысяч человек, «и, собрався, стояли... месяца 3, ждали государевых ратных людей и, стоячи, оголодали»[484]. В этой связи ими был предпринят набег на «государевы украинные городы» во главе с ногайскими мурзами и двумя азовскими агами (всего ок. 2,5 тыс. чел.). Основные военные действия развернулись в районе Чугуева и Харькова.

Согласно расспросным речам взятых в плен крымцев, под Чугуевом им удалось захватить 50 человек «мужеска и женска полу» и угнать скот, после этого они направились в сторону Харькова, где также отогнали скотину, а «людей мужеска и женска полу никого не брали». Затем они двинулись назад, однако на обратном пути заблудились и разделились[485]. После чего они были разбиты отрядами харьковского полковника Г. Донца, который «полку ево с казаками с теми воинскими людми бились и ходили за ними в поход, и, дошод, их побили многих и розогнали по лесом... И достолные, де, воинские люди побежали в степь и ныне, де, их в полевых городех нет»[486]. Таким образом, по словам В.П. Загоровского, южнорусская окраина пострадала значительно меньше, чем в 1678 г.: «...татары в 1679 г. не разорили ни одного городка, ни одной крупной слободы»[487].

В целом, как видно, османы не предпринимали попыток вторгнуться на Украину в 1679 г., сосредоточив свои усилия на возведении оборонительных укреплений на Днепре. Заботы османской стороны о строительстве крепостей в низовьях Днепра говорили о том, что от турецких властей вряд ли удастся добиться территориальных уступок. О дальнейших планах османов относительно этих городков Москва могла иметь представление по расспросным речам переяславского жителя Данила Скуратенкова, вышедшего из полона в декабре 1679 г.: «...о войсках турских, которые на низу городки строили, сказывают, что пришли в Бабу

---

483 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 947. Л. 7.

484 *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 106.

485 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 947. Л. 5–6.

486 Там же. Л. 1–2.

487 *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 106.

и в Бабе зимовать имеют, для которых в Бабу великие запасы по указу салтанскому привезены на зиму, и 4000 янычан, новых выбрав, послать имеют в те новопостроеные городки в начале весны»[488].

Согласно сведениям османских источников, крымский хан Мурад-Гирей писал в Бабадаг сердару Кара Мехмеду-паше о значительных приготовлениях московской стороны к военным действиям. Информация об этом была направлена султану. В начале октября состоялось, как и в 1678 г., общее собрание (meclis-i meşvere) с участием видных военных и гражданских деятелей Османской империи. Было принято решение о подготовке к походу против Москвы[489].

Таким образом, в Москве могли исходить из того, что военное противостояние в 1680 г. может продолжиться.

Итоги кампании

Тревожная кампания 1679 г., таким образом, завершилась без крупных столкновений.

После Чигиринского похода 1678 г. русское правительство возобновило дипломатические усилия. Направляя очередное посольство в Османскую империю, Москва обозначила свои стартовые позиции для ведения возможных переговоров о мире: претензии османов на Правобережье, основанные на Журавенском договоре, русской стороной отвергались, а итог вооруженного противостояния виделся в том, что армия Кара Мустафы-паши была вынуждена покинуть Украину; считать, что Правобережье перешло к туркам по праву завоевания, оснований у Москвы не было. В грамотах не упоминалось о конкретных мерах для разрешения конфликта — очевидно, что инициатива переговоров, по мысли русского правительства, должна была в этих условиях принадлежать Порте. Османская сторона, в свою очередь, также ожидала первых шагов от Москвы.

---

[488] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 230.

[489] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 756; Defterdar Sari Mehmed Paşa... S. 110.

В начале 1679 г. московское правительство продолжало прилагать усилия для отражения предполагавшегося нового похода Османской империи и в целом для продолжения войны. Были отвергнуты невыгодные предложения союза против турок от Речи Посполитой, большие надежды возлагались на посольство, направленное в Вену с целью создания антиосманской коалиции.

России удалось собрать на защиту Киева и Левобережья значительную армию, впервые с начала конфликта был собран и направлен к театру военных действий Большой полк. Важно, что на содержание войск в отличие от 1677–1678 гг. вводились чрезвычайные налоги.

В целом для русско-казацких войск эта военная кампания свелась к оборонительным мерам. Османского похода на Правобережье в этом году не произошло, Порта ограничилась попытками укрепить свое положение в нижнем Поднепровье, возведя две крепости, что свидетельствовало в целом о ее намерениях продолжать борьбу за этот регион.

В то же время стоит учитывать, что русско-казацкие войска в эту кампанию собирались и двигались к Днепру медленно. Городские укрепления к началу лета не были подготовлены к длительной осаде. Такие выводы вынуждали московское правительство обратить пристальное внимание на фортификацию древнерусской столицы, а также обеспечить город необходимыми запасами и подводами для возведения новых и ремонта старых укреплений.

Итак, в 1679 г. обе стороны конфликта, после тяжелых потерь 1678 г., были склонны проявлять осторожность, зондируя почву для возможных переговоров о мире. В открытых военных действиях между османскими и русскими войсками наступила пауза.

В этих условиях борьба между правобережным и левобережным гетманствами перестала быть по большей части борьбой за контроль над территорией. На первый план как для Ю. Хмельницкого, так и для И. Самойловича выдвинулось стремление к увеличению числа своих подданных, т. е. к переводу населения на «свою» сторону Днепра. Оба гетмана считали жителей «тоей стороны» «изменниками» и не останавливались перед их переселением с помощью силы. В то же время характер их действий и достигнутые ими результаты существенно отличались. Ю. Хмельницкий действовал почти исключительно руками татар,

при этом крымские союзники Хмельницкого, естественно, больше заботились о добыче полона на продажу, чем об увеличении числа подданных последнего. И. Самойловичу к 1679 г. удалось в целом завершить начавшееся в середине 70-х годов XVII в. массовое переселение жителей правого берега Днепра на Левобережье, однако в этот период переселение оставшихся жителей носило порой принудительный характер. Кроме того, ход событий показал, что Левобережье оказалось значительно лучше защищено. Переправлявшиеся через Днепр отряды крымцев несли тяжелые потери и не могли проникнуть в глубь территории, в то время как вся территория Правобережного гетманства оставалась театром военных действий. В этих условиях переход (добровольный или нет) на левый берег означал для жителей Правобережья, как представляется, возможность перейти к мирной жизни.

Глава V

ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1680 г.

В 1680 г., как и в 1679 г., московское правительство вновь ожидало прихода османов в Поднепровье. Однако в этот период возросло общее давление на российские границы, прежде всего из-за активных действий Крымского ханства, действующего по указанию Стамбула.

1. Военные действия в Поднепровье в конце 1679 — начале 1680 г.

Начало 1680 г. ознаменовано крупнейшим за весь период русско-османского противостояния 1672–1681 гг. крымско-татарским походом, который лично возглавил крымский хан Мурад-Гирей. В историографии имеются разные точки зрения на масштабы данного мероприятия. К примеру, украинский исследователь Ю. Мыцык оценивал его как «опустошительный»[1], В.П. Загоровский со ссылкой на данные, приведенные в «Материалах» Д.И. Багалея, отмечал, что потери со стороны русско-казацкого населения в 1680 г. оказались невелики в сравнении с потерями, понесенными южнорусским населением в 1645 г.[2]

По мнению В.П. Загоровского, царское правительство не учитывало возможность татарского набега в зимние месяцы[3]. Одна-

---

[1] *Мицик Ю.* До історії ординського нападу на Слобожанщину 1680 р. // Зб. Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія. Харків, 1999. Т. 8. С. 205–214.

[2] *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 117.

[3] Там же. С. 113.

ко, как было показано выше, значительные крымские отряды и ранее действовали в Поднепровье зимой, так что поход 1680 г. не был неожиданным для Москвы и русско-казацкого командования. Еще в начале декабря 1679 г. И. Самойлович сообщал в Москву, что из расспросных речей вышедших из полона малороссийских жителей ему стало известно, что Ю. Хмельницкий готовится совершить набег на левый берег Днепра при участии крымских татар и, возможно, янычар, находящихся в Молдавии[4]. В участии турецких войск гетман, скорее, сомневался[5], в то же время подготовка к предстоящему зимнему военному походу крымских татар была очевидна. Об этом гетмана также предупреждал кошевой атаман И. Серко[6]. Примечательно, что крымцы тщательно к нему готовились, заранее запасались конскими кормами. По сведениям гадяцкого сотника Федора Донца, «которой прошлой зимы взят был в неволю» и в ноябре 1679 г. сбежал из Перекопа, войска Крымского хана были готовы к выступлению уже в конце осени 1679 г.: «...тот мурза, у которого он неволю терпел, коней своих накормил, и запасы кормовые в воинскую дорогу приготовил, и все оные ногайские орды в Крыму на подъем к войне готовы суть; толко ждут времени, чтоб реки замерзли, после чего, коль скоро всей зимы первой путь станет, тотчас все имеют быти своим неприятелским приходом под городы... малороссийские и слободцкие»[7]. В конце декабря, по данным И. Самойловича, крымский хан находился в Перекопе, однако его дальнейшие планы были неизвестны[8]. В середине января гетман И. Самойлович, предваряя крымско-татарский набег «для народного разорения», приказал казацкой старшине свести всех жителей в города и пребывать в осторожности[9]. Кроме того, гетман направил в Гадяч своего сына С. Самойловича для охраны территорий и своевременного получения ведомостей[10].

---

[4] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 51–52.

[5] Там же. Л. 52–53.

[6] *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 141–142.

[7] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 52.

[8] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 118.

[9] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680. Д. 2. Л. 4 об.

[10] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 118 об.

Согласно сведениям, собранным подьячим Н. Кудрявцевым, находившимся в Стамбуле с февраля 1680 г. по апрель 1681 г.[11], указ о выступлении крымцев был послан турецким султаном, чтобы крымский хан, «изыскивая себе времени, выходил ежегодно войною»[12]. Не исключено, что данное решение было принято в качестве средства давления на Москву для скорейшего заключения мира[13].

Поход крымских татар во главе с ханом Мурад-Гиреем начался в январе; татары двинулись из Крыма Муравским шляхом. По сведениям пленных татар, которые удалось найти А.А. Новосельскому, общая численность ханских войск могла достигать 100 тыс. человек[14]. Поход действительно был масштабным, однако эта цифра, как представляется, нуждается в дальнейшем уточнении. Известно, что к двадцатым числам января крымцы находились уже в районе Харькова, 21 января полностью «выбрали» Любовку, местечко под Красным Кутом, после чего намеревались опустошить другие городки[15]. Основной удар, судя по данным, собранным архиепископом Филаретом (Гумилевским), пришелся на города, расположенные вокруг Харькова: Коломак, Золочев, Богодухов и т.д., и слободы к югу от Чугуева[16]. Эти известия подтверждает летопись Самовидца, согласно которой крымский хан пришел на территорию слободских полков, остановившись на р. Мерле, и «барзо великую шкоду учинил в слободах московских, миль на тридцять попустошил аж и поза Білагородом»[17].

Во время этого похода крымские отряды доходили до Белгородской черты. Согласно расспросным речам пленных татар, Мурад-Гирей приказал ударить под Белгород и расположенные

---

[11] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 165; См. также: *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия... С. 76.

[12] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 146–146 об.

[13] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 138.

[14] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 112–113. Об этом же говорили пленные татары (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 947. Л. 163).

[15] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680. Д. 2. Л. 13 об.

[16] *Филарет (Гумилевский Д.Г.).* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Харьков, 2005. Т. 1. С. 142–143, 174–175, 230.

[17] Літопис Самовидця... С. 133.

рядом города «безвесно, чтоб уезды повоевать и языков собрать». При этом предполагалось, что поход не будет продолжительным и займет только несколько дней[18]. По словам кн. П.И. Хованского, 19 января крымцы разорили территорию Карповского уезда: «...пришли к Карпову Муравским шляхом воинские люди татаровя с пять тысяч человек и болши, да к ним же идут в прибавку многие же воинские люди, и стали кошем от города в версте, и Карповской посад выжгли, и Карповского уезду в селех и в деревнях, которые по реке Ворксле, жителей побили и в полон поимали»[19]. Сам хан в это время, как сообщал бывший полоняник Мишка Бут, направился в Богодухов, расположенный недалеко от Харькова, где, по всей видимости, была организована его ставка. Однако сначала Мурад-Гирей отпустил нуреддина «с выборными ордами под городы для добычи... Салтану и всей орде дан наказ, чтоб всякие загоны находили ево под Богодуховым, где обещал несколко дней дожидатца их»[20]. Как видно, стратегия крымских войск сводилась к рассредоточению татарских отрядов для максимального охвата территории; крымский хан, в свою очередь, дожидался их в своей ставке.

Для отражения крымского похода в Гадяче сосредоточились Нежинский и Миргородский полки, конный полк И. Новицкого, а также сотни Гадячского полка. В двадцатых числах января из Сум выступил воевода И.П. Лихарев для соединения с казаками гетмана И. Самойловича[21]. Кроме того, известия о появлении крымцев в районе Белгородской черты вызвали серьезное беспокойство в Москве, поскольку была вероятность их прорыва во внутренние районы государства[22]. Из Москвы были немедленно разосланы грамоты к воеводам на места о готовности «к службе», в случае если «про приход в малороссийские и украинные городы крымского хана и иных воинских людей учинятся подлинные вести,... ратным людем быть на... службе и стать в полкех бояр и воевод, и преж указных сроков, не отымаясь ничем»[23]. Любая замешка или

[18] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 947. Л. 255.

[19] АИ. Т. 5. № 54. Стб. 83–84.

[20] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 83.

[21] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680. Д. 2. Л. 12.

[22] См.: ДАИ. Т. 7. № 13. С. 80; *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 138.

[23] АИ. Т. 5. № 54. Стб. 83–84.

«нераденье» должны были караться смертной казнью «без всякия пощады»[24].

Однако развернутого крымского наступления на города Белгородского разряда не произошло. В тот же день, когда крымский хан появился под Богодуховом, по словам Мишки Бута, «нурадын салтан сыскал хана, и будто хан негодовал на нурадына салтана, что, будучи несмелым, не шел дале между городы великого государя и не приготовил татаром изобилнейшей добычи... Постояв хан под Богодуховым два дни, как все орды почали на конь из загонов съезжатца, тогда поднялся назад»[25]. С чем могла быть связана такая спешка? И. Самойлович докладывал в своей отписке царю в конце февраля, что крымский хан, несмотря на многочисленность своих войск, «не мог пространно роспростиратися и медлити долго, понеже видел готовые себе на отпор... войска, одно з боярином и воеводою со князем Петром Ивановичем Хованским от Курска подвигшееся, а другое при моем сыне, Симионе, близ пограничия в Гадяче собранныя и на самую полевую сторону против тех неприятелей принимающиеся»[26]. Бывший полоняник объяснял такую спешку опасением крымцев в том, что русско-казацкие войска могли препятствовать их отходу: «...о скором ханове отходе такова между татарами была речь, что бережетца хан казацких полков, чтоб не перехватили ему в помех дороги, о их же готовости и совокуплению взяв ведомость». Кроме того, на такое решение повлияли, по всей видимости, погодные условия: «...до того скорого отходу хана принуждало, что знатная теплынь учинилась, опасался дабы речки, вскрывся со лдом, препятия его походу не учинили»[27].

Действия воеводы кн. П.И. Хованского во время этого татарского набега рассмотрел В.П. Загоровский. Исследователь установил, что нападение хана совпало с началом проведения разрядно-окружной реформы — на декабрь 1679 г. и январь 1680 г. был назначен «разбор» Белгородского полка, служилых людей требовалось «пересмотреть» и «разобрать вновь». Делалось это, как

---

[24] ДАИ. Т. 7. № 13. С. 82.

[25] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 83–84.

[26] Там же. Л. 287.

[27] Там же. Л. 84.

отмечает историк, для того, чтобы усилить рейтарские полки; их численность была увеличена, в то время как число копейщиков было сокращено[28]. Именно этим, по словам В.П. Загоровского, обусловлено минимальное участие Белгородского полка в защите южных границ. Кн. П.И. Хованский сконцентрировался на обороне городов Белгородской черты, оставив «на татарский произвол» селения, находившиеся вне черты[29].

На данный момент нельзя подвести точные итоги потерь среди русско-казацкого населения вследствие этого крымского вторжения. По данным А.А. Новосельского, поход коснулся 18 городов с уездами, в полон было угнано более 3000 человек[30]. В.П. Загоровский вслед за Д.И. Багалеем оценивает убыль в 757 человек, замечая, что эти данные не являются полными[31]. Пленный татарин заявлял, что они «из Украины вышли с великою добычью»[32]. Согласно отчету Н. Кудрявцева, Мурад-Гирей направил в Стамбул гонца с извещением о состоявшемся походе на малороссийские города, в котором, в частности, говорилось, что «около Полтавы и Белогорода побрал в полон всякого чину людей с тритцать тысячь человек». За это султан наградил его золотым кафтаном и саблей[33]. Стоит добавить, что И. Самойлович рассчитывал, что московское правительство в 1680 г. сможет привлечь от 10 до 20 тыс. слободских «черкас»[34], однако в перечневой росписи полка кн. П.И. Хованского от 24 июля числилось только 6,3 тыс. человек, «а досталные многие не бывали за разореньем от воинских людей зимнего приходу Крымского хана»[35]. С другой стороны, те обвинения, которые предъявил хан нуреддину Саадет-Гирею, еще раз свидетельствуют об эффективности засечных черт. По мнению В.П. Загоровского, январский набег Мурад-Гирея повлиял на решение московского правительства продолжать строительство

---

[28] См. подробнее: *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 112–113.

[29] Там же. С. 115.

[30] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII в. ... С. 112.

[31] *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 117.

[32] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680. Д. 6. Л. 3.

[33] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 146 об.

[34] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 176–177.

[35] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 395.

укрепленной линии от Полатовского вала к Цареву-Борисову[36], которая известна как Изюмская черта.

При этом в Москве продолжали активно собирать сведения об османских планах на кампанию 1680 г.

2. Подготовка к военной кампании

К кампании 1680 г. в Москве готовились со всей серьезностью. Связано это было с несколькими причинами.

Как отмечалось выше, осенью 1679 г. Османская империя приняла предварительное решение о подготовке к походу против России. Это отразилось в получаемых в Москве известиях, в которых речь шла о том, что турецкий султан собирается весной направить войска к Киеву. По словам пленного татарина, который несколько месяцев находился в крымском отряде при Ю. Хмельницком, Мехмед IV писал ему с вопросами: «...куды лутче... итти х Киеву и прямее, и тем путем какие есть реки и переправы,... а он, салтан, сам особою своею и везирь в войне будет»[37]. Сбежавший из Крыма полоняник сообщал, что на полуострове крымцы не сомневаются в предстоящем походе на Киев: «...меж знатными и посполитыми татарами единогласная о том носится ведомость, что на пришлое лето турские войска и все ис Крыму войска на войну под Киев итти имеют»[38]. Греческий купец, который был опрошен гетманом И. Самойловичем, добавлял, что султанские фирманы с предписанием готовиться к походу рассылались по всей стране: «...турских войск зело великая сила прошлого лета и осени собралась и ныне беспрестанно собираетца, понеже универсал турского салтана по все государства непрестанно розсылаютца, чтоб весь народ маметовы их веры... готовился в будущее лето на войну, на которую понеже и сам салтан Турский с везирем и с теми своими силами, конечно, быти имеет»[39].

---

[36] *Загоровский В.П.* Изюмская черта... С. 119–120.

[37] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680. Д. 6. Л. 2 об. Известно также, что Ю. Хмельницкий довольно оперативно прислал султану информацию «об чертеже... града Киева и Печерского монастыря и о славе града Киева и Печерского монастыря, что называют они вторым Иерусалимом» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 163 об. – 164).

[38] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 87.

[39] Там же. Л. 149–151.

Примечательно, что, несмотря на наличие информации о возможном турецком походе на Киев, в получаемых вестях стала фиксироваться вероятная смена направления военных усилий Порты, связанная с ее растущей вовлеченностью в венгерские дела[40]. Весной 1680 г. подьячему Н. Кудрявцеву иеромонах Чудова монастыря Тимофей, также пребывающий в этот момент в Стамбуле, сообщил, что в эту кампанию «у турского салтана збору ратных людей нет и пот Киев не будут, а хотят собратца и итить на Можарскую [Венгерскую. — *М.Я.*] землю», когда будет заключен мир с Россией[41]. В Посольский приказ немедленно была направлена об этом информация.

Таким образом, были основания думать, что в 1680 г. может все-таки состояться османский поход, который ожидали годом ранее. Это требовало новых усилий для укрепления Киева и сбора войск.

Кроме того, в распоряжении царского правительства появилась оценка кампании 1679 г. гетманом И. Самойловичем, озвученная им в инструкциях, посланных с И. Мазепой в Москву в феврале 1680 г.[42]

Гетман подвел неутешительный итог кампании 1679 г., в частности он указывал, что даже при «многолюдстве» ратных людей удержать Киев в 1679 г. в случае подступа османских войск к нему было бы затруднительно. Русско-казацкие войска подошли к древнерусской столице поздно, и, «есть ли б турские неприятелские силы пришли было... под Киев, то подлинно б предварили нас,... и есть ли б прежде пришли, то, хотя бы и иные с ними силы потом пришли, ничего б уже против неприятелей тех для толико великой переправы не учинили, а кто б... в Киеве пребывал и одного бы дня не отстоялись»[43]. Гетман подчеркивал, что из-за разрозненности территории Киева невозможно оборонять весь город целиком. В частности, он считал, что трудно одновременно защищать Печерский монастырь и Нижний город из-за

[40] См. об этом подробнее: *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами... С. 179–180.

[41] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 146.

[42] См. об этом также: *Кочегаров К.А.* Генерал Патрик Гордон... С. 496–499.

[43] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 169–170.

пересеченной местности: «...смотря по войску и по разположению тамошнему неровному боярачному, в Киеве было б невозможно боронить всего как Печерского монастыря, так и Нижнего города киевскаго. Естьли бы пришли было силы турские, и то для того, что от берега из-за монастыря Печерского почавши, тем полем вести обоз даже по за Нижним городом киевском к другому берегу днепровскому, будет того места полем по бояракам и по горам пять верст и болши, розтянувши тогда тонко войска и малолюдно. А долго нелзя б одному другому подавать помощи за пять верст, наипаче ж пешим». В то же время, по его мнению, оставить Печерский монастырь и Нижний город без защиты было нельзя, поскольку, «оставив Нижней город, и Верхнему было б опасно, понеже неприятель, усмотрив одно место, туды все свои силы скоро обратил бы»[44]. Более того, учитывая слабость укреплений Верхнего и Нижнего городов, гетман подчеркивал, что даже высокая численность русско-казацких войск не гарантировала бы успешной обороны: «...хотя б нас по обоим сторонам, почав от Печерского монастыря и против Нижнего городу киевского по сту тысяч было, однако б зело было опасно»[45].

В этой связи И. Самойлович намечает основные условия для ведения успешной военной кампании против османов в 1680 г. В первую очередь гетман обозначает неизбежность прихода турок. Значительная часть его информаторов, в частности, выходцы из плена, купцы и пойманные «языки» заявляли, что «подлинно» турецкий султан вместе с крымским ханом «имеет быти по нынешнее лето войною под Киев»[46]. Об этом, по его мнению, свидетельствовал сбор турецкой армии: «...ныне во все те времена осенние и зимние со всех земель своих, которыми он [султан. — *М.Я.*] владеет, прилежно к Дунаю воинские силы, збираючи, посылает». Исходя из неизбежности военного столкновения, И. Самойлович предложил очередной план военных действий.

По его мнению, следовало прежде всего увеличить в Киеве численность пеших войск, которые хорошо себя зарекомендовали в предыдущих кампаниях: «...надобно, прежде времяни великого промыслу, в прибавке ратей его манаршеских, чтоб много болше

---

[44] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 159–162.

[45] Там же. Л. 162.

[46] Там же. Л. 165–166.

были, неже прошлого году, наипаче пехотные, которым весь промысл воинской належит»[47]. При этом гетман отмечал важность привлечения войск «из далнех стран», а именно из Новгородского разрядного полка, который в 1679 г. «добре познались было приходом своим под Киев»[48]. Как и ранее, важное место отводилось вовлечению в боевые действия донских казаков и калмыков, чтобы кн. К.М. Черкасский совместно с калмыками и черкесами действовал против крымских татар[49]. Сам гетман заявлял, что тоже готов увеличить численность своего войска за счет дополнительного набора, чтобы «два третьяго отпущали пешего, на которого немного надобно казны, мушкет со всем надобьем да пика и запас с потребу в таборы привести, а то для того, чтоб войско было болшое»[50].

По мысли И. Самойловича, если русско-казацкое войско, пришедшее к Киеву, будет «в великой силе», то существовала возможность организовать «пляцовые сторожи» в тех местах, где османы могли «чинить» шанцы. Кроме того, предлагались и конкретные меры по организации обороны Киева, а именно поставить «где б толко неприятель, пришед, подумал промысл чинити, везде пеших людей в великом числе». Для этого гетман «выдумал» «достойный способ» — чтобы, располагаясь «сторожи пляцовые по укрепленным местем, в таборе крепки были, и на тех местех люди выборные всегда к бою готовы и дерзостны, по несколко тысяч пребывали, чтоб, одне других видя, стояли и во время нужного надобья от неприятелского нашествия, чтоб друг другу пособствовали, покамест все войско не устроитца, и неприятелю, где случитца на каком месте, учинить отпор».

Как и в предыдущие годы, И. Самойлович подчеркивал необходимость раннего сбора войск и прибытия к Киеву «прежде неприятелского приходу». При этом он предупреждал царское правительство и о возможном затягивании военных действий при раннем сборе войск, которое повлечет за собой нехватку запасов: «Понеже паки в прошлых летех ратные... люди, где ни есть, бывало постоят месяца два или три, тотчас пешие и конные скуча-

---

[47] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 167–168.

[48] Там же. Л. 169.

[49] Там же. Л. 174.

[50] Там же. Л. 176–177.

ют, что не имеют запасов; ныне ж опасатись потребно, что тот неприятель, пришед под Киев, не похотел с нами пребыть в войне не толко чрез летние месяцы, но чтоб осенних и зимних не захватил, насильствуя нас преодолети таковым продолжением, и скудость в запасех учинити». Гетмана в этой связи интересовал вопрос сохранения возможности переправы через Днепр и важность снабжения войск необходимыми запасами, чтобы «войска... государские все были удовольствованы казною и запасы, чтоб никакой ни в чем, с неприятелми воюючи, не было им скудости»[51]. Обращал внимание гетман на общие организационные вопросы: нужно царские войска «на будучее лето удоволит..., как належит, жалованьем денежным, ибо войска без денежного, яко человек без жил, пробыти не может, тако ж хлебные, пороховые и гранатные многие запасы и, что нужное есть, к той тяжкой войне уготовати ратным людем»[52].

Успешную организацию обороны И. Самойлович напрямую связывал с инженерным искусством. В этой связи интересно, что гетман обратился к венецианскому опыту ведения войны против османов (во время Кандийской войны 1645–1669 гг.). В частности, он отмечал, что нужны инженеры, которые «чинили б потокопы противные неприятелским и оныя пренимали таковым промыслом и отпоры. Венецыане город Кандию от турских сил чрез 27 лет боронили, понеж в нем великое войско с ыскусными в ынженерстве людми и с снаряды, к тому делу належащими, непрестанно против турских войск хитрых подкопных промыслов употребляли, что бесчисленное множество неприятелей тем способом погибло, которого дела самовидцов при себе имеем много»[53]. Важную роль он также отводил наличию «гранатчиков», в распоряжении которых были бы значительные боевые припасы, поскольку «не толко в поле на бою, но и в шанцах неприятель от напущения гранатов не остоится». Именно поэтому гетман просил царя «таковых мастеров к тому делу сыскать, пороху и гранатов доволно приготовить, и людей к ним с 2000 туды же под Киев послать для денной и ночной сторожи, землю копать и выносить».

---

[51] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 173.

[52] Там же. Л. 181–182.

[53] Там же. Л. 174–175.

Видимо, имея в виду кампанию 1677 г. и номинальное назначение кн. М.А. Черкасского в 1679 г., И. Самойлович снова просил царя о единоначальном командовании, чтобы он «изволил вручити первенственнейшую над всеми власть в военный тот поход тому, чтоб всякое послушание иные чинили и повеление его исполняли, где покажетца случай». Подчеркивал он и важность военной дисциплины, «чтоб началные люди от полков своих никуда не отступали и их не оставляли, и к бою наказных не отпущали, но, где указ им будет, везде сами при полках ставились»[54].

Итак, новое крупное столкновение с османами в 1680 г. представлялось И. Самойловичу несомненным и тяжелым. В то же время планы военных действий при сравнении с кампаниями 1678 и 1679 гг. существенных изменений не претерпели. Основной упор делался, как и прежде, на ранний приход войск к назначенному месту и занятие удобных для ведения обороны позиций. Важное место отводилось сбору и мобилизации большего числа войск, чем в кампаниях 1678 и 1679 гг. Этот план, очередной в ряду уже ставших традиционными «статей» И. Самойловича, адресованных московскому правительству, отличается от подобных документов 1677–1679 гг. значительно большей проработкой деталей и отражает существенный военный опыт, полученный гетманом и его окружением за последние годы.

В начале марта статьи И. Самойловича стали предметом обсуждения в Боярской думе. В целом царское правительство одобрило предложенные гетманские инициативы. Для кампании 1680 г. предполагалось привлечь значительное число войск[55]. При этом гетману и воеводам указывалось не только командовать войсками, но и организовать оборону Киева. Им предстояло обеспечить город всем, что «ко укреплению надобно», а также рассмотреть, «где пляцовые полки ставити и какие крепости чинить». Поддержало правительство и отправку в Киев инженеров и мастеров гранатного дела, которых планировалось послать в составе полков.

Намеченный план военных действий и сведения о возможном походе османов к Киеву ставили вопрос о сборе войск. Известно,

---

[54] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 179–181.

[55] Там же. Л. 138–142. См. также: *Кочегаров К.А.* Генерал Патрик Гордон... С. 499–500.

что 15 декабря 1679 г.[56] предполагалось следующее назначение воевод по полкам: во главе Большого полка был поставлен номинально участвовавший в кампании 1677 г. кн. В.В. Голицын, у него «в товарыщах» — кн. К.О. Щербатов и В.А. Змеев. С кн. В.В. Голицыным «велено быть в сходе»: с Новгородским разрядом — кн. Г.Г. Ромодановскому в Рыльске, с Казанским разрядом — кн. В.Д. Долгорукову в Путивле, с Рязанским разрядом — кн. М.И. Лыкову в Рыльске, с Белгородским разрядом — кн. П.И Хованскому в Судже[57]. Как видно, общее командование войсками поручалось кн. В.В. Голицыну, ему должны были подчиняться воеводы всех разрядных полков. При этом произошла полная, в сравнении с 1679 г., смена воевод, что, как представляется, было связано с желанием Москвы полностью исключить возможные местнические споры среди командующих полками после назначения кн. В.В. Голицына. Более того, гетман И. Самойлович просил царя заранее указать воеводам, «на котором месте и где кому стоять под Киевым», поскольку боялся, что данный вопрос может также вызвать спор[58]. Сам он с казаками намеревался расположиться между Киевом и Печерским монастырем.

Однако понимание, в каких числах ратным людям лучше выступить в поход и прибыть в Киев, у царского правительства сложилось не сразу. В начале марта предполагались довольно ранние сроки, к которым «велено на его государеве службе в полках бояром и воеводам и их полков ратным людем стать по местам». В Москве рассчитывали, что все воеводы должны прийти на указанные им места к 9 мая, однако дальнейшие их действия разнились. Так, Большой полк во главе с кн. В.В. Голицыным должен быть в Севске к 9 мая, а уже к 25 мая стать в Киеве. Аналогичное предписание получил воевода Белгородского разряда кн. П.И. Хованский, которому следовало 9 мая быть в Судже и

---

[56] Стоит отметить, что в 17-й том «Древней российской вивлиофики» закралась опечатка: вместо конца 1679 г. указан конец 1677 г. (т. е. получается, что во время второго Чигиринского похода по царскому указу в Большом полку предписывалось быть кн. В.В. Голицыну, а кн. Г.Г. Ромодановскому — в Рыльске). На самом деле данный указ стоит относить к декабрю 1679 г., по нему собиралась армия для защиты Киева от османских войск в 1680 г. (см.: ДРВ. Ч. 17. С. 305).

[57] ДРВ. Ч. 17. С. 304–305.

[58] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 77.

25 мая прийти в Киев. По всей видимости, из-за удаленности Новгородского и Казанского разрядов и необходимости больших временных затрат для сбора ратных людей иные указания получили кн. Г.Г. Ромодановский и кн. В.Д. Долгоруков. Кн. Г.Г. Ромодановскому «с товарыщи» указывалось быть в Рыльске 9 мая, а в Киеве «стать июня 15-е число», в то время как кн. В.Д. Долгорукову также 9 мая быть в Путивле и «ис Путивля итти мая в 29-е число, в Киев стать июня 15-е число»[59].

Однако вскоре «по вестям» эти сроки были скорректированы. Кн. В.В. Голицыну с Большим полком теперь предписывалось быть в Севске 29 мая, а в Киеве — 20 июня; кн. Г.Г. Ромодановскому с Новгородским разрядом было велено быть в Рыльске 8 июня, в Киеве — 29 июня; кн. В.Д. Долгоруков с Казанским разрядом получил аналогичный, как и кн. Ромодановский, указ: быть в Путивле 8 июня и прийти в Киев 29 июня. Кроме того, с Рязанским разрядом теперь предписывалось действовать сходному воеводе кн. В.В. Голицына, окольничему кн. К.О. Щербатову. Ему поручалось стать в Севске 19 мая, в Киеве — 20 июня. Другому сходному воеводе кн. В.В. Голицына, В.А. Змееву, с Севским полком указывалось стать в Севске 9 мая, в Киеве — 1 июня. Отдельные указания получил воевода Белгородского разряда кн. П.И. Хованский, которому следовало с пехотными полками выступить из Курска в Суджу 5 апреля и стать в Киеве уже 9 мая. Конным полкам Белгородского разряда вместе со стольником С. Толочановым указывалось появиться в Киеве 1 июня[60]. Таким образом, Белгородскому полку, как и ранее, в случае османского похода предстояло готовить город к обороне и принять на себя первые удары противника.

Одновременно московское правительство продолжало собирать сведения о положении дел на Украине и планах противника.

В марте поступила информация об участившихся набегах татарских отрядов на Киев для взятия языков и конских кормов[61]. Одновременно стало известно, что Ю. Хмельницкому пришел приказ из Стамбула о том, чтобы он «тотчас приказал всем людем, в повете немировском пребывающим, лес готовити, а приго-

---

[59] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 71–72.

[60] Там же. Л. 74–76.

[61] См., напр.: Там же. Л. 130–131.

товив, чтоб на том пути, который бы был к Киеву прямой, везде по рекам от Богу [Юж. Буг. — *М.Я.*] реки потрудился наискорее построити мосты»[62]. Сам Хмельницкий при этом находился в Немирове, а «орды при нем человек с пятсот, черемисы [татар-липок. — *М.Я.*] человек з двести, казаков человек со сто, янычан человек со сто ж»[63].

Эти данные подтвердили гетманские гонцы, появившиеся в Малороссийском приказе. По их словам, султан интересовался у Ю. Хмельницкого переправами, ведущими к Киеву, и указывал быть «в войну в готовость». Кроме того, турецкие войска, по их словам, уже в это время «через Дунай переправляютца беспрестанно», и «переправилось на сю сторону Дуная три паши с войски и сам везирь через Дунай переправливался, и чают, что по се время уж и переправился, а все турские войска збираютца в Волохах, и волохам приказано через Днестр и через иные малые речки делать мосты»[64]. Что касается крымских татар, то они также были готовы к походу: «...хан крымской и салтаны были все в Крыму и на Украину войною хотели быть вскоре, и чают, что уж по се время вышли». Однако в окружении Ю. Хмельницкого по-прежнему не было значительных сил.

Также поступали сведения, что в походе будет лично участвовать турецкий султан. Побывавший в османском плену Ф. Мошенский сообщал, что «сам своей особою салтан Турской и везирь будут в войне: салтан будет стоять под Каменцом-Подолским, а везиря со всеми своими силами пошлет под Киев»[65]. Одновременно в Москве стали получать известия о скором выступлении османов к Днепру. Кроме того, из вестовых писем и расспросных речей следовало, что военные действия могут возобновиться ранней весной, на Георгиев день [23 апреля. — *М.Я.*], поскольку, по словам И. Самойловича, в начале марта погода благоприятствовала скорому приходу войск из-за рано появившейся травы: «...лошадь травою везде попасет воин, яко и сие татары под Немировым лошадей на полях кормили, под Киев едучи». Данные сведения вызывали у гетмана серьезную обеспокоенность ранним

---

62 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 132.

63 Там же. Л. 121.

64 Там же. Л. 120–121.

65 Там же. Л. 109.

приходом османских войск к Киеву, именно поэтому он просил царское правительство, чтобы «как скоряя... войски свои государские передовые, тако ж и иные все силы, посылати, чтоб, приход предварив неприятелский, стали под Киевом, чтоб их много болшее прошлого году было число для отпору той свирепой бусурманской войны»[66].

Как видно, в этот период гетман считал приход османских войск к Киеву несомненным, при этом поход, по его мнению, должен был возглавить лично султан. Полученная информация вызвала серьезные опасения уже в Москве. Правительство, как и ранее, соглашалось с гетманом И. Самойловичем о необходимости принять дополнительные меры по укреплению древнерусской столицы. В ответной царской грамоте И. Самойловичу сообщалось, в частности, о заготовке леса: «...на оборону лес и всякие к воинскому устроению потребы готовить велено с великим радением и поспешением». Предполагалось продолжить укрепление Киева силами киевского гарнизона. Согласно сохранившейся разрядной росписи, его численность составляла 7,8 тыс. человек[67]. Этим войскам предстояло осуществить ремонтные работы в Киеве, где воеводой вместо кн. Н.С. Урусова был назначен боярин И.С. Большой Хитрово[68].

Кроме того, правительством было принято решение о немедленной отправке войск к Киеву. Так, в город должен был выступить генерал В.А. Змеев с Севским полком и стрелецким приказом К. Крома, также генералу М.О. Кровкову указывалось, с выборными солдатскими полками «будучи ныне в пути, итти к Киеву наспех, нигде не мешкая»[69]. Полковнику И. Нелидову со стрелецким приказом следовало из Брянска вместе с хлебными запасами, полковыми припасами и пушками идти в Киев «водою». В целом основной замысел заключался в том, что наиболее боеспособные пехотные и стрелецкие полки должны были двигаться отдельно от основных воеводских разрядов и появиться в Киеве «преже приходу бояр... и воевод»[70]. По всей видимости, та-

[66] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 133.

[67] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 278.

[68] О проведенных работах в Киеве в этот период см. подробнее: *Алферова Г.В., Харламов В.А.* Киев во второй половине XVII века... С. 129–132.

[69] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 138–140.

[70] РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 141.

ким образом московские власти старались избежать возможных задержек, поскольку отдельные части могли перемещаться значительно быстрее. Пришедшие в Киев войска также были заняты ремонтом укреплений[71].

Стоит отметить, что несмотря на то, что османская сторона, как отмечалось выше, приняла решение об очередном походе против России, масштабных приготовлений к этой кампании в теплый период не велось, и до осени 1680 г. ни султан, ни великий визирь официально к Дунаю не выступили[72]. О том, как представляло русские планы на 1680 г. османское правительство и, в частности, Ю. Хмельницкий, может свидетельствовать отписка подьячего Н. Кудрявцева, в которой он доносил, что 22 апреля к турецкому султану писал сам османский ставленник о том, что «царского величества многое войско пришло и стоит около Киева, и хотят итить под Немиров и ево взять, а взяв, итить на Крым». Хмельницкий подчеркивал, что в случае прихода русско-казацких войск у него нет ни значительных сил, ни денег, с помощью которых он бы мог «к себе призывать казаков»[73]. Известия Ю. Хмельницкого вызвали серьезные опасения уже османского правительства, в связи с чем было принято решение увеличить армию, находившуюся на Дунае в Бабадаге, за счет войск из Румелии и Анатолии[74]. Эту информацию подтвердил и уточнил Н. Кудрявцеву «салтанской дворянин» Ибраим, по словам которого войскам, собравшимся на Дунае, указывалось «итить строить место вновь на реке на Аксе, по словенскому языку на Бог-реке [Юж. Буг. — *М.Я.*], где прежде сего бывало местечко Чапчаклия, пониже Лодыжина к Очакову блиско»[75]. Однако, как видно из сведений Н. Кудрявцева, турецкое правительство в летний период не собиралось предпринимать активных военных действий на Украине, сосредоточив свои усилия на укреплении территорий вокруг Очакова. Кроме того, для турок оставалась неясной позиция Речи Посполитой, и османские правящие круги не исключали вероятности,

---

[71] *Алферова Г.В., Харламов В.А.* Киев во второй половине XVII века... С. 130.

[72] Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 760–762.

[73] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 155–155 об.

[74] Там же. Л. 155 об.; Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa... S. 760.

[75] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 156–156 об.

что размежевание польско-турецких границ[76], которое должно было состояться после ратификации Журавенского договора сеймом, может вызвать очередной конфликт с Польско-Литовским государством. Такое поведение османских правящих кругов, как представляется, было связано не только с отмечавшимся ранее тяжелым положением в стране после кампании 1678 г., но и с информацией о желании Москвы заключить договор. В Бахчисарай в этой связи был направлен капыджи-баши (приближенный султана, начальник внутренней охраны дворца), которому следовало выяснить подробности о посольстве И. Сухотина, направленном в Крым осенью 1679 г., «на чем с ним, какой договор учинитца»[77].

Таким образом, московская сторона в этот период была готова продолжать военные действия и прилагать значительные усилия для организации обороны Киева, в то время как османы, не видя ясной перспективы военного разрешения конфликта, все более укреплялись в мысли о желательности мира.

3. События в Поднепровье весной и летом 1680 г.

В Белгородских столбцах Разрядного приказа сохранились росписи полков, задействованных в кампании 1680 г. Они составлялись в течение мая и в летний период и не фиксировали общую численность русской армии. На середину мая наличный состав войск был представлен следующим образом: в Большом полку кн. В.В. Голицына — 6,6 тыс. чел. (кроме того, в состав полка входили стрелецкие приказы [3 тыс. чел.]); в Новгородском полку с кн. Г.Г. Ромодановским — 16,8 тыс. чел.; в Казанском полку с кн. В.Д. Долгоруковым — 6,1 тыс. чел.; в Белгородском полку с кн. П.И. Хованским — 16,6 тыс. чел.; в «Украинном» разряде с боярином П.В. Шереметевым — 4,2 тыс. чел., кроме того, часть войск (порядка 10 тыс. чел.) должна была остаться «в украинных городех» для охраны границ «на черте». В Киев, как говорилось ранее, отдельно были отправлены войска сходного воеводы кн. В.В. Голицына, генерала В.А. Змеева (7 тыс. чел.), генерала

---

[76] См. об этом подробнее: *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim... S. 97–101.

[77] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 157 об.

М.О. Кровкова (3 тыс. чел.), из Брянска стрелецкий приказ И. Нелидова (900 чел.)[78].

В летний период общая численность войск несколько возросла. Так, в середине июля в Белгородском разрядном полку насчитывалось «всего конных и пеших руских и черкас» 21,6 тыс. человек[79]. К 20 июля общая численность ратных людей под началом П.В. Шереметева составляла уже 10,6 тыс.[80] Однако не все воеводы представили сведения об общей численности своих полков в летний период. К примеру, В.А. Змеев, направленный в Киев, «после мая 20-го числа по приезду, сколко у него в полку ратных людей объявилось, о том к великому государю он, думной дворянин и воевода, не писывал»[81].

В этой связи восстановить точную численность русской армии в летний период не представляется возможным. Однако имеющиеся данные позволяют предположить, что она могла достигать 90 тыс. человек без учета гетманских войск. Московскому правительству, вероятно, удалось хоть и незначительно, но увеличить численность ратных людей по сравнению с 1679 г. В 1680 г. была заметно увеличена численность ратных людей в Новгородском полку. Собранные войска, как представляется, еще раз свидетельствуют о последовательном намерении царского правительства удерживать и защищать Киев и население левого берега Днепра, несмотря на колоссальные расходы, связанные со сбором и содержанием армии. По данным П.Н. Милюкова, расходы на содержание войск в 1680 г. могли достигать порядка 650–700 тыс. руб. и составляли больше половины окладного сбора государства[82]. Стоит отметить, что военные усилия в последние годы конфликта совершались на фоне больших изменений в военной и в финансовой сферах[83].

---

[78] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 452–458.

[79] Там же. Л. 392–395.

[80] Там же. Л. 396–397.

[81] См.: Там же. Л. 399.

[82] *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России... С. 71–77.

[83] См. об этом, напр.: *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (с образования централизованного государства до реформ Петра I). М., 1954; *Малов А.В.* Основные проблемы строительства Вооруженных сил России. 1613–1689 гг. М., 2022. С. 213–216; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России... С. 42–67; *Аракчеев В.А.* О причинах пе-

По всей видимости, в апреле было принято решение о том, что войска должны были собираться, как упоминалось ранее, в указных местах и быть готовыми к предстоящему походу, однако теперь к Киеву им следовало выдвигаться только после получения царского указа[84]. Вероятно, такое решение было связано с общей утомленностью войск.

Кн. В.В. Голицын пришел в Севск несколько раньше указного срока — 8 мая[85]. Уже 16 мая ему писал гетман И. Самойлович с И. Мазепой о «подлинном» выступлении османских войск к Днестру: «...турского салтана войска от Дуная к Днестру рушились к Тягину, и мосты на Днестре зделаны для их переправы». Кроме того, он сообщал, что на Днестре турецкая армия «случилась» с крымцами под командованием калги. Гетман настаивал, что турки намеренно распускают слухи о том, что собранные войска будут только строить городки на Южном Буге, в действительности же отправятся к Днепру и «будут, де, х Киеву»[86]. В этой связи он считал необходимым, чтобы кн. В.В. Голицын выступил к Путивлю и переправился через р. Сейм, где можно было бы соединить русские войска с казацкими полками. Примечательно, что воевода Большого полка принял решение, несмотря на «малолюдство» в своих войсках, практически сразу выступить в поход. 25 мая он двинулся к Путивлю, объясняя свое решение тем, что опасался царского гнева, чтобы «неприятелские люди х Киеву не упередились и порухи какой не учинили»[87]. Как представляется, османская угроза в этот период воспринималась как высокая, и русско-казацкое командование в приходе турецко-татарских сил не сомневалось.

В итоге русские силы в первой половине лета сосредоточились, встав обозом, на левом берегу р. Сейм, по всей видимости, не очень далеко от Путивля. С кн. В.В. Голицыным находились воеводы Новгородского и Казанского полков, кн. Г.Г. Ромоданов-

---

рехода к подворной системе налогообложения в 1679–1681 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год: Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. М., 2015. С. 118–125.

[84] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 516.

[85] Там же. Л. 492.

[86] Там же. Л. 493–494.

[87] Там же. Л. 495.

ский и кн. В.Д. Долгоруков. Гетман И. Самойлович с войсками находился от воеводских обозов «в ближнех местех» с конца июня[88]. Кроме того, значительная часть войск была сосредоточена в районе Белгородской черты, а также за ней на строительстве новых укреплений, в частности в Цареве-Борисове стоял с войсками генерал-поручик Г. Косагов.

В начале лета общее давление на российские границы возросло. В Москву писал из Пензы воевода Федор Сонцов, что в начале июня «безвесным делом» калмыки и крымцы разорили окрестностные территории, «многих людей побили и в полон поймали». Судя по всему, такое направление было выбрано не случайно, поскольку основные русские войска были сосредоточены значительно западнее, данный участок оказался уязвим. Было принято решение об увеличении войск в Саранске под командованием воеводы Павла Языкова[89], тем более что предполагались, согласно расспросным речам, новые удары в Поволжье: на Пензу, Мокшанск, Саратов[90]. Значительное участие калмыков связано с тем, что калмыцкий тайша Аюка в 1680 г. заключил мир с Крымским ханом и отправил свои отряды к российским границам[91].

В середине июня московское правительство и русско-казацкое командование еще исходили из того, что приход османских войск к Киеву возможен. В частности, 14 июня к кн. В.В. Голицыну писал гонец Н. Кудрявцев о том, что из Стамбула в Бабадаг отправились несколько пашей с войсками[92]. Но уже к началу июля стало понятно, что османского похода в Поднепровье не будет; правда, продолжала существовать вероятность крупного крымского набега. В Москве в этот период получили очередные «подлинные» вести от выходцев из плена о том, что «по повеленью турского салтана крымской хан с татары хочет приходить к... малоросийским и украиным городом войною вскоре»[93]. Таким

---

[88] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 202.

[89] Там же. Л. 131.

[90] Там же. Л. 1–2.

[91] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен... Кн. VII. Т. 13. С. 226.

[92] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 161 об.

[93] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 43.

образом, речь шла о том, что крупный поход снова готовит крымский хан Мурад-Гирей.

Был разработан план военных действий, связанный с обороной южных границ от крымцев. Согласно царским «указным статьям», в Москве исходили из двух основных сценариев развития событий. В том случае, если крымский хан со своим войском атакует «малороссийские городы» левого берега Днепра, то русско-казацким войскам следовало, «устроясь обозом и всяким ратным ополчением по воинской обыклости», идти против них к Днепру, чтобы «их до болшой войны не допустить и в тех местех для войны быть им не дать и от разоренья их те места уберечь»[94]. Рассматривался также вариант прихода крымцев к Белгородской черте. В этом случае кн. В.В. Голицыну «со всеми ратными людми» указывалось спешно идти к Белгороду «для отпору тем неприятелским воинским людем..., где те воинские люди в войне объявятца, и над ними... чинить промысл». Главным при этом было «в черту их не пропустить»[95]. Кроме того, воеводе Большого полка указывалось направить к Козлову и Тамбову «для береженья тех городов и иных тамошних мест» кн. К.О. Щербатова, которому предписывалось «заступить до приходу тех воиских людей заранее и... стать меж Козлова и Танбова, в которых местех пристойно, и про приход проведывать»[96]. Связано это было с тем, что на данном направлении предполагалось появление значительных сил азовцев и калмыков[97]. Кн. К.О. Щербатов отправился к «козловским и к танбовским местам» 25 июля[98]; в его распоряжении было 4,4 тыс. человек[99].

Однако распространявшиеся в регионе слухи о возможных турецких или крымских походах к этому времени стали спадать, как и общая напряженность на южных границах России. Русско-казацкое командование сошлось на том, что если до 1 августа не будет никакой информации о неприятельском наступлении, то поход не состоится. Уже в конце июля кн. В.В. Голицын сообщал в

---

[94] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 237–238.
[95] Там же. Л. 239–241.
[96] Там же. Л. 26–40.
[97] Там же. Л. 43–44.
[98] Там же. Л. 309.
[99] Там же. Л. 320.

своей отписке царю, что в регионе спокойно: «...июля с 15-го числа по июля 23-го ниоткуды вестей никаких у нас, холопей твоих, нет, и мы... послали в Киев и в ыные городы к воеводам нарочно, чтоб они писали, ... что у них каких вестей о неприятелских замыслех есть»[100]. Гетман И. Самойлович уже 13 июля двинулся из обоза в сторону Глухова, а затем и Батурина[101].

В этой связи по очередным «указным статьям», кн. В.В. Голицыну предписывалось «проведывать» про «подлинные» сведения о неприятелях и в том случае, если вестей «про приход воинских людей болшим собранием х Киеву» не будет, из обоза на р. Сейм следовало отправиться к Путивлю и «стать..., где пристойно»[102]. 6 августа воевода Большого полка со всеми войсками прибыл к Путивлю, расположившись около города[103].

Стоит отметить, что на этот период пришлось еще одно довольно крупное мероприятие, связанное с организацией обороны границ. В Москву из Путивля писал стольник и воевода Федор Нарбеков, который подчеркивал, что город, стоящий в стороне и севернее от оборонительной линии, может не выдержать осаду. По его словам, в Путивле ратным людям сидеть опасно: валовые укрепления во многих местах прогнили, городовые крепости обветшали, в них присутствуют «пролазы», кроме того, в колодцах нет воды[104]. В Москве посчитали разумным использовать для починки укреплений собранную армию. Кн. В.В. Голицыну и находящимся с ним воеводам предписывалось осмотреть и «городы Верхней и Середний зделать нынешним времянем... вскоре, потому что то дело самое надобное, и от нашествия бусурманского прибылым ратным и того города градцким жителем, и уездным людем в сохранение, а северским и украинным городом во оборону и в защищение, а зделать бы те городы, чтоб они однолично впредь были прочны и надежны, и без поделки и без починки многие годы»[105]. Однако после осмотра укреплений кн. В.В. Голицын пришел к выводу, что значительного ремонта в Путивле не требуется, поскольку город и ров «в целости». Он указал почи-

[100] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 196.
[101] Там же. Л. 202.
[102] Там же. Л. 257–258.
[103] Там же. Л. 383.
[104] Там же. Л. 214–217, 259–262.
[105] Там же. Л. 268–269.

нить некоторые городовые «крепости и строения», а также заделать проломы, пробитые для прохода скота[106].

Вероятно, такая спешка была связана с тем, что 3 августа последовал царский указ о роспуске войск после того, как они будут пересмотрены[107]. Находящиеся в Путивле воеводы не стали с этим затягивать, и уже 11 августа кн. Г.Г. Ромодановский и кн. В.Д. Долгоруков, распустив войска, пошли к Москве, кн. В.В. Голицын двинулся к столице 12 августа[108].

Стоит отметить, что располагавшиеся в Киеве войска должны были быть распущены несколько позже. Войскам под командованием В.А. Змеева, выборному солдатскому полку М.О. Кровкова, стрелецким приказам И. Нелидова и К. Крома следовало от Киева идти к Путивлю 1 сентября и распутить полки, не дойдя до города[109]. На службу в Киев и в малороссийские города должны были отправиться ратные люди, поздно приехавшие на службу[110].

В этот же период ряд военных операций провели против османов запорожцы под командованием кошевого атамана Ивана Стягайло[111], в частности разбили на Азовском море турецкий корабль[112]. Взятые в плен турки подтверждали, что в этот период османского похода не будет, на Дунае нет крупных собранных османских войск, только зимой ожидается очередной поход крымских татар[113]. После роспуска войск эпизодические военные действия продолжились в районе Белгородской черты и Левобережья из-за нападения татарских отрядов.

Если для русской стороны кампания 1680 г. к концу лета фактически закончилась, то Османская империя осенью 1680 г.

---

[106] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1301. Л. 384–385.

[107] Там же. Л. 294.

[108] Там же. Л. 402.

[109] Там же. Л. 295.

[110] Там же. Л. 298 и след.

[111] Кошевой атаман И. Серко умер 1 августа 1680 г. (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680. Д. 2. Л. 33 об.). О русско-запорожских контактах в первой половине 1680 г. см.: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 113–121.

[112] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680. Д. 2. Л. 34.

[113] Там же. Л. 34–34 об. См. также: *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 321–322.

все-таки приняла решение о формальном выступлении против Москвы. По всей видимости, приготовления к этому походу застали бежавшие из турецкого плена казаки. По их словам, они наблюдали в Стамбуле, как «салтанское знамя выставлено с таковым указом, чтоб янычане были в полном чине против своего списку»[114]. В октябре 1680 г. Мехмед IV отправился из Стамбула в Эдирне (Адрианополь)[115], прибыв в город только в начале 1681 г. Обращает на себя внимание, что более двух месяцев Мехмед IV был занят исключительно охотой и увеселениями. Великий визирь Кара Мустафа-паша вышел из столицы позже султана, однако его дорога заняла чуть больше двух недель[116]. Как представляется, связано это было с тем, что османская сторона всерьез не рассматривала возможность организации еще одного похода против России. Речь скорее шла о военной демонстрации и склонении таким образом русской стороны к миру.

В этой связи в конце 1680 — начале 1681 г. снова стали форсироваться очередные слухи об османском походе. Правда, несмотря на информацию о возможном турецком выступлении к Киеву, все чаще в получаемых вестях стала упоминаться вероятная вовлеченность Стамбула в венгерские дела. К примеру, по словам плененного в январе 1681 г. татарина, «о салтане Турском такова ведомость в Белегороде есть, что крепко готовитца будущаго лета на войну, но о том нет ведома, естли на маджары (венгры), с которыми есть у них задор, или под Киев»[117]. Бывшие пленные слышали, что «на войну сам салтан Турской имеет итить, но нет ведома — естъли на венгров или под Киев, понеж у них с венг-рами подлинно учинился задор»[118]. В то же время, по другим данным, сведения о походе османов в Венгрию были очередной дезинформацией: «...тот слух есть, что хочет итти на венгры, только тому верить не надобно, турок инде мерит, а инде стреляет. Войска турские все в готовости около Дуная поставлены... на зи-

---

[114] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1139. Л. 28–29.

[115] *Öztuna Y.* Büyük Türkiye Tarihi... S. 438; *Uzunçarsili İ.H.* Osmanli tarihi... 3 cilt. S. 382–383.

[116] *Öztuna Y.* Büyük Türkiye Tarihi... S. 439.

[117] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1139. Л. 26.

[118] Там же. Л. 28–29.

мовье около Силистры... И янычаны помалу идут, не уставая»[119]. Кроме того, была вероятность крупного набега крымцев[120].

В конце 1680 г. Османская империя стала остро заинтересована в скорейшем заключении мира с Россией, чтобы полностью переключить свое внимание на дела Священной Римской империи. Положение куруцев (участников антигабсбургского движения в Венгрии) во главе с Имре Тёкёли, вторгшихся осенью 1677 г. на территорию Венгерского королевства и начавших там антигабсбургское движение, ухудшилось после заключения Нимвегенских договоров 1678–1679 гг. Потеряв французскую поддержку, они были вынуждены искать соглашения с Габсбургами. Осенью 1680 г. Вена заключила с Тёкёли перемирие; речь могла идти о дальнейшем налаживании отношений[121]. В этой связи для Порты принципиальным становилось не допустить соглашения между куруцами и Габсбургами, чтобы иметь возможность развернуть наступательную войну против Священной Римской империи.

Как известно, кампания 1680 г. стала последней в русско-турецкой войне, и военные действия в начале года, исчерпав себя летом, практически замерли. С осени 1680 г. основное внимание двух государств было сосредоточено на поиске мирного решения конфликта.

Итоги кампании

В 1680 г. османская сторона продолжала проявлять осторожность. Несмотря на решение о подготовке к очередному походу и формальное выступление султана из Стамбула, Порта всерьез не рассматривала возможность выступления к Днепру. Османское правительство поняло, что продолжение реализации завоевательных замыслов в условиях низкой поддержки со стороны казацкого населения и значительного противодействия России затруднено. Для этого требовалось еще усилить армию, действующую в Восточной Европе, организовать ее регулярное снабжение по

---

[119] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 1139. Л. 23.

[120] *Чепухин А.Г.* Защита Приосколья... С. 78.

[121] *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами... С. 179–180.

Днепру, укрепить плацдармы в низовьях Днепра и, возможно, Дона, обезопасить Крым от ответных действий русско-казацких войск и добиться следования ханства в фарватере стамбульской политики. Некоторые усилия в этом направлении были предприняты (в частности, укреплялись городки на Днепре), но, видимо, Стамбул не был готов, учитывая происходящие события на территории, принадлежащей австрийским Габсбургам, втянуться в длительную и кровопролитную войну в Северном Причерноморье, не обещавшую легкой победы. Не увенчались успехом и попытки крымских нападений на участки южной границы России. Отсутствие крупных военных действий в теплый период дало возможность Москве сосредоточиться на строительстве и укреплении оборонительных линий. Возведение Изюмской черты, в частности, силами части собранной для действий в Поднепровье армии позволило в значительной степени обезопасить территории слободских полков.

Русское правительство, со своей стороны, вынужденно согласилось с тем, что момент неблагоприятен для расширения сферы своего влияния на Правобережье. Однако защита левого берега Днепра и Киева продолжала оставаться важнейшим внешнеполитическим приоритетом Москвы. Для решения этой задачи, в ожидании нового похода, в 1680 г., как и в 1679 г., собиралась огромная армия, включавшая в себя войска из удаленных частей государства. Эти военные усилия создавали для московского правительства большие финансовые сложности; кроме того, сосредоточение основных сил в Поднепровье ослабляло оборону других участков южной границы, создавало сложности со снабжением. Командование и правительство пребывали в постоянном ожидании нового нашествия, им приходилось реагировать на большое количество порой противоречивых известий о планах и действиях османов. При этом турки как атакующая сторона сохраняли «свободу рук» и могли выбирать время и направление походов. Все это, как представляется, заставляло Москву думать о мирном разрешении конфликта. Кроме того, в 1680 г. становится окончательно ясно, что Правобережье имеет тенденцию к превращению в слабозаселенную буферную зону между российскими и османскими владениями. Все это подготовило почву для начала мирных переговоров.

Глава VI

ПЕРЕГОВОРЫ О МИРЕ

Осенью 1679 г. московское правительство вплотную столкнулось с определенной дилеммой. К этому времени в Москве стало ясно, что переговоры в Вене о союзе против Османской империи, о которых упоминалось выше, не получили развития, австрийская сторона не была в них заинтересована в этот период[1]. В то же время стало понятно, какой может быть позиция Порты в случае начала полномасштабных переговоров. Вернувшийся из Стамбула В. Даудов обозначил желание османской стороны закрепить за собой территории, входившие в состав гетманства П. Дорошенко (т. е. провести границу по Днепру)[2]. Таким образом, у Москвы появилась возможность достичь соглашения о мире с Османской империей или заключить антиосманский союз с Речью Посполитой, с которой в этот период шли переговоры. Однако оба возможных варианта были сопряжены с определенными трудностями.

В этой связи интерес представляет сохранившаяся переписка Москвы с гетманом Иваном Самойловичем осенью 1679 г.[3], которая велась по итогам возвращения двух посольских миссий из Стамбула. В Москве сложилось неблагоприятное впечатле-

---

[1] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 135, 138; *Он же.* О русских проектах антиосманской коалиции... С. 71–90; *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами... С. 179–180.

[2] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 135–136; *Соловьев С.М.* История России... Кн. VII. Т. 13. С. 216.

[3] См. об этом: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 137–138; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен... Кн. VII. Т. 13. С. 216–217.

ние о турецкой дипломатии: «...у салтана с соседцкими государи договоры мирные непостоянны и нетверды, и в соседстве жити зависть имеет великую, и с места на место владения своя переносит. И тем своим поступком и чрез договоры отымает у соседей городы и земли насилством, а при договорех горд и запросы чинит великие... и ныне... предложены к миру гордые ж слова и невместителные запросы»[4]. Москва желала «пристойного и прибылного миру, паче ж к целости и покою Войску Запорожскому и посполитому народу малоросийскому»[5] и сомневалась, возможно ли добиться этого путем переговоров с османами.

Иначе смотрел на дело И. Самойлович, который считал заключение мира с султаном возможным. При этом он также полагал, что переговоры будут тяжелыми: «...салтан Турской чрез столника Афонасья Поросукова прошлого году и чрез дворянина Василья Даудова сего года гордые, недостойные и непристойные в договорех своих... посылает запросы, которых отнюдь принять нельзя»[6]. Однако, по его убеждению, «ныне с салтаном и с ханом мир мочно чинить, потому что поиску над государскими войски никакова еще не учинили, а естли впредь над воисками неприятель какой поиск учинит, и тогда они к миру будут горды»[7]. Показательно, что И. Самойлович теперь (в отличие от весны 1679 г.) подчеркивал усталость казацкого общества от этой войны и растущее недовольство: «...казаком и посполству малоросийскому з

---

[4] С взаимодействием с поляками также виделись всевозможные трудности: «...за разтоянием далняго пути к неприятелской стороне и за великою пустотою, и за несносными с полской стороны запросы в денежной казне, такъж и за умирением королевским с салтаном Турским ненадежно, потому что он от реки Днестра до Белые церкви государства своего городы и земли уступил и тем неприятеля в Каменце и в ыных городех, а Юраска, противника Божия и желателя кровей християнских, в Немирове укрепил, а общему християнскому народу велику печаль учинил. А те неприятели в тех местех всякие крепости... учинили». Кроме того, отмечалось, что армии, направленной к польским границам, будет сложно возвращаться, поскольку ее сможет атаковать неприятель (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 273 об. – 274 об.). См. о русско-польских переговорах в этот период: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 136–138.

[5] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 275 об. – 276.

[6] Там же. Л. 318 об.

[7] Там же. Л. 300 об. – 301.

бусурманы война надокучила, и опасно, чтоб они от той войны иного чего не здумали»[8]. В то же время заключения союза с поляками гетман опасался, поскольку не доверял польскому королю Яну Собескому: «...король желает того союза..., чтоб от того союза неприятства и недружбы у его царского величества с салтаном болши нынешняго умножилось»[9], в то время как сам «турком и татаром приятствует»[10]. Дальнейшие переговоры с поляками, по его мнению, возможны только после заключения с ними «вечного мира»[11]. В позиции И. Самойловича, таким образом, присутствовали определенные противоречия — он хотел уступок на Правобережье, хотя османы не были к этому готовы, но одновременно выступал против союза с Речью Посполитой.

Стоит также отметить, что отсутствие ясной военной победы османов над русско-казацкими войсками давало И. Самойловичу надежду рассчитывать на закрепление части Правобережья за Россией. При заключении мира с турками он продолжал рассматривать три возможных пограничных рубежа с Османской империей. Наиболее привлекательным ему представлялось, как и ранее, чтобы «рубеж Малой Росии от турка по реку Днестр обретался»; если это окажется невозможным, то следовало границы отодвинуть несколько восточнее — до Южного Буга, при этом он подчеркивал, что степь в междуречье Буга и Днепра «державе зело есть надобна, потому что ис той степи многие в Днепр плывут речки, которые издавна Войску Запорожскому належали, бес которых как ныне, так и впредь Войско Запорожское жити не может»[12]. Если османы не согласятся и на это, то, «всяким способом до днепрового берега власти Турской не припущая», следовало настаивать на еще более восточной границе на Правобережье — в междуречье р. Рось и р. Ингулец. Расчет был на то, что в этом случае турки не смогут ею полноценно владеть: «...тут земля уского разположения без всяких прибылей, не могут турки с нея никакой имети корысти». И. Самойловичу представлялось важным, чтобы договор обязывал османов оставить эти

---

[8] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 300 об.

[9] Там же. Л. 294 об.

[10] Там же.

[11] Там же. Л. 295 об.

[12] Там же. Л. 319 об. – 320 об.

земли безлюдными[13]. Как видно, осенью 1679 г. русско-казацкая сторона еще не была готова всерьез рассматривать проведение русско-османской границы по Днепру.

Как представляется, именно позиция гетмана И. Самойловича склонила московское правительство в сторону переговоров с Портой. По мнению Б.Н. Флори, Москва пошла на этот шаг, не желая осложнять отношения с казачеством[14]. Переговоры с Речью Посполитой, таким образом, окончились безрезультатно[15], а в Стамбул был направлен подьячий Н. Кудрявцев с извещением о том, что московская сторона собирается «обновить исконную дружбу»[16]. Для этого в Крым в сентябре 1679 г. было направлено посольство дворянина Ивана Сухотина, который получил соответствующие полномочия для ведения переговоров[17].

Мирные переговоры с Османской империей при посредничестве Крымского ханства проходили в несколько этапов. Сначала они велись в столице Крымского ханства, Бахчисарае, где при участии крымского хана были выработаны основные статьи договора. Следующим этапом должна была стать ратификация договора османским правительством.

1. Переговоры в Бахчисарае

Начало полномасштабным переговорам было положено в сентябре 1679 г., когда в столицу Крымского ханства было направлено посольство во главе с И. Сухотиным. Переговоры шли тяжело, миссия И. Сухотина оказалась неудачной[18]. Однако в ходе них османская сторона официально через крымского хана обозначила свою позицию: граница должна пройти по Днепру.

Осенью 1680 г. в Бахчисарай отправилось посольство стольника и полковника Василия Тяпкина, дьяка Никиты Зотова и представителя гетмана, писаря Войска Запорожского Семена Ра-

[13] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 320 об. – 321.

[14] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 138.

[15] См. подробнее: *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах... С. 48–50, 57–68.

[16] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 390.

[17] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 138.

[18] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен... Кн. VII. Т. 13. С. 217.

ковича[19]. Обращает на себя внимание, что в 1680 г. И. Самойлович изменил свою позицию и теперь соглашался на мир с Османской империей, если граница пройдет по Днепру[20].

В ходе переговоров московские дипломаты, следуя царскому наказу, сначала требовали признания за Россией части Правобережной Украины в границах по рекам Рось, Ирпень, Тясмин, Чута, Ингулец и Носаковка[21]. Послам следовало «стоять при том упорно, чтоб по тому последнему объявлению разграничение учинить. А буде того учинить не похотят, а учнут хановы ближние люди говорить, чтоб рубеж быть по Днепр, и посланником велено стоять при прежнем своем последнем объявлении и за тот рубеж из великой крепости обещать дачу казною»[22]. Как видно, московское правительство исходило прежде всего из возможности все-таки отстоять часть Правобережья, предполагая усилить свою позицию денежными выплатами.

Однако турецко-татарская сторона оставалась категорична — границей между османскими и русскими владениями должен был стать Днепр. Московское правительство теперь рассматривало такой вариант, поэтому в дополнительном «тайном» наказе В. Тяпкину предписывалось: «...буде по болшому наказу договору не учинят,... и говорить по самой последней мере, чтоб учинить с салтаном перемирье на 20 лет, а в те перемирные лета быть и гра-

[19] См. об этих переговорах: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен... Кн. VII. Т. 13. С. 218–221; *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 325–326. См. также: Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бакчисарайскаго договора. Одесса, 1850.

[20] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 139.

[21] Речь идет о территориях, начинающихся с предместий Киева и уходящих на запад до берега реки Рось, «тут же блиско имеет вестися до реки Ирпеня, а по берегу Ирпеня до реки Тясмины, а по берегу Тясмины, приведчи ниже Чигирина в миле, где речка Чюта впадает,... и по под лесом от Чигирина до верху речки Малого Ингулца, а по над Ингулцем сим боком от Днепра имеется провадити мимо Сечи и ниже Сечи против речки Насаковки в Днепр, в Днепр впадаючей, а против Насаковки, пришедчи опять от Ингулца Малого до верха Насаковки, поделать полем Копцы, а Насаковкою притти до самого Днепра» (см.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 169 об. – 170; Кн. 20. Л. 701 об. – 706).

[22] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 779.

нице меж государствы царского величества и салтана Турского Днепру»[23]. Таким образом, если весной 1679 г. при переговорах с турецко-татарской стороной обсуждение границы по Днепру, как было показано выше, отрицалось, то позднее московская сторона сочла рассмотрение этого варианта возможным. Сказались на изменении позиции, как представляется, усталость казацкого общества, а также в целом тяготы военного времени, которые несла московская сторона.

В образцовой шертной грамоте, которая была подана крымскому хану в начале января 1681 г., фигурировало несколько пунктов, касающихся разграничения территорий между Москвой и Стамбулом. Подчеркивалось, что границей между державами должна была стать река Днепр. При этом предполагалось, что территория Правобережья будет превращена в буферную незаселенную зону: «...от реки Бога [Юж. Буг] и до рубежа реки Днепра и по Днепру нигде салтану и хану вновь городов своих не ставить, и старых казацких разоренных городов и местечек не починивать, и поселения людем никакого народу на помянутых казацких землях не чинить, и оставить их пусты. И с стороны царского величества перебещиков не принимать, и поволить того чинить никому не велеть»[24]. Киеву с монастырями и с «разорены ми городками ниже Киева, с Василковым, с Трипольем, с Стайками и с селами, к ним исстари належащими, быти в стороне и в державе царского величества»[25]. Отдельным пунктом оговаривалась принадлежность территорий, находившихся севернее Киева, а также Запорожья России: «...которые городки и местечка обретаютца выше Киева, и до тех городков и местечек салтану Турскому и хану дела нет. Так же и запорожские низовые казаки в Сече и около Сечи, в ыных урочищах внизу реки Днепра пребывающих, имеют быть в стороне и в державе его же царского величества. И салтану Турскому и хану до тех низовых казаков ныне и впредь дела нет»[26]. Крымский хан устно заверил московских дипломатов, что «та грамота добра, и ко отпуску их будет она готова»[27].

---

[23] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 779 об. – 780.

[24] Там же. Л. 704.

[25] Там же. Л. 784.

[26] Там же. Л. 784–784 об.

[27] Там же. Л. 784 об.

Информация о заключении соглашения была незамедлительно отправлена ханом в Стамбул для согласования с османским правительством. Присланная в ответ грамота великого визиря Кара Мустафы-паши в целом подтверждала заключение мира, но вносила ряд существенных изменений. Прежде всего в ней отсутствовала большая часть пунктов о размежевании границы, представленных ранее московской стороной. В грамоте не упоминались поселения, расположенные выше Киева, отсутствовала статья о Запорожье. Более того, в ней говорилось, что строительство и заселение городков не должно совершаться «по обоим сторонам» Днепра[28], а не только на правом берегу, как хотело московское правительство.

Это, в свою очередь, продемонстрировало разные взгляды крымских и турецких властей на судьбу Правобережья и запорожцев. Крымское ханство было готово договариваться с Москвой о том, чтобы не заселять эту территорию, признавая также за российским правительством власть над запорожцами. Это связано с тем, что оно не было заинтересовано в расширении турецкого присутствия в Восточной Европе и, в частности, укреплении их власти на правом берегу Днепра[29]. В Стамбуле смотрели на данный вопрос иначе, отвергнув в феврале 1681 г. предложения крымского хана и продолжая надеяться на освоение правого берега Днепра[30]. Запрет строить города на Левобережье, вероятно, должен был создать условия для османской экспансии в будущем.

Таким образом, 1 марта послам был вручен вариант Бахчисарайского договора, утвержденного в редакции великого визиря. Стоит отметить, что с точки зрения османов это был один договор, и при его последующей ратификации османы ссылились на «3 января 1681 г.» как на дату заключения соглашения.

---

[28] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 704.

[29] *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе... С. 88.

[30] См. подробнее об этих попытках: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 155–172; *Он же.* Политика молдавского господаря Г. Дуки на землях Правобережной Украины в начале 1680-х годов и процессы государственно-национального развития в Восточной Европе // Vecinătăți și ziduri: români și ruși (secolele XVI–XXI). Lucrările sesiunii a XVII-a a comisiei mixte a istoricilor din România și Federația Rusă, Constanța, septembrie 2012. Târgoviște, 2013. S. 253–262.

В. Тяпкин и Н. Зотов изначально отказались принять данную грамоту, настаивая, чтобы «написана была шертная ханова грамота против их посланичьи обрасцовые грамоты; и посланником в том отказали»[31]. Однако под давлением татарской стороны дипломаты уступили и приняли ее[32]. 4 марта «на поле в шатрах» недалеко от Бахчисарая русские дипломаты были на отпуске у крымского хана. Мурад-Гирей «шертовал» на Коране, что будет «по договорам... и по шертной своей и салтанова величества грамотам мирное постановление содержать непорочно на 20 лет»[33].

Несмотря на подписание перемирия в Бахчисарае в начале 1681 г., пограничные нюансы между Россией и Турцией, по мнению Москвы, не были определены окончательно. С крымским ханом была уставлена лишь краткая запись о границе, при этом он в личном разговоре с московскими дипломатами подчеркнул, что «которые, де, статьи против их посланничьей обрасцовой шертной грамоты вь его ханскую шертную грамоту не внесены, и то, де, будет написано и подтвержено в салтанове грамоте Турского»[34]. Он также сообщил, что вопросы, связанные с Запорожьем и территориями, находящимися рядом с Киевом, турецкое правительство не интересуют: «...салтан употребляет вскоре только одной ведомости о меже, а об иных мирных договорех за ево салтанову сторону и за крымские юрты имеет полную мочь он, хан»[35]. Однако позиция самого османского двора для московского

---

[31] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 787 об.

[32] В статейном списке стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова описывалось, что крымские власти настаивали на принятии грамоты «с большим гневом и упорными словами». При этом они заявляли, что «всякой государь волен на своем государском престоле и делает что хочет.... А буде, де, вы [послы. — *М.Я.*] заупрямитесь и таких грамот не примете, и те, де, грамоты писаны будут к великому государю вашему, к его царскому величеству, с его ханскими послы, а вас, де, за упрямство ваше велят держать в кандалах и зашлют в вечную неволю» (см. подробнее: Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бакчисарайскаго договора. Одесса, 1850. С. 216).

[33] Там же. С. 221–222.

[34] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 788 об.

[35] Там же. Л. 785.

правительства относительно некоторых пунктов договора оставалась не вполне ясной.

Мехмед IV, в свою очередь, направил в Москву грамоту, извещающую о необходимости получить от Турции подтверждение договора: «Да вы ж [царь Федор Алексеевич. — *М.Я.*] еще прислали дву послов верных х крымскому Мурат-Гирею хану, нашему доброжелателю, и он, хан, по нашему указу междо нами учинил с послы вашими о миру договор, и постановили намере. И про тот мир и договор к нашему благочастию учинил ведомо, и наше величество для всяких чинов и земских людей на обе стороны тишины и покоя по своему милосердому разсмотрению тот договор постановили намере... А как для мирного укрепления изволите прислать великих своих послов, и будут у нашего величества, в то время послом вашим дана будет обещальная грамота»[36]. Однако грамота была доставлена в Москву подьячим Н. Кудрявцевым 27 июня 1681 г., уже после отправления посольства И.И. Чирикова и П.Б. Возницына.

2. Русско-турецкие отношения накануне ратификации Бахчисарайского договора

Время между заключением Бахчисарайского договора в начале 1681 г. и его ратификацией в Стамбуле турецким султаном Мехмедом IV весной 1682 г. — довольно специфический период в русско-турецких взаимоотношениях, когда, несмотря на подписание мирного соглашения, между двумя сторонами сохранялась напряженность, свойственная военному времени, а многие конкретные условия мира оставались не вполне четкими. На этот период пришлось отправление в Османскую империю посольства подьячего Тимофея Протопопова. Формально эта дипломатическая миссия носила уведомительный характер и должна была известить османское правительство о скором приезде в Стамбул великого посольства. Однако она интересна тем, что из ее материалов видна первоначальная реакция османских сановников и части турецкого общества на заключение с Россией мирного договора в Бахчисарае.

---

[36] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 250–250 об.

Решение об отправлении Тимофея Протопопова с царскими грамотами к турецкому султану Мехмеду IV и великому везирю Кара Мустафе-паше было принято 14 июня 1681 г.[37] По царскому указу от 18 июня к посольской миссии должен был присоединиться «турского и татарского языков» толмач Кирилл Панфилов[38].

Наказ, данный посланникам 26 июня 1681 г., касался, как обычно, прежде всего вопросов, связанных с общей организацией посольства — маршрута следования, получения подвод, передачи грамот османским сановникам и т.д. При этом предполагалось, что дипломаты только передадут турецкому султану и великому визирю грамоты, в которых сообщалось о скором приезде великого посольства в османскую столицу, и будут сразу же отпущены из Стамбула в Москву. С османскими сановниками им было говорить «словесно... не о чем сверх грамоты не наказано»[39].

Однако ситуация сложилась по-другому. Прибыв в Стамбул в конце августа 1681 г., русское посольство столкнулось с трудностями. Гонцу практически сразу было отказано в аудиенции у султана ввиду его отсутствия в городе. Кроме того, великий визирь Кара Мустафа-паша потребовал передать ему царскую грамоту, адресованную османскому правителю, до первой официальной аудиенции у великого визиря: если Т. Протопопов «великого государя, его царского величества, грамоты к везирю на двор не пошлет, и везирь, де, азем Мустофа-паша велел тое царского величества грамоту у него, Тимофея, взять сильно»[40]. Такое требование, как представляется, связано с прецедентом, который, как упоминалось выше, произошел во время пребывания в Стамбуле посольства стольника Афанасия Поросукова. В сложившейся ситуации Т. Протопопов принял решение передать грамоту великому визирю.

Другой показательный инцидент произошел во время официальной аудиенции у Кара Мустафы-паши. По словам подьячего, великий визирь не проявил учтивость при принятии царской грамоты, адресованной ему: «...не встал и принял у Тимофея цар-

---

[37] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 28.

[38] Там же. Л. 31.

[39] Там же. Л. 44 об.

[40] Там же. Кн. 22. Л. 22.

ского величества грамоту поскору»[41]. Надежда на быстрый отъезд из Стамбула также не оправдалась. По указанию Мехмеда IV дипломаты были задержаны в столице на неопределенный срок: султан «из Царяграда отпускать не указал до тех мест, покамест будут в Царьгород царского величества великие послы, а как, де, великие послы в Царьгород приедут, и ево Тимофея в то время из Царяграда отпустят к Москве тотчас»[42].

Как видно, турецкая сторона, несмотря на заключение Бахчисарайского договора, допускала нарушения посольского протокола. Причину такого поведения Иерусалимский патриарх Досифей объяснял тем, что османские сановники не были уверены в готовности московского правительства придерживаться мирного соглашения. По его словам, «бусурманы до их посольского приходу в Царьгород были во всяком сумнительстве и опасны были от царского величества в том миру нездержания»[43]. Из этой неопределенности проистекала возможность продолжения военных действий с Москвой. Подобные слухи ходили и среди части османского общества. Так, по словам невольника Степана, «слышал, де, он от пушкарского головы и от ыных турков,... что салтан Турской и везирь нынешней весны хотят итить войною на венгры, которые под цесарем. А чают, де, салтан и везирь на венгры не пойдут, а хотят итить под Киев тайно..., и у них, де, чаят — в Киеве малолюдно, а в прибавку ратных людей не прислано»[44]. Другой невольник, Лукьян Белячев, сообщал, что слышал от турок, что османское правительство хочет потребовать от Москвы выплаты дани, и если великие послы «в той даче им откажут, и салтаново, де, величество миру с ними не учинит и пойдет войною под Киев тотчас с великим собранием, а тех послов велит в Цареграде задержать для того, чтоб о тех их замыслех на Москве никакие ведомости не было»[45].

Ситуация, однако, переменилась после появления в османской столице 19 декабря 1681 г. великого посольства. Теперь, как отмечал в начале января 1682 г. Иерусалимский патриарх Доси-

---

[41] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 26.

[42] Там же. Кн. 22. Л. 29.

[43] Там же. Л. 40.

[44] Там же. Л. 33.

[45] Там же. Л. 34 об. – 35.

фей, «салтан, де, Турской и везирь с великим государем, сь его царским величеством, миру совершенно желают и нынешних его царского величества послов приняли с великою честию, и приходу их обрадовались»[46]. Посольство Тимофея Протопопова практически сразу получило отпуск и 19 января 1682 г. отправилось в Москву.

В то же время, несмотря на некоторые сомнения в намерениях Москвы, османская сторона в этот период была готова предпринять ряд шагов для нормализации отношений. Наиболее крупный, как представляется, был связан с Ю. Хмельницким и его действиями в регионе. По словам подьячего Н. Кудрявцева, возвращающегося из Стамбула в Москву весной 1681 г. через Немиров, когда он три дня находился в городе, из Бабадага от сердара Кара Мехмеда-паши были направлены два аги, а также переводчик славянского языка. Один из них, Мустофа-ага, поставил на место Ю. Хмельницкого[47] «в гетманы казака Гречку», в то время как сам Хмельницкий был «взят в Баби и сидит за караулом»[48]. С одной стороны, подчеркивалось, что бывший гетман, находясь в Немирове, «чинил народу многие пакости»[49]. Однако такое решение было принято после того, как в Стамбуле узнали о том, что османский ставленник направил отряд с казаком Самченко и крымцами на малороссийские города без ведома султана[50]. В этой связи Стамбул, желая, как представляется, не допустить обвинений в несоблюдении бахчисарайских договоренностей, принял решение прямо запретить осуществлять набеги на российские границы. По словам чауша, который провожал Н. Кудрявцева от Бабадага до Киева, султан и великий визирь направили указ в Бабадаг, после чего сердар Кара Мехмед-паша писал в Крым и Белогородскую орду, а также направил аг, которым «велено... выбирать полоняников, которые взяты нынешнею зимою, и отослать в

---

[46] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 22. Л. 39 об. – 40.

[47] О судьбе Ю. Хмельницкого см.: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 154–155. Летом 1681 г., однако, власть над Правобережьем была передана молдавскому господарю Г. Дуке (Там же. С. 156–158).

[48] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 185 об. – 186.

[49] Там же. Л. 186 об. Об этом же сообщал С. Проский (см. подробнее: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 154).

[50] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 186.

те ж места, где которой взят, и впредь о том указ им в Крым и в Белогороцкою орду послан, чтоб они на украйные городы за нынешними договоры войною не ходили»[51]. Подобные меры были предприняты также гетманом И. Самойловичем[52].

Сразу после подписания Бахчисарайского договора в начале 1681 г. напряженность во взаимоотношениях двух стран продолжала сохраняться, османы позволяли себе нарушения посольского протокола. Однако в Москве имели основания надеяться, что заключаемый мир будет поддерживаться османской стороной, которая в этот период демонстрировала готовность не только воздержаться от военных операций, но и принудить к этому своих вассалов. Это в целом могло создать основу для заключения долгосрочного договора.

3. Позиция московского правительства и переговоры в Стамбуле

В этих условиях московское правительство, стремясь прояснить спорные пункты Бахчисарайского договора, не стало затягивать с отправлением посольства в Стамбул. 6 мая 1681 г. царь Федор Алексеевич «велел окольничему и наместнику Олонецкому Илье Ивановичю Чирикову да дьяку Прокофью Возницыну итти с своею великого государя грамотою и с любительными поминки и для своих великого государя дел к великому государю, к Магмет салтанову величеству Турскому, в великих послех»[53]. Это было большое посольство со значительным штатом подьячих, толмачей и переводчиков; кроме того, в его составе были кречетники, сокольники и собольщики[54]. Предполагались значительные подарки османским сановникам, в том числе кречеты, моржовые клыки и соболи.

20 июня послы были «у руки» «под селом Коломенским в шатрах»[55]. Однако изначально посольство складывалось неудачно: 10 августа, «идучи рекою Доном, многие великого го-

[51] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19. Л. 190–190 об.

[52] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 327.

[53] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 1.

[54] *Ходырева Г.В.* Русско-турецкие переговоры... С. 153.

[55] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 3.

сударя люди заболели лихорадкою и огневою болезнью»[56]. 15 августа заболели И.И. Чириков и П.Б. Возницын, 29 августа И.И. Чириков умер[57], и П.Б. Возницын один продолжил путь в Стамбул.

В распоряжении П.Б. Возницына находилось несколько документов, согласно которым он должен был вести переговоры с османским правительством по разным вопросам, в том числе и о размежевании границы. Речь идет об общем царском наказе, составленном в Москве 28 мая 1681 г., а также о нескольких царских грамотах, полученных дьяком во время его пребывания в Стамбуле. Следуя наказу, как и при переговорах с крымским ханом, русское посольство изначально должно было настаивать на передаче Москве части территории Правобережья: послам «велено домогатца той межи, как написано Василью Тяпкину в болшом наказе»[58]. Более того, московское правительство было готово выкупить эти земли у османского правительства за 30 тысяч золотых и соболей на 20 тысяч рублей. Дипломатам следовало особо подчеркнуть, что «царское величество желает того не для пространства государства своего земель, но для крепчайшей сь его салтановым величеством дружбы»[59]. Такая позиция обосновывалась необходимостью казацким подданным вести промыслы на правом берегу Днепра, где они имеют «всякие свои угодья», что, в свою очередь, могло привести к возможной конфронтации на границе. Если бы оказалось, что этот пункт наказа выполнить не удается, то правый берег Днепра должен был оставаться незастроенным и незаселенным. Так, в тайном наказе дипломатам предписывалось добиваться, «чтоб по правую сторону Днепра, куды та река течет, наченши от Днепра до Бога [Юж. Буг. — *М.Я.*] нигде с стороны царского величества и салтана Турского, также и хану крымскому городов не ставить и поселения не чинить и не кому не кочевать, и пребещиков не принимать, и поволити никому не велеть, и оставить то место пусто»[60].

---

[56] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 6.

[57] Там же. Л. 9 об.

[58] Там же. Кн. 20. Л. 790 об.

[59] Там же. Кн. 21. Л. 112.

[60] Цит. по: *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 151; см. также: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 23. Л. 64 об.

В русско-турецкий договор было необходимо включить пункт о «казацких вольностях», «чтоб подданным его царского величества заднепрским и киевским жителем волно было на сю [правую. — *М.Я.*] сторону для всяких потреб выезжать»[61]. П.Б. Возницыну также следовало расширить статью о близлежащих к Киеву городках: к Триполью, Стайкам и Василькову добавить местечки Дедовшин и Радомышль, которым «с селами их и деревнями быть в державе великого государя»[62]. Предстояло послу поднять вопрос и о принадлежности Запорожья со всеми «звериными и рыбными ловлями, и солеными озерами», причем Москва настаивала на расширении прав запорожских казаков, которым османы должны были позволить свободно и безопасно плавать до устья Днепра, а также свободно ловить «всякого зверя»[63]. Важной представляется попытка Москвы внести изменения во внешнеполитическую систему этой части восточноевропейского региона, в частности, путем прямого вовлечения османского правительства в вопросы регулирования русско-крымских отношений — московским дипломатам следовало поставить вопрос о прекращении набегов крымцев в мирное время, причем предполагалось, что запрет должен был исходить непосредственно от турецкой стороны.

В целом, по мысли московского правительства, задача посольства состояла прежде всего в детализации статей, связанных с размежеванием границы. Для сохранения долгосрочного мира оно должно было максимально полно зафиксировать все договоренности: «...должно для утвержения крепчайшей междо обоими великими государи дружбы написать ныне во обещателной салтанова величества грамоте попространнее, чтоб ни за что меж великими государи недружбы не было»[64]. В том случае, если османы не захотят обсуждать некоторые статьи и «учинитца спор, и никакими мерами устоять будет... по наказом немочно,... велено те спорные статьи делать и приводить к совершению и ко укреплению, выбирая из обоих наказов и из указных наших, великого государя, грамот, как бы нашей государской чести было

---

[61] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 112 об. – 113.

[62] Там же. Л. 113 об. – 114.

[63] Там же. Л. 114 об. – 115.

[64] Там же. Кн. 20. Л. 790 об.

к повышению и государствам нашим к разширению, так же бы и нашего царского величества подданному, Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману, и всему Войску Запорожскому, и посполитому народу малоросийскому, и Войска Низового Запорожского казаком ко утешению и к доброй прибыли»[65].

Однако нужно учитывать, что в целом Москва была заинтересована в мирном разрешении конфликта и утверждении перемирных статей. Военные усилия 1670 — начала 1680-х годов создавали для московского правительства большие сложности. Кроме того, к этому времени Москва отказалась от мысли удержать Правобережье, и теперь была озабочена обеспечением безопасности своих владений и установлением мира во всем регионе. Османская империя также была заинтересована в заключении скорейшего мира с Россией, чтобы полностью перенаправить свое внимание на дела Священной Римской империи.

19 декабря русское посольство прибыло в окрестности Стамбула, где было торжественно принято. П.Б. Возницына встречали турецкие начальные люди, он въезжал в Стамбул на аргамаке, который был «прислан под него с салтановы конюшни»[66]. По словам его сопровождающих, «учинена ему во встрече честь, какой никоторых государей послом наперед сего не бывало»[67]. Более того, великий визирь Кара Мустафа-паша лично оказывал П.Б. Возницыну различные почести. К примеру, в конце декабря дьяку визирь направил «от себя корм: бораны, куры, голоби, груши, лимоны, помаранцы, каштаны, смоквы, изюму, хлебов, сахару, да в 12 кубках стекляных в воде цветов»[68]. В феврале месяце на приеме у великого визиря Прокофия Возницына поили кофе: «...велел подать кафе с сахаром, и как кафе почали подавать и положили на колени везирю фату, а Прокофью другую, обе ровны. И давали пить кафе в чашках фарфуровых ровны, и визирь и он, Прокофей, пили»[69]. Османские приставы говорили дьяку, что «везирь ему показал великую любовь, какой они никоторым послом не видали, и говорил, де, с ним ласково, чему они все склонности

---

[65] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 553–553 об.
[66] Там же. Кн. 21. Л. 51 об.
[67] Там же. Л. 49 об.
[68] Там же. Л. 55.
[69] Там же. Л. 73 об.

ево дивились, да и то, де, он чинил чрезвычайно, что ево, Прокофья, подчивая, сам пил и во всем честь чинил»[70]. Однако торжественный прием не помешал османским властям практически полностью проигнорировать требования московской стороны. Переговоры оказались трудными и длительными и закончились только в мае 1682 г.[71]

Стоит отметить, что Москва еще осенью 1681 г. высказывала опасения из-за назначения молдавского господаря Георгия Дуки «на Юраскова место Хмелницкого»[72]. В Москву поступали сведения, что новый правитель Правобережья намерен «пустые городы поселить вновь», и русское правительство предписывало П.Б. Возницыну настойчиво «домогаться», чтобы «по перемирным договором на той стороне Днепра городов не строили»[73]. Однако позиция османского правительства была проста. По словам великого визиря, «мир междо обоими великими государи учинен и записми[74] утвержен, а в тех записях написано имянно, как чему быть»[75]. В Стамбуле были склонны считать итоги войны благоприятными для себя и не были готовы к поиску компромиссов; нужно учитывать и личную заинтересованность Кара Мустафы-паши в максимально выгодном для турецкой стороны исходе этого русско-турецкого конфликта, поскольку он являлся одним из его инициаторов.

4. Бахчисарайский договор

В распоряжении исследователей имеется комплекс текстов, именуемых в совокупности Бахчисарайским договором. Речь идет о первоначальном договоре — шертной грамоте, данной

---

[70] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 74–74 об.

[71] О ходе переговоров подробно см.: *Ходырева Г.В.* Российско-турецкие переговоры 1681–1682 годов... С. 151–162.

[72] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 54.

[73] Там же.

[74] Речь идет о шертной грамоте крымского хана, выданной посольству В. Тяпкина и Н. Зотова после согласования с великим визирем Кара Мустафой-пашой.

[75] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 111.

крымским ханом 3 января 1681 г.; грамоте великого визиря Кара Мустафы-паши, согласовывающей с некоторыми оговорками изначальный текст Бахчисарайского договора и датированной 10 февраля 1681 г., а также текст, ратифицированный турецким султаном в апреле 1682 г. и представленный краткой и полной записями. Стоит отметить, что в Москву П.Б. Возницын привез ратифицированную[76] грамоту в двух вариантах: на османском языке, а также ее список на латинском языке. Произошло это в начале сентября 1682 г., уже после смерти царя Федора Алексеевича. 9 сентября 1682 г. обе грамоты были переведены в Посольском приказе.

Стоит отметить, что часть исследователей не принимает во внимание ратифицированную версию договора и оценивает итоги военных действий только на основании соглашения, подписанного в Бахчисарае[77]. Во многом поэтому существенно разнятся и оценки этого договора. Некоторые исследователи рассматривают Бахчисарайский мир как дипломатический успех московской стороны[78], другие оценивают его заключе-

---

[76] Ратифицированный османской стороной договор являлся «ахднамэ» (тур. ahidnâme) — официальным соглашением между Османской империей и европейскими государствами, также называемым в европейской традиции «капитуляцией» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1682. Д. 3. Л. 19). Подробнее об этом типе документов см.: *Goffman D.* Negotiating with the Renaissance State: the Ottoman Empire and the New Diplomacy // The Early Modern Ottomans: Remapping the Empire. Cambridge, 2007. P. 63–70; *Idem*. The Ottoman Empire and Early Modern Europe. N. Y., 2002. P. 187. Стоит также отметить, что подобное соглашение не ограничивалось взаимоотношениями с другими государствами и могло быть подписано между османской властью и ее подданными (см.: *Goffman D.* Negotiating... P. 64). См. также: *Инальджик Х.* Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей (Ч. 2) // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 26–28.

[77] См., напр.: *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 326–327; *Водарский Я.Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война... С. 530.

[78] К примеру, С.М. Соловьев отмечает, что «в Москве были очень довольны, избавившись от тяжелой и опасной войны с пожертвованием голой степи, ибо такой вид имело тогда уступленное туркам Заднепровье» (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен... Кн. VII. Т. 13. С. 221). По мнению В.Г. Ходыревой, «учитывая сложность международной обста-

ние более сдержанно, подчеркивая, что мир не был выгоден России[79].

Для начала стоит отметить, что ни в первоначальной шертной грамоте крымского хана, ни в грамоте великого визиря не упоминается о причинах начала военных действий между Москвой и Стамбулом; в них приводится только сам факт заключения мирного договора и его условия. В то же время в ратифицированном Мехмедом IV договоре фиксируется официальная позиция османской стороны о причинах и дате начала военного конфликта (поскольку речь идет о завершении Sefer-i Hümâyûn), кратко рассматриваются итоги вооруженного противостояния с Москвой. Так, начиная войну с Польско-Литовским государством в 1672 г., султан «домогался всяким нашим государским промыслом несколко земель покорити, несколко земель управити и усмирить, годно нам показалося бедных и богомолных людей успокоить»[80]. Как видно, турки в этот период вели не только завоевательную политику, походы османской армии после 1672 г. (сюда же следует включить и османский поход 1677 г. на Украину) принимали характер карательных экспедиций, свойственных для «политики усмирения непокорных внутри империи»[81], т. е. речь шла о закреплении полученных территорий, а не о повторной войне за них. Турецкая сторона также заявила, что «междо нами, государи, не за какие дела прежней мир наш с московским царем нарушился»[82], тем самым отвергая претензии России на обладание Правобережьем, в частности, после перехода в русское подданство гетмана П. Дорошенко осенью 1676 г.

новки того времени, следует признать, что заключение Бахчисарайского договора явилось несомненным успехом России. Это была дипломатическая и военная победа, ставшая результатом военных действий России и Украины» (*Ходырева Г.В.* Российско-турецкие переговоры1681–1682 годов... С. 160) и т. д.

[79] См., напр.: *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 139; *Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М.* Русско-турецкая война 1686–1700 гг. ... С. 26–27 и след.

[80] РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1682. Д. 3. Л. 37 об.

[81] *Орешкова С.Ф.* Османская империя во второй половине XVII в. ... С. 21.

[82] РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1682. Д. 3. Л. 37 об.

Важным в этой связи представляется, что османская сторона обозначила официальную дату начала военных действий между Москвой и Стамбулом — 1678 г., т.е. поход великого визиря Кара Мустафы-паши в Поднепровье[83]. Столкновение русско-казацких войск и османской армии представлено как уверенная победа турецкого оружия: «...междо ими бой и побиение было, и огненные бои были. И в тех боях многие искры огненные разсыпались, тамошних стран подданные у нашего несметнаго войска, у людей под коневыми копытами достались, а которые остались всех поранили и безмочных чинили, а естли б еще над ними промысл чинили, доброе и худое повелением божиим явно учинилось бы»[84]. Между тем декларируемый «с неизчетными готовыми войски на ту сторону... [левый берег Днепра. — *М.Я.*] государской великой поход»[85] османских войск в 1679 и 1680 гг. так и не состоялся. В договоре отказ османов от дальнейшего ведения военных действий объясняется желанием московской стороны скорее заключить мирное соглашение. Стоит отметить, что это не соответствует действительности, поскольку, как упоминалось ранее, полномасштабные переговоры начались осенью 1679 г.[86] Весь теплый период этого года основная османская армия бездействовала, в то время как Москва сосредоточила возле Киева почти 90-тысячную армию. Как показано выше, это было связано как с многочисленными турецкими потерями во время Чигиринского похода 1678 г., так и с трудностями логистического характера.

Часть договора, отражающая условия мирного соглашения, распадается на несколько отдельных блоков, которые можно рассмотреть следующим образом:

---

[83] РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1682. Д. 3. Л. 37 об. – 38.

[84] Там же. Л. 38.

[85] Там же. Л. 38 об.

[86] *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи... С. 138; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. ... Т. 2. С. 164.

1) Территориальное размежевание:

Первоначальный текст Бахчисарайского договора от 3 января 1681 г.	**Грамота великого визиря, согласовывающая текст Бахчисарайского договора от 10 февраля 1681 г.**	**Ратифицированный османской стороной в апреле 1682 г. текст Бахчисарайского договора (перевод с османской грамоты)**
	Общая граница	
Границе быть реке Днепру договорились. А по сю сторону Днепра... салтанова величества быти под властию. (РГАДА)	Между обоих государств границе быть Днепру, и по сю сторону Днепра быти... салтанова величества под властию.	...междо нами быти рубежем Днепру, а сей стороны Днепра под владетелством нашего храбрства состоитца.
	Принадлежность Киева и близлежащих к нему территорий	
А Киев изстари с приналежащими к нему городками разорены, Василков, Триполье и Стайки, от Киева до Запорожья.	А Киев город с приналежащими ево изстари пределами и городками, и разоренные городки, Василков, Триполье, Стайки, киевская старая граница подь его царскою державою быти от Киева до Запорог.	...кроме Киева и прежних приналежащих х Киеву, Василкова, Триполья, Стаек, городков и иных городков, как прежде х Киову належали, быть Киеву по-прежнему рубежу.
	Принадлежность Запорожья	
И Запороги ваши же.	—	—
	Статус Поднепровья	
На Днепре по обеим сторонам городов и городков не делать.	По обе стороны Днепра городов и городков не делать.	Подданным вашего [царского. — *М.Я.*] владения от Киева даже до Запорожья по обоим сторонам реки Днепра городов не строить[87].

[87] Стоит отметить, что в русском переводе с латинского варианта грамоты в силу особенностей перевода данный фрагмент представлен более неопределенно: «...да будут под владением прехвалного царя и даже до рубежей Киева-города и Запорожья ни на сей реки Днепра стороне, ни на той со обоих сторон крепостей не делать» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 3. Л. 30–30 об.).

Как видно, во всех трех документах границей между двумя государствами является Днепр.

В вопросе о принадлежности Киева и его пригородов после двухмесячных переговоров османские власти в 1682 г. пошли русской стороне на небольшие уступки «для брацкой сь его царским величеством дружбы», поскольку Москва желала расширить данный пункт, добавив местечки Дедовшин и Радомышль, которым «с селами их и деревнями быть в державе великого государя»[88]. Таким образом, если в шертной грамоте крымского хана и грамоте великого визиря речь шла только о Киеве и трех близлежащих городках (Василькове, Триполье и Стайках), то в ратифицированном султаном договоре появилась фраза «городков и иных городков, как прежде х Киову належали, быть Киеву по-прежнему рубежу»[89].

Вопрос о статусе Запорожья был изначально решен в пользу российской стороны, однако Порта не была заинтересована в урегулировании этого пункта ввиду близости османских крепостей, расположенных на Днепре, к территории запорожских казаков. Уже в грамоте великого визиря этот пункт был проигнорирован, в 1682 г. Кара Мустафа-паша лично заявил московскому послу, что султан хотел, «чтоб тех запорожцев тут не было»[90]. В этой связи, естественно, было отвергнуто пожелание, чтобы запорожцы могли ловить рыбу и зверей в низовьях Днепра[91].

Значительно изменился статус Поднепровья. Изначально, как упоминалось выше, в Москве полагали, что только правый берег Днепра вплоть до Южного Буга останется незаселенным. Позднее, по настоянию турецкой стороны, предполагалось создание буферной полосы между владениями обоих государств, на которой и московской, и крымско-турецкой сторонам запрещалось строить укрепления и заселять территории по обеим сторонам Днепра. К сожалению, на данный момент не представляется возможным точно установить, как именно в Стамбуле интер-

---

[88] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 113 об. – 114.

[89] Там же. Оп. 3. 1682. Д. 3. Л. 40.

[90] Цит. по: *Ходырева Г.В.* Российско-турецкие переговоры1681–1682 годов... С. 157.

[91] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 332.

претировали этот пункт договора, однако сохранившаяся реакция И. Самойловича на ратифицированный договор позволяет предположить, что османская сторона оставляла за собой право осваивать Правобережье[92]. На требования Москвы в процессе переговоров не укреплять туркам правый берег Днепра, превратив его в буферную зону, великий визирь отвечал: «...где то слыхано и говорят ли то люди, о которых землях бывают войны и кладут труды великие, исча себе пожитку, а те б земли, взяв их, ими не владеть и поселения не чинить»[93]. В целом османы обозначили свою позицию весьма конкретно: «Без поселения той земле быть нельзя для того, что они [турки. — *М.Я.*] хотят ею владеть и себе пожитку искать»[94]. В этой связи вопрос об обязательстве России не строить новых городов вдоль Днепра, в том числе и на Левобережье, остается открытым, поскольку Россия оказывалась в неравноправном положении по сравнении с Османской империей.

Обращает на себя внимание также употребление в титуле турецкого султана таких названий, как «Украина» и «Днепр»[95]. Османская сторона, таким образом, не только фиксировала эти территориальные приобретения, но и, как представляется, выражала свою заинтересованность в дальнейшем расширении и укреплении своего присутствия в этом регионе. Именно в этот период Османская империя предприняла, как упоминалось ранее, попытку закрепиться на правом берегу Днепра, сместив правобережного гетмана Ю. Хмельницкого и передав его летом 1681 г. под власть молдавского господаря Георгия Дуки[96].

---

[92] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 332.

[93] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 177 об. – 178.

[94] Там же. Л. 178 об.

[95] Согласно латинскому переводу: «Borisphenis» (Там же. Оп. 3. 1682. Д. 3. Л. 37). В то же время нельзя исключить, что речь в целом идет об эялете Озю-Силистра. Стоит отметить, что при этом требование московской стороны воспроизводить царский титул в виде «всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца» османы продолжали игнорировать (однако, как упоминает Х. Инальджик, с этого периода стали использовать определение «самодержец», см.: *Инальджик Х.* Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений... С. 28–29).

[96] *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века... С. 155–172; *Он же*. Политика молдавского господаря Г. Дуки... С. 253–262;

2) Решение вопроса о взаимодействии с населением:

Первоначальный текст Бахчисарайского договора от 3 января 1681 г.	Грамота великого визиря, согласовывающая текст Бахчисарайского договора от 10 февраля 1681 г.	Ратифицированный османской стороной в апреле 1682 г. текст Бахчисарайского договора
	Промыслы и пошлины	
—	—	А с тое [левой. — *М.Я.*] стороны Днепра промышленников, для своей потребы дров брать приходящих, после постановления мира никому не имать. А на той стороне Днепра подданные московского царя, живущие, на сю сторону для промыслу, пасеки чинить и для рыбные ловли, и для сенного покосу, и для взятья соли ходить имеют и по прежнему платить им пошлину.
	Переселение	
—	—	Да будет принято у нашего высочества [турецкого султана. — *М.Я.*] подданные обоих стран Днепра без обиды, которые похотят своею волею с сее стороны или с той стороны на сю сторону переходить, нихто бы их не задержал, и которые на воинском времяни, взятой полон ими розменятца по прежнему обычаю.

Как видно, изначально пункт о «казачьих промыслах» не был представлен в договоре, между тем Москва настаивала в связи с пожеланиями И. Самойловича, «чтоб подданным его царского величества, заднепрским и киевским жителем, волно было на сю [правую. — *М.Я.*] сторону для всяких потреб выезжать»[97]. Его

Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 328–331.

[97] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 21. Л. 112 об. – 113.

включение в договор является своеобразной «уступкой» турецкой стороны — османское правительство разрешало казакам ходить на промыслы на правый берег Днепра, однако только при уплате соответствующих пошлин. Их уплата подчеркивала османский суверенитет над этими землями.

Кроме того, в сохранении связи населения, бежавшего на левый берег от войны, с Правобережьем отчасти была заинтересована и османская сторона: поездки на старые места на промыслы могли стать прологом к возвращению. Как уже было сказано, Порта намерена была осваивать земли правого берега Днепра и заселять их, и для этого в договор был внесен пункт, согласно которому Москва не должна была препятствовать жителям Левобережья переселяться на противоположный берег. Однако запрета на переход жителям правого берега Днепра также не было.

3) Рассмотрение вопроса о взаимодействии с Крымским ханством:

Первоначальный текст Бахчисарайского договора от 3 января 1681 г.	**Грамота великого визиря, согласовывающая текст Бахчисарайского договора от 10 февраля 1681 г.**	**Ратифицированный османской стороной в апреле 1682 г. текст Бахчисарайского договора**
	Крым	
И как то все прислано будет, мы недругу вашему недруги будем, а другу вашему други будем, и в твердом соединении с вами будем. И братья наша, калга и нурадын салтаны, и дети наши, и племянники, и внучата, и род наш, и все Крымского юрта нашего люди, нагайские мурзы, белогородцкие татары, темрюцкие черкесы и вси под властию нашею сущие мурзы, и весь народ наш, такожде	—	Для сего благодатного мира послали есми по всем порубежным городом ко владетелем и жителем, ко всяким началным людем и ко всему ратному народу, и х крымскому хану и войску татарскому, и подданным их татарским народом, чтоб на места под владением московского царя войною не ходили и против мирнаго договору никакой вражды не чинили, для того мы, великий государь, сию обещателную грамоту дали, не

Продолжение таблицы

Первоначальный текст Бахчисарайского договора от 3 января 1681 г.	**Грамота великого визиря, согласовывающая текст Бахчисарайского договора от 10 февраля 1681 г.**	**Ратифицированный османской стороной в апреле 1682 г. текст Бахчисарайского договора**
и... салтаново величество на государство ваше и на украинные городы ваши и на села войною ходить не будет, и никаким образом лиха не мыслить и не чинить.		убавливая и не прибавливая, но всему крепко содержанну быть по сей нашей клятве.
А буде вышепомянутые подвластные наши люди, хто ни есть, войною на городы и на земли ваши пойдет воевать, и мы таких людей будем крепко стеречь и розыскивать, и, поймав, смертью будем казнить, а взятое все назад отдать.		А с стороны хана крымского, какова дана шертная грамота, на чем постановлен и договорен междо вами мир, и тому быти крепко междо вами содержану. А после того, хотя премена будет хану крымскому и учинитца какая междо вами ссора, в то время послать послов, розведав подлинно. Аще же до совершения урочных лет мира, за год или за два, о обновлении миру с стороны московского царя прошение будет, и то прошение обоих сторон к ползе.

Заключенный тремя сторонами — Россией, Турцией и Крымским ханством — договор, как представляется, должен был внести существенные перемены в саму систему международных отношений в этой части восточноевропейского региона прежде всего потому, что предполагал непосредственный контакт России и Турции, при котором Крымское ханство выступало в качестве вассала Порты. В ратифицированный османской стороной договор был включен пункт о запрещении крымского хана «татарам и подданным их» совершать набеги на российские земли. Кроме того, предполагалось, что в случае нарушения мирных ста-

тей, если «лучитца быти с стороною крымскою какие ссоры, и те ссоры чрез послов, учинив розыск и сыскав правду, да утишат и усмирят»[98]. В таких условиях речь могла идти об установлении долгосрочных мирных отношений в этом регионе, где внешняя политика Крымского ханства оказывалась подчинена договорным обязательствам со Стамбулом.

Бахчисарайский договор впервые официально закрепил территориальное разграничение владений Российской и Османской держав. Между Россией и Турцией заключалось двадцатилетнее перемирие, согласно которому граница между двумя государствами пролегала по р. Днепр. На Правобережье во владении царя оставался Киев и его пригороды. Изначально прописывались обязательства Москвы и Стамбула не возводить вдоль Днепра новых городов и укреплений, однако есть вероятность, что данный пункт Порта интерпретировала по-своему, поскольку турки собирались осваивать земли Правобережья. Левобережным казакам позволялось заниматься промыслами в низовьях Днепра и на Правобережье только при уплате пошлин. Одновременно запрещалось препятствовать свободному переходу жителей Левобережья и Правобережья на противоположный берег реки. К этому следует добавить обязательства Москвы выплачивать начиная с 1681 г. ежегодную «казну» крымскому хану, также надлежало заплатить ее за прошедшие три года. Однако важно, что при этом султан взял на себя обязательство препятствовать набегам крымского хана на окраины Российского государства.

Итак, ратифицированный османской стороной Бахчисарайский договор сильно отличался от первоначально согласованного и предполагал ряд уступок с московской стороны. В целом Россия должна была отказаться от планов удержать территории Правобережья (кроме местечек вокруг Киева), не признавалась царская власть над Запорожьем, в целом не удалось добиться превращения правого берега Днепра в буферную зону между османскими и русскими владениями. В то же время договор знаменовал отказ Порты от планов захвата всей Украины и закреплял политическое разделение украинских территорий. Характер указаний, данных П.Б. Возницыну, говорит о том, что московское правительство по-прежнему неверно оценивало планы османской стороны отно-

[98] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 20. Л. 601 об. – 602.

сительно судьбы Правобережья и в целом неточно представляло себе ситуацию при стамбульском дворе.

В этой связи интересна реакция Москвы на ратифицированный Мехмедом IV договор.

Царям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу документы были чтены 18 сентября 1682 г. «вь их государском Троицком походе в селе Воздвиженском в передней»[99]. Условия договора вызвали резкое недовольство при московском дворе. П.Б. Возницыну вменялось в вину, что он привез несогласованный с Москвой договор, в котором «написана тягостная и прибылая статья, что с сей стороны Днепра поволено всяких чинов малоросийских городов жителем переходить на житье на ту сторону Днепра под владение салтана Турского»[100]. Кроме того, «о Запорожье, что им быти во владении и в державе великих государей, ничего не написано..., а о волностях Войску Запорожскому Низовому в той утвержденной грамоте ничего не написано, а сверх того всех малоросийских городов з жителей пошлину имать написано»[101]. Как видно, негативно была воспринята необходимость разрешить свободное переселение жителей Левобережья на правый берег Днепра. Стоит отметить, что гетман И. Самойлович также отмечал, что этот пункт договора является, по его мнению, наиболее тяжелым, поскольку он опасался массового перехода жителей левого берега Днепра на противоположную сторону из-за плодородия земель и возможных льгот[102]. Как отмечает К.А. Кочегаров, этот пункт, по сути, мог обнулить все усилия гетмана по переводу и расселению жителей правого берега Днепра[103]. В то же время, как представляется, рассмотрение данного пункта как наиболее тяжелого подтверждает тезис, что велась не только война за территорию, но и за население Поднепровья. В итоге ратифицированные статьи были восприняты отрицательно и в Москве, и в Батурине.

---

[99] РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1682. Д. 3. Л. 44.

[100] Там же. Л. 44 об.

[101] Там же.

[102] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. 15: Руина... С. 332.

[103] *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия... С. 77.

Москву принятые соглашения, естественно, не устраивали, и после возвращения П.Б. Возницына сразу же встал вопрос об их пересмотре. Однако есть некоторые основания думать, что в Москве и в Стамбуле пункт о статусе Поднепровья интерпретировался по-разному. В этой связи попытки турок активно освоить эти земли («по указу салтанова величества волоской владетель, полковников себе из украинских городов людей выбрав, велел им старые городы, близ Днепра будучие людми населить, и на обольщение слобод подовал им свой уневерсал»[104]) продолжали вызывать протест в Москве. Русское правительство считало, что такой политикой османы мирным договорам «чинят противность», и требовало, «чтоб салтаново величество указал те противности отставить»[105]. Однако в Стамбуле не видели нарушений. Надежды на сохранение мирных отношений также не оправдались. Дефакто, в первые годы после заключения мира он систематически нарушался обеими сторонами[106].

Итоги переговоров

Заключение Бахчисарайского договора свидетельствовало об отказе Порты от планов захвата всей Украины и закрепляло политическое разделение украинских территорий. За Россией признавались Левобережье и Киев, под прямым османским управлением по-прежнему осталась территория Каменец-Подольского эялета. Правобережное гетманство оказалось сильно разорено в ходе войны, и к 1681 г., как представляется, нет оснований говорить о сколько-нибудь серьезной его автономии.

---

[104] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 23. Л. 63 об. – 64.

[105] Там же. Л. 64. В то же время после его заключения русское правительство пыталось добиться «исправления некоторых дел» прежде всего дипломатическим путем, столкнувшись при этом с полным непониманием турецкой стороны. Османские сановники в этот период позволяли себе заявлять царским посланникам, что «с стороны их государей Московских ныне государю их Превысокой Порте дела не нужны» (Там же. Кн. 24. Л. 19 об.).

[106] *Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М.* Русско-турецкая война 1686–1700 гг. ... С. 28–40.

По сути, в этот период Османская империя предприняла последнюю попытку закрепиться на правом берегу Днепра, сместив правобережного гетмана Ю. Хмельницкого и передав этот регион в 1681 г. под власть молдавского господаря Георгия Дуки. У правительства Кара Мустафы-паши, как представляется, сохранялись надежды на расширение и укрепление своего присутствия в этом регионе. Предложения московского правительства выкупить эти территории или создать на правом берегу Днепра буферную зону были восприняты османами негативно и остались без удовлетворения.

Бахчисарайский договор впервые официально фиксировал территориальное разграничение владений Российской и Османской держав. Более того, заключенный тремя сторонами — Россией, Турцией и Крымским ханством договор, как представляется, должен был внести существенные перемены в саму систему международных отношений этой части восточноевропейского региона прежде всего потому, что предполагал непосредственный контакт России и Турции, при котором Крымское ханство выступало в качестве вассала Порты. В таких условиях речь могла идти об установлении долгосрочных мирных отношений в этом регионе, где внешняя политика Крымского ханства оказывалась подчинена договорным обязательствам Стамбула.

Однако заключение Бахчисарайского соглашения не привело к разрешению возникших между Россией и Османской империей противоречий, наоборот, оно усилило их. Их итогом, скорее, стало «закрепление» рядом с Российским государством представляющего опасность соседа, присутствие которого могло создавать разные проблемы московской стороне, начиная с миграции населения и заканчивая безопасностью собственных границ. Дальнейшие действия Москвы показали, что мириться с активной деятельностью османов на Правобережье русская сторона была не готова. Кроме того, не оправдались надежды на сохранение мирных отношений в этом регионе. Отношения с Крымским ханством ухудшились[107], в то время как османская сторона не пред-

---

[107] *Kočegarov K*. The Moscow Uprising of 1682. Relations between Russia, *the Crimean* Khanate, and the Polish-Lithuanian Commonwealth // The Crimean Khanate between East and West. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 2012. Bd. 78. P. 59–73.

принимала никаких усилий для поддержания мира с Россией в этой части Восточной Европы. Это стало причиной недовольства московских властей и показало, что на данном этапе достичь долговременных договоренностей между двумя государствами невозможно.

В итоге, как известно, Бахчисарайский мир просуществовал недолго и сменился новым вооруженным противостоянием, став прологом к участию России в широкой антиосманской коалиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XVII в. была временем значительной трансформации системы международных отношений на юге Восточной Европы. Борьба за территорию современного Юга России и Северного Причерноморья — один из важных международных процессов XVII–XVIII вв., ход и результаты которого повлияли на историю всей этой части континента. В частности, в истории русско-османских отношений важнейшим поворотным моментом выступает период 1672–1681 гг., время первого прямого военного столкновения этих двух государств.

Еще в середине XVII в. между владениями крупных государств — России, Османской империи, Речи Посполитой — в этом регионе лежала обширная слабозаселенная буферная зона. По ее периметру существовали государства и политические образования, находившиеся в политической зависимости от крупных держав, но обладавшие в определенной степени самостоятельностью — Крымское ханство, Дунайские княжества, Войско Запорожское и Войско Донское, Калмыцкое ханство и др. Здесь более или менее постоянно происходили разнообразные пограничные конфликты, причем на фоне этих то разгорающихся, то затухающих военных действий между основными игроками поддерживались и дипломатические связи. Это характерно и для русско-турецких отношений, поскольку территориально державы в то время на российской юго-западной границе непосредственно не соприкасались и столкновения происходили опосредованно (как, например, во время многочисленных крымских набегов на Россию или в период «азовского сидения» донских казаков).

Таким образом, военное противостояние, развернувшееся в Поднепровье в 1670-х — начале 1680-х годов, завершает эпоху в русско-турецких отношениях, когда борьба за влияние в восточноевропейском регионе между Россией и Османской империей

была опосредованной, и открывает череду русско-турецких войн конца XVII — XIX в.

Предпосылки для прямого русско-османского столкновения начали складываться с конца 1660-х годов и были связаны с двумя факторами.

Во-первых, как известно, когда в 1648 г. началось казачье восстание Богдана Хмельницкого против польских властей, этот регион превратился в центр противоборства между несколькими державами. Война между Россией и Речью Посполитой (1654–1667) завершилась Андрусовским перемирием в 1667 г., разделившим территорию Войска Запорожского по Днепру и закрепившим существование двух соперничавших центров гетманской власти, Правобережного и Левобережного. Ни одна из сторон, однако, не отказалась при этом от претензий на «обе стороны Днепра».

Хотя Правобережье вернулось под власть Речи Посполитой, контроль над этими территориями со стороны Польско-Литовского государства был сильно ослаблен. Это создавало предпосылки для вмешательства третьей стороны.

Второй фактор был связан с внутренними делами Османской империи. К этому времени Порта смогла справиться с кризисными явлениями, апогей которых пришелся на середину XVII в. Реформы великих визирей из рода Кёпрюлю позволили усилить армию и преодолеть тенденцию к децентрализации. Одновременно они вызвали потребность в новых территориях, требовавшихся для восстановленной тимарной (аналог поместной) системы. Это привело к заметному увеличению интереса османского правительства к восточноевропейскому региону и повлекло за собой новую, последнюю крупную волну османской экспансии и череду войн со странами Центральной и Восточной Европы.

Первый русско-турецкий конфликт набирал обороты постепенно, по мере развития событий. Произошедшие изменения не сразу были осознаны самими участниками конфликта, и по ходу развития противостояния их представления о происходящем и мотивация не оставались неизменными.

В рамках конфликта хорошо выделяются четыре периода. Во многом это обусловливается тем, что османы не могли вести военных действий зимой, так что ход конфликта четко распадается на военные кампании.

Первый период можно датировать 1672–1676 гг. Еще в 1669 г. правобережный гетман П. Дорошенко объявил о своем переходе под власть Порты, а в 1672 г. Османская империя начала войну против Речи Посполитой. Стремительные успехи османов уже в 1672 г. привели по Бучачскому договору к отторжению от Польско-Литовского государства большей части Правобережья и Подолии и образованию Каменец-Подольского эялета. По Журавенскому договору 1676 г. фиксировалось, что Речь Посполитая большую часть Правобережной Украины уступила Османской империи, и Польско-Литовское государство переставало участвовать в борьбе за этот регион.

Появление в Восточной Европе османских войск вызывало в Москве серьезные опасения. Уже в конце 1672 г. русское правительство допускало, что крупные османские силы во главе с турецким султаном могут атаковать Киев и левобережные владения России, и предполагало, что для отражения такого вторжения могут потребоваться значительные военные усилия, вплоть до выступления в поход самого царя. Царское правительство в этот период впервые столкнулось с тем, что стало регулярно получать сведения о планирующихся походах к своим границам войск во главе с турецким султаном и, конечно, должно было на это реагировать. Однако прямого столкновения русской и османской армий в этот момент так и не произошло. Тем не менее общее давление на южные границы России в это время возросло, однако не было равномерным — пик крымских набегов пришелся на 1673 г., в 1674–1676 гг. речь шла о действиях на пограничье только небольших крымско-калмыцких отрядов. Кроме того, военные действия в этот период развернулись в Приазовье.

Одновременно в 1672–1676 гг. Москва наращивала присутствие на Правобережье и давление на правобережного гетмана П. Дорошенко, поскольку после того, как Речь Посполитая в 1672 г. уступила эти земли османам, русская сторона перестала считать условия Андрусовского договора, относящиеся к разграничению в Поднепровье, действительными. В 1676 г. полностью утративший поддержку среди населения Правобережья П. Дорошенко сдался русскому командованию, ранее подчинявшиеся ему территории признали власть гетмана Ивана Самойловича.

В сущности, замысел московского правительства был реализован: часть Правобережья перешла под российский контроль

практически бескровно, при поддержке местного казачества. Опираясь на это признание и рассчитывая на значительную поддержку левобережного казачества, в Москве решились перейти к следующему шагу по утверждению своей власти на Правобережье, поставив русский гарнизон в ключевом центре этого региона, гетманской столице Богдана Хмельницкого, Чигирине.

Однако Османская империя, которая к этому времени одержала победу над Речью Посполитой, не намерена была терять эти земли. На очереди была попытка силового решения вопроса о судьбе Правобережья.

Кампанию 1677 г. можно считать вторым периодом изучаемого противостояния. В ее ходе русско-османский конфликт принял форму масштабного и прямого вооруженного столкновения; при этом с османской стороны война все еще не была объявлена, а в Москве по-прежнему сохраняли надежду удержать спорные территории без прямого столкновения с османской армией. Даже в конце 1677 г. русская сторона была склонна представить его события как обычное, хотя и масштабное, приграничное столкновение: Федор Алексеевич писал султану, что «его салтаново величество присылал в наши царского величества украинные городы пашей своих с войски и хана с татары войною под Чигирин, и того никогда мы, великий государь,... с стороны брата нашего, его салтанова величества, по укреплению исконные дружбы не чаяли»[1].

В этот год османы рассчитывали на легкое подчинение Правобережья и даже на поддержку местного населения. К Чигирину была послана относительно небольшая, но опытная 55-тысячная армия — то же войско, которое годом ранее после удачной осады Львова смогло навязать королю Речи Посполитой Яну Собескому выгодный для Османской империи мир. Неверно оценивая положение дел, они не предполагали ни серьезного сопротивления казацких полков, ни вмешательства русских войск, так что поход был совершен практически без тяжелого осадного вооружения. Хотя османы при благоприятных условиях рассматривали возможный поход к Киеву, задача перехода на левый берег Днепра перед командующим армией бейлербеем Озю-Силитры Ибрагимом-пашой, видимо, не ставилась. Военные действия должны

[1] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 15. Л. 29–30.

были, по мысли Порты, в течение теплого времени года завершиться утверждением в Чигирине в качестве гетмана нового османского ставленника — сына Богдана Хмельницкого, Юрия. Крымские татары при этом действовали в кампании 1677 г. неохотно и пассивно. Это может быть объяснено опасениями крымской знати, что с закреплением турок в Поднепровье автономия ханства серьезно пострадает.

Русское командование в 1677 г. исходило из оборонительной стратегии, в основе которой лежало верное представление, что османам «зимовать на пустыне не мочно» и с наступлением осени они будут вынуждены отвести армию к Дунаю. В Москве верно определили, что основной целью вторжения будет Чигирин, и приложили определенные усилия к подготовке крепости к осаде. Замысел командующих — опытного воеводы Белгородского разряда кн. Г.Г. Ромодановского и гетмана Ивана Самойловича — состоял в том, чтобы сдерживать противника в течение лета, обороняя крепость и сковывая его перемещения с помощью полевой армии. Анализ хода военных действий показывает, что в 1677 г. русское командование успешно воспользовалось неподготовленностью османов к длительной осаде Чигирина и сумело вынудить армию Ибрагима-паши спешно отступить, бросив часть вооружения.

Ожесточенная кампания 1678 г. стала поворотным моментом в русско-османском противостоянии и может быть выделена как третий период противостояния.

В 1678 г. османское правительство приняло решение направить в Поднепровье свои основные силы. Стоит отметить, что до недавнего времени масштаб кампании 1678 г. не был оценен в литературе должным образом. Между тем Портой были задействованы многочисленные войска, представленные многими бейлербеями и крупными военачальниками и собранные из многих регионов империи, в том числе из удаленных от театра военных действий азиатских провинций. 120-тысячная османская армия во главе с великим визирем Кара Мустафой-пашой прибыла на Правобережье подготовленной к длительной и тяжелой осаде Чигирина, снабженной осадной артиллерией и другими необходимыми ресурсами. Есть некоторые основания полагать, что по составу и численности она была близка к армии, собранной османами пятью годами позже для похода на Вену.

Со стороны Османской империи поход впервые был организован как важнейшее общегосударственное дело. Накануне похода 1678 г. султаном был объявлен джихад — важный атрибут крупных войн, которые вела Порта (к примеру, джихад также был объявлен в 1683 г. перед османским выступлением на Вену). К участию в кампании были привлечены виднейшие военные, политические и религиозные деятели империи (в частности, в ней принял участие Вани Мехмед Эфенди — один из известнейших исламских проповедников времен правления Мехмеда IV, который поддерживал боевой дух османской армии). Войска символически возглавил турецкий султан Мехмед IV (что впервые, по словам турецких исследователей, в истории русско-турецких отношений придало войне статус Sefer-i Hümâyûn), передав затем у Дуная командование великому визирю Кара Мустафе-паше. Обеспечивая лояльность крымского войска, Порта сменила хана. На этот раз ставилась задача не только овладеть Чигирином, закрепить Правобережье за османами, но и при возможности перенести войну под Киев или на левый берег Днепра. При этом османы делали ставку исключительно на собственные силы, не пытаясь найти поддержку у местного населения. Османский поход на Чигирин 1678 г. по подготовленности, количеству привлеченных сил, масштабу поставленных перед командованием задач существенно превосходит поход 1677 г. и может быть отнесен к числу крупнейших военных операций последней четверти XVII в. в Восточной Европе.

Позиция русской стороны также претерпела изменения. Надежды на мирное разрешение конфликта были оставлены, и Москва прямо обвинила султана в том, что он, вместо того чтобы урегулировать пограничные конфликты дипломатическими методами, «всчинил» войну, «чего никогда междо нашими государствы не бывало»[2]. Теперь и московское правительство понимало, что вопрос о судьбе Поднепровья может быть разрешен только оружием. Для этого была собрана значительно бóльшая, чем в прошлом году, армия. Хотя масштаб планировавшегося в Стамбуле похода еще не был известен в Москве и были привлечены в основном войска Белгородского и Севского разрядов, а также силы Войска Запорожского, общая численность действовавшей

[2] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 34 об. – 35.

в Поднепровье армии существенно возросла. Объединенная русско-казацкая армия насчитывала около 90 тыс. человек и уступала в численности пришедшей османской армии.

Таким образом, можно говорить о том, что в начале 1678 г. русско-османское противостояние перешло в иное качество: нараставший все предшествующие годы конфликт превратился в полномасштабную войну в том смысле, в каком это слово употребляется применительно к русско-турецким отношениям в XVIII в. Это, собственно, было зафиксировано в ратифицированном весной 1682 г. турецким султаном Бахчисарайском договоре.

Планы русского правительства по сравнению с 1677 г. также претерпели некоторые изменения. Армия должна была подойти к Чигирину до появления неприятельских войск. Были приложены максимальные усилия к тому, чтобы подготовить крепость к осаде. Нет оснований считать, что в 1678 г. московское правительство предполагало, по стратегическим или политическим соображениям, сдачу Чигирина. При этом, как и в 1677 г., командующие, кн. Г.Г. Ромодановский и И. Самойлович, не искали генерального сражения, так как поражение в нем ставило под угрозу Левобережье и Киев (безопасность которых воспринималась как приоритет в Москве), а победа объективно не приносила никаких стратегических выгод, кроме тех, что достигались и при помощи выжидательной тактики.

Однако в 1678 г. русская армия столкнулась со значительно более сильным противником и, кроме того, не имела точной информации о планах и силах османов. В результате армия, с одной стороны, была собрана слишком рано, а с другой — перешла Днепр уже после начала осады Чигирина и была вынуждена пробиваться к крепости с боями. Тем не менее действия кн. Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича по деблокированию крепости были весьма решительными, а большинство столкновений закончились в пользу русско-казацких сил. В итоге, заняв позицию на противоположном от турецкого лагеря берегу реки Тясмин, воевода и гетман могли посылать в осажденный город подмогу и при необходимости даже сменить находившиеся там войска. Оборона Чигирина в 1678 г. длилась чуть больше месяца, вплоть до 11 августа, и была активной — турки несли потери, заметно превышавшие потери осажденных, от артиллерийского огня и вылазок. Однако 11–12 августа удачный подрыв стены Нижнего

города привел к его частичному захвату османскими войсками, а затем к оставлению по приказу кн. Г.Г. Ромодановского Верхнего города. Падение Чигирина, произошедшее в тот момент, когда осаждавшие уже обсуждали возможное отступление, следует рассматривать как следствие неудачного стечения военных обстоятельств. Тем не менее, взяв оставленный русско-казацкими войсками Чигирин, Кара Мустафа-паша не смог нанести поражение русской армии, начавшей отход к Днепру. Русское командование сумело осуществить его с минимальным ущербом, не потеряв обозов, перед лицом численно превосходящего и воодушевленного победой противника. Произошедшие столкновения у Днепра продемонстрировали, что ни одна из сторон не способна нанести решительного поражения другой.

Итоги кампании 1678 г. были достаточно противоречивы: несмотря на взятие Чигирина и отступление основных русско-казацких сил за Днепр, Кара Мустафа принял решение окончательно разрушить Чигирин, соответственно Юрий Хмельницкий не был там утвержден гетманом. Его ставка переместилась намного западнее, в Немиров, поблизости от территории Каменец-Подольского эялета. Лето заканчивалось, и османская армия из-за отсутствия продовольствия и конских кормов вынуждена была спешно отойти к Дунаю. Хотя османы считали себя победителями, русская сторона не воспринимала итоги кампании как свое поражение. В целом, как представляется, нет оснований говорить о том, что, потеряв Чигирин, Россия потерпела поражение в войне.

Неоднозначность итогов кампании давала возможность удержать Правобережье в сфере влияния России. Однако падение Чигирина произвело большое впечатление на правобережную старшину и казаков, часть которых стала присягать Юрию Хмельницкому. Значительную роль здесь сыграла еще одна военная неудача: накануне отхода османы быстрым рейдом сумели взять и разорить Канев, крупный центр русской ориентации на Правобережье.

Когда стало ясно, что часть полков Правобережья признали Юрия Хмельницкого гетманом, Россия фактически прекратила военную борьбу за правый берег Днепра, сосредоточившись на обороне левого берега и Киева. На дипломатическом уровне претензии на Правобережье продолжали декларироваться, но Мо-

сква все больше склонялась к созданию в регионе буферной зоны, которая позволяла бы обеспечить безопасность «андрусовских» границ.

Кампании 1679–1681 гг. можно считать завершающим, четвертым этапом противостояния. Русское правительство исходило из того, что османы могут организовать еще один поход, и, помня опыт 1678 г., мобилизовало для его отражения основные силы государства. Для кампании 1679 г. впервые с начала противостояния был собран и направлен в Поднепровье Большой полк. На содержание войск вводились чрезвычайные налоги. Собрав у Днепра в 1679 и 1680 гг. значительные силы, русское правительство поставило Османскую империю перед необходимостью вести большую войну, раз она стремилась, как это декларировалось в начале 1678 г., завоевать Киев и даже Левобережье.

Однако османы не были готовы платить такую цену за расширение своей власти в регионе. Нового османского похода на Правобережье так и не произошло. Порта не посылала в Поднепровье больших сил и не оказывала активной поддержки Ю. Хмельницкому, который действовал в 1679–1680 гг. главным образом с помощью крымских татар, и ограничилась попытками в 1679 г. укрепить свое положение в Нижнем Поднепровье, возведя там две новые крепости.

Отчасти это было связано с усложнившейся для Порты международной обстановкой — османское правительство стало считать своей приоритетной задачей поддержания восстания куруцев (участников антигабсбургского движения в Венгрии) во главе с Имре Тёкёли и активизацию своей политики в Венгрии против Священной Римской империи.

Русское правительство, со своей стороны, было вынуждено отступиться от замыслов, связанных с расширением влияния Левобережного гетманства за пределы территории, определенной Андрусовским договором. Таким образом было окончательно закреплено разделение Правобережного и Левобережного гетманств, при этом их судьбы оказались различны. Левобережье осталось, благодаря усилиям российской стороны, относительно слабо затронутым войной. Здесь продолжилось развитие социальных и политических институтов, возникших в ходе восстания Б. Хмельницкого. На Правобережье, ставшем ареной военных действий, наблюдается не только хозяйственное разорение и мас-

совый отток населения, но и быстрый упадок институтов казачьего управления.

Переговоры, которые велись с 1679 г. и завершились подписанием в 1681 г. Бахчисарайского перемирия, должны были стать важной вехой в изменении характера отношений между Москвой и Стамбулом. К этому времени сомнения в характере конфликта, характерные для его начального этапа, были отставлены, обе стороны определенно констатировали, что между государствами ведется война, и пытались нащупать условия, которые позволили бы обеспечить более или менее устойчивый мир.

В Бахчисарайском договоре впервые была сделана попытка зафиксировать территориальное разграничение между Россией и Османской империей. При этом, как представляется, включение в договор третьей стороны — Крымского ханства — вносило значительные изменения в систему международных отношений Восточной Европы, поскольку подразумевалось, что внешняя политика Бахчисарая будет подчинена договорным обязательствам Стамбула, и это могло бы привести к установлению в регионе долгосрочного мира.

Заключая такое соглашение, русская сторона исходила из того, что между русскими и османскими владениями сохранится значительная слабозаселенная буферная зона на правом берегу Днепра. Правительство Кара Мустафы-паши, однако, имело иные планы. В 1681–1683 гг. Османская империя предприняла еще одну попытку утвердиться на правом берегу Днепра, сместив правобережного гетмана Ю. Хмельницкого, закрепив в титуле султана названия «Украина» и «Днепр» и передав власть над полученными по Бахчисарайскому договору территориями в руки молдавского господаря Г. Дуки. Активность турецких властей на Днепре вызвала серьезные опасения и резкое недовольство Москвы, поскольку возникла перспектива того, что в непосредственной близости к русским владениям будет постоянно присутствовать сильный и опасный сосед, который сможет продолжить военную и политическую экспансию. Правда, дальнейшее развитие событий показало, что утвердить свою власть в этом регионе османы не смогли, поскольку прилагать для обеспечения безопасности этих земель усилия, сопоставимые с теми, что были предприняты русским правительством для защиты Левобережья, Стамбул не имел ни возможности, ни желания. Одновременно не

оправдались надежды московской стороны на установление мирных отношений с Крымом, поскольку выяснилось, что османское правительство не было заинтересовано в урегулировании этого вопроса. Все это привело к тому, что заключенное соглашение не только не разрешило русско-турецкие противоречия, но усугубило их.

Итоги первой русско-турецкой войны показали, что установление длительного мира с Османской империей в тот период было невозможным. В итоге, как известно, Бахчисарайское соглашение просуществовало всего несколько лет и сменилось новой войной, в которой Россия принимала участие уже в составе широкой антиосманской коалиции.

В целом, есть основания говорить о русско-османском противостоянии 1672–1681 гг. как о цельном, но достаточно противоречивом периоде, в рамках которого не только интенсивность военных действий, но и представления об их характере существенно менялись у обеих сторон. Начавшись как серия локальных столкновений, оно постепенно переросло в один из крупнейших военных конфликтов в восточно- и центральноевропейской истории XVII в.

Хотя непосредственные военные действия между сторонами конфликта допускались, а отчасти и велись уже в 1672 г., что, в рамках сложившейся в историографии русской военной истории XVII в., дает серьезные основания говорить о начале войны уже в это время, стоит подчеркнуть, что те черты военного противостояния, которые позволяют поставить его в контекст русско-турецких войн последующего времени, в полной мере проявляются только начиная с кампании 1678 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ[1]

Приложение 1

Шертная грамота
крымского хана Мурад-Гирея,
данная на заключение
Бахчисарайского мира[2].
3 января 1681 г.

(*Л. 61 об.*)

Перевод с хановой грамоты шертной, какову дал Мурат-Гирей хан посланником столнику Василью Тяпкину да дьяку Никите Зотову.

---

[1] Представленные тексты публикуются по правилам издания текстов XVI–XVII вв. (Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990). Организация текста, его членение на предложения и абзацы, использование прописных и строчных букв соответствуют современным нормам. Ошибки и описки писцов оговорены отдельно. Все сокращения под титлом были раскрыты и восстановлены, выносные буквы внесены в строку без специальных обозначений. Все вышедшие из употребления буквы переданы буквами современного алфавита. Во всех случаях в словах воспроизводится «й» или «и» согласно правилам современной орфографии, несмотря на наличие или отсутствие диакритических (надстрочных) знаков. Конечный «ер» (ъ) в словах опущен, во всех случаях сохранено написание буквы «ерь» (ь). Буквенная цифирь передана арабскими цифрами. В публикации имеется два типа комментариев: арабскими цифрами обозначаются подстрочные примечания, которые имеют археографическое значение. Буквами кириллического алфавита обозначаются расположенные в конце текста комментарии общеисторического характера.

[2] Было опубликовано с разночтениями в изд.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 854. С. 290–292.

В начале написано золотом: «Бог правый».

Ниж того написано золотом же с красками, с лазоревою и красною, узол великой словами, а в нем: «Слово наше Мурат-Гирея хана».

Потом:

Божиею милостию Великие Орды, Великого юрта[a], крымского престола, Кипчацкие степи, // (*л. 61 об.*) многих татаров и безчетных нагаев, правой и левой стран несчетных тем, татов и тевкесов, и между[3] горских черкесов государь высокоимянитый, хан благодатный, славнейший, силнейший и дерзновеннейший, мы, великий Мурат-Гирей хан, сын во благодати в настоящих временах, от нашего величества Великия и Малыя и Белыя Росии государю, царю между востока и запада, многих християнских народов самодержцу и повелителю, брату нашему великому государю князю Феодору Алексеевичю, вашему величеству с любовию много много[4] поздравление посылаем и со сладостию о здравии вашем спрашиваем: // (*л. 62*) во здравии ли пребываете?

После поздравления же ведомо чиним, что нашего ханова величества писание вины се есть, послы ваши, столник и полковник и наместник переславской Василей Михайловичь Тяпкин да дьяк Никита Моисеев сын Зотов, посланы о мирном постановлении и тишине между двух государств, дабы народ, живущий тех двух государств, жили в тишине, в покое и безмятежно. И что они, послы ваши, о том миру говорили, и те их слова все нам учинилися годны, и приняли есмы. И против тех слов их, что миру быть между двух государств, с сею золотовислою печатию шертную грамоту нашу послали есмы, в которой грамоте о миру говоренные и обещанные // (*л. 62 об.*) речи поминаем: от пророка нашего, обоих светов солнца всех пророков последнейшаго и во втором пришествии милостивейшаго посредника и заступника, и любезнейшаго Божияго посланного Магаметь Мустофы, преселения ево лета 1091-го [1681. — *М.Я.*] году генваря 3-го дня, до двадесяти лет дружбе и мирному постановлению тверду быти. Границе быть реке Днепру договорились. А по сю сторону Днепра всеславный святыи Мекки и святыи светлосияюще[5] Мелин-

---

[3] В рукописи ошибочно «межу».

[4] Так в рукописи.

[5] Так в рукописи.

ского[б], Беломорского[в] и Черноморского государя, славнейшаго и страшного победителя, салтанова величества быти под властию. А Киев изстари с приналежащими к нему городками разореными, Василков, Триполье и Стайки, // (*л. 63*) от Киева до Запорожья, и Запороги ваши же. На Днепре по обеим сторонам городов и городков не делать.

Да за прошлые на три годы казна наша без убавки к нам прислать. И впредь от нынешняго 1091-го [1681. — *М.Я.*] году казну нашу против росписей на розменном месте отдавать. Да братьям нашим, калге[г] салтану и нарадыну[д] салтану, и детем нашим, султаном и дочерям, и женам, и скопцам[е], и карачеем, и ближним людем, и агам нашим, и внутренним отрочатом нашим, и всем, которым преже сего, что бывало, посылать, как в росписи написано все те присылки. И впредь посылать же без убавки.

И как то все прислано будет, мы недругу вашему недруги // (*л. 63 об.*) будем, а другу вашему други будем, и в твердом соединении с вами будем. И братья наша[6], калга и нурадын салтаны, и дети наши, и племянники, и внучата, и род наш, и все Крымского юрта нашего люди, нагайские мурзы, белогородцкие татары, темрюцкие черкесы и вси под властию нашею сущие мурзы, и весь народ наш, такожде и счастливейший, дерзновеннейший, страшнейший салтаново величество на государство ваше и на украинные городы ваши и на села войною ходить не будет, и никаким образом лиха не мыслить и не чинить.

А буде вышепомянутые подвластные // (*л. 64*) наши люди, хто ни есть, войною на городы и на земли ваши пойдет воевать, и мы таких людей будем крепко стеречь и розыскивать, и, поймав, смертью будем казнить, а взятое все назад отдать.

А Василья Борисовича Шереметева[ж] и столника Андрея[з] нашему ханову величеству на окуп послать на розменное место, а розмене быть блиско города Переволочни[и]. И впредь будущих годех казну нашу привозить и отдавать на том же месте, где розмена будет. А послов наших посылать против прежняго: наших и калгиных, и нурадыновых послов пять человек, а людей с ними 20 человек, а гонцов посылать по три человека, а людей // (*л. 64 об.*) с ними по 12 человек, а болши того не посылать ни одного человека.

---

[6] Так в рукописи.

А буде торговые люди ваши с товаром в благодатной великой Юрт Крымской и к золотому престолу нашему приедут к нам, никакова насилства и убытка не учинить, и ничего у них восхищением не взять, и обиды, и безчестья никакова не учинить. А как они приедут в той благодатный Юрт наш и к золотому престолу, безденежно у них ничево не имать.

И Крымского юрта братьям нашим, и калге и нурадыну салтаном, и детем нашим, и крымским пяти родом честным, и карачеем, и беем, и мурзам, и белогородцким татаром, и темрюцким черкесом, и безчетным татаром, // (*л. 65*) и несметным нагаем, и всем под властию нашею сущим народом на городы и на государство, и на земли ваши войною не ходить и никакова худа не чинить, толко буде от вас какой худобы не было б. А под нашим повелением, сущие от людей в том, что худобе не быть и на ваши городы и на земли войною не ходить, и убытков не учинить; а буде непослушанием хто войною пойдет и худобу, и убыток учинит, и тех стеречь накрепко и, поймав, казнить смертию.

В том по мусулманскому нашему закону на Куроне[к] заклиналися есмы, в том же и шертную сию грамоту за золотовислою печатью, писав, дали есмы.

Писана в золотопрестолном месте нашем в Бакчисарае // (*л. 65 об.*) в 1091-м [1681. — *М.Я.*] году генваря в 3 день.

Внизу печать чернилы, а в ней написано: «Раб Божий Мурат-Гирей хан».

У той же грамоты привешена на снурку печать золотая, а на одной стороне у ней вылито: «Бог един есть Бог, а Магаметь — посланной Божий».

На другой стороне вырезано: «Салтан, салтанов сын салтан храброй Мурат-Гирей хан, Мубарек-Гирей салтанов сын, Мубарек-Гирей салтан, Селяметь[7]- // (*л. 66*) Гирей ханов сын.

На ярлыке написано, которой у мешка привязан: «От нашего ханова величества к брату нашему, великому государю к князю Феодору Алексеевичю, кь его величеству посланная шертная грамота».

РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 62. Л. 61 об. – 66

---

[7] Часть слова («меть») написана под строкой.

Примечания:

[а] Т. е. «владение».

[б] Речь идет о Медине, втором после Мекки священном городе для мусульман.

[в] Речь идет о Средиземном море (*тур.* Akdeniz — букв. Белое море).

[г] Калга — наследник престола в Крымском ханстве.

[д] Нуреддин — второй после калги наследник престола в Крымском ханстве.

[е] Речь идет о слугах при ханском гареме.

[ж] После разгрома войск под командованием боярина В.Б. Шереметева в 1660 г. под Чудновом (во время русско-польской войны 1654–1667 гг.) В.Б. Шереметев сдался в плен польской стороне, однако, вопреки первоначальным договоренностям, поляки передали его крымскому хану. Находился в крымском плену с 1660 г.

[з] Речь идет о попавшем в крымский плен в 1668 г. кн. А.Г. Ромодановском, сыне кн. Г.Г. Ромодановского, командующем русскими войсками во время Чигиринских походов 1677–1678 гг.

[и] Бывшее село, расположенное на левом берегу р. Днепр, недалеко от устья р. Ворксла.

[к] Имеется в виду Коран.

Приложение 2

Грамота великого визиря
Кара Мустафы-паши, данная на заключение
Бахчисарайского мира.
10 февраля 1681.

(*Л. 66*)

Перевод с турского писма с везирева[а] листа, каков дал посланником столнику Василью Тяпкину да дьяку Никите Зотову в Крыму Мурат-Гирей хан.

Вверху написано золотом узол словами: «Мустофа-паша».

Подле печати золотом же: «Подлинной».

Вина сего писания и выбраные словеса и строки написаны для верности. Се есть настоящаго нынешняго времяни государь и во царех избранный сын Мекийский и светлосияющий Мединский, и святаго Иеросалима, Беломорский[б] и Черноморский, Восточный и Западный, и тамошних городов, и земель, и всех

семи стран государь, и над цари царь, сын высокопрестольнейший, благополучнейший, светлейший и силнейший, хвалнейший и страшнейший, государь наш, салтан салтанов сын, царь царев сын, салтан Магаметь хан, салтан Ибрагим ханов сын, его же да сохранит // (*л. 67*) Бог в величестве и в дерзновении на многие и безконечные лета.

Кь его преславному порогу мудроразумнейший джингизхановы породы пречестнейший и прехвалнейший брат наш, Мурат-Гирей ханово величество, послал человека своево, яко наместник с стороны салтанова величества, извещая, что благосчастливейший государь християнского народа и страшнейший во государех, и правитель многих государств и земель християнских, Московский царь, руского народа облаадатель, его же да сохранит Бог во благополучии ныне и вовеки, желая некоторые ссоры и войны, что между их, великих государей, были, в мир и в тишину возвратить, // (*л. 67 об.*) дабы люди божии жили в покое и в тишине, послал своих царского величества добрых и честных послов, Василья Михайловича Тяпкина, столника и полковника и переславского наместника, да дьяка Микиту Моисеева сына Зотова. И те послы, быв в Крыму, с ханом о дружбе и о миру говорили, как им приказано с стороны государя своево. И в том договоре послы дали запись, и хан о той записи салтанову величеству известил, и чтоб и с стороны салтанова величества запись к ним прислать, о том писал. И мы то дело и запись салтанову величеству доносивши, что в той записи написано о миру постановление и о всех делах, принял есть. И для укрепления[1] // (*л. 68*) и твердаго постановления тех всех дел по наместническому извычаю нашему против той их записи сие писмо печатью своею и з золотым узлом вместо записи дали есмы, в которой являет от пророка нашего, обеих светов солнца последнейшаго всех пророков, посредника и заступника во втором пришествии, любезнейшаго посланника Божия Магаметя Мустофы, в лета 1091-м [1681. — *М.Я.*] году генваря в 3 день мир учинен на дватцать лет.

Между обоих государств границе быть Днепру, и по сю сторону Днепра быти величайшего и дерзновеннейшаго, и страшнейшаго государя нашего салтанова величества под властию. А Киев город с приналежащими ево // (*л. 68 об.*) изстари пределами и го-

---

[1] Часть слова («ния») написана под строкой.

родками, и разоренные городки, Василков, Триполье, Стайки, киевская старая граница подь его царскою державою быти от Киева до Запорог. По обе стороны Днепра городов и городков не делать. Аще же Бог изволит, для сего доброго мирного постановления величайший, пресилнейший государь наш, над цари царь в настоящих времянах преславнейший, как Московского царя избранные послы з грамотою прийдут, тогда против сей записи отдастъся им шертовая грамота.

Писана месяца багарем[в] в 22 день 1092-го [10 февраля 1681. — *М.Я.*] году во Андриянополе. // (*Л. 69*)

На ярлыке написано: «От высокоместной стороны запись, которая имеет отдаться на Москве».

РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 62. Л. 66–69

Примечания:

[а] Речь идет о великом визире Мерзифонлу Кара Мустафе-паше.

[б] Речь идет о Средиземном море.

[в] Речь идет о первом месяце мусульманского лунного календаря — мухаррам.

Приложение 3

Краткая запись
утвержденного турецким султаном Мехмедом IV
Бахчисарайского договора[1]
Апрель 1682.

(*Л. 34*)

Перевод с турского писма з грамоты, что писал блаженные памяти к великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу Магмет салтан Турской з дьяком с Прокофьем Возницыным.

Переведена в нынешнем во 191-м [1682. — *М.Я.*] году сентября в 9 день.

В начале грамоты написано золотом:

«Салтан Магмет, салтан Ибраим-ханов сын».

---

[1] Было опубликовано с разночтениями в изд.: ПСЗ. Т. 1. № 916. С. 388–389.

А потом писано чернилы.

Избраннейшему междо государи Иисусова закону сохранителю и почитателю статей веры, Иисусова закону исполнителю и управителю искусным разсмотрением потребнейших дел христианских народов, московскому царю, многих государств облаадателю[2], // (*л. 34 об.*) другу нашему Феодору Алексеевичю.

Как ся наша о дружбе любителная грамота к вам дойдет и ведомо да будет: за помощию Божиею и пророком началнейшаго и благалюбителнаго, солнца обоих светов Махометя Мустофы, ему же много славу и похвалу воздаем, сего времяни царем царь к нашему величеству великий посол, ваш дьяк Прокофей Возницын, в добром здоровье дошол, в диване[а] нашем был. Любителную вашу грамоту приняли и перевесть велели, и по[3] перевод нам доносили. Дружба и любовь ваша к нам, великому государю, к нашему высочеству, дойде к самодержавной нашей Порте, о дружбе приезжим людем открыто по прежним обычаем. Прежде сего времяни междо нами посредником учинился крымской Мурат-Гирей хан для мирных договоров. И против того прежняго обычая по вашему прошению нашу великого государя обещателную грамоту // (*л. 35*) посланному вашему послу отдали, а ему, послу, против прежняго, о чем належит, честь воздали. И очи наши видел, и сее обещателную грамоту ему дали.

А надобно содержанию быти крепко против писма своего, как наперед сего отца и деды наши алиасманские[б] в соседцкой дружбе пребывали, також бы и междо нами непременно безо всякого умаления, чтоб было на обе стороны пристойно, для того вновь мирной договор учинился. И на том надобно крепко содержателство имети, хто будет имети дружбу и любовь, тому человеку Бог воздаст всякое желание, чтоб наши подданые люди в государстве нашем за нас Бога молили и жили в тишине и в покое, и имели б в государстве нашем изобилство. А мы мирные договоры о дружбе и любви приняли.

И о том мы, великий государь, храброму нашему холопу, крымскому хану, и по украинным[4] // (*л. 35 об.*) нашим городом везирем и пашам, и агам, и субашем[в], и всем началным людем

---

[2] Так в рукописи.

[3] Так в рукописи.

[4] Часть слова («инным») написана под строкой.

крепкой заказ учинили, чтоб где Бог умножил день ото дни дружбу нашу и любовь, и соседство междо нами к миру и к покою, и соверши Господь Бог всякое наше дело к добру.

Писано в месяце рабель ахире[г] лета 1093-го [апрель 1682. — *М.Я.*] году.

В конце грамоты написано:

«Писано во дворе нашем в нашем государстве Констянтинограде».

Назади грамоты написано:

«Мустофа Афенди[д]».

РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 3. Л. 34–35 об.

Примечания:

[а] Диван — высший орган власти в Османской империи, обладал законодательными, исполнительными и судебными полномочиями.

[б] Т. е. «великоосманский».

[в] Субаши — военачальник, второе лицо в санджаке (области) — административной единице Османской империи.

[г] Речь идет о четвертом месяце мусульманского лунного календаря — раби аль-ахир, или раби ас-сани.

[д] Т. е. «Повелитель».

Приложение 4

Пространная запись
утвержденного турецким султаном
Мехмедом IV
Бахчисарайского договора[1]
Апрель 1682.

(*Л. 35 об.*)

Перевод с утверженной же[2] грамоты турского Магметь салтана, какову он блаженные памяти к великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и

[1] Было опубликовано с разночтениями в изд.: ПСЗ. Т. 1. № 916. С. 389–392. Стоит отметить, что в данной публикации наряду с опечатками выявлены фразы, подвергшиеся замене и переработке. Например, фраза «нашего храбрства состоитца» заменена на «нашего самодержавия», «и от капитана князей его» — на «гетманом и земленачальником его» и т.д.

[2] Слово вписано над строкой.

Белыя Росии самодержцу послал з дьяком с Прокофьем // (*л. 36*) Возницыным.

Переведена в нынешнем во 191-м [1682. — *М.Я.*] году сентября в 9 день с турского писма.

В начале грамоты написано золотом по-арапски:

«Несть Бога, разве единаго Бога, дающаго победу на сопротивных крепкою силою своею».

Пониже написано золотом же:

«Во имя Бога милостиваго, свыше благоизообилие[3] дающаго».

Еще пониже написан узел[а] золотом же[4], а в нем написано:

«Салтан Мухаметь, салтан Ибрагим-ханов сын».

А после узла написано чернилы.

Знак святой, высокой, именитой // (*л. 36 об.*) государствия и великого царствия нашего. Се есть узел, знаемой и почитателной между всего света дивной промыслом божиим и милосердием Вышняго Творца во благополучие и обычаи держания царствия нашего.

Всех благих творца всемогущаго, неприступнаго, невидимаго, приснохвалимаго и приснославимаго единаго Бога и Господа помощию, милостию и пророком началнейшаго Магаметя Мустофы, над ним же да будет Божие благословение ево многих и великих чюдес изообилием[5], святаго дому оберегатель, сопротивных покоритель, государь славный, между царей земских избраннейший, стень Божия на земли, повелителем повелитель, Греческих и Арапских, и Персидцких государств облаадатель[6], Джемского[б] государства повелитель и царь Терлских и Дилимских[в] земель, // (*л. 37*), украшенный царским венцем древних царей, имеючи воинскую силу многочисленную, очищатель и отверзатель земель и крепких городов, вторый Александр[г] царь, царь славный между цари, святых градов и мест — Богом почтеннаго Меки, святосияющаго и святоточиваго Медыни[д] и святаго града Иерусалима, Белого[е] моря и Черного моря, Румели и Анатолии, римлянов[ж] и караманов, Эрзрюма и Месопотамии, Тюръдской[з] и Лорской[и], и Грузинских земель, Египта, Дамаска, Антиохии, Суйди и Бирюта[к], и Тарабулуса[л], еще ж ото всех желаемаго Царяграда и Хале-

---

[4] Слово вписано между строк.

[5] Так в рукописи.

[6] Так в рукописи.

па[м], и всей Арапской земли, Вавилона, Бастры[н], Будума[о], Босны[п], Дымышвара[р], Канлыжи[с], Эгри[т], Варата, Уивара, Украины и Подолия[7], и Азии[у], и западных стран Африки, Дизьарь[8ф] и Критцкого острова, кипчацких степей, волохов и мултянов, Эрделской[х] земли[9] // (*л. 37 об.*) и с подлежащими к ней землями, и опричь сих, крепкою силою своею и царским мечем своим покоривый и страха ради поддавшихся несколько государств и владений, царь и великославной государь над государи, сопротивным страшный победитель, салтан Магометь хан, салтан Ибрагим ханов сын салтан Агмет ханова сына. Изволением убо Божиим и его промыслом лучилося открытися делом нужным вере и роду нашему те дела строить и годно видехом.

По извычаю прадедов наших домогался всяким нашим государским промыслом несколко земель покорити, несколко земель управити и усмирить, годно нам показалося бедных и богомолных людей успокоить, для того пожелал сам ехать[ц]. А затем междо нами, государи, не за какие дела прежней мир наш с московским царем нарушился, для того с несметными и с честными своими войски на Московскую Украину к Днепру полководцом над войски[10], дав // (*л. 38*) честное клеймо надо всеми чинами, указали ехать, яко лев страшнейший, неверных усмиритель, нужнаго дела совершитель, между великих степеней великий государь, Бога ради врат отверзатель, неверных очищатель, милостивый высокий государь, Бога ради храбрый, болшому везирю нашему, почтенному полководцу Мустофе-паше[ч]. И с ним честное войско свое послал по указу нашему наше государево войсковое дело всчинать. И междо ими бой и побиение было, и огненные бои были. И в тех боях многие искры огненные разсыпались, тамошних стран подданные у нашего несметнаго войска, у людей под коневыми копытами достались, а которые остались всех поранили и безмочных чинили, а естли б еще над ними промысл чинили, доброе и худое повелением Божиим явно учинилось бы.

А после того нашего величества желали для храбрства ис Цареграда // (*л. 38 об.*) своею особою во Андрианополе зимовать

[7] Так в рукописи.

[8] Так в рукописи.

[9] Слово вписано под строкой.

[10] Фраза «на Московскую Украину к Днепру полководцом над войски» вписана на полях слева, место вставки обозначено «+».

тот год в первой весне, в честное время с неизчетными готовыми войски на ту сторону наш государской великой поход готов[11] был. Но сего времяни, дабы подлинно сий огнь воденым поливанием погашен был, глаголющи, донесли нам: преизбраннейший между государей во Иисусове законе, избраннейший месийского закону повелитель, нужных дел исполнитель, многих христианских народов Московского государства царь, к нему подлежащих всех Росийских государств повелителей повелитель и облаадатель[12] Феодор Алексеевичь, его же конец благополучен да будет, с стороны его величества ко вместилищу благошествия начала власти, державы наследнику, благополучия прибавителю, имеющему силу и крепость, имение и достоинство ханского рода, отменитому скифские породы, избраннейшему, прелюбезнейшему[13] благосчастливой // (*л. 39*) Порте моей по-настоящему крымскому хану Мурат-Гирею, кь его высочеству, послы приехали. Поговоря, в ответех договорились, и мир учинили междо обоих государств, вновь в соседцкой прежней дружбе, как прежде сего отцы наши и деды с вашими отцем и дедом в правде и дружбе по-прежнему соседству бывали, чтоб государствы были в покое и в тишине по упрошению у холопа нашего, у крымскаго хана. И холоп наш, крымской хан, во всех сих делех высочества нашего с стороны посредником учинился. В Крыму о том миру договорились, на несколко статьи крепко укрепили и, запись написав, хану дали. А ту запись хан прислал к нам. И та запись к нам дошла, против той записи прошение было с нашие стороны, и о том нам доложили. И наше величество милостиво учинили, многим народом для покою годно учинилось по их желанию, // (*л. 39 об.*) что прислал хан запись. И с тем присланным о содержании с нашие стороны против того запись послана.

А ныне против той нашей записи с вашие царские стороны к нашему высочеству великий посол с посолскими делами приехал, Исусова закону присланный ваш посол для великих посолских дел Прокофей Возницын. Что он привез грамоту, и мы приказали тое грамоту перевесть, и по переводу наместник и посредник болшой везирь-азем[ш] нашего высочества докладывал: посредствовал с обоих сторон крымской хан для миру и против

---

[11] Слово вписано над строкой.

[12] Так в рукописи.

[13] Слово вписано на полях слева, место вставки обозначено «+».

записи наместника нашего от нас, великого государя, обещательные грамоты упоминался и желал. И нам, великому государю, о том ведомо учинилось, и по желанию вашему мы, великий государь, как в записи написано, о тех статьях и сверх того, о чем посол договор учинил, восприяли, против нашего великого государя наместникова писма грамоту // (*л. 40*) сее обещательную дали в том, что от пророка нашего, солнца сияющаго обоих светов, последняго всех пророков на оном свете, заступника грешным, Богу возлюбленнаго, посланного его величества, от погребения Мухамметь Мустафеева лета 1091-го [1682. — *М.Я.*] генваря 3-го дня на дватцать лет мир учинили и срок постановили. По тому шертованию междо нами быти рубежем Днепру, а сей[14] стороны Днепра под владетелством нашего храбрства состоитца, кроме Киева и прежних приналежащих х Киеву, Василкова, Триполья, Стаек, городков и иных городков, как прежде х Киову належали, быть Киеву по-прежнему рубежу. Подданным вашего владения от Киева даже до Запорожья по обоим сторонам реки Днепра городов не строить. А с тое стороны Днепра промышленников, для своей потребы дров брать приходящих // (*л. 40 об.*) после постановления мира, никому не имать. А на той стороне Днепра подданные московского царя, живущие, на сю сторону для промыслу, пасеки чинить и для рыбные ловли, и для сенного покосу, и для взятья соли ходить имеют и по прежнему платить им пошлину[15]. И после того мирного постановления тем промышленником, пошлины заплатя, против мирного договору нихто б помешания не чинил и не отказывал.

Для сего благодатного мира послали есми по всем порубежным городом ко владетелем и жителем, ко всяким началным людем и ко всему ратному народу, и х крымскому хану и войску татарскому, и подданным их татарским народом, чтоб на места под владением московского царя войною не ходили и против мирнаго договору никакой вражды не чинили, для того мы, великий государь, сию обещательную грамоту дали не убавливая и не прибавливая, но всему крепко // (*л. 41*) содержанну быть по сей нашей клятве.

А с стороны хана крымского, какова дана шертная грамота, на чем постановлен и договорен междо вами мир, и тому быти

---

[14] На полях справа помета: «NB», место вставки обозначено «˘˘».

[15] В рукописи ошибочно «пошлина».

крепко междо вами содержану. А после того, хотя премена будет хану крымскому и учинитца какая междо вами ссора, в то время послать послов, розведав подлинно. Аще же до совершения урочных лет мира, за год или за два, о обновлении миру с стороны московского царя прошение будет, и то прошение обоих сторон к ползе.

Да будет принято у нашего высочества подданные обоих стран Днепра без обиды, которые похотят своею волею с сее стороны или с той стороны на сю сторону переходить, нихто бы их не задержал, и которые на воинском времяни[16], взятой полон ими розменятца по прежнему обычаю. И с московские стороны которые чернцы или иные какие люди // (*л. 41 об.*) похотят по своему обещанию молитца, ко святому Иерусалиму ехать, и на украинных наших местех по прежнему обычаю подорожные им давать и им никаковы обиды и утеснения не чинить.

А после того отныне же объявляю подлинно, яко во время благословеннаго царствия моего всегдашние державы моей по согласию и утвержению статей, которые написаны являютца, чтобы содержаны и сохранены с великим подкреплением были. И дондеже с стороны прежде реченнаго царя и от капитанов, и князей его, и от иных не обьявитца каково дело противно миру, ссор и разрушения миру не чинити и дондеже хранити будут в правде дружбу, како подобает. Такожде и с стороны государства моего страшною и крепкою клятвою кленуся имянем сотворившаго небо и землю, его же высочество да вознесетца, и великим пророком нашим[17], // (*л. 42*) обоих светов солнца и множеством многих чюдес ево, Магаметем Мустафою, его же да благословит иже в вышних, да не будет с стороны моей пременение, ниже разрушение, много ниже мало, ни в одной вещи от статей, иже между нас согласишася во время многолетнаго царствия моего, и в летах всегдашния державы моей да будут утвержены и укреплены согласия и союз сего мира и любви. И да будут крепкие и нерушимые договоры и составление мира и любви, и подданные, на тех землях живущие, да будут под сению счастливого благоприятия моего и милосердия, и да будут в тишине и в безмятежности радующеся.

---

[16] В рукописи «врямяни».

[17] Слово вписано под строкой.

Писано от пророка нашего погребения 1093-го [1682. — *М.Я.*] году месяца рабиель ахирь [апреля месяца. — *М.Я.*].

В конце грамоты написано чернилы // (*л. 42 об.*) под тремя точками: «Писано во дворе нашем Константине граде».

РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. Д. 3. Л. 35 об. – 42 об.

Примечания:

[а] Речь идет о тугре — знаке правителя, в котором содержится его имя и титул.

[б] Речь идет о территориях, входивших в состав Парфянского царства.

[в] Речь идет о территории Малой Азии.

[г] Имеется в виду царь Александр Македонский (356–323 до н.э.).

[д] Имеется в виду Медина.

[е] Имеется в виду Средиземное море.

[ж] В латинском варианте грамоты речь идет о греческих землях.

[з] В латинской грамоте — «Kiurdistanis». Речь идет о территориях, расположенных в Западной Азии в пределах Армянского и Иранского нагорий.

[и] Речь идет о территории древнего Лорийского царства (Армения).

[к] Речь идет о территории совр. Ливана.

[л] Регион в северной части Африки, совр. Ливия (др. Триполитания).

[м] Имеется в виду Алеппо, территория совр. Сирии.

[н] Имеется в виду Басра, территория совр. Ирака.

[о] Имеется в виду Буда, территория в Центральной Европе, совр. Венгрия.

[п] Речь идет о территории, расположенной в северной части Балканского полуострова.

[р] Имеется в виду Тимишоара, территория совр. Румынии.

[с] Имеется в виду Канижа, территория совр. Сербии.

[т] Речь идет о территории совр. Венгрии.

[у] По всей видимости, речь идет об ошибке переводчика Посольского приказа. В латинском переводе договора в данном фрагменте текста фигурирует «Borisphenis» — Днепр. В османском языке этот топоним передается как Özi или Özü; в русском переводе, как представляется, Днепр–Özi превратился в «Азию». Возможно также, что речь идет об эялете Озю-Силистра.

[ф] Имеется в виду Алжир, территория Западной Африки.

[х] Имеется в виду Трансильвания.

[ц] Речь идет о польско-турецкой войне 1672–1676 гг., в некоторых кампаниях турецкий султан Мехмед IV лично возглавлял османскую армию.

[ч] Речь идет о великом визире Кара Мустафе-паше и походе на Украину в 1678 г.

[ш] Т. е. великий визирь.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВД — Акты, относящиеся к истории Войска Донского
АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России
АИ — Акты исторические
АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
КРО — Кабардино-русские отношения
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РБС — Русский биографический словарь
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА):
   Ф. 79. Сношения России с Польшей:
   Оп. 1: кн. 160, 189.
   Ф. 89. Сношения России с Турцией:
   Оп. 1: кн. 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23.
   Оп. 3: 1682: д. 3.
   Ф. 111. Донские дела:
   Оп. 1: кн. 3, 4, 4а.
   Ф. 123. Сношения России с Крымским ханством:
   Оп. 1: кн. 61, 62.
   1679: д. 12.
   Ф. 124. Малороссийские дела:
   Оп. 1: 1676: д. 5, 6, 8, 10, 15.
   1677: д. 5, 10, 11, 13, 15, 16, 23, 24, 26, 28, 30, 31, 32.
   1678: д. 3, 5, 6, 10, 11, 17.
   1679: д. 7, 10, 13, 15, 16, 21.
   1680: д. 2, 6.
   Ф. 155. Иностранные ведомости (куранты) и газеты:
   Оп. 1: 1678: д 3, 4.
   1679: д. 1, 4.
   Ф. 210. Разрядный приказ:
   Оп. 9. Столбцы Московского стола: д. 505, 708.
   Оп. 12. Столбцы Белгородского стола: д. 833, 847, 848, 850, 866, 869, 872, 947, 958, 1002, 1139, 1157, 1205, 1301.
   Оп. 19. Столбцы Севского стола: д. 310, 338.
   Ф. 229. Малороссийский приказ:
   Оп. 1: д. 154, ч. 1 и 2.
   Оп. 2: д. 50.
   Оп. 3: д. 173.
2. Osterreichisches Staatsarchiv (Австрийский государственный архив). Haus-, Hof- und Staatsarchiv.
   Turkei.
   148. Turcica.
   149. Turcica.

Опубликованные источники

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1842. Т. 4.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1842. Т. 5.
3. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 5: 1633–1699. СПб., 1853.
5. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 11: 1672–1674. СПб., 1879.
6. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. 1675–1676. СПб., 1882. Т. 12.
7. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1886. Т. 13.
8. *Величко С.В.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Киев, 1855. Т. 3.
9. *Боплан Г.Л. де.* Описание Украины. М., 2004.
10. *Гордон П.* Дневник. 1677–1678 гг. М., 2005.
11. Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969.
12. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. СПб., 1852. Т. 3; СПб., 1855. Т. 4.
13. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1857. Т. 6; СПб., 1859. Т. 7; СПб., 1875. Т. 9.
14. Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся. М., 1791. Ч. 17.
15. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантышем-Каменским и изданные О.[М.] Бодянским. М., 1858. Ч. 1.
16. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. М., 1957. Т. 1.
17. Книги Разрядныя, по официальным оных спискам, изданныя с высочайшего соизволения II-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1855. Т. 2.
18. *Кочегаров К.А.* Потери Войска Запорожского в Чигиринской кампании 1678 г. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 2. С. 348–431.
19. Летопись Григория Грабянки. Киев, 1854.
20. Літопис Самовидца. Київ, 1971.
21. *Марсильи Л.Ф. де.* Военное состояние Османской империи с ее приращением и упадком: В 2 ч. СПб., 1737.
22. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса). М., 1987.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 1: 1649–1675; Т. 2: 1676–1688. СПб., 1830.

24. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг. Элиста, 2003.
25. Расспросные речи полуголовы московских стрельцов Алексея Матвеева сына Лужина об обороне Чигирина / [Публ. П.В. Седова] // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 500–507.
26. *Рикот П.* Монархия Турецкая, описанная через Рикота, бывшаго английского секретаря при Оттоманской Порте. СПб., 1742.
27. *Смирнов В.Д.* Кочибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.
28. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.
29. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1825. Ч. 4.
30. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бакчисарайского договора. Одесса, 1850.
31. *Тверитинова А.С.* Второй трактат Кочибея // Учен. зап. Ин-та востоковедения. М., 1953. Т. 6. С. 212–268.
32. *Филарет (Гумилевский Д.Г.).* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Харьков, 2005. Т. 1.
33. *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков: В 2 т. Владимир, 1903.
34. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М., 1961. Вып. 1; М., 1979. Вып. 2.
35. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия: Крым и сопредельные области: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). 2-е изд., испр. и доп. Симферополь, 2008.
36. Bir gazavat-nâme türü olarak Hüseyin Behcetî'nin Mi'râcü'z-zafer Adlı Zafernâmesi (H.1088/M.1678). Isparta, 2010.
37. *Cantemir D.* The History of the Growth and Decay of the Othman Empire. L., 1734. Pt. 1; 1735. Pt. 2.
38. *La Croix F. de*. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie. P., 1689.
39. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand, Czars de Russie. Rome, 1859.
40. Râşid Mehmed Efendi ve Çelebizâde İsmaîl Âsım Efendi. TÂRÎH-İ RÂŞİD ve ZEYLİ. (1071–1141 / 1660–1729). 1 cilt. (1660–1703). İstanbul, 2013.
41. Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawe pod Czehryń // Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego, wojewody chehniriskiego, do Turcji w latach 1677–1678. Warszawa, 1907. T. 20. S. 359–378.
42. Silahdar Fındıklılı Mehmed Ağa, Zeyl-i Fezleke ZEYL-İ FEZLEKE (1065-22 Ca.1106 / 1654-7 Şubat 1695). İstanbul, 2012.
43. *Vuslatī Alī Bey*. Ġazā-nāme-i Çehrīn. Ankara, 2003.
44. *Woliński J.* Materiały do dziejów wojny polsko-tureckiej 1672-1676 roku // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Warszawa, 1965. T. 11. Cz. 2. S. 277–304.
45. Źródla do poselstwa Jana Gnińskiego wojewody chelmińskiego do Turcyi w latach 1677–1678. Warszawa, 1907. T. 20.

Литература

1. *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII — начала XVIII века. СПб., 2022.
2. *Аваков П.А.* Османский Азов 1475–1696 гг.: Топонимия, планировка и фортификационные сооружения // Восток (Oriens). 2021. № 2. С. 229–243.
3. *Аваков П.А.* Русско-турецкая война 1672–1681 годов в Северо-Восточном Приазовье // Славяноведение. 2020. № 4. С. 14–29.
4. *Алмазов А.С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012.
5. *Алферова Г.В., Харламов В.А.* Киев во второй половине XVII века. Киев, 1982.
6. *Апанович О.М.* Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії: 50–70-і роки XVII ст. Київ, 1961.
7. *Аракчеев В.А.* О причинах перехода к подворной системе налогообложения в 1679–1681 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год: Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. М., 2015. С. 118–125.
8. *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в борьбе с Османской империей (1683–1699) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 295–328.
9. *Бабулин И.Б.* Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М., 2015.
10. *Багалей Д.И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Киев, 1889.
11. *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии. Харьков, 1886.
12. *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887. Т. 1.
13. *Байер Г.З.* Краткое описание военных случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу // Древние азовские и крымские известия. СПб., 1782.
14. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обозрение сношений России с иностранными государствами. М., 1897. Ч. 3.
15. *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1904. Кн. 8.
16. *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.
17. *Белов М.Н.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII веках: (Экономика, политика, культура). М., 1966.
18. *Белокуров С.А.* О Посольском приказе // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. [Отд.] IV. С. 1–170.

19. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021.
20. *Беляев И.Д.* Поход боярина Петра Васильевича Большого Шереметева в Малороссию в 1679 году // Русский архив. 1915. Т. 5. С. 13–31.
21. *Беннигсен А.* Турецкий поход на Астрахань в 1569 г. по материалам «Реестров важных дел» Османского архива // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей. Казань, 2009. С. 145–167.
22. *Брикнер А.Г.* Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878.
23. *Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008.
24. *Великанов В.С.* «Заднепровский поход 182 г.» войск князя Г.Г. Ромодановского и переяславская рада 1674 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 63–74.
25. *Великанов В.С.* Организация и численность Белгородского разрядного полка в годы Русско-турецкой войны 1672–1681 гг. // Белгородская черта: Сб. статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2019. Вып. 4. С. 35–43.
26. *Великанов В.С.* Чигиринский поход 1674 г.: Неудачная попытка установления российского контроля над Правобережьем // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 28–49.
27. *Великанов В.С., Нечитайлов М.В.* «Азиатский дракон перед Чигирином...»: Чигиринская кампания 1677 г. М., 2019.
28. *Вернадский Г.В.* История России: Московское царство. М., 1997. Т. 5.
29. *Веселовский Н.И.* Неудавшееся посольство в Крым стольника Бориса Андреевича Пазухина в 1679 году. Одесса, 1912.
30. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
31. *Витол А.В.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.
32. *Власова Л.В.* Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII – начале XVIII в. Кишинев, 1980.
33. *Водарский Я.Е.* Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 518–531.
34. *Водарский Я.Е.* Территория и население Севского разряда во второй половине XVII — начале XVIII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки исторической географии XVII в. М., 1974. С. 215–242.
35. *Володихин Д.М.* Бахчисарайский договор 1681 года: Россия как миротворец в Крымско-Днепровском регионе // Россия и Крым: 1000 лет вместе: Сб. статей памяти академика Б.Д. Грекова. М., 2015. С. 34–45.
36. *Володихин Д.М.* Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок. М., 2013.
37. *Гёкбильгин Т.* Османский поход на Астрахань в 1569 г. // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей. Казань, 2009. С. 167–174.
38. *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. Киев, 1957.
39. *Голобуцкий В.А.* Запорозьке козацтво. Київ, 1994.
40. *Григорьев А.П.* «Книга путешествия» Эвлии Челеби — источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1974. Вып. 3. С. 19–28.

41. *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. Киев, 1918.
42. *Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа. Киев, 1911.
43. *Гусарова Т.П.* Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг.: (От осады Вены до Карловацкого мира) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 238–294.
44. *Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М.* Русско-турецкая война 1686–1700 гг. М., 2022.
45. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
46. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700): Биогр. справочник. М., 2011.
47. *Дмитриева З.В., Козлов С.А.* Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб., 2020.
48. *Дорошенко Д.І.* Гетьман Петро Дорошенко: Огляд його життя та політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985.
49. *Дорошенко Д.І.* Нарис історії України. Киев, 1992. Т. 2.
50. *Епифанов П.П.* Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. М., 1976. С. 336–380. Ч. 1.
51. *Епифанов П.П.* Крепости // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 284–296.
52. *Жуков В.Д., Яфарова М.Р.* Попытка выкупа боярина В.Б. Шереметева и князя А.Г. Ромодановского из крымского плена в 1678 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 38–50.
53. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
54. *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.
55. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
56. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: Пути развития, рукописи, тексты и источники. М., 2009.
57. *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.): Очерки. М., 2004.
58. *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888.
59. *Заруба В.М.* Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького у 1648–1782 рр. Дніпропетровськ, 2007.
60. *Заруба В.М.* Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993.
61. *Заруба В.М.* Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ, 2003.
62. *Заруба В.М.* Чигиринські походи: Хроніка подій російсько-турецької війни 1676–1681 рр. Дніпропетровськ, 2013.
63. *Инальджик Х.* Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей (Ч. 2) // Крымское историческое обозрение. 2020. № 1. С. 19–44.

64. История Османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. Т. 1. 602 с.
65. Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981.
66. *Каргалов В.В.* Засечные черты и их роль в обороне русского государства в XVI–XVII веках // Военно-исторический журнал. 1986. № 12. С. 61–67.
67. *Каргалов В.В.* Московские воеводы XVI–XVII вв. М., 2002.
68. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. I // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1.
69. *Копреева Т.Н.* Русско-польские отношения во второй половине XVII века: От Андрусовского перемирия 1667 г. до «Вечного мира» 1686 г. Л., 1952.
70. *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война: Чигиринские походы 1677–1678 гг. СПб., 1911.
71. *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. XV: Руина: Историческая монография. 1663–1687. СПб., 1905.
72. *Кочегаров К.А.* Генерал Патрик Гордон и гетман Иван Самойлович в 1679–1680 гг.: (Заметка в связи с выходом очередного тома «Дневника» П. Гордона) // Славянский альманах 2010. М., 2011. С. 489–504.
73. *Кочегаров К.А.* К истории пребывания в России гетмана П.Д. Дорошенко в 1679–1685 гг. // Славяноведение. 2013. № 2. С. 17–33.
74. *Кочегаров К.А.* Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // Славяноведение. 2011. № 2. С. 3–18.
75. *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
76. *Кочегаров К.А.* Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М., 2012.
77. *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века: Политика, дипломатия, культура: Очерки. М., 2019.
78. *Кривошея В.* Генеалогія українського козацтва: Канівський полк. Київ, 2006.
79. *Крикун М.* Між війною і радою: Козацтво правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006.
80. *Крикун М.* Турецкій похід у Правобережну Україну 1674 року // Вістнік Львівского ун-ту. Серія історична. 1999. Віп. 34. С. 123–164.
81. *Лаптева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII в. М., 2010.
82. *Левашов П.А.* Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков и их военных тут дел, начавшихся в половине X века и почти беспрерывно через 800 лет продолжающихся, с приложением нужных примечаний и разных известий касательно Крыма и берегов Черного моря. СПб., 1792.
83. *Ленченко В.А.* История и топография Чигирина в XVII веке // Гордон П. Дневник. 1677–1678. М., 2005. С. 160–184.
84. *Лисейцев Д.В.* Русско-турецкие отношения в начале XVII века: От конфронтации к сближению // Отечественная история. 2002. № 5. С. 169–177.
85. *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.

86. *Лобин А.Н.* Подготовка похода на Азов: Малоизвестный эпизод русско-турецкой войны 1672–1681 годов // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. СПб., 2010. Ч. 2. С. 29–42.
87. *Лызлов А.И.* Скифская история. М., 1990.
88. *Ляпин Д.А.* Документы о русско-турецкой войне 1672–1681 гг. в фондах Государственного архива Воронежской области // Filo ariadne. 2019. № 3 (15). С. 21–30.
89. *Максимов Н.Н.* Проект русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1672–1676) // Славянский сб. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 77–91.
90. *Малов А.* Государевы московские выборные полки солдатского строя: Командиры выборных полков // Цейхгауз. 2001. № 2 (14). С. 2–7.
91. *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677–1678 гг. // Гордон П. Дневник 1677–1678. М., 2005.
92. *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории: 1656–1671 гг. М., 2006.
93. *Малов А.* Русская пехота XVII века: Государево жалованье — служилое платье // Цейхгауз. 2002. № 1 (17). С. 10–16.
94. *Мейер М.С.* Новые явления в социально-политической жизни Османской империи во второй половине XVII — XVIII вв. // Османская империя: Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986.
95. *Мещеряков Г.П.* Русско-турецкие войны 17–19 вв. // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стб. 374–390.
96. *Миллер Г.Ф.* О малороссийском народе и о запорожцах // Исторические сочинения о Малороссии и Малороссиянах Г.Ф. Миллера бывшаго историографа российского писанныя на русском и немецком языках и хранящияся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел. М., 1846.
97. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905.
98. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998.
99. *Мининков Н.А.* Основы взаимоотношения Русского государства и донского казачества в XVI — начале XVIII вв. // Казачество России: Прошлое и настоящее: Сб. науч. статей. Ростов н/Д., 2006. Вып. 1. С. 25–37.
100. *Мицик Ю.* До історії ординського нападу на Слобожанщину 1680 р. // Зб. Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія. Харків, 1999. Т. 8. С. 205–214.
101. *Мицик Ю.* Чигирин — гетьманська столиця. Київ, 2007.
102. *Мохов Н.А.* Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961.
103. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.

104. *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма: Науч. наследие. М., 1994.
105. *Новохатко О.В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2001.
106. *Новохатко О.В.* Разряд в 185 году: (Исследование о деятельности Разрядного приказа в 1676/77 году). М., 2007.
107. *Новохатко О.В.* Россия: Частная переписка XVII века. М., 2018.
108. *Новохатко О.В.* Формирование разрядных шатров в первом Чигиринском походе 1676/77 года // Отечественная история. М., 2008. С. 47–63.
109. *Орешкова С.Ф.* Османская империя в первой половине XVII в.: Социально-экономическое положение, внутренняя и внешняя политика // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1. С. 6–28.
110. *Орешкова С.Ф.* Османская империя во второй половине XVII в.: Внутренние проблемы и внешнеполитические трудности // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 5–24.
111. *Орешкова С.Ф.* Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 34–46.
112. *Орешкова С.Ф.* Роль европейской дипломатии в развязывании русско-турецкой войны 1710–1711 гг. // Проблемы экономики и истории стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1966. С. 195–208.
113. *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.
114. *Орешкова С.Ф.* «Турецкое озеро»: Черное море в XV–XVII вв. // Восток: Афро-азиатские общества: История и современность. 2005. № 3. Май–июнь. С. 18–35.
115. *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция: Проблема формирования границ. М., 2006.
116. Османская империя в XVIII веке: Черты структурного кризиса. М., 1991.
117. Османская империя и страны Южной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.
118. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2.
119. Очерки истории Турции. М., 1983.
120. *Панашенко В.В.* 300-річчя героїчної оборони Чигирина від турецько-татарської агресії // Український історичний журнал. 1977. № 8. С. 126–130.
121. *Пенской В.В.* Военная революция в Европе и вооруженные силы России второй половины XV – XVIII вв.: От дружины к регулярной армии. М., 2004.
122. *Пенской В.В.* От лука к мушкету: Вооруженные силы Российского Государства во 2-й половине XV – XVII вв.: Проблемы развития. Белгород, 2008.
123. *Петров К.В.* Приказная система управления в России в конце XV – XVII вв.: Формирование, эволюция, и нормативно-правовое обеспечение деятельности. М.; СПб., 2005.

124. *Петросян И.Е.* Янычарские гарнизоны в провинциях Османской империи в XVI–XVII вв. // Османская империя: Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986.
125. *Петросян Ю.А.* Османская империя: Могущество и гибель: Исторические очерки. М., 1990.
126. *Петрухинцев Н.Н.* Военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние на военные формирования Липецкого края // Вехи минувшего: Учен. зап. ист. ф-та: К юбилею А.В. Райкова. Липецк, 2014. Вып. 8. С. 101–134.
127. *Петрухинцев Н.Н.* Военные и социальные структуры «черкасских» городов Белгородского разряда в 1679–1680 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 491–495.
128. *Петрухинцев Н.Н.* «Начало славных дел»: Первые преобразования Петра I в контексте внешней и внутренней политики России (1682 — рубеж XVII–XVIII вв.): (Очерки по истории ранних реформ Петра). М., 2022.
129. *Петрухинцев Н.Н.* От Чигирина до «Восточных походов» Петра I: Военные и социальные структуры Белгородского разряда в Турецких войнах последней четверти XVII в. // Белгородская черта: Сб. статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2020. С. 71–88.
130. *Петрухинцев Н.Н.* Служилые «города» по р. Воронежу на рубеже 1670–1680-х гг.: Состав военных формирований и оборонительные функции // История: Факты и символы. 2019. № 4 (21). С. 81–92.
131. *Петрухинцев Н.Н.* «Финансы войны» и офицерский корпус полков «нового строя» в военной реформе Алексея Михайловича (1663) // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 263–292.
132. *Пештич С.Л.* «Синопсис» как историческое произведение // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 284–298.
133. *Попов А.Н.* Турецкая война в царствование Феодора Алексеевича // Русский вестник. М., 1857. № 3. Ч. 1. С. 143–180; Ч. 2. С. 285–328.
134. *Селезнев Ю.В., Курбатов О.А.* Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск. 860–1700 гг. Т. 1: Справочник. М., 2019.
135. *Разин А.Е.* История военного искусства. СПб., 1999. Т. 3.
136. *Ригельман А.И.* История о донских казаках. Ростов н/Д., 1992.
137. *Ригельман А.И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. М., 1847.
138. *Рогожин А.А.* Думный дворянин генерал-поручик Г.И. Косагов // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 132–141.
139. *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003.
140. *Руссев Е.* Борьба молдавского народа против Оттоманского ига. Кишинев, 1968
141. *Санин Г.А.* Положение Украины в составе России во 2-й половине XVII в. и внешняя политика России. Смоленск и Белоруссия в годы русско-польской войны (1654–1667) // Российская империя от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 160–206.

142. *Санин Г.А.* Русско-крымские и русско-турецкие отношения в связи с изменением границ России в XVI–XVII вв. // Российская империя от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 146–159.
143. *Седов П.В.* Закат Московского царства. СПб., 2008.
144. *Седов П.В.* Оборона Чигирина в 1677 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002.
145. *Селифонтов Н.Н.* Очерк служебной деятельности и домашней жизни стальника и воеводы XVII столетия Василья Александровича Даудова // Летопись занятий Археографической комиссии за четыре года. СПб., 1871. Вып. 5. Отд. I. С. 1–196.
146. *Семенова Л.Е.* Валашско-русские связи конца XVII — начала XVIII вв. М., 1963.
147. *Сень Д.В.* Донское казачество и османский Азов: Культура пограничных отношений // Казачество в тюркском и славянском мирах. Ростов н/Д., 2018. С. 225–235.
148. *Сень Д.В.* Русско-крымско-османское пограничье: Пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.): Избранные труды / Отв. ред. В.В. Трепавлов. Ростов н/Д., 2020.
149. *Сень Д.В.* Эволюция русско-крымско-османских отношений и «новый пограничный порядок»: Сопротивление и конформизм на южном пограничье (рубеж XVII–XVIII вв.) // Ежегодные науч. чтения Калмыцкого науч. центра РАН – VIII. 2019. С. 58–64.
150. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
151. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв.: В 2 т. М., 1946. Т. 2. (Учен. зап. Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова; Вып. 94).
152. *Смолій В.А.* Традиціи державности на правобережній Україні (друга по-ловина XVII — початок XVIII ст.) // Сереньовічна Україна. 1994. Вип. 1.
153. *Сокирко О.* Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2006
154. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VII. Т. 13–14.
155. *Степанков В.С.* Боротьба України і Польщі проти експансії Османської імперії у 1676 рр. // Україна і Польща в період феодалізму: Зб. наук. праць. Київ, 1991. С. 112–129.
156. *Стецюк К.І.* З історії боротьби російського і українського народів проти агресії шляхетської Польщі й султанської Туреччини у другій половині XVII ст. // Український історичний журнал. 1983. № 3. С. 25–41.
157. *Стецюк К.І., Панашенко В.В.* Боротьба проти агресії шляхетської Польщі та султанської Туреччини в другій половині XVII ст. // Історія Української РСР. Київ, 1979. Т. 2. С. 81–98.
158. *Таки В.В.* Царь и султан: Османская империя глазами россиян. М., 2017.
159. *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста, 2018.

160. *Тепкеев В.Т.* Отношения Крымского ханства с Калмыцким ханством в XVII в. // История крымских татар. Казань, 2021. Т. 3.
161. *Топычканов А.В.* Крымский посол Сефер Ага в Галиче (1678–1681) // Город Галич: История возникновения и развития: Материалы республиканской науч.-практ. конф. (Галич, апрель 2006 г.). Галич, [2008]. С. 57–64.
162. *Торопицын И.В.* Участие астраханских юртовских татар в походе в Крым в 1675 г. под началом князя К.М. Черкасского // Современные тенденции развития науки и технологий: Периодический науч. сб. по материалам XX Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 30 ноября 2016 г. 2016. № 11-8. С. 30–36.
163. *Фаизов С.Ф.* Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667–1677 гг.: (От Андрусовского перемирия до начала первой русско-турецкой войны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985.
164. *Фаизов С.Ф.* Краткая статистика дипломатических миссий в русско-турецких взаимоотношениях XVI–XVII вв. // Фаизхановские чтения: Материалы IV ежегодной науч.-практ. конф. «Развитие институтов многонационального и поликонфессионального Российского государства» (22 марта 2007 г., г. Нижний Новгород). Н. Новгород, 2008. С. 43–45.
165. *Фаизов С.Ф.* Поминки-«тыш» в контексте взаимоотношения России с Золотой Ордой и Крымским юртом: (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3. С. 49–55.
166. *Фаизов С.Ф.* Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг.: (Обзор боевых действий) // Славянский сб. Саратов, 1993. Вып. 5. С. 98–116.
167. *Федосов Д.Г.* Полковник и инженер против Блистательной Порты // Гордон П. Дневник 1677–1678. М., 2005. С. 3–21.
168. *Федосов Д.Г., Рыженков М.Р.* Сокровище оцененное: Дневник Патрика Гордона и его рукопись // Средние века. 2017. Т. 78. № 3. С. 180–195.
169. *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.
170. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 108–148.
171. *Флоря Б.Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе (1667–1671 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 76–108.
172. *Флоря Б.Н.* О русских проектах антиосманской коалиции (1679–1680 г.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 71–90.
173. *Флоря Б.Н.* Османское наступление на Правобережной Украине (1674 г.) и русско-польские отношения // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 94–104.
174. *Флоря Б.Н.* Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673–1676) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 61–75.
175. *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 74–88.

176. *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 76–87.
177. *Флоря Б.Н.* Россия, Ян Собеский и гетман Михаил Пац в 1674–1675 гг. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59) С. 5–11.
178. *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения во время Чигиринских походов (1677–1678 гг.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. № 1 (79). С. 45–67.
179. *Флоря Б.Н.* Трудности государственной власти при использовании вооруженных сил в России второй половины XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2023. № 3 (93). С. 92–98.
180. *Форстен Г.В.* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Сент.
181. *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
182. *Ходырева Г.В.* Российско-турецкие переговоры 1681–1682 годов о ратификации Бахчисарайского мирного договора // Отечественная история. 2003. № 2. С. 151–162.
183. *Ходырева Г.В.* Украинский вопрос во внешней политике России в 1673–1676 гг. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 11. С. 86–95.
184. *Чепухин А.Г.* Защита Приосколья во время русско-турецкой войны 1672–1681 гг. // История военного дела: Исследования и источники. 2016. Т. 8. С. 38–84.
185. *Чепухин А.Г.* «Пролом» Новооскольского вала в 1673–1677 годы // От Донца до Ворсклы: Сб. статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016. С. 70–76.
186. *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.
187. *Чухліб Т.* Козаки та яничари: Україна у християнсько-мусульманских війнах 1500–1700 рр. Київ, 2010.
188. *Шамин С.М.* Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020.
189. *Шамин С.М.* Иностранная пресса о борьбе России и Турции за Украину в 1676–1681 годах (по материалам курантов) // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. 2002. Вып. 2. С. 138–152.
190. *Шамин С.М.* Иностранные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М., 2020.
191. *Шамин С.М.* Куранты времени правления Федора Алексеевича: К проблеме заинтересованности Московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.
192. *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. СПб., 2011.
193. *Шамин С.М.* Переводчики на Турецкой войне: Абрахман Тевкелев в полку князя Г.Г. Ромодановского (1674) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 573–577.

194. *Эварницкий Д.И.* Вольности запорожских козаков. [2-е изд.] СПб., 1898.
195. *Эварницкий Д.И.* История запорожских козаков: В 3 т. СПб., 1897. Т. 2.
196. *Эскин Ю.М.* Местнические конфликты в эпохи войн и смут конца XV – XVII веков: Местничество в пространстве социально-политических отношений и на театрах военных действий в России раннего Нового времени. М., 2020.
197. *Яковенко Н.М.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ, 1997.
198. *Яковлева Т.Г.* Руїна Гетманщини: Від Переяславської ради – 2 до Андрусівської угоди (1659–1667 гг.). Київ, 2003.
199. *Agoston G.* Guns for the Sultan. Military Power and Weapon Industry in the Ottoman Empire. Cambridge, 2005.
200. *Belkin Stevens C.* Russia's Wars of Emergence 1460–1730. L.; N. Y., 2013. (Modern Wars in Perspective).
201. *Davies B.* The Second Chigirin Campaign: Late Muscovite Military Power in Transition//The Military and Society in Russia, 1450–1917. Leiden, 2002.
202. *Goffman D.* Negotiating with the Renaissance State: the Ottoman Empire and the New Diplomacy // The Early Modern Ottomans: Remapping the Empire. Cambridge, 2007. P. 63–70.
203. *Goffman D.* The Ottoman Empire and Early Modern Europe. N. Y., 2002.
204. *Fisher A.W.* Muscovite-Ottoman relations in the sixteenth and seventeenth centuries // Humaniora Islamica. An annual publication of Islamic Studies and the Humanities. P., 1973. Vol. 1.
205. *İlgürel M.* Osmanlı-Ukrayna Münasebetlerinin Başlaması // Belleten. Ankara, 1996. Cilt 60. Sayı 227. S. 155–164.
206. *Inalcik H.* Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire. 1600–1700 // Inalcik H. Studies in Ottoman Social and Economical History. L., 1985.
207. *Inalcik H.* The Ottoman Empire. Classical Age 1300–1600. L., 1973.
208. *Inalcik H.* The Ottoman Empire: Conquest, Organization and Economy. L., 1978.
209. *Inalcik H.* The Turkish Impact on the Development of Modern Europe // The Ottoman state and its place in World History. Leiden, 1974.
210. *İnbaşı M.* Ukrayna'da Osmanlılar: Kamaniçe seferi ve organizasyonu (1672). İstanbul, 2003.
211. *Hajda L.A.* Two ottoman Gazanames concerning the Chyhyryn Campaign of. 1678 (Ukraine, Europe, Middle East). PhD. Harvard Univ., 1984.
212. *Hammer J.* Histoire de l'empire Ottoman. P., 1838. T. 11.
213. *Karaköse H.* Çehrin Seferi ve Osmanlı'nın Ukrayna Politikası // Merzifonlu Kara Mustafa Paşa Uluslararası Sempozyumu, (08–11 Haziran). Merzifon, 2000. S. 155–171.
214. *Kołodziejczyk D.* Podole pod panowaniem tureckim: Ejalet Kamieniecki 1672–1699. Warszawa, 1994.
215. *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011.

216. *Kočegarov K.* The Moscow Uprising of 1682. Relations between Russia, the Crimean Khanate, and the Polish-Lithuanian Commonwealth // The Crimean Khanate between East and West. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 2012. Bd. 78. P. 59–73.
217. *Köse O.* Merzifonlu Kara Mustafa Paşanın Rusya Siyaseti // Merzifonlu Kara Mustafa Paşa Uluslararası Sempozyumu, (08–11 Haziran) Merzifon, 2000. S. 107–117.
218. *Kurat A.N.* Rusya Tarihi: Başlangıçtan 1917'ye kadar. 2-ci baskı. Ankara, 1987.
219. *Murphey R.* Ottoman warfare 1500–1700. New Brunswik, 1999.
220. *Öztuna Y.* Başlangıcından zamânımıza kadar büyük türkiye târihi. IV cilt. İstanbul, 1964.
221. *Öztuna Y.* Büyük Türkiye Tarihi. İstanbul, 1983. 5 cilt.
222. *Rasim A.* Osmanli tarihi. Ankara, 1968. 2 cilt.
223. *Rawita-Gawroński F.* Ostatni Chmelniczenko (Zarys monograficzny). 1640–1679. Poznań, 1919.
224. *Tökel D.A.* Şâirin Tarihe Düştüğü Not: Şâir Gözüyle Merzifonlu Kara Mustafa Paşa ve Çehrin Seferi // Merzifonlu Kara Mustafa Paşa Uluslararası Sempozyumu, (08-11 Haziran) Merzifon, 2000. S. 371–382.
225. *Uyar M., Erickson E.J.* A military history of the Ottomans: from Osman to Ataturk. Santa Barbara, California, 2009.
226. *Uzunçarsili İ.H.* Osmanli tarihi. Ankara, 1988. 3 cilt.
227. *Wagner M.* Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676: W 2 t. Zabrze, 2009.
228. *Wimmer J.* Wiedeń, 1683. Warszawa, 1983.
229. *Wimmer J.* Wyprawa wiedeńska 1683 r. Warszawa, 1957.
230. *Witkowicz A.* Kara Mustafa nad Dnieprem. Geneza, przebieg i skutki wojny czehryńskiej 1678 r. Zabrze, 2017.
231. *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobeć Turcji i Rocji 1674–1679. Wroclaw, 1976.
232. *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959.
233. *Yilmaz Y.* The Road to Vienna: Habsburg and Ottoman Statecraft during the Time of Grand Vizier Kara Mustafa Paşa (1676–1683). 2015. Open Access Dissertations. https://docs.lib.purdue.edu/open_access_dissertations/1438 (дата обращения: 24.03.2024).
234. Yüksek Lisans Tezi. ANONİM OSMANLI VEKAYİNÂMESİ. (H.1058–1106 / M.1648–1694). (Metin ve Değerlendirme). İstanbul, 2019.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I. **События 1672–1676 гг. Военные действия на Правобережной Украине и в Северном Причерноморье** 33

1. События 1672 г. 39
2. Военные действия на Правобережье 59
   2.1. 1673 и 1674 гг. 59
   2.2. 1675 и 1676 гг. 77
3. Крымское направление 96
4. Азовское направление 104

Итоги периода 117

Глава II. **Чигиринский поход 1677 г.** 119

1. Подготовка московского правительства к кампании 1677 г. 120
2. Османские планы во время кампании 1677 г. 145
3. Военные действия 164
4. Армия князя В.В. Голицына 199

Итоги кампании 204

Глава III. **Чигиринский поход 1678 г.** 209

1. Действия московского правительства осенью 1677 – зимой 1678 г. и разработка плана будущей кампании 209
2. Официальная позиция Москвы после похода 1677 г. Посольство А. Поросукова в Османскую империю 222
3. Подготовка османского правительства к кампании 1678 г. . 235
4. Подготовка московского правительства к кампании 1678 г. 256
   4.1. Подготовка Чигирина к обороне 256
   4.2. Сведения о планах Порты. Вопросы об обороне Чигирина 268
   4.3. Сбор войск 279
5. Военные действия 295
   5.1. Начало осады 295
   5.2. Русско-казацкая армия на подступах к Чигирину 305
   5.3. Сражение за Чигиринские горы 318

5.4. Последний штурм 329
5.5. Военные потери 348
6. Международный резонанс 353
Итоги кампании 360

Глава IV. **Военная кампания 1679 г.** 364

1. Обстановка в Поднепровье осенью 1678 — зимой 1679 г. . 365
1.1. Положение Ю. Хмельницкого в конце 1678 — начале 1679 г. 382
1.2. Военные действия в Поднепровье в конце осени — зимой 1678–1679 гг. 395
1.3. Посольство В. Даудова в Стамбул и вопросы дипломатии 421
2. Летняя кампания 438
2.1. Сбор войск 439
2.2. Организация обороны Киева 450
2.3. Положение в низовьях Днепра 455
Итоги кампании 463

Глава V. **Военная кампания 1680 г.** 466

1. Военные действия в Поднепровье в конце 1679 — начале 1680 г. 466
2. Подготовка к военной кампании 472
3. События в Поднепровье весной и летом 1680 г. 483
Итоги кампании 491

Глава VI. **Переговоры о мире** 493

1. Переговоры в Бахчисарае 496
2. Русско-турецкие отношения накануне ратификации Бахчисарайского договора 501
3. Позиция московского правительства и переговоры в Стамбуле 505
4. Бахчисарайский договор 509
Итоги переговоров 521

Заключение 524

Приложения 535

Список сокращений 550

Библиография 551

Научное издание

Яфарова Мадина Рашидовна

РУССКО-ОСМАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ 1672–1681 годов

Утверждено к печати
ученым советом Института российской истории
Российской академии наук

Редактор *М.Л. Береснева*
Художник *П. Палей*
Корректоры *А.Ю. Обод*, *А.К. Рудзик*, *С.О. Розанова*
Компьютерная верстка *Л.Н. Напольской*

Подписано к печати 31.10.2024. Формат 60 × 88 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 35,0. Уч.-изд. л. 30,5.

ФГБУ Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отдел редакционной подготовки гуманитарной
и естественнонаучной литературы
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28
+7(495)276-77-35, e-mail: info@naukapublishers.ru,
https://naukapublishers.ru, https://naukabooks.ru
ФГБУ Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

ISBN 978-5-02-041123-4